ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК
ДЬЯВОЛЬСКИЕ МИРЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Впервые на русском языке — романы известных мастеров американской фантастики: о таинственных и жестоких мирах, о великих битвах и бесстрашных героях, об извечной борьбе сил Добра и Зла.

- Сборник
  - Дж.Г. Смит. КОРОЛЕВА ВЕДЬМ ЛОХЛЕННА
    - 1. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ БОЯЛСЯ МАШИН
    - 2. МОРРИГАН - КИНОЗВЕЗДА ИЛИ НАСЛЕДНИЦА ПРЕСТОЛА?
    - 3. АННИС ПРИНОСИТ ЖЕРТВУ БОГИНЕ ЛЮБВИ
    - 4. ДЮФФУС ШОТЛАНДСКИЙ И ЕГО МЕЧ
    - 5. ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРАЩАЮЩИЙСЯ ЗАМОК
    - 6. ДЕМОН ПОБЕЖДЕН
    - 7. СПЕШАЩИЙ ВЕТЕР
    - 8. БИТВА С ГОЛУБЫМИ ЛЮДЬМИ
    - 9. ВЕДЬМА МОРЯ УСТРАИВАЕТ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ
    - 10. ЧЕРНАЯ АННИС
    - 11. ПОДВОДНЫЙ ГОРОД КОРОЛЯ ЛЛИРА
    - 12. В СТЕКЛЯННОЙ ТЮРЬМЕ ПОД ДВОРЦОМ
    - 13. ДВУХГОЛОВАЯ ПРИНЦЕССА
    - 14. ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА В ЛОХЛЭННЕ
    - 15. СЕСТРЫ-СОПЕРНИЦЫ
    - 16. ПОСЛЕДНЕЕ ИСПЫТАНИЕ
  - Л.Брекетт. ШПАГА РИАННОНА
    - Глава 1. ДВЕРЬ В БЕСКОНЕЧНОСТЬ
    - Глава 2. ЧУЖОЙ МИР
    - Глава 3. ГОРОД ПРОШЛОГО
    - Глава 4. ОПАСНАЯ ТАЙНА
    - Глава 5. РАБ САРКА
    - Глава 6. НА МАРСИАНСКОМ МОРЕ
    - Глава 7. ШПАГА
    - Глава 8. ТЕНЬ В ТЕМНОТЕ
    - Глава 9. ГАЛЕРА СМЕРТИ
    - Глава 10. МОРСКИЕ КОРОЛИ
    - Глава 11. СМЕРТЕЛЬНОЕ ОБВИНЕНИЕ
    - Глава 12. ПРОКЛЯТЫЙ
    - Глава 13. КАТАСТРОФА
    - Глава 14. ОТВАЖНОЕ РЕШЕНИЕ
    - Глава 15. ПОД ДВУМЯ ЛУНАМИ

- Глава 16. ГОЛОС ЗМЕИ
- Глава 17. КАРУ-ДХУ
- Глава 18. ГНЕВ РИАНОНА
- Глава 19, СУД КУИРИ
- Глава 20. ВОЗВРАЩЕНИЕ

○ Р.Мид. ОТРЯД СМЕРТНИКОВ

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12

○ Э.Гамильтон. МОЛОТ ВАЛЬКАРОВ

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10

Сборник

Дьявольские миры

Дж.Г. Смит. КОРОЛЕВА ВЕДЬМ ЛОХЛЕННА

1. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ БОЯЛСЯ МАШИН

Пегги О'Ши была моей любимой маникюршей. И это не потому, что она выполняла свою работу лучше других девушек, а потому, что в этой части города она имела самые великолепные ноги и носила самые короткие юбки.

Делать у нее маникюр - это не было тратой времени, а наоборот: сидеть здесь, в ее крохотном алькове в парикмахерской Анджело - значило получать истинно эстетическое наслаждение. Все, что я мог делать, это откинуться на спинку кресла, склонившись немного в сторону, и созерцать вид, который мог бы убить человека со слабым сердцем. Это зрелище превосходило любое шоу в Голливуде и оправдывало то, что я теряю час или около того, отрывая его от работы в книжной лавке. В тот день, когда началось это странное дело, Пегги была необычно возбуждена, а мое сердце стучало так, что я едва мог удержать свои руки в ее руках.

– Ух! - шумно выдохнул я.

– В чем дело, мистер Джэнюэр? - девушка удивленно посмотрела на меня.

– Что-нибудь не так?

Впервые с тех пор, как я узнал ее, я заметил, что у нее черные волосы и глаза голубые, как озера Эрина «имеется в виду Ирландия; ирландцы - самоназванные эриннах». Я редко отрывал взгляд от спектакля, который она показывала, и был поражен тем, что и остальная ее часть тоже приятна для обозрения.

– Что-нибудь не так, мистер Джэнюэр? - повторила она.

Возможно, она заметила капли пота у меня на лбу; бесспорно, что она почувствовала дрожь моих рук.

– Нет, ничего, - сказал я, - только внезапное короткое замыкание в моем либидо.

– В чем? - Ум Пегги не был таким совершенным, как тело.

– Либидо. Это нечто, о чем говорил Фрейд.

Она наклонила голову.

– Я не знаю никакого мистера Фрейда. Он здесь подстригается?

– Нет, не думаю, - ответил я, скрывая улыбку. - Полагаю, что он носит длинные волосы.

– О, это, наверное, один из этих битников или хиппи, - заметила она, возвращаясь к моим ногтям.

– Да, что-то вроде того, - согласился я.

На нежной внутренней стороне ее бедра я видел небольшую ямочку. Это было неподходящее место для ямочки и, казалось,

она подмигивает мне и говорит о том, как приятно было бы до нее дотронуться. Однако я знал, что это невозможно. Пегги была девушкой типа "смотри-но-не-трогай". Спектакль, который она показывала, был не случаен, но он предлагался только в качестве зрелища. Я понял это в первый же раз, когда очутился с ней за занавеской. Я позволил руке игриво опуститься на ее круглое колено, и тут же остроконечные ножницы больно укололи меня под ноготь другой руки.

– Когда же мы соберемся на прогулку, о которой говорили, Пегги? - спросил я.

– Не знаю, мистер Джэнюэр. Мы не так уж хорошо знакомы, и вы знаете, как относится к этому мой старик. Он считает, что я могу выходить на улицу только с приятными молодыми людьми-ирландцами, а я даже не знаю вашей национальности. Джэнюэр отнюдь не звучит как ирландское имя.

– Нет, конечно, но я могу сменить его на О'Джэнюэр «большинство ирландских фамилий имеет приставки "Мак" (сын) или "О" (внук)», если ты считаешь, что это поможет.

На некоторое время она серьезно задумалась, потом покачала своими черными локонами.

– Нет, не думаю, что это ему понравится. Звучит как ольстерское имя, когда вы ставите "О" перед ним, а он думает, что Дьявол родился и вырос в Ольстере. И если вообразит, что вы оттуда, он будет считать вас одним из демонов.

– Возможно, он ближе к правде, чем ты думаешь. А не можешь ли ты сказать ему, что собираешься на прогулку с подругой?

Она была шокирована.

– Я не стану так делать, мистер Джэнюэр, ведь это ложь!

Я печально закивал головой. Позор, что столько добродетели и наивности заключено в теле, созданном для любви. Я считал своим долгом освободить его от этих ненатуральных уз, но временами сомневался, что когда-нибудь добьюсь успеха.

– И к тому же, как мы будем передвигаться? - спросила она. - Ведь у вас даже нет машины. Как может человек, который хорошо одевается и имеет выгодное дело, не иметь машины?

Мне не понравился такой оборот беседы. Я не любил говорить о машинах или о чем-нибудь механическом. Это было одной из причин, почему я ходил в парикмахерскую к Анджело. Для моих волос он никогда не использовал ничего, кроме старинных ножниц. Ни электрических машинок, ни прочих приспособлений…

– Как мы поедем, мистер Джэнюэр? Я никогда не видела вас в машине.

– Я им не доверяю. Разве ты не чувствовала их взгляда, когда поворачивалась к ним спиной?

Ее голубые глаза превратились в блюдца.

– Машины смотрят на меня? Зачем они это делают?

– Они ждут возможности на тебя напасть. Ты замечала их зубы, похожие на клыки, которые люди считают решеткой?

– О, я ничего не знаю о вас, мистер Джэнюэр. Вы такой странный.

– Думаю, что мы все такие, какими делает нас судьба. Неужели нет такого местечка, куда тебе, Пегги, очень хотелось бы пойти?

– Понимаю, - протянула она. - Мне бы хотелось побывать в Лас-Вегасе.

Мне нравится смотреть, как эти маленькие колеса вертятся и вертятся и выпадает твой номер.

– Да, ты должна быть счастливой, - сказал я. - Я чувствую вибрацию твоего счастья.

Теперь она заинтересовалась. Впервые я предложил ей что-то интересное. Я подумал об этом серьезно. Может, рискнуть на поезде? Ведь, в конце концов, поездка по железной дороге - это не то, что в автомобиле…

Или то же самое? И вдруг у меня мелькнула мысль, что в поезде придется ехать очень долго, а это означает, что мы проведем там ночь.

– Не исключено, что в дороге мы будем вместе всю ночь, - заметил я. - Как твой отец отнесется к этому?

– Всю ночь? - Она села очень прямо и попыталась опустить юбку настолько, насколько могла. - Почему?

– Ты же знаешь, что путешествие на поезде потребует много времени.

– Путешествие на поезде? Зачем? Мы же можем долететь туда за полчаса или около того.

Я постарался овладеть собой, но знал, что сильно побледнел.

– О нет… Нет, мы не можем лететь!

– Почему? Это стоит не так дорого, а я знаю, что вы швыряетесь деньгами.

– Да. Я истрачу на тебя столько денег, сколько ты захочешь. Но мы не можем лететь, потому что у меня есть своя теория насчет самолетов.

– Какая же?

– Когда ты по-настоящему подумаешь о них, видно, что они притворяются. Я имею в виду - посмотришь на них… Они огромны. Как ты думаешь, сколько они весят?

– Не знаю.

– Я тоже, но, должно быть, много тонн. И я уверен, что нет такой силы ума, которая могла бы оторвать их от земли и перенести через весь континент со скоростью сотен миль в час.

– Мистер Джэнюэр, они используют реактивные двигатели. Они переносятся не силой ума, это делают двигатели. - Пегги нервно щелкнула ножницами.

– Знаю, что так говорят, но это смешно. В действительности нет силы, естественной или сверхъестественной, которая могла бы поднять ДС-8 в воздух и перенести его за три часа в Нью-Йорк.

– Но, мистер Джэнюэр, это происходит каждый день, сотни раз в день.

Если вы пойдете в международный аэропорт, то увидите, как они взлетают каждые полчаса. Шум стоит такой, что едва можно устоять на ногах.

– Да, знаю, как это выглядит, и именно это имею в виду, когда говорю, что все они большие притворщики. Они убедили всех, что умеют летать. Это вид массового гипноза. Это слово применяется, когда говорят о волшебстве, общей иллюзии.

Пегги выглядела так, будто хотела вскочить и убежать.

– Даже если вы правы, почему вы боитесь летать? Думайте о них так же, как и все остальные люди.

– Потому что это опасно. В один прекрасный момент все одновременно поймут, что эти штуки не могут летать, и тогда все они разобьются.

– Ну… тогда… - Она выпустила мои руки. - Готово, мистер Джэнюэр, вот и все.

Я неохотно оторвался от чудесного видения, поднялся, положил деньги в карман ее халатика и почувствовал при этом теплую упругость вздымающейся под ним груди.

– Увидимся в следующий раз, - сказал я.

– Да, но… может, я уйду ненадолго в отпуск. - Она достала из кармашка деньги и посмотрела на них - их было достаточно, чтобы вызвать улыбку на ее лице. - Думаю, что мы увидимся в следующий раз.

– А как насчет того, чтобы увидеться раньше? - спросил я. - Мы можем пообедать у меня с бутылкой шампанского и спокойной музыкой.

– Не знаю… - с сомнением сказала она. - Если бы вы были молодым ирландцем, все было бы просто, а так…

– Соглашайся, Пегги. Мы не будем делать ничего предосудительного, только держаться за руки, а этим мы занимаемся регулярно.

– Да, но…

– Я позвоню завтра вечером.

– Хорошо. А я узнаю, как он отнесется к этому.

Я был доволен, что она сказала "не знаю" вместо равнодушного "нет", как это всегда было раньше, и в результате едва не допустил оплошность. Я уже направился к креслу парикмахера, где поджидал Анджело, как вдруг спохватился и подошел к Пегги, доставая из кармана маленький бумажный конверт.

– Я чуть не забыл, - сказал я, подавая ей конверт.

– Да и я тоже, - ответила она и, взяв маленькую щеточку, аккуратно собрала все обрезки ногтей в конверт и подала его мне.

– Спасибо, Пегги, - поблагодарил я, пряча конверт в карман, и улыбнулся озабоченному выражению ее лица.

– Как бизнес, Анджело? - спросил я, усаживаясь в кресло.

– Не так уж плохо, мистер Джэнюэр. А как книжный бизнес?

– Великолепно. Продолжаю получать барыши.

– Не, понимаю, как вам это удается, мистер Джэнюэр. Многие книжные лавки вдоль бульвара Голливуд гораздо больше, чем ваша, но кажется, они не обеспечивают своим владельцам такого образа жизни, как у вас.

– Я скажу вам, Анджело, почему. У меня есть побочный бизнес. По вечерам я делаю прически, хотя и не вхожу в союз парикмахеров. Но вы никому не говорите об этом, ладно?

– Ну, на этом вы не разбогатеете! - засмеялся он, но потом стал серьезным. - Хорошо, что вы пришли сегодня.

– Почему?

– Потому что утром здесь был парень, который расспрашивал о вас.

Здоровенный парень в каскетке и с короткой стрижкой, как у немецких злодеев из шпионских фильмов.

– Да? - Моя шея вытянулась и вовсе не потому, что в это время ножницы бегали по голове вверх и вниз. - Чего же он хотел?

– Он пришел сюда около половины девятого, сразу после открытия.

Сказал, что хочет побриться. Я ответил, что бритьем не занимаюсь, что многие парикмахеры теперь отказываются от бритья. Он кивнул в знак того, что все понял, но не ушел, а стал расхаживать по салону и болтать про погоду и так далее. Наконец он сказал, что заглянул потому, что его друг, парень по имени Дюффус Джэнюэр, ходит сюда. Я заявил ему, что вы один из лучших моих клиентов, а он ответил, что хороший клиент должен ходить часто. Я сообщил, что вы действительно часто бываете у меня. Тогда ему захотелось узнать, стрижете ли вы волосы, делаете ли маникюр и что еще вы делаете.

Я кивнул, и Анджело продолжал:

– Он хотел знать, есть ли у вас определенный день недели, когда вы приходите к нам, и я высказался в том духе, что вы приходите тогда, когда чувствуете в этом необходимость, а иногда, когда у вас много работы, вы можете не появляться довольно долгое время.

– Это все? - Мои пальцы стиснули под белым покрывалом ручки кресла.

– Да… Хотя вот еще что. Он говорил, что волосы в парикмахерских собирают, и хотел знать, что я делаю с ними.

– И что же вы ему ответили?

– Сказал, что выбрасываю вместе с мусором.

– И…

– О, я не сказал ему, что вы уносите срезанные волосы в мешочке.

– Это хорошо, Анджело.

– И я не сказал ему, что вы уносите с собой и обрезки ногтей.

– Очень хорошо, Анджело, я вам очень благодарен, - сказал я, протягивая ему пятидолларовую бумажку, после того как он закончил работу.

– Благодарю, мистер Джэнюэр. Считаю, что на этот раз получилось весьма удачно.

– Я тоже так думаю, - засмеялся я, - но мои слова относятся не к прическе, а к тому, как вы ответили на вопросы этого типа.

– Да, - согласился он, - вы же знаете, что я не отношусь к болтунам.

В ответ я улыбнулся, но ничего не сказал. Анджело был так же болтлив, как и все парикмахеры, но мой маленький секрет он сохранил. Он собрал обрезки моих волос и положил их в бумажный мешочек. Я внимательно все осмотрел, нашел три или четыре пряди, которые он пропустил, и тоже положил их в мешочек.

– Знаете, мне даже любопытно, что вы делаете с волосами, которые уносите, - поинтересовался Анджело.

– Скажу вам, - ухмыльнулся в, - если пообещаете хранить тайну.

– Да, сэр, конечно. Мой рот будет на замке.

Я подвинулся к нему и понизил голос.

– Я собираю волосы, чтобы сделать из них подушку и подарить одной даме.

Он посмотрел на меня, не зная, засмеяться ему или принять это всерьез.

– И еще, Анджело…

– Да, сэр?

– Если этот парень придет опять…

– Да?

– И если он будет подстригаться, то сохраните мне немного его волос.

Мне бы хотелось положить и их в подушку. За это получите десять долларов.

– Да, сэр, обязательно! - Его лицо расплылось в улыбке.

Я вышел из парикмахерской и направился к себе домой. Мой дом представлял собой комбинацию книжной лавки и квартиры и располагался в нескольких кварталах оттуда, на бульваре Голливуд. Прокладывая пусть сквозь толпы туристов, рассматривающих имена кинозвезд на тротуаре, и хиппи, ждущих подачек от туристов, я с беспокойством оглядывался назад.

Кто-то проявлял интерес к моей особе, что мне очень не понравилось.

Но в настоящий момент было что-то другое. Я понял это, как только собрался шагнуть на переход, и быстро обернулся. На меня смотрел автомобиль. Это был большой, зловеще выглядевший "кадиллак" с копьевидными выступами сзади. В его взгляде я чувствовал злобу. Его похожая на зубы облицовка радиатора злобно ухмылялась, а тигриные лапы повернулись к тротуару, готовясь к прыжку.

Волна страха пробежала по мне, но я овладел собой. В такие моменты нельзя обнаруживать свои чувства. Я сжал в руке окованную сталью трость и шагнул к автомобилю.

– Мне известно о тебе все, - заявил я. - И я не такой, как все, так что тебе никогда не застать меня врасплох.

Ненависть сразу же погасла в его фарах. Я давно заметил, что машины трусят, если смело смотреть на них. Я пожал плечами и пошел дальше. Было ясно, что они ненавидят меня, но я не позволял себя запугать. Ненавидят потому, что знают обо мне, и убьют, если я предоставлю им шанс. Но я его, конечно, не дам, потому что обладаю известной мощью. Я, видите ли, волшебник, маг. Конечно, в этом мире, который мы зовем Землей, ни одно из заклинаний по-настоящему не действует, но мои способности ненавистны механическим вещам. Я мог преодолеть эту враждебность или вовсе устранить ее, убрав машины, но теперь начиналось что-то еще. Кто-то, кто занимается, очевидно, тем же, чем и я, выказывает явный интерес ко мне. Они послали человека со шлемовидной головой вынюхивать и задавать вопросы в парикмахерской, и мне это не нравилось.

Мне это совсем не нравилось. Поскольку я, как и говорил Анджело, имел побочный бизнес, но это вовсе не стрижка волос и не занятия магией. В этом нереальном мире, в котором мы живем, бесполезно быть магом, так что я имел другой бизнес. Меня

можно назвать частным детективом, но я не такой детектив, которых вы могли увидеть в телефильмах. Я никогда не стреляю из пистолета, ибо пистолеты, как и автомобили, ненавидят меня, не бью в живот женщин и вообще ни одной не ударил, за исключением женщины-волка в Санта-Монике «район Лос-Анджелеса со знаменитым пляжем», но это была самозащита в чистом виде.

Меня зовут Дюффус Джэнюэр, и я специалист по всему загадочному, закрученному и странному. С большей охотой я ношу с собой книгу заклинаний, чем пистолет, и единственный синдикат, который меня беспокоит, это синдикат сатанистов. Мои проблемы больше связаны с черной магией, чем с Черной рукой «речь идет об объединениях (синдикатах) преступников и так называемой сатанинской церкви - сектах поклонников дьявола, практикующих "черную" магию (колдовство)». Если вам будут нужны мои услуги, можете найти меня в грязной маленькой лавчонке в конце бульвара Голливуд.

Она называется "Малифациум" «"Малифациум" - название составлено из латинских корней "злой" и "дело"», и с десяти до шести я буду счастлив служить вам. Но не приходите после шести, так как потом я, возможно, буду потягивать джин в коктейль-баре напротив через улицу или в саду за магазином или буду пытаться вспомнить заклинание, которое однажды продал мне персидский маг с заверениями в том, что оно сделает любую женщину неспособной сказать "нет".

Но пока я шел от Анджело до лавки, я не думал о заклинаниях против девственности, я думал о человеке, который интересуется обрезками моих волос и ногтей. Одной этой мысли было достаточно, чтобы я содрогнулся, несмотря на жаркое солнце, палившее подлинную славу бульвара Голливуд.

2. МОРРИГАН - КИНОЗВЕЗДА ИЛИ НАСЛЕДНИЦА ПРЕСТОЛА?

Я открыл дверь "Малифациума" и вошел. Могу ли я сказать о нем, что он запущен? Нет, это слабое и невыразительное определение. Он был весь покрыт плесенью и паутиной, того и гляди, где-нибудь в углу увидишь привидение. И мне дорого стоит содержать его в таком виде. Люди, которые приходят сюда покупать книги, будут шокированы, если обнаружат новенький, современный магазин. Это разрушит мой имидж, а в нашем бизнесе образ более важен, чем в телевидении.

Войдя, я стал пробираться между пыльными шкафами и стеллажами с книгами, пока не добрался до туалетной комнаты. Здесь я достал оба пакетика - с волосами и ногтями - и спустил их содержимое в унитаз.

Конечно же, я не собирал их для подушки, но я не хотел никому давать возможность заполучить их и думать, что они имеют магическое оружие, которое могут использовать против меня. Заклинания здесь, на Земле, не действуют, но кто знает? Я был уверен, что являюсь могущественнейшим магом в Северной Америке, и у меня ни одно заклинание не действовало. Но всегда есть вероятность, что появится кто-нибудь сильнее меня и у него заклинания сработают.

Убедившись, что мои волосы и ногти находятся вне пределов досягаемости даже сверхмага, я вернулся в магазин. Она уже была здесь.

Высокая стройная женщина выглядела совсем не на месте в моей лавчонке. Мои обычные клиенты были людьми совсем другого сорта. Красивые, ухоженные женщины не читают книг, по крайней мере тех, которые продавал я. Во мне была уверенность, что никогда прежде в ее не видел, но почему-то мне были знакомы эти зеленые глаза, высокие скулы и медно-золотистые кудри волос.

Она великолепно выглядела в своем простом, но дорогом и хорошо сшитом костюме.

– Мне нужна книга, - сказала она гортанным голосом. - Можете ли вы мне помочь?

– Конечно, - ответил я, принимая важный вид предпринимателя, который всегда старался иметь в магазине.

– Вы… У вас есть книга "География ведьмовства" Монтегю Саммерса?

«специалист по вопросам оккультизма» - Разумеется, есть. - Я

повернулся к шкафу, достал с верхней полки книгу и протянул ей.

Она немного постояла, осторожно держа книгу в одной руке и перелистывая страницы. Маленькая морщинка появилась на ее гладком лбу, и она посмотрела на меня с легкой улыбкой на полных губах.

– Мне кажется, что эта книга трудна для чтения.

– Нет, если, конечно, этот предмет действительно интересует вас, - ответил я, доставая другую книгу. - Но вы можете найти книгу Теды Кеньон "Ведьмы еще живут" более интересной.

Она посмотрела на книгу с красной надписью, потом на меня и ее зеленые глаза расширились.

– Они живут? Я имею в виду… действительно живут?

– Думаю, вам лучше сесть и самой рассказать мне об этом, мисс… мисс…

Ее зеленые глаза стали еще шире.

– Вы не узнаете меня? - спросила она.

– Ваше лицо мне знакомо, но…

Ее огненные волосы взметнулись, когда она тряхнула головой и рассмеялась.

– Ну конечно! Я могла бы ожидать, что меня не узнают где-нибудь в долине Озарк «плато в штате Миссури» или на пустынном островке в Тихом океане, но здесь, на бульваре Голливуд? От вас я этого не ожидала!

– Мне показалось, что я видел вас в кино, - сообщил я, - но вы должны меня простить, мои интересы лежат в несколько иной плоскости.

– Вижу, - сказала она, с содроганием окинув взглядом книги о ведьмовстве, вампирах, ликантропии «учение об оборотнях», некромантии «некромантия - раздел черной магии, искусство вызывать души умерших», а также коллекцию предметов, использующихся на Земле для магии и служения Дьяволу. - Я - Морган Лейси. Это что-нибудь вам говорит?

– Да, еще бы, - ответил я. Она была суперзвездой кино, и ее имя проникло даже в мой уединенный образ жизни. - Могу я что-нибудь сделать для вас, мисс Лейси? Кроме продажи книг?

– Да, но… - Она с сомнением посмотрела на шумный бульвар. - Нет ли у вас более тихого места?

– Пожалуйста, пройдите сюда, - пригласил я и повел ее в свой кабинет, расположенный за рядами книжных шкафов. Когда она села и взяла рюмку коньяка, который я берегу для лучших клиентов, она заговорила:

– Видите ли… все, что я хочу сказать, очень странно… А может быть, я сошла с ума. Знаю, что не существует ни

колдовства, ни магии, но…

– Считайте, что я ваш психоаналитик, - подбодрил я ее.

– Попытаюсь.

Она глубоко вздохнула и посмотрела на меня сквозь опущенные ресницы.

В ее лице был слабый свет, а высокая, резко очерченная грудь быстро поднималась и опускалась. При взгляде на нее мой пульс участился. Она была очень хороша, эта Морган Лейси. Ее глаза были глубокими зелеными морями, волосы имели цвет новоанглийской осени, а ноги были длинными и стройными.

– Вы, конечно, догадались, что я пришла не за книгами. Я пришла сюда, потому что вас порекомендовал человек, которому я верю. Мистер Джэнюэр, обращаюсь к вам, как к последней надежде. - Она умолкла, и ее язык нервно облизал верхнюю губу. - Я очень-очень боюсь и пришла задать вопрос, который уже задала: живут ли сейчас ведьмы? Может ли женщина из Голливуда быть ведьмой? Реальны ли ее силы? Может ли она использовать их, чтобы убить меня?

– Здесь гораздо больше, чем один вопрос.

– Да, но мне сказали, что вы можете ответить на все.

– Могу. И ответ будет всего в двух словах: да, хотя…

– Это мне ничего не говорит. Что вы имеете в виду?

– Да, ведьмы существуют. Они были всегда. Они обладают силой и могут убивать. Но это совсем не то, что думают суеверные люди. У них есть сила, которая, насколько мне известно, имеет психологическую природу. Они могут убивать, но не сверхъестественными способами, а ужасом. Они не могут убить, если принять защитные меры.

Морган с облегчением вздохнула.

– Я рада тому, что вы сказали, поскольку уверена, что нахожусь в опасности.

После некоторой паузы она продолжала:

– Есть женщина, которая хочет убить меня, и она говорит, что сделает это при помощи колдовства.

– Почему она хочет убить вас, мисс Лейси?

– Это очень странная история, которая заставляет меня считать, что я сошла с ума.

– Расскажите мне ее. Почему эта женщина говорит, что хочет убить?

– Хорошо… Потому что два человека перепутали меня с кем-то…

Возможно, они готовили какой-то грандиозный розыгрыш, мистификацию или Бог знает что…

– Я не совсем понимаю.

– Говорит ли вам что-нибудь слово "Лохлэнн"?

Я покопался в памяти.

– Да. Лохлэнн - это название кельтского потустороннего мира или одного из них. В кельтской мифологии встречаются десятки стран, находящихся под землей или в небе. Тир э Бео, Тир Этх, Маг Мор, Тир Онан-Ог, Анивн и другие. Лохлэнн - это подводная страна. Утверждается, что это жилище ведьм и колдунов «в ряде ирландских саг Лохлэнн (Лохланн) - Норвегия, Страна Озер».

– Значит, это не реальное место? И оно не существует в этой части мира?

– Только в старинных кельтских легендах.

– Стало быть, и королевы не существует? Нет королевы Лохлэнна, которую послали в наш мир в виде молодой девушки, а память ее изменили?

Я уселся поудобнее.

– Лучше вы расскажите мне все.

– Хорошо. - Она поставила стакан на стол, и я налил ей еще немного коньяку. - Все началось несколько недель назад. Я была в Кармеле «Кармел, расположенный на побережье между Лос-Анджелесом и Сан-Франциско, - место фешенебельных дач» в доме одного из тех людей, которые коллекционируют странные характеры, как другие собирают редкости. На один из уик-эндов явилась эта странная пара - лорд Сион и леди Крейрви. Эти имена поразили меня. За исключением "лорда" и "леди", ничего английского.

– Возможно, это имена уэльсские, а может, кельтские. Как они выглядели?

– Очень странно. Более странно, чем хиппи и дети-цветы, которых любят разглядывать туристы. Лорд Сион выше шести футов, очень тонкий и прямой. У него большая черная борода, он одет в белую мантию, а на шее цепь с каким-то символом. Женщина исключительно красива, на ней такая же мантия, только короче, на ногах - сандалии, а волосы спускаются до самых бедер. Но не появление их встревожило меня, а мгновение, когда они меня увидели. Они смотрели на меня как парализованные. Затем они бросились ко мне и - вы не поверите - упали передо мной на колени. Они обращались ко мне, называя королевой Морриган. Сейчас меня зовут Морган, и я вовсе не пользуюсь именем Морриган, хотя оно дано мне при рождении. Откуда они его узнали?

– А что произошло потом?

– Естественно, я сказала, что не понимаю, о чем они говорят. Мужчина ответил, что, возможно, мой разум поврежден и я не понимаю, что я королева Лохлэнна Морриган. Имеет ли для вас,

мистер Джэнюэр, все это какой-либо смысл?

– Нет. Если в Лохлэнне и была королева, то я не помню ее имени.

– О, это было так жутко, особенно когда они стали уговаривать меня уехать с ними. Думаю, вы понимаете, что я убежала оттуда, как только смогла.

– Что они еще говорили?

– Они говорили что-то о моем отце, короле Аравне, который умер, и поэтому требуется мое обязательное присутствие в Лохлэнне до Биллтейнского празднества «имеется в виду широко распространенный в старину в Шотландии и Ирландии праздник Бельтана (бельтановы огни), отмечавшийся 1 мая», ведь… - как они это называли? - да, дети Ллира «Ллир (чаще употребляется написание Лер) - валлийский бог, связанный с морской стихией; предок короля Артура» рвутся в ворота Кэр Ригора.

Я записал несколько названий. Она сделала паузу и посмотрела на написанное.

– Во всем этом есть хоть какой-нибудь смысл?

Я пожал плечами.

– Дети Ллира в кельтской мифологии - народ моря. Ллир - бог моря, наподобие Нептуна. Кэр Ригор означает королевский дворец или что-то вроде этого. Ваши друзья хорошо знакомы с легендами кельтов.

– Я была уверена, что они готовят какую-то мистификацию, а может быть, и похищение. Поэтому я и сбежала оттуда.

– Вы видели их еще раз?

– Не наяву, - ответила она дрожащим голосом.

– Что вы имеете в виду?

– Мне снилось, что они пришли ко мне в спальню, сначала мужчина, а потом женщина, и опять начали уговаривать меня вернуться в Лохлэнн. Они говорили, что если я покину Лохлэнн в то время, когда я нужна ему, он перестанет существовать, что водная пучина поглотит его и что дети Ллира будут гулять по улицам Кэр Ригора, Клас Мирдина и Рот Фэйла, а колесо света никогда больше не посмотрит в лица людей.

– Говорили вы с ними во сне? - меня начало интересовать это дело.

– Да. Я спросила лорда Сиона, существуют ли они или только снятся?

– И он ответил…

– Он сказал, что они в Кармеле, но он появился здесь при помощи "таг-хаирм". - Она вопросительно посмотрела на меня.

– Таг-хаирм - это вызов издалека, одно из заклинаний, используемых кельтскими магами.

– Он говорил о моем народе, который называл фоморианe «фоморианe (правильнее фоморы) - в ирландской мифологии демонические существа, противники племен богини Дану». Он сказал, что они правят Лохлэнном с сотворения мира и ведут битву с королем зла Ллиром, так как он хочет разрушить Лохлэнн. Только если я, королева Морриган, вернусь в Кэр Ригор и буду председательствовать на Биллтейнском празднестве, детей Ллира отбросят от ворот Лохлэнна.

– Говорил ли он, как вы попадете в Лохлэнн?

– Говорил, но я мало что поняла. Я буду перемещаться частично по морю, а частично посредством чего-то, что он называл "кэр педриван".

– Кэр Педриван, Вращающийся Замок. Или вы, или ваши друзья весьма внимательно прочитали кельтские сказания.

– Я этого никогда не читала. Кроме игры на сцене и в кино, меня ничто не интересует и я ничем другим не занимаюсь с тех пор, как оставила приют.

Я был крайне удивлен и отпил добрый глоток бренди.

– Вы сирота?

– Да. Я забыла сказать вам об этом. Мои родители погибли в авиационной катастрофе, когда мне было девять лет. Меня нашли около обломков, и никто не мог понять, как я могла уцелеть. Я была в шоке и полностью потеряла память.

– У вас нет других родственников?

– Адвокаты не смогли найти ни одного. Мои родители, очевидно, были некоммуникабельны, если не сказать больше. Они провели в Европе большую часть своей жизни, путешествуя с ирландскими паспортами, но никакой связи с Ирландией не имели.

– Такая таинственность вашего прошлого придает убедительность рассказу ваших друзей и делает его вдвойне любопытным.

– Или пугающим.

– Есть еще кое-что, что меня интригует. Ваше имя.

– Мое имя? - озадаченно спросила она.

– Да, слово "Морган" может быть связано с Морганой из легенд о короле Артуре или с феями, предвещающими смерть, которые населяют водные просторы, но Морриган, как я теперь вспоминаю, была великой королевой ирландских легенд, символом ее был труп вороны «во многих легендах Морриган - божество войны». Она могла быть женой Тоатра, властителя фоморианe.

– Вы начали говорить так, будто верите во все это.

– Нет, но в этом есть какая-то странная последовательность.

– Я еще не рассказала вам о другой женщине.

– Да? Она тоже уговаривала вас вернуться в Лохлэнн?

– Нет. Она угрожала убить меня колдовством, так как, по ее словам, является законной претенденткой на престол, а я - узурпатор.

– Ну хорошо, - сказал я, закрыв лицо руками. - Расскажите мне о ней.

– Она высокая, прекрасно сложенная девушка лет двадцати с небольшим, волосы черные, а глаза еще чернее. Однажды вечером я выходила из телестудии после одного интервью, и вдруг передо мной появилась эта девушка. Казалось, она была в страшном гневе, и ее голос прерывался от ненависти, когда она говорила: "Как я поняла, эти два дурака объявили тебя королевой и хотят забрать тебя с собой в Лохлэнн!" Я ответила, что не знаю, о чем она говорит. Она засмеялась: "Ты лжешь! Лорд Сион и его тупая жена два года искали тебя на Земле. Они думают, что нашли истинную королеву, но мы-то знаем лучше, не так ли, дорогая сестричка?" Она испугала меня, и я хотела бежать, но она стиснула мою руку. "Ты умрешь, если попытаешься попасть в Кэр Ригор. Это говорю я… я, Аннис, и ты знаешь, что на мне печать Бранвен и у меня ее могущество. Если ты попробуешь украсть мой трон, ты умрешь. Если ты будешь слушать Сиона и его жену, способ, которым я убью тебя, будет крайне неприятен!" - Морган Лейси остановилась и оглядела комнату, будто ожидая увидеть тени, подкрадывающиеся к ней. Затем она посмотрела на меня и продолжала. - А потом… потом она как будто растворилась… исчезла…

– Может быть, она затерялась в толпе?

– Такое могло произойти, но не в это время суток.

– Или, возможно, это был фит-фат, заклинание невидимости?

– Так вы во все это верите? - спросила Морган, и ее зеленые глаза потемнели от страха.

– Не совсем, но несколько вопросов у меня появилось. Например… - я поднялся и достал книгу "Традиции британской мифологии" Льюиса Спенса. Я открыл ее на странице 26 и прочел до страницы 28. - Вот имена, которые вами назывались. Это имена кельтских богов и богинь, как-то связанных с морем. Давайте я вам немного почитаю еще.

– "Ллир - король моря, и его жена Ирландия. От своего брака они имели дочь Бранвен, Прекрасногрудую, богиню любви, что-то вроде пенорожденной Афродиты". - Я посмотрел на нее и засмеялся. - Если есть правда в том, что вы говорили, то девушка, которую вы встретили, это Бранвен, Прекрасногрудая, одна из дочерей Ллира, о которых поведал вам Сион.

– Значит, Аннис это имела в виду, утверждая, что на ней печать моря и оно дало ей могущество?

– Возможно. Но не забывайте, что Бранвен также и богиня любви, а ее мифологические двойники, в частности Иштар «в аккадской мифологии богиня плодородия и плотской любви», были богинями колдовства.

– А что написано о моем имени?

– Опять же в связи с морем, - ответил я и прочел:

– "Средневековые легенды рассказывают о явлении, известном под названием "фата-моргана".

Это мираж, который наблюдался многими рыбаками в летние месяцы. Когда появляется мираж, видны берега, гигантские колонны, скрывающиеся в облаках башни, грандиозные дворцы, плавающие на краю горизонта".

– Этот мираж и есть Лохлэнн?

– Если предположить, что Лохлэнн подводная страна, затонувшая земля, то "фата-моргана" можно считать ее отражением.

– Но мое имя Морган, а не Моргана, так что ко мне это не относится.

– "Моргана" просто другая форма вашего имени.

– Но прямого упоминания обо мне в книге нет?

Я прочел дальше:

– "В Британии слово "Моргана" означает "женщина моря". Морганы островов Ушант обитают в подводных дворцах, где простые смертные, которых они любят, могут жить с ними. Согласно французскому фольклору, Морганы испытывают бешеное стремление к смертным мужчинам, но удовлетворить его не могут, так как мужчины умирают от их прикосновения".

– О боже!

– Как ваша интимная жизнь, мисс Лейси?

– Я… нормально… А почему нет? - спросила она, но глаза ее опять потемнели.

– Не знаю. Думаю, вы мне расскажете.

– Хорошо… Но я надеюсь, что это просто совпадение. Год назад я вышла замуж. Через два дня после свадьбы Поль - Поль Гюнтер, сценарист, - умер… Доктора потом сказали, что это сердце, сердечный приступ.

– И вы поверили им?

– Полю исполнилось всего тридцать четыре года, и у него было отличное здоровье.

– А другие? Другие, кого вы любили?

– Их было всего двое. Билл Эллис, актер… После первого нашего свидания он умер от заражения крови. Заражение крови -

странная причина смерти в век антибиотиков, не так ли, мистер Джэнюэр? Потом был Дэвид Кинг. Он окончил жизнь самоубийством после того, как мы были… вместе…

– Три человека, и все умерли, - заметил я и вдруг обнаружил, что начал сопротивляться притягательности Лейси. Потом я увидел, что она вся дрожит и чуть не плачет, и взял ее за руку. - Все это чепуха, чистейшая чепуха!

– И то, что эта женщина угрожает мне смертью, тоже чепуха?

– Конечно, потому что заклинания здесь не действуют.

Она с удивлением посмотрела на меня.

– Что вы имеете в виду?

– Мы живем в странном мире, полном опасности, которую несут механические вещи, окружающие нас. Самолеты, летающие без видимых причин, автомобили, подкрадывающиеся к вам сзади…

Она посмотрела на меня как на сумасшедшего.

– А вы не параноик? Мне вполне понятно, почему летают самолеты, а автомобили ни к кому не подкрадываются, вне зависимости от того, смотрят на них или нет.

– Я не страдаю паранойей, а вот наш мир - вполне возможно. Моя магия здесь не действует. Еще когда я был мальчиком, я знал, что обладаю могуществом, но никогда не мог применить его. Ничто не действовало.

Независимо от того, как упорно я учился, как много прочел древних книг, как глубоко проник в оккультные науки, с каким совершенством выполнял все ритуалы.

Она осмотрела меня с ног до головы.

– Думаю, вам нужна помощь в еще большей степени, чем мне.

– Подождите, я только сказал вам, что эта девушка, которая называет себя Аннис, никак не может повредить вам в этом мире, во всяком случае, с помощью своей магии.

Морган опять выпрямилась.

– Знаю, что не может. Но есть что-то очень угрожающее в том, что она говорит.

– Несомненно, она искренна, и ее угроза реальна. Колдовство - это психологический терроризм. Оно не имеет другой реальной силы, кроме внушения. Вот почему нельзя позволять страху овладеть вами. Колдовство можно назвать примером отрицательного мышления. Если вы поддадитесь страху, то тем самым поможете тому, кто хочет вас уничтожить.

Морган улыбнулась, но беспокойство в ее глазах осталось.

– Колдовство, - продолжал я, - рассчитано на слабые точки в эмоциях, оно использует веру, часто подсознательную, чтобы уничтожить человека.

Предположим, кому-то сказали, что его околдовали. Сначала это воспринимается как шутка, а затем, после частых повторений, жертва относится к этому более серьезно. Внушение овладевает ее мозгом, разрушает пищеварение, нарушает рассудок.

– Но вы говорите, что нет никакой опасности?

– Не так. Я сказал, что в колдовстве нет ничего сверхъестественного.

Но это не означает, что оно не опасно. Оно чрезвычайно опасно, оно убило миллионы, а убьет еще больше.

Ее глаза снова широко раскрылись, а чувственные губы крепко сжались.

Меня охватило острое желание помочь им расслабиться, прижавшись к ним своим ртом, не думая о том, Моргана она или нет.

– Но из тех, кто убит колдовством, - сказал я, продолжал лекцию, - никто не умер собственно от протыкания иголкой восковой куклы, проклятий, заговоров, не зная о том, что является предметом колдовства. Поэтому я говорю, что они умерли от страха.

Морган немного успокоилась, откинулась на спинку кресла и вытянула свои длинные, красиво очерченные ноги.

– Несмотря на ваши странные рассуждения, вы мне уже помогли. Не могу передать, как я была напугана. Страх был моим главным чувством в течение нескольких последних дней.

– Страх может стать самым главным в жизни, но всегда есть способы его преодолеть. - Я опять налил по глотку бренди. - Это первый способ, - сказал я. - А это - второй. - Я полез в ящик стола и достал маленький амулет на золотой цепочке.

Она выпила, глядя на меня поверх бокала.

– Вы вовсе не такой, каким я вас себе представляла. Я думала, что вы узкоплечий, тощий, подслеповатый, с бородавкой на носу… В общем, настоящий книжный червь. Вы же оказались высоким, а плечи - как у киногероев.

– А я ведь играл в кино. И люблю спорт, но только те виды, в которых не используются механические приспособления. Например, футбол.

– Вы сумасшедший! - улыбнулась она. - Но с вами я чувствую себя в безопасности. Впервые после того, как все это произошло, мне спокойно.

– Разумеется. Это место защищено магией и всеми заклинаниями, какие только мне известны.

– Но вы же сами сказали, что колдовство - это внушение!

– Правильно, хоть и не совсем, но магия - это игра, и если вы хотите ее выиграть, нужно пользоваться ее правилами.

Ее улыбка исчезла, и она снова задрожала. Я понял, что она очень суеверна и чрезвычайно впечатлительна, так что опасность угрожает ей вполне реально. Я взял амулет, вынутый из стола.

– Позвольте надеть это вам на шею.

– Что это? - спросила она, рассматривая надпись.

– Вы слышали о камне Соломона? Камне мудрости и могущества?

– Кажется, нет.

Я накинул цепь ей на шею и наклонился, чтобы застегнуть замок.

Сильный запах ее волос и их мягкое прикосновение возбуждали меня. Я возился с защелкой и старался, чтобы мой голос не выдавал волнения, когда я говорил о камне:

– Старые легенды утверждают, что даже крохотная часть камня Соломона защищает от всех заклинаний и заговоров.

Я, конечно, не сказал ей, что у меня полный ящик таких камней и что я пополняю их запасы у знакомого ювелира в Лос-Анджелесе. Ей вовсе не обязательно было знать, что я использую их для лечения суеверной части своей клиентуры, в то время как сам пытаюсь воздействовать на их разум.

Она была чрезвычайно красива и возбуждала желание, я же был молод и силен.

Мне хотелось поцеловать ее, и она, кажется, ничего не имела против, но я, овладев собой, отстранился.

– Виделись ли вы с Сионом и с его женой после того, как встретились с девушкой, называющей себя истинной королевой?

– Нет, но я слышала зов.

– Зов?

– Да. Это как будто голос у меня в голове, но не очень внятный. Я не могла разобрать слова, но понимала, что меня зовут в Лохлэнн. И каждый раз я старалась сопротивляться этому, так как помнила, что Аннис постарается убить меня, если я соглашусь.

– Больше нет никакого Лохлэнна, никакой магии. Доверьтесь камню Соломона.

– Да, да, я именно так и сделаю, как вы советуете, - ответила она, сжав амулет. - Я доверюсь камню, но что мы еще должны сделать?

– Во-первых, нужно выяснить, что кроется за всем этим. Я хорошо знаком с оккультными науками, их миром и его служителями и попытаюсь через них выяснить что-нибудь о людях, которые вас беспокоят. Далее, я постараюсь выяснить, в какую игру они играют, а затем покажу им, что тоже могу играть в магию.

Она встала, собираясь идти, а я, глядя вслед, очень сожалел, что ее зовут Морган. Я не верю в магию, но, помогай мне сейчас все боги, я не стал бы испытывать судьбу.

После того как она ушла, я немного постоял, оглядывая ряды стеллажей с книгами, и собственные проблемы стали овладевать моими мыслями. Я подумал о большом двуручном мече, хранящемся в моей квартире, и о кольчуге, висящей в шкафу вместе с большим боевым шлемом. Я нашел этот меч в древнем шотландском захоронении еще тогда, когда студентом изучал археологию, и с тех пор он был моей самой большой драгоценностью. Я ненавижу мир, в котором живу, и мечтаю о том мире, где я мог бы надевать эту кольчугу и носить меч. О мире, где враги честно относятся друг к другу, стоят в битве лицом к лицу, где борются мечом против меча и заклинанием против заклинания. Я ненавижу этот мир с его автомобилями, самолетами, атомными бомбами и нервно-паралитическими газами. Я возненавидел его с детских лет, когда впервые понял, каков он. Я с удовольствием обменял бы его, если бы мне предложили, на любой другой, а в особенности на Лохлэнн, где управляет магия и действуют заклинания.

Но других миров нет, есть только этот, больной. Только этот, и мне нужно работать, чтобы получать деньги. Мне нужно расследовать историю, рассказанную Морган Лейси, но заканчивать ее мне будет очень жаль, ведь все это превратится в чью-то игру ума и растает, как башни и дворцы Фата-Моргана. А мне снова придется продавать книги и предметы ритуала, остерегаться автомобилей и пытаться добиться благосклонности девушек вроде Пегги О'Ши.

Воспоминание о Пегги вызвало образ человека со шлемовидной головой, пытавшегося заполучить мои волосы. Да, это открывало интересную перспективу… Но кто же мог подослать его?

3. АННИС ПРИНОСИТ ЖЕРТВУ БОГИНЕ ЛЮБВИ

В своем расследовании дела Морган Лейси в течение нескольких следующих дней я не сделал существенных открытий, хотя обегал весь город и обзвонил всех астрологов и знахарей. Я посетил храм Мазды и говорил с самим образом Мазды «Мазда, правильнее Ахура-Мазда, - верховное божество в иранской мифологии». Он ничего не смог мне сообщить, несмотря на свою божественную репутацию. Я позвонил главе местного союза ведьм, который знал меня и относился ко мне с доверием.

– Есть что-нибудь новое? - спросил я, услышав в трубке его голос.

– В дамском белье? Ничего. А что?

– Вы же знаете, что я имею в виду другое.

– А что вас интересует?

– Что-нибудь новое в городе. Три человека, которые прибыли сюда недавно… Пара, одетая как хиппи и называющая себя лорд Сион и леди Крейрви, а также девушка, которую зовут Аннис или Бранвен.

– Кто они? Актеры?

Очевидно, он ничего не знал, так что я немного поболтал о заклинаниях и черной магии, а потом выслушал его жалобы на то, как трудно было достать отрезанную руку осужденного на смерть убийцы, чтобы использовать ее как Руку Славы в Черной мессе.

– Это все Верховный Суд, - жаловался он. - Они сейчас нянчатся с преступниками и никого не приговаривают к смерти.

Я посочувствовал ему и положил трубку. Думаю, он больше напоминает председателя Общества Джона Берча, чем главу союза ведьм. Впрочем, особой разницы между ними нет. И те, и другие живут в обособленном нереальном мирке, как, впрочем, и я. Затем я позвонил Морган Лейси и сообщил, как недалеко продвинулся в своем расследовании относительно ее странных друзей. Она еле слышно что-то проговорила, и меня это обеспокоило.

– Они навещали вас?

– Нет, были только голоса.

– Игнорируйте их. Не слушайте и доверьтесь камню Соломона.

Она пообещала, что так и будет делать, и я положил трубку. Был уже восьмой час, и я устал. Я решил пойти и основательно

выпить. Заперев дверь магазина, я подождал минут двадцать, пока поблизости не оказалось ни одного автомобиля, а потом пересек бульвар, направляясь в "Медный колокол" для серьезной выпивки. Я попал туда не так скоро, как намеревался, ибо наткнулся на человека со шлемовидной головой. Я уже хотел войти в боковую дверь бара, как увидел его, поджидающего меня. Я сразу же узнал его по точному описанию Анджело. Он тоже увидел меня и подошел, наклонив голову и сжимая в руке кастет.

Я никогда не ношу оружия, ненавижу пистолеты, а мой большой меч, перекинутый через плечо, выглядел бы на мне смешно в сочетании с костюмом от братьев Брукс. Но я научился в совершенстве владеть рукопашным боем и, когда мне приходилось драться, стремился покончить с противником как можно быстрей. Я не так силен, чтобы разорвать противника на клочки, поэтому стремлюсь мгновенно оглушить его. Это самое лучшее и наименее болезненное для обоих участников драки.

Шлемоголовый намеревался ударить меня сбоку в голову, и я понял, что все двести фунтов его веса будут в этом ударе. Я отклонил голову, он промахнулся, но попал мне в плечо. Я не стал уходить в сторону от его натиска, а просто ударил коленом в пах, когда же он пошатнулся, приемом каратэ по горлу свалил его. Он потерял сознание еще до того, как выражение удивления исчезло с его лица.

Я наклонился над ним, перекатил на спину и, обыскав карманы, достал бумажник. Из водительских прав следовало, что его зовут Уильям Стедман.

Кроме пятидесяти долларов, я ничего больше не обнаружил - ни амулетов, ни паспорта. В другом кармане я нашел маленький пистолет. Морщась от брезгливости, я достал обойму, вынул из нее патроны и вновь положил пистолет в карман. Патроны я, конечно, выбросил. Потом поднял Стедмана за лацканы и начал бить по щекам.

– Вставай, Стедман! Пора просыпаться!

Он зашевелился. Его глаза полуоткрылись и превратились в голубые щелочки ненависти.

– Кто тебя послал? Что тебе надо?

– Пошел к черту!

Я ударил его в лицо и треснул головой о тротуар. Он попытался стукнуть меня коленом, но я перехватил удар и затем еще дважды достаточно сильно ударил головой о тротуар. Даже его твердый череп должен был это почувствовать.

– Стой! Будь ты проклят! Хочешь убить меня?

– Мне это не-нужно. Все, что я хочу, это несколько ответов на мои вопросы.

Он упрямо затряс головой и даже после нескольких ударов отказался говорить. Тогда я кое-что вспомнил, улыбнулся, полез в карман и достал конверт, полученный по почте сегодня утром.

– Ты нынче был в парикмахерской, да?

– Что? О чем ты говоришь?

– Твои волосы, - ответил я, показывая несколько прядей его белокурых волос, которые мне послал Анджело.

– Это мои?

– Конечно. А моих у тебя нет.

Даже при слабом свете луны было видно, как он побледнел.

– Что… Что ты хочешь узнать?

– Кто тебя послал?

– Лорд Сион.

– Зачем?

– Я должен был что-нибудь добыть, чтобы использовать против тебя. У леди Крейрви было видение. Она узнала, что королева Морриган обратится к тебе за помощью. Мы хотели получить против тебя магическое оружие.

– Все это очень по-любительски. Вы никогда не подниметесь до профессионалов.

Он посмотрел на меня.

– Мои волосы… Ты мне их вернешь?

– Конечно! Зачем они мне? - И я швырнул конверт ему в лицо.

Он встал и вытер кровь.

– Я еще доберусь до тебя рано или поздно, Джэнюэр!

– Иди отсюда, пока у тебя еще осталось несколько зубов! - сказал я, шагнув в его сторону.

Он отскочил, и рука его скользнула в карман, появившись назад с пистолетом. Я врезал ему, и он свалился на колени. Быстро, так как мне было противно снова брать в руки пистолет, я вывернул ему руку. Пистолет выпал, и я швырнул эту гадость ему в лицо.

– Он же разряжен, идиот! Пуст, как твоя башка! Пошел вон отсюда!

Ругаясь, он с трудом поднялся и пошел прочь, бросая через плечо взгляды, которые должны были казаться свирепыми, а на самом деле были смешными, особенно когда ему пришлось бежать, спасаясь от пинка под зад.

– И чтобы я больше тебя не видел, не то заставлю съесть этот пистолет! - крикнул я ему вслед.

Когда он исчез, я нагнулся и поднял оброненный им платок. На нем была кровь, его кровь. Я аккуратно сложил его и положил в карман. Кровь мужчины, как считают колдуны, является лучшим оружием против него. Если дело дойдет до борьбы

заклинаний, у меня уже есть большое преимущество. С этими радостными мыслями я открыл дверь бара и вошел.

С минуту я осматривался, пока не нашел подходящее место. Оно находилось далеко от кондиционера, от музыкального и сигаретного автоматов, на противоположном конце бара. Когда я проходил туда, кондиционер угрожающе зашипел, а сигаретный автомат несколько раз щелкнул, демонстрируя свою злобу. Я заказал первую выпивку и, прежде чем выпить, посмотрел на автоматы.

– Как поживаете, Джэнюэр? - спросил бармен, который принес вторую порцию, не дожидаясь заказа, зная, что три начальные порции у меня проходят в режиме нон-стоп. - Сегодня вечером будете пить?

– Да. Я обнаружил, что алкоголь в крови - прекрасное средство против ширящейся угрозы машинного века.

– Простите, не понял.

– Вы слышали, как зашипел кондиционер, когда я вошел?

– Зашипел на вас? Наверное, там что-то испортилось. Я распоряжусь, чтобы его починили.

– Не надо. Я знаю, что от них нужно быть подальше, и не хочу быть причиной чьей-либо смерти, даже если это один из колдунов, которые связаны с этими штуками.

Озадаченный бармен удалился, произнеся:

– Да, мистер Джэнюэр, конечно. Сейчас я принесу еще порцию.

С несколькими алкогольными зарядами под ремнем я почувствовал себя гораздо лучше. Настолько лучше, что даже стал думать о музыкальных автоматах как о чем-то, что играет музыку по вечерам, а не охотится ночами за своими жертвами. Через несколько минут я достаточно хорошо освоился в этом мире, так что даже мог встать, подойти к автомату и опустить монету.

К сожалению, я не нашел в списке "Танец смерти" или другую хорошую песню ведьм, и мне пришлось довольствоваться битлами. Пока я, натыкаясь на стулья, с трудом прокладывал путь к своему месту, какая-то девушка встала и подошла ко мне.

– Прошу прощения, - сказал я. - Кажется, я не совсем в порядке. Меня может свалить даже ребенок.

Молодая леди почти вывалилась из своего короткого платья с очень большим декольте. Платье было сшито из какого-то полупрозрачного сверхлегкого материала и могло держаться на теле женщины только с помощью очень сильных заклинаний.

– Вы в этом не виноваты, - сказала она, откидывая назад черные волосы и глядя на меня черными глазами. - Я специально

подошла к вам. Я наблюдала за вами с того момента, как вы вошли.

– Если вы из Охраны здоровья, то не беспокойтесь, у меня все нормально. Просто я все понял о них.

– О них? - удивилась и немного встревожилась она.

– Об этих механических штучках вокруг нас - автомобилях, аэропланах и прочем. Я понял, что все они - творения колдунов и некромантов.

– Теперь я вижу, что вы пьяны, - засмеялась она.

– А я тоже вижу. Когда я пьян, то нечеткие очертания предметов в окружающем мире, который считается реальным, становятся более отчетливыми… Как вы сказали, откуда вы? Из Камарилло или Сономской больницы? «психиатрические лечебницы» - А я ничего подобного не говорила, и меня интересует вовсе не состояние вашего рассудка.

Девушка посмотрела на меня так, как будто только что вышла из зеркала. Черт возьми, именно это я все время и чувствовал в ней, и это давало ей способность быть такой красивой. Я попытался сфокусировать на ней свой взгляд. Она исчезала и вновь возникала, проходя сквозь туман четырех двойных виски.

– И что же во мне интересует вас? - спросил я, стараясь держаться с достоинством.

Она так наклонилась ко мне, что ее острые груди коснулись моего пиджака.

– Хотите пойти со мной и все узнать?

Все стало понятным даже для моей отуманенной алкоголем головы, и тогда она встала и направилась к выходу, покачивая маленькой твердой попкой. Я последовал за ней, последовал, как примерный солдат. Спустя некоторое время я уже стоял на улице, озираясь в темноте. Благодаря магии бармена Бена грозные механические монстры, несущиеся вверх и вниз по Голливудскому бульвару и издающие зловещий лай, словно гончие собаки, казались дружелюбными мастифами, которые могут случайно укусить за руку, но никогда не схватят за горло.

Вот в этом и есть магия нашего мира. Она в самых обычных вещах: в хорошем виски, в снотворных таблетках, которые заглушают рев реактивных двигателей, несущих внушающие ужас самолеты под облаками. Поэтому мои заклинания здесь не действуют. Самые сильные заклинания заключены в бутылки, которые есть в любом баре. Девушка быстро продолжала путь и была так уверена во мне, что даже ни разу не оглянулась. Я пожал плечами и пошел за ней.

– Что все это значит? - спросил я, догнав ее.

– Моя машина находится здесь недалеко, - ответила она низким хрипловатым голосом.

Даже в состоянии алкогольной эйфории при упоминании об автомобиле у меня по спине пробежали мурашки. Не из этих ли она ведьм?

– Чего вы от меня хотите?

– Разве ты не знаешь? - шепнула она, толкнув меня в тень домов.

– Я… - начал я, но она оборвала меня, прижавшись к груди и приникнув своими губами к моим.

– А теперь знаешь?

– Да… Думаю, что да, - ответил я, чувствуя ускорение своего пульса и зная, чего она хочет, но не будучи в состоянии понять, почему именно от меня и все ли это, что ей надо.

– Тогда пойдем, - сказала она и взяла меня за руку.

– Но смотри, у меня с собой нет денег. Я только что оставил все в "Медном колоколе", и мой кошелек пуст.

– Дурак! Мне не нужны твои деньги. Я не проститутка! - раздраженно воскликнула она, и глаза ее потемнели. - Я сама могу дать тебе денег, если нужно!

Я замолчал. Что за странная история? Такие красивые женщины не хотят по барам завлекать мужчин, они всегда окружены телохранителями, готовыми выстрелить в каждого. Тут что-то другое…

Ее машина, припаркованная в боковой улице, оказалась большой, низко сидящей скотиной с огрызающейся тигриной мордой. Как только я ее увидел, тут же покрылся холодным потом.

– Давайте увидимся как-нибудь в следующий раз, когда вы будете одни, - сказал я, отступая назад.

– Садись! - бросила она, открывая дверцу и проскальзывая на сиденье водителя, так что я смог оценить красоту бедер, обтянутых шелком.

– Нет, мне нельзя, - с сожалением сказал я, так как женщины с такими ногами обычно имеют и прекрасную душу, а мне очень нравятся дружба и общение с подобными женщинами.

– В чем дело? - с раздражением опросила она.

– Я… Я только что вспомнил, что моя жена ждет меня к ужину. Она приготовила вкусные вещи, и мне не хотелось бы огорчать ее.

– Тебя смущает автомобиль? Похоже, ты боишься его.

– Я? Боюсь эту кошечку? - Я протянул руку и, так как он не зарычал, осторожно дотронулся до его блестящей шкуры. - Мне совсем не страшно.

– Тогда, может быть, дело во мне? - спросила она, откидываясь на сиденье. - Может, тебе не нравится, как я выгляжу?

– На женщин с такими ногами всегда приятно смотреть.

– Тогда в чем же затруднение? - Она ухватила меня за голову и притянула к себе.

Когда ее рот прижался к моему, я почувствовал вишнево-яблочно - апельсиновый вкус помады. Ее поцелуй, казалось, длился вечность и отделил мою душу от тела. - Может, ты думаешь, что я буду недостаточно хороша? - прошептала она, не отрывая своих губ от моих. - Или считаешь, что я не знаю, как доставить мужчине удовольствие?

– Да нет, не думаю, - ответил я, пытаясь набрать в легкие воздух. - Уверен, что вы совершенство во всех отношениях.

– Тогда быстро садись! - приказала она.

Единственное, чем я могу объяснить случившееся, так это тем, что я находился под заклинанием. Заклинанием, самым сильным из тех, которые когда-либо произносились ведьмой или колдуном, заклинанием самой Матери-Природы… Оно было такой силы, что меня буквально швырнуло в автомобиль. Впервые с ребяческих лет я совершил такое безрассудство. Я сел рядом с ней и затаил дыхание. Ничего не произошло, скотина была хорошо дрессированной, а может быть, даже ручной. Я почувствовал себя лучше и попытался обнять девушку.

– Не здесь, - отстранилась она. - Я знаю местечко, куда мы можем поехать.

– О'кей! Надеюсь, это недалеко.

Мысль о том, что меня понесет этот мурлыкающий монстр, расплавила мой позвоночник и превратила его в желтую кашу.

– Недалеко, - обнадежила она, тронула с места машину и выехала на улицу. - Это по пути на холмы.

Через несколько минут мы уже были на шоссе, и я вжался в сиденье, пытаясь скрыться от сверкающих глаз других чудовищ которые рыча мчались позади нас. Я видел отражение одного из них, который внезапно почуял меня и атаковал создание, на котором мы ехали. Я ощущал, как они присели на задние шины, словно два доисторических животных, щелкали челюстями и их световые хвосты били по бокам, когда они боролись за мою кровь.

Затем мы свернули с шоссе и по извилистой дороге поехали в горы.

– Что это за место? Что-то вроде "Приюта любовников"?

– Нет, гораздо лучше. - В ее голосе слышались напряженность и возбуждение. - Это место создано для любви.

Через некоторое время мы съехали с извилистой дороги и

потащились по грязной неровной тропе.

– Ну где же оно?

– Теперь недолго, - утешила она меня.

Я откинулся назад и попытался расслабиться. В конце концов, других автомобилей вокруг не было, а к нашей мурлыкающей скотине я даже испытывал некоторое доверие. Девушка свернула с тропы на аллею, ведущую на холм.

– Вот мы и приехали.

– Куда? Я ничего не вижу.

– Здесь, - сказала она, указывая на каменный домик без окон и с одной дверью. - Вот он, мой замок любви.

– Замок? - в замешательстве я посмотрел на нее. - Я его не вижу!

– Увидишь, - пообещала она, выходя из машины. - Еще немного, и ты все поймешь.

– Но я даже не знаю, как вас зовут, - сказал я, следуя за ней.

Она улыбнулась, и ее белые зубы сверкнули в темноте.

– Можешь называть меня Арленой, если имя для тебя что-нибудь значит.

– Это твое настоящее имя?

– Нет, но ты можешь называть меня так.

– А меня зовут…

– Я не хочу знать, - сказала она, положив приятно пахнущие пальцы мне на губы. - Я не должна знать.

– Не понимаю. Почему?

– Потому что ты должен быть незнакомцем. Богиня требует, чтобы ты был незнакомцем.

В какой сети я теперь запутался? Однажды это была девушка, думавшая, что она волчица, и заманившая меня вовсе не для того, чтобы стать моей любовницей, а для того, чтобы поужинать мною. Потом была еще одна, вообразившая себя Мессалиной «жена римского императора Клавдия, отличавшаяся фантастически развратным поведением». Боже, сколько мук я вынес, прежде чем обуздал ее! Морган Лейси думала, что она королева Лохлэнна, а эта восторженно говорит о богине.

Без лишних слов девушка взяла меня за руку и повела между деревьями к каменному домику. Она вынула из кошелька ключ и вставила его в замок тяжелой дубовой двери, окованной стальными полосами.

– Смотри, я вспомнил, что брал у своей бабушки уроки каратэ. А вообще мне здесь нравится!

Она быстро повернулась и обвила руками мою шею.

– О, тебе нравится? Обещаю, что ты будешь в восторге!

Ощущение ее рук на шее и крепко прижавшегося ко мне тела

заставило учащенно биться мое сердце, но я все еще колебался.

– Пожалуйста, заходи! Такой большой парень, как ты, не должен бояться маленьких девочек вроде меня!

Ее губы и теплые руки разбудили во мне вулкан страсти. Я прошел за ней в темноту, дрожа от возбуждения. Она быстро щелкнула зажигалкой и поднесла ее к нескольким свечам. Я осмотрелся в мерцающем, неверном свете.

Дом внутри был так же гол, как и снаружи. Там оказалась всего одна большая комната, которая когда-то была кладовой. На небольшом возвышении в конце комнаты находилась статуя женщины, изваянная из неизвестного материала. У нее была обнаженная грудь великолепной формы. За возвышением находились ярко-красные цепи, а перед помостом была примерно дюжина стульев.

– Мы перед тобой, Бранвен-Прекрасногрудая! - обратилась девушка к статуе. - Богиня любви и мудрости!

– Черт возьми! - воскликнул я, глядя в изумлении на чудесно изваянную и богато украшенную статую. Я думал, что знаю все предметы культа в Лос-Анджелесе и окрестностях, но этот был для меня полной неожиданностью.

К тому же и приключение становилось понятным. Наша встреча была не случайной, девушка следила за мной. Имя Бранвен сказало мне все. Это была девушка, которая прокляла Морган и объявила, что она настоящая королева Лохлэнна, та, которая сказала, что она посвящена Бранвен. То есть это была Аннис. Если бы я не был одурманен спиртовыми парами, я бы догадался об этом раньше.

Затем я обнаружил, что смотрю на нечто еще более удивительное, чем статуя. Это было изваяно из мрамора и подвешено над тем, что, вероятно, являлось алтарем. Оно было изготовлено с величайшим мастерством и, несмотря на небольшую стилизацию, убедительно воплощало замысел автора.

Если бы я был стыдлив, то, видимо, залился бы краской.

– Тебя шокируют наши произведения искусства? - рассмеялась девушка, увидев выражение моего лица. - Нам, изгнанникам, нужно иметь символы родины.

– А где она?

– Очень далеко. Не в этом мире.

– А что ЭТО делает здесь?

– Ты же знаешь, что это. Это Йони, символ женского принципа жизни «стилизованное изображение женского полового органа - объект поклонения в Древней Индии». Кроме того, это символ Бранвен.

– Но боже! В церкви?

– А где же лучше? Разве не божественный нимб скрывает тайны жизни, колыбель существования?

– Думаю, это богохульство.

– Чепуха! Богохульство, как и красота, определяется тем, кто смотрит.

Для меня многое, что я видела в городе, - богохульство.

– Для меня тоже, - согласился я. - Но вот вы сказали: "Мы - изгнанники". Так что, вероятно, в Лос-Анджелесе есть еще поклонники Бранвен? Бранвен - это древняя кельтская богиня?

– Да, здесь она кельтская, но это богиня всех времен. В Вавилоне она Иштар, в Греции - Афродита, в Риме - Венера. Культ Великой Матери - главная религия в мире. Он прошел через века, потому что это наиболее жизненная религия, потому что она связана с основой жизни - размножением.

– Девушка подошла к алтарю и опустилась на колени перед статуей богини.

Подняв к ней лицо, она сказала:

– О Бранвен, смотри на нас, на то, что мы делаем. Бранвен, благослови любовь, которую мы будем творить для тебя!

Посмотри на эту жертву и дай мне силы открыть путь.

Я глядел на нее. Она имеет в виду, что мы будем заниматься любовью прямо здесь? Я опять взглянул на символ, висящий над алтарем, и решил, что это, наверное, будет здесь. Она повернулась и поймала мой взгляд.

– Это тебя беспокоит?

– Да, получается несколько прямолинейно.

– Тебя это шокирует, потому что прямолинейно? - Казалось, ситуация забавляет ее. - Это же один из старейших символов человечества! Его подвешивали над дверями домов, а впоследствии заменили подковой, после того как люди забыли его истинное значение. Там, откуда я пришла, значение не забыто. - Она двинулась ко мне, и глаза ее блестели от возбуждения. - Бранвен смотрит. Я чувствую это! Нам нужно постараться в ее честь.

– Ладно, - сказал я, чувствуя себя околдованным тем заклинанием, о котором уже упоминал, - заклинанием Матери-Природы.

– Я должна иметь силу, - воскликнула она. - Я должна иметь ее, и только Бранвен может ее дать!

О какой силе она говорит? О силе, чтобы покончить с помощью колдовства с Морган Лейси, которой она угрожала?

– Мне нужна сила, чтобы открыть Кэр Педриван. Остальные уже в замке, и я должна следовать за ними.

Говоря это, она сбросила свое полупрозрачное платье и

швырнула его на пол.

Мои руки стали влажными, а сердце остановилось. Мне до боли хотелось подойти к ней и, повалив на алтарь, овладеть со всей безудержной страстью, которую она пробудила, но ее темные глаза вдруг стали золотыми, и в них появилось что-то, что оттолкнуло меня. Я не верил, что таким путем она приобретает какую-то невероятную силу. Я сам уже все перепробовал. Видит Бог, я не пропустил ничего, но в этом мире мои заклинания так и не действуют. И вообще в этом мире не действуют никакие заклинания, за исключением магии ученых и инженеров.

Нет, она не приобретает ничего… Но она теперь почти в моих объятиях. Я нетерпеливо потянулся к ней.

4. ДЮФФУС ШОТЛАНДСКИЙ И ЕГО МЕЧ

– Подожди, - попросила она, - надо сделать еще кое-что.

– Что? - свирепо спросил я.

– Я сказала тебе, что не хочу денег для себя, но ты должен дать немного денег для богини.

– Я же сказал, что у меня с собой ничего нет, - заявил я, не пытаясь скрыть раздражения в голосе.

– Только одну монетку. Любая серебряная монетка - и будет достаточно.

Я неистово порылся в кармане и нашел монету, которую вложил ей в руку. Ее тонкие пальцы схватили денежку, и она прильнула ко мне.

– Приходи и люби меня, - прошептала она. - Хорошо люби меня во имя Бранвен-Прекрасногрудой.

– Черт с ней, с Бранвен! - пробормотал я, целуя ее. - Эта любовь для меня! Пусть она ищет свою собственную!

– Не говори так! - резко возразила она. - Не богохульствуй!

– А я и не богохульствую. Я просто хочу, чтобы было ясно, что я люблю не Бранвен, а тебя.

– Ш-ш-ш! Не говори так. Нам надо быть благоговейными! Бранвен смотрит на нас.

– Если она смотрит, то, надеюсь, она наслаждается так же, как и я.

Аннис начала петь мягким голосом:

– Бранвен, смотри на нашу любовь! Бранвен, смотри на нашу любовь и дай мне силу! Покажи мне путь между мирами! Дай мне силу открыть Кэр Педриван! Принеси Кэр Педриван для меня!

Я был занят, так что игнорировал все, что она говорила, сосредоточившись на том, что мы делали.

– Ты чувствуешь его, Бранвен? Чувствуешь ли ты мужество его тела?

Ее глаза были широко раскрыты и, казалось, устремлены в ничто. В один из моментов мне стало жутко. Мне показалось, что эта сексуальная кельтская богиня не только смотрит на нас, но и разделяет наше занятие.

После всего, что произошло, Аннис была в исступлении.

– Ты был великолепен! Мы хорошо любили друг друга для богини. Она получила удовольствие!

– Откуда ты знаешь? Она что, шепнула тебе об этом на ухо?

– Нет, - покачала она головой, - она сказала мне вот сюда. - И Аннис коснулась одной из своих золотых грудей.

Мне было любопытно - что же случится дальше? Я, конечно,

не ждал, что появится Бранвен и перенесет ее в Лохлэнн, но мне казалось, что-то должно произойти.

– Нам надо одеться, - сказала Аннис.

– Мы поедем ко мне. Там мы и побеседуем о Бранвен и прочих религиозных материях.

– Не сейчас. - Она оделась и встала на колени перед статуей, склонив голову, после чего пропела какие-то стихи на неизвестном мне языке. Потом она взяла монету и положила ее на золотое блюдо в основании статуи. - Прими эту монету, о Лунная Леди, в знак того, что я исполнила свой долг и выполнила твое желание! «эта сцена отражает распространенный во многих древних цивилизациях обычай священной храмовой проституции; связь с Луной характерна для различных ипостасей Великой Матери» Я стоял и с недоумением смотрел. Она просит силу, чтобы использовать ее против Морган Лейси или чтобы вернуться на родину? В любом случае это бессмысленно: в механическом мире магия не действует. Здесь нет таких мест, как Кэр Педриван или Лохлэнн. Они существуют только в мифах.

– Теперь мы можем идти. - Аннис отошла от алтаря. - Мы сделали все, что надо.

– Да? Я не заметил никаких проявлений великой магии.

– Неужели? - улыбнулась она. - Ты просто глуп. Мы с тобой совершили самое старинное и величайшее из всех ритуальных действ.

Она замолчала. Действительно, я не знаю ни одной магической системы, где бы не рекомендовался ритуал, который с успехом мы только что проделали. Но я все еще не видел никаких результатов. Очевидно, Бранвен была таким же глухим идолом, как и все остальные в Южной Калифорнии.

– Вижу, ты сомневаешься в том, что мы все выполнили успешно.

– Да, ведь нет никаких вспышек света, никаких внезапных видений других миров!

– Это требует времени. Концентрация силовых линий - это долгий процесс. Передвинуть миры мгновенно невозможно даже богиням.

– Миры передвигаются не богинями, а только силами гравитации.

– А что это такое? Ваша примитивная наука не может дать никакого ответа, а богиня, возможно, сумеет.

– Я жду, но ничего не происходит.

– Как ты можешь увидеть пересечение силовых линий и концентрацию энергии в моем теле?

Я внимательно посмотрел на нее. Я был почти трезв, но не

трезвость была причиной того, что волшебство превратилось в нечто обыденное и прозаическое. Когда прекратилось действие алкоголя, Аннис вовсе не стала для меня неприятной, но все ее разговоры о Бранвен и Кэр Педриване казались каким-то занудством.

– Поедем ко мне, - снова предложил я. - Я расскажу тебе о девушке по имени Морган Лейси, а ты расскажешь, почему ей угрожала.

– А, эта дура! - презрительно процедила она. - Если бы я действительно хотела убить ее, я бы слепила корп-кредх и расплавила его на огне.

Корп-кредх - это как раз по моей части. Это кельтский вариант ординарной восковой фигурки. Предполагается, что при втыкании в нее иголок или расплавлении на огне оригинал умирает в страшных мучениях.

– На твоем месте я бы не пытался. Мисс Лейси находится под моей защитой.

– Послушай, дружочек, - засмеялась Аннис, - у тебя крепкие мускулы и ты уверен, что можешь позаботиться о себе в вульгарной драке, которую вы, американцы, так любите. Но я из Лохлэнна. Думаю, ты не представляешь себе, что это значит с точки зрения магической силы.

– Во мне самом королевская кровь. Мой дальний предок - Дюффус, король Шотландии. Ты когда-нибудь слышала, что случилось с колдуньями, которые хотели извести его с помощью корп-кредха?

– Шотландия же в этом мире, - сказала она с некоторым презрением.

– Их было с полдюжины, и все они сами сожжены на костре в 968 году в Фарресе «Фаррес (Форрес) - город на Севере Шотландии. В истории христианизации Англии зафиксировано несколько подобных эпизодов».

Но Аннис не успокоилась.

– Я считала, что сжигать ведьм у вас противозаконно.

– Конечно. Ведь при умении с ними можно обходиться и по-другому. Я сделал карьеру на том, что ставил этих так называемых ведьм на место. Этот талант я унаследовал от своего предка Дюффуса.

– Так называемых ведьм - возможно, - с угрозой сказала Аннис, - но ты никогда не имел дел с королевой Лохлэнна.

– До сих пор - да. Однако, как я уже сказал, Морган Лейси находится под моей защитой.

– Ей не нужна защита, если она откажется слушать этого дурака Сиона и поймет, что я - единственная законная королева.

– Она делает все, чтобы отказаться, - пояснил я, удивляясь, что все можно так просто уладить, если от Морган будет получено согласие не претендовать на воображаемый трон придуманной страны. - Она делает все, чтобы убедить лорда Сиона, что она вовсе не интересуется этим.

– И сейчас тоже? - спросила она, устремив свой взгляд куда-то в неведомое.

– Да. Она никогда не слышала о Лохлэнне, пока не оказалась впутанной в эту историю. И она постарается поскорее забыть о ней, ведь здесь она и так почти королева. Зачем ей нужен этот… ваш… трон?

– Да, зачем? - с отсутствующим выражением сказала Аннис.

Она выглядела так, как будто слушала кого-то невидимого, нашептывающего ей на ухо советы. Очень неудобно говорить с тем, кто в это же время ведет другой разговор, более интересный, чем со мной.

Аннис кивнула головой в знак согласия с кем-то или с чем-то, кого она слушала, и обратилась ко мне:

– Мне показалось, что ты приглашал меня к себе немножко выпить?

– Да, - нетерпеливо подтвердил я, - выпить и поболтать. И поразвлечься.

– Отлично. Тогда поедем. Энергия концентрируется, но она найдет меня везде.

– Хорошо. У меня одно из лучших местечек, где ее можно подождать.

Я вышел за ней из домика и столкнулся лицом к лицу со своей личной проблемой. Автомобиль сидел рядом, поджидая нас, как большой терпеливый зверь из джунглей, который знает, что ужин идет к нему. Я приехал сюда в приятном состоянии опьянения. Это, а также действие заклинания Матери-Природы, дало мне мужество сесть в автомобиль. Теперь же у меня не было ничего, что могло бы остановить страх, возникающий где-то глубоко при мысли о предстоящей поездке. Аннис заметила мое колебание и оглянулась.

– В чем дело? Ты что-нибудь забыл?

– Да, мое приятное опьянение. Боюсь, что теперь не смогу ехать без него.

– Но мы же едем, чтобы выпить, не так ли?

– Да, но до этого еще очень далеко, - ответил я, а автомобиль смотрел на меня, в его решетке была видна усмешка, и он знал, что я боюсь. - У тебя в домике ничего нет? Каких-нибудь магических вин или веселящих капель?

– В этом доме занимаются только одной магией, а она не

требует вина.

– Да, я уже знаю.

Показалось ли мне, что зверь напрягся? Что его тигриные лапы уперлись в грунт для внезапного прыжка?

Аннис бесстрастно приблизилась к автомобилю, достала бумажное полотенце из ящичка для перчаток и стала протирать ветровое стекло. Я стоял поодаль, не имея сил подойти, и восхищался ее мужеством. Она закончила протирать стекло и прошлась бумагой по капоту, полируя блестящую шкуру.

– Мне нравятся эти прекрасные машины, - сказала она, лаская ее. - Это единственное в вашем мире, о чем я буду жалеть, когда вернусь в свой. У нас в Лохлэнне такого нет.

– Очень плохо, - сказал я, ожидая, когда зверь цапнет ее за руку, - но мне кажется, что метла гораздо безопаснее и экономичнее.

Она с презрением посмотрела на меня и повернулась, чтобы сесть в машину.

– Ну, ты едешь? - спросила она, так как я все еще стоял в стороне.

– Знаешь что? Давай-ка ты поезжай потихоньку, а я пойду сзади.

– По шоссе?

Я должен был признать, что это выглядело бы довольно непрактично, представив себя плетущимся за чудовищем, в то время как дюжина других несется за мной по пятам. Возможно, будет проще испытать счастье только с одним из них. И кроме того, он же привез меня сюда. Я осторожно приблизился к нему, приготовившись мгновенно отскочить на безопасное расстояние при малейшем признаке нападения. В виде опыта я просунул ногу в дверь и, когда ничего не произошло, проскользнул туда весь.

Аннис посмотрела на меня с удивлением.

– Ты действительно боишься автомобиля?

– Нет, просто отношусь к нему с осторожностью, - ответил я, закрыв дверцу и глаза.

– Если ты не боишься, то почему же жмурился? - спросила она, после того как вывела машину на дорогу.

– Это старое семейное предание. Мне запрещено смотреть на обратную дорогу откуда-либо. Еще один мой шотландский предок однажды упал и сломал шею, когда оглянулся, чтобы увидеть, откуда он едет. С тех пор на нашей семье лежит заклятие.

– Ты просто трус. Вы, мужчины Земли, не выдерживаете сравнения с воинами Лохлэнна.

– Возможно, ты не видела нас в деле, - ответил я, держа глаза крепко закрытыми, так как почувствовал, что животное

подпрыгнуло от нетерпения, когда достигло шоссе. - Посмотри как-нибудь в воскресенье футбол, тогда увидишь, как мужественны и воинственны мужчины Земли.

– Не думаю, что останусь здесь до следующего воскресенья, и за это я благодарна Бранвен.

– О да, я забыл. Ты же собираешься домой в Лохлэнн!

Мы были уже на шоссе, и можно было слышать рев других машин вокруг нас. Я быстро произнес пару заклинаний и впился потными руками в сиденье.

– Да, я собираюсь в Лохлэнн, веришь ты этому или нет.

– О, я верил бы, если бы такое место существовало.

– Оно существует, - твердо сказала Аннис. - Я там родилась. И Морган тоже, и лорд Сион.

– Морган никогда не упоминала про Лохлэнн, так что твоя ссылка на нее неубедительна, - заявил я, пытаясь спровоцировать Аннис на разговор о ее фантастическом мире.

Однако она молчала, очевидно, полностью сосредоточившись на управлении автомобилем. Я понимал ее. Для того чтобы удерживать власть над этим зверем, требуются, вероятно, громадные усилия. Через двадцать пять минут и две пинты моего пота мы остановились около дома, вышли из машины и пошли по дорожке, ведущей к крыльцу и гаражу.

– Если ты боишься машин, то зачем тебе под домом гараж?

– Во-первых, потому что теперь так строят, а во-вторых, это великолепный винный погреб.

Я открыл дверь и пригласил свою гостью войти. Она с удивлением осмотрелась. Некоторые подлинники из моей коллекции картин ее поразили.

– Ты живешь очень хорошо для помеси книготорговца с частным детективом.

– Ты забыла про оккультные науки. Вот где большие деньги.

Ее губы скривились, и, если бы она не была леди, я уверен, разразилась бы бранью: "Оккультист! Какая чепуха! Что ты знаешь об оккультных науках?" Однако вслух она сказала только последнюю фразу.

– Почти все, что есть… от Абаддона до Злокубинки, - вежливо ответствовал я, начав теперь, когда мои муки с автомобилем кончились, чувствовать себя старым Дюффусом.

Она моргнула.

– Я никогда не слышала имени Абаддона и Зло… Как ты сказал?

– Абаддон известен как Ангел-разрушитель и является главой демонов семнадцатой иерархии «в иудейской мифологии Абаддон (Аваддон) - олицетворение преисподней, фигура,

близкая к Ангелу смерти». Злокубинка - это порочная славянская ведьма.

– Видишь ли, простое знание имен вроде этих не делает тебя экспертом в области оккультных наук. Какие заклинания ты знаешь?

– Я знаю великое заклинание, позволяющее превратить женщину в большую кошку, но сейчас я, к сожалению, позабыл некоторые струи.

– Неужели тебе для этого нужно заклинание? Я могла это делать с пяти лет простым усилием воли.

"Она же совершенный ребенок, - подумал я. - Изменение формы - это такая же ее фантазия, как и Лохлэнн. Несомненно, она то же самое, что и маленькая рыжеволосая танцовщица, которая думала, что она волчица. Она заманила меня в пустынное место пляжа, и мне стоило немалого труда вырваться. Следы ее зубов до сих пор видны на моем правом бедре".

Я повел Аннис в библиотеку, где намеревался угостить ликером и поговорить о воображаемом мире. Она осмотрела книги, и глаза ее широко раскрылись, когда она заметила меч, висящий на крючке.

– Черт возьми! Что это?

– Это мой меч! - гордо сказал я. - Он со мной с семнадцати лет. Я нашел его в развалинах старой крепости. Думаю, это меч моего предка, короля Дюффуса, и он ждал много веков, пока я найду его.

– Но это же невозможное оружие! С ним никто не справится. Ведь в нем пять футов длины и весит он больше, чем человек может поднять!

– Это двуручный меч, и носится он через плечо, а не на поясе.

– Я видела двуручные мечи, их у нас много, но этот выглядит очень нелепо.

Я вынул меч из ножен, обнажив его длинное сверкающее лезвие.

– Это настоящий шотландский клинок. В настоящее время сохранилась всего дюжина из них, а мой самый лучший.

Она все качала головой. Тогда я поднял обоюдоострое лезвие за украшенную золотом рукоять и начал легко крутить его над головой.

– Не могу этому поверить! - воскликнула она, когда я случайно обезглавил торшер и разрубил металлическую ножку стола. - Ты так же силен, как сам Ллир!

Я опустил меч и, гордый тем, что она похвалила мои мускулы, улыбнулся.

– Победитель Олимпиады в метании диска может сделать то

же самое, если будет тренироваться с семнадцати лет.

– Я поражена! Ты стал бы великим воином, с которым бы все считались, если бы не был трусом.

– Я трус только по отношению к этим свирепым механическим монстрам.

Живи я на какой-нибудь чудесной планете, где следовало сражаться с великанами и драконами и где я носил бы свой меч, перекинутый через плечо, я был бы великим героем!

Она внимательно посмотрела на меня.

– Зачем ты хранишь его? Здесь, на Голливудском бульваре, тебе никогда не удастся им воспользоваться.

– Да, не удастся. Но однажды в с его помощью разогнал банду хиппи.

Они бросали какие-то капсулы, но шлем и кольчуга защитили меня.

– У тебя есть шлем и кольчуга?

– Конечно, - ответил я, вешая меч на место и открывая шкаф, из которого вытащил сверкающую кольчугу и показал ей. - Мне ее сделала одна фирма, работающая на космос. Она выполнена из крепчайших сплавов.

– Очень интересно! Но, если не считать случая с хиппи, она здесь бесполезна. Зачем она тебе?

Я ухмыльнулся, чтобы скрыть замешательство.

– Вдруг что-нибудь случится.

– Это маловероятно.

– Конечно. Сказать по правде, я родился не в свое время. Я не для этого мира и принадлежу веку мечей и колдовства. - Помолчав, я продолжал:

– Я хорошо помню, что писал Эндрю Лэнг «автор многотомной "Истории Шотландии" и ряда исследований мифов» о Шотландии после того, как оттуда ушли римские легионы: "Ночь опускалась за летящими орлами, скрывая разоренные провинции и опустошенные города. Это был век топора, век копья, век волка, век войны, смешения рас, сумеречный век". Вот тот мир, в котором я был бы дома.

– Другими словами, ты принадлежишь Лохлэнну.

– Да. Ужасно жаль, что нет такой страны.

В ее глазах появился арктический холод.

– Ты все еще продолжаешь сомневаться в моих словах? Я принцесса, а ты, нищий раб, смеешь сомневаться?

– Я не нищий раб, мадам. Я нищий свободнорожденный американец!

– Но ты сомневаешься в моих словах?

– Ты не представила никаких доказательств.

– О чем ты говоришь?

– Ты до сих пор не объяснила мне, что все это значит. Ты не рассказала мне, где расположен Лохлэнн и почему лорд Сион уверен, что Морган - его королева, а ты настаиваешь, что королева - ты.

– Если бы я все это тебе объяснила, ты бы все равно не поверил, потому что правда находится далеко за пределами твоего жалкого воображения.

Я повернулся к бару, чтобы приготовить коктейли.

– А почему бы тебе не попробовать? Увидишь, какое богатое у меня воображение.

– Хорошо… Если бы ты знал правду о Морган, то понял бы, почему она никогда не попадет в Лохлэнн и не взойдет на трон, - начала она. - И ты…

– Ее голос вдруг умолк. Она опять погрузилась в беседу с кем-то невидимым, нашептывающим ей нечто на ухо. Но на этот раз эффект был чрезвычайно сильным. Ее глаза сделались пустыми, а губы двигались, но никаких слов с них не срывалось. Я подошел к ней и помахал рукой перед глазами. Никакой реакции…

– Эй, выпивка готова! Прошу к столу.

Ответа не было. Ее темная головка склонилась на одну сторону, чтобы повнимательней слушать, губы все еще шевелились, а глаза были невидящими.

Мне подумалось, неужели она часто бывает в таком состоянии? Наверное, это связано с ее иллюзиями относительно королевы ведьм. Ей бы дать нюхательной соли, но, к сожалению, у меня соли нет. Девушки, которые обычно бывают здесь, в обморок не падают.

Вдруг ко мне пришла идея, и я торопливо приготовил крепчайший мартини. Налив его в стакан и положив ломтик лимона, я поднес напиток к носу Аннис. Она резко отдернула голову. Мне стало легче, так как любой, кого нельзя оживить с помощью этого напитка, будет признан мертвым даже медицинским консилиумом.

В ее глазах появился свет, и голова выпрямилась.

– А я уже хотел распорядиться насчет пересадки сердца.

– Дурак, - скривила она губы, - это был таг-хаирм… Для тебя есть важное сообщение.

– Что именно?

– Ваша клиентка покинула Землю.

– Кто?

– Морриган убыла в Лохлэнн с лордом Сионом. - Аннис с отвращением произнесла эти слова и одним глотком осушила полстакана. - Они опередили меня на один марш и могут быть в

Кэр Ригоре за десять дней. Биллтейн начнется, и коронуют фальшивую принцессу.

– Объясни мне, пожалуйста, что-нибудь. Ты имела видение относительно Морган?

– Да! - резко ответила она. - Морган Лейси покинула свою планету. Она уже несколько часов в пути и проходит через Кэр Педриван на планету Анивн.

Я последую за ней!

Я не поверил ни единому слову, но мне нужно было убедиться, что с Морган все в порядке. Ведь она мой клиент, и я должен защищать ее. Если это простое похищение с маскировкой под сверхъестественное, я должен знать об этом. Я снял трубку телефона и набрал номер Лейси. Нетерпеливо барабаня пальцами по столу, я ждал ответа, рассчитывая услышать ее хрипловатый голос, но мне ответил мужчина. Когда я объяснил, кто в такой, он рассказал мне новости. Морган ушла из дома в сопровождении пары, в которой по описанию можно было без труда узнать лорда Сиона и его спутницу. Секретарь Морган был в панике и позвонил в полицию. Сейчас он попросил меня приехать и рассказать все, что мне известно.

– С удовольствием, - пообещал я, - но не сегодня. Сейчас я попытаюсь выяснить, куда же ушла Морган Лейси.

Я ничего не рассказал по телефону, но собирался найти ее, даже если для этого придется попасть на воображаемую планету Анивн, на которой находится Лохлэнн.

Закончив разговор, я повернулся к Аннис.

– Ну так в чем же дело? Где Морган?

– Морган в Кэр Педриване, Вращающемся Замке, на пути между мирами, - ответила она, допив коктейль и наклонив голову, будто снова услышала шепот невидимого. - Она уже там, и я буду там же, как только наберу энергию.

– Ну смотри, если вы куда-нибудь увезли Морган… ты и этот лорд Сион… у вас будут неприятности. Полиция Лос-Анджелеса не любит, когда прямо у нее из-под носа похищают кинозвезд.

– Не будь дураком, Джэнюэр. Морган ушла с Сионом добровольно, а я делала все, что в моих силах, чтобы это предотвратить.

– Я уже устал от этой чепухи и…

– У тебя никогда не будет возможности воспользоваться своим мечом, - перебила она меня. - Ты даже не отважишься носить его с собой. Тебя засмеют. А пустить его в ход против насмешников ты не сможешь, так как тебя обвинят в жестокости.

Конечно, я не могу носить меч на бульваре, но мечтаю о том дне, когда я плюну на все, надену кольчугу, возьму меч и выйду

на перекресток дорог.

Здесь я, как короли древности, буду вызывать всех проезжающих на поединок в честь дам. Я хорошо представлял себе, как длинный блестящий "кадиллак" с толстым банкиром за рулем принимает вызов и бросается на меня. Я вижу себя разящим мечом "кадиллак". Раз! Он издает предсмертный крик и вот уже валяется на земле, поливая ее своей черной кровью. Мотор, шасси, колпаки и прочая дребедень вывалились наружу.

– Я знаю место, где ты все время сможешь носить свой меч. Там у него будет много работы.

У меня зачесались руки в предвкушении тяжести рукояти. О, если бы это было на самом деле! Если бы существовал Лохлэнн, где правит магия и человек с хорошим мечом и запасом заклинаний может сделать себе карьеру!

– Кэр Педриван приближается, - сообщила она с такой уверенностью в голосе, что наконец вызвала у меня доверие к ее словам. - Я скоро исчезну отсюда. Хочешь пойти со мной?

Предположим… предположим, что это правда. Предположим, что я останусь непоколебимым в своем неверии, а она внезапно исчезнет и окажется на планете Анивн или как там еще. Я не только потеряю шанс, о котором мечтал всю жизнь, но и брошу в беде своего клиента Морган Лейси.

– Пойми, я не верю в это… Я не могу поверить этому даже на секунду, но…

– Но если бы это было правдой, ты бы хотел исчезнуть со мной?

– Да.

– Тогда поторопись. Готовься, только быстро. У нас всего несколько минут. Кэр Педриван совсем близко. Он проходит сквозь время и пространство, чтобы соединиться с Землей.

Я заспешил, все еще не веря ничему, но и не желая остаться, если существует этот мир на другой стороне… Стороне чего? Я сменил одежду на более легкую, но теплую, надел тяжелые ботинки. После этого я натянул на себя кольчугу, перекинул за спину меч и нахлобучил шлем. Кроме того, я положил в мешок несколько томов заклинаний и других предметов магии.

Теперь я готов! Ко всему готов!

– Кэр Педриван почти рядом! Встань сюда, Дюффус Джэнюэр, и держи меня за руки!

Я подошел и встал рядом с ней. Ее руки стиснули мои, и мы застыли в ожидании.

5. ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРАЩАЮЩИЙСЯ ЗАМОК

– Ты чувствуешь что-нибудь? Джэнюэр, ты чувствуешь, что тебя тянет? - возбужденно спрашивала Аннис.

– Я ничего не чувствую. Все происходит так, как я и предполагал, - ничего не происходит!

От разочарования мне было очень плохо. Я увидел всю перспективу своей скучной жизни: унылый Голливуд, тоскливая Калифорния, грустная Земля и…

Внезапно мигнули огни, и стало темно. Аннис крепче сжала мою руку.

– Сейчас! Сейчас!…

Теперь я понял, что мигали не огни, это мигала комната. Стены библиотеки мерцали и постепенно тускнели. Теперь я видел это, чувствовал своим разумом, что меня тянуло куда-то словно шелковыми веревками, обвившими тело. Стены растаяли, и вокруг нас появился золотой туман. Мы двигались… Нет, не двигались, мы стояли на месте, а сквозь нас двигалось пространство. Стены библиотеки появились снова. Казалось, что они вокруг нас, только очень далеко, невообразимо далеко, как будто библиотека расширилась до размеров Лос-Анджелеса. Затем они растаяли совсем, и все покрыл золотой туман. Потом и он исчез, а мы очутились в темноте, совершенной темноте.

– Дюффус! - голос Аннис был слаб, в нем чувствовался страх.

– Слушаю! Что случилось?

– Ничего. Я хотела убедиться, что ты здесь.

Так как мы держались за руки, было ясно, что я здесь, и я сказал ей об этом.

– Знаю, но я боялась, вдруг что-нибудь случится и… останутся одни руки.

– Что-нибудь случится?

– Да, между мирами может быть всякое.

Момент был очень удобен для такого сообщения. Мы были в настолько абсолютной темноте, что я понял, что до этого темноты не видел. Это было не просто отсутствие света, а почти материальная тьма. И эта девушка говорит, что здесь может случиться всякое.

– Меч! - воскликнул я и попытался освободить руки, чтобы достать его.

– Нет-нет! Если мы потеряемся, то никогда не найдем друг друга! - вскрикнула она. - А кроме того, я не думаю, что здесь,

между мирами, меч может помочь!

Я не был в этом уверен. Он же магический. Я не мог представить себе никого, чей череп он не смог бы расколоть. Конечно, если имелся череп…

Вокруг сгущался холод. Он был таким же полным и абсолютным, как и темнота, окружавшая нас. Я забеспокоился от ощущения, что в этом холоде есть дыхание кого-то, кто подстерегает нас. Подстерегает для чего? Чтобы сбить нас с пути между мирами?

– Что случилось? - спросил я, когда почувствовал, что под ногами у нас ничего нет и мы стоим здесь в ужасном мраке без какой-либо опоры.

– Мы сейчас между мирами и перемещаемся в Лимбо. Мы должны верить Бранвен и Охранникам Пути.

– Помоги нам, Бранвен! Помоги нам, Прекрасногрудая! О Богиня Любви! - молился я про себя. - Вспомни, какое приятное время мы провели для тебя.

Покажи нам путь отсюда!

– Дюффус!… Дюффус!… - в голосе Аннис звучал страх.

– Что?

– Что-то приближается к нам. А хаирм здесь не действуют… я боюсь… здесь что-то есть!

Я тоже почувствовал это. В темноте появилась какая-то дьявольская сила, очень злая и могущественная. Аннис била дрожь. Откуда у королевы иного мира, которая, вероятно, обладает большим могуществом, этот страх?

Впрочем, боязнь непонятного - одно из свойств ведьмы.

– Дюффус! Оно приближается! О! Нет… нет…

Я притянул ее к себе, и ее руки сжали мою кольчугу. Мои руки освободились, я выхватил из ножен меч и взмахнул им над головой. И вдруг стало светло. От меча исходило сияние, которого я никогда не видел раньше.

Сияние победило тьму Лимба, и теперь мы стояли в освещенном круге.

– Меч! - выдохнула Аннис. - Он волшебный!

Я почти жалел, что темнота исчезла, так как теперь было видно нечто, подобравшееся так близко к нам. Я видел, как оно отступало под ударами меча, и, призывая Бранвен в свидетели, могу с уверенностью сказать, что даже в страшных снах не встречал ничего подобного. Оно было огромное и бесформенное, а от основной массы непрерывно отделялись извивающиеся щупальца, которые, казалось, впивались прямо в наш разум.

– Закрой мой мозг! Закрой мой мозг! - кричала Аннис, зарываясь лицом в кольчугу и цепляясь за меня, как насмерть

перепуганная школьница.

Как мне закрыть мозг? Ведь у него нет подъемных мостов или дверей, которые можно было бы запереть. Жуткое холодное существо отбрасывалось назад магической силой меча, но отбрасывалось чисто физически. Оно воздействовало на нас каким-то другим способом, как будто холодный зонд вводился внутрь черепа. Я чувствовал, что теряю голову, что зонд скручивает, сдавливает меня.

У себя в библиотеке я держал много томов заклинаний на все случаи жизни: заклинания для богатства, для невидимости, для неотразимости у женщин, заклинания для излечения от страшных болезней - но теперь, когда было нужно, я не мог вспомнить ни одного. И к тому же не был уверен, что они могли бы защитить меня от этих щупалец.

Я мог только положиться на силу своего меча. С повисшей на мне Аннис я рванулся вперед, направив меч на нечто. Оно подалось назад, потом расширилось и закружилось вокруг нас, держась на расстоянии от лезвия. Я почувствовав, что холодный зонд в мозгу стал ослаблять свое давление, а потом снова начал сжимать мозг. И тут меч ударил по чему-то тугому, что некоторое время сопротивлялось, затем расслабилось, и меч вошел внутрь.

Раздался беззвучный крик боли, который звучал и многократно повторялся в мозгу, отчего я решил, что он сведет меня с ума. Наконец что-то холодное исчезло.

– Оно ушло! Благодарю тебя, Бранвен, оно ушло! - всхлипывала Аннис.

Я подумал, что нужно благодарить мой меч, а не Бранвен, но не сказал этого. Может, в таких ситуациях не следует сетовать на Бранвен. В конце концов, у богини любви и плодородия совсем другие заботы.

Стало немного светлее, и опять появился золотой туман. Я решил, что мы приближаемся к месту назначения, и был бы ужасно разочарован, если бы это место оказалось павильоном в какой-нибудь киностудии и все приключение свелось к надувательству. Но все-таки, хоть я и не мог угадать последующего, в том, что это не надувательство, я был уверен.

– Что это было? - спросил я у Аннис.

– Не знаю, - неохотно ответила она. - Иногда те, кто пытался пройти между мирами, не попадали в место прибытия.

– И тот, с кем мы встретились, виновник этого? Мне казалось, что он хочет поглотить мою жизненную силу или разум. Вероятно, его природа такова, что он питается разумом. Но теперь, с дыркой, которую сделал мой меч, он никому не доставит неприятностей.

Аннис только дрожала. Она оказалась впечатлительной. Что касается меня, то я не думал, что это существо хуже механических монстров моего мира. "С кем бы я предпочел встретиться, - спросил я себя, - с бесформенным существом или с "фордом" на шоссе?"

Золотой туман заполнил все вокруг, и холод пространства стал рассеиваться вместе с темнотой. Какая-то тень появилась в тумане.

– Кэр Педриван! Благодарю тебя, Бранвен, мы в безопасности!

Вокруг нас возникало здание. И какое здание! Оно выглядело как роскошный замок такого размера и великолепия, что по сравнению с ним собор Святого Петра выглядел просто деревенской церквушкой. Мы были в огромной комнате со сводчатым потолком площадью примерно с дюжину футбольных полей.

Я слышал, что на мысе Канаверал есть такое высокое здание, что внутрь заплывают облака, и не был бы удивлен, если бы увидел тут под сводами грозовые тучи. Комната освещалась лучами красновато-золотистого света, которые проникали через необъятные окна, находившиеся высоко над нами.

Везде были люди. Все они спешили в разных направлениях и были одеты в самую разнообразную одежду: одни в мехах, другие в каких-то тогах или туниках. Все они входили и выходили из множества маленьких тамбуров, подобных тому, в котором находились и мы. Создавалось впечатление, что это гигантская железнодорожная станция с прибывающими и уезжающими пассажирами.

И тогда я увидел контролеров в плащах с капюшонами. Они не были людьми! Странные удлиненные формы выдавали их явно неземное происхождение.

Они стояли на возвышении под ротондой. Спешащие пассажиры - я могу назвать их только так - проходили мимо, и каждый на некоторое время останавливался перед ними. Я не видел ничего похожего на билеты или деньги. В физический контакт они тоже не вступали, но я был уверен, что это контролеры.

– Наше путешествие оплачено? - спросил я у Аннис.

– Что ты сказал? - она странно посмотрела на меня.

– Я спрашиваю, оплатила ли Бранвен наш проезд?

– Нет, - покачала она головой. - Платить должна я. - И она пошла к возвышению, выглядя не очень счастливой.

– Какую плату они берут? - спросил я. - Не думаю, что они возьмут чек.

Аннис не ответила. Она шла прямо к возвышению, и ее

высокие каблуки стучали по мраморному полу. Я двигался немного сзади, прокладывая путь через толпу и разглядывая публику. Справа от меня шел монах, прямо сошедший со страниц книги о Робин Гуде. Он был одет в коричневую рясу и сандалии, но в одной руке держал модную сумку, а в другой - теннисную ракетку. Мне показалось, что он проводил уик-энд на Лонг-Айленд «остров, на котором расположены два района Нью-Йорка» и переоделся в свою средневековую одежду, как только прибыл сюда с Земли. Рядом с ним был человек в костюме от братьев Брукс, с блондинкой в мини-юбке. Они оба несли узлы с какими-то свертками, наверняка внеземного происхождения.

Высокий седобородый человек в белом халате с кушаком тащил серповидную палку, а его лысую голову покрывал венок из остролиста. Я никогда не видел друидов, но если это не друид, то я готов проглотить свой меч.

Группа маленьких человечков, весьма напоминавших троллей, волочила чемоданы, набитые, вероятно, всяческими химреактивами и аппаратурой. Из всего, что я видел, можно было заключить, что между этим миром и Землей существует довольно оживленная коммерческая связь. Трудно только понять, как это сохраняется в тайне на Земле, но это было тайной, оберегаемой уже многие годы, а может быть, и столетия. Я подумал о наших легендах, особенно о тех, где говорится о спрятанных странах и других мирах, откуда приходят удивительные существа. Я подумал и об исчезновениях с Земли - самолетах и кораблях, пропадающих бесследно, о людях, которые выходили на прогулку и о которых больше никто не слышал. Кэр Педриван объяснял многие исчезновения. Но во всем этом есть еще одна сторона: кто-то имеет на этом хороший бизнес. Но черт меня побери, что же они собирают с пассажиров?

Все это промелькнуло у меня в голове, пока я шел за Аннис к пропускному пункту. Она встала в очередь за высокой бледной женщиной с красными волосами, вид которой бросил меня в дрожь, так как она была очень похожа на вампиров, какими их описывают в книгах. Очередь шла быстро, пассажиры на секунду останавливались перед охранниками и проходили дальше.

Подошла очередь Аннис, и я внимательно наблюдал за происходящим. Однако не было ни разговоров, ни передавши чего-нибудь из рук в руки. Затем она пошла дальше, а я поспешил присоединиться к ней.

– Что все это значит? - спросил я. - Что они с тобой сделали?

Аннис была бледна и взволнована, как будто прошла через какое-то тяжелое испытание.

– Не обращай внимания, - покачала она головой. - Пошли, я

расплатилась по счету. Мы должны найти комнату на ночь, а затем корабль в Лохлэнн.

С толпами других вновь прибывших мы прошли через большую арку и вышли на мраморную террасу, окружавшую здание. Кэр Педриван стоял на высоком холме. Улица, мощенная камнем, вела вниз по склону. За городом были доки и гавань, и мы могли видеть мачты кораблей над черепичными крышами домов. За гаванью виднелось море не правдоподобного сине-зеленого цвета, над которым висело солнце, гораздо более красное, чем на Земле.

– Мы зовем наш мир Анивн, - сказала Аннис, показывая рукой на все это. - Твой мир мы называем Абред.

В ее голосе все еще было волнение, а когда мы спустились с террасы по широким ступеням на улицу, она оперлась на мою руку.

– Что произошло? Какова плата за наш проход?

Она посмотрела на меня измученными глазами.

– Жизненная сила. Охранники поглощают жизненную силу тех, кто пользуется их воротами. Они берут немного, но это нелегко.

– Тогда, значит, тот, между мирами, был…

Она кивнула.

– Я солгала тебе, сказав, что не знаю, кто это. Это охранник-преступник. Он выброшен из их общества. Вместо того чтобы брать немного жизненной силы, он поглощает ее всю, и жертва погибает.

– Но эти охранники выглядят совсем не так.

– Они скрыты под плащами с капюшонами, - пожала плечами Аннис. - Если встать перед ним, он поднимает капюшон, чтобы взять плату, и ты видишь, что он такой же, как и тот.

Мы спустились по ступеням, и к нам подскочил владелец носилок, который принялся усиленно зазывать Аннис в свой экипаж, приводимый в движение рабами.

– Прямо в лучшую гостиницу города, - говорил владелец на языке, который показался мне смесью ирландского и староанглийского. - Цена у меня самая низкая, а рабы - самые быстрые на острове.

Аннис кивнула и села, я последовал за ней. Рабы недовольно заворчали, с заметным усилием поднимая мои двести тридцать фунтов и фунтов сто Аннис.

– К "Голубому дельфину", и побыстрей! - приказала Аннис.

Кнут хозяина щелкнул, и шесть бритоголовых подпоясанных рабов пустились в путь. Через несколько минут мы прибыли в город и понеслись по улицам. Дома по сторонам улиц были

средневекового типа, построены из камня и покрыты черепицей. На улицах было много торговцев и богато одетых людей, возможно, купцов. Нагруженные мулы двигались по направлению к гавани. Они везли мешки и ящики совершенно земного типа, что подтверждало мое предположение о том, что дорога между мирами - это оживленный торговый путь.

– "Голубой дельфин" совсем близко от гавани, - пояснила Аннис. - В нем останавливается много капитанов, и мы сможем договориться о каюте на корабле, следующем в Лохлэнн.

Я рассеянно кивнул, так как во все глаза рассматривал город. Он очаровал меня закутанными в мантии женщинами, которых несли в паланкинах закованные в кольчуги мужчины, знатью и крестьянами, торговцами и моряками, проталкивающимися сквозь узкие улочки. А запахи! Город был весь пропитан множеством удивительных запахов: смолы и морской соли, грязи сточных канав и пищи, которая готовилась прямо на углях посреди улиц, экзотических трав и специй, названия которых я никогда и не слышал. И над всем этим корабли! С мачтами и белыми парусами на них! Святая Бранвен! На кораблях белые паруса, а город воняет навозом, грязью и сточными водами вместо смога!

Я счастливо улыбнулся и широко раскинул руки:

– О Бранвен, Бранвен, благословенная Прекрасная Грудь! Я пришел домой! Ты привела меня домой!

Аннис с удивлением посмотрела на меня.

– Надеюсь, тебе понравится наш мир. Но временами он бывает крайне неприятен. Он, конечно же, отстал от твоего по части наук и "цивилизации".

– У вас есть атомная бомба?

– Нет.

– А автомобили, смог, реактивные самолеты?

– Нет, но у нас есть пираты, разбойники, колдуны, волшебники, не говоря уже о детях Ллира и о самом Ллире.

– Ха! Мне смешно! Мы с моим мечом смеемся над пиратами, разбойниками и колдунами. Своим мечом я поотрубаю головы пиратам и разбойникам, а колдунов вызову на соревнование - заклинание против заклинания, - и немного потреплю их.

– Не знаю, что я с тобой буду делать, - покачала головой Аннис.

– Разве ты не видишь, что это мой мир? Я был рожден не в то время и не в том мире, где следовало. Я принадлежу не Земле, а Анивну. На Земле я был анахронизмом, здесь я стану великим воином.

– Посмотрим. Несомненно, у тебя скоро появится

возможность поработать мечом. Нам нужно плыть через Бессолнечное море. Переплыв его, мы доберемся до района, называемого Нижние Волны, где находятся Лохлэнн, Сокр и фианчуив. Море полно опасности: Голубые Люди, морские драконы и огромные змеи, штормы, которые посылает Муилертах, Ведьма Моря. Посмотрим, твой ли это мир.

– Ха! - повторил я, горделиво продемонстрировав свои мускулы. - Давай их сюда! Давай опасности и приключения! Я поборюсь с драконом и насажу на вертел Голубого Человека. Я выгоню Муилертах из ее собственного моря!

Аннис побледнела почти так же, как и при выходе из Кэр Педривана.

– Ради Бранвен, не говори так! Пожалуйста, не надо! Муилертах может услышать.

– Ха! Если ты боишься Муилертах, то я - нет! - величественно произнес я. - Берегись, Ведьма Моря! Идет Дюффус Джэнюэр! Дюффус Шотландский и его большой меч прибыли на Анивн!

– О Бранвен, куда я тебя втянула? Неужели здесь так мало диких людей, что я притащила с собой еще одного?

Мы свернули на узенькую улочку, по обеим сторонам которой стояли двухэтажные дома. Тут висел весьма сильный запах рыбы, и я не удивился, увидев табличку: "Улица рыботорговцев".

– "Голубой дельфин" находится в конце этой улицы. Там мы найдем владельцев кораблей или капитанов, которые собираются плыть в Нижние Волны.

– Почему они так называются?

– Потому что страны в этой части света действительно находятся ниже уровня моря. Там есть громадные пещеры, которые люди называют "Корни Океана". В пещерах лежат страны Лохлэнн, Сокр и фианчуив. Дети Ллира хотят уничтожить эти страны, так как считают эту территорию своей собственностью.

– Дети Ллира тоже живут в пещерах?

– Нет, они живут в море. Они дышат в воде, как рыбы и Голубые Люди.

– У них есть жабры?

– Есть многое на этом свете, что недоступно вашим мудрецам, Дюффус, - ответила она, перефразируя Шекспира. - Многое, очень многое.

– Дай-ка мне разобраться в этом, - попросил я. - Дети Ллира хотят завоевать Лохлэнн, правильно?

– Если незаконная королева займет трон и будет коронована на Биллтейне, страна станет беззащитной и дети Ллира сломают большие ворота, которые запирают Лохлэнн от моря. Тогда мой народ погибнет, дети Ллира будут плавать по улицам моих

городов, а Ллир - сидеть на троне Лохлэнна.

– Тогда скажи мне, если ты настоящая королева, то почему лорд Сион объявил, что королева - Морриган?

– Морриган и я родились от одного отца, короля Аравна, но от разных матерей. У нас, как и у вас в древности, наследование передается по женской линии. В жилах моей матери течет королевская кровь, а мать Морриган была посвящена Муилертах. Посуди сам, кто из нас обладает большим правом на трон?

Я не ответил, решив оставить свое мнение при себе. Кроме того, моя миссия здесь - найти Морган Лейси и доставить ее на Землю, если она этого захочет. Я надеялся, что не захочет. Что же касается меня, то в был уверен, что не пожелаю возвращаться.

"Голубой дельфин" оказался большим зданием с черепичной крышей и двориком, посреди которого росли оливы. Хозяин, маленький круглый человек в фартуке, подбежал к нам.

– Добро пожаловать! - бубнил он. - Добро пожаловать в "Голубой дельфин", самую лучшую гостиницу в Педриване. Земной комфорт, анивнская кухня и обслуживание лучше, чем в любом из миров.

– Я принцесса Аннис из Лохлэнна, - величественно заявила Аннис, - а это мой Дюк Беллум, Дюффус.

Я быстро сделал здесь карьеру. В древней Британии Дюк Беллум командовал всеми вооруженными силами страны. Этот пост сделал бы честь любому рыцарю Круглого Стола короля Артура. Про себя я гордился этой должностью, пока не вспомнил, что в единственный воин Аннис, так что больше некому претендовать на нее.

– Нам нужен корабль в Нижние Волны, - сказала хозяину Аннис. - Быстрый корабль.

Хозяин очень расстроился.

– Люди, если бы вы прибыли на день раньше! Арван Роэ отплыл только вчера с тремя пассажирами на борту. Через две недели он будет в Лохлэнне.

– А кто пассажиры?

– Лорд и леди из Лохлэнна и женщина, которая все время молчала. У нее чудесные золотистые волосы, похожие на свет Рот Фэйл. Она была так красива, что от нее невозможно было оторвать глаза.

– Морриган! Проклятый Сион! Они намного опережают нас, Джэнюэр!

– А еще есть корабли? - спросил я, испытывая затруднения с этой смесью какого-то кельтского и староанглийского.

– Ни одного. В течение недели не будет ни одного корабля в Лохлэнн, - ответил хозяин. - Ходят слухи, что в Нижних Волнах

идет война, и торговцы не рискуют плавать туда.

– Но должен же быть хоть какой-то корабль! - настаивала Аннис.

Хозяин покачал головой, но потом вспомнил.

– Есть один. Он плывет в Фианчуив, но…

– Хорошо. Оттуда мы сумеем нанять баркас до Лохлэнна. Где я могу найти капитана?

– "Андраста" - небольшое судно, леди. Простой грузовоз. Он возит губку и копру. На нем нет запасов продовольствия для пассажиров.

– Где я могу найти капитана? - повторила Аннис. - Я должна плыть хоть на плоту.

– "Андраста" отплывает с утренним отливом. Я пошлю мальчика с запиской для капитана.

– Хорошо, мы проведем ночь на берегу, а перед отплытием прибудем на судно.

– Ваши комнаты сейчас будут готовы, - заверил хозяин и побежал по своим делам.

Я повернулся к Аннис.

– У меня есть один вопрос.

– В чем дело?

– Если ты действительно королева Лохлэнна, то зачем тебе нужен корабль? Почему ты не можешь совершить заклинание и перенести нас туда на крыльях магии?

– Ты дурак, Джэнюэр. Ты считаешь себя экспертом в области магии, а не понимаешь, каких огромных сил это требует. Просто поднять плод оливы и перенести на ладонь, - она показала на плод, упавший на землю, - и то требуется энергия. Даже Муилертах, которая вздымает огромные волны и устраивает штормы, не может перенести двоих за тысячи миль.

Я смотрел на оливку, лежавшую у нее на ладони, и думал, что много слышал о магии, но такое увидел впервые. И я был поражен, так как возможности для обмана здесь не было, я все видел своими глазами.

Допустим, то, что Аннис называла магией, есть сила ума. Это объясняет, почему не все возможно сделать при ее помощи. Например, чтобы перенести нас в Лохлэнн, необходимо слишком много энергии и одному мозгу с этим не справиться.

– Да, теперь ясно.

– Пойдем съедим что-нибудь горячее. С завтрашнего утра мы уже будем на палубе корабля, а корабли в этом мире далеко уступают вашей "Куин Мэри".

6. ДЕМОН ПОБЕЖДЕН

"Андрасте" действительно было далеко до "Куин Мэри". С первого взгляда я был готов поспорить с теми, кто называл ее кораблем. Это было одномачтовое судно с круглым дном. Единственный парус был квадратным, и я мог бы поклясться, что оно ходит по ветру не лучше резиновой лодки. У него не было руля, вместо которого с правой стороны свешивалось весло. Я попытался представить себе, как суденышко отчаливает от берега и выходит в море. Картина была очень печальной.

Капитаном судна оказался высокий сухопарый человек с бородой, которую он, вероятно, позаимствовал у Рипа Ван Винкля. Помогали ему одноглазый помощник и дюжина зловеще выглядевших матросов. Часть груза была сложена на палубе, что делало посудину еще менее пригодной к морским переходам. На ней было всего две каюты, и помощник с неудовольствием уступил нам свой роскошный - четыре на четыре ярда кубрик, перейдя с койкой к экипажу.

Пока "Андраста" вместе с отливом прокладывала путь из гавани, Аннис и я стояли и смотрели на крохотную каютку, которую нам предстояло разделять следующие две недели.

– Я видел сортиры побольше, чем эта каюта, - заметил я, раздумывая, как войду туда с мечом.

– В конце концов, мы в пути, - ответила Аннис. - Если все будет хорошо, то мы прибудем в Лохлэнн только через несколько дней после Сиона и Морриган и задолго до Биллтейна.

Я смотрел на единственную койку и думал, что хорошо, что между Аннис и мной существовали интимные отношения, иначе такая жизнь была бы неудобной и стеснительной.

– Эта койка слишком мала, - сказал я.

Она посмотрела на меня, и в ее глазах был холод.

– Я маленькая, и мне здесь будет нормально.

– Для тебя… - я смотрел на жесткую постель и думал, как, во имя Бранвен, смогу втиснуть свои шесть футов и пять дюймов в это пространство.

– Да! Не собираешься же ты делить ложе с будущей королевой Лохлэнна?

– Но… после того, что произошло в домике, я, естественно, предполагал, что…

Аннис вытянулась во весь свой рост. В Педриване она купила кое-что из одежды, и теперь была одета в тунику, во множестве цветов которой преобладали красные, голубые и желтые. Туника свободно ниспадала с ее стройного тела. Поверх туники на ней

был плащ, отороченный золотом, на шее золотое ожерелье, а на руках браслеты. Каждым своим дюймом она выглядела как королева дикарей.

– Об этом и не думай, Джэнюэр. В домике была лишь религиозная церемония, и никаких частных интересов. Понятно?

– Для меня это было чересчур личным. И должен признаться, я предполагал, что мы будем заниматься тем же самым все две недели плавания.

– Этого больше не будет! - отрезала она повелительно.

Похоже, придется смириться. Я протиснулся в маленькую дверцу и, сняв меч с плеча, попытался расположить его в каюте. Но кончик меча все равно высовывался из дверей.

– Как же мы закроем дверь? - спросила Аннис.

– Не знаю. Но нельзя оставлять его на соленом воздухе. Он может заржаветь, а воин со ржавым мечом смешон.

– Может, его положить поперек?

– Ты хочешь, чтобы меч был между нами, как в древних историях, когда герои таким образом отделялись от дам, чтобы не поддаться соблазну?

– Ты считаешь себя в этой истории героем? По-моему, ты скорее комедийный персонаж.

Может быть, я и заслуживал отповеди болтовней о своем будущем, но согласиться с этим не желал.

– Ты не находила меня смешным, когда мы были между мирами и на нас напал сумасшедший охранник.

Она смутилась и вздрогнула.

– Я тогда чувствовала, что все мое существо буквально высасывается, я была в ужасе. Если бы не ты и не твой меч, не знаю, чем бы все это окончилось.

– Может, твоя магия не действовала потому, что ты не верила в ее действенность? Наверное, и мои заклинания на Земле оставались безрезультатными потому, что в в них по-настоящему не верил.

– Значит, ты думаешь, что волшебное могущество - это просто результат умственных усилий или нечто подобное?

– Конечно. Я всегда говорил, что колдовство - прекрасный пример отрицательного мышления.

– Ошибаешься. Магические силы от Бога. Они проявляются только у тех, кто посвящен богам.

– Ну что ж, посмотрим, - сказал я, укладывая меч поперек каюты. - Может, я буду таким же хорошим воином, как и колдуном.

– Пока что ты воюешь только языком, - зевнула она. - Это создает плохое впечатление о земных мужчинах, Джэнюэр.

Я снял кольчугу и шлем и повесил их на крюк. Она разделась и сложила одежду в ящик под койкой. Я тоже кое-что купил в Педриване, когда, к своему удивлению, обнаружил, что могу расплачиваться чеками. Я приобрел прекрасно сшитую тунику с меховым капюшоном и к имеющемуся вооружению добавил двадцатичетырехдюймовый кинжал. Кроме того, я купил стеганую фуфайку под кольчугу.

"Андрасту" начало качать на волнах, как обычную шаланду, каковой она, впрочем, и являлась. Аннис позеленела.

– Что случилось? - спросил я. - Ты что-нибудь съела за завтраком? У меня есть подозрение на копченую селедку.

Аннис сглотнула слюну и села на постель.

– Ты же сам, черт тебя побери, знаешь, что со мной!

– Морская болезнь! Очень странно для дочери короля моря.

– Я прожила на Земле пятнадцать лет, - сказала она, ложась на койку и стараясь не смотреть на фонарь, раскачивающийся под потолком. - Я не плавала на таких судах с тех пор, как была девочкой.

– Я знал великолепное заклинание против морской болезни, но отдал одной русалочке в Санта-Монике, а та его не вернула.

– Будь ты проклят, Дюффус! Чтоб твоя душа попала в Уфферн!

– Не знаю, что такое Уфферн и где он, дорогая, но знаю, что проклятиями не расплачиваются за сочувствие, так как они могут рикошетом вернуться. Знаешь, что я сейчас сделаю? Я выйду на палубу и буду дышать свежим воздухом. Вдруг это как раз та магия, которая может помочь тебе?

Она снова сглотнула, чтобы опустить на место желудок. Я быстро подал ей сосуд, который стоял на столике посреди каюты. Это было именно то, а чем в настоящий момент она настоятельно нуждалась. Улыбнувшись про себя, я вышел на палубу. Оказывается, морской болезни подвержены и ведьмы-королевы.

Меня поразило поведение мачты. Она описывала головокружительные фигуры в бледно-голубом небе. Матрос, сидя в вороньем гнезде на ее вершине, чувствовал себя, наверное, как на американских горках. Я огляделся и увидел, что вся команда бегает вперед и назад, с криками выполняя какие-то указания. Капитан и помощник находились на корме, налегая изо всех сил на рулевое весло. Вероятно, что-то произошло. Корабль не только качало и швыряло на волнах, но он еще описывал круги. Крепко держась за поручни, я пробрался от носа к корме, обдаваемый солеными брызгами зеленой воды.

– Что это? Что случилось?

Капитан и помощник не обратили на меня внимания. Оба они

с таким пылом ругали течение, как будто соревновались между собой в богохульстве.

Так как они использовали местный язык, я не уловил всех тонкостей их тирад, но из того, что понял, все было чрезвычайно изобретательно.

Шатаясь, я пробрался к лестнице, ведущей на кормовую палубу, и взобрался по ней.

– В чем дело, капитан? - прокричал я. - Почему вы водите корабль кругами?

– Мы собираемся вернуться в Педриван. Мы не можем плыть дальше.

– Но вы должны идти дальше. Вам заплачено за проезд, и мы должны приплыть в Лохлэнн.

Капитан посмотрел на меня и приказал убираться с палубы, присовокупив к этому различные подробности о моем происхождении, морали моей матери и свиноголовом боге, которому я поклоняюсь. Меня не очень возмутили та вещи, которые он сообщил о моем происхождении, а что касается нравственности матери, то я всегда считал, что это ее личное дело, но я не мог позволить так говорить о моем боге. Я двинулся к ним. Капитан схватился за багор, а помощник вынул нож, но прежде чем они успели пустить в ход оружие, я схватил их за воротники. Затем поднял их обоих в воздух и только хотел стукнуть головами, как эта старая лохань со свиным брюхом, на которой мы находились, нелепо подпрыгнула на волне и все мы упали на палубу, изо всех сил стараясь удержаться и не свалиться за борт. Меня бросило на поручни, капитан болтался где-то между небом и землей, а помощник держался за мою ногу.

Капитан, посмотрев вниз на дико клокочущее море, вскрикнул и судорожно схватился за мою руку. Я оттащил его от борта и встряхнул, как полудохлую крысу, которую он очень напоминал. Затем поставил его на ноги и направился к рулевому веслу. "Андраста" опять развернулась, направив свою высокую корму в открытое море.

– Черт побери, поверните ее! - завопил я. - Ее же сейчас захлестнет волнами!

Они с остервенением ругались, но уже избегали замечаний относительно моей религии или происхождения.

– Мы не можем ее развернуть! - закричал капитан. - Нас околдовали!

– Броуджер «вероятно, это Ангус из Бруга - могущественный сид (так называли обитателей волшебных холмов или островов), способный незримо переноситься по воздуху» на нашем пути! Здесь мы не можем выдержать курс!

– вопил помощник. - Мы будем крутиться до конца света!

Я не знал, кто или что такое Броуджер, но никого в море не заметил.

Все, что я мог видеть, это непрерывно вращающуюся на фоне неба мачту и небо, крутящееся в противоположном направлении. Внезапно я почувствовал тошноту.

– Там ничего нет! - закричал я, сглотнув слюну, чтобы желудок стал на место. - Я ничего не вижу!

– Конечно! - ответил капитан. - Никто не может его видеть! Никто, кроме могущественных колдунов!

Я решил, что они пытаются скрыть свое неумение справиться с кораблем в такую погоду, отстранил их и взялся за весло сам. Моей первой мыслью было, что "Андраста" вовсе не тот маленький приятный шлюп, на котором я плавал в Южной Калифорнии. Потом я решил, что кто-то, гораздо более сильный, чем я, заставляет "Андрасту" вертеться на месте.

– Что же ты не выправишь ее? - злорадно спросил капитан.

– Налегай на весло сильнее! Может, пересилишь Броуджера! - присоединился к нему помощник.

– Заткнись со своим Броуджером, а то… - Я хотел так ударить его, чтобы он больше не поднялся с палубы, но тут появились все матросы и столпились на корме с ножами и концами в руках.

– Броуджер на борту! - завопил какой-то подозрительный тип. - Пассажиры заколдованы!

– За борт их! - подхватил помощник, и толпа двинулась к корме.

Картину, подобную этой, в тысячи раз рисовал в своих грезах. Я на палубе корабля, и дюжина орущих разбойников приближается ко мне. Ха! Это как раз то, что любит истинный воин. Но здесь была маленькая проблема. В моих фантазиях при мне всегда был меч с красным от крови лезвием. К несчастью, мой меч лежал сейчас в крохотной каюте рядом с Аннис. Все эти головорезы были вооружены, а я нет. Я решил напугать их наглостью.

– Ну, подходите, подходите по одному! Я сейчас вам покажу!

Мне не пришло в голову, что они поступят не по-джентльменски и набросятся все разом. Пару минут все шло как надо. Ухватившись за рулевое весло одной рукой, я врезал по физиономии первому матросу, который приблизился ко мне. Тот опрокинулся назад и, перелетев через поручни, упал на нижнюю палубу. Второго я встретил боковым ударом в голову. Глаза его побелели, он рухнул на колени и немного погодя свалился бездыханным. На этом мои успехи кончились. Все остальные разом бросились на меня. Я опрокинул на палубу еще одного и

пнул капитана в очень чувствительное место, но потом с полдюжины матросов оторвали меня от опоры, как я ни сопротивлялся. Помощник начал бить меня кулаком по голове, а матросы хлестали по спине и плечам веревками.

– За борт его! - кричал помощник. - Принесем его в жертву морским богам!

Это было чересчур, и я ожидал, что капитан отбросит свою враждебность ко мне и все прекратит. К несчастью, капитан был не в состоянии что-либо сделать. Он, скрючившись, сидел на палубе и стонал от боли в том месте, куда в его ударил.

– Стойте! - завопил я. - Я - американский подданный! Я буду жаловаться… - я не сразу смог придумать, кому я буду жаловаться или подавать протесты, так как меня подавили те удары и пинки, которые наносились против всех законов гуманности. И тогда я вспомнил Бранвен. - Бранвен! Это я, Дюффус! Ты знаешь меня. Там, в твоем домике, мы уже встречались! Бранвен, сделай что-нибудь!

Матрос начал переваливать меня через поручень, и я услышал дикий шум моря внизу.

– Кончай с ним! - кричал помощник, и матросы делали все, чтобы выполнить этот приказ.

Я был уже почти там. Мой зад висел за бортом, а матросы поднимали мои ноги, чтобы перекинуть вниз.

– Остановитесь, идиоты!

Сначала я подумал, что это голос Бранвен из Валгаллы, царства любви, но потом понял, что это Аннис. Она карабкалась по лестнице на кормовую палубу, и из-за переборки уже была видна ее голова.

– Дюффус, кретин, что ты сделал этим людям? Что ты тут натворил?

Я не ответил, так как четыре пары рук сжимали мое горло, а еще одна рука зажимала рот. Кроме того, я считал, что эти вопросы несколько не ко времени. Аннис не дождалась ответа, вскарабкалась на палубу и стала кричать, пинать и царапать людей, которые хотели убить меня.

– Отпустите его! Отпустите, а то я превращу вас в сардин!

Капитан уже настолько оправился, что смог что-то промямлить про Броуджера. К моему удивлению, угроза Аннис подействовала, и меня отпустили. Парусник все еще ходил кругами, зачерпывая бортами воду.

– Броуджер! Броуджер! Корабль заколдован!

– Это куча суеверных идиотов, - сказал я Аннис, и голос у меня был хриплым из-за того, что меня чуть не задушили. - Они воображают, что на мачте сидит какой-то монстр.

– Здесь Броуджер, - сказал капитан. - Его нельзя увидеть, но он здесь.

К моему удивлению, Аннис подняла голову и стала смотреть вверх, как будто приняла всерьез его слова.

– Конечно, это Броуджер, - сказала она.

– Ты сумасшедшая, как и они. Я ничего не вижу, черт возьми!

– Конечно, идиот. Он же чародей. Он может сделать так, что ты увидишь то, что он захочет. Он сейчас тут.

– Где? - спросил я, глядя на мачту.

Матрос, сидевший в вороньем гнезде, давно спустился вниз для борьбы со мной, и мачта была совершенно пуста.

– Вон там, - ответила Аннис, подняв руку и сделав каббалистический знак пальцами.

Я разинул рот: он был там. На ноке что-то еле виднелось. Когда оно стало видно более отчетливо, оказалось, что оно имеет отдаленное сходство с человеком - маленький человечек с широкими плечами и длинными ушами, спускающимися на плечи, и с ухмыляющейся физиономией. Он прыгал по ноку и непрерывно смеялся.

– Это он! - закричал капитан. - Мы заколдованы! Заколдованы!

Существо на мачте вскрикнуло и высунуло язык.

– Все кругом, кругом. "Андраста" будет плыть все время и никуда не приплывет! - пело оно. - Кругом, все кругом! Броуджер прыгает, "Андраста" вертится!

– Броуджер! Я приказываю тебе! - закричала Аннис. - Именем Бранвен, уйди отсюда!

– Бранвен то, Бранвен это! - с сумасшедшим смехом закричал Броуджер.

– У Бранвен нет силы против Ведьмы Моря!

– А! Теперь все понятно, - сказала Аннис. - Это Морриган. Она наслала на нас геас!

– Что за чепуха? - сказал я, рассматривая прыгающего на ноке Броуджера. - Морган Лейси обычная земная девушка. Что она может знать о геасе или об этом существе, называемом Броуджером? Кстати, кто это?

– Дух моря. Тысячи моряков погибли из-за него.

– Ну, мы-то не погибнем. Капитан, пошлите кого-нибудь наверх! Пусть стащит этого дьявола!

Все матросы посмотрели на меня так, будто были готовы броситься за борт при таком предложении.

– Олл райт! Я сделаю это сам.

– Подожди, Дюффус, - сказала Аннис, - дай мне подумать. Через минуту я вернусь с решением.

– У нас мало времени. Посмотри, собираются тучи, приближается шквал, который неминуемо опрокинет судно, если мы не развернемся носом к ветру.

Я стал медленно подниматься вверх по мачте. Она качалась из стороны в сторону, грозя швырнуть меня за борт в бушующие волны. Броуджер увидел меня и принялся хихикать.

– Большой человек идет и хочет сбросить Броуджера! Большой человек упадет с мачты и сломает себе шею, а Броуджер будет смеяться и смеяться!

– Я тебе сломаю шею! - пригрозил я ему, когда был уже на полпути.

Броуджер стал вертеться еще быстрее. Он ухватился за канат, свешивающийся с мачты, и начал кружиться на нем, как на карусели. Он дважды пролетел мимо меня, и я попытался его схватить. Его перепончатая лапа была на расстоянии дюйма от моей руки, и он злорадно хихикнул, когда я промахнулся. "Андраста" вертелась, как волчок. Вода с ревом катилась по палубе, и матросы в панике пытались спустить две маленькие шлюпки, бывшие на борту.

– Кругом и кругом плывет "Андраста"! - кричал Броуджер. - Кругом и кругом плывут Дюффус и Аннис!

Он опять пролетел мимо меня, распевая свою глупую песенку. Я снова попытался схватить его, но чуть не свалился с мачты. На мгновение взглянув вниз, я увидел только зеленые волны с белыми гребешками. Желудок и голова закрутились почти с такой же скоростью, как и "Андраста", а пение Броуджера производило какое-то гипнотическое действие.

– Сейчас пальцы большого человека разомкнутся… разомкнутся… разомкнутся… и он упадет вниз… упадет вниз… упадет вниз…

Мне были известны такие песенки, я видел, как они действуют на Земле, когда присутствовал на нескольких шабашах. Я зацепился и постарался заткнуть уши, чтобы не слышать этого пения.

– Дюффус, спускайся! - крикнула Аннис. - Я кое-что придумала, чтобы от него избавиться!

– Он упадет вниз, упадет вниз! - пел Броуджер, опять приблизившись ко мне. - Броуджер будет колдовать и он упадет вниз!

И только сейчас я начал кое-что понимать. Огромное крылатое существо бросилось на меня из огненного облака. Его большие черные крылья угрожающе хлопали, а своими челюстями оно намеревалось оторвать меня от мачты. Я уже чувствовал его свирепое дыхание, когда оно… Я замотал головой, и оно пропало.

Воображаемые ужасы пропадают, если поймешь, что они воображаемые.

Броуджер снова запрыгал. В его свинячьих глазках было удивление, когда он понял, что колдовство не сработало.

Тогда он стал воздействовать на мой мозг. Я уже не висел на мачте корабля, я теперь был на Земле и судорожно цеплялся за веревку, привязанную к бамперу автомобиля, мчавшегося по шоссе близ Лос-Анджелеса.

За мной неслась дюжина других машин со сверкающими зубоподобными решетками, и их гудки холодили кровь. Ужас пронизывал все мое существо.

Автомобиль мчался все быстрее и быстрее. Я был как загнанный кролик. Я был приманкой для рычащих механических чудовищ, преследующих меня. Я должен скрыться, должен уйти отсюда…

– Дюффус, Дюффус, стой! Это только колдовство! - достиг меня голос Аннис, когда я уже держался за веревку одной рукой и готовился отпустить ее.

Я откинулся было назад, и Броуджер пел свою песню ликования. Однако, опомнившись, я ухватился за канат и вновь укрепился на мачте. На этот раз Броуджер был близок к успеху. Каким-то образом он узнал, чего я боюсь, и сделал этот страх реальным, причем устроено это было с большой достоверностью. Я вдруг вспомнил все опасности того мира, которых в этом мире не было, и эти страхи чуть не погубили меня.

Броуджер снова завертелся, но на этот раз он сделал ошибку. Он не учел моего роста и длины рук. Я вытянул руку и схватил его за голую ногу.

Он заверещал и стал лягать меня, однако я подтащил его поближе и покрепче ухватил. Он вонял, как тухлая рыба, и был холодным, как само море. Я содрогнулся при прикосновении к этому липкому существу, но продолжал держать его. Он ругался и лягался, но я неуклонно спускался вниз.

Мы оказались на палубе гораздо быстрее, чем я забирался на мачту. Мои руки горели от веревочных узлов и борьбы с орущим и ругающимся Броуджером.

Он пытался поцарапать мое лицо когтями на перепончатых лапах. Я с размаху ударил его кулаком в ухмыляющуюся морду, но он вцепился зубами в мою руку как бешеная собака. Мы покатились по палубе, а матросы разбежались кто куда.

Я был в три или четыре раза крупнее его, а по весу превосходил еще больше, но его мускулы были как сталь, и яростное сопротивление продолжалось. Дважды он провел когтями по моей шее и груди. Его ноги нарисовали татуировку на

моем животе, а зубы раз за разом впивались в меня. Я пригвоздил его к палубе, а он пытался выбраться из-под меня и вскарабкаться обратно на мачту. Я рискнул осмотреться. "Андраста" барахталась без управления, а шквал был уже совсем близко.

– Пошлите команду на снасти! - крикнул я капитану. - А то шквал неминуемо погубит нас!

Отвлечение от борьбы с Броуджером чуть не стало для меня роковым. Его когтистые лапы сомкнулись вокруг моего горла, ища сонную артерию. Я со всего размаха обрушил оба кулака на его затылок. Этот удар мог бы свалить быка, морской демон испустил громкий, воняющий дохлой рыбой вздох и на некоторое время потерял сознание. Я, истекая кровью из ран на шее, плечах, груди и царапин на лице, с трудом поднялся на ноги, но Броуджер вновь ожил. Он встряхнулся, как собака, вылезшая из воды, и покатился от меня, выкрикивая угрозы в мой адрес. Я бросился за ним, но меня опередила Аннис.

Она склонилась над демоном.

– Броуджер, Броуджер, смотри! - скомандовала она, показывая ему что-то.

Она держала в руке нечто, напоминающее маленький светящийся шарик.

Свет непрерывно мигал, и как только он попал в зрачки Броуджера, они остановились.

– Броуджер, я приказываю тебе!

Броуджер склонил голову, его длинные уши захлопали на ветру. Он попытался закрыться от света, подняв перепончатую лапу, но свет проходил сквозь нее. Его глаза побелели, и он только лежал и смотрел.

– Я приказываю тебе от имени… от имени древнего и безначального. Я приказываю тебе от имени Хен Ддихендид.

Броуджер медленно поднялся на ноги. Его глаза были устремлены на свет, который исходил из рук Аннис.

– Уйди отсюда, Броуджер! Уйди отсюда и вернись туда, откуда пришел.

Возвращайся в море, о вышедший из отвратительных нечистот океана! Я приказываю тебе!

Броуджер начал пятиться к борту судна, постепенно истаивая в воздухе.

Когда он достиг борта, он уже был колышущимся силуэтом, который прошел сквозь поручни. Силуэт удалился от судна и растаял в воздухе еще до того, как погрузился в море.

– Он ушел, мы в безопасности, - сказала Аннис, прижимаясь ко мне.

– Почему ты не использовала это раньше? - спросил я, глядя

на ее руку, в которой уже ничего не было.

– Для аккумуляции энергии требуется время. К тому же мне пришлось призвать энергию более мощную, чем Бранвен. Я боялась, что не смогу воздействовать на него, когда он был наверху. Хорошо, что ты стащил его и немного придавил. Ты был очень храбр.

Я горделиво улыбнулся и уже хотел начать рассказ о своих ощущениях, когда висел на мачте с Броуджером, вонзившим в меня свои когти, как вдруг увидел, что на нас обрушивается шквал, ревущий, как разъяренные фурии.

Корабль безвольно болтался на волнах. Единственный парус был наполовину спущен за борт, но матросы все еще стояли неподвижно. Только помощник капитана и несколько матросов пытались спустить за борт шлюпки.

– Надо что-то предпринять, - сказал я Аннис, - иначе мы погибнем.

Вместе с ней мы бросились к рулевому веслу.

– Эдерин! Капитан Эдерин! Пошлите ваших людей на парус! Поднимите его! Это надо сделать до шквала!

Эдерин не слышал. Он стоял на коленях и молился, сложив руки на груди. Команда еще пыталась спустить шлюпки в море. Я знал, что во время шквала шлюпки более чем бесполезны, и не хотел, чтобы они погибли сами и погубили нас.

– Назад! Назад, никчемные швабры! - заорал я. - Или вы спасете корабль, или погибнете вместе с ним!

И тут начался мятеж. Они похватали все, что попало под руку - от топоров до багров и ножей - и кинулись на меня. Боцман, здоровенный тип с почерневшими зубами и носом картошкой, был впереди, остервенело размахивая над головой топором. Я отскочил в сторону, схватил его поднятую руку и так вывернул, что он вскрикнул и выронил топор. Затем я поднял его за руку и за ногу, превратив его тем самым в великолепный метательный снаряд, и бросил в показавшихся над краем палубы четверых матросов.

– Бей! - выкрикнула Аннис, когда снаряд попал в цель и все пятеро покатились на нижнюю палубу.

Я бросился вперед, схватил завязанный узлом канат и погнал оставшихся матросов.

– К снастям! К снастям, шакалы! Поднимите парус, или я отправлю вас на корм рыбам!

Я поставил боцмана на ноги и пинком отправил его на мачту. После некоторого колебания он с несколькими матросами стал подниматься наверх.

Помощник капитана пытался прыгнуть на меня с ножом, но я

так врезал ему, что он пролетел по воздуху почти полкорабля и с глухим стуком ударился о переборку. Капитан уже был на ногах, глядя на сбитых с ног матросов.

– Заставьте людей работать, чтобы спасти корабль! - заорал я, стараясь перекричать поднявшийся ветер. - Заставьте их работать, иначе вы мне ответите!

– Они мертвы! Вы перебили мне половину команды!

– Те, кто мертв, могут отправляться за борт! - сказал я, стащив капитана с кормовой палубы и поставив его перед собой. - Оставшимся лучше выполнять свои обязанности, не то будет хуже. Считаю до трех!

Эдерин выругался и что-то промямлил про то, что корабль заколдован. Я зажал его нос между пальцами и повернул его.

– Если они не начнут работать, когда я сосчитаю до трех, им лучше самим прыгнуть за борт!

Не знаю, что убедило его - моя угроза или положение его носа, - но он, во всяком случае, начал пинать своих людей, поднимать их на ноги и посылать по местам. Единственный, кого он не смог поднять, был его помощник, череп которого треснул от удара о переборку. С криками и ругательствами матросы подняли мокрый хлюпающий парус на палубу и затем водрузили его на мачту. Я повернулся к рулевому веслу и принял его от Аннис как раз в момент начала шквала.

– Держите парус! - закричал я, когда увидел, что матросы забегали как сумасшедшие. - Держите, не то вы мне ответите!

– Джэнюэр, ты - хулиган! - сказала Аннис.

– Однажды, когда мы говорили с тобой, ты назвала меня трусом, в другой раз - дураком, - ответил я, оценивая силу ветра и ставя рулевое весло под нужным углом.

– Может, уже нет необходимости пугать их?

– Мне кажется, есть. Я буду запугивать их, сколько смогу, так как это единственный шанс выбраться отсюда.

Ветер наполнил парус, но опасность еще не миновала. Верхний конец мачты с оглушительным треском сломался и, судя по всему, остальной рангоут ожидало то же самое.

– Эдерин, пошлите кого-нибудь наверх! Пусть закрепят рангоут!

– Корабль заколдован, ничто не поможет!

– Вот как? - ответил я, пытаясь перекричать ветер, и поднял один из матросских ножей. - Может быть, нам нужно иметь украшение? Если я отрежу твою голову и насажу ее на нос корабля, это принесет нам удачу!

Капитан быстро повернулся и принялся пинками и ударами загонять матросов на мачту.

– Ты хулиган, Джэнюэр! - повторила Аннис.

– А ты хочешь попасть в Лохлэнн?

– Да, но…

– Я не знаю другого способа держать в руках команду. Так поступили бы и твои лохлэннские герои.

– Думаю, что так, но иногда сомневаюсь, что нет лучшего способа.

– Ты слишком долго была на Земле и стала слишком мягкой.

– Многое на Земле я предпочту тому, что вижу здесь.

– Но не я, - ответил я, вдохнув добрую порцию морского воздуха. - Мне нравится этот мир. Я создан, чтобы жить здесь.

– Откуда ты взял силы, чтобы держать в руках этих людей? - спросила она. - Раньше у тебя их не было.

– Я рассказывал тебе о своей теории негативного мышления. Теперь я знаю, что когда я бью кого-нибудь из них, он начинает подчиняться. Это настоящая хорошая магия.

7. СПЕШАЩИЙ ВЕТЕР

Когда я утром вышел на палубу, на небе были только редкие облака и яркое солнце сияло над улыбающимся морем. Я с удовольствием потянулся, чтобы расправить мускулы после долгого сна на жестком полу тесной каюты.

Свежий морской воздух возбудил меня. Я повернулся и пошел на нос корабля.

Несколько моряков почтительно расступились передо мной. У некоторых из них были синяки на лице, а у одного перебит нос. Их внешний вид значительно ухудшился, а манеры стали лучше.

Я вспрыгнул на верхнюю палубу. Капитан поприветствовал меня, взяв под козырек, боцман недружелюбно улыбнулся.

– Все в порядке, капитан Эдерин? - спросил я.

– Да, сэр, все в порядке! - быстро ответил капитан. - Делаем около трех узлов. Спокойное море и попутный ветер.

Три узла… Мой маленький шлюп делал двенадцать при половинном ветре.

Их надо подучить кораблевождению.

Зевая и потягиваясь, из каюты вышла Аннис. На ней была светлая туника, которая на ветру соблазнительно обтягивала красивую фигуру. Увидев ее в таком виде, я очень пожалел, что она не решила более либерально проблему нашего совместного проживания. Может быть, если я частным образом побеседую с Бранвен, она шепнет кое-что на ухо Аннис…

С такими мыслями я присоединился к моей принцессе. Она смотрела на птиц, кружащих над морем, и на белые облака, плывущие к горизонту.

Казалось, фигуры, которые птицы выписывали в полете, что-то означали для нее, и я подумал, что по ним она читает будущее. Друиды - знатоки в таких делах, и она, может, тоже.

– Все, кажется, идет хорошо с тех пор, как мы прогнали Броуджера.

– Да, пока все идет хорошо, - кивнула она.

– Значит, ты ждешь каких-то неприятностей?

– Я бы удивилась, если бы их не было.

– Думаю, насчет Морриган ты ошибаешься. Возможно, это лорд Сион подослал Броуджера, а Морриган и не смогла, и не захотела бы это делать.

– Не лорд Сион посвящен Ведьме Моря, а Морриган.

– Ну что ж, я и мой меч готовы ко всему.

– Надеюсь, - сказала она, и мы встали рядом, облокотившись о борт и наслаждаясь красотой неба Затем Аннис повернулась ко

мне. - Дюффус, расскажи-ка…

– Что именно, могущественная королева?

– Оставь этот тон до коронации. Я хочу знать, что случилось на мачте, когда ты пытался схватить Броуджера. Мой разум был рядом с тобой, и я чувствовала, что ты с успехом сопротивляешься сиану Великого Дракона, но там появился еще один сиан. Твой разум помутился, и ты чуть не упал. Что тебя так испугало?

– Да это существо, Броуджер, как оказалось, все прозрел в моем мозгу.

Он раскрыл мой великий страх и использовал его против меня. Обычно такой тактикой пользуются врачи-психоаналитики, но они всегда зондируют внутренний мир пациента естественными средствами. Броуджер сделал это каким-то другим способом.

– Конечно. Я тоже могу это сделать. Теперь ты веришь, что в нашем мире есть настоящая магия?

– Верю, что есть что-то, действующее как магия, но у меня еще нет подтверждения моей теории пси-энергии.

– А что же обнаружил Броуджер? Чем он так напугал тебя, что ты чуть не свалился с мачты?

– Я тебе полностью доверяю, дорогая, но первый закон магии и колдовства запрещает давать кому бы то ни было психологическое преимущество.

– Этот закон действует и у нас, - сказала она без возмущения. Однако выглядела она такой довольной, что мне стало ясно: она знает мою фобию.

– Пожалуй, я немного потренируюсь с мечом, - сказал я, чтобы поменять тему разговора.

– Хорошо. Нельзя, чтобы он ржавел, он нам скоро понадобится.

После недолгого маневрирования я достал меч из каюты и повесил его на плечо, после чего осмотрелся, чтобы выбрать место для тренировки.

Несколько матросов, увидев меня вооруженным, разбежались, думая, очевидно, что я наброшусь на них. На глаза мне попалась кипа копры, и я взял один тюк, чтобы показать матросам, что не буду использовать для тренировки их головы. Потом я нашел свободное место на палубе и встал там, широко расставив ноги. Подкинув тюк высоко над головой, я выхватил меч из ножен и взмахнул им. Тюк мгновенно был разрублен пополам, и клочья рассыпались по палубе.

– Ха! Мой меч, ты ожил! Наконец ты ожил! - с торжеством воскликнул я.

После того как я разрубил добрую дюжину тюков, все вокруг было усеяно клочьями. Матросы смотрели на меня, разинув рты. Я увидел, что боцман спустился с кормовой палубы и подошел к Аннис, которая еще стояла у борта и изучала небо. Они о чем-то пошептались, и Аннис направилась ко мне. Она остановилась за пределами круга, в котором кружились хлопья.

– Дюффус!

– Слушаю, ваше величество! - откликнулся я, разрубая еще один тюк.

– Капитан сообщил, что он восхищен твоими успехами, но он еще больше ценил бы их, если бы ты оставил немного груза в целости.

Я посмотрел на хлопья, кружащиеся в воздухе.

– Да, кажется, я немного перестарался, но воин всегда должен тренировать руку.

– Об этом не беспокойся. Думаю, что для тебя вскоре найдутся живые мишени.

– О чем ты говоришь?

– Вон там, на западе, паруса. Паруса трех кораблей.

Я посмотрел туда, но горизонт был пуст.

– Но я ничего не вижу.

– И тем не менее, они есть. Я их вижу. Три галеры с воинами. Будь готов к битве, Дюффус Джэнюэр!

– Пусть идут. Мы пробьемся к Лохлэнну!

– Это корабли Голубых Людей из Мидвича. - Аннис опять склонила голову, как будто связывалась по невидимому телефону с Бранвен или еще с кем-то. - Знаешь, кто такие Голубые Люди?

– Ты говорила, что у них есть жабры и они живут под водой. Какой у них рост? Не десять футов, надеюсь?

– Нет, они маленькие, не больше четырех-пяти футов.

Я улыбнулся и повесил меч через плечо.

– Может, мне воспользоваться маленьким мечом? Смешно биться этим с такими малышами.

– Голубые Люди - это пираты и каннибалы. У них зубы как бритвы, а клыки - как у саблезубого тигра. Кроме того, они держат по мечу в каждой руке. Король Еазал из Амхары однажды послал против них флот из ста галер с двумя тысячами воинов, и ни один из них не вернулся. Друиды рассказывали, что Голубые Люди полгода питались мясом воинов, а груды костей и сейчас можно видеть под стенами Мидвича. Голубые Люди враги всем, а подчиняются они Муилертах. Это она послала их против нас и по просьбе Морриган.

– Зачем ты обвиняешь Морриган в том, что делает ведьма? - спросил я, думая о том, увижу ли когда-нибудь прекрасную

блондинку. - Мы пробьемся через все, что бы ни послали против нас.

– Не знаю, - покачала головой Аннис, - у них, по меньшей мере, по пятьдесят человек на каждой галере. Как можно бороться с таким количеством врагов, имея на своей стороне только этих? - она жестом указала на матросов "Андрасты", которые были ужасно напуганы.

Я пожал плечами, будучи уверен, что они боятся меня, а не Голубых Людей. Если понадобится, я заставлю их драться.

– Мы сделаем все, что можно. Скрыться на этой старой лохани все равно не удастся.

– Мы должны попытаться сделать это с помощью Бранвен.

– Если Бранвен поможет выжать из этой посудины больше трех узлов, то она лучший моряк из всех, кого я знаю.

– Ты говоришь так, - нахмурилась Аннис, - как будто богиня смертна и ты имел с ней интимные отношения.

– Конечно. После нашего свидания в домике я думаю о ней именно так.

– Бранвен - богиня любви, но она требует подчинения себе. В этом мы с ней одинаковы.

Оказывается, Аннис подобна всем земным девчонкам, которые говорят своим дружкам: "А будешь ли ты меня потом уважать, если я сделаю то, о чем ты просишь?"

– Я не знаю никого, к кому бы относился с большим уважением, чем к тебе и Бранвен. Я не из тех, кто поцелует и сбежит.

– Я верю, - сказала Аннис и снова включилась в разговор с невидимым, начав кивать головой в знак согласия с теми безднами мудрости, которые ей сообщала Бранвен.

– Она что-нибудь говорит обо мне? Скажи ей…

– Заткнись, идиот! Посмотри! Теперь даже ты можешь увидеть галеры Голубых Людей.

Теперь я действительно разглядел три низко сидящие галеры с одной мачтой и громадным парусом. "Андрасте" никогда не уйти от них, если только не по воздуху.

– Пойду надену кольчугу, бой уже близок.

Аннис не ответила. Они с Бранвен болтали, как две домохозяйки.

– Капитан! Капитан Эдерин! - закричал я.

Капитан посмотрел на меня. Его лицо было цвета взбитых сливок, а глаза нервно мигали.

– Вооружайте людей, капитан! Этих пиратов надо проучить!

Сначала мне показалось, что он упадет в обморок или свалится за борт, но он кивнул головой.

– Да, лорд Дюффус! Сию минуту, лорд Дюффус!

Я был прав: он больше боялся меня, чем пиратов.

Я пошел в каюту, надел кольчугу, прицепил к поясу кинжал и повесил через плечо меч. Теперь я был готов и вернулся на палубу. Но после первого же взгляда на бравую команду "Андрасты" мне стало не по себе. Они стояли нестройной толпой, все в лохмотьях, вооруженные топорами, ножами и баграми. Они выглядели волками, когда атаковали одного меня, а теперь походили на стадо овец, почуявших запах волка. Перспектива иметь за спиной таких героев смутила бы и самого отважного рыцаря.

– Ну что же вы, ребята, соберитесь! - призвал я. - Все, что вы видите, это кучка трусливых пиратов, и таким парням, как вы, не о чем беспокоиться.

Трое из них уже упали на колени и молились своим богам, а четвертый громко всхлипывал. Я почувствовал, что сейчас и сам заплачу. Как можно стать великим воином и совершить множество подвигов на этой планете, если у меня нет за спиной нескольких верных и отважных друзей!

Внезапно Аннис засмеялась, и сначала я подумал, что она потешается надо мной и моим воинством, но нет. Она засмеялась потому, что поднялся ветер. И какой ветер! Он с силой растрепал ее черные волосы, так что она стала похожа на ведьму из "Макбета". Он поднял подол ее туники и обнажил красивые округлые бедра. И он же наполнил парус нашего судна.

– Бранвен! Бранвен! - кричала Аннис. - Ты послала нам Спешащий Ветер!

Теперь мы уйдем от галер!

Посмотрев на команду, я понял, что это лучший для нас вариант.

Матросы сбились в кучу, как перепуганные ребятишки, а капитан с боцманом выглядели отнюдь не воинственно. Но то, что случилось с "Андрастой", было фантастично. Если бы я не видел этого собственными глазами, я не поверил бы, что эта старуха способна делать то, что она сделала. Старая лохань летела по воде, вздымая белую пену, как ракетный катер.

– Как тебе это нравится, Джэнюэр? - спросила Аннис. - Теперь ты веришь, что я ведьма?

– Верю, что ты ведьма, и, кроме того, убедился, что у Бранвен очень широкая грудь.

– Теперь мы можем не думать о Голубых Людях.

– Да, если не сломается мачта или эта лохань не рассыплется на куски.

– Мачта устоит, и корабль будет цел! - счастливо заявила

Аннис. - Мы в безопасности на груди у Бранвен!

– О, у Бранвен очень большая грудь.

– Прекрати говорить таким тоном!

– Почему? Она же знает, что я шучу.

– Почему ты думаешь, что она знает? И, кроме того, нельзя шутить с богинями.

– Кто это сказал? Если она теплокровная дамочка с добрым характером, какой я ее себе представлял, то она должна любить шутки.

– Дюффус Джэнюэр, ты совершенно невозможен! Мне надо было оставить тебя на Земле прятаться от автомобилей.

– Мне больше нравится играть в прятки с Голубыми Людьми и с Броуджером, - отозвался я, смотря на исчезающие вдали галеры.

Матросы нервно переглядывались, пытаясь понять, что вселилось в их старую посудину. Капитан наклонился над бортом, внимательно следя за боцманом, который кидал в воду кусочки дерева. Они старались определить скорость "Андрасты". Наконец капитан с изумлением посмотрел наверх.

– Пятнадцать! Мы делаем пятнадцать узлов!

Весьма приличная скорость для нормального парусника и совершенно невероятная для плоскодонного корабля, одномачтового и старого, как "Андраста". Да, у этой Бранвен могучая грудь!

Три галеры позади нас почти скрылись за горизонтом, и я уже видел только верхушки мачт.

– Мы будем недосягаемы для них еще до захода солнца. Мы идем в Бессолнечное море, а Голубые Люди туда не заходят.

– А почему это море Бессолнечное? Какая-нибудь туманная и дождливая местность?

– Бессолнечное море называется так потому, что там всегда ночь.

– Но это невозможно! Планета ведь вращается, и солнце должно быть видно в каждой точке на освещенной стороне.

– Но не в Бессолнечном море. И в не знаю, почему. Может быть, колдовство. Мы не на Земле, и здесь может быть все, что угодно.

– Да, я уже убедился в этом, - сказал я, глядя на облака, виднеющиеся у горизонта. - Что-то там впереди есть. Смотри, паруса! Три паруса!

– О нет! Нет! - заволновалась Аннис. - Еще три галеры Голубых людей!

– И они движутся наперерез и хотят отрезать нас от Бессолнечного моря, - заметил я, когда корабли немного

сблизились. - Кажется, нам все-таки придется драться!

Аннис опять стала слушать невидимое, и я ощущал ее внутренний голос:

"Приди, Бранвен! Приди, Бранвен! Это я, твоя Аннис!"

– Ну что, никто не отвечает?

– Нет, Бранвен не отвечает. Она послала Спешащий Ветер, а сама занялась другими делами.

– Вот всегда так! Если делаешь одновременно несколько дел, то не получается ни одного.

– Рада, что ты находишь это смешным. Но не думаю, что ты будешь смеяться, когда Голубые Люди окажутся близко от нас.

Ветер нес нас прямо в скопление галер. Я побежал на корму и с помощью капитана и боцмана попытался повернуть рулевое весло, но оно не двигалось.

Видимо, Бранвен закрепила его на месте перед тем, как послать нам ветер.

– Кажется, мы прибудем на место как раз вовремя, - сказал я Аннис. - Нам останется только принять бой.

– У нас есть еще один шанс. Я могу использовать фит-фат, чтобы спрятать нас.

Я знал, что это заклинание невидимости.

– А ты можешь сделать это сама, без Бранвен?

– Я же ведьма. Каждый лохлэннец немного колдун.

Мы находились уже на расстоянии мили от галер и должны были встретиться с ними минут через двадцать.

– Сколько времени займет колдовство?

– Немного. Если не будут мешать…

– Мешать?

– Да. Если Муилертах далеко, а Морриган не так сильна, как я думаю.

– Давай быстрей! Я уже вижу белки глаз Голубых Людей.

Аннис подняла руки и замерла, глядя в море. Потом она начала петь, сначала тихо, а потом все громче и громче. Она пела заклинание невидимости. Корабль начал исчезать, а я только хлопал глазами. Очертания "Андрасты" постепенно таяли. Аннис превратилась в тень, а матросы ахали от удивления, глядя, как их товарищи и они сами исчезают. Я посмотрел на свои ноги - от них остались только мутные очертания.

– У тебя получилось! Оно сработало! Теперь мы проплывем рядом с ними, а они даже и не заметят!

– Что-то сопротивляется мне…

Голос Аннис был рядом, но я ее не видел. Уже можно было разглядеть море сквозь корпус "Андрасты". Слышны были крики испуганных матросов, которые молили бога помочь нам.

– Заткнитесь, идиоты! Какой смысл в невидимости, если вы блеете, как стадо баранов!

Аннис снова повторила заклинание, и голос ее дрожал. От "Андрасты" остались одни контуры, но они не исчезали, как будто заклинание не подействовало полностью. Пиратские галеры находились уже на расстоянии полумили, и были различимы люди на палубах, одетые в шлемы в виде черепов и державшие наготове щиты и копья.

– Все бесполезно, Дюффус. Заклинание не действует. Морриган наложила на нас геас.

Если моя теория насчет пси-энергии верна, то у меня может получиться лучше, чем у нее.

– Может, мне помочь? Объединим наши разумы и если между нами есть…

– Можно попробовать, - согласилась Аннис и нащупала мою руку.

Мы сжали руки друг друга, и я сконцентрировался на том, что "Андраста" должна быть невидима. Я старался представить себе пустынное море на том месте, где была "Андраста", старался смотреть сквозь деревянные борта и сквозь нашу плоть, пока мы пели заклинание. Контуры корабля все еще были видны, а вражеские галеры приближались. Я попытался устремить свой разум далеко, насколько мог, и вдруг коснулся чего-то. Я подскочил от неожиданности. Ощущение было похоже на то, которое я испытал при встрече с охранником между мирами, но вместо страха и холода почувствовал теплоту и наслаждение.

– Люффус! Люффус Джэнюэр, это вы? - послышался у меня в мозгу голос, знакомый и незнакомый одновременно. - Дюффус, вы на Анивне? Где вы?

Это была Морган Лейси, Морриган. Я стал мысленно отвечать, но внезапный крик прервал меня.

– Нет, нет, Дюффус! - кричала Аннис. - Не отвечай ей! Не вступай с ней в контакт!

– Почему?

– Она старается захватить твой разум и вывести тебя из игры!

Я не поверил, потому что чувствовал, что Морриган удивлена и ей доставляет удовольствие общаться со мной.

Я осмотрелся. "Андраста" стала уже полностью видна. Мы находились в сотне ярдов от галер!

– Мы пропали, - сказала Аннис. - Фит-фат исчез. Морриган с Ведьмой очень сильны. Их геас разрушил мои заклинания.

– Ветер тоже стих, - отметил я. - Мы приближаемся к галерам с хорошей скоростью, но ветер уже стих.

– Увы, заклинание Спешащего Ветра тоже разрушено, - в

отчаянии проговорила Аннис. - Нам остается только безнадежная борьба!

8. БИТВА С ГОЛУБЫМИ ЛЮДЬМИ

– Да, нам ничего не остается, кроме борьбы, - согласился я, внимательно разглядывая галеры, которые были совсем рядом - ярдов двадцать-тридцать: их весла поблескивали на солнце, а вода буквально кипела под бортами. - Может, нам пойти на таран и потопить парочку?

– Потопить? Да ведь нечем. У них есть тараны, но они скорее всего ими не воспользуются. Они захотят захватить нас целыми и невредимыми.

– Зачем?

– Голубые Люди живут в море, но предпочитают свежее человеческое мясо, не загрязненное морской водой.

– Интересно… - протянул я и поспешно проглотил слюну. - Это облегчает задачу потопления двух галер.

– Как ты думаешь сделать это? Ведь у нас нет ничего - ни катапульт, ни других метательных орудий.

– Но у нас есть "Андраста". Она больше и мощнее этих галер. Кроме того, у нас есть запас скорости, так что мы ударим в борт какую-нибудь галеру и неминуемо опрокинем ее.

Я подошел к рулевому веслу и обнаружил, что оно действует. Вероятно, когда геас Муилертах устранил Спешащий Ветер, он же освободил рулевое весло.

– Готовьтесь отражать нападение! - крикнул я матросам.

Мои слова застали их в тот момент, когда они всей толпой пытались спрятаться в кубрике. Они обернулись, глядя, как перепуганные овцы.

– Готовьтесь драться! Вы будете сражаться с Голубыми Людьми, черт вас побери, или вы будете драться со мной! Выбирайте!

И они решили попытать счастья в борьбе с Голубыми Людьми. Все осторожно разобрали оружие и выстроились возле борта. Их возглавляли капитан и боцман.

– До последней минуты прячьтесь за бортами! - скомандовал я, видя у воинов луки и зная, что через минуту мы окажемся в пределах досягаемости стрел.

Мы шли с большой скоростью, на которую "Андраста" не была рассчитана.

Она прыгала и поскрипывала на каждой волне. Голубые Люди не ожидали такой прыти.

– Вниз! - заорал я и, схватив Аннис за плечо, заставил ее опуститься на палубу в тот момент, когда мы проплывали между галерами.

Послышались звуки отпускаемых тетив, и град стрел обрушился на "Андрасту". Большая их часть попала в парус, одна воткнулась в палубу и раскачивалась, а одной ранило в руку матроса Я схватился за рулевое весло, и "Андраста", повернувшись вокруг оси, устремилась на борт галеры.

Послышался резкий звук барабанов, и хорошо натренированные гребцы дали галере задний ход. Я выругался, увидев, что противник ускользнул из-под удара. "Андраста" врезалась бы в борт галеры, если бы они не успели совершить этот маневр.

Я опять взялся за рулевое весло. Судно повиновалось с трудом, но этого было достаточно. Мы не вонзились в галеру, а проехали вдоль ее борта, сломав все весла, как спички, и зацепив основной рангоут, так что паруса упали на палубу. Галера беспомощно дрейфовала в море и не могла принять участие в бою, по крайней мере, некоторое время. Экипаж "Андрасты" издал крик радости. Аннис поцеловала меня в щеку.

– Ты сломал ее! Ты вывел ее из строя!

Однако мне этого было мало, мне хотелось потопить хотя бы одну из них. Я смотрел на самую дальнюю галеру, к которой мы сейчас приближались.

На ее борту прозвучала труба, и Голубые Люди - теперь я был совсем рядом и видел, что они действительно голубые и немного напоминают турок - выстроились вдоль борта, готовые прыгать, когда мы подойдем поближе. Но они опять не рассчитали скорости "Андрасты". Я резко повернул руль, и нос коран ля врезался в середину борта галеры. На мгновение я увидел испуганные лица Голубых Людей, глядящие на нас, и закованного в доспехи типа, которого принял за капитана В отчаянье он бросился к рулевому веслу, чтобы предотвратить крушение, которое уже произошло.

Он опоздал: "Андраста" ударила под прямым углом. Высокий нос торгового судна развалил на две части низко сидящую галеру, и она начала тонуть. Я почувствовал второй толчок, когда наш киль задел под водой ее останки. Крики умирающих Голубых Людей раздались над обломками погибающего корабля. Радостными воплями команда "Андрасты" приветствовала потопление галеры, обе части которой на мгновение показались из-под воды, а затем затонули окончательно. Однако вопли замерли в их глотках, когда в носовой части нашего корабля появилось двадцать голубых существ, которые вскарабкались на борт, как обезьяны.

Через секунду они уже стояли на палубе - двадцать приземистых людей с голубыми лицами и маленькими черными

бородками. На них были шлемы в виде черепа, меховые плащи и под ними доспехи в виде рыбьей чешуи. Мое воинство стояло неподвижно. Затем один из Голубых Людей поднял руку и что-то скомандовал. Тут же полетело копье и ударило в живот матроса. Его голова запрокинулась назад; остальные бросились бежать.

Я не стал терять время на уговоры, а сбросил меч и, держа его одной рукой, схватился за веревку, свисавшую с мачты. Крепко держась за нее, я прыгнул над головами отступающих матросов прямо в скопище Голубых Людей. Я ударил сразу двумя ногами и сбил двоих с ног. Затем ударил третьего. Предо мной мелькнуло плоское лицо с глазами, как щелочки, лицо с рядом сверкающих зубов и двумя огромными клыками. Голубой человек взвыл как дикий зверь и бросился на меня с короткой шпагой. Все еще держась за канат, я отразил его удар мечом.

Они все столпились вокруг меня. Я издал боевой клич, который, вероятно, принадлежал моему предку, королю Дюффусу, и, схватив меч двумя руками, стал крутить его над головой. Не могу сказать, что меч свистел…

Скорее, он ревел, превратившись в сверкающий диск. Трое Голубых Людей оказались внутри смертоносного круга, и одна голова покатилась по палубе, а рот все еще был открыт в боевом кличе. Второй был разрублен поперек туловища вместе с грудной пластиной из акульей шкуры. Фонтаном ударила голубая кровь…

Остальные попытались приблизиться. Одна шпага скользнула под мечом и ударила меня в бок. Я почувствовал удар, но кольчуга из земных космических материалов выдержала, и голубой с удивленным выражением на лице отступил.

Он предполагал, что я упаду, но вместо этого конец его шпаги сломался.

– Ну, идите сюда, паршивые дети моря! Идите и познакомьтесь с моим мечом! Узнайте вкус хорошей стали!

Мне понравился мой героический возглас, но Голубые люди не оценили его. Они издали свои кличи и бросились на меня. Я поймал одного из них на конец меча и проткнул, как свинью, однако его вес прижал лезвие к палубе и, чтобы освободить его, мне потребовалось время. И вот тогда пригодились мой шлем и кольчуга - они спасли меня. Полдюжины ударов обрушилось мне на голову и плечи. Сила их была такова, что я упал, но при этом высвободил свой меч и отбил следующий шквал ударов.

В этот момент команда "Андрасты" обрела мужество и вступила в бой с ножами и баграми. Двое матросов сразу упали, но внезапное нападение заставило часть Голубых Людей оттянуться на другой фронт. Я зарубил одного из нападавших, а затем, схватив кричащего пирата за руку, бросил в кучу его

друзей. Оставшиеся против меня Голубые Люди стали беспокойно оглядываться, ища пути к отступлению.

– Ну, идите же, человекоеды, рыбожабы! Познакомьтесь с мечом! - кричал я, преследуя их. - Я тоже ем людей, по несколько за раз!

Они уже так боялись меча, что старались находиться вне пределов его досягаемости. Один из них схватил метательный топор и бросил прямо в меня, но я успел отразить удар.

– В такой игре могут участвовать только двое! - прорычал я, и мой коротенький кинжал пронзил его грудь.

Его друзья бросились к борту, желая, очевидно, прыгнуть в воду и поплыть к галере, которая дрейфовала без управления в ста ярдах от места нашей битвы.

– Плывите туда, шакалы с рыбьей кровью! Плывите туда, не то я перебью вас и сварю на обед команде уху!

Думаю, что они последовали бы моему совету, но в этот момент с кормы закричала Аннис:

– Дюффус! К борту подходит третья галера!

Я быстро оглянулся и убедился в ее правоте. Галера подходила к борту, и команда ее выстроилась, готовясь карабкаться на наш корабль.

– Все туда! - приказал я. - Встретьте их на борту и отбросьте назад!

В два прыжка я подскочил к борту и, схватив багор, приготовился к отражению атаки. Внезапно я почувствовал, что остался один. При виде еще одной галеры команда "Андрасты" опять ударилась в панику. Все они побежали прочь, очевидно, с намерением спрятаться в лодке, которая тащилась за нами на буксире. Побитые Голубые Люди на гальюне воспряли духом и снова побежали на палубу, издавая воинственные крики и размахивая оружием.

Галера пришвартовалась к нашему борту, и с нее перескочило сорок или пятьдесят воинов, так что я остался один, зажатый между двумя группами нападавших.

Некоторое время я даже подумать на мог о боевом кличе или оскорблениях. В тот момент я был готов обменять романтический мир на старую добрую безопасную Землю. Затем я вспомнил Лос-Анджелес и его шоссе и решил, что лучше бороться с Голубыми людьми, чем с "фольксвагенами". Я ухватился за линь, вскочил на фальшборт и там укрепился с помощью ног, чтобы руки оставались свободными. Враги с новой галеры наступали плечо к плечу, ножи в зубах и мечи в ножнах.

Я откинулся назад, насколько мог, зацепил багром и сбросил четверых.

Они упали между бортов двух кораблей. Послышались крики, а затем все стихло. Но остальные наступали как стадо обезьян, почуявшее запах бананового дерева Перепончатая лапа уцепилась за мою ногу, а другая схватила багор. Обе дернули одновременно, и я чуть не упал. Сам я удержался, но багор у меня вырвали. Кто-то полоснул меня ножом снизу и порезал подбородок. Я рубанул мечом, и голубое лицо стало еще голубее. Его владелец свалился в воду.

Оставшиеся Голубые Люди с первой галеры окружили меня и кололи через ванты шпагами и копьями. Одно копье ударило в солнечное сплетение и, несмотря на кольчугу, у меня перехватило дыхание. Чей-то меч рубанул по лицу, и меня спасло только защитное устройство шлема, но щеки оказались порезанными. Древние рыцари могли драться одновременно с сорока или пятьюдесятью врагами, но теперь в это не очень-то верилось.

Неожиданно вернулась команда "Андрасты" с такими криками, будто за ними гнались демоны.

– Молодцы! Давай, давай! - закричал я, думая, что они идут на помощь.

Но они проскочили мимо. Потом я увидел, от кого они бегут, и не смог их ругать. Это был огромный белый леопард с обнаженными клыками и горящими глазами. Даже для этой странной планеты было удивительным появление белого леопарда посреди океана. Может, ом часть груза? Нет, я бы узнав об этом раньше. Тогда откуда же он? Единственное возможное объяснение - магия. Во всяком случае, появился он вовремя: в следующую минуту я бы либо упал, либо был бы съеден. Белый леопард стал охотиться за Голубыми Людьми.

Огромная лапа разорвала одного из них в клочья, другой уже лежал на палубе с окровавленным лицом, а остальные бегали вокруг, пытаясь ударить животное копьем. Но у них почти не было шансов, зверь двигался быстро, как луч лазера. Его когти и челюсти разили без промаха, свободно проникая сквозь рыбью чешую доспехов.

Леопард делал свое дело на палубе, а я не выпускал Голубых Людей с корабля. Они все разбежались по сторонам. Двое вскочили на борт и бросились ко мне. Мой меч пробил одному шлем и голову под ним, а другой полетел вниз после удара кулаком. Внезапно я увидел летящее в меня копье, но успел схватить его, едва не потеряв равновесие на кромке борта.

С мечом в одной руке и с копьем в другой я побежал на нос, где столпились Голубые Люди, пытаясь спастись с корабля. Я посмотрел вниз на галеру. Как и все суда ее типа, галера была без

палубы, за исключением носа и кормы. Там виднелись только скамьи для гребцов и трапы с палубы вниз. И я подумал… может быть… Я вложил меч в ножны и взял тяжелое копье. Зацепившись ногой за ванты, я отклонился назад настолько, насколько мог без выпивки. Затем я поднял копье над головой и изо всех сил бросил его. Копье воткнулось в дно галеры и пробило его насквозь. Из дыры хлынула вода.

Три стрелы ударили в меня. Одна отскочила от кольчуги, другая была отбита шлемом, а третья срезала кусочек мяса с предплечья, которое мгновенно покрылось кровью. К тому же, мне пришлось отбиваться от пяти или шести Голубых Людей, которые одной рукой схватились за борт, а мечом в другой кололи меня. Я имел преимущество, так как держался ногами и мог драться обеими руками, хотя одна из них была в крови. Кроме того, у меня был меч пяти футов длиной против их короткого оружия. Но их было шестеро на одного, и это, конечно, перевешивало все остальные. Они воткнули кинжалы в борт "Андрасты" так, что те служили им ступеньками, и их было труднее сбросить, чем других. Двоих я прикончил: одного проткнул мечом в горло, другой упал вниз на борт галеры после того, как я отрубил ему руку.

Но Голубые Люди все еще нападали на меня, к ним присоединилось еще несколько человек с галеры. Их мечи мелькали вокруг, они кололи, резали, рубили. Я чувствовал боль от ударов даже там, где меня защищали шлем и кольчуга, а руки и ноги, которые вовсе не были защищены, покрылись кровоточащими ранами. Я уже устал и думал, что не смогу долго удержаться на своем ненадежном возвышении.

Еще один голубой испробовал острие моего меча, но затем мне пришлось спуститься вниз, чтобы не быть зарезанным и сброшенным в море. Я соскочил на палубу, а они начали забираться на ванты и прыгать за борт. Леопард еще воевал с нападавшими, более половины которых уже лежало в крови, тогда как сам он был цел и невредим.

Я медленно пошел к каюте, где притаилась команда. Если мне удастся выгнать этих трусов на бой, то у нас будет надежда спастись, в противном случае наши шансы равны нулю.

– Ну, выходите, идиоты! Или вы хотите попасть на корм рыбам?

Они не двигались, они были парализованы страхом, и даже перспектива стать обедом каннибалов не могла поднять их на самозащиту. Моя спина прижималась к каюте, отступать было некуда, а дюжина шпаг теснила меня. Я чувствовал во всем теле боль и с трудом смог поднять меч над головой.

Небольшая лужица крови набежала у меня под ногами, по пути от борта до каюты тоже были видны красные капли.

Голубые Люди предвкушали победу. Они подняли радостный шум и начали приближаться. Я подумал о том, что будет со мной, если попаду к ним в руки живым, и решил броситься на мечи сам. Но внутри меня все протестовало, и я продолжал борьбу, хоть уже и совершенно бессмысленную. На голову обрушился удар, еще один - на плечо. Я упал на колени, держа меч над головой, а на мое тело градом сыпались удары.

Откуда-то послышались резкие визгливые звуки трубы. Голубые Люди замерли, выражение ярости на их лицах сменилось беспокойством. Некоторые оглянулись на свой корабль, чтобы посмотреть, в чем дело. Снова раздался визг трубы, выводящей ту же мелодию. Повинуясь приказу, они бросились бежать, лишившись удовольствия прикончить меня. Они вскочили на борт и стояли там, покачиваясь. Я с трудом поднялся на ноги и пошел за ними.

Посмотрев на галеру, я увидел, что она быстро заполняется водой. Мое копье сделало больше, чем я ожидал.

Галера оборвала канаты, связывающие ее с "Андрастой", и потихоньку отплывала прочь. Голубые Люди прыгали в нее, а некоторые задержались, и им пришлось нырять в воду, так как галера отошла довольно далеко. Я обернулся и посмотрел на наш корабль. Голубых Людей на нем не было, кроме мертвых и нескольких раненых. Я опустился на палубу и положил меч рядом с собой. Меч был покрыт голубой кровью, а мой вид был и того хуже - я весь был залит смесью красного и синего. Матросы опасливо показались из глубины каюты и стали выбрасывать мертвых за борт. Они снимали с мертвецов все, что казалось им ценным, бросая трупы в воду. С ранеными поступали точно так же, а я был слишком слаб, чтобы воспрепятствовать этому.

Потом они направились ко мне. Если бы они захотели и меня сбросить за борт, как Голубых Людей, я не смог бы сопротивляться. Однако они остановились невдалеке и смотрели, причем на их лицах было суеверное поклонение и восхищение. Я начал искать глазами Аннис, но увидел только белого леопарда, направлявшегося в мою сторону. Он облизывался, а его белый мех был покрыт голубой кровью. Матросы в ужасе разбежались, а зверь подошел и положил голову мне на плечо.

– Хорошая кошечка! Хорошая кошечка! - сказал я, ни о чем не думая.

Леопард исчез, и появилась Аннис, которая стояла надо мной, уперев руки в бедра. Я медленно припомнил, что ведьмы могут менять свой облик.

– Ты превзошел себя, Джэнюэр, - сказала она. - Прыгал везде, как король Нибелунгов. А ведь тебя могли убить. Ты хоть знаешь об этом?

– Да, это правда. Раньше со мной такого не бывало, но недавно я мог погибнуть. - На меня опустилась темнота, заволакивая сознание.

Когда я пришел в себя, раны были забинтованы, и Аннис смазывала ссадины какой-то дьявольски вонючей черной мазью, которая, по ее словам, обладала чудодейственной силой. Я лежал в каюте. Под головой ощущалась рукоятка меча. В каюте было тесней и жарче, чем обычно, но впервые с тех пор, как я переселился в этот мир, я почувствовал, что замерз.

– Мы входим в Бессолнечное море, - послышался голос Аннис. - Теперь все время будет темно и холодно.

– До сих пор не понимаю, почему в этой части планеты никогда не бывает солнца?

– Тем не менее, это так, - ответила она.

Очевидно, на Анивне никто не интересуется загадками природы. Они приписывают все непонятное колдовству. Поэтому здесь не развиваются науки, и Анивн далеко отстал от Земли в своем развитии. Но действительно ли отстал? Конечно, здесь нет атомных бомб, ревущих самолетов и убийственных автомобилей, нет антибиотиков и других лекарств, но здесь есть волшебная черная мазь, от которой мои раны уже затянулись.

– Дюффус! - позвала Аннис, когда я зашевелился, чтобы переменить позу.

– Да, принцесса.

– С тех пор, как мы вошли в Бессолнечное море, стало холодно.

– Понимаю, ваше высочество. Где ваш плащ?

– Я не об этом. И ты знаешь, о чем.

– О чем?

– Тебе не холодно на полу?

– У нас, моряков, пол называется палубой.

– Черт возьми! Отвечай на вопрос! Ты замерз?

– Я только начал замерзать.

– Черт бы тебя побрал, Дюффус! Разве ты не хочешь того же, чего хочу я?

– О слава и величие Лохлэнна! Я не знаю, чего же ты хочешь.

– Нет, знаешь! Тебе известно, что я пообещала Бранвен сделать кое-что для нее. Ты знаешь, что мы перед нею в долгу.

– Думаю, я с Бранвен в расчете. Ведь я не подкачал и доставил ей удовольствие тогда в домике, а она нас сегодня здорово подвела.

– Дюффус, если ты сейчас же не переберешься ко мне на койку, я нашлю на тебя мышей. Пусть они побегают туда-сюда по твоему животу.

– Ну и отлично. Я всегда любил мышей. Они такие мягкие и ласковые.

– Дюффус, пожалуйста! Я чувствую, что должно случиться что-то ужасное. Я боюсь. Пожалуйста, приди и поддержи меня!

– Тебе кажется, что случится что-то ужасное? Но что может быть хуже того, что уже случилось?

– Не знаю. Морриган и Муилертах что-то готовят, и я боюсь.

Это было непохоже на мою обычно самоуверенную ведьму. А может, она валяет дурака?

– Дюффус, пожалуйста! Я хочу, чтобы ты пришел… Я хочу, чтобы ты любил меня!

Вот это уже похоже на правду. Я поднялся, погладил меч, чтобы он не чувствовал себя покинутым, и лег в постель рядом с Аннис. Ее руки были ароматны, а губы нежны и податливы. Я впервые за долгое время не думал ни о чем, кроме королевы ведьм. Действительно, у нее было какое-то очень сильное заклинание.

9. ВЕДЬМА МОРЯ УСТРАИВАЕТ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Несмотря на предчувствия Аннис, ничего не случилось. И не случалось по меньшей мере в течение нескольких дней. Вероятно, мы здорово угодили Бранвен в ту ночь, раз она отводила от нас всякие неприятности. "Андраста" потихоньку передвигалась со своей обычной скоростью три узла, пока мы не пересекли Бессолнечное море, и Рот Фэйл наконец-то послал нам свой свет.

Я попытался объяснить Аннис, что если мы будем развлекать Бранвен до конца путешествия, то все пройдет гладко и неприятностей больше не будет.

Но она, как и все женщины, которых я знал на Земле, стала думать о своем положении - о том, что будет во дворце, если узнают, что их будущая королева делила ложе с простым воином.

– А ты уверена, что будешь королевой? - спросил я. - Морриган выехала на быстром корабле и уже в Лохлэнне, старается занять твое место.

Она так затрясла головой; что ее волосы совершенно растрепались.

– Нет! Нет! Они не могут короновать ее до Биллтейнского празднества, а оно будет лишь через неделю!

– Может быть, но она устроит так, что церемония коронации окажется лишь формальностью.

– Джэнюэр, ты меня изумляешь. Абсолютно ничего не зная о наших обычаях, ты стоишь здесь и рассуждаешь о том, что должно произойти в Лохлэнне.

– А может, я совершил таг-хаирм и теперь вижу большой дворец и трон, на котором сидит прекрасная девушка, вытянув перед собой великолепные ноги?

– Значит, ты считаешь, что она прекрасна и у нее великолепные ноги?

– Так показывает мне таг-хаирм.

– Ну что ж, он может показать тебе еще что-нибудь, - сказала она, поджав губы. - Например, где ты будешь сегодня спать.

– Иди, мой меч, сюда. Опять мы с тобой окажемся на палубе.

Я убежден, что это начало нашего невезения. Невезения? Но у нас не было ничего, кроме невезения, с самого начала путешествия. А теперь стало еще хуже… если это возможно. В этот день, когда солнце висело низко над горизонтом, а черные облака неслись по небу, мы прошли Золотые Столбы. Это были не правдоподобно выглядевшие острова, которые поднимались из

воды почти на милю вверх. Они были такими крутыми, что даже горные козлы не смогли бы подняться на них. Столбы походили на опоры какого-то гигантского моста, а не на творение природы. Когда я спросил Аннис о них, она только пожала плечами.

– Друиды говорят, что их поставил Великан Ветра еще до появления людей. Они должны были поддерживать мост, по которому он хотел перегонять стада из Сокра в Лохлэнн. Но мост был таким тяжелым, что Сокр и Лохлэнн опустились под воду, а сам мост развалился и остались только столбы.

– Объяснение вполне разумное, - заметил я, глядя на тучи, клубившиеся над Столбами. - Похоже, собирается дождь.

Аннис не ответила, она слушала сообщение Бранвен. Если бы здесь брали плату за переговоры, их счет достигал бы суммы, равной национальному доходу небольшого государства.

– Что-нибудь новенькое от нашей сладчайшей богини? - спросил я. - Будь добра, скажи ей, что я люблю ее и не прочь провести одну ночь только с ней и…

– Заткнись! - воскликнула перепуганная Аннис, глядя на быстро сгущавшиеся тучи.

– Ну что на этот раз? Бранвен сообщила тебе прогноз погоды? Собирается дождь?

– Дождь, ветер, гром, молния, - произнесла Аннис как бы в трансе. - Ворота небес откроются, и море взметнется ввысь! Шторм, шторм! - последние слова она выкрикнула в испуге, прижавшись ко мне и всхлипывая. - О нет, Бранвен, нет!

– В чем дело? - обняв, я поддержал ее. - В чем дело, девочка? Что случилось?

– Муилертах идет! Муилертах послала против нас этот шторм!

Я повернулся и посмотрел на тучи. Они были черны, как тузы пик. Все небо перед нами имело цвет угольной шахты, там и сям сверкали молнии и гремели раскаты грома, напоминавшие далекую канонаду.

– Считаю, нам нужно спустить парус и бросить якоря.

Она посмотрела на меня так, как будто у меня выросла еще одна голова, а потом истерически расхохоталась.

– Спустить парус! Бросить якоря! Ты ведь не знаешь… Ты даже не представляешь себе!

– Чего не знаю?

– Какой шторм может устроить Муилертах. Ты не знаешь ее ярости!

– Знавал я в своей жизни нескольких ведьм и знаю, какова в гневе оскорбленная женщина. Но давай подумаем. Может, она ревнует? Может, нам не стоит полностью концентрироваться на

Бранвен? Может, нужно что-нибудь сделать и для Ведьмы Моря?

– Ничто не выдержит! Ни "Андраста", ни самые большие корабли, бороздящие воды океана, ни даже супертанкеры вашего мира - ничто не устоит перед яростью Ведьмы Моря.

– Может, вызвать Бранвен? Сейчас самое время просить ее помощи.

– Никто… ни Бранвен, ни другие боги и богини не могут победить Ведьму в море. На суше Бранвен в состоянии спасти нас, но в море Ведьма превыше всего, возможно, даже выше самого Ллира.

Я никогда не видел, чтобы что-нибудь передвигалось так быстро, как этот шторм. Двумя минутами позже того, как я дал капитану указание насчет паруса, ветер и дождь со всей силой обрушились на нас. "Андраста" была в плачевном состоянии. Во время борьбы с Голубыми Людьми, особенно когда я таранил и топил их галеры, все швы расползлись, и она протекла. Старая лохань в теперешнем состоянии не выдержала бы никакого шторма, не то что этого, против которого смогли бы устоять разве что Гибралтарские столбы.

Сильная волна обрушилась на нас. Я повернул рулевое весло, чтобы развернуться носом к волне, но это мало помогло. Огромные зеленые волны били нас, и корабль вскрикивал, как раненое животное. Я обхватил одной рукой Аннис, а другой держал рулевое весло. Мы крепко прижимались друг к другу, когда огромные волны прокатывались по палубе "Андрасты" и, разбиваясь о препятствия, хлестали нас по лицу солеными брызгами. Капитана смыло за борт. Некоторое время он пытался вскарабкаться на палубу, но следующей волной его унесло окончательно. Через мгновение он был уже далеко в море, а его крики заглушил зловещий свист ветра.

– Мачта скоро упадет! - прокричал я Аннис в самое ухо. - Если это случится, корабль будет более устойчив, но мы должны успеть обрубить снасти! В противном случае она нас погубит!

– Мы погибнем в любом случае! Ни один корабль не устоит перед Ведьмой Моря!

В живых оставалось лишь несколько матросов. Они сгрудились на нижней палубе, цепляясь за оборванные тросы, свисавшие с мачты. Я крикнул им, чтобы обрубили все канаты, как только мачта упадет за борт, но они или не слышали меня, или от страха не могли сдвинуться с места. "Андраста" отказывалась повиноваться рулевому веслу, и следующая волна развернула нас боком к ветру. Послышался ужасающий треск, и мачта рухнула за борт. Теперь корабль лежал на боку и медленно заполнялся водой.

– Я попытаюсь освободить мачту, - сказал я и стал пробираться к ней.

– Нет, не ходи! - воскликнула Аннис, вцепившись в меня. - Мы должны оставаться вместе!

Ударила еще одна волна, и "Андраста" заскрипела, накренившись еще больше. Я знал, что трюм быстро наполняется водой и только груз леса сохраняет ее на плаву. Я повернулся к матросам, чтобы велеть им покинуть корабль, но их уже не было. Одних смыло за борт волной, другие погибли, разбитые волной о палубу.

– Шлюпка! - закричал я Аннис. - Шлюпка на носу!

– Нет, слишком поздно! О Бранвен, слишком поздно! - кричала Аннис. - Смотри, смотри! Сама Муилертах!

Я посмотрел туда, куда она показывала. На гребне волны вырисовывалось что-то неясное… лысая безобразная женщина с лицом угольного цвета и неровными выступающими зубами. Ее единственный выпученный глаз на лбу светился торжеством.

"Андраста" немного посопротивлялась и затонула. Море сомкнулось над нами. Когда корабль уходил под воду, я слышал смех Муилертах, и этот смех походил на завывание ветра. Когда водоворот от уходящего в пучину корабля потянул нас вниз, я схватил Аннис за руку. Кусок рея проплыл между нами, и мы разделились. Я пытался плыть, но кольчуга и меч тянули на дно.

– Дюффус! Дюффус! - слышал я вдали слабый голос Аннис, но не мог ответить, так как рот был полон воды.

Я яростно барахтался, но вес кольчуги и волны медленно топили меня.

Темное небо с молниями исчезло, я задержал дыхание… Я тонул. Ужас перед лицом неминуемой смерти сковал меня, я ничего не мог сделать, я задыхался от соленой воды в легких и тонул… тонул. Я пытался позвать на помощь Бранвен, но не мог придумать, что бы ей пообещать. Я хотел вспомнить молитвы нашим земным богам, но и это не удалось. Я знал заклинание, позволяющее ходить по воде, однако оно не действовало на озере парка в Голливуде и я полагал, что оно не возымеет силы и тут.

Я все погружался и погружался… И вдруг перестал опускаться. Меня медленно поднимало к поверхности. Я слышал, что утопленники через некоторое время всплывают, но сейчас прошло всего несколько минут. И, кроме того, я еще не был мертв. Или уже? Что я знаю об этом мире, где, возможно, духи и вурдалаки начинают бегать вокруг того, кто должен вскоре умереть? Но я, вне сомнений, приближался к поверхности. Две сильные, неестественно сильные руки держали меня за плечи и поднимали вверх.

Наконец я появился из воды, кашляя и чихая, но зато вдыхая чистый, хороший, не загрязненный смогом воздух. Шторм исчез так же внезапно, как и налетел. Я посмотрел на руки, которые все еще держали меня. Они были зелеными и перепончатыми и выглядели очень странно. Они были без тела. Без тела? Я снова посмотрел на них. Да, так оно и есть. Меня спасла от смерти в море пара совершенно самостоятельных рук.

– Бранвен, это ты? - спросил я.

Не было слышно ничего, кроме завывания ветра.

– Бранвен, детка, я не предполагал, что увижу тебя, хотя и не знал, что у тебя такие руки, зеленые и перепончатые.

Ответа снова не было. Меня несло по волнам быстро успокаивающегося моря. Казалось, мы направлялись к тому, что было похоже на вулкан, поднимающийся прямо из пучины. Он не выглядел достаточно гостеприимно, но это было лучше, чем утонуть.

– Эй, Бранвен! Ты куда меня тащишь? Это не похоже на Лохлэнн. Ты уже нашла Аннис?

Но Бранвен оказалась не очень разговорчивой. И удивительно, какой она была болтушкой, когда нашептывала Аннис свои предостережения и советы.

Потом я опять подумал, побеспокоилась ли она об Аннис.

– Бранвен, с Аннис все в порядке? Ты спасла ее?

Опять нет ответа. Может, она ругает себя, что не вовремя прибыла на помощь? И если Аннис погибла, весь Лохлэнн будет против нее, особенно если она, а не Морриган, настоящая королева. Мы еще скользили по воде, и мои ноги не находили опоры. Странно, но я чувствовал себя в этих сильных руках в большей безопасности, чем в реактивном самолете.

– Куда мы, Бранвен? Детка, ты собираешься оставить меня на этом милом острове, пока не отыщешь Аннис?

– Не называй меня "детка", ты, взрослое дитя! Мне столько лет, что я могла бы быть твоей прабабушкой со со стократным "пра-", - раздался в моих ушах хриплый женский голос.

Я содрогнулся. Это была не Бранвен. Если бы у богини любви был такой голос, она не имела бы поклонников. Никому бы он не понравился. Да и эти зеленые лапы не могли принадлежать Бранвен, так что скорее всего это руки Муилертах.

– Если вы так стары, то, может, вы знали моего предка, короля Дюффуса? Он многих ведьм сжег на костре в десятом веке.

– А может, мы погодим с расспросами? - проскрипел голос.

Внезапно я почувствовал себя в опасности. Мне показалось, что ведьма несет меня прямо к вулкану. Ей мало того, что я

утонул, она еще решила меня сжечь.

– Отпусти меня! - закричал я. - Я полноправный гражданин Америки, член сильного общества…

– Если я отпущу тебя, дурачок, тебя больше никто никогда не увидит.

Здесь полно акул.

– Лучше акулы, чем вулкан.

– Кто сказал тебе о вулкане, плакса? Я собираюсь высадить тебя на этот остров.

– Не верю тебе, - сказал я, пытаясь вырваться из зеленых лап. - Я не верю тому, у кого есть только руки без тела!

– Ну хорошо, - ответила Муилертах. - Ты можешь доплыть до острова сам.

Зеленые руки освободили меня, я почувствовал свободу и услышал дикий смех Муилертах, который растаял вдали вместе с ветром. Я забил ногами и скрылся под водой. Прибой сомкнулся над головой, и мои ноги коснулись дна.

Дна? Я, должно быть, близко от берега. Я начал плыть, но бурун отбросил меня назад, и я снова скрылся под водой. Остров маячил впереди, темный и угрожающий. Дымок курился над вулканом и закрывал над ним небе склон.

Подводное течение сбивало с ног. Я с трудом встал и направился к острову. Силы быстро таяли, и к тому же открылись раны, в которых я почувствовал жжение от соленой воды. Потом я вспомнил слова ведьмы об акулах и удвоил усилия. Наконец я с трудом добрался до острова и бросился навзничь на берег, усеянный вулканическими обломками. Мне было больно дышать, я чувствовал в себе столько воды, что мог бы заполнить Атлантический океан. Борясь с прибоем, я полностью выдохся и теперь лежал в полубессознательном состоянии.

Не знаю, сколько я пролежал, извергая из себя морскую воду, но, думаю, прошло несколько часов. Я размышлял, что же случится со мной на пустынном острове. Голая нога, ударившая под ребра, вывела меня из этого состояния. Я поднял голову и увидел женщину, смотрящую на меня сверху вниз. Она была полностью обнажена, и ее черные волосы спускались до бедер.

Я долго разглядывал ее, не веря глазам, а потом радостно закричал:

– Аннис! Аннис, дорогая! Как ты выбралась на берег?

В ответ Аннис не сказала ни слова. Она достала из-за спины большой камень и ударила меня по голове. Целые созвездия проскочили у меня в голове, прежде чем темнота сомкнулась и мое лицо уткнулось в гравий.

Затем последовал период, в течение которого я изредка

приходил в сознание от того, что меня передвигали, причем весьма болезненно, перетаскивали и волокли по песку, острым камням и крутым тропинкам. Я все время терял сознание и наконец окончательно пришел в себя в пещере. Я лежал на куче грязных шкур в глубине пещеры, перед входом в которую дымил костер. Никаких признаков Аннис вокруг не было. Над костром висел котел, в котором что-то кипело. В углу пещеры лежала груда костей. Все это выглядело как одна из всемирно известных пещер неандертальцев или кроманьонцев. Если это так, то кости в углу могли быть человеческими. Или нет?

Тогда я впервые вспомнил о своем мече. Он исчез! Вероятно, я выронил его из ножен, когда тонул. Длинный кинжал тоже исчез, но это было мелочью по сравнению с утратой меча. Я не представлял, как смогу выжить в этом мире без него. Я встал на четвереньки, чтобы поближе осмотреть эти подозрительно выглядевшие кости. Может, Аннис наткнулась на пещеру, в которой жил дикий зверь, выгнала его с помощью магии и принесла меня сюда?

Затем я припомнил, как меня волокли. Как я мог забыть, когда мой зад болел от соприкосновения с каждым камнем и с каждой кочкой этого острова? Аннис было ужасно трудно тащить меня, когда я был без сознания. Она, наверное, очень злится за то, что я бросил ее в море, когда корабль пошел ко дну.

Бедное дитя, как ей было трудно! Вероятно, она потеряла всю одежду и у нее отросли волосы… Да нет, не может быть. Не был же я без сознания все то время, пока у нее росли волосы до бедер? Опять дьявольские штучки?

Ведь если вас выбросит на пустынный вулканический остров безо всякой одежды, хорошо иметь массу длинных волос, защищающих от холода.

Кости были похожи на человеческие, и я решил, что в пещере живет какое-нибудь чудовище, которое питается человеческим мясом, существо, которое вылавливает тела потерпевших кораблекрушение, разделывает их и варит в том большом котле. Возможно, Аннис и рассержена, но не могла же она уйти и оставить меня здесь. Конечно, не могла. Но где же она?

Я услышал шум снаружи. Это был звук чего-то волочащегося по земле.

Шкура, завешивающая вход в пещеру, откинулась, и вошла Аннис. Она действительно что-то волокла - это было тело боцмана с "Андрасты". Я изумился. Зачем ей это понадобилось? Он ничем замечательным не выделялся из команды, так что я не мог сообразить, для чего Аннис притащила его сюда? Для похорон? Через пару минут я все понял. Я притворился лежащим

без сознания, а она достала примитивный, но очень острый нож и с его помощью сняла одежду с тела. Это было практично. Бедному боцману она больше не понадобится, а нам на этом пустынном острове может пригодиться. Но дальнейшее повергло меня в ужас. Своим костяным ножом Аннис отрезала руку мертвеца и спокойно опустила ее в кипящую воду.

– Аннис, боже мой, Аннис! Что подумает Бранвен? Мы не должны превращаться в каннибалов только потому, что находимся на острове. Мы найдем еду… кролики, ракушки или что-нибудь еще… Не делай этого!

Она молча смотрела, как я с трудом поднялся на ноги и пошел к ней.

– Аннис, Аннис, милая, что с тобой?

– Аннис… - повторила она. - Я Аннис?

– Конечно, ты Аннис, - сказал я успокаивающе. - Я тебя узнаю везде даже без одежды. У тебя есть маленькая родинка вот здесь, на…

Но там, где я показал, родинки не было. Что-то здесь не так. Кто эта девушка, которая любит человеческое мясо? Я не знал и не был уверен, что хочу знать. Самое лучшее, что я могу сейчас сделать, это бежать отсюда и как можно скорее. Я начал осторожно продвигаться к выходу вокруг костра, но ее маленькие черные глаза ни на секунду не выпускали меня из виду. Ее глаза блестели в отблесках костра и совсем не были похожи на глаза Аннис.

– Мне надо на секунду выйти, - сказал я. - Дым от костра ест мне глаза.

Аннис зарычала. Зарычала в буквальном смысле, она оскалила зубы и зарычала, как зверь. Тогда я вспомнил, как она превращалась в белого леопарда во время боя с Голубыми Людьми. Может, что-то случилось во время шторма, что заставило ее так измениться. Я сделал еще шаг к выходу. Она встала с корточек, оставив тело боцмана, от которого отрезала куски, и зубы ее оскалились еще больше. У Аннис были прекрасные белые зубы, но я никогда не замечал, что они такие острые.

Мне нужно выбраться отсюда. Я прыгнул к выходу. Рука девушки схватила меня, и я был отброшен назад. Я смотрел на нее, а она на меня. Затем она подняла меня над головой и, пронеся над огнем, снова положила на кучу шкур. Нет, не положила, а швырнула. Я упал с такой силой, что уже не мог двигаться и даже думать. Это было уже чересчур! Аннис вовсе не была такой мощной девицей, и очень сомневаюсь, что она смогла бы поднять сотню фунтов. Как она сумела бросить мужчину в

двести фунтов весом через всю пещеру? Это можно объяснить только магией и только в том случае, если это действительно Аннис. А если это не она, то кто же?

Я мог предположить только одно: это Муилертах. Кто еще мог знать, где найти меня? У кого еще столько силы, чтобы так меня швырнуть? А почему она похожа на Аннис? Достаточно вспомнить, какой безобразной она показалась нам во время шторма. Любая женщина, выглядевшая так, отдала бы все, что угодно, чтобы иметь прелестное лицо и красивую фигуру, как у Аннис. Но я все еще не был уверен. Если это Муилертах, то я в большой опасности. Она будет держать меня в плену из своих дьявольских соображений. Если Аннис сказала правду о ее любви к жертвоприношениям, то я последую за боцманом.

Если же это Аннис, каким-то образом видоизменившаяся, то, может быть, смогу ей помочь.

Впервые с тех пор, как я прибыл сюда с Земли, я решил использовать собственные заклинания. Я ведь всегда считал себя магом. Теперь я был в таком месте, где магия действует, значит, и моя тоже должна работать.

Сначала нужно решить, какое же заклинание использовать. Я смотрел на Аннис или Муилертах, деловито разделывающую человеческое мясо, и ощущал сладковатый запах мертвечины. Наконец я выбрал заклинание. Это была сакральная формула, которую я обнаружил во время своих путешествий в горах. Она предназначалась для использования против колдовства.

Предполагалось, что она восстанавливает истинную природу любого человека или предмета. Если она сработает и я прав относительно реальной личности моей соседки по пещере, то появится Муилертах. Что я буду делать с ней, явись она здесь во всем своем обнаженном безобразии, я даже не хотел обдумывать.

Я встал на колени. Женщина наблюдала за мной, как насторожившаяся волчица. Она закончила помешивать в котле и приготовила две миски для еды.

У меня возникло ужасное предчувствие, что одна миска с человеческим мясом будет предложена мне. Я вздрогнул и начал произносить заклинание. Скрестив пальцы обеих рук, я пропел его. Аннис сидела спокойно, разливая по мискам варево. Она не превращалась в Муилертах. Значит, или она действительно Аннис, или я такой же колдун на Анивне, каким был и на Земле. Она встала, держа в руках миски с дымящимся мясом, и направилась ко мне. Она улыбнулась, и ее острые зубки сверкнули в отблесках огня. Она протянула мне одну миску, и запах ударил в голову, затуманив сознание.

Я был достаточно смел. Я вобрал живот, выпятил грудь… и

затем провалился в обморок.

10. ЧЕРНАЯ АННИС

Я проснулся от женского прикосновения. Руки, которые нельзя было назвать мягкими, но несомненно женские, двигались по моему телу, ощупывая и возбуждая. Кольчуга, фуфайка и туника были сняты с меня и брошены в угол. Я был так же обнажен, как и женщина.

– Аннис, это ты?

Она засмеялась. Если не обращать внимания на острые зубы, улыбка была почти нормальной. Может, она стала прежней Аннис? Или она вспомнила, что Бранвен нужно ублажать?

– Послушай, Аннис, думаю, что нам следует кое-что обсудить.

Религиозными обрядами мы займемся позже, а сейчас пока рассмотрим практические вопросы. Как нам выбраться с острова? Как вовремя попасть в Лохлэнн, чтобы предотвратить коронацию Морриган?

Мне показалось, что мои слова до нее не доходят. Она только гладила пальцами волосы у меня на груди и мурлыкала. Аннис она или нет, но она делала то, что нравится Бранвен. Может, так оно и есть. Может, ей нужно принести жертву, чтобы выйти из-под власти так изменившего ее заклинания.

Может, если мы займемся любовью, послышится громкий гонг, и моя милая Аннис возникнет на месте этой людоедки. Вспомнив о людоедстве, я заметил, что обе миски пусты, а на губах женщины жирный блеск. И эти губы были так близко ко мне… Внезапно мне стало плохо. Так тошно, что если бы я уже не опустошил свой желудок, то сделал бы это прямо ей в лицо.

Ее ласки становились все более интимными и настойчивыми. Несмотря на отвращение, я решил, что должен принести жертву с этой Аннис, чтобы вернуть прежнюю.

– Бранвен! Бранвен! Ты здесь? - спросил я.

Ответа не было. Вероятно, отключили телефон за неуплату по счетам или ей нечего было сказать мне. Аннис издавала какие-то гортанные звуки и внезапно опрокинула меня на спину на кучу мехов с такой силой, что я понял, что не смогу сопротивляться, даже если захочу.

– Аннис, милая Аннис! - говорил я, поглаживая ее всклокоченные волосы. - Осторожней, девочка, все будет хорошо!

Рот ее припал к моему, и острые зубы впились в мои губы, пока они не стали кровоточить. Ее тело прижалось к моему, и вскоре я стал задыхаться от ее дыхания.

– Бранвен, скажи что-нибудь! - взмолился я. - Ну хотя бы дай знак!

Все ли идет так, как надо? Ты хочешь этого?

Мой отчаянный призыв вновь остался без ответа. Бранвен была глуха, как могила. Может, она и не хотела этого, но никакого знака не дала. И я начал понимать, что все произойдет вне зависимости от того, хочет Бранвен или нет, и независимо от моего желания. Аннис обладала мускулами, как у удава, и сдавливала меня в своих объятиях.

– Аннис, пожалуйста, я не…

И тут природа взяла верх. Мне ничего не оставалось, как только молиться Бранвен, чтобы это было одним из ее деяний. Но это не было связано с Бранвен. Совокупление было диким и яростным, но безо всякой любви и нежности. Оно продолжалось и продолжалось… а затем внезапно что-то случилось. Во время этого дикого акта ее рот касался моей шеи и теперь, когда все кончилось, ее острые зубы вонзились в нее. Я вскрикнул и стал бороться, но оказался беспомощным в тисках этой самки. Ее зубы рвали мое тело, а рот высасывал кровь.

Я закричал вслух и одновременно в уме. На мой умственный крик кто-то отозвался, что-то коснулось моего мозга.

– Дюффус, что случилось? В чем дело? - Это был голос Морриган. - О боже, я вижу… Я вижу… Дюффус, ты должен бороться! Не сдавайся!

Я боролся, но результаты были плачевны. Этот проклятый рот высасывал у меня вместе с кровью жизнь, а я был распят на земле стальными руками и ногами.

– Дюффус, это вампир, - говорила Морриган. - Она высосет из тебя всю кровь и душу. Как ты мог связаться с подобным существом?

"Самое подходящее время демонстрировать свою ревность", - подумал я.

Можно было не разъяснять, что я нахожусь в лапах вампира, эта женщина ощутимо и самозабвенно делала свое вампирское дело.

– Бранвен, помоги мне! - воскликнул я и в уме, и наяву. - Если ты та богиня, какой я тебя представляю, ты поможешь мне!

– Заткнись! - прикрикнула на меня Морриган. - Она тебе не поможет, даже если захочет! Ее нет поблизости. Тебя может спасти только Муилертах.

Я пошлю ее к тебе!

Это было как раз то, в чем я более всего нуждался. Меня высасывает как лимон одно чудовище, а Морган Лейси собирается подослать мне другое!

Они, наверное, подерутся над моим трупом, чтобы выяснить, кому я пойду на ужин.

Как обычно, Муилертах пришла со штормом. Если я правильно оценил расстояние, на которое меня отволокли от берега, то пещера была ярдах в семистах от моря. Послышался рев снаружи пещеры, и гигантская волна ворвалась внутрь. Аннис вскочила и зарычала, с угрозой сверкая клыками, а пещера наполнялась бурлящей белой водой. Вода перемещалась по пещере так, будто у нее был разум. Она опрокинула котел, погасила костер и унесла прочь кости. За ними вынесло царапающуюся и рычащую Аннис и потащило по камням.

Я лежал на грязной шкуре, не тронутый морем, и только ощущал боль в затылке, которая напоминала о кошмарном происшествии. Я с трудом поднялся и нашел одежду и доспехи. Одевшись, я поискал хоть какое-нибудь оружие. В пещере не нашлось ничего, что я смог бы использовать, и я сожалел о своем мече, решив, что мне совершенно необходимо чем-нибудь вооружиться. Я не знал, какие опасности могут подстерегать на острове, но был уверен, что они будут. Наконец я нашел тяжелую бедренную кость, которую почему-то не унесла вода, и только тогда вышел из пещеры.

Остров лежал в кромешной темноте, если не считать красноватого свечения лавы близ жерла вулкана. Я стал осторожно пробираться к берегу по тропинке, по которой меня волокли сюда, хотя и не знал, что буду делать, когда доберусь до ее конца. К тому же я не знал, что случилось с вампиршей после того, как ее вынесло волной из пещеры, и это очень меня беспокоило, когда я проходил мимо зарослей или куч камней. Унесла ли волшебная волна ее прочь с острова, или же бросила где-нибудь между берегом и пещерой, мокрую и рассерженную?

Ориентируясь по звуку прибоя и белым бурунам, я дошел до берега и поискал, не выбросило ли сюда что-нибудь полезное, но ничего интересного не нашел. Крышка люка, кусок рангоута, обрывок паруса… Из всего этого и еще нескольких деревяшек я смог бы соорудить плот. Ну а что потом? У меня не было ни компаса, ни карты, я не знал здешних звезд и вообще не знал, куда надо плыть.

Потеряв надежду, я оставил деревяшки и вдруг увидел, что в темноте что-то блестит в футах пятидесяти от меня. Я бросился туда, затаив дыхание и надеясь на чудо. Что это… может быть? Это был мой меч! Он лежал, наполовину засыпанный песком, но его лезвие сверкало, как серебро. Я встал на колени и с благоговением поднял его.

"Он волшебный, - сказал я себе. - Я его потерял в море, и он нашел путь на берег, где я смог его отыскать. Ну вот, дружище, мы снова вместе.

С тобой вдвоем я могу встретиться с кем угодно, даже с вампиром, таким сильным, что он бросает меня через всю пещеру."

Наверное, я напрасно подумал об этом, так как сразу появилась необходимость делом доказывать свои мысли. Я услышал рычание, повернулся и увидел, что в двадцати футах от меня на камне стоит моя вампирша. Она была вся мокрая, а черные волосы были в еще большем беспорядке, чем раньше. Она взмахнула руками, вновь грозно зарычала и, спрыгнув с камня, направилась ко мне. Я сжал рукоятку меча и, твердо упершись ногами в землю, поджидал.

– Предупреждаю тебя, я с мечом! Это мощное оружие!

Если она и понимала английский, то не подала вида. Она продолжала приближаться, и глаза ее налились кровью.

– Ну что ж! Я тебя предупредил!

Я держал меч перед собой, описывая острием небольшие круги. Скачущий вампир замедлил ход, и покрасневшие глаза уставились на лезвие. Он прыгнул в сторону, еще раз зарычал и опять пошел ко мне. Я преодолел свое отвращение к убийству существа, похожего на женщину, причем на определенную женщину, познанную мной. При ударе я промахнулся: она была не правдоподобно быстра. Она проскочила под лезвием и оказалась, с обнаженными клыками, совсем близко от меня. Я отпрянул и задел ее краем меча. Она вскрикнула и ударила меня когтями по руке, разодрав ее до крови.

Я еще отступил и рубанул мечом. Мне думалось, что ее голова будет снесена, но я снова промахнулся. Она отбила удар огромной костью, которая внезапно появилась у нее в руке. Лезвие ударило по кости, и посыпались искры. Вампирша испустила боевой клич и прыгнула на меня. На этот раз я был слишком близко, так что не мог ни уклониться, ни ударить ее мечом в живот, чтобы проткнуть насквозь. И началась смертельная борьба с переменным успехом - меч против кости, моя хитрость против ее силы.

Неожиданно опять появилась Морриган. Я почувствовал прикосновение ее разума.

– Будь внимателен, Дюффус, будь внимателен! Это Черная Аннис - дьявольский дубликат реальной Аннис. В этом мире все, кто имеет могущество, должны иметь двойников, антиподов. Если она победит тебя, она уничтожит твое тело, разрушит душу и поглотит жизненную силу!

Я изо всех сил полоснул мечом. Он описал светлую дугу у меня над головой и заставил Черную Аннис отступить. Дважды я задел ее, и она залилась кровью. Но затем она вдруг получила

подмогу. Появилось с полдюжины фигур со щитами, вооруженных мечами. Они были около четырех футов ростом, с длинными светлыми волосами, жабрами и плавниками, в доспехах из акульих шкур.

– Дети Ллира! - возбужденно проговорила Морриган.

Затем ее голос исчез, и я остался один. Приземистые фигуры приближались ко мне, а Черная Аннис выкрикивала свои приказания.

Метательный топор попал мне в плечо, и я упал на колени. Злорадно улыбающийся воин возник надо мной с поднятым клинком. Я откинулся назад, тоже поднял меч и успел пронзить его. Некоторое время он трепыхался на лезвии, пока я наконец не отбросил его и не поднялся на ноги, чтобы встретить остальных. Меч пробил насквозь шлем и череп следующего, третий упал с распоротым животом, испустив предсмертный крик. Но потом в борьбу вступили свежие силы. Из прибоя выбежали другие дети Ллира.

Они были выше ростом, около пяти футов, и несли остроги и сети. Одна сеть упала на мою голову. Я пытался освободиться, но она опутала и ноги.

Только острое лезвие меча спасло меня, разрезав эту сеть. Черная Аннис закричала еще сильней, когда увидела, что дети Ллира попятились. Я рискнул краем глаза посмотреть на нее и заметил, что она превратилась в огромного черного волка. Дико завывая, она огромными прыжками стала приближаться к месту битвы. Это воодушевило воинов, которые опять пошли в атаку. Острога отскочила, ударившись о кольчугу, шлем выдержал тяжелый удар меча, но метательный топор опрокинул меня, и я почти потерял сознание. Черный волк подскочил ко мне и поволок вниз, к воде.

Но затем и я неожиданно получил помощь - белого леопарда. Я был уверен, что это тот же самый, что сражался вместе со мной на "Андрасте".

Он совершил большой прыжок и напал на волка. Оба псевдозверя сплелись в дикий клубок клыков и когтей и, рыча, катались по черному песку.

– Давай, Аннис, давай! - кричал в. - Бей ее, девочка!

Они свирепо дрались. Два воплощения одной и той же женщины, ведьма и ее антипод, рвали друг друга в облике диких зверей. На белой шкуре леопарда появилась кровь, и из черной шерсти волка проглядывали глубокие раны. Я попытался подойти к ним и прикончить волка мечом, но дети Ллира преградили мне путь к месту схватки. Я разрубил одному из них щит и отсек руку. Он с воем убежал прочь. Потом я выбил из рук другого копье и

покончил с ним, но остальные стали теснить меня к морю. Я рискнул бросить взгляд на леопарда, и это оказалось ошибкой. Он лежал на песке, а волк стоял над ним. Это очень расстроило меня, но ошибка заключалась в том, что я отвлекся от боя.

Я услышал шлепанье ног по влажному песку за спиной и хотел повернуться для защиты, но не успел - на мне затянулись несколько сетей. Я продолжал бороться, но силы оказались не равны, и меня одолели числом. У меня из рук вырвали меч, а самого сбили с ног. Отчаянно лягаясь, я ударил одного из нападающих в живот, и он скорчился от боли, но остальные бросились на меня. Холодные руки затянули сети еще крепче и потащили меня к воде.

Я ожидал, что меня тут же заколют мечом, кинжалом или копьем, но они, кажется, решили утащить меня в воду. Они радостно вопили, пока волокли трофей через береговой прибой. Видимо, они решили утопить меня и поэтому не прикончили на берегу, когда я стал совершенно беспомощен. Они могли теперь просто подержать меня под водой, пока я не задохнусь. Я ругался и брыкался, но все было бесполезно. Мои ругательства терялись в шуме прибоя, и рот заполнялся соленой водой.

Вода сомкнулась над моей головой, дети Ллира тащили меня глубже… глубже… глубже…

11. ПОДВОДНЫЙ ГОРОД КОРОЛЯ ЛЛИРА

Я задыхался, и легкие мои разрывались. Борьба с сетью, обвившей меня, ни к чему не привела. Победители плавали вокруг, очевидно, они могли дышать в воде. Они смеялись и издевались надо мной, искренне радуясь тому, что я задыхаюсь. Наверное, думали, что очень глупо с моей стороны не иметь жабер. И только я решил, что со мной уже все кончено, как произошло что-то странное. К моим захватчикам присоединились двое детей Ллира еще более высокого роста. Они несли какую-то маску и что-то приказали жестом, а захватчики подплыли ко мне. Один из них достал нож, и я решил, что сейчас он убьет меня, но он разрезал сеть, освободив мою голову. Те двое подплыли ко мне, подняли маску и надели на лицо. Маска плотно прилегла к коже, затем послышался свистящий звук и вода из нее исчезла, так что я смог вдохнуть воздух.

Насколько его мне хватит? Если они хотят спасти меня от удушья, то эта маска бесполезна. Но я недооценил их. Один из больших детей достал надутый пузырь, принадлежавший какому-то морскому чудовищу, закрепил пузырь на маске, и я стал дышать горячим, пахнущим рыбой воздухом. Потом меня потащили еще глубже. Я почувствовал, что давление увеличивается, и подумал, знают ли они, что мне не выдержать больших давлений океанских глубин. Потом мне пришло в голову, что, хотя они имеют жабры, их тела тоже вряд ли способны выдержать большое давление.

Тем временем они погружались и погружались. Вокруг меня было примерно двадцать детей Ллира. Одни тянули сеть, в которую я был завернут, другие кружились вокруг, выполняя функции охранников. Вскоре я увидел, от кого они нас охраняют. Два ужасных, похожих на акулу существа бросились к нам из скопления морских кактусов. Я хорошо видел их пасти и острые зубы. Если бы на их мордах могло появиться какое-нибудь выражение, то оно, наверное, означало бы предвкушение вкусного обеда.

Охранники сразу начали действовать. Один малыш с трезубцем отвлек внимание первого чудовища, помахав сетью перед ним. Акула повернулась к нему, открыв пасть, и тут же с двух сторон были брошены сети. Чудовище заметалось, стараясь освободиться, но от этого сеть затягивалась еще крепче. Поскольку меня охватили таким же образом, я невольно почувствовал симпатию к акуле, но очень сомневался в том, что ее ответные чувства были такими же. Я видел, как люди моря

быстро разрезали тело акулы на куски и ее чернильная кровь окрасила воду вокруг.

Другая акула была умнее или счастливее первой. Она не обратила внимания на отвлекающие маневры, бросилась прямо в скопление воинов, и ее огромные челюсти сомкнулись на ноге одного из них, когда тот пытался ускользнуть. Сверкающие зубы отрезали ногу, как бритва. На акулу накинулись остальные дети Ллира и выиграли битву, потеряв еще одного человека. Когда бой закончился, они снова потащили меня. Я не имел ни малейшего понятия, насколько глубоко мы опустились, но давление заметно увеличилось. Вскоре мы прекратили спуск, и дети Ллира буксировали меня над песчаным дном, покрытым морскими растениями. Мы пробрались через коралловый лес и пересекли гряду подводных холмов. Затем спустились в долину.

И тогда я увидел город Он был весь розовый и золотой, с куполами домов и высокими башнями, похожими на минареты. Он стоял прямо в море, и его многолюдные улицы и широкие площади раскинулись по дну впадины.

"Черт возьми! - сказал я себе. - Здесь у них прямо Диснейленд!"

Мы опустились на дно и оказались стоящими на дороге, вымощенной тяжелыми гранитными плитами. Я подумал, что, возможно, этот город когда-то был на земле и опустился в море много лет назад. Возможно, эти существа с жабрами и плавниками раньше были обычными людьми, но я не мог себе представить, чтобы эволюция произошла столь быстро. Я решил не пытаться научно объяснить этот феномен, а приписать все магии.

Мои захватчики провели меня через огромные, окованные золотом ворота пятидесяти футов высотой. Город, куда мы вошли, был полон жизни и суеты.

Лавки открыты, витрины завалены товарами. Животные, вернее рыбы, перетаскивали грузы. Это была обычная городская жизнь с одним только отличием - все происходило в полной тишине. Но какая же цивилизация может возникнуть без средств общения? Когда мы спустились под воду, я не слышал от охранников ни звука, хотя на берегу они кричали довольно громко. Как же они общаются между собой в своем городе? Я припомнил звучавшие в моем мозгу голоса Морриган и Муилертах и решил, что на Анивне все немного телепаты. Пока мы двигались по извилистой улице, мои предположения подтвердились. Продавцы и покупатели спорили о ценах на рыбу и другие товары, оживленно жестикулируя. Наконец они приходили к согласию, и покупатель расплачивался за товар.

Какое-то общение происходило, хотя я не слышал ни звука.

Мы прошли через широкую площадь, на которой росли огромные, как деревья, растения и бил фонтан, выбрасывавший подкрашенную воду. Между растениями плавали рыбы. Потом мы остановились, пропуская отряд кавалерии.

Всадники сидели на длиннохвостых животных, которые выглядели как чудовище Лох-Несса. У кавалеристов были длинные пики и сверкающие щиты. Народ запрудил улицу. Все махали руками, приветствуя своих героев.

Я, конечно, этого не знал, но был уверен, что и кавалерия, и следующая за ней пехота направляются в Лохлэнн, и почувствовал, что мне необходимо вырваться и бежать туда же. Я должен узнать, что случилось с Аннис, выиграла ли она борьбу у своего антипода. Попала ли она в Лохлэнн?

Смогла ли доказать, что она - настоящая королева? Поведет ли она с Волшебным Жезлом в руке свой народ на бой с армией морского короля? Эти вопросы были похожи на те, которые задаются в конце каждого эпизода воскресной оперы, но ответы на них означали жизнь и смерть народа Лохлэнна, Морриган и Аннис. И совершенно случайно жизнь одного типа по имени Дюффус Джэнюэр.

Когда военный парад закончился, мы перешли улицу и подошли к огромному зданию, башни которого уходили далеко ввысь, в черноту моря. Там же была ротонда, освещаемая сиянием, исходившим от фосфоресцирующих панелей, установленных на стенах. Это был, наверное, дворец самого Ллира.

Сюда мы и шли. Меня провели по лестнице в огромный зал. В дальнем его конце было возвышение, на котором стоял трон. На троне сидело какое-то невероятное создание, которое не могло быть никем, кроме самого Ллира.

Он был огромен, восемь футов роста, а плечи у него были такими, что им позавидовал бы и слон. Его длинные светлые волосы падали на плечи, а из-за сильной спины виднелись плавники. Он был одет в крылатый шлем, сдвинутый набекрень. Большой боевой топор стоял рядом с троном.

– Подведите ко мне человека с Земли, - раздался у меня в мозгу глубокий гулкий голос. - Подайте эту назойливую свинью на суд Ллира!

С меня сбросили сети, и я двинулся через бурлящую водную глубину тронного зала, чтобы предстать перед этим гигантом.

– Итак, Дюффус Джэнюэр, ты внес много смуты по прибытии на Анивн и вмешался в наши дела!

Я оценивающе посмотрел на него. Он был огромен, но я

уверился, что это обычный варвар, и почти пожалел, что не захватил с собой с Земли разных побрякушек. Ведь продали же когда-то индейцы весь Манхэттен за барахло стоимостью двадцать четыре доллара. Может, и мне удалось бы купить у него обещание не нападать на Лохлэнн. Затем мой взгляд упал на жемчуга в кольцах на его руках и на рубины, что горели на браслетах. Я посмотрел на перламутровые стены тронного зала, на огромные светящиеся панели и отказался от мысли купить его. Да, варвар, но очень богатый.

– Зачем ты пришел к нам?

– Это трудно объяснить, ваше величество, - сформулировал я в мозгу предложение, стараясь, чтобы он меня понял.

– Ты просто думай, тупой дикарь! - скомандовал он. - Не рисуй мне картинки!

Я почувствовал себя ребенком перед старым учителем английского языка, который заставлял меня читать, не шевеля при этом губами.

– Прошу простить меня, ваше величество, но у нас не пользуются вашим методом общения.

– Конечно, нет, - заявил Ллир, - ты пришел из мира грубых физических звуков, где мысленный разговор неизвестен. Но даже такой дурак, как ты, может быстро его освоить.

– Да, надеюсь, что я уже уловил принцип.

– Тогда отвергай на вопрос: что ты делаешь на моей планете?

Я задумался над этим вопросом, а он уже задавал следующий:

– Почему ты вмешиваешься в мои планы захвата Лохлэнна? Почему ты убил моих людей на острове?

– Почему убил ваших людей? Потому что они хотели убить меня.

– Они действовали по моему приказу. Скажи, зачем ты пришел сюда?

– Видите ли, девушка…

– Две девушки, - перебил он, - Аннис и Морриган - претендентки на трон Лохлэнна. И никто, кроме короля Ллира, не знает, кто настоящая королева.

Я навострил свои умственные уши. Если Ллир знает, кто настоящая королева, то я должен узнать это у него.

– А почему обе считают, что они настоящие?

– Ха! Человек с Земли думает, что останется жить и сообщит все в Лохлэнн?

Мне не понравился его тон, и я сообщил ему об этом. Я рассказал, какая огромная страна Соединенные Штаты и какой важный гражданин этой страны находится здесь, а также какая

большая атомная бомба есть у нас.

– Ты что, угрожаешь мне? - в голосе Ллира чувствовался металл.

– О нет! Конечно, нет. Вы только заставляете меня нервничать, говоря о моей смерти. Я, знаете ли, очень суеверен.

– Ты - слепой идиот, самый большой из всех, кого я знаю! Отвечай на вопросы!

Он поднял свой гигантский топор и встал. С мечом в руке я бы с ним потягался, но для безоружного он был несколько крупнее того, с кем я бы мог надеяться справиться, даже если бы вокруг не было его армии.

– Вы уже знаете, что меня зовут Дюффус Джэнюэр. Я оккультист и частный детектив. Моя клиентка Морган Лейси была похищена человеком по имени Сион и…

– Ты упомянул лорда Сиона, регента Лохлэнна. Он не похищал ту женщину, она поехала с ним добровольно. Какое ты имеешь отношение к этому?

– Я не мог позволить, чтобы моя клиентка исчезла у меня прямо из-под носа. Так что я прибыл сюда, чтобы спасти ее.

– Мы знаем, как ты попал сюда. Способы Бранвен здесь хорошо известны.

Она обыкновенная шлюха.

Он говорил совсем как земные ханжи. Сам старается завоевать свободную страну и утопить все ее население, но при этом делает постную рожу, когда говорит о сексуальных удовольствиях Бранвен.

– Ты пришел сюда с Аннис. Ты надеялся посадить ее на престол и править вместе с ней?

У него была дурная привычка задавать сразу несколько вопросов одновременно, не ожидал ответов на них.

– Я только хотел вернуть на Землю Морган Лейси, - ответил я, зная, что лгу, но надеясь, что он не сможет прочитать мои мысли.

– Почему ты решил, что она захочет вернуться?

– Если она не настоящая королева, то зачем ей здесь оставаться?

– В этом что-то есть, - кивнул Ллир, - но почему ты думаешь, что она не настоящая королева?

– Аннис сказала, что настоящая - она, а я сам видел, какая она могущественная колдунья. И к тому же, все говорит за то, что она дочь Аравна, короля Лохлэнна.

– Дочь какого Аравна?

– А что, их здесь несколько:

– Конечно. Есть Аравн и есть Черный Аравн. Так всегда

бывает со всеми, кто обладает могуществом.

Ну конечно, если есть Аннис и Черная Аннис, то почему не быть двоим Аравнам? Но какое это имеет значение?

– Настоящий Аравн и Черный Аравн - оба любили королеву Этну. Она каждому принесла по дочери. - Ллир засмеялся. Очевидно, эта половая неразбериха забавляла его. - Когда друиды узнали, что есть две принцессы Лохлэнна от разных отцов, то решили, что обе должны быть переселены на Авред, но предварительно память их следует стереть. - Ллир сделал паузу, и в его глазах промелькнули воспоминания. - Никто, кроме королевы Этны, не знал, которая из них дочь Аравна, а которая - его двойника. Она так тосковала по дочерям, что ее отправили в морское путешествие. Корабль, к несчастью, разбился у Столбов.

Вероятно, крушение корабля не было случайной катастрофой. Король Ллир мне совсем не нравился.

– Все, бывшие на корабле, погибли, кроме королевы Этны, - продолжал он. - Леди привели сюда. Она была королевой, но также и женщиной. Никаких пыток не потребовалось, только одна ночь, проведенная с Ллиром. Она сказала мне, кто из принцесс настоящая королева, и вскоре после этого она умерла, бедняжка. Думаю, ей не подошел наш климат.

У Ллира были внешность и манеры настоящего воина-викинга, но теперь я знал, что он грязный интриган и скотина. Нет, он мне определенно не нравился. Я мечтал о моменте, когда смогу встретиться с ним с мечом в руке против его топора.

– Так кто же из них настоящая королева? - спросил я, надеясь, что его внимание рассеялось.

– Не думай, что я тебе скажу! - засмеялся он. - Ты, конечно, никогда не выйдешь отсюда, но Муилертах или Бранвен способны извлечь знание у тебя из мозга и тогда Лохлэнн с помощью Волшебного Жезла сможет противостоять моим легионам. Без Жезла он падет так же, как пал Сокр. Это знание скрыто в моей голове, человек с Авреда, и оно останется там!

Останется там? Не я ли считал себя величайшим магом? Не я ли говорил себе, что моя магия не работает потому, что я на Земле? Теперь или никогда! У меня появилась возможность доказать, что я великий колдун. Если я сумею прозондировать мозг Ллира и он не узнает об этом, я получу оттуда ценнейшую информацию и спасу Аннис, Морриган и заодно Лохлэнн. У меня не было никаких сомнений в том, что я смогу это сделать и как я это сделаю. Я вспомнил сумасшедшего охранника и сформировал мысленный образ ищущей руки, которая проникает в череп Ллира. Я прикоснулся к внешней оболочке, на уровне которой велась наша беседа, а потом копнул глубже.

Мозг был совершенно чуждый, более чужой, чем я себе представлял. Там был холод, абсолютно противоположный тому, что я ощущал, когда касался мозга Морриган. Но за холодными и чужими мыслями я нашел то, что искал.

"Аннис одна. Аннис настоящая королева, но они посадят на трон Морриган, и Лохлэнн падет после моего штурма. Подлинная королева - Аннис".

Я быстро вернулся назад: он не должен знать, что я зондировал его мозг, он не должен знать, что мне известна его тайна. Если он догадается, то убьет меня. Я извлек зонд, весьма довольный собой и своей способностью обмануть могущественного Ллира.

– Достаточно! - сказал Ллир. - Уведите его! Ему больше нечего сказать. Посадите его в воздушную камеру, я еще побеседую с ним перед тем, как отрублю ему голову и повешу ее в Главном зале!

12. В СТЕКЛЯННОЙ ТЮРЬМЕ ПОД ДВОРЦОМ

Я про себя улыбался, пока они тащили меня из Тронного зала по винтовой лестнице в подземную тюрьму под дворцом, но перестал улыбаться, когда увидел помещение, в котором мне предстояло находиться. Это была маленькая металлическая камера, высота которой едва позволяла человеку стоять в полный рост. Камера находилась посредине большой комнаты. Вместо одной стены было толстое стекло. Большая комната была наполнена водой, а камера - воздухом. Перед тем как втолкнуть меня в камеру, с меня сорвали маску с дыхательным пузырем. Охранники исчезли, и одна стена комнаты распахнулась. В комнате появились три акулообразные чудовища, похожие на тех, которые нападали на нас в море. Они плавали по комнате, подплывали к стеклу и заглядывали в мою камеру. Они выглядели очень голодными, и мне страшно захотелось показать им язык, но я не стал этого делать.

Во всех книгах я читал, что заточенные в тюрьму герои ходили по камере до тех пор, пока у них не созревал блестящий план бегства. Я тоже попытался ходить. Камера была пару шагов в длину и столько же в ширину.

Такие размеры не способствовали мышлению и, вероятно, поэтому я не смог ничего придумать.

Я сел на пол и внимательно осмотрелся. Если меня сюда посадили надолго, то я кончу тем, что сломаю себе шею. Во мне было шесть с половиной футов, а камера имела всего четыре фута в длину, так что для того, чтобы лечь, мне придется складываться пополам. Но они, вероятно, не собираются долго держать меня здесь.

Акулы наблюдали за мной, и одна из них чуть не расплющила нос о стекло. У нее был ужасно голодный вид, и ее большие красные глаза как будто умоляли разбить стекло и позволить ей пообедать мной, но я решил не делать этого. Я попытался еще походить по камере, но планы, которые приходили в голову, нельзя было назвать блестящими. Сначала я хотел заманить Ллира в камеру обещанием дать какую-нибудь важную информацию, а затем схватить его и держать заложником, пока меня не освободят. В целом этот план был хорош, за исключением некоторых недостатков. Для того чтобы заманить Ллира в камеру, мне нужно было с кем-то связаться, а я находился здесь в абсолютной изоляции. Они запросто могли позабыть обо мне. Я

подумал, есть вероятность, что через несколько тысячелетий меня откопают археологи. Я мертвый лежу в камере, а снаружи болтаются три акульих трупа.

Второй недостаток плана заключался в том, что в Ллире восемь футов роста, плечи его шириной с танк "Шерман", а мускулы как стальные тросы.

Так что захватить его и держать в качестве заложника будет весьма затруднительно. Я с сожалением отложил этот план и попытался придумать что-нибудь другое. Мне нужно выбраться отсюда, у меня есть сведения, в которых так нуждаются Аннис и Лохлэнн, и всем будет плохо, если я останусь здесь. Кроме того, мне не нравится эта камера, из которой не видно ничего, кроме акул.

Я принялся внимательно оглядывать обе комнаты, стараясь не упустить ни одной подробности. Пол был выложен из гранитных плит, и с ним я вряд ли мог что-либо сделать. Я осмотрел окно. Его можно разбить, но это приведет лишь к появлению воды и акул. Этот народ, конечно, варвары, но они соорудили такую камеру, из которой невозможно бежать. Интересно, сделали они ее специально для меня или у них есть и другие пленники, дышащие воздухом?

Дышащие воздухом! Я задрал голову и осмотрел потолок. Воздух в камере был свежим и, следовательно, он откуда-то постоянно поступал. Я увидел воздухопровод, закрытый решеткой, в углу под потолком. Этот воздухопровод мог выходить на поверхность, но отверстие было всего около восемнадцати дюймов, а мои плечи требовали вдвое большей ширины. Плотно прижавшись к стеклу, я пытался рассмотреть за этими ужасными чудовищами дальнейший ход воздухопровода. Сначала я не мог ничего увидеть, так как они сгрудились около окна и загораживали все пространство, но через полчаса им надоело разглядывать меня и двое из них устроили охоту друг на друга, гоняясь по большой комнате. Несмотря на мутную воду, в смог рассмотреть, что воздухопровод идет к противоположной стене, где соединяется с большой трубой под потолком. Надо было добраться до нее. Проблема состояла в том, как это сделать.

Я мог попасть в трубу через дверь с уплотнениями и четырьмя ручками.

Эта дверь находилась на самой трубе и, несомненно, использовалась рабочими при ремонте воздухопровода. Судя по ширине трубы, она обслуживает не одну камеру. Очевидно, Ллир имел много пленников, дышащих воздухом. Все мои размышления были интересны, но малополезны. Если бы я открыл дверь и проник в трубу, я мог бы выйти на поверхность,

но при этом в воздухопровод попала бы вода, а вместе с ней и рыбы, эти проклятые рыбы с очень острыми зубами. Я был неплохим пловцом и мог на продолжительное время задерживать дыхание. Если бы не акулы, я мог бы разбить окно, выбраться из камеры и открыть дверь до того, как начну задыхаться. Но обстоятельства таковы, что, пока я буду выбираться на свободу, три моих голодных соседа будут откусывать от меня большие куски и, когда я открою дверь, от меня мало что останется.

Я опять пожалел, что со мной нет меча. С ним в руках я бы смог успешно бороться с акулами, а без него неминуемо проиграю. Но я знал, что попытаться мне все же придется. Возможно, когда вода хлынет в камеру, она затянет и акул, и если мне удастся ускользнуть от них, я смогу схватить кусок стекла для обороны. Может, Аннис уже мертва и Морриган коронована, но я все равно должен попытаться выбраться отсюда и принести то, что знаю, народу Лохлэнна. Потом передо мной встала другая задача: чем разбить стекло? Оно было толстым и прочным, чтобы выдержать давление воды, и для того чтобы его разбить, требовалась большая сила, превосходящая мою. В комнате не было ничего подходящего - ни камней, ни металлических полос от кровати, ни самой кровати. Я выругался, так как был готов рискнуть всем в этой дикой игре, а мне даже нечем разбить стекло.

– О мой меч, старый друг, если бы ты был со мной! - я в отчаянии поднял руки, и мои пальцы коснулись шлема.

Шлем! Конечно, шлем! Я снял его с головы. Какое счастье, что захватчики не сорвали с меня ни шлем, ни кольчугу. Острой пикой шлема я разобью стекло, а кольчуга защитит хоть часть тела от зубов хищников. Ллир и его дети не предусмотрели такой детали. Со шлемом в руках я подошел к окну. Три акулы опять собрались у стекла и смотрели на меня, будто что-то предвкушая.

– Вы думаете, что видите перед собой лакомое блюдо, не так ли? Могу сообщить следующее: я очень твердый и жилистый, а кроме того, съел тонны лука и чеснока, так что каждая из вас получит из-за меня острый гастрит. И представьте себе, что будет, если вы все трое нажретесь чеснока в таком маленьком пространстве!

Мои аргументы на них не подействовали, они продолжали выглядеть такими голодными, какими бывают только акулы.

– О'кей! Я вас предупредил! Если вы не хотите быть разумными, сами будете страдать от последствий.

Я взял шлем и двумя руками с размаху ударил по стеклу. На нем появились маленькие трещины. Шлем опустился еще раз, и трещины увеличились. Акулы зашевелили хвостами в

предвкушении обеда. Они были очень счастливы, видя, как их пища сама рвется к ним. Я обрушил третий удар. Стекло лопнуло, и поток, ворвавшись, довершил все остальное. Я едва успел отскочить в сторону и прижаться к стене, чтобы вода с акулами не сбила меня с ног. Три акулы боролись в тесном пространстве, кусая друг друга острыми зубами. Пока они были заняты этим делом, я бросился в отверстие, преодолевая напор воды. Кольчуга цеплялась за края разбитого стекла, а я с отчаянием лягал ногами, стараясь отогнать акул.

Уровень воды в большой комнате стал падать, когда моя камера начала заполняться водой, но он все же был выше моего роста. Я вдохнул воздух и бросился к двери. Акулы еще боролись между собой за право выскочить следом. У меня была всего пара минут, я знал, что это долго не протянется.

У акул все внимание было обращено на меня, их глаза сверкали, так же как и зубы. Мне нельзя было терять времени: скоро эти зубы вонзятся в меня. Я поплыл к двери и вдруг наткнулся на что-то, медленно падающее на дно. Мои руки схватили этот предмет и почувствовали рукоятку меча. Меч! Как он попал сюда?

Я сжал меч и сразу ощутил себя переродившимся. Все это кажется невозможным, но мой меч снова у меня. Даже Ллир и его прихвостни не могли быть такими глупыми, чтобы бросить оружие там, где я его схватил.

Вероятно, этот меч и в самом деле волшебный, раз он сам находит меня. А может, это Муилертах послала его мне? Не знаю почему, но я подумал, что его мне вернула Муилертах, а не Бранвен. Мне казалось, что Ведьма Моря более сильна и практична, чем Бранвен, у которой своя специфичная область.

Акула приближалась ко мне. В воде нельзя размахивать мечом, но я мог использовать его как копье. Я ударил чудовище, и акула обнаружила, что пытается проглотить пять футов хорошей стали, которая плохо переваривается. Она глотнула меч, и он пронзил ее мозг. Вода потемнела от крови. Ее напарницы тоже выбрались, наконец, из камеры и с двух сторон приближались ко мне. Я прижался спиной к двери, готовясь отразить нападение, а они кружили с очевидными намерениями. Я ударил одну из них, и она отплыла подальше, но другая осталась.

Я добрался до первой ручки. Акула подплыла совсем близко, и я сконцентрировал на ней все внимание, водя мечом в воде направо и налево, чтобы не пропустить броска. Вода вдруг спала, освободив мою голову и плечи. Она заполнила, наконец, мою камеру, и общий уровень ее понизился.

Акула бросилась на меня, скользя по поверхности. Я поднял

меч и сильно ударил сверху вниз. В результате ее голова наполовину отделилась от туловища. Таким образом, осталось одно чудище, которое, казалось, решило пообедать своими недавними компаньонами, пренебрегая мной.

– Отлично! Вероятно, то, что я сказал о своей жесткости и дурных привычках, подействовало, - пробормотал я и взялся за первую из четырех ручек.

Мне следовало поторапливаться, так как жидкость снова стала подниматься, как будто она поступала снаружи. Я уже боролся со второй ручкой, когда вода закрыла мои плечи. Потом при помощи меча я одолел третью ручку. С четвертой пришлось повозиться подольше, но и ее я сломал.

Дверь открылась, когда вода достигла уровня глаз. Я проскользнул в воздухопровод, и вода ворвалась вместе со мной. Я поспешил закрыть дверь, так что воды в воздухопроводе было не больше нескольких футов. Потом я нащупал ступеньку, затем следующую, расположенную повыше. Я пошел вверх, останавливаясь каждый раз, чтобы нащупать очередную ступеньку. Медленно, но верно я приближался в темноте к свободе.

13. ДВУХГОЛОВАЯ ПРИНЦЕССА

Шаг за шагом в полной темноте я двигался по воздухопроводу. Дважды я срывался и отчаянно пытался удержаться на ногах; дважды не находил ступеньки, но мне удавалось удержать равновесие, пока я судорожно нащупывал опору. От тяжести меча и доспехов я уже дышал как перегруженная лошадь. Не знаю, сколько времени я взбирался наверх, но это заняло не менее ста лет. Мои руки стали мокрыми от пота, и пришлось несколько раз останавливаться, чтобы восстановить дыхание и вытереть их. Но даже вечность когда-нибудь проходит, и наконец я увидел над собой слабый свет.

– Бранвен, высокогрудая великолепная сверхъестественная звезда секса, ты помогла мне выбраться отсюда! - воскликнул я, но Бранвен не ответила. С тех пор, как мы расстались с Аннис, богиня утратила коммуникабельность.

Я очень устал, но цель была близка. Маленькое круглое пятно света притягивало к себе, и я с радостью рвался к нему. Оставшуюся часть воздухопровода я проскочил за рекордное время. Наконец я выбрался, огляделся вокруг и чуть не прыгнул назад в трубу.

– Боже мой, я попал в ад! - воскликнул я.

То, что я увидел, было действительно похоже на ад Я оказался в глубоком коническом кратере с пузырящимися лужами горячей воды и наплывами светящейся лавы. Воздух был наполнен паром и сильно напоминал турецкие бани в августе. Я осторожно шагнул вперед и почувствовал через ботинки жар почвы. Боб сразу вспотел, и капли пота побежали по спине. Дьявольски пахнувший пар душил меня; дотронувшись до меча, я обнаружил, что он горячий.

Все выглядело так, будто я спрыгнул со сковородки в огонь и теперь нужно найти место попрохладнее. Я осмотрелся. Через тяжелые облака пара пробивался свет, и в проблесках я заметил кусочек голубого неба, на фоне которого обозначилось круглое отверстие. Теперь я окончательно понял, что нахожусь в кратере вулкана.

Это открытие удвоило количество пота на теле. Земля слабо дрожала под ногами, и это заставило меня вспотеть еще больше. Мне подумалось, что надо бы позвать на помощь Бранвен, но в последнее время она мной не интересовалась, а вызывать Муилертах не хотелось. Что-то в ней мне не нравилось.

Единственное, что оставалось, это выбираться отсюда самому. Я пошел вперед. Я не надеялся взобраться на стену

кратера, мне просто хотелось уйти подальше от кипящей воды и раскаленной лавы. Путь был трудным, приходилось огибать поля лавы и груды камней. Я задыхался в сернистой атмосфере, а подошвы ботинок, казалось, прогорели насквозь. Я не знал, куда иду, но мне оставалось только идти или умереть, так что я упорно стремился к стенке кратера.

– Дурак, не туда идешь, - раздался в мозгу хриплый голос Муилертах. - Не знаю, почему у тебя получается все не так. Если бы я не присматривала за тобой, ты погиб бы уже десятки раз!

Вот уж действительно ведьма! Она похуже, чем автомобиль в жаркий воскресный день.

– А что ты для меня сделала, когда я был во дворце Ллира?

– Если ты не нашел ничего лучшего, как попасть в плен Ллиру, то что я могла сделать? Даже я не могу входить в его владения.

Я сперва подумал, что мой меч, вероятно, появился по ее воле, но потом решил, что он сам обладает волшебным свойством возвращаться к владельцу.

– Ну и как мне выбраться отсюда? Или ты хочешь, чтобы у меня сгорели ноги?

– Придержи язык, сопляк, не то я выкупаю тебя в расплавленной сере! Я не для того прожила тысячи лет, чтобы терпеть оскорбления от всяких молокососов.

– У меня в этом огне жарятся подошвы, - сказал я, прыгая с ноги на ногу. - Куда мне идти?

– Не туда, куда ты идешь. Нужно пересечь кратер, и ты попадешь в тоннель, ведущий в Лохлэнн.

Я посмотрел назад. Лава, казалось, стала светиться еще ярче, и пар свирепо кружился над ней.

– Думаю, мне не пройти.

– Пройдешь, если будешь хоть немного думать. С вами, смертными, всегда так, вы всего боитесь.

– А может, ты перенесешь меня над самым опасным местом?

– С какой стати? Почему я, маленькая старая леди, должна таскать на себе такого буйвола, как ты? Леди моего возраста должна сохранять и беречь свои силы. К тому же вы, люди, всегда хотите, чтобы кто-то сделал за вас всю грязную работу. Вы никогда не желаете стоять на своих ногах!

– Сейчас-то я стою на ногах и должен сказать, что им ужасно горячо!

– Тогда иди побыстрей. Может, при движении тебя будет обдувать ветерком, и тогда кожа не загорится.

– Благодарю за совет, - ответил я и двинулся в том направлении, которое она мне указала.

– Осторожней, не сбейся с пути!

Идти пришлось очень быстро, иначе мои ботинки сгорели бы, а сам я расплавился. Очень странно, но появился прохладный ветерок, немного охладивший мои ступни. Потеть я стал меньше, да и запах серы сделался немного слабее. Я догадался, что это забота Муилертах, услышав у себя за спиной ее старческое покашливание и бормотание. Эта чертова старуха чуть-чуть облегчила мне путь для того, чтобы я смог достичь цели, но не настолько, чтобы избавить меня от страданий. Я добрался до противоположной стены, ощущая себя перегретым мотором, но не увидел никакого тоннеля, ведущего из кратера.

– Старый мешок надул меня, - проворчал я, обыскав все вокруг в поисках тоннеля.

– Если бы ты не был таким вечно хныкающим занудой, - заявила Муилертах, появляясь передо мной собственной персоной, - ты бы все смог сделать сам, не прося о помощи!

Со своим налитым кровью глазом она выглядела ужасно! Неудивительно, что она старалась не показываться.

– Мне очень нравятся лекции, которыми ты сопровождаешь свою помощь.

Они несут уйму информации!

– Но ты никогда не обращаешь внимания на мои слова, как и остальные люди, в том числе и Морриган. Вы всегда обращаетесь ко мне только за помощью.

– Единственное, чего бы мне сейчас хотелось, так это поскорее выбраться из вашей дьявольской дыры.

– Ах, это! Вход в тоннель находится на другой стороне серного бассейна. Лохлэннские друиды проходят через этот тоннель, чтобы набрать серы для своих дурацких магических снадобий.

Я побрел вокруг бассейна, а Муилертах сопровождала каждый шаг советами и наставлениями.

– Смотри, дурак! Ты чуть не ступил в расплавленную серу. Хочешь сжечь себе ноги? Не разбей голову о выступ, когда будешь входить в тоннель, а то потеряешь последние мозги! Не забудь сообщить Морриган, когда попадешь в Лохлэнн, кто помог тебе. Не…

Я постарался нырнуть в тоннель, чтобы не слышать ее голоса. Плохо, когда тебя пилит реальная женщина, но когда этим занимается одноглазая ведьма, это уж чересчур. Тоннель был длиной в полмили, но после кратера он показался раем. Стало прохладно, и наконец я увидел свет и почувствовал аромат цветов, принесенный легким ветерком. После запаха серы в кратере этот аромат показался мне чудесным и я, вырвавшись на

светский воздух, свистнул от удовольствия. Но мой свист превратился в крик ужаса, когда я огляделся.

В нескольких шагах от входа в тоннель стояло длиннохвостое, покрытое чешуей, двухголовое чудовище. Обе головы были женскими с длинными светлыми волосами и венками из роз. На каждом лице был рот размером с пасть бегемота и с тремя рядами блестящих белых зубов. Две головы улыбнулись и переглянулись.

– Посмотри, сестра Зеба, вот он. Он именно такой, как она нам сказала, - заявила правая голова левой.

– Да, сестра Фифа, и он к тому же большой и приятно смотрится.

Они уставились на меня как на первосортного ягненка, терпеливо дожидающегося, когда его съедят. Почему, интересно знать, каждое существо, которое я встречал на этой планете, непременно решало, что я вкусен и было бы неплохо меня съесть?

– Она нам не солгала, сестра Фифа, - сказала голова по имени Зеба, тряхнув светлыми волосами. - Он действительно вышел из тоннеля, как она и говорила.

Теперь я понял, почему Муилертах столь настойчиво помогала мне. Она послала меня сюда прямо на обед этому двухголовому чудовищу.

– Мы рады видеть тебя, Дюффус Джэнюэр, - сказала Фифа.

– Да, - подтвердила Зеба, - мы мечтали годы, чтобы сюда пришел кто-нибудь, похожий на тебя.

– Видишь ли, - продолжала Фифа, - мы очень богатые принцессы.

– Да, - заявила Зеба, - мы были заколдованы могущественным друидом, который сделал нас такими, как ты видишь.

– Только красавец-принц может освободить нас от заклятия, - добавила Фифа. - Ты принц-красавец?

Думаю, я мог бы называться принцем, так как произошел по крайней мере от одного короля. А насчет красавца должен сказать, что некоторые женщины называли меня именно так. Но относительно колдовства я ничего не знал и не хотел брать это на себя.

– Ты поможешь нам? - спросила Фифа.

– Я уверена, что ты нам поможешь, ты очень приятный мужчина, - сказала Зеба. - Ведь мы так долго ждали.

Они выглядели настолько несчастными, что мне стало их жалко. Это, наверное, очень неприятно для очаровательной принцессы - превратиться в двухголовое чудовище. Но почерку две головы и два имени для одного человека? Как и большинство других существ, которых я встречал на этой планете. Эти двое

тоже могли читать мысли, так что теперь они выглядели смущенными.

– Так уж получилось… - начала Зеба.

– Да, так получилось, - подтвердила Фифа.

– Был один прекрасный принц, - сказала Зеба.

– И один безобразный король, - добавила Фифа.

– И мы с принцем любили друг друга, - сказали они вместе, - но нам было предназначено выйти за короля.

– И когда король застал нас в постели с принцем, он очень рассердился и отдал приказ друидам заколдовать нас, - сказала Фифа.

– Он сказал, что раз мы были двуличными по природе, то теперь все время будем носить два лица, - сказала Зеба.

– Ты не находишь, что так поступать с прекрасной девушкой отвратительно? - спросила Фифа.

– Конечно, - согласился я. - Но что я могу сделать?

– Ты можешь освободить нас от заклятия, - сказали обе.

Я обдумал это. Во всех легендах и мифах, которые я читал, заколдованные принцессы обычно возвращались в нормальное состояние при помощи поцелуя, после чего благодарили освободителей различными интересными способами. Мне не очень нравилась мысль о том, что нужно поцеловать этих толстогубых красоток, но мужчина должен помогать дамам в несчастье, когда может… Особенно, если за поцелуй он может кое-что получить.

– А что я должен сделать, чтобы снять заклятие? - спросил я.

– О, тебе делать ничего не надо, - сказала Зеба-фифа, - мы сами позаботимся обо всем.

– Вы? А как?

– Мы тебя съедим, - ответили обе дуэтом. - Чтобы вернуть свое нормальное состояние, мы должны съесть красавца-принца. Король очень болезненно воспринял нашу измену. Он теперь ненавидит принцев.

Я отпрянул назад, когда они сделали шаг ко мне на своих толстенных ногах.

– Я не тот, кто вам нужен, - быстро сказал я. - Во мне нет ни капли королевской крови. Все мои предки были конокрады и золотари.

– О нет, это не правда, - сказали они. - Мы чувствуем королевскую кровь, да и она нам сказала.

"Черт бы тебя побрал, Муилертах, ведьмовское отродье. Если бы я сейчас тебя увидел, то пальцем выколол бы твой глаз!" - подумал я, берясь за рукоятку меча.

– Что ты собираешься делать этим ужасным оружием? -

спросили они, глядя на меч.

– Защищаться, - ответил я. - И предупреждаю вас, леди, что мой меч великолепно раскалывает черепа.

– Ты грубый человек, - сказала Зеба.

– В тебе мало деликатности, раз ты нам угрожаешь, - добавила Фифа.

– Сначала вы угрожали мне, но я скажу, что если вы отойдете на десять шагов и повернете головы вместе с челюстями в другую сторону, дав мне пройти, то я обещаю, что не буду рубить ваши головы.

– Может, ты и принц, но не джентльмен, - заметила Фифа.

– Конечно, - сказала Зеба. - Джентльмены не угрожают принцессам такими длинными и острыми штуками.

– Нет, они приносят им цветы, конфеты и разные красивые безделушки, - заявила Фифа.

– Должен сказать, что сейчас вы вовсе не прекрасные принцессы, - сказал я, размахивая перед ними мечом. - Кроме того, вынужден заметить, что мой меч очень острый.

– Хорошо! Пусть будет так, если ты поступаешь подобным образом. Мы придумаем другой способ, раз ты бежишь как трус.

– Благодарю вас, леди! Теперь позвольте увидеть ваш огромный зад вместо ваших прелестных лиц.

– Он ужасно груб, - заявила Фифа.

– В таком тоне разговаривать с женщинами! - негодующе сказала Зеба. - Нет, он нам совсем не нравится!

Огромное животное повернулось в другую сторону, и его длинный хвост бился о землю рядом со мной. Крепко сжимая меч, я хотел перешагнуть через него, но это оказалось ошибкой. Хвост метнулся со скоростью стрелы, обвился вокруг меня, стиснув руки, и поднял, вопящего и лягающегося, в воздух.

– Пошли прочь! Вы обманули меня! Вы нарушили уговор! - кричал я, беспомощно вися между двумя головами с бесполезным мечом в руке.

– Мы не заключали никакого договора, мы только подчинились угрозе.

– Я не верю, что вы были прекрасной принцессой. Вы всегда были чешуйчатыми, длиннохвостыми, безобразными чудовищами! Как и сейчас!

– О, ты отвратительный и злой! - оскорбленно вскричали они.

Хвост метнулся вверх и шлепнулся на землю. Я ударился с зубодробительной силой. Затем меня снова подняли в воздух и опять ударили о землю.

– Так его, так! - одновременно кричали два голоса. - Это научит его вежливости! Грубиян!

Они забьют меня до смерти, если не придумают чего-нибудь получше.

Однако после третьего удара они оставили меня лежать на земле. Затем одна гигантская нога поднялась надо мной, чтобы раздавить.

– Мы отучим тебя оскорблять прекрасных принцесс, деревенская свинья!

Нога опустилась как паровой молот, но я откатился в сторону, и она промахнулась.

– Лежи спокойно и получай лекарство от грубости!

Поднялась другая нога, но я уже был готов действовать. Меч ударил в грудь двухголового чудовища. Лезвие вошло в тело не так глубоко, чтобы убить, но достаточно, чтобы проткнуть толстую шкуру и причинить боль.

– Я убита, я убита! - заверещали обе головы. - Ты убийца! Ты кровожадный тип!

Я держал меч наготове, но нужды в нем больше не было. Зеба плакала, а Фифа всхлипывала. Чудовищное тело повернулось и побежало в направлении каких-то высоких деревьев. Я шлепнул его по огромному заду, чтобы ускорить бегство.

– Помогите! Помогите! Здесь убийца! - кричал монстр. - На нас напали!

Все еще крича, чудовище исчезло между деревьями. Его вопли были такими громкими, что их, наверное, слышали на Земле. Но и на Анивне они привлекли внимание. Неожиданно прискакала компания каких-то кентавров. Они увидели меня, и их вождь обнажил меч. Остальные подняли пики и на огромной скорости устремились в атаку.

– Ну вот, опять, - пробормотал я, держа меч наготове.

Их было примерно двадцать, и все вооружены более длинным оружием, чем я. К тому же они были выше меня. Не имея ни малейшего шанса, я должен был драться. Так принято в этом мире.

– Сдавайся! Сдавайся! - кричал вождь.

Я начал придумывать подобающую героическую фразу наподобие уже произнесенной в какой-нибудь знаменитой битве, но ничего в голову не приходило. Я только мерно взмахивал мечом, чтобы они могли слышать, как он поет в предвкушении побоища.

– Сдавайся! Сдавайся! - опять заорал вождь. - Сдавайся или умри!

– Не волнуйся, - сказал я мечу. - Подожди, пока не увидишь белки их глаз.

14. ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА В ЛОХЛЭННЕ

У меня не оставалось ни единого шанса. Возможно, я убью двоих или троих, но остальные повергнут меня на землю или заколют пиками. А почему бы мне не сдаться? Нет, на Анивне воин не должен сдаваться без борьбы.

Итак, я ждал, пока двадцать закованных в доспехи рыцарей доскачут до меня.

Они были примерно ярдах в десяти, и их пики были направлены мне в грудь. Я приготовился к отражению первого натиска.

– Сдавайся! Именем королевы Морриган приказываю тебе сдаться! - закричал предводитель.

Я широко открыл рот.

– Прошу прощения, что вы сказали?

Этот кентавр остановился на всем скаку и недоверчиво посмотрел на меня.

– Я предложил вам сдаться именем королевы Морриган, - сказал юный капитан. - Я - Зивард, граф Ригора, Дюк Беллум Лохлэнна и капитан королевы Морриган.

– Рад с вами познакомиться. Я - лорд Дюффус Шотландский и Голливудский, личный детектив королевы.

Он с еще большим недоверием посмотрел на меня. Это было приятно выглядевшее животное с прической, какие у нас носят хиппи.

– Писаный детектив? Не думаю, что такой титул существует в королевстве.

– Вам он неизвестен, потому что связан с личными делами Морриган. Мой офис находится рядом с ее покоями. Я требую, чтобы меня немедленно доставили к ней.

Граф Зивард был сконфужен. Мой акцент и одежда вызывали подозрение, но небрежное упоминание имени королевы заставило его перейти к обороне.

– Приведите мне лошадь! - приказал я, вспомнив, что нападение - лучшая защита. - Королева ждет меня.

Последняя фраза была правдой в том случае, если Морриган и Муилертах были связаны между собой так же, как Аннис и Бранвен. Тогда ведьма сообщила ей, что я иду… Хотя, возможно, она ожидала, что меня уже переваривают Фифа-Зеба.

Что бы ни подумал обо мне граф Зивард, но он кивнул и сказал:

– Мы доставим вас в Кэр Ригор к королеве. И горе вам, если вы лжете.

– Личный детектив королевы никогда не лжет, - величественно произнес я.

– Ну что ж… - промычал граф.

Я знал, что он умирает от любопытства, желая знать, чем же занимается Детектив. Он приказал одному всаднику спешиться, а освободившуюся лошадь отдали мне. Лошадь и я посмотрели друг другу в глаза со взаимной неприязнью, но как только в вскочил в седло, она спокойно повезла мои оставшиеся фунты, изредка выражая протест легким ржаньем.

Мы ехали грязной дорогой между полями чего-то, что смахивало на овес.

Изредка мелькали небольшие фермы, окруженные деревьями. Впервые с тех пор, как в вышел из тоннеля, я мог спокойно обозревать Лохлэнн… Страна лежала в огромной пещере, такой высокой, что под ее потолком плавали облака. Было светло, но какого-либо источника света я не заметил и предположил, что его излучает жерло вулкана или же для освещения используются фосфоресцирующие панели, как у Ллира в его городе. Но ни одна из догадок не годилась. Свет воспринимался как обычный дневной, и к тому же здесь находилось множество растений, которые, как всем известно, требуют для своего роста солнечных лучей. Единственное объяснение, которое я мог выдвинуть, - обычное для Анивна: всему причина - магия. Магия заставляет воздух светиться, деревья и другие растения - расти. Мне это объяснение надоело, но ничего другого я придумать не мог.

Кэр Ригор представлял собой замок с башнями, расположенный на пологом холме над широкой рекой. У подножья холма находился город размером примерно с Кэр Педриван. По реке сновали баржи и маленькие суденышки, патрулировали военные галеры. За рекой был густой лес, а дальше виднелась отвесная стена пещеры, в которой лежал Лохлэнн. В каменной стене можно было различить гигантские бронзовые ворота. Граф Зивард заметил мой взгляд и помрачнел, - Морские ворота, - сказал он. - За ними легионы Ллира. Без Волшебного Жезла мы… - он осекся, будто поняв, что говорит незнакомцу слишком много.

– Я пришел сюда как раз по поводу Волшебного Жезла и должен встретиться с королевой как можно скорее.

Мы галопом приблизились к городским воротам, но уменьшили скорость, как только въехали на городские улицы. Мы миновали гавань, где множество барж грузилось различными товарами.

– У вас обширная торговля. Куда плывут эти баржи?

– В Крок Мидхэйн, а оттуда караваны везут товары на поверхность. Там они перегружаются на корабли, которые развозят их по всей планете. Однако в последнее время воины Ллира очень затрудняют торговлю.

Кэр Ригор был поменьше, чем дворец Ллира. Он производил впечатление военного укрепления, выдержавшего много осад и приступов. Всюду были вооруженные воины, наблюдавшие за нашим приближением. Зивард протрубил в серебряный рог, после чего опустился мост и поднялись решетки, загораживающие вход, и мы въехали в замок. Как только мы спешились, к королеве отправился посыльный, чтобы сообщить о прибытии в замок ее личного детектива.

– Она готовится к завтрашнему празднеству Биллтейна, - пояснил Зивард.

– К празднику? Тогда я должен увидеть ее немедленно.

– Никто не может отвлекать королеву, когда она готовится к коронации.

– Кроме тех, кто имеет сведения об угрозе жизни королевы и ее народу.

– Может, вам поговорить с лордом Сионом? - нахмурился Зивард.

– Нет, мне нужна королева.

– Королева Морриган ждет лорда Дюффуса в зале для аудиенций! - провозгласил вернувшийся посыльный. - Она просит его поторопиться!

– Видите? - улыбнулся я Зиварду. - Личный детектив - весьма важная персона!

Посыльный провел меня по коридору в маленькую хорошо освещенную комнату, стены которой были богато разукрашены. Посыльный поклонился и исчез, и тут же в моих объятиях оказалась Морган Лейси.

– Дюффус… Дюффус, дорогой! - восклицала она, прижимаясь ко мне. - Муилертах сообщила, что ты идешь сюда, но я ужасно беспокоилась. - Она крепко поцеловала меня и затем внимательно осмотрела. - Дай мне взглянуть на тебя. Ты еще больше и сильнее, чем мне помнилось. Ты великолепный воин этого мира!

И она казалась прекраснее, чем на Земле. На ней было длинное белое платье, плотно облегавшее роскошное тело в самых интересных местах, золотисто-рыжие волосы красиво спадали на плечи. Между высокими, хорошо очерченными грудями висел кулон.

– Я нравлюсь тебе в роли королевы?

– Вы были бы прекрасны даже в роли прислуги на кухне. Но в

этом королевском деле… Думаю, вам не надо в это верить.

– А я и не верила. Я думала, что это какой-то розыгрыш, но лорд Сион и леди Крейрви доказали, что я настоящая королева и что мне необходимо быть здесь.

– Каким образом они вам это доказали? - спросил я.

– Достаточно убедительно, - ответила Морриган. - Они позвали Муилертах.

– И ведьма вам сказала?

– Нет. Она просто открыла мою память, сняла запреты, которые наложили друиды. И как только память вернулась, я узнала, что я - королева Лохлэнна.

Вот оно что! За всем этим стоит Ведьма Моря! Она загипнотизировала Морган Лейси, вложила в нее фальшивую память, чтобы убедить, что она настоящая королева. Неудивительно, что Муилертах подослала Фифу-Зебу уничтожить меня. Она не хотела, чтобы я добрался до Лохлэнна с информацией, добытой из мозга Ллира.

Морриган опять обняла меня и повела в комнату отдыха, чтобы посидеть рядом со мной.

– Я так рада, что ты здесь. Это чудесное место для счастливых и любящих. Впервые в жизни я чувствую, что делаю что-то нужное, когда помогаю этим людям. И теперь, когда ты здесь… - она осеклась и посмотрела куда-то в сторону. - Королева в конце концов должна выйти замуж…

Я молчал и думал, как я могу сказать ей, что она не королева, если она так радуется.

– Дюффус, почему ты молчишь? - Она встревоженно посмотрела на меня. - Ты же понимаешь, о чем я говорю? Я знаю, что ты не был счастлив на Земле и всегда мечтал о таком мире, как этот.

Мысль о том, что я могу быть важным вельможей, возможно даже консортом, приятно возбуждала. Особенно при такой королеве, как Морган Лейси. Но было небольшое затруднение: она на самом деле не была королевой, и судьба всего Лохлэнна зависела от того, сможет ли она воспользоваться Волшебным Жезлом, когда начнется решающая битва с королем Ллиром. Я должен уговорить свою совесть забыть, что настоящая королева - Аннис? Ведь дело не в том, что Аннис красива. Морриган даже прекраснее ее и, к тому же, мой клиент. Я могу справиться с совестью и жить как консорт королевы Лохлэнна, но как будет обстоять дело, когда им будет управлять Ллир?

– Ну что же ты? В чем дело? - спрашивала Морриган, потому что я все еще молчал. - Неужели в моем предложении ты видишь какую-то опасность для себя?

– Я… - мне хотелось сказать "да", но мой взгляд упал на маленькую корону с несколькими бриллиантами, каждый из которых был со знаменитую "Звезду Индии" и увидел себя сидящим на золотом троне: мои ноги на коленях у молодой служанки, и она делает мне педикюр, а в это время передо мной танцуют девушки, извиваясь гибкими телами. Не знаю почему, но служанка предстала предо мной в образе Пегги О'Ши, а танцовщицы все были похожи на Аннис.

– Дюффус, ты думаешь о заклятии? О том заклятии, которое лежит на Морган в старых кельтских преданиях и о котором ты говорил мне?

Я совсем забыл об этом.

– Можешь не беспокоиться, - продолжала Морриган. - Я узнала, что его наложила на меня Муилертах, чтобы я не связала себя с кем-нибудь на Земле.

Поэтому с теми людьми так все и произошло. Но я уверена, что она будет рада освободить меня от него.

Когда мои видения королевской жизни в Лохлэнне растаяли, я вздохнул.

Мне ничего не стоило убедить свою пластичную совесть, что совершенно естественно лишить права на престол Аннис, но против здравого смысла я пойти не мог.

– Морриган, я должен вам что-то сказать…

– Ты любишь эту Аннис? - воскликнула она. - Это так? Я знала, что так должно было случиться, если ты окажешься один с этой… этой поклонницей Бранвен.

– Нет, не в этом дело…

Мои слова были прерваны громкими звуками труб.

– Тревога, - сказала Морриган. - Думаю…

В комнату ворвался граф Зивард. Он торопился и сделал паузу, чтобы восстановить дыхание. Некоторое время он изумленно смотрел на меня. Ему, очевидно, не нравилось, что королева прижимается ко мне, в обнимаю ее талию, а ее рука лежит в моей. Молодой граф имел, видимо, свои взгляды насчет того, кому быть принцем-консортом.

– Ваше величество, враги!

– Морские Ворота? Они осаждают Морские Ворота?

– Нет, просто набег. Они прошли через тоннель в кратере и вышли там, где мы нашли этого человека. - Он указал на меня.

– Заверяю вас, Дюффус должен пользоваться полным доверием.

– Тем не менее, нападающие пробиваются к Долине Обожания и уже совсем близко от нее.

Морриган встревожилась.

– Если они захватят Долину, коронация завтра не состоится.

– Я уже отдал приказ. Мы сейчас же выезжаем, чтобы защитить Долину.

– Я еду с вами, - решила Морриган.

– Ваше величество, думаю, это неразумно, - запротестовал Зивард.

– Лохлэнну нужен такой правитель, который может повести воинов в бой, а так как у меня нет консорта, который бы возглавил войско, я поеду сама.

Последнее заявление сопровождалось взглядом в мою сторону. Она ничего не понимала. Я бы с удовольствием делил с ней ложе или воевал за нее, но я не видел никакой выгоды в том, чтобы стать принцем-консортом в стране, которая будет затоплена и завоевана Ллиром и его рыбьей бандой. Тем более, что этого можно избежать… если королевой станет Аннис.

Морриган потребовала доспехи и вскоре стояла с мечом, в шлеме и со щитом.

– Вы знаете, как всем этим пользоваться? - спросил я.

– Королева умеет все! - заявила она, но была весьма смущена, когда вынула меч из ножен и посмотрела на его острое лезвие. - Во всяком случае, он более удобен и практичен, чем твоя жердь.

Во время предыдущей беседы с Морриган я снял меч и положил его рядом с собой, но теперь снова повесил на плечо. Если она решила ехать, я поеду тоже. Она нуждалась в моей защите.

– Ты будешь с нами, лорд Дюффус? - спросил меня Зивард.

– Да, я еду с вами.

– Возможно, в этом случае лучше вооружиться пикой и щитом?

– Предпочитаю свой меч. Мы с ним составляем команду.

– Извините, но чтобы пользоваться таким оружием, нужно иметь силу троих человек.

– Об этом не беспокойтесь. Вы все увидите.

Мы выехали из Кэр Ригора во главе сотни вооруженных всадников и нескольких сотен пехотинцев, одетых в шлемы и железные доспехи. Они были вооружены копьями. Мы двигались быстрее, чем пехота, и остановились подождать ее на перекрестке дорог примерно в пяти километрах от заросшего травой холма, на который мне указала Морриган, сказав, что за ним лежит Долина Обожания. Зивард не хотел дожидаться пехоты и упрашивал Морриган позволить ему вести кавалерию на врага. Нам были видны громадные костры, их дым заволакивал небо.

– Ваше величество, эти захватчики жгут дома ваших людей. Позвольте мне напасть на них сейчас же!

Морриган не знала, как поступить, поэтому я взял слово. Я заметил подозрительное движение в кустарнике в двухстах ярдах от нас. Так как кусты росли по обе стороны дороги, это было идеальное место для засады.

– Ваше величество, - обратился я, - одно из главных правил военных действий - держать свои силы вместе. Я предлагаю подождать пехоту.

Зивард бросил на меня злобный взгляд.

– А я и не знал, что пост личного детектива - военный пост. Ваше величество, я Дюк Лохлэнна или нет?

– Командуйте! - приказала Морриган.

Зивард поднял меч и закричал:

– Вперед, воины Лохлэнна! На нашей земле враг!

"Очень драматично, - подумал я. - Мне бы тоже хотелось выкрикнуть что-нибудь этакое перед битвой".

Лохлэннцы галопом пустились вперед. Я и Морриган поскакали вместе с ними. Мы выскочили из низины прямо в то место, которое казалось мне подозрительным. Зивард повернулся, чтобы крикнуть что-нибудь героическое, но тут из зарослей вылетела туча стрел, и шесть или семь человек упали.

Зивард испустил вопль и исчез под копытами лошадей. Две стрелы ударились о мою кольчугу, и я услышал, как вскрикнула Морриган, когда две или три сотни приземистых детей Ллира выскочили из зарослей, дико вопя. Я схватил поводья кобылы, на которой сидела Морриган, и вовремя стащил всадницу с седла, так как обе наши лошади с диким ржаньем упали на землю. Я зарубил пятерых детей Ллира, которые попытались приблизиться к нам, потом поймал двух лошадей без седоков, и мы снова оказались в седлах. Но нас уже окружили дети Ллира, и я был вынужден сражаться за наши жизни.

Половина наших всадников была спешена, а остальные пребывали в смятении. Они бесцельно кружили по дороге.

– Ко мне, люди Лохлэнна! На помощь нашей королеве! - закричал я, стараясь перекрыть шум битвы.

Всадники поскакали к нам, но их опять встретил град стрел. Однако он не был столь эффективен, как в первый раз, так как в схватку с детьми Ллира вступили пешие лохлэннцы.

– Дюффус! Дюффус! - закричала Морриган, когда двое детей Ллира стали стаскивать ее с лошади.

Я дважды взмахнул мечом и разрубил обоих пополам, но на их место встали следующие. Острога ударила меня в грудь, и я чуть не упал из седла.

К страстью, моя лошадь лягнула того, кто намеревался ударить мне в спину.

Благодаря этому я увернулся. Дальше все превратилось в кошмар. Я увидел Морриган, которая отчаянно отбивалась от троих врагов, в то время как несколько лохлэннцев пытались пробиться к ней на помощь. На меня бросились пятеро визжащих детей Ллира, и я одним ударом уложил троих. Число врагов непрерывно увеличивалось, а многие наши люди погибли. Наиболее стойкие еще боролись, собравшись вокруг тела Зиварда и знамени, но я не знал, сколько они смогут продержаться.

Приблизительно двадцать всадников галопом ускакали в направлении Кэр Ригора, а остальные безуспешно пытались пробиться к нам. Отчаянно размахивая мечом, я извлек Морриган из кольца врагов и пробился к нашим воинам, стоящим спиной друг к другу вокруг знамени. Мы спешились внутри круга, и я пустил меч в бой. Раз за разом атакующие дети Ллира встречали его острое лезвие, которое разрубало копья, остроги, доспехи и тела, устилавшие дорогу.

Дорожная пыль смешалась с красной кровью лохлэннцев и голубой кровью морских людей. Я был легко ранен в руку и едва дышал от усталости. Еще двое наших упали на землю, увлекая за собой нескольких нападающих. Я зарубил их предводителя, пятифутового урода, но его смерть не смутила их.

Они знали, что наш конец близок, и ожесточенно продолжали нападать.

Наконец они одолели. Последние мои соратники погибли под ударами метательных ножей, у Морриган выбили из рук меч, а когда я заколол еще одного противника, он при падении вырвал мой клинок.

– Лохлэнн! Лохлэнн! Королева Морриган! - послышались крики.

Это подоспела наша пехота. Пехотинцы как лавина обрушились на дезорганизованного врага. Длинные пики пронзали тела водяных людей, а мечи и кинжалы довершали дело. Те, кто успел спастись, бежали через тоннель в кратер вулкана. Наша кавалерия преследовала и добивала бегущего врага. Я и Морриган оказывали помощь раненым, чтобы можно было двинуться в Долину Обожания.

– Завтра Биллтейн, - сказала Морриган. - Мне нужно поговорить с друидами хранителями Волшебного Жезла.

15. СЕСТРЫ-СОПЕРНИЦЫ

– Я хочу потребовать Волшебный Жезл прямо сейчас, - сказала мне Морриган, когда мы ехали с изрядно уменьшившимся эскортом в Долину Обожания. - В полночь начнется Биллтейн. Ллир вот-вот продолжит нападение, так что я больше не могу ждать.

Я кивнул, никак не прокомментировав это. Если настоящей королевой является Аннис, то Жезл не принесет пользы в руках Морриган, но с другой стороны, Аннис, может быть, уже мертва и чего-то выжидать бессмысленно. Я решил, что самое лучшее - помалкивать до прибытия в Долину, а там рассказать друидам все, что мне известно. Они же волшебники, и именно они решили выслать Морриган и Аннис с Анивна. Может, они придумают, как спасти свою страну.

Я до сих пор не понимал, что здесь играет роль солнечного света, но сейчас этот свет понемногу мерк и наступали сумерки. Мы ехали по широкому мощеному шоссе в Долину Обожания, и вскоре я различил большой замок с мраморными террасами. В нем уже начали зажигать огни. Фигуры в мантиях двигались от замка к каменной гряде, и от их фонарей исходило призрачное свечение.

– Нас уже ждут, - сказала Морриган. - Верховный друид здесь, лорд Сион тоже, да и остальные собрались.

Я смотрел на стену за замком - там в сумерках виднелись Морские Ворота.

– Почему их здесь построили? - спросил я. - Если они открываются прямо в воду, то всегда являются угрозой для Лохлэнна; я не могу понять, какой цели они служат.

– Когда их строили, они были над уровнем моря, но потом море поднялось на несколько сот ярдов, и они оказались под водой. В те времена ворота служили для входа и выхода кораблей. Тогда мой народ не пользовался мулами для перевозки грузов, сюда приходили торговые корабли. В те дни Лохлэнн был могущественным королевством.

– А почему поднялся уровень моря? - спросил я.

– Наверное, магия, - ответила она, пожимая плечами.

Я подумал было о таянии полярных шапок или о повышенном количестве осадков, однако не знал, есть ли на этой планете полярные шапки и достаточно ли здесь образуется пара, чтобы вызвать сильные дожди. Так что я тоже пришел к удобному выводу: море поднялось из-за магии. И Ллир, возможно, вызвал это.

Мы проехали сквозь двойной строй бородатых друидов в мантиях, которые пели песню на неизвестном мне языке, не похожем ни на английский, ни на гаэльские «группа, включающая ирландский, гэльский и мэнский языки».

Верховный друид ждал нас на возвышении в центре. Это был величественный старик с умными глазами и ухмыляющимся ртом, который прятался в седой бороде. Он поднял руку, чествуя Морриган.

– Хэлло, леди! Приветствую тебя в Круге Мудрости.

Мне показалось, что приветствие не было искренним. Оно было достаточно почтительным, но не звучало как обращение высшего священника к королеве. Я подумал, что старик знает больше, чем говорит, о том, кто настоящая королева.

Морриган спешилась и пошла к возвышению. Как верный оруженосец, я последовал за ней на некотором расстоянии.

– Я пришла за Волшебным Жезлом, - объявила Морриган.

– Еще не время, - нахмурился Верховный друид. - Жезл будет передан королеве Лохлэнна в Биллтейн.

– Биллтейн начнется в полночь, - заметила Морриган, - а я должна получить Жезл сейчас, иначе будет поздно. Ллир уже направил войска на Лохлэнн. Вскоре он сам придет сюда во главе своих легионов.

– Об этом нам сообщат те, чьи тайны мы охраняем, - ответил Верховный друид.

– Ну, тогда в полночь я должна иметь Жезл, - настаивала Морриган.

– Жезл будет, но тут есть одна проблема.

– Проблема? - нахмурилась Морриган.

Я подумал, что она неплохо играет роль королевы.

– Да, и эта проблема - я! - произнес знакомый голос, и из-за больших камней вышла Аннис, направляясь к возвышению. - Я пришла заявить свои права на престол и на Жезл!

Две девушки смотрели друг на друга с нескрываемой враждебностью, а Верховный друид переводил взгляд с одного лица на другое, как будто надеялся прочесть правду в их выражении.

– Вы обе пришли сюда, чтобы потребовать могущество, - сказал Верховный друид. - Мы посоветовались с оракулами и с источниками наших тайн, но ответа не нашли.

– Я королева Лохлэнна, - заявила Аннис.

– Это ложь! - воскликнула Морриган. - Королева - я!

Каждая говорила искренне и вызывала доверие. У меня не было сомнений в том, что каждая из них подверглась ведьмами промыванию мозгов, Аннис - Бранвен, а Морриган - Муилертах,

поэтому каждой казалось, что именно она права. Я подивился соперничеству между богинями. Что может выиграть каждая из них, если на престоле окажется та или другая девушка? Может, каждая надеется, что будет высшим божеством в стране, если выиграет ее ставленница, или за этой борьбой стоит что-то более глубокое?

Во всяком случае, Аннис здесь, и я должен сказать правду, даже если после этого Морриган возненавидит меня, а Муилертах будет всякими способами мстить. Верховный друид смотрел на обеих девушек, как будто пытался проникнуть в их мысли. Но это мало помогло бы ему, так как обе были искренне уверены в своей правоте.

– Я опять требую Волшебный Жезл! - заявила Морриган. - Мой капитан, лорд Дюффус и я пробивались сюда через ряды врагов, чтобы спасти Лохлэнн, когда начнется настоящая битва!

Аннис впервые посмотрела на меня. Видимо, ее не беспокоило, на чьей я стороне.

– Волшебный Жезл в твоих руках будет бесполезен. Только настоящая королева может воспользоваться им, а самозванка не овладеет могуществом Жезла, - сказала Аннис сопернице.

– Послушайте, леди… - начал я, но они меня проигнорировали.

Они двигались друг на друга, как пара диких кошек. Я был уверен, что сейчас они вцепятся в волосы, но то, что произошло, было гораздо хуже.

– Я даю тебе десять секунд на то, чтобы убраться отсюда и не мешать мне спасать Лохлэнн! В противном случае я вызову Муилертах, которая так заколдует тебя, что у тебя от ужаса волосы встанут дыбом!

– А я даю тебе половину этого времени, ты, похитительница мужчин, похитительница королевства, лгунья, а затем вызову Бранвен, и она превратит тебя в пресмыкающееся!

– Пресмыкающееся? - переспросила Морриган и подняла руку. В ее пальцах появился огненно-красный шар.

Друиды, стоящие позади Аннис, в испуге расступились, я выкрикнул предупреждение, но было поздно: Морриган швырнула огненный шар в Аннис.

Однако шар даже не задел ее. Перед Аннис вспыхнул свет и появилась высокая женщина с обнаженной грудью и золотистыми волосами. Огненный шар светился теперь в ее руке.

Кто-то крикнул: "Бранвен!" - и все друиды разбежались. Я не был столь умен и встал между девушками.

– Аннис… Морриган… Это ни к чему не приведет! - закричал я, и в этот момент за спиной Морриган появилась Муилертах.

Бранвен послала молнию в ее сторону, и она ударила меня между лопатками. Я поднял руки, прося пощады, и с грохотом упал на камни. Все вокруг почернело; я потерял сознание.

Я очнулся и почувствовал, что две пары женских рук осторожно обследуют мое тело.

– Дюффус, с тобой все в порядке? - спросила Морриган.

– Джэнюэр, скажи мне что-нибудь, - плакала Аннис.

Я был уверен, что умер, но в настоящий момент это не имело значения.

Надо мной склонились два прекрасных лица, а под моей головой, болевшей от удара, вместо подушек были чудесные бедра.

– Он дышит? - спросила Морриган сестру.

– Да, думаю, что с ним все в порядке, - ответила Аннис. - Спина у него не сломана.

– Но не благодаря тебе и твоей бесстыжей богине.

– Ты и твоя одноглазая ведьма все это начали!

Я решил, что умирать бессмысленно, и громко застонал.

– Дорогой… О, бедняжка! - воскликнула Морриган и поцеловала меня.

– Дай ему немного воздуха, ты, пожирательница мужчин, - возмутилась Аннис. - Ты хочешь задушить его?

– Я тебе дам воздуха, ты, черноволосая черносердечная узурпаторша! - закричала Морриган. - Я заброшу тебя так далеко, что тебе понадобится телескоп, чтобы увидеть солнце. Ты и твоя гологрудая богиня убили человека, которого я люблю и…

– Ты виновата в том, что человек, которого я люблю, лежит здесь и умирает! - перебила ее разгневанная Аннис. - Я превращу тебя в червяка со свиной головой, покрытого зеленой слизью!

Я опять застонал. Можно было гордиться, что за меня борются две самые прекрасные женщины, каких я когда-либо знал.

– Дюффус, дорогой!

– Дюффус, сердце мое!

– Ну, скоро вы кончите причитать? - раздался хриплый голос Муилертах.

– С этим буйволом ничего не случится. Он ведь ударился головой, так что особенно страшного не могло произойти!

Я застонал громче, и обе девушки с восторгом стали успокаивать меня.

– Ваши высочества… Ваши высочества… - обратился Верховный друид.

– У нас дело чрезвычайной важности! Пожалуйста, выслушайте меня!

Морриган и Аннис с нежностью помогли мне встать. Я немного хромал, пока они вели меня к возвышению. Я ковылял бы так и дальше, если бы не забыл, на какую ногу я начал прихрамывать.

– Вы обе претендуете на трон Лохлэнна и на Волшебный Жезл, - сказал Верховный друид, когда Аннис и Морриган встали перед ним. - Исследование ваших мозгов показало, что вы обе искренне верите в свое право на престол.

У нас нет способа разгадать загадку, поэтому решение мы оставили богам. Я предлагаю турнир, для участия в котором каждая из вас выберет своего представителя.

– Я выбираю Дюффуса! - мгновенно сказала Морриган.

– Лорд Дюффус будет представлять меня, - почти одновременно заявила Аннис.

Я вздрогнул, представив себя бегающим по арене туда-сюда как сумасшедший и старающимся самому себе отрезать голову, в то время как две мои красотки будут любоваться этим.

Верховный друид пожал плечами.

– Кто-то из вас должен выбрать другого представителя. Ведь в Лохлэнне много хороших воинов.

– Я видела Дюффуса и его большой меч в деле и знаю, что перед ним не устоит никто, - сказала Аннис.

– Я не могу доверить судьбу Лохлэнна никому другому, - заявила Морриган.

– Милые леди, я очень благодарен вам за честь, - сказал я, - но это невозможно. Я же не могу драться сам с собой!

– Можешь, если тебе сделать двойника, - сообщила Аннис. - Бранвен может это устроить.

Я сглотнул слюну. Моя малышка Аннис придумала великолепный план, как мне разрубить себя на куски, чтобы выявить истинную королеву.

– Но кто из нас будет иметь своим представителем Дюффуса, а кто - двойника? - спросила Морриган.

– Мы можем бросить жребий, - предложила Аннис.

Надо было прекращать этот спор, мне не хотелось вмешиваться в борьбу партий. А кроме того, кому из нас достанется меч? Нам тоже придется бросать жребий? Но что же я ничего не делаю? Почему бы сейчас не выйти и не сказать, кто настоящая королева? Ведь я же читал в мозгу Ллира и знаю, что это Аннис. Я уже открыл рот, чтобы так и сказать, но тут заговорила Муилертах:

– Никто никогда не слушает моих советов. Но сейчас я могу предложить другой способ.

"Муилертах, одноглазая моя, покрытая чешуей Ведьма, как я

люблю тебя", - подумал я.

– Что именно? - спросила Морриган.

– Так как обе вы, претендентки на престол, оказали такое доверие Дюффусу… хотя, с моей точки зрения, он не заслуживает никакого доверия… я предлагаю, чтобы он сам выбрал королеву.

Очень разумное решение! Какая приятная личность эта Ведьма. У нее, должно быть, чувствительная душа под столь безобразной оболочкой! Конечно, каждый зачерствеет, если придется находиться на такой планете, как эта, тысячу лет.

– Согласна, - заявила Аннис, устремив свои темные глаза на меня. - Я доверяю Дюффусу и знаю, что он сделает правильный выбор.

– Я тоже вверяю свою судьбу и судьбу моей страны в его руки, - ответила Морриган, улыбнувшись мне.

– Но, конечно, сначала ему придется пройти габха-бхейл, - добавила Ведьма.

– Габха-бхейл! - воскликнул Верховный друид, как будто его озарило. - Конечно! Это идеальное решение. Таким путем боги смогут выразить свою волю.

Мне это не понравилось. Не знаю, что такое габхабхейл, но Ведьма сказала, что я должен "пройти" через это. Так оно звучало довольно зловеще, и я слышал ехидный кашель Муилертах, не предвещающий ничего хорошего.

– Прошу прощения, - заявил я, - но я здесь наиболее заинтересованное лицо, так что прошу объяснить, что такое габха-бхейл.

– Это ряд испытаний, предназначенных для проверки чистоты твоей души и мотивов, а также для того, чтобы открыть твой разум богам.

– Я уже решил, кто должен быть королевой, - сказал я, - и моя душа тоже в хорошей форме. Так что давайте не будем терять время. Я возложу корону истинной королеве, потом мы выпьем по этому поводу и немного поспим перед боем с королем Ллиром и его бандой.

– В чем дело? - спросила Муилертах. - Только не говорите мне, что наш герой боится такой чепухи, как испытание.

– Не беспокойся, Дюффус, - раздался мысленный голос Бранвен. - Я проведу тебя через испытания. Я помню, как ты служил мне в домике, и охраню тебя от опасностей.

Моя спина до сих пор болела от молнии, которую она выпустила в меня, но, может быть, с ее помощью я пройду через испытания?

– Не пугайся, Джэнюэр, - прошептала мне на ухо Муилертах, - я прослежу, чтобы ты не прожег свою задницу, когда будешь

прыгать через Костер Правды, и пираньи ничего не отгрызут тебе, пока ты будешь в Бассейне Чистоты.

– Пираньи? - воскликнул я в уме.

– Да. Друиды привезли их с Земли, из Южной Америки, специально для таких случаев.

Я не доверял Муилертах. Она втравила меня во все это, и она же напустила на меня Фифу-Зебу.

– Кто тебе сказал? - спросила меня Муилертах. - Я не знаю никого, кого бы так звали.

– Ну а кто же тогда?

– Спроси у своей грудастой подружки, - сказала Ведьма. - У Бранвен больше резона не допустить тебя к Морриган.

В этом что-то было, особенно если та догадывалась, что я знаю, кто настоящая королева. Но я просто не убог себе представить, как Бранвен способна на подобные вещи после того, что было.

– О'кей, я готов! - храбро заявил я. - Я пройду габхабхейл.

Что я теряю? Обе богини пообещали смотреть за мной. Что может случиться, если меня оберегают две богини?

Сначала была лужа кипящей, пузырящейся лавы. Чтобы доказать, что моя душа чиста, как падающий снег, мне нужно было перепрыгнуть через нее.

Единственная трудность заключалась в том, что лужа была длиной в пятнадцать ярдов. Ни на этом свете, ни на Земле не было никого, кто мог бы перепрыгнуть ее обычным способом. Я посмотрел на раскаленную добела массу расплавленных камней и задрожал, но потом оглянулся на Морриган и Аннис, которые взирали на меня с полным доверием и убежденностью, что я все смогу, и постарался расправить плечи. Изобразив уверенную улыбку, я отошел на несколько шагов для разбега, разогнался и прыгнул.

Я почувствовал, что волшебная сила подняла меня в воздух. Я парил, и все было чудесно, пока я не достиг середины лужи. И тут Бранвен и Муилертах начали спорить.

– Я сказала, что помогу ему, - послышался голос Бранвен. - Зачем ты суешь свою ведьмовскую рожу в это дело?

– Не говори чепухи, - ответила Муилертах. - Ты все время так занята сексом, что не способна сконцентрироваться на сложной задаче. Отдай его мне!

Вместо того чтобы парить дальше, я завис посреди лужи, и, пока они спорили, лава начала поджаривать мой зад.

– Отдай его мне! - кричала Муилертах, таща меня в одну сторону.

– И не подумаю! - шипела Бранвен, и меня дергало в другую. -

Он из моей команды, и помогать ему буду я!

– Это ты так думаешь, полураздетая баба, пародия на символ плодородия! - Муилертах снова дернула, и я перевернулся вверх ногами, так что теперь мне обжигало лицо.

– Почему ты, одноглазая бесформенная морская черепаха… - теперь меня дергали в разные стороны, почти разрывая пополам.

– Пожалуйста, леди, - взмолился я, - если вы хотите, чтобы я упал в лаву, то я могу сделать это без вашей помощи!

Они что-то неразборчиво пробормотали, схватили меня и поставили на ноги на другой стороне лужи в целости, но с меньшей верой в обещания богинь.

Испытание в Бассейне тоже казалось невыполнимым. Он был всего в десять шагов шириной, но кишел голодными пираньями, которые носились в воде в поисках ужина. Бассейн я мог бы перепрыгнуть, но правила игры запрещали это. Надо было его перейти. А если я попытаюсь выполнить условие, то пираньи сжуют меня столь быстро, что с половины бассейна мне придется идти на коленях.

– Не бойся! - сказала Муилертах. - Я намазала твои ноги мазью, которая отпугнет этих тварей.

– Не бойся! - шепнула Бранвен. - Я так изменила твой запах, что теперь они подумают, что ты - плывущий цветок.

С расправленными плечами и с самым героическим видом я шагнул в воду, которая оказалась мне по пояс, и пошел вперед.

Прежде чем я сделал второй шаг, в мою ногу уже вцепились зубы. Я заорал и подпрыгнул. Что-то подхватило меня, и я повис в воздухе на несколько секунд, пока Бранвен и Муилертах орали друг на друга.

– Твой дурацкий аромат нейтрализовал мою мазь! - кричала Муилертах. - Зачем ты сделала так, что он стал пахнуть как проститутка?

– Твоя идиотская мазь только привлекает рыб! - орала Бранвен. - Ты, наверное, используешь ее для лица! Ничто другое на твою рожу не действует!

– Ты, не знающая границ в блуде аморальная шлюха! Я должна…

– Ты, рыбьелицая, рыбой пахнущая бочка, я…

– Леди! Я истекаю кровью! - взмолился я.

У меня на ногах были длинные раны, и кровь из них капала в Бассейн.

– О мой бедный мальчик! - воскликнула Бранвен. - Сейчас я остановлю ее!

– Не хнычь! - оборвала меня Муилертах. - Сейчас я что-нибудь сделаю!

Первое было похоже на раскаленную кочергу, а второе напоминало кусок льда - они покрыли мои раны одновременно. Думаю, что я закричал всего один раз, прежде чем потерял сознание, но полагаю также, что не один я.

16. ПОСЛЕДНЕЕ ИСПЫТАНИЕ

Мне потом рассказывали, что я перешел бассейн на своих ногах, с бравой улыбкой и с поднятой в триумфальном жесте рукой. Я этого не помню, так как пребывал в бессознательном состоянии, а невидимые помощники поддерживали меня под руки с двух сторон. Я не приходил в себя до тех пор, пока они не дотащили меня до возвышения, где уже собрались друиды, лорд Сион, Аннис и Морриган. Все с нетерпением ожидали моего решения.

Я пристально посмотрел на Морриган, вспомнил о вечере, когда впервые встретился с ней, и подумал, что никогда не находил ее такой прекрасной и желанной, как сейчас. Потом я глянул на Аннис. Я убедился, что она была великолепна в постели, и, кроме того, знал, что она - настоящая королева и что быть принцем-консортом при ней так же хорошо, как и при Морриган.

– Боги сказали мне! - торжественно провозгласил я. - Я объявляю королевой Лохлэнна Аннис!

На мгновение воцарилась тишина, и только вопрошающие глаза Морриган беспокоили меня. Затем Муилертах проявила свой бурный темперамент.

– Ты, не помнящий добра предатель! Ты продался Ллиру! Сейчас я проволоку тебя мордой вниз по Бассейну Чистоты!

– Муилертах! Прошу тебя! Нет! - закричала Морриган. - Умоляю тебя, не надо!

– Старая стерва сошла с ума, - заявила Аннис, выходя вперед и беря Волшебный Жезл из рук Верховного друида. - Послушай, Морриган, если ты пообещаешь вернуться на Землю и никогда больше не видеться с Дюффусом, то я…

И тут начался ад. Раздался ужасный взрыв, большие бронзовые Морские Ворота покосились, и в образовавшуюся щель хлынула вода. Ллир и его легионы старались расширить отверстие. Звук трубы позвал на битву, в замке друидов в панике звенели арфы. Войска, прибывшие с нами из Кэр Ригора, выстроились в боевой порядок перед Долиной Обожания. К ним присоединились вооруженные отряды крестьян, поспешивших на призыв трубы.

– Море наступает, - крикнул я Аннис. - Если даже мы побьем Ллира, страна все равно погибнет. Скоро давление воды откроет Ворота, и мы никогда не сможем их закрыть.

– Закроет Волшебный Жезл, - ответила она.

– Но он начнет действовать только с момента начала

празднества, который наступит в полночь, а до этого еще надо дожить.

– До полуночи мы будем сражаться. Сейчас как раз то время, когда нужен твой меч.

Вода, проникающая сквозь Морские Ворота, уже залила большой участок на другом берегу реки, и сама река превратилась в огромное озеро. Гонцы на лошадях, прискакавшие из города, сообщили, что вода скапливается вокруг Кэр Ригора и что военные отряды Ллира осадили город.

– Кэр Ригор будет защищаться сам, а наша задача - удержать Долину Обожания, иначе все будет потеряно, - сказала Аннис.

Следующую сотню минут я вспоминаю как кошмарный сон. К нам присоединились разрозненные группы лохлэннских воинов и беженцев, покинувших свои дома в страхе перед надвигающейся водой. На дороге в Долину Обожания уровень воды поднялся до фута, и весь горизонт был затянут дымом костров, когда наш конный патруль прискакал с сообщением, что сам король Ллир с тысячами воинов движется в Долину. Молнии рассекали небо, а друиды стояли как старые величественные боги. Они молились, пытаясь прозреть будущее, и в ужасе перед увиденным склоняли головы.

– В чем дело? - спросила Аннис. - Они предчувствуют что-то плохое?

– Они видят катастрофу, - ответила Морриган. - Все приметы предвещают несчастье.

– Но почему? Ведь у нас Волшебный Жезл, - возразил я, глядя на Жезл, который Аннис сжимала в руках.

Это была длинная палка, одну сторону которой покрывали рунические письмена, а другую каббалистические знаки. Она не казалась мне грозным оружием.

– Жезл - это средство, благодаря которому можно концентрировать энергию, - объяснила Аннис. - Когда он находится в руках королевы, он собирает все силы космоса.

– Ну, тогда он должен сработать, так как ты - бесспорная королева, - сказал я, но это прозвучало не очень уверенно.

Я начал кое-что вспоминать. Во-первых, странное появление меча прямо у камеры, а во-вторых, подозрительно легко удавшееся бегство из тюрьмы.

Кроме того, как просто в проник в разум Ллира и достал информацию, которую он тщательно скрывал! До этого у меня не получалось хотя бы простое чтение мыслей даже на Земле. Со мной всегда контактировали другие, а сам я…

Если предположить, что Ллир намеренно выдал мне ложную информацию…

Допустить, что настоящая королева не Аннис, а Морриган…

– Бранвен будет тебе помогать? - спросил я.

– О нет, - ответила Аннис. - Бранвен уже ушла. Она не переносит жестокости.

У меня в желудке появилось какое-то сосущее ощущение, и оно усилилось, когда с дороги прискакали разведчики и сообщили, что Ллир со своими бандами уже входит в Долину и продвигается вперед, несмотря на сопротивление авангардных отрядов Лохлэнна.

– Дела плохи, - сказал я Аннис и Морриган, которые стояли рядом. - Сколько до полуночи?

– Полчаса, - ответила Морриган.

– Муилертах поможет нам? - спросил я ее.

– Нет, - покачала головой Морриган. - Она улетела в страшном гневе за то, что ты выбрал Аннис. Сейчас она в море и сорвет злобу на первом попавшемся корабле.

– Прелестно! Обе являются богинями и обе смылись, когда они больше всего нужны!

– Такова наша судьба, - откликнулась Морриган.

На дороге в Долину Обожания послышались звуки битвы. Это воины Лохлэнна отбивали атаку морских людей.

– Думаю, мне надо спуститься на помощь, - заметил я.

– Я с тобой, - заявила Аннис. - Я могу изменить обличье и…

– Нет! - возразила Морриган. - Если ты погибнешь в битве, Лохлэнн погибнет тоже. Пойду я!

– Оставайтесь обе здесь и предоставьте драться и погибать мужчинам.

И мы сражались. Мы встретили Ллира в узком месте на дороге и дрались против его превосходящих сил. Лохлэннские всадники и пехота, крестьяне и даже друиды, вооруженные жезлами и топориками, защищались на баррикадах, сложенных из сваленных деревьев.

Меч рвался в бой. Я пробился в первые ряды и дал ему волю. Он пел свою песню, когда я вращал его над головой, он разрезал щиты и доспехи, как будто они были из бумаги, он звенел как колокол, когда врубался в шлемы, разбивая их вместе с головами. С помощью копий и мечей мы отбросили детей Ллира на дорогу, но король, сидевший в повозке, запряженной драконами, снова бросил своих людей в бой.

Меня трижды сбивали с ног, и в последний раз одновременно три копья поднялись, чтобы пригвоздить меня к земле. Под два копья бросился лохлэннский воин и защитил меня своим телом, а старый друид отбил третье.

Я вскочил на ноги и зарубил троих копьеносцев. Меч

оцарапал мою руку, по ней потекла струя крови. Топор сбил с меня шлем, и голова загудела от удара. Они оттеснили меня на сотню ярдов туда, где было пространство для нападения большими силами. Число морских людей увеличилось; старый Верховный друид, отбивавшийся длинным ножом до последнего, упал на землю, Лорд Сион был ранен, и сын вынес его с поля боя. Войска Лохлэнна остались без командующего. Я со своим мечом рядом с королевским знаменем стали опорным пунктом, вокруг которого группировались наши силы.

Кавалерийские власти Ллира на драконах пробивались в первые ряды, сверкающие зубы и зловонное дыхание этих тварей рассеяли остатки нашей пехоты. Один из монстров ринулся на меня, и всадник направил пику мне в грудь. Я отрубил конец пики, но был вынужден отскочить от струи огня, который изрыгнуло чудовище. Три человека были сожжены этим пламенем дотла, а я поднырнул под чудовище и вонзил меч ему в брюхо. Оно упало на землю, и я прикончил всадника прежде, чем тот поднялся на ноги. Мы использовали труп дракона как баррикаду и продолжали сражаться за ним. Прикончив еще троих монстров, мы окончательно блокировали дорогу.

Затем последовали новые неприятности. Прибежал посыльный от королевы Аннис и сообщил, что нас обходят с фланга. Ллир с сотней воинов перебрался через отвесные скалы в Долину Обожания и атаковал Круг Мудрости. Оставив большинство людей оборонять дорогу, я собрал десяток храбрецов и бросился на защиту Круга. Мы прибыли как раз вовремя. Дюжина детей Ллира прорвала ряды защитников и приблизилась к возвышению. Среди них был и сам Ллир, размахивающий своим боевым топором как бог войны.

Я подскочил к Аннис.

– Сколько до полуночи?

Она сжала Жезл.

– Еще несколько минут, но нам уже не продержаться. Смотри, Морские Ворота открылись еще шире.

У меня не было времени смотреть.

– Может, я смогу выиграть несколько минут! - подбодрил я ее, прыгнул на помост и закричал:

– Король Дюффус из Шотландии!

Мой призыв ничем не мог помочь нам, но привлек внимание многих, в том числе и Ллира.

– Ллир, это ты? - заорал я, перекрывая шум битвы. - Сразимся, Ллир?

Твой топор против моего меча! Сразимся, если ты не трус!

Ллир стоял, осматриваясь. Его люди повсюду обратили

наших в бегство, и у него не было повода подвергать риску свою жизнь.

– Иди сюда. Ллир! Ты мужчина или рыба? Ты боишься гнева моего меча? - вызывал я его.

Такое обвинение вывело его из себя. Он издал боевой клич и большими шагами начал приближаться ко мне. Я соскочил с возвышения и пошел навстречу. Его топор рассекал воздух с шумом мчавшегося экспресса. Меч перехватил полет топора, и звук их был подобен грому. Мои руки заныли от удара, а в воздухе уже опять висел топор. Ллир, оправившись от первого удара, нанес следующий. Я отскочил в сторону, и топор глубоко ушел в землю.

Ллир оказался очень быстрым. Не успел я воспользоваться его положением, как он уже освободил топор, отскочил назад и отбил меч. Затем он ушел в защиту, отражая удары, направленные в его голову. Впервые с тех пор, как я попал в этот мир, мне встретился враг, который был не только сильнее меня, но и имел достойное оружие. Мои удары не принесли успеха, и вскоре он начал теснить меня на возвышение, стараясь сильными замахами топора выбить у меня из рук меч.

Но в конце концов он сделал ошибку - он забыл, что в отличие от топора меч может не только рубить, но и колоть. Он приблизился ко мне после мощного удара, который должен был покончить со мной. Ручкой топора он ударил меня по шее, слегка оглушив, а сам застыл в изумлении, когда меч погрузился в его грудь по самую рукоятку.

Почти минуту Ллир стоял на ногах, пошатываясь, будто старался превозмочь смерть. Он шатался, рот его открылся, и кровь хлынула на светлую бороду. Затем он рухнул навзничь. Я наступил ему на грудь и вырвал меч из тела.

Потом я повернулся и увидел, что его детки проникли на возвышение и собираются в центре Круга Мудрости. Я очень устал, но бросился туда выручать Аннис и Морриган, отбивавшихся от наседающих врагов.

– Жезл! Волшебный Жезл! Аннис! - закричал я, зарубив одного из детей Ллира, державшего ее.

– Он не действует! - воскликнула она. - Я уже пыталась.

– Может, еще не время?

– Время. По крайней мере, я так считаю Мне его подсказывала Бранвен, но ее нет. Думаю, полночь уже наступила.

Я посмотрел и увидел, что Морские Ворота широко распахнуты и стена воды обрушивается на страну, чтобы смыть леса, жилища, посевы и вообще все на своем пути. Эта стена уже приблизилась к Долине Обожания.

Сейчас или никогда!

– Я немного подожду и попробую еще! - сказала Аннис.

– У нас нет времени! - воскликнул я, выхватив Жезл у нее из рук.

С Жезлом я бросился к Морриган, отбивавшейся мечом от двоих врагов.

Последнее, на что я надеялся, это то, что Ллир все-таки обманул меня и что настоящая королева - Морриган. Я поверг нападающих на нее наземь и вложил Жезл в ее руку.

– Ты - королева! Пользуйся Жезлом! - крикнул я.

Обернувшись, я оказался лицом к лицу с вопящей бандой людей-рыб. Они накинулись на меня. Сразу несколько их бросилось на мой меч, прижало его и свалило меня на землю, ругаясь вне себя от ярости. Они знали, что я убил их короля, и хотели, чтобы я последовал за ним.

– Жезл! Жезл! - орал я, барахтаясь под грудой тел.

Нож ударил меня в горло, защищенное кольчугой, копье пригвоздило руку к земле, и дюжина мечей принялась рубить меня на куски. Внезапно послышался звук, тонкий, еле слышный. Он лишал разума и, казалось, мог перевернуть землю, такой обладал он силой.

Волшебный Жезл действует!

– Я приказываю! - зазвенел голос Морриган. - Я приказываю во имя Волшебного Жезла! Морские Ворота, закройтесь!

Зажав уши руками и визжа, будто они обезумели, рыбы Ллира бежали из Долины Обожания. Оттуда исходил яркий свет, и под действием этого света огромные Морские Ворота медленно закрывались, преодолевая силу моря.

– Мы победили! - сказал я Аннис.

– Но я не королева, - печально произнесла она, - королева - Морриган.

Почему ты говорил, что королева я?

– Ллир обманул меня, - ответил я. - А ты действительно жалеешь об этом?

Она посмотрела на меня и покачала своей темной головкой.

– Да нет, мне больше хотелось спасти Лохлэнн, чем править им. Но теперь он в безопасности.

К нам подошла Морриган. С Жезлом в руках она вся сияла от счастья, ее светлые волосы развевались вокруг головы.

– Лорд Дюффус! Леди Аннис! - торжественно сказала она. - Королева Лохлэнна приветствует своих друзей!

Мы оба поклонились и нагнулись, чтобы поцеловать ей руку, и я почувствовал, как напряглись ее пальцы, когда к ним прикоснулись мои губы.

– Леди Аннис… сестра… Ты останешься при дворе и будешь мне другом. Нам незачем враждовать.

– С радостью! - улыбнулась Аннис.

– Лорд Дюффус, ты остаешься в Лохлэнне, с нами?

– Я должен быть здесь! Не знаю, как это получилось, но я родился не в том мире, где следовало. Я люблю ваш мир и хочу жить в нем!

Обе девушки смотрели на меня блестящими глазами. Я увидел перед собой великое будущее первого вельможи Лохлэнна. Две роскошные женщины будут служить мне для наслаждений. Я сам этого добился. Впервые в жизни я добился чего-то сам!

– Да, - продолжал я, улыбаясь, - это мой мир, и я должен быть здесь!

– Тебе в аду надо быть, слизняк-переросток! - раздался голос Муилертах. - Ты вернешься назад в тот глупый мир, где гребя подобрали!

– А, ведьмочка, детка! - воскликнул я. - Знаешь, я решил воздвигнуть для тебя мраморный дворец!

Передо мной появилась Муилертах, и ее глаз был красным от ярости.

– Слушай, тупица! Если ты еще раз назовешь меня ведьмочкой или деткой, я проглочу тебя!

– Лорд Дюффус согласился остаться с нами в Лохлэнне, - со счастьем в голосе сказала Морриган. - Мы обе его очень любим!

– Дюффус Джэнюэр не останется здесь, и это окончательно! Он возвратится туда, откуда пришел. Мне на тысячу лет хватит расхлебывать то, что он тут натворил!

– Подожди, - сказал я, видя, как рушатся мои воздушные замки.

– В этом мире нет места для тебя. Линии судеб начертаны, и твоя не ведет сюда!

– Ты не можешь так поступить после того, что я сделал для тебя! - завопил я.

– Не могу? Ну что ж, смотри, и ты убедишься! - сказала Муилертах, подняв свою когтистую лапу.

Аннис закричала, Морриган попыталась схватить эту лапу, но было поздно. Молния ударила мне в лицо, и реальность стала спиралью уходить куда-то.

– Муилертах, я отомщу тебе за это, старый мешок! Когда-нибудь я еще вернусь и отомщу тебе! - кричал я, удаляясь от Долины Обожания, и, пока летел между мирами, в моих ушах звенел хохот Муилертах.

Я летел в темноте между мирами, чувствуя вокруг себя

опасное присутствие охранников.

Затем тьма растаяла и превратилась в свет. Я стоял посреди своей библиотеки. На плече висел меч, и с него капала рыбья кровь. Помятая кольчуга и изуродованный шлем выглядели очень нелепо. Я от ярости выругался и разрубил на куски кое-какую мебель. Я давал себе тысячи обещаний насчет того, что я сделаю с Ведьмой, пославшей меня обратно в мир, который я ненавидел, - эту ужасную Землю атомных бомб, смога, жестоких автомобилей и девушек типа Пегги О'Ши.

Наконец я успокоился настолько, что смог повесить меч, кольчугу и шлем на свои места. Потом я смешал себе крепчайший мартини в пропорции восемь к одному и проглотил парочку стаканов, чтобы прийти в себя и прогнать усталость после битвы, в которой я дрался и выиграл для того, чтобы у меня украли плоды победы. Затем я сделал еще кое-что.

Я подошел к шкафу и, достав том старинных заклинаний, начал листать страницы. Если не найду здесь, про смотрю следующие тома. Это займет годы, даже если работать день и ночь, как я и намеревался, но когда-нибудь я найду заклинание, которое мне нужно.

И тогда я отыщу путь между мирами и вернусь в Лохлэнн. В Лохлэнн к моей королеве и ее прекрасной сестре.

Л.Брекетт. ШПАГА РИАННОНА

Глава 1. ДВЕРЬ В БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Мэт Карс понял, что его преследуют почти тотчас, как вышел от мадам Кан. Смех маленькой темной женщины все еще звучал в его ушах, а пары тика застилали его взор подобно горячему туману, однако все это не помешало ему расслышать шорох обутых в сандалии ног, нарушающих тишину холодной марсианской ночи.

Карс спокойно вынул из кобуры протоновый пистолет, но не сделал никакой попытки оторваться от преследования. Он не замедлил и не ускорил шагов и все также спокойно продолжал идти по Джеккере.

"Старый город, - подумал он. - Там будет лучше всего. Здесь слишком людно."

Несмотря на поздний час, Джеккера не спала. Дома Лоу Кэнэл никогда не спят, ибо находятся за чертой закона и время ничего для них не значит. В Джеккере, и в Валкисе, и в Барракеше ночь - всего лишь темный день.

Карс шел вдоль кромки спокойной черной воды, текущей по древнему руслу, выдолбленному в дне мертвого моря. Он наблюдал за тем, как сухой ветер качает никогда не гаснущие фонари и слушал надтреснутую мелодию никогда не умолкающих фор. По улицам сновали худые и гибкие фигурки мужчин и женщин. Они двигались бесшумно, как кошки, лишь тонкие пояса женщин тихонько позванивали, и звук этот был вкрадчивым, как шелест дождя, пропущенного через все сладкое зло мира.

Они не обращали внимания на Карса, потому что несмотря на марсианскую одежду, в нем легко можно было разглядеть землянина, и хотя жизнь землянина значила обычно меньше, чем свет фонарей на Лоу Кэнэл, он был одним из них. Люди Джеккеры, Валкиса и Барракеша - аристократы воровского мира, они восхищаются способностями и уважают знания, и могут распознать джентльмена, когда видят его.

Вот почему Мэтью Карс, бывший сотрудник "Межпланетного общества археологов", бывший помощник председателя "Марсианских древностей" в Кахоре, проведший на Марсе тридцать из своих тридцати пяти лет, был допущен в их более чем избранное общество и принес нерушимую клятву в вечной дружбе.

И все же теперь по улицам Джеккеры за Карсом крался один из его "друзей", крался со всей хитростью песчаного кота. На мгновение он полюбопытствовал, мог ли "Земной полицейский

контроль" заслать сюда агента для слежки за ним, но тут же отверг подобную возможность. Ни один полицейский агент не будет жить в Джеккере. Нет, просто один из обитателей Лоу Кэнэл занимался своим делом.

Карс свернул в сторону от канала. Теперь он находился спиной к каналу и лицом к тому, что когда-то было островом. Почва стремительно поднялась до уровня верхних склонов, источенных и побитых временем и вечным ветром.

Здесь витала тень старого города, древней цитадели Морского королевства Джеккеры, чья слава исчезла вместе с засохшим морем.

Новый город Джеккера, чьи жилые кварталы расположены вдоль канала, был уже старым, когда Ур Шальдиз был еще лишь небольшой деревушкой. Старая Джеккера с ее каменными и мраморными домами, спокойно стоящими в сухой, засыпанной песком гавани, была настолько старой, что для определения этой старости не подходило ни одно земное понимание этого слова. Даже Карс, знавший о ней больше, чем любой из живых людей, испытывал вечное благоговение перед ее древностью.

Сейчас он избрал этот путь, потому что он был совершенно безлюден и пустынен, и человек, оказавшийся в этом месте, мог без помех поговорить с другим.

Пустые дома пускали ночь в открытые двери. Время и бесконечные ветры съели их углы и косяки дверей, приблизили их к пятнистой измученной земле.

Маленькие низкие луны отбрасывали на них неровные угловатые тени. Без всякого усилия высокий землянин в длинном плаще нырнул в тень и исчез.

Прижавшись к стене, он прислушивался к звуку шагов преследовавшего человека. Шаги становились все более громкими и торопливыми, потом они вдруг замедлились и снова ускорились. Человек прошел мимо, и Карс скользящей кошачьей походкой устремился на улицу, и маленькое гибкое тело забилось в его руках. Человек захныкал от страха, ощутив холод протонового пистолета, висевшего на боку у схватившего его.

– Нет! - пискнул он. - Нет! У меня нет оружия. Я не собирался причинять вреда. Я только хотел поговорить с тобой. - Даже страх не мог скрыть хитрую нотку в его голосе. - У меня есть подарок.

Карс удостоверился в том, что человек не вооружен и ослабил хватку. В свете луны он мог видеть марсианина довольно ясно - маленький, с крысиной мордочкой воришки, причем незадачливый, судя по поношенному пальто, убогому и лишенному украшений.

Дно Лоу Кэнэл давало подобных субъектов, и они являлись

братьями жалящих червей. Карс не стал убирать пистолета.

– Давай, - сказал он. - Говори.

– Прежде всего, - сказал марсианин, - я, Пенкавр из Барракеша. Может быть, ты обо мне слышал. - При звуке собственного имени он напыжился, как бойцовый петух.

– Нет, - сказал Карс. - Не слышал.

Тон его был как пощечина. Пенкавр криво усмехнулся.

– Неважно. Я слышал о тебе, Карс. Как я уже сказал, у меня есть для тебя подарок. Очень редкий и ценный подарок.

– Такой редкий и ценный, что ты решился преследовать меня в темноте, чтобы сказать мне об этом, даже в таком месте, как Джеккера. - Карс хмуро посмотрел на Пенкавра, стараясь понять его двойную игру. - Ну, так что это?

– Идем, и я тебе покажу.

– Где он?

– Спрятан. Хорошо спрятан неподалеку от дворцовой набережной.

Карс кивнул.

– Нечто такое редкое и ценное, что его нельзя показать в воровских кварталах. Ты меня заинтриговал, Пенкавр. Пойдем и посмотрим на твой подарок.

Пенкавр оскалился, и в свете луны мелькнули его острые зубы. Он пошел вперед. Карс двинулся за ним следом. Он шагал легко, избегая лишних движений. Пистолет он держал наготове. Он гадал, какую цену Пенкавр из Барракеша рассчитывал получить за свой "подарок".

Пока они карабкались наверх, к дворцу, пробирались между изъеденными ветрами рифами и скользили вдоль стен хребтов, еще хранивших на себе отметины, оставленные морем, Карс, как всегда, испытывал чувство, как будто он карабкается в прошлое по какой-то таинственной лестнице. Вид огромных камней с отметинами от исчезнувших якорей вызывал в нем странную дрожь. В призрачном лунном свете можно было почти ясно представить себе…

– Здесь, - сказал Пенкавр.

Карс последовал за ним под темный полуобвалившийся свод. Он вытащил из поясного кармана маленький криптоновый фонарь и включил его. Пенкавр опустился на колени и шарил среди обломков камня до тех пор, пока в руках его не очутился длинный тонкий предмет, завернутый в обрывок ковра.

Со странным почтением, почти страхом, начал он разворачивать сверток.

Карс осознал, что сдерживает дыхание, следя за тем, как мелькают худые темные руки марсианина. Нечто в манере

марсианина тоже заставило его настроиться на торжественный лад.

В тусклом свете лампы костром искр запылали драгоценные камни, потом чистым блеском засветился металл. Карс подался вперед. Глаза Пенкавра - волчьи глаза, желтые, как топазы, метнулись на землянина и встретились с твердым взглядом его голубых глаз. Мгновение двое смотрели друг на друга.

Потом марсианин отвел взгляд и поспешно сдернул с предмета остатки упаковки.

Карс не шевельнулся. Предмет лежал между ними, пылая жарким светом, и ни один из них не шевельнулся и даже, казалось, не дышал. Свет лампы окрасил красным их лица и черты их резко выступали среди окружающей тьмы.

Глаза Метью Карса были глазами человека, увидевшего чудо.

Прошло время, прежде чем он протянул руку и поднял предмет.

Прекрасная и смертоносная тонкость, превосходная пропорциональность, черная рукоять, великолепно гармонирующая с его широкой ладонью, подернутые пленкой драгоценности, которые, казалось, наблюдали за ним с мудростью живого существа, начертанный на эфесе самый редкий и древний символ. Он заговорил и горло его оказалось способным лишь на шепот.

– Шпага Рианона!

Пенкавр глубоко вздохнул.

– Я ее нашел, - сказал он. - Я ее нашел.

Карс сказал:

– Где?

– Неважно где. Я ее нашел. Она твоя - за маленькую цену.

– За маленькую цену, - улыбнулся Карс. - Маленькая цена за божью шпагу.

– Дьявольского бога, - пробормотал Пенкавр. - Ибо более чем миллион лет назад Марс называл его Проклятым.

– Я знаю, - кивнул Карс. - Рианон, Проклятый, Павший, один из восставших богов прошлого. Да, я знаю легенду. Легенду о том, как старые боги захватили Рианона и запрятали его в неведомую могилу.

Пенкавр смотрел в сторону. Он сказал:

– Я ничего ни о какой могиле не знаю.

– Ты лжешь, - спокойно возразил ему Карс. - Ты нашел могилу Рианона, иначе ты не смог бы найти шпагу. Каким-то путем тебе удалось найти ключ к самой старой проклятой легенде Марса. Сами камни этого места имеют цену золота для тех людей, кто их понимает.

– Я не находил никакой могилы, - с яростным упорством настаивал Пенкавр. Он быстро продолжал:

– Но сама шпага стоит состояние. Я не осмеливался ее продавать - эти джеккериане вырвали бы ее у меня, как волки, если бы только увидели. Но ты можешь ее продать, Карс. - Воришка вздрогнул от обуревавшей его алчности. - Ты можешь переправить ее в Кахору и продать какому-нибудь землянину за целое состояние.

– Я так и сделаю, - кивнул Карс. - Но вначале мы добудем из этой могилы другие вещи.

Лицо Пенкавра перекосилось. Через некоторое время он прошептал:

– Остановись на шпаге, Карс. Этого достаточно.

Карс подумал, что чувствами, изменившими лицо Пенкавра, были алчность, смешанная со страхом. И вовсе не страх перед джеккерианами или кем-то еще подавлял алчность Пенкавра, но существовало нечто такое, что вызывало в нем подлинное благоговение.

Карс с презрением сказал:

– Ты боишься Проклятого? Боишься простой легенды, которой время окружило старого короля, обратившегося в прах миллион лет назад?

Он засмеялся, качнул шпагой и она вспыхнула в свете лампы.

– Не беспокойся, малыш. Я отгоню духов. Подумай о деньгах. У тебя может быть собственный дворец с сотней очаровательных рабынь, которые сделают тебя счастливым.

Он проследил за тем, как на лице марсианина вновь отразилась борьба страха с алчностью.

– Я кое-что там видел, Карс. Что-то такое, что напугало меня, сам не знаю почему.

Алчность отступила. Пенкавр облизнул сухие губы.

– Но, возможно, как ты говоришь, это всего лишь легенда. И там есть сокровища - и даже половина их могла бы дать мне такое богатство, о котором я даже не смел мечтать.

– Половина? - повторил Карс. - Ты ошибаешься, Пенкавр. Твоя доля составит одну треть.

Лицо Пенкавра исказилось яростью, и он подался вперед.

– Но могилу нашел я! Это мое открытие!

Карс пожал плечами.

– Если такой дележ тебя не устраивает, тогда держи свою тайну при себе. Держи… До тех пор, пока твои "братья" из Джеккеры не вырвут ее у тебя раскаленными щипцами после того, как я расскажу им, что ты нашел.

– Ты не сделаешь это? - выдавил Пенкавр. - Ты расскажешь им

и позволишь убить меня?

Воришка в бессильном гневе смотрел на Карса. Тот стоял, выпрямившись во весь свой рост со шпагой в руке, с плащом, свисающим с обнаженных плеч.

В Карсе не было никакой мягкости, никакого снисхождения. Пески и солнце Марса, его холод, жара и голод вытравили из него все это, сделав непроницаемым, как металл.

Пенкавр вздрогнул.

– Хорошо, Карс. Я отведу тебя за одну треть доли.

Карс кивнул и улыбнулся.

– Я так и думал.

Двумя часами позже они скакали по темным, изъеденным временем холмам, громоздившимся за Джеккерой и мертвым морем.

Теперь было уже поздно. Карс любил это время за то, что Марс был в эти часы хорош, как в никакие другие, и напоминал ему об очень древних воинах, завернутых в черные плащи и держащих сломанные шпаги, о таинственных временах, закрытых для настоящего, о звуках барабанов, смехе и силе…

Песок на древних холмах тихо шелестел под вечным светом Фобоса, а звезды казались холодными бриллиантами. Огни Джеккеры и громадная слепая чернота мертвого марсианского дна лежали теперь гораздо дальше и ниже их.

Пенкавр поднимался все выше и выше по сужающимся расщелинам, чьи стены умели подстраивать ловушки с удивительной ловкостью.

– Вот так я и нашел это место, - сказал Пенкавр. - На уступе моя скотина сломала себе ногу в одной и таких дыр, а песок, хлынув в нее, расширил эту дыру и там оказалась могила, выдолбленная прямо в камне утеса. Но вход был забит, когда я ее нашел.

Он обернулся и бросил на Карса злобный подозрительный взгляд.

– Я нашел ее, - повторил он. - И я все еще не понимаю, почему должен отдать тебе львиную долю.

– Потому что я - лев, - весело ответил Карс.

Он несколько раз взмахнул шпагой, глядя, как блестит клинок в свете звезд. Сердце его учащенно билось от волнения, и это было волнением как археолога, так и грабителя.

Он лучше Пенкавра осознавал важность находки. Марсианская история настолько обширна, что корни ее уходят в полный мрак, из которого до настоящего дошли лишь неясные легенды о человеческой и получеловеческой расах, о забытых войнах, о исчезнувших богах.

Самыми великими из этих богов были Куири, боги-герои. Они были людьми, но не простыми, а суперлюдьми, обладавшими гигантской мудростью и силой. Но среди богов оказался повстанец - темный Рианон, Проклятый, чья греховная гордость стала причиной нескольких таинственных катастроф.

Куири, говорят легенды, решили за эти грехи поймать Рианона и запереть его в спрятанной могиле. И более миллиона лет люди искали могилу Рианона, ибо верили, что в ней таится секрет силы Рианона.

Карс слишком хорошо разбирался в археологии для того, чтобы всерьез принимать старые легенды. Но он верил в то, что действительно существовала какая-то невероятно древняя могила - источник всех этих легенд. И это самая старая на Марсе реликвия и то, что в ней находилось, должно было сделать Мэтью Карса самым богатым человеком трех миров, если он выживет.

– Сюда, - резко бросил Пенкавр. Он долго ехал молча, о чем-то размышляя.

Они находились на одном из самых высоких холмов Джеккеры. Карс следовал за воришкой вдоль узкого уступа крутого холма.

Пенкавр спешился и откатил большой камень, открыв за ним дыру, которая была настолько большой, что в нее мог пролезть человек.

– Ты - первый, - сказал Карс. - Бери лампу.

Пенкавр неохотно повиновался, а Карс последовал за ним.

Вначале вокруг не было ничего, кроме полной темноты за тем кругом света, который давала криптоновая лампа. Пенкавр дрожал и трясся как испуганный шакал.

Карс отобрал у него лампу и поднял ее высоко над головой. По узкому проходу они выбрались в коридор, уходивший в глубину скалы. Стены его были гладкими, без всяких украшений, но прекрасно отполированными. Он пошел по коридору. Пенкавр следовал теперь за ним.

Коридор оканчивался большой комнатой. Она была квадратной и очень скромно отделанной, насколько мог видеть Карс. В одном ее конце находилось возвышение с мраморным алтарем и над ним были выгравированы те же самые символы, что на эфесе шпаги - уборос в форме крылатой змеи. Но кольцо было разомкнуто, и голова змеи поднималась, как будто смотрела куда-то в бесконечность.

Голос Пенкавра за спиной прошептал:

– Вот здесь я и нашел шпагу. В комнате есть и другие вещи, но я их не трогал.

Карс уже и сам увидел, что вдоль стен большой комнаты

стоят какие-то предметы, тускло мерцая во мраке. Он прикрепил лампу к поясу и принялся их изучать.

Да, это действительно были сокровища! Здесь были кольчуги прекрасной работы, разукрашенные неведомыми драгоценными камнями. Здесь были странной формы шлемы, сделанные из незнакомого металла. Тяжелый, наподобие трона, золотой стул, инкрустированный темным металлом со множеством рыжевато-коричневых камней, сверкающих в каждой ручке.

Все эти вещи, как понял Карс, были невероятно древними. Они, должно быть, пришли сюда из самых древних времен Марса.

– Поторопимся же! - взмолился Пенкавр.

Карс перевел дыхание и усмехнулся собственной забывчивости. В это мгновение ученый возобладал в нем над авантюристом.

– Мы возьмем столько мелких вещей, сколько сможем унести, - сказал он. - Даже один улов обогатит нас.

– Но ты будешь богаче меня вдвое, - кисло сказал Пенкавр. - Я мог бы нанять в Барракеше землянина, который продал бы для меня эти вещи всего лишь за половину доли.

Карс рассмеялся.

– Так тебе и нужно было сделать, Пенкавр. Когда просишь помощи у крупного специалиста, то платить надо по-крупному.

Он обошел комнату и вновь оказался у алтаря. Теперь он заметил за алтарем дверь. Он вошел в нее. Пенкавр следовал за ним по пятам.

За дверью находился короткий коридор, заканчивающийся дверцей, маленькой, зарешеченной. Засовы были подняты, а дверцы приоткрыты на дюйм-два. Над нею виднелась надпись, сделанная древними неизменными марсианскими иероглифами, которые Карс, благодаря богатой практике, легко читал.

"Приговор Рианону навсегда вынесли Куири - властители пространства и времени!"

Карс распахнул металлическую дверцу и прошел в нее. И сразу остановился, озираясь.

За дверью открывался вид на огромную каменную комнату, такую же большую, как та, что осталась за его спиной.

Но в этой комнате была всего лишь только одна вещь.

Это был темный пузырь, сфера, наполненная пульсирующей чернотой, сквозь которую просвечивали блестящие частицы, подобные падающим звездам, видимым из другого мира. И свет лампы съежился и исчез, словно испуганный этой таинственной чернотой.

Что-то благоговейное, суеверие или чисто физическая сила, холодной и мощной струей пронзили тело Карса. Он

почувствовал, как его волосы встали дыбом, а плоть словно отделилась от костей. Он попытался заговорить и не смог. В его горле стоял ком от беспокойства и напряжения.

– Вот об этом я и говорил тебе, - прошептал Пенкавр. - Вот это я и видел.

Карс едва слышал его. Предположение было настолько невероятным, что он был потрясен до глубины души. Им овладел экстаз ученого, экстаз открытия - чувство сродни безумию.

Этот пузырь с пульсирующей чернотой - до чего он похож на черноту тех густо-черных пятен, находящихся далеко-далеко на краю Галактики, которые некоторые ученые считают отверстиями в саму бесконечность, окнами в бесконечное "Вне" нашей Вселенной!

Невероятно, конечно, и все же эта загадочная надпись Куири.

Очарованный шаром, несмотря на излучаемую им опасность, Карс сделал два шага по направлению к нему.

Он услышал шарканье сандалий по каменному полу за своей спиной - торопливые шаги Пенкавра. Карс мгновенно понял, что поступил опрометчиво, подставив спину этому рассерженному воришке. Он начал поворачиваться, поднимая шпагу.

Вытянутые руки Пенкавра толкнули его в спину раньше, чем он успел закончить свое движение. Карс почувствовал, что летит в движущуюся черноту.

Каждая клеточка его тела ощущала страшнейший шок, а потом мир стал словно удаляться от него.

– Отправляйся делить судьбу Рианона, землянин! Я же сказал тебе, что смогу найти другого партнера!

Насмешливый крик Пенкавра долетел до него из невероятного далека, пока он все падал и падал в черную бесконечность.

Глава 2. ЧУЖОЙ МИР

Карс летел в бездонную пропасть, овеваемый всеми пронзительными ветрами пространства. Бесконечное, бесконечное падение, сопровождаемое чувством вневременности и холодным ужасом кошмара.

Он изо всех сил боролся с паническим страхом животного, пойманного в капкан. Борьба его не была физической - в этом слепом и кричащем "ничто" тело его было бесполезно. Это была мысленная борьба, когда о себе заявляет сам мозг, борьба, вызванная страстным желанием прекратить кошмар падения в черноту.

По мере того, как он продолжал падать, его потрясло чувство еще более ужасное, чувство того, что он не один в своем кошмарном падении в бесконечность, что нечто темное, сильное и пульсирующее совсем рядом с ним, что оно хватает его, трогает жаждущими руками его мозг.

Карс сделал последнюю отчаянную попытку всем своим разумом, чувство падения внезапно ослабело и потом он почувствовал у себя под ногами твердый камень. Как безумный, он начал рваться вперед, и на этот раз его усилия были чисто физическими.

И внезапно он обнаружил себя возле темного пузыря на полу внутренней комнаты гробницы.

– Девять чертей… - начал было он дрожащим голосом, но тут же осекся, потому что его богохульство уж очень не подходило к происшедшему.

Маленькая криптоновая лампа на его поясе все еще излучала красноватый свет, шпага Рианона все еще сияла в его руке.

И темный пузырь по-прежнему громоздился и двигался в футе от него, поблескивая вертящимися алмазными точками.

Карс понял, что весь этот кошмар падения сквозь пространство длился то мгновение, которое он находился внутри пузыря. Что же это за дьявольский трюк древней науки? Какой-то странный перпетуум-вихрь, давным-давно установленный таинственным Куири, решил он.

Но почему, находясь внутри этой штуки, он испытывал чувство падения в бесконечность?

И откуда взялось это ужасное ощущение присутствия чьих-то сильных пальцев, вожделенно тянущихся к его мозгу, возникшее при падении?

– Фокус старой науки Куири, - прошептал он нетвердым голосом. - А суеверный Пенкавр решил, что может убить меня,

толкнув на эту штуку.

Пенкавр? Карс поднялся на ноги и шпага Рианона блеснула в его руке.

– Проклятая воровская душонка!

Пенкавра поблизости не было. Но он не мог уйти далеко. Улыбка на лице Карса, когда он шел к дверце, была далеко не из приятных.

Очутившись в первой комнате, он внезапно остановился, как вкопанный.

Там теперь находились вещи - большие странные блестящие предметы, которых раньше не было.

Откуда они взялись? Пробыл ли он в темном пузыре дольше, чем думал?

Нашел ли Пенкавр эти вещи в склепе и оставил их здесь до следующего возвращения?

Любопытство Карса возрастало по мере того, как он осматривал предметы, неясно вырисовывающиеся среди кольчуг и прочих реликвий, уже виденных им раньше. Эти предметы не походили на обычные произведения искусства; они казались заботливо выполненными, сложными инструментами непонятного назначения.

Самым большим из них был кристаллический круг, размером с маленький стол, горизонтально положенный на простую металлическую сферу. Ободок круга блестел драгоценностями, врезанными так, что они образовывали одинаковые многогранники. Кроме этого в комнате находились другие, более мелкие изобретения: скрепленные металлические призмы, состоящие из металлических колец и короткие свернутые трубки из массивного металла.

Могли ли эти блестящие предметы быть непонятными изобретениями древней чужой марсианской науки?

Подобное предположение казалось невероятным. Марс далекого прошлого, как было известно ученым, являлся миром лишь зачатков науки, миром постоянно находящихся в битвах воинов-мореходов, чьи галеры и каравеллы сталкивались между собой в водах давно исчезнувших океанов.

Но, возможно, на Марсе еще более далекого прошлого существовала наука, чьи приборы были незнакомы и неузнаваемы?

"Но где же Пенкавр мог их найти, если раньше мы их не видели? И почему он не взял с собой ни один из них, хотя бы самый легкий?"

Мысль о Пенкавре заставило вспомнить о том, что с каждым мгновением этот воришка удаляется все дальше и дальше.

Потверже сжав рукоять шпаги, Карс повернулся и поспешил по коридору к отверстию наружу.

Шагая, Карс обратил внимание на то, что воздух в гробнице сделался странно сырым. Капли влаги блестели на стенах. Раньше он подобной сырости не замечал, и это его насторожило.

"Может быть, испарение от каких-нибудь подземных источников, питающих каналы, - подумал он. - Но раньше их здесь не было."

Взгляд его упал на пол коридора. Песок лежал на нем плотным ковром, как и тогда, когда они только пришли. Но теперь на нем не было других следов, кроме тех, которые он сейчас оставлял.

Ужасное сомнение, чувство нереальности обрушилось на Карса.

Немарсианская сырость, исчезновение следов - что произошло с того момента, как он исчез внутри пузыря?

Он подошел к концу каменного коридора. Проход был закрыт. Он был закрыт массивным камнем, единой глыбой.

Карс остановился, глядя на это чудо, борясь со все возрастающим чувством сверхъестественной нереальности и пытаясь как-то объяснить происходящее.

"Была, должно быть, каменная дверь, которую я не видел, и Пенкавр закрыл ее, чтобы запереть меня."

Он попытался сдвинуть плиту. В ней не было видно никакой скважины, никаких следов ключа или петли.

В конце концов Карс отступил и вытащил свой протоновый пистолет.

Свистящая струя атомного пламени ударила в каменную плиту, опаляя ее и расщепляя.

Плита оказалась толстой. Раз за разом он нажимал на спуск пистолета.

Потом с недовольным вздохом куски отделились и упали под ноги.

Но за плитой вместо открытого пространства оказалась большая масса темно-красной почвы.

"Сама могила Рианона - то место, в котором он был погребен; должно быть, Пенкавр проделал в ней дыру."

Карс не верил в это. Он совсем в это не верил, но заставлял себя верить, потому что пугался все больше и больше. И то, чего он пугался, было невозможным.

В слепой ярости он направил луч на массу земли, преграждавшую ему путь. Он стрелял до тех пор, пока луч внезапно не погас - кончился заряд.

Тогда он отбросил бесполезное орудие и ринулся на горячую

дымящуюся массу со шпагой.

Объятый пугающим подозрением, он копал и копал до тех пор, пока в проделанной им дыре не засверкала полоса дневного света.

Дневной свет? Значит, он пробыл в темноте таинственного пузыря дольше, чем предполагал.

Порыв ветра ударил ему в лицо сквозь прорытое им отверстие. И ветер был теплым. Теплый и сырой ветер, каких никогда не бывает в пустынях Марса.

Карс выбрался наружу и остановился, глядя в ярком свете дня на открывшуюся перед ним картину.

Бывают мгновения, когда человек не способен ни на эмоции, ни на какую-либо реакцию. Мгновения, когда хотя все чувства действуют, глаза видят и уши слышат, но в мозг не поступает никаких сигналов - такова защита от безумия.

В конце концов он попытался рассмеяться над увиденным, но вместо смеха у него вырвалось какое-то сухое карканье.

– Мираж, конечно, - прошептал он. - Огромный мираж. Огромный, как Марс.

Теплый бриз взъерошил рыжевато-каштановые волосы Карса, пузырем вздул его плащ. Солнце скрылось за облаком и резко крикнула какая-то птица. Он не шелохнулся.

Он смотрел на океан.

Океан простирался до самого горизонта, огромная масса воды, молочно-белая и фосфоресцирующая даже при дневном свете.

– Мираж, - упрямо повторил он, отчаянным усилием цепляясь за последнюю возможность разумного объяснения, - так должно быть. Ведь это все тот же Марс.

Все тот же Марс, та же планета. Те же высокие холмы, по которым Пенкавр вел его ночью.

Или не те? Раньше дыра - вход в гробницу Рианона - была передней частью крутого уступа. Сейчас же он стоял на покрытом травой склоне высокого холма.

И повсюду вздымались зеленые холмы, а внизу, где раньше была пустыня, виднелся темный лес. Зеленые холмы, зеленый лес и яркая река, бегущая к тому, что было раньше дном мертвого моря, а теперь - морем.

Карс обвел взглядом далекое побережье. И там, у этого залитого солнечным светом побережья сверкал белый город, и он знал, что это была Джеккера.

Джеккера, яркая и сильная, лежала между зеленью холмов и могучим океаном, океаном, которого не видели на Марсе уже миллион лет.

И тогда Мэтью Карс понял, что это не мираж. Он сел и спрятал лицо в ладони. Тело его сотряслось от сильной дрожи, ногти вонзились в плоть так глубоко, что по щекам потекла кровь.

Теперь он знал, что случилось с ним в этом черном пузыре, и ему показалось, что холодный голос, подобно отдаленному грому повторяет грозное предупреждение:

"Куири - владыки пространства и времени… времени… ВРЕМЕНИ!"

Карс посмотрел на зеленые холмы и молочный океан, делая над собой чудовищное усилие примириться с невероятным.

"Я попал в прошлое Марса. Всю свою жизнь я изучал это прошлое и мечтал о нем. Теперь я в нем. Я, Мэтью Карс, археолог, ренегат, расхититель могил."

Куири по собственным причинам построили этот путь, и я прошел по нему. Для нас время - неизвестное измерение, но Куири им владеют!

Карс изучал науку. Необходимо знать элементы полудюжины наук, чтобы быть планетным археологом. Теперь он лихорадочно рылся в памяти в поисках объяснения.

Была ли правильной его первая догадка о пузыре? Был ли он действительно отверстием в континуум Вселенной? Если это было так, то он мог, хотя и смутно, понять что с ним произошло.

Ведь продолжительность пространственного времени Вселенной была ограничена. Эйнштейн и Риман доказали это давным-давно. И он явно выпал из этого континиума, а потом снова в него вернулся, но в другую систему времени, а не в свою.

Что это однажды написал Кауфман? "Прошлое - это настоящее, которое существует на расстоянии." И он вернулся в это отдаленное настоящее, вот и все. И нет никаких причин для страха.

Однако он был испуган. Ужас кошмарного перехода к зеленому улыбающемуся Марсу далекого прошлого исторг резкий крик из его груди.

Слепо, все еще сжимая изукрашенную драгоценностями шпагу, он встал и повернулся к выходу.

"Я могу вернуться тем же путем, которым пришел, через дыру в континууме."

Внезапно он остановился. Дрожь пробежала по его телу. Он не мог заставить себя снова оказаться лицом к лицу с этим пузырем, наполненным сверкающим мраком, вновь ринуться в неизмеримую бесконечность.

Он не посмел этого сделать. Он не обладал мудростью Куири.

Совершенное им путешествие во времени лишь волей случая забросило его в прошлое. Он не мог рассчитывать на то, что такой

же случай вернет его в собственное будущее.

"Я - здесь", - сказал он. - "Я - здесь, в далеком прошлом Марса, и здесь я и останусь."

Он снова повернулся и посмотрел на расстилавшуюся перед ним картину.

Он долго стоял так не двигаясь. Пролетела морская птица. Она посмотрела на него, и улетела прочь, резко взмахивая белыми крыльями. Тени уменьшились.

Он вновь обратил взгляд на белые башни Джеккеры, видные в отдалении, горделиво возвышающиеся над гаванью в лучах солнца. Это не была та Джеккера, которую он знал - воровской город Лоу Кэнэл, утопающий в песке, но все же она являла собой знакомое звено, а Карс отчаянно нуждался в таком звене.

Он пойдет в Джеккеру. И он попытается не думать. Он не должен, совсем не должен думать, иначе разум его не выдержит.

Карс покрепче ухватился за эфес шпаги и направился вниз по поросшему травой склону.

Глава 3. ГОРОД ПРОШЛОГО

Путь до города оказался нелегким и долгим, Карс шел твердыми большими шагами. Он не пытался найти поблизости дороги, но уверенно шагал через все препятствия и не сворачивал с прямой линии, которая вела к Джеккере. Плащ мешал ему и он сорвал его. Лицо его было лишено какого-либо выражения, но пот ручьями бежал по щекам, смешиваясь с соленой влагой слез.

Он шел между двумя мирами. Он шел по долине утопающей в жаре летнего дня, и ветви старинных деревьев касались его лица, а сок примятой им травы ложился пятнами на его сандалии. Жизнь - крылатая, бегающая и ползающая - была насыщена и интенсивна. И все же он видел лишь огромную мертвую равнину, где песок волнами вздымался среди сухих рифов. Правду тридцатилетней жизни забыть нелегко.

Солнце медленно склонялось к горизонту. Преодолев последний уступ к городу, он зашагал вниз, залитый пылающим светом. Море горело, и фосфоресцирование приняло цвет облаков. Карс с удивлением наблюдал за тем, как золотые, багровые и пурпурные сполохи отражались в воде.

Теперь гавань была хорошо ему видна. Мраморные доки, так хорошо ему знакомые, те, что изъеденные годами, полузасыпанные песком, одиноко стояли под лунным светом. Это были те же доки, но, как при мираже, гавань сверкала водой.

Торговые корабли стояли на якорях, и во влажном воздухе до него донеслись крики портовых грузчиков. А вдали он увидел рыбацкие суда, возвращающиеся в Джеккеру. Паруса их казались темными на фоне неба.

У дворцовой набережной, неподалеку от того самого места, откуда он отправился вместе с Пенкавром за шпагой Рианона, стояла длинная, темная и тонкая военная галера, похожая на готовую к прыжку пантеру. За ней стояли другие галеры. И над всем этим высокие и величественные, возвышались белые башни дворца.

"Да, я, действительно, вернулся в прошлое Марса! Ибо это - та картина Марса, каким он был миллион лет назад, как ее всегда рисуют археологи!"

Планета ссорящихся цивилизаций, на которой еще очень мало развилась наука, но которая хранила тайну о супернауке великих Куири, существовавших еще раньше этих времен.

"Планета затерянных веков, которую Бог не должен был показывать никому из людей моего времени!"

Мэтью Карс вздохнул, как будто ему стало очень холодно.

Медленно, очень медленно он углубился в улицы Джеккеры, и ему показалось в свете заходящего солнца, что весь город запятнан кровью.

Стены сомкнулись за ним, перед его глазами стоял туман, и в ушах у него шумело, но он осознал присутствие людей. Худые, гибкие мужчины и женщины, встречавшиеся с ним в узких проулках, вначале просто проходили мимо него, а потом поворачивались и глядели ему вслед. Темные, подвижные как кошки, люди Джеккеры. Джеккеры Лоу Кэнэл и этого времени.

Он слышал музыку арф и шелестящий шепот маленьких поясов, которые носили женщины. Ветер коснулся его лица, но это был влажный и теплый ветер, тяжелый от дыхания моря, и это было сверх того, что мог выдержать человек.

Карс продолжал идти, но он понятия не имел о том, куда он идет и что собирается делать. Он шел лишь для того, чтобы идти и не останавливаться.

Шаг за шагом, бесстрастный, слепой ко всему, как заколдованный шел он по улицам среди темных джеккериан, высокий, светлоголовый человек с обнаженной шпагой.

Горожане наблюдали за ним. Люди из гавани, со склонов виноградников и из извилистых улиц. Вначале они пропускали его, потом поворачивались и шли за ним, разглядывая его.

Между ними лежала пропасть столетий. Кильт его был сделан из странной, неизвестной им материи. Орнамент на нем изображал нечто, никогда ими не виденное. И лицо его было чужим.

Эта полнейшая чужеродность заставляла их некоторое время держаться на расстоянии. Дыхание чего-то невероятного, исходящего от него, пугало их.

Потом кто-то произнес слово, кто-то другой повторил его, и через несколько секунд не осталось больше ни таинственности, ни страха - только ненависть.

Карс услышал это слово. Смутно, как из далекого далека он услышал его, когда из шепота оно переросло в бурю, прокатившуюся вдоль улиц.

– Кхонд! Кхонд! Шпион Кхондора! - А потом другое слово:

– Слей!

Слово "кхонд" ничего не значило для Карса, но он догадался, что оно означает ругательство и угрозу. Голос толпы предупреждал его и угрожал смертью, и он попытался вызвать в себе инстинкт самосохранения. Но мозг его не желал пробуждаться к жизни.

Камень ударил его в щеку. Физический шок немного привел его в себя.

Кровь пробежала по его губам. Солоновато-сладкий вкус ее сообщил ему о том, что разрушение уже началось. Он попытался прогнать черную пелену хотя бы настолько. чтобы увидеть угрожавшего ему врага.

Он вышел на открытое пространство возле доков. Теперь, в сумеречном свете, море светилось холодным белым огнем. Силуэты кораблей высились над ним темными массами. Поднялся Фобос и в его таинственном свете Карс увидел, что по снастям кораблей снуют какие-то существа и что они покрыты шерстью и не очень-то похожи на людей.

А на пристани он увидел двоих стройных белокожих людей с крыльями. На них были набедренные повязки рабов, а крылья их были сломаны.

Площадь была полна людей и они продолжали вливаться в толпу из жерл узких улиц, привлеченные криком "шпион!". Слово это эхом отдавалось от стен зданий и кличка "кхондор" звенела у него в ушах.

И крылатые рабы на пристани, и существа на кораблях, закованные в цепи, обратили на него свои взоры. Он услышал их громкие крики:

– Слава Кхондору! Бейся, человек!

Женщины визжали, как гарпии. Толпа напирала и угрожала, но те, кто находился за спиной Карса, держались поодаль, опасаясь огромной сверкающей шпаги с обнаженным клинком.

Карс закричал. Он сделал выпад по направлению к окружавшим его джеккерианам, шпаги которых были более короткими, и те отпрянули назад.

И снова с пристани послышалось:

– Слава Кхондору! Долой Змею, долой Сарка! Бейся, кхонд!

Он знал, что рабы помогли бы ему, если бы могли.

Теперь часть его мозга начала активно действовать - та часть, которая обладала богатым опытом спасения его головы. Он находился лишь в нескольких шагах от зданий за его спиной. Внезапно он круто повернулся и прыгнул, сверкнув шпагой.

Он дважды попал в чью-то плоть, прежде чем ему удалось пробить себе путь к дверям в корабельный склад, так что нападать на него теперь могли только спереди. Небольшое преимущество, но каждая секунда жизни зарабатывалась секундным преимуществом.

Сделав несколько ловких выпадов, он крикнул на наречии этих марсиан (а знал он их достаточно).

– Подождите, я не кхонд!

Толпа разразилась издевательским смехом.

– Он говорит, что он не кхонд!

– Твои собственные друзья приветствуют тебя, кхонд! Послушай Пловцов и Людей Неба!

Карс крикнул:

– Нет! Я не кхонд! Я не… - он резко осекся. Он едва не сказал, что он не марсианин.

Зеленоглазая девушка ростом не больше земного ребенка пробилась в очерченный им смертоносный круг и остановилась прямо перед ним. Ее оскаленные белые зубы блестели, как крысиные.

– Трус! - закричала она. - Дурак! Где как не в Кхонде мог родиться человек, подобный тебе, с бледными волосами и шелковистой кожей? Откуда бы еще мог взяться ты, неуклюжее существо с варварской речью?

Странное выражение вновь вернулось на лицо Карса и он сказал:

– Я из Джеккеры.

Они засмеялись. Смех становился все громче и громче, пока вся площадь не заполнилась его раскатами. Теперь они окончательно потеряли то чувство суеверного ужаса, которое испытывали перед ним поначалу. Слова, которые сказала девушка, почти прилипли к нему - трус и дурак. Почти с презрением они перешли в нападение.

Это было для Карса слишком большой реальностью - масса перекошенных ненавистью лиц, лес направленных на него коротких шпаг. Он принялся яростно работать длинным клинком шпаги Рианона, сокрушая не столько это стадо убийц, сколько судьбу, забросившую его в этот мир.

Некоторые из них умерли, пораженные острием блестящей шпаги, остальные подались назад. Они стояли и смотрели на него как шакалы, поймавшие в капкан волка. Потом их шипение прорезал ликующий крик:

– Идут солдаты Сарка! Они повергнут для нас этого шпиона Кхонда!

Карс, прижавшись спиной к запертой двери, тяжело дышал. Он увидел, что сквозь толпу, как корабль сквозь гряду волн, пробирается небольшой отряд воинов в черных туниках и с черными шлемами на головах.

Они шли прямо к нему, и джеккериане уже вопили, предвкушая предстоящее убийство.

Глава 4. ОПАСНАЯ ТАЙНА

Дверь, к которой Карс прижался спиной, внезапно отворилась внутрь.

Так же спиной он влетел в образовавшееся отверстие.

Едва он вернул себе устойчивость, как дверь внезапно снова захлопнулась. Он услышал, как упал засов. Потом рядом с ним кто-то хрипло рассмеялся.

– Это удержит их на некоторое время. Но нам лучше поскорее уйти отсюда, Кхонд. Эти солдаты Сарка выломают дверь.

Карс повернулся не опуская шпаги, но темнота комнаты мешала ему видеть. Он чувствовал запах канатов, дегтя и пыли, но видеть не мог ничего.

В дверь заколотили с сумасшедшей яростью. Глаза Карса, начавшие уже привыкать к темноте, различили очертание фигуры грузного человека, стоявшего рядом с ним.

Человек был большим, тучным и безобидным с виду. Марсианин в кильте, выглядевшим до смешного маленьким на его громоздком теле. У него было лунообразное лицо, освещенное ободряющей улыбкой, а маленькие глазки без всякого страха смотрели на поднятую шпагу Карса.

– Я не джеккерианин и не сарк, - сказал он успокаивающе. - Я - Богхаз Хой из Валкиса, и у меня есть свои причины помогать человеку Кхонда. Но нам нужно скорее уходить.

– Куда уходить?

Карсу удалось выдавить эти слова, но дышал он еще с трудом.

– В безопасное место. - В дверь заколотили еще громче. - Это Сарки. Я ухожу. Идем или оставайся, Кхонд, как хочешь.

Он повернулся и пошел прочь из темной комнаты, двигаясь с удивительной для его сложения легкостью. Он не оглянулся посмотреть, идет ли за ним Карс или нет.

Но у Карса не было выбора. В том состоянии полузабытья, в котором он находился, он не был способен противостоять натиску солдат в туниках и джеккерианской шайке. Он последовал за Богхазом Хой.

Валкисианин усмехнулся, пролезая в маленькое окошечко в глубине комнаты.

– Я знаю каждую дыру в этой гавани. Поэтому-то я, когда увидел, как ты стоишь у дверей старого Тарас Тхур, просто обошел его кругом и впустил тебя. Дал тебе возможность ускользнуть у них из-под носа.

– Но почему? - снова спросил Карс.

– Я же сказал тебе - я питаю к кхондам симпатию. Они такие люди, что могут наложить руку и на Сарка и на проклятую Змею. Когда я вижу кхонда, я всегда ему помогаю.

Для Карса все это не имело смысла. Да и что тут удивительного? Разве мог он что-то знать о ненавистях и страстях этого Марса давно прошедших лет?

Он был пойман в ловушку этого странного Марса далекого прошлого и должен был продолжать свой жизненный путь подобно невежественному ребенку.

Ясно одно: эта шайка пыталась его убить.

Его принимали за кхонда. И не только джеккерианская чернь, но и те странные рабы-полулюди со сломанными крыльями, существа, покрытые мехом и закованные в цепи, что подбадривали его с галер.

Карс вздрогнул. Он до сих пор находился в таком полубодрствовании, что не мог думать о странностях этих рабов, не очень похожих на людей.

И кто такие кхонды?

– Сюда, - сказал Богхаз Хой, прерывая течение его мыслей.

Они углубились в тень запутанных вонючих улочек, и толстый валкисианин привел Карса к узкой двери в темную маленькую хижину.

Карс вошел в хижину следом за ним. В темноте он услышал свист какого-то предмета над своей головой и хотел отпрянуть, но не успел.

В голове его как будто разорвалась бомба, полная ярких искр, и он ощутил лицом грубую поверхность пола.

Очнулся он от того, что свет бил ему прямо в глаза. На табурете, стоящем рядом с ним, горела маленькая бронзовая лампа. Он находился в хижине и лежал на грязной кровати. Он попытался пошевелиться и обнаружил, что кисти его рук и лодыжки связаны.

Мучительная боль пронзила его голову, и он снова застыл в неподвижности. Послышался звук шагов и над ним наклонился Богхаз Хой.

Лунообразное лицо валкисианина выражало симпатию. Он поднес к губам глиняную чашку, полную воды.

– Боюсь, я слишком сильно ударил. Но ведь когда остаешься в темноте один на один с вооруженным человеком, нужно быть осторожным. Не хочешь ли ты начать говорить?

Карс посмотрел на него и, повинуясь старой привычке, сдержал обуревавший его гнев.

– О чем? - спросил он.

Богхаз сказал:

– Я - человек открытый и прямой. Я спас тебя от банды, потому что хотел тебя ограбить.

Карс увидел, что его украшенные драгоценностями пояс и воротник перешли к Богхазу, нацепившему на шею и то и другое. Валкисианин поднял руку и с любовью их погладил.

– Потом, - продолжал он, - я повнимательнее присмотрелся… вот к этому. - Он кивнул в сторону шпаги, что стояла прислоненная к табурету, блестя в свете лампы. - Многие люди, глядя на нее, сказали бы только, что это красивая шпага. Но я, Богхаз, человек образованный. Я узнал символы над лезвием.

Он подался вперед.

– Где ты ее взял?

Осторожность быстро подсказала Карсу ложный ответ.

– Я купил ее у торговца.

Богхаз покачал головой.

– Нет, это не так. На лезвии заметны следы коррозии, а в резные впадины набилась пыль. Эфес не полировался. В таком виде ее не стал бы продавать ни один торговец. Нет, мой друг, эта шпага долгое время пролежала в темноте в могиле того, кто ею владел - в гробнице Рианона.

Карс лежал неподвижно, глядя на Богхаза. То, что он видел не нравилось ему.

Лицо у валкисианина было доброе и веселое. С таким хорошо было посидеть за бутылкой вина. Он мог любить человека, как брата, и искренне сожалеть о том, что тому нужно вырезать сердце из груди.

Карс скрыл свое впечатление за угрюмым безразличием.

– Насколько мне известно, эта шпага могла бы принадлежать Рианону. Но я купил ее у торговца.

Рот Богхаза, маленький и розовый, скривился и он покачал головой.

Протянув руку, он потеребил Карса по щеке.

– Пожалуйста, не надо мне лгать, друг мой. Я очень расстраиваюсь, когда слышу ложь.

– Я не лгу, - сказал Карс. - Послушай… У тебя шпага. У тебя мои украшения. Ты получил все, что мог у меня забрать. Так будь же доволен.

Богхаз вздохнул и с упреком посмотрел на Карса.

– Неужели ты не чувствуешь ко мне никакой благодарности? Разве я не спас тебе жизнь?

Карс сардонически заметил:

– Это был благородный жест.

– Да, верно. Так оно и было. Если бы меня схватили, то моя жизнь не стоила бы ничего. - Он щелкнул пальцами. - Я лишил

шайку минутного удовольствия и для них было бы безразлично узнать, что ты вовсе не Кхонд.

Он произнес последнюю фразу как бы между прочим, но сам при этом зорко следил за Карсом из-под тяжелых век.

Карс в ответ бросил на него пристальный взгляд. Его лицо было совершенно невыразительным.

– Почему ты так думаешь?

Богхаз рассмеялся.

– Начнем с того, что среди Кхондов нет такого осла, который согласился бы показать свое лицо в Джеккере. А особенно если он при этом нашел затерянную тайну Марса, за которой охотятся годы - тайну гробницы Рианона.

На лице Карса не шевельнулся ни один мускул, но мозг его усиленно работал. Значит, гробница была такой же потерянной тайной этого времени, как и его собственного будущего?

Он пожал плечами.

– Я ничего не знаю о Рианоне и его гробнице.

Богхаз опустился на пол возле Карса и улыбнулся ему, как взрослый улыбается ребенку, играющему в умную игру.

– Друг мой, ты со мной нечестен. На Марсе нет человека, который бы не знал, что Куири давным-давно оставили наш мир из-за того, что сделал Рианон. Проклятый среди них. И все знают, что прежде, чем уйти, построили гробницу, в которую заперли Рианона и его могущество. Разве не прекрасно, если люди смогут обладать могуществом богов? Разве странно, что они не перестают искать затерянную могилу? А теперь, когда ты ее нашел, неужели я, Богхаз, должен обвинять тебя в том, что ты хочешь удержать эту тайну при себе?

Он потрепал Карса по плечу и просиял.

– С твоей стороны такое поведение естественно. Но тайна гробницы слишком велика, чтобы ты смог владеть ею один. Тебе нужны в помощь мои мозги. Если вместе мы будем владеть этой тайной, то сможем взять от Марса все, что захотим.

Карс без всякого выражения сказал:

– Ты безумен. У меня нет никакой тайны. Я купил шпагу у торговца.

Богхаз посмотрел на него долгим взглядом. Взгляд его был очень печальным. Потом он тяжело вздохнул.

– Подумай, друг мой. Не лучше ли тебе будет оказать мне, а не заставлять меня вырвать у тебя признание силой?

– Мне нечего говорить, - хрипло ответил Карс.

Ему совсем не хотелось, чтобы его мучили. Но старый инстинкт, призывающий к осторожности, был силен в нем, как никогда. Нечто, сидящее в самой глубине его сознания,

предупреждало его: не выдавай тайну гробницы!

И, во всяком случае, даже и выдай он ее, толстый валкисианин скорее убил бы его, нежели пошел на риск дальнейшего распространения тайны.

Богхаз мрачно пожал толстыми плечами.

– Ты вынуждаешь меня к крайним мерам. А я их ненавижу. Для них у меня слишком мягкое сердце. Но раз уж это необходимо…

Он полез за чем-то в поясной карман, когда внезапно они оба услышали звуки голосов на улице и шум тяжелых шагов.

Чей-то голос крикнул:

– Здесь! Вот он, хлев Богхаза!

В дверь начали барабанить с такой силой, что комната загудела, как барабан.

– Открывай, жирный подонок из Валкиса!

Сильные плечи нажимали на дверь.

– Боги Марса! - застонал Богхаз. - Нас выследила шайка Сарка!

Он схватил шпагу Рианона и собирался спрятать ее в кровать, когда запоры затрещали, поддавшись дикому натиску, и в комнату ворвалась группа вооруженных людей.

Глава 5. РАБ САРКА

Богхаз нашелся удивительно быстро. Он низко поклонился предводителю отряда, огромному, чернобородому, с ястребиным носом человеку в такой же черной тунике, какую Карс видел на солдатах Сарка на площади.

– Господин мой, Скайлд! - сказал Богхаз. - Мне очень жаль, что я так тучен и поэтому медлителен в движениях. Ни за что на свете я не доставил бы вашему величеству труда ломать мою бедную дверь, особенно, - тут его лицо озарилось светом чистой невинности, - особенно потому, что я сам собирался идти искать вас.

Он указал на Карса.

– Вы видите, я поймал его для вас, - сказал он. - И я сохранил его в безопасности.

Скайлд уперся кулаками в бока, откинув голову назад и расхохотался.

Солдаты отряда, стоявшие за его спиной, держали себя так же, как толпа джеккериан, надеющихся получить удовольствие.

– Он сохранил его в безопасности, - сказал Скайлд, - для нас.

И опять разразился смехом.

Скайлд шагнул поближе к Богхазу.

– Полагаю, - сказал он, - что именно эта твоя преданность дала возможность собаке-кхонду ускользнуть от моих людей.

– Мой господин, - запротестовал Богхаз, - шайка убила бы его.

– Поэтому-то мои люди и пришли - он нужен нам живой. Мертвый кхонд для нас бесполезен. Но тут пришел на помощь ты, Богхаз. К счастью, тебя заметили. - Он протянул руку и указал на украденные драгоценности, которые Богхаз нацепил на шею. - Да, - сказал он, - очень удачно получилось.

Он снял воротник и пояс, повернул их на свету, восхищаясь игрой камней, и опустил в собственный поясной карман. Потом он подошел к кровати, на которой полускрытая простынями лежала шпага. Он схватил ее, оглядел рукоять и лезвие и улыбнулся.

– Вот это настоящее оружие, - сказал он. - Прекрасное, как сама Госпожа, и такое же смертоносное.

Острием шпаги он освободил Карса от пут.

– Вставай, кхонд, - сказал он, помогая ему носком тяжелой сандалии.

Карс, шатаясь, поднялся на ноги и покачал головой, разгоняя остатки дурноты. Потом, раньше, чем солдаты успели его схватить он изо всех сил ударил по объемистому животу Богхаза.

Скайлд рассмеялся. Смех его был громким и чистосердечным. Он все еще смеялся, пока его солдаты оттаскивали Карса от хватающего воздух ртом валкисианина.

– В этом нет пока необходимости, - сказал ему Скайлд. - Времени впереди достаточно. Вам двоим предстоит еще как следует друг на друга наглядеться.

Карс увидел, как на толстом лице Богхаза отразился ужас понимания.

– Мой господин, - взмолился валкисианин, все еще задыхаясь, - я преданный вам человек. Я хотел лишь охранить интересы Сарка и ее величества госпожи Иваин.

Он поклонился.

– Естественно, - сказал Скайлд. - И как ты можешь послужить лучше Сарку и госпоже Иваин, чем работая веслами на ее военной галере?

В одну секунду все краски исчезли с лица Богхаза.

– Но господин мой…

– Что? - с яростью крикнул Скайлд. - Ты противишься? Где же твоя преданность, Богхаз? - Он поднял шпагу. - Тебе известно, каково наказание за предательство.

Стоявшие рядом солдаты захихикали.

– Нет, - хрипло сказал Богхаз. - Я - человек преданный. Никто не может обвинить меня в предательстве. Я лишь хочу служить… - внезапно он замолчал, сообразив, что собственный язык завел его в ловушку.

Скайлд с силой шлепнул Богхаза шпагой по огромным ягодицам.

– Так иди и служи! - крикнул он.

Богхаз, подвывая, качнулся вперед. Несколько солдат схватили его.

Мгновение - и он оказался скованным вместе с Карсом.

Скайлд с довольным видом сунул шпагу Рианона в собственные ножны, а свою шпагу велел нести солдату. С важным видом он возглавил отряд.

И снова Карс совершил паломничество по улицам Джеккеры, но на этот раз ночью и в цепях, лишенный украшений и шпаги.

Они пришли на дворцовые набережные и холодная дрожь нереальности вновь завладела всем существом Карса, когда он увидел высокие башни, пылающие светом, и мягкое белое свечение моря в темноте.

Квартал у самого дворца кишел рабами, тяжеловооруженными всадниками в траурных туниках Сарка, придворными, женщинами и жонглерами. Музыка и звуки пиршества доносились из самого дворца, когда они проходили

мимо него.

Богхаз пробормотал Карсу быстрым шепотом:

– Дураки, не узнали шпагу. Молчи о своей тайне, иначе они заберут нас обоих в Кару-Дху для допроса, а ты знаешь, что это значит?! - Он содрогнулся всем своим большим телом.

Карс был слишком поражен для того, чтобы отвечать. Сказывалось действие этого невероятного мира и физическая усталость.

Богхаз продолжал, теперь уже громко и в расчете на реакцию их охраны.

– Все это великолепие в честь госпожи Иваин Сарк! Принцесса так же величественна, как и ее отец король Горах! Служить на ее галере - огромная честь.

Скайлд расхохотался.

– Хорошо сказано, валкисианин. И твоя пылкая преданность будет вознаграждена. Эта честь будет твоею долгое время.

Цель их путешествия - черная военная галера оказалась совсем рядом с ними. Карс увидел, что она длинная и быстроходная, с рядами весел посредине и низкой кормой.

На нижнем полуюте горели факелы, а из окон кают под ним струился красноватый свет. Оттуда раздавались громкие голоса солдат Сарка.

Но длинный темный ряд гребцов хранил горькое молчание.

Скайлд возвысил голос:

– Хо, Каллас!

Из темноты неслышной походкой выступил высокий человек. В правой руке он сжимал кожаную бутыль, а в левой - черный хлыст, длинный, стершийся от длительного употребления.

– Мясо для весел, - сказал Скайлд. - Забирай их. - Он усмехнулся. - И проследи за тем, чтобы их приковали к одному веслу.

Каллас посмотрел на Карса и Богхаза, потом лениво улыбнулся и махнул бутылью.

– Давайте на корму, падаль, - проворчал он и взмахнул бичом.

Карс глянул на него уголком покрасневших глаз и засопел. Богхаз схватил землянина за плечо и потряс его.

– Идем, дурак! - сказал он. - Ты и так получишь достаточно тумаков, если даже не будешь на них напрашиваться.

Он потянул Карса за собой к рядам гребцов, а потом вдоль скамьи.

Землянин, измученный всем происходящим, лишь смутно воспринимал ряды повернутых к нему лиц, звук бряцанья цепей и запах трюма. Лишь половина его чувств воспринимала странность

на удивление круглых голов двоих мохнатых существ, которые спали сидя и шевельнулись, давая им возможность пройти.

На последней скамье у борта, стоящей лицом к полуюту, находился лишь один спящий человек, прикованный к веслу, два же остальных места были пусты. Охрана стояла рядом до тех пор, пока Карс и Богхаз не были прикованы.

Потом они ушли вместе со Скайлдом. Каллас щелкнул бичом так, что тот издал звук, подобный пистолетному выстрелу, и пошел вперед.

Богхаз толкнул Карса под ребро. Потом, подавшись вперед, он потряс его. Но Карса не интересовало то, что собирался сказать Богхаз. Он спал, склонившись над веслом.

Карсу снился сон. Ему снилось, что он вновь витает в пузыре кричащей бесконечности черного кошмара в гробнице Рианона. Он падал и падал…

И снова у него было ощущение сильного, живого присутствия рядом с ним, ощущение того, что нечто темное и жаждущее ощупывает его мозг.

– Нет, - прошептал во сне Карс. - Нет!

Он снова повторил свой отказ - отказ в чем-то, о чем просило его темное присутствие, в чем-то нелепом и пугающем.

Но мольба сделалась более уверенной, более настойчивой, чем в гробнице Рианона. Карс испустил резкий крик:

– Нет, Рианон!

Внезапно он проснулся и непонимающе посмотрел на залитую лунным светом скамью.

Каллас и его приближенные шли по проходу, толкая по дороге рабов.

Богхаз смотрел на Карса со странным выражением лица.

– Ты звал Проклятого! - сказал он.

Остальные рабы и два существа, покрытые мехом, тоже смотрели на него со своих мест.

– Плохой сон, - пробормотал Карс, - вот и все.

Он был прерван свистом бича, звуком его падения и болью в спине.

– Встать, падаль! - прогремел голос Калласа за его спиной.

Карс хотел было испустить звериное рычание, но Богхаз немедленно закрыл ему рот ладонью.

– Будь тверд! - предупредил он. - Будь тверд!

Карс овладел собой, но успел до этого получить еще один удар бичом.

Каллас стоял и улыбался ему.

– Будешь знать, - сказал он. - Знать и смотреть.

Потом он вскинул голову и закричал:

– Ну вы, подонки, вы, падаль! Сесть! Мы начинаем труд во имя Сарков, и я кожу сдеру с того, кто собьется с ритма!

Наверху моряки были вовсю заняты парусами. Паруса поползли вверх, темные в свете луны.

На корабле стояла тишина, если не считать шума напряженного дыхания.

На помосте в конце прохода застыл раб с барабаном наготове.

Приказ был отдан. Рука барабанщика опустилась.

Все весла пришли в движение и заработали в ритме барабана. Каким-то образом Карсу с Богхазом удалось сделать то, что они должны были сделать.

Гребцы сидели слишком низко для того, чтобы можно было разглядеть все, что делается в порту. Но Карс слышал веселый крик толпы на набережной, когда военная галера Иваин Сарк выпрямилась и заскользила к выходу из гавани.

Ночной бриз был легким и паруса едва трепетали. Барабан продолжал свою дробь, убыстрив ее, руководя длинными глубокими взмахами, заставляя покрытые шрамами, потные спины рабов сгибаться и разгибаться.

Карс почувствовал, как качнуло корабль, когда он вышел в открытое море. Сквозь мельканье весел он поймал взглядом видение молочно-белого океана. Он работал для Сарка на Белом море Марса.

Глава 6. НА МАРСИАНСКОМ МОРЕ

Наконец галера попала в полосу бриза и рабам было позволено отдохнуть. Карс снова уснул. Когда он проснулся во второй раз, светало.

Сквозь ряды весел он следил за тем, как море изменяло свой цвет с восходом солнца. Он никогда не видел зрелища более прекрасного. Вода поймала первые бледные отсветы солнца и утеплила их собственными фосфоресцирующими - огненно-аметистовым и жемчужным, розовым и сапфировым.

Потом, когда солнце поднялось выше, море превратилось в один огромный слиток расплавленного золота.

Карс наблюдал за этим зрелищем до тех пор, пока последние краски не исчезли, вернув воде ее прежний белый цвет. Ему было жаль, когда все кончилось. Зрелище было таким нереальным, и он мог представить себе, будто снова уснул у мадам Кан на Лоу Кэнэл, и ему снился сон, вызванный слишком большим количеством тхила.

Богхаз беззаботно посапывал рядом с ним. Барабанщик спал подле своего барабана. Рабы отдыхали, склонившись над веслами.

Карс посмотрел на них. Все они были грязны и хранили следы перенесенных побоев - большей частью осужденные преступники, - решил он.

Он подумал, что мог бы узнать среди них джеккериан, валкисиан и кесхийцев.

Но некоторые из них, например, третий человек на их весле, были иного племени. Кхонды, заключил он, и не удивительно, что его по ошибке приняли за одного из них. Это были крупные ширококостные мужчины со светлыми глазами и белокурыми или рыжеватыми волосами того варварского вида, который нравился Карсу.

Он посмотрел туда, где лежали раньше два существа. Эти явно принадлежали к тому же племени, что и те, что приветствовали его накануне с корабля.

Они не были людьми. Не в полном смысле этого слова. Они походили одновременно и на тюленя и на дельфина. Тела их были покрыты короткой темной шерстью. Черты их лиц были тонкими и красивыми. Они отдыхали, но не спали и глаза их были открыты - большие, темные и очень умные.

Они, догадался он, были теми, кого джеккериане называли пловцами.

Интересно, подумал он, какую же роль они выполняют на

корабле.

Одно из существ было женского, другое - мужского пола. Почему-то он не мог подумать о них, как о животных - самке и самце.

Он обнаружил, что они изучают его внимательно и с любопытством.

Легкая дрожь пробежала по его телу. В их глазах было что-то необычное, как будто взору их было доступно нечто такое, что недоступно взгляду человека.

Женщина мягким голосом сказала:

– Добро пожаловать в братство бича.

Тон ее был дружелюбным. И все же он чувствовал в нем какую-то сдержанность, нотку замешательства.

Карс улыбнулся ей:

– Спасибо.

И снова он осознал, что говорит на старом марсианском наречии с акцентом. Ему было трудно объяснить к какой расе он принадлежит. Он не сомневался, что сами кхонды не сделают той ошибки, которую сделали джеккериане.

Следующие слова пловца подтвердили его уверенность.

– Ты не кхонд, - сказала женщина, - хотя и похож на этот народ. Где твоя страна?

Вмешался грубый мужской голос:

– Да, где она, чужеземец?

Карс обернулся посмотреть на крупного раба-кхонда, третьего на весле, и встретил взгляд, полный враждебного подозрения.

Человек продолжал:

– Кое-кто болтал, будто ты - пойманный шпион-кхонд, но это ложь. Ты больше похож на джеккерианина, замаскированного под кхонда и присланного сюда сарками.

Волна шепота пробежала по рядам гребцов.

Карс и раньше понял, что ему придется кое-что о себе рассказать, и немного приготовился к этому рассказу. Теперь он заговорил:

– Я не джеккерианин, я принадлежу к племени, которое живет за Схуном.

Это так далеко, что здесь мне все кажется новым и непонятным.

– Может быть, - недовольно проворчал большой кхонд. - У тебя странный вид и говоришь ты странно. Что привело сюда тебя и этого толстого валкисианина?

Богхаз уже проснулся к тому времени и сам ответил на вопрос:

– Мы с моим другом были ловко обвинены сарками в воровстве! - мрачно сказал он. - Какой позор… Я, Богхаз из Валкиса, обвинен в мелком жульничестве! Какая ужасная несправедливость!

Кхонд презрительно сплюнул и отвернулся.

– Еще бы.

Теперь Богхаз решился прошептать Карсу:

– Они будут считать нас парой осужденных воров. Пусть они лучше думаю так, мой друг.

– А разве для тебя это не так? - сердито бросил Карс. Богхаз посмотрел на него внимательным взглядом острых маленьких глаз.

– А для тебя, друг?

– Ты меня слышал… Я пришел из мест за Схуном.

"Из-за Схуна и из-за всего этого мира", - мрачно подумал он. Но ведь не мог же он рассказать этим людям невероятную правду о себе.

Толстый валкисианин пожал плечами.

– Если тебе хочется упорствовать, то пусть будет так. Я согласен. Я тебе доверяю. Разве мы не партнеры?

Карс кисло улыбнулся на этот искусный вопрос. В наглости этого вора было нечто такое, что забавляло его.

Богхаз заметил его улыбку.

– А, ты думаешь о той злосчастной жестокости, которую я проявил прошлой ночью. Но это был всего лишь порыв. Забудем об этом. Я, Богхаз, уже забыл, - добавил он великодушно. - Но остается тот факт, что ты, мой друг, владеешь тайной… - он понизил голос до шепота, - гробницы Рианона.

Счастье, что Скайлд слишком невежественен для того, чтобы опознать шпагу!

Эта тайна, если верно взяться за дело, может сделать нас самыми великими людьми на Марсе!

Карс спросил его:

– Чем же так важна гробница Рианона?

Этот вопрос вывел Богхаза из состояния равновесия.

– Ты хочешь сделать вид, будто не знаешь об этом?

Карс напомнил ему:

– Я же сказал тебе, что пришел из такого далека, что этот мир совсем нов для меня.

На толстом лице Богхаза отразилось недоверие и замешательство одновременно. Наконец он сказал:

– Не могу решить, действительно ли ты тот, за кого себя выдаешь, или притворяешься невежественным для собственной цели.

Он пожал плечами.

– В любом случае ты так или иначе смог бы услышать историю от других.

А я должен тебе доверять.

Он быстро забарабанил пальцами, внимательно глядя на Карса.

– Даже последний варвар должен был бы слышать о сверхлюдях Куири, давным-давно владевших всей властью и мудростью ученых. И о том, как Проклятый среди них Рианон совершил грех, научив слишком большой мудрости Дхувиан.

Это привело к тому, что Куири оставили наш мир, уйдя неизвестно куда.

Но прежде чем уйти, они измерили грех Рианона и спрятали его в тайной гробнице, заперли его там вместе с приборами и ужасной силой.

И разве не удивительно, что весь Марс не перестает искать эту гробницу? Разве странно, что и империя Сарк и Морские королевства отдадут все, чтобы только завладеть потерянной властью Рианона? И теперь, когда ты нашел гробницу, должен ли я, Богхаз, винить тебя за то, что ты так осторожен со своей тайной?

Последнюю фразу Карс оставил без внимания. Теперь он вспомнил…

Вспомнил те страшные приспособления, составленные из драгоценностей, призм и металла, что стояли в гробнице Рианона.

Существовали ли действительно тайны древности, великая наука - наука, исчезнувшая на варварском Сарке этих времен?

Он спросил:

– А кто такие эти Морские королевства? Я понимаю так, что они - враги сарков?

Богхаз кивнул.

– Сарк правит землями, находящимися к востоку, северу и югу от Белого моря. Но на западе от него есть маленькие свободные королевства свирепых морских пиратов, таких как кхонды, и их морские короли не признают власти Сарков.

Он добавил:

– Таких людей всегда много и даже в землях моего Валкиса есть такие, что тайно ненавидят Сарка из-за Дхувиан.

– Дхувиан? - повторил Карс. - Ты уже упоминал о них раньше, кто они?

Богхаз фыркнул.

– Послушай, друг, прекрасно претворяться невеждой, но это уже чересчур! Даже в самых далеких племенах нет человека,

который не знал бы и не боялся проклятой Змеи!

"Значит, Змея была общим названием таинственных Дхувиан? Почему же их так назвали?" - подумал Карс.

Внезапно Карс осознал, что на него внимательно смотрит женщина-пловец. Одно мгновение ему даже показалось, что она читает его мысли.

"Если это так, - мрачно подумал Карс, - то Шаллах-пловец должна была быть крайне удивлена ходом моих мыслей."

Он был заброшен на совершенно незнакомый Марс, большая часть которого все еще оставалась для него тайной.

Но если Богхаз говорит правду, если эти странные предметы из гробницы Рианона были приборами, имеющими отношение к великой затерянной науке, то даже несмотря на то, что он был рабом, он обладал ключом к тайне, разыскиваемой всем этим миром.

Но эта тайна могла привести его к смерти. Он должен ревниво хранить ее до тех пор, пока не сможет сбросить с себя эти мерзкие путы.

Необходимость освободиться и мрачная, растущая ненависть к надменным саркам - вот все, в чем он был сейчас уверен.

Солнце поднялось уже высоко, поливая жаром лучей ничем не защищенных гребцов. Ветер, игравший парусами, совсем не чувствовался внизу, где сидели рабы. Люди дышали как рыбы, выброшенные на берег, и до сих пор им еще не дали ни еды, ни питья.

Воспаленными глазами Карс наблюдал за тем, как солдаты Сарка с угрожающим видом расхаживали по палубе над рядами гребцов. В средней части этой палубы находилась низкая главная кабина, дверь в которую была открыта. На ее плоской крыше стоял рулевой, мрачного вида матрос-сарк. Он держал большой румпель и слушал приказы Скайлда.

Сам Скайлд тоже стоял там, его борода, похожая на лопату, торчала вверх, когда он глядел на отдаленный горизонт поверх голов несчастных гребцов. Время от времени он подавал рулевому короткие слова команды.

Наконец появилась и еда - черный хлеб и жестяные кружки с водой. Их принес один из странных крылатых рабов, замеченных Карсом в Джеккере накануне. Люди Неба, так называла их толпа.

Этого Карс изучал с интересом. Он походил на ангела своими блестящими, жестоко переломанными крыльями и прекрасным страдающим лицом.

Он двигался между скамей медленно, словно нес непосильную ношу. Он не улыбался и не говорил, и его взгляд был как будто подернут дымкой.

Шаллах поблагодарила его за еду. Он не посмотрел на нее, а просто пошел прочь, неся пустую корзину. Она повернулась к Карсу.

– Большинство их, - сказала она, - умирают, если у них перебивают крылья.

Он понял, что она имела в виду духовную смерть. И вид этого существа со сломанными крыльями вызвал у Карса даже более сильный прилив ненависти к Саркам, чем его собственные бедствия.

– Будь прокляты твари, делающие такое! - пробормотал он.

– И будь прокляты те, кто продался дьяволу вместе со Змеей! - отозвался Джахарт, большой кхонд, сидящий у их весла. - Проклят будь их король и его дьявольская дочь Иваин! Если бы я мог, я утопил бы этот корабль вместе с ней и ее дьяволами из Джеккеры.

– Почему она не показывается? - спросил Карс. - Неужели она такая нежная, что будет сидеть в каюте в течении всего пути?

– Эта чертова кошка - нежная? - Джахарт с отвращением сплюнул и сказал:

– Она резвится в каюте со своим тайным любовником. Он пробрался на борт, закутанный в плащ, и с тех пор не показывался. Но мы его видели.

Шаллах внимательно посмотрела в сторону кормы и пробормотала:

– Она прячет не любовника, а проклятого дьявола. Я почувствовала его присутствие, когда он поднялся на борт.

Она обратила на Карса взгляд встревоженных светящихся глаз:

– Я думаю, на тебе тоже лежит проклятие, чужестранец. Я могу его чувствовать, но не могу понять.

По телу Карса вновь пробежала легкая дрожь. Эти халфлинги с их сверхчувствительностью могли смутно чувствовать его невероятную чужеродность. Он был рад, когда Шаллах и Нерам, ее самец, отвернулись от него.

В последующие часы Карс часто ловил себя на том, что его взгляд устремлен на ту часть палубы. Он испытывал какое-то мрачное желание увидеть Иваин Сарк, чьим рабом теперь был.

В середине дня ветер, дувший часы, начал спадать и наконец совсем пропал.

Забил барабан. И вновь Карс потел над незнакомой работой, вздрагивая от удара бичом по спине.

Лишь Богхаз казался счастливым.

– Я не из тех, кто боится моря, - говорил он, покачивая головой. - Для такого кхонда, как ты, Джахарт, гребля самое

естественное занятие. Но я был в юности слабым и вынужден был жить тихо. Проклятое спокойствие!

Даже тяжелая работа лучше, чем такая жизнь, словно тебя несет, как щепку по волнам.

Эта патетическая речь производила на Карса впечатление до тех пор, пока он не обнаружил, что Богхаз получил хороший повод не работать всерьез - он лишь наклонялся и разгибался для вида, а Карс и Джахарт гребли. Карс нанес ему такой удар, что тот едва не слетел со скамьи, и после этого с жалобными стонами выполнял свою долю работы.

День, горячий и бесконечный, безжалостный к усталым гребцам, начал клониться к вечеру.

На ладонях Карса вздулись волдыри, потом они лопнули, и ладони начали кровоточить. Он был очень сильным человеком, но даже несмотря на это, сила начала уходить от него, как вода, и он чувствовал себя как на дыбе. Он завидовал Джахарту, который вел себя так, будто был рожден на скамье под веслом.

Потом его мучения несколько ослабли. Он впал в состояние какой-то заторможенности, а тело его продолжало механически действовать.

Потом, в последних золотых лучах дневного света он поднял голову, ловя ртом воздух и сквозь застилавшую его глаза дымку увидел, что на палубе над ним стоит женщина и смотрит на море.

Глава 7. ШПАГА

Она могла быть одновременно и Сарк и дьяволом, как говорили другие.

Но кем бы она не была, она заставляла Карса затаить дыхание и смотреть на нее не отрываясь.

Она стояла, подобно темному пламени, окруженная нимбом уходящего солнечного света. Она была одета как юный воин: черная кольчуга на короткой пурпурной тунике, короткая шпага на боку.

Ноги ее были босы. Стриженые черные волосы с челкой над глазами, падали ей на плечи. Глаза огнем сверкали под темными бровями. Она стояла, слегка расставив длинные стройные ноги и смотрела на море.

Карс почувствовал прилив какого-то горького восхищения. Эта женщина владела им, и он ненавидел ее и всю ее расу, но он не мог отрицать вместе с тем ее блестящей красоты и силы.

– Ровнее, ты, падаль!

Крик и удар бичом вывели его из состояния оцепенения. Он сбился с ритма, нарушив работу всей их скамьи, и теперь Джахарт ругался, а Каллас орудовал бичом.

Досталось им всем и толстый Богхаз взвыл:

– Милосердия, о, госпожа Иваин! Милосердия, милосердия!

– Заткнись, падаль! - рявкнул Каллас и продолжал избивать их, пока не полилась кровь.

Иваин посмотрела вниз на гребцов.

– Каллас! - крикнула она.

Капитан поклонился ей.

– Да, ваше высочество.

– Бей сильнее, - сказала она. - Быстрее, я хочу быть у Черной отмели до рассвета. - Она посмотрела прямо на Карса и Богхаза и добавила:

– Секи каждого, кто нарушит ритм.

Она отвернулась. Барабан забил быстрее. Карс с горечью посмотрел на спину Иваин. Хорошо было бы проучить эту женщину. Хорошо было бы полностью сломить ее сопротивление, вырвать ее гордость с корнями и растоптать.

Бич опять упал на его незащищенную спину. Оставалось только грести.

Джахарт усмехнулся волчьей усмешкой. Между двумя взмахами он выдохнул:

– Сарки правят Белым морем. Но морские короли еще сильнее. Даже Иваин не смеет появиться у них на пути!

– Если враг может появиться так внезапно, то почему галера не сопровождается эскортом кораблей? - спросил Карс, тяжело дыша.

Джахарт покачал головой.

– Этого я и сам понять не могу. Я слышал, что Горах посылал свою дочь для того, чтобы припугнуть подчиненного им короля Джеккеры, который стал слишком спесивым. Но вот почему она отправилась без эскорта?

Богхаз предположил:

– Может быть, Дхувианы снабдили ее каким-то таинственным оружием?

Большой кхонд фыркнул.

– Дхувианы слишком хитры для этого! Да, они иногда помогают своим союзникам саркам их странным оружием. Потому-то союз и существует. Но какая им польза в том, чтобы давать саркам оружие, учить сарков как им пользоваться? Они не такие дураки!

Карс начал уже лучше разбираться в этом древнем Марсе. Все эти люди были полуварварами, все, кроме таинственных Дхувиан. Те, очевидно, владели по крайней мере частью науки этого мира, ревниво оберегали свои секреты и использовали их для своих целей и для целей своих союзников Сарков.

Настала ночь. Иваин по-прежнему стояла на палубе, число наблюдателей было удвоено. Нерам и Шаллах, двое пловцов, все так же сидели, закованные в цепи. Их огромные мрачные глаза горели каким-то тайным волнением.

У Карса не было ни силы, ни желания оценивать восхитительное зрелище горящего в лунном свете моря. В довершение всех бед подул встречный ветер, волны били прямо в нос корабля и гребцам пришлось удвоить усилия. Барабан был неутомим.

Ярость все больше обуревала Карсом. Все тело его болело невыносимо.

Спина его была исполосована яростными ударами бича, из ран сочилась кровь.

Весло было тяжелым. Оно было тяжелее, чем весь Марс, и оно брыкалось и боролось с ним, как живое существо.

Что-то произошло с его лицом. Оно сделалось странно каменным, и краска сошла с его глаз. Они стали блеклыми, как лед, и взгляд их не был взглядом психически здорового человека. Стук барабана сливался с биением его собственного сердца, становясь все более громким с каждым ударом весла.

Набежала волна, высокая и хищная. Карса ударило веслом в грудь так, что у него перехватило дыхание. Джахарт, обладавший

опытом, и Богхаз, тяжелый и плотный, почти сразу же овладели собой, не раньше, впрочем чем надсмотрщик успел обругать их ленивой падалью - своим любимым словечком - и схватился за бич.

Карс бросил весло. Движения его были так быстры, несмотря на замедляющие их цепи, что надсмотрщик не успел понять, что произошло, как оказался лежащим на коленях землянина, пытаясь защитить свою голову от яростных ударов наручников.

Ряд гребцов мгновенно пришел в движение. Ритм был безнадежно потерян.

Подскочил Каллас и ударил Карса по голове рукоятью бича. Тот упал почти без сознания, надсмотрщик поднялся на ноги, избегнув крепких рук Джахарта.

Богхаз сжался в комок и сидел, замерев.

С палубы послышался голос Иваин.

– Каллас!

Капитан, дрожа, опустился на колени.

– Да, ваше высочество?

– Пори их до тех пор, пока они не вспомнят, что они больше не люди, а рабы. - Ее сердитый непроницаемый взгляд упал на Карса. - А этот… Он новичок, не так ли?

– Да, ваше высочество.

– Научи его, - сказала она.

Они учили его. Его учили Каллас и надсмотрщик вместе. Карс пригнул голову к коленям и обхватил ее руками. Богхаз то и дело вскрикивал, когда бич падал в сторону и ложился не на Карса, а на него. Карс видел, как под ноги ему текли красные струйки, смешиваясь с водой. Гнев, горевший в нем, остыл и принял иную форму, подобно железу под ударами молота.

Наконец избиение прекратилось. Карс поднял голову. Ему пришлось для этого сделать над собой невероятнейшее усилие, но медленно и упрямо он все же поднял ее и посмотрел прямо в глаза Иваин.

– Ты усвоил урок, раб? - спросила она.

Прошло долгое время, прежде чем он смог подобрать слова для ответа.

Теперь ему было безразлично, будет ли он жить или умрет. Вся его вселенная была сосредоточена на этой женщине, что стояла над ним, угрожающая и неприступная.

– Спускайся сама и учи меня, если можешь, - хрипло ответил он и назвал ее словом, которое используется в самых низкопробных притонах, словом, которое говорит о том, что она ничему научить мужчину не может.

Мгновение-другое никто не мог ни двинуться, ни заговорить.

Карс увидел, что ее лицо побелело, и расхохотался, и грубый, ужасный звук его смеха нарушил тишину. Скайлд выхватил шпагу и спрыгнул сверху в ряд гребцов.

Лезвие шпаги ярко вспыхнуло в свете факелов, Карс подумал о том, как же далеко ему пришлось забраться за собственной смертью. Он ждал удара, но его не последовало, и тогда он осознал, что Иваин велит Скайлду остановиться.

Скайлд нерешительно опустил шпагу, потом усмехнулся и с озадаченным видом посмотрел наверх.

– Но, ваше высочество…

– Иди сюда, - сказала она, и Карс увидел, что она смотрит на шпагу в руке Скайлда, на шпагу Рианона.

Скайлд взобрался по лестнице на палубу. На его лице с густыми черными бровями застыл испуг. Иваин шагнула ему навстречу.

– Дай мне ее, - сказала она. И видя его колебание, крикнула:

– Шпагу, дурак!

Он вложил ее в протянутые руки Иваин, и она внимательно оглядела ее в свете факелов, изучая работу, строение эфеса с дымчатым камнем, символы, выгравированные на лезвии.

– Где ты взял ее, Скайлд?

– Я… - он медлил, не желая сознаваться, и руки его инстинктивно скользнули к украденному воротнику.

Иваин фыркнула:

– Твои воровские дела меня не интересуют. Где ты ее взял?

Он указал на Карса и Богхаза.

– У них, ваше высочество, когда поймал их.

Она кивнула.

– Отведи их в мои покои.

Она исчезла внутри каюты. Скайлд, несчастный и сбитый с толку, отправился выполнять приказ, а Богхаз застонал:

– О! Милостивые боги! - прошептал он. - Свершилось! Он поплотнее придвинулся к Карсу и быстро, пока еще была возможность, проговорил:

– Лги, как никогда раньше не лгал. Если она подумает, что тебе известна тайна гробницы, они или Дхувиане силой вырвут ее у тебя!

Карс ничего не ответил. Он делал все возможное чтобы вернуть себе ясность ума. Скайлд с руганью потребовал вина, и оно было принесено. Он насильно влил его в горло Карса, потом отвязал его и Богхаза от весла и повел их на палубу.

Вино и морской ветер настолько освежили Карса, что он сам смог держаться на ногах. Скайлд грубо втолкнул его в освещенную факелами каюту Иваин. Иваин сидела у резного

стола и шпага Рианона лежала перед ней.

В противоположной переборке находилась низкая дверь, ведущая во вторую комнату. Карс увидел, что она едва заметно приоткрыта. Никакого света за ней не было, но ему показалось что кто-то или что-то притаилось за дверью, слушая. Это заставило его вспомнить слова Джахарта и Шаллах.

В воздухе чувствовалось какое-то сгущение, слабый запах мускуса, сухой и тошнотворный. Он, казалось, шел из второй двери. Запах подействовал на Карса как-то странно. Не зная еще, чем он вызван, он уже ненавидел того, от кого он исходил.

Он подумал, что там, должно быть, скрывается любовник Иваин, причем очень странный любовник. Иваин перевела его мысли в другое русло. Она устремила на него пристальный взгляд, и он еще раз подумал, что никогда еще не видел таких глаз. Потом она сказала Скайлду:

– Расскажи мне… Все расскажи.

С неохотой, отрывистыми фразами, он рассказал ей все. Иваин посмотрела на Богхаза.

– А ты, толстяк. Ты где взял шпагу?

Богхаз вздохнул и кивнул на Карса.

– Спросите у него, ваше высочество. Это красивое оружие, а я человек торговый.

– И только из-за этого ты хотел ее получить?

Лицо Богхаза являло собой образец невинного удивления.

– Какая же еще может быть причина? Я не боец. Кроме того, был еще пояс и воротник. Вы сами, ваше высочество, можете видеть, насколько они ценны.

По выражению ее лица невозможно было понять, верит она ему или нет.

Она повернулась к Карсу.

– Значит, шпага принадлежит тебе?

– Да.

– Где ты ее взял?

– Купил у торговца.

– Где?

– В северной стране, за Схуном.

Иваин улыбнулась.

– Ты лжешь.

Карс быстро проговорил:

– Я честно добыл оружие, - так оно некоторым образом и было, - и мне все равно, веришь ли ты в это или нет.

Скрип двери, ведущей во вторую комнату, заставил Карса насторожиться.

Ему захотелось распахнуть ее и посмотреть, что притаилось

там, в темноте, слушая и наблюдая. Ему захотелось увидеть то, что вызывало этот невыносимый запах.

И в то же время в этом вроде бы и не было нужды. В то же время он вроде бы знал это и так.

Скайлд не мог больше сдерживаться.

– Прошу прощение, ваше высочество, но зачем весь этот шум насчет шпаги?!

– Ты хороший солдат, Скайлд, - задумчиво ответила она, - но во многом другом ты бываешь туп. Ты чистил лезвие?

– Конечно. Да оно было в плохом состоянии. - Он с отвращением посмотрел на Карса. - Похоже, что он годами к нему не притрагивался.

Иваин протянула руку и положила ее на украшенный драгоценностями эфес. Карс увидел, что рука ее дрожит. Она мягко сказала:

– Ты прав, Скайлд. К ней не притрагивались годами. С тех самых пор как Рианона, который ее сделал, упрятали в гробницу, чтобы он расплатился за свои грехи.

Лицо Скайлда выражало полнейшее изумление. Челюсть его отвисла. По прошествии долгого времени он сумел вымолить лишь одно слово:

– Рианон!

Глава 8. ТЕНЬ В ТЕМНОТЕ

Взгляд Иваин устремился на Карса.

– Он знает тайну гробницы Рианона, Скайлд. Он должен знать, раз у него эта шпага.

Она помолчала, а когда заговорила снова, слова ее были едва различимы, словно это был голос ее мыслей.

– Опасная тайна. Такая опасная, что я почти жалею…

Она замолкла, как будто считая, что и без того уже слишком много сказала. Не бросила ли она быстрый взгляд на дверь во вторую комнату?

Прежним надменным тоном она сказала, обращаясь к Карсу.

– У тебя есть еще одна возможность, раб. Где находится гробница Рианона?

Карс покачал головой.

– Я ничего не знаю, - сказал он и схватился за плечо Богхаза, чтобы не упасть. Маленькие алые капельки упали на ковер у его ног. Лицо Иваин казалось очень далеким.

Скайлд хрипло сказал:

– Отдайте его мне, ваше высочество.

– Нет. Для твоих методов он уже слишком плох. Пока я еще не хочу его убивать. Я должна… подумать об этом.

Она нахмурилась, переводя взгляд с Карса на Богхаза.

– Они должны грести, так я думаю. Хорошо. Забери от их весла третьего. Пусть эти двое работают без помощи всю ночь. И вели Калласу отпускать толстяку по два удара хлыстом с каждым ударом склянок.

Богхаз взвыл.

– Ваше высочество, умоляю вас! Я бы сказал, но я ничего не знаю.

Клянусь!

Она пожала плечами.

– Может быть и так. В таком случае, ты захочешь убедить своего товарища начать говорить.

Она снова повернулась к Скайлду.

– Вели также Калласу поить высокого морской водой, каждый раз, как ему захочется пить. - Ее белые зубы сверкнули. - Это хорошее лекарство.

Скайлд рассмеялся.

Иваин знаком велела ему удалиться.

– Следи за тем, чтобы мой приказ выполнялся. Но никаких других мер.

Они должны жить. Когда они будут готовы говорить -

приведешь их ко мне.

Скайлд отсалютовал и повел своих пленников вниз, к веслам. Джахарта забрали и для Карса продолжался кошмар ночных часов.

Богхаз был сломлен и все время дрожал. Получив свои удары, он жалобно закричал, а потом простонал, обращаясь к Карсу:

– Хоть бы мне никогда не видеть твою кровавую шпагу! Она приведет нас в Кару-Дху - и да сжалятся тогда над нами боги.

Карс скривил губы в подобии улыбки.

– В Джеккере ты говорил по другому.

– Тогда я был свободным человеком и Дхувианы были далеко.

Карс почувствовал, как все в нем напряглось. Странным голосом он произнес:

– Богхаз, что это был за запах в кающе?

– Запах? Я не почувствовал никакого запаха.

"Странно, - подумал Карс, - ведь он довел меня почти до безумия. А возможно, я уже безумен!"

– Джахарт был прав, Богхаз. Во второй комнате кто-то спрятан.

С некоторым раздражением Богхаз ответил:

– Меня не интересует распутство Иваин.

Некоторое время они трудились в молчании. Потом Карс резко бросил:

– Кто такие Дхувианы?

Богхаз воззрился на него.

– Да откуда ты явился такой?

– Я же тебе сказал - из-за Схуна.

– Должно быть, твои края и вправду очень далеко, если ты не слышал ни о Кару-Дху, ни о Змее.

Богхаз, не переставая грести, пожал жирными плечами.

– Ты, я думаю, ведешь какую-то сложную игру. Все это притворство невеждой… Но я не собираюсь играть с тобой в эту игру.

Он продолжал:

– Ты знаешь, по крайней мере, что давным-давно в нашем мире жили люди и не совсем люди - халфлинги. Из людей самыми великими были Куири, которые ушли. У них было столько знаний и мудрости, что их до сих пор почитают, как сверхлюдей.

Но были еще и халфлинги - раса, похожая на людей, но совсем с другой кровью. Пловцы, ведущие начало от морских существ, Люди неба, которые происходят от крылатых существ и Дхувианы, которые происходят от змеи.

Карса прошиб пот. Почему все это казалось ему таким

знакомым? Ведь раньше он не слышал ни о чем подобном.

Да, раньше он никогда не слышал этой истории о древней марсианской эволюции, о развитии пород высших существ, псевдолюдей, но не людей.

Раньше он об этом не слышал, или слышал?

– Дхувианы всегда были хитрыми и умными, как породившая их змея, - продолжал Богхаз. - Такими хитрыми, что смогли убедить Рианона из рода Куири научить их началам его знаний.

Но не всем знаниям. И все же этого было достаточно для того, чтобы они смогли создать свой черный город Кару-Дху непроницаемым и временами прибегали к помощи своего научного оружия, чтобы сделать своего союзника Сарка владыкой над человеческим родом.

– Это и был грех Рианона? - спросил Карс.

– Да, это и был грех Проклятого, ибо в своей гордыне он бросил вызов другим Куири, которые не велели ему дарить Дхувианам такую силу. За этот грех остальные Куири приговорили Рианона и погребли его в тайном месте прежде чем покинуть наш мир. По крайней мере, так говорит легенда.

– Но сами Дхувианы больше не легенда?

– Нет, будь они прокляты, - пробормотал Богхаз. - Они - причина, по которой все свободные люди ненавидят Сарков, заключивших союз со Змеей.

Их разговор был прерван появлением раба с переломанными крыльями, Лорна. Его послали за кувшином с морской водой и теперь он принес его.

Крылатый человек заговорил, и теперь в голосе его звучала музыка.

– Тебе может быть больно, чужестранец. Вынеси боль, если сможешь - это тебе поможет. - Он поднял кувшин. Из него, покрывая тело Карса светящимся футляром, хлынула вода.

Карс понял, почему Иваин улыбалась. Может быть то, что давало свечение морю и было целебным, но лечение было более болезненным, чем сами раны. Ему показалось, что плоть отходит от его костей.

Ночь продолжалась и через некоторое время Карс почувствовал, что боль стала меньше. Раны его больше не кровоточили и вода начала освежать его. К своему собственному удивлению он встретил блики второй зари над Белым морем.

Вскоре после восхода солнца раздался крик впередсмотрящего. Впереди лежала черная отмель.

Карс увидел мель, тянущуюся на мили. Рифы и банки, здесь и там из-под воды выступали огромные камни.

– И они не пытались привести в порядок это безобразие? -

воскликнул он.

– Это самый короткий путь к Сарку, - сказал Богхаз. - А что касается порядка на отмели… Как ты думаешь, для чего каждая галера Сарка берет с собой пленных пловцов?

– Я сам бы хотел это знать.

– Скоро узнаешь.

На палубу вышла Иваин. За ней шел Скайлд. Они даже не взглянули на двух измученных гребцов, обливающихся потом у весла.

Богхаз мгновенно перестроился на жалобный лад.

– Милосердия, ваше высочество!

Иваин не обратила на его слова никакого внимания. Она сказала Скайлду:

– Замедлить ход и выслать пловцов!

С Нерам и Шаллах сняли кандалы и пустили их в воду. Тела их были заперты в металлические обручи. От них отходили длинные металлические цепи, каждая из которых была прикреплена к вделанным в палубу металлическим кольцам.

Двое пловцов бесстрашно нырнули в пенящуюся воду. Цепи натянулись.

Головы плывущих то и дело мелькали над водой. Они продолжали плыть по ревущей воде отмели впереди галеры.

– Видишь? - сказал Богхаз. - Они чувствуют проход. Они могут провести галеру через любое место.

Волосы Иваин трепало ветром, кольчуга ее играла под лучами солнца.

Они со Скайлдом пристально смотрели вперед. Киль корабля разбивал свистящую и шипящую воду, а однажды весло скользнуло по камню, но его удалось благополучно обогнуть.

Путешествие было долгим, медленным и изнурительным. Солнце поднялось в зенит. Казалось, сам корабль излучает сгустившееся до боли напряжение.

Карс лишь смутно воспринимал шум всплесков воды, когда она соприкасалась с их веслом. Толстый валкисианин стонал теперь безостановочно. Карсу казалось, что руки его были налиты свинцом, а голова закована в стальной каркас.

Наконец, галера выбралась в спокойные воды, где не было отмелей. Рев порогов остался теперь позади. Пловцов втащили на борт.

В первый раз Иваин бросила взгляд на выбившихся из сил гребцов.

– Дать им короткий отдых, - велела она. - Скоро поднимется ветер.

Она скользнула взглядом по Карсу и Богхазу.

– И, Скайлд, я хочу снова увидеть этих двоих.

Карс наблюдал за тем, как Скайлд идет по палубе и опускается по лестнице. Им овладели дурные предчувствия.

Он не хотел снова идти в каюту. Он не хотел снова видеть чуть приоткрытую дверь и чувствовать тяжелый дьявольский запах.

Но его с Богхазом вновь отвязали от скамьи и повели на палубу и сделать тут уже ничего было невозможно.

Дверь за ними захлопнулась. Скайлд, Иваин за резным столом, шпага Рианона сверкает перед ней, сгущение в воздухе и низкая, не совсем прикрытая дверь.

Заговорила Иваин.

– Первую порцию того, что я хочу с вами сделать, вы получили! Хотите получить вторую? Или расскажете мне, где находится гробница Рианона и что вы там нашли?

Карс монотонным голосом ответил:

– Я уже сказал тебе раньше, что не знаю где.

Он не смотрел на Иваин. Дверь в другую комнату заворожила его, он не мог отвести от нее взгляда. В глубине его сознания что-то как-будто пробудилось и зашевелилось. Предвидение, ненависть, ужас, которые он не мог понять.

Но он хорошо понимал, что скоро должна наступить развязка. Сильная дрожь пробежала по его телу, отдаваясь напряжением в каждом нерве.

Что же это такое, чего я не знаю, но почему-то почти что помню?

Иваин подалась вперед.

– Ты - сильный. Ты этим гордишься. Ты чувствуешь, что можешь вынести физическое наказание, большее, чем то, которому я осмелюсь тебя подвергнуть. Ты его вынесешь, я думаю. Но есть другие способы. Более быстрые и верные способы, и даже у сильного мужчины нет против них защиты.

Она перехватила направление его взгляда.

– Возможно, - тихо сказала она, - ты догадываешься, о чем я говорю.

Сейчас лицо Карса было абсолютно лишено всякого выражения. Мускусный запах тяжелым комом застыл в его горле. Он чувствовал, как этот запах сгущается и движется внутри него, наполняя легкие, проникая в кровь.

Отравляюще вкрадчивый, жестокий, холодный первобытным холодом. Его качало, но он не мог отвести взгляда от двери.

Он хрипло сказал:

– Я догадываюсь.

– Хорошо. Тогда говори, и дверь не отворится.

Карс рассмеялся. Звук его смеха был тихим и хриплым. Взгляд его был тусклым и странным.

– Зачем мне говорить? Ты все равно уничтожишь меня, чтобы сохранить тайну.

Он шагнул вперед. Он осознавал, что движется. Он осознавал, что говорит, хотя звук собственного голоса был едва различимым для него самого.

Он ощущал в себе странное напряжение. Жилы на его висках вздулись, как завязанные узлом веревки, кровь молотом стучала в голове. Раздался треск, как будто вышла наружу и взорвалась созревшая в нем до этого момента сила.

Он не знал, почему идет вперед, почему шагает к этой двери. Он не знал, почему кричит совершенно чужим голосом:

– Открывай, сын Змеи!

Богхаз испустил пронзительный вопль и скорчился в углу, закрыв лицо руками. Иваин, удивленная, смотрела на происходящее широко открытыми глазами. Лицо ее сделалось внезапно белым. Дверь медленно открылась.

За ней не было ничего, кроме темноты и тени. Тень в плаще с капюшоном, застывшая в темноте каюты, казалась даже не тенью, а призраком тени.

Но "оно" было там. И человек Карс, пойманный в ловушку своей странной судьбой, знал, что это было такое.

Это был страх, древний дьявол, что скрывался вначале в зарослях травы, в стороне от жизни, но наблюдал за ней с холодной мудростью, смеясь беззвучным смехом, не давая ничего, кроме горькой смерти.

Это была Змея.

То первобытное, что таилось в Карсе, стремилось убежать, спрятаться.

Каждая клетка его плоти взывала к разуму, все инстинкты молили о бегстве.

Но он не убежал и в нем был гнев, что зрел и зрел, пока не одолел страх, Иваин и остальных, оставив лишь одно желание: уничтожить то, что притаилось за границей света.

Его собственный гнев или что-то большее? Нечто, рожденное из стыда и отчаяния, никогда ему не ведомых?

Голос, мягкий и свистящий, сказал ему из темноты:

– Ты этого хотел. Пусть будет так.

В каюте царила полная тишина. Скайлд сжался в комок. Даже Иваин крепко вцепилась в край стола. Богхаз едва дышал в своем углу.

Тень шевельнулась со слабым сухим шелестом. Появилось тускло блестящее пятно, поддерживаемое невидимыми руками -

сияние, не распространяющее света. Оно показалось Карсу похожим на кольцо маленьких, невероятно далеких звезд.

Звезды пришли в движение, закружились по скрытой орбите, все быстрее и быстрее, пока не слились в один, странно-расплывчатый круг. Теперь от него исходил высокий звук, чистый и четкий, подобный бесконечности, не имеющий ни начала, ни конца.

Песня, зов, предназначался ли он лишь для его слуха? Или ему это чудилось? Этого он сказать не мог. Возможно, он слышал его своей плотью, своими натянутыми нервами. Остальные - Иваин, Скайлд и Богхаз ничего, казалось, не слышали.

Карс почувствовал, как холод медленно овладевает его существом. Как будто эти крошечные поющие звезды взывали к нему через Вселенную, заманивая его в глубины пространства, где пустота космоса должна была высосать из него все тепло жизни.

Напряжение его мускулов ослабло. Он чувствовал, как сила его тает и исчезает в ледяном молоке. Он чувствовал, как растворяется его разум.

Он медленно опустился на колени. Маленькие звездочки все пели и пели.

Теперь он понимал их. Они задавали ему вопрос. Он знал, что когда ответит на него, то сможет уснуть. Он никогда больше не проснется, но это не важно. Он боялся сейчас, а если он заснет, то сможет забыть о своем страхе.

Страх… страх! Старый, старый расовый страх, берущий душу в плен, ужас, уходящий в спокойствие тьмы. Во сне и в смерти он мог бы забыть этот страх. Нужно лишь ответить на вопрос, задаваемый гипнотическим шепотом.

– Где гробница?

– Отвечай, говори.

Но что-то все еще связывало его язык. Алое пламя гнева еще искрилось в нем, борясь с яркостью поющих звезд.

Он сопротивлялся, но звездопение было слишком сильным. Он услышал медленный шелест своих сухих губ.

– Гробница, место, где Рианон…

"Рианон! Темный отец, научивший тебя силе, ты, порождение змеиного яйца!"

Этот крик подстегнул его, как клич боевой трубы. Гнев вновь ожил в нем. Дымчатый драгоценный камень в эфесе лежавшей на столе шпаги, казалось, взывал к его руке. Он перегнулся и схватил ее.

Иваин, со слабым криком, подалась вперед, но было уже поздно.

Огромный камень вспыхнул, как будто поймал силу поющих сверкающих звезд и отшвырнул ее прочь.

Кристальная песня споткнулась и исчезла. Исчезло и свечение.

Прекратился страшный гипноз.

Кровь вновь хлынула в вены Карса. Шпага ожила в его руке. Он выкрикнул имя Рианона и ринулся вперед в темноту.

Он услышал шипящий вскрик, когда его длинное лезвие вошло в сердце тени.

Глава 9. ГАЛЕРА СМЕРТИ

Карс медленно выпрямился и повернулся к двери спиной, к существу, которое он чувствовал, но не видел. Он не желал его видеть. Он был потрясен и чувствовал себя очень странно, полный той пульсирующей силы, что граничит с безумием.

"Истерика, - подумал он, - которая бывает, когда случившегося хватает для тебя с избытком, когда вокруг тебя смыкаются стены и не остается ничего другого, как бороться до конца."

Каюта была погружена в полную тишину. У Скайлда был остановившийся взгляд идиота, рот открыт. Иваин держалась рукой за край стола, и это маленькое проявление слабости казалось таким странным для нее. Она не сводила глаз с Карса.

Она хрипло сказала:

– Ты человек или демон, что можешь выстоять против Кару-Дху?

Карс не ответил. Он не мог говорить. Ее лицо плавало перед ним, как серебряная маска. Он вспомнил боль, позорную работу, пот, шрамы от ударов бичом, оставшиеся на теле. Он вспомнил голос, сказавший Калласу:

– Проучи его!

Он убил Змею. Убить после этого королеву казалось совсем легким делом.

Он шевельнулся, сделал несколько коротких шагов по направлению к ней.

В этом медленном целенаправленном движении было что-то ужасное - уязвленный раб в кандалах тащит огромную, сверкающую темной человеческой кровью, шпагу.

Иваин подалась назад. Ее рука легла на эфес собственной шпаги. Она не боялась смерти. Она боялась того, что видела в Карсе, света, который блестел в его глазах. Это был страх души, а не тела.

Скайлд испустил хриплый крик. Выхватив шпагу, он устремился вперед.

Все они забыли о Богхазе, притихшем в своем углу. Теперь валкисианин вскочил на ноги, двигаясь с невероятной для его грузного тела скоростью.

Когда Скайлд пробегал мимо него, он, подняв обе руки, обрушил на его голову удар кандалов, вложив в этот удар всю свою силу.

Скайлд рухнул, как подкошенный.

И теперь к Иваин вновь вернулась ее гордость. Шпага

Рианона взвилась над ней для смертельного удара, и движением, быстрым, как свет, она взмахнула собственной шпагой и парировала этот удар.

Сила удара выбила оружие из ее руки. Карсу осталось лишь нанести повторный удар. Но казалось с этим усилием что-то ушло от него. Он увидел, что она открывает рот, чтобы позвать на помощь, и ударил ее по лицу тыльной стороной эфеса, так что она упала на пол набок.

И тут Богхаз вцепился ему в спину, крича:

– Не убивай ее! Она поможет нам купить себе жизнь!

Карс наблюдал за тем, как Богхаз связывает ее, затыкает ей рот и вытаскивает кинжал из ножен на ее поясе.

Он подумал о том, что они, два раба, которые одолели Иваин Сарк и убили ее капитана, и что, как только об этом узнают, за жизнь Мэтью Карса и Богхаза из Валкиса нельзя будет дать и ломаного гроша.

Но пока они были в безопасности. Шума почти не было и с палубы не было слышно следов тревоги.

Богхаз захлопнул дверь во вторую комнату, словно отрезал даже память о том, что лежало за ней. Потом он пристально посмотрел на полумертвого Скайлда. Подняв шпагу капитана, он некоторое время стоял неподвижно, вслушиваясь в дыхание последнего.

На Карса он смотрел теперь с особым уважением, к которому примешивался страх. Глядя на закрытую дверь, он пробормотал:

– Никогда бы не поверил, что такое возможно. Но я ведь видел это своими глазами. - Он снова повернулся к Карсу. - Прежде чем напасть, ты выкрикнул имя Рианона. Почему?

Карс нетерпеливо ответил:

– Как может человек знать, почему он делает то или иное в такое время?

По правде говоря, он и сам не знал, почему выкрикнул имя Проклятого, если не считать того, что оно так часто повторялось в его сознании, что стало для него навязчивой идеей. Дхувианский гипноз нарушил весь ход его сознания и выбил его из колеи. Теперь он помнил лишь непереносимый гнев - видят боги, у него были причины для такого гнева.

Возможно, не было ничего странного в том, что гипнотическая наука Дхувиан не смогла полностью подчинить его себе. В конце концов он же был землянином и при том пришельцем из другого времени. И все же она едва не овладела им… едва. Ему не хотелось больше об этом думать.

– С этим покончено. Забудем об этом. Сейчас нужно думать о том, как выбраться из переделки.

Смелость Богхаза, казалось, улетучилась. Он мрачно сказал:

– Лучше уж нам убить себя и разом со всем покончить.

Он говорил вполне серьезно. Карс возразил:

– Если ты так настроен, зачем тебе нужно было спасать мне жизнь?

– Не знаю. Инстинкт, должно быть.

– Вот и прекрасно. А мой инстинкт - жить так долго, как только возможно.

Однако, длительной возможности что-то не предвиделось. Но он не собирался внимать совету Богхаза и опустил шпагу Рианона. Посмотрев на нее в задумчивости, он перевел взгляд на свои оковы.

Внезапно он сказал:

– Если бы мы смогли освободить гребцов, они бы кинулись в бой. Все они приговорены пожизненно, так что терять им нечего. Мы могли бы захватить корабль.

Глаза Богхаза расширились, потом резко сузились. Обдумав услышанное, он пожал плечами.

– Думаю, умереть никогда не поздно. Стоит попытаться. Всегда стоит попытаться.

Он попробовал лезвие кинжала Иваин. Оно было тонким и прочным.

Удивительно умело орудуя им, он принялся вскрывать замок на кандалах землянина.

– У тебя есть план? - спросил он.

Карс проворчал:

– Я не волшебник. Могу лишь попытаться. - Он посмотрел на Иваин. - Ты останешься здесь, Богхаз. Забаррикадируйся. Стереги ее. Если дела пойдут не так, как нужно, она останется нашей последней и единственной надеждой.

Кандалы на его запястьях и лодыжках были разомкнуты, он неохотно отложил шпагу. Кинжал понадобится Богхазу для защиты, но на теле Скайлда была еще одна шпага. Карс взял ее и спрятал под кильт. Делая это, он давал Богхазу краткие наставления.

Мгновение спустя Карс приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы выбраться наружу. Из-за его спины раздался голос - великолепная имитация голоса Скайлда - зовущий охранника. Появился солдат.

– Отведи этого раба назад, к гребцам, - приказал голос, якобы принадлежащий Скайлду. - И проследи за тем, чтобы люди не тревожили Иваин.

Солдат отдал честь и повел пошатывающегося Карса. Дверь каюты захлопнулась, и Карс услышал звук опускающегося засова.

Они прошли по палубе, опустились по лестнице.

"Считай солдат, думай, как лучше сделать!"

"Нет. Но нужно думать. Не думай, иначе не осмелишься."

Барабанщик - он тоже раб. Двое пловцов. Надсмотрщик, расхаживающий туда-сюда, ряды гребцов. Ряды плеч, склоненных над веслами и движущихся туда-сюда. Ряды лиц над ними. Лица крысиные, шакальи, волчьи. Скрипы и стоны уключин, запах пота и трюмной воды, и непрекращающаяся дробь барабана.

Солдат подвел Карса к Калласу и ушел. Джахарт снова сидел у весла, а рядом с ним худой сарк, каторжник с клеймом на лице. Они посмотрели на Карса и отвели взгляды.

Каллас грубо пихнул землянина на скамью, где он сразу низко наклонился над веслами. Каллас наклонился, прикрепляя его ножные кандалы к общей цепи и ворча при этом:

– Надеюсь, что Иваин позволит мне заняться тобой, когда ты ей не будешь нужен, падаль! Вот будет забавно, когда ты…

Внезапно Каллас замолк и ему не удастся сказать больше ни слова когда-либо. Карс пронзил его сердце с такой точностью и быстротой, что Каллас даже не успел ничего понять.

– Держите равнение! - выдохнул Карс, обращаясь к Джахарту.

Большой кхонд повиновался. В глазах его заплясали огоньки. Человек с клеймом тихо рассмеялся. На лице его читалась ужасающая готовность.

Карс снял с пояса Калласа ключ от главного замка общей цепи и осторожно опустил его тело на дно трюма.

Человек, сидевший на веслах через проход, заметил происходящее.

– Держать равнение! - повторил Карс и одного взгляда Джахарта было достаточно, чтобы ритм был сохранен. Но тут барабан споткнулся, а потом совсем умолк.

Карс стряхнул с себя наручники. Он встретился взглядом с глазами барабанщика и барабанщик забил вновь, но надсмотрщик уже спешил к нему с криком:

– Что случилось, свинья?

– У меня ослабли руки, - дрожащим голосом проговорил барабанщик.

– Вот как, ослабли? Если это случится еще раз, я тебе и спину ослаблю!

Человек, сидевший на левом весле, кхонд, небрежно бросил:

– Скоро случится много всякого, сарковый ублюдок, - и он снял руки с весла.

Надсмотрщик кинулся к нему.

– Что такое? Эта грязь еще будет тут пророчествовать!

Бич его поднялся и упал, но тут его настиг Карс. Одна рука

его закрыла рот надсмотрщика, другая всадила в его тело кинжал. Быстро и ловко он отправил на дно трюма и этого.

Громкий животный вопль поднялся над рядами гребцов и тут же умолк, когда Карс приподнял руку в предупреждающем жесте, глядя наверх, на палубу. Никто пока не появился.

Ритм работы гребцов, конечно, нарушился, но это было неважно теперь, когда не было надсмотрщика. Главное, чтобы корабль не останавливался. Если удача будет сопутствовать им и дальше…

Барабанщик продолжал выбивать дробь - то ли сообразив, что это необходимо, то ли повинуясь привычке. Пригнувшись, Карс отпирал замки.

Людей не нужно было предупреждать, чтобы они были осторожны с цепями - они понимали это сами и один за другим тихо освобождались от своих оков.

Но все же даже половина их не была свободна к тому времени, когда какой-то солдат подошел к поручню палубы и посмотрел вниз.

Карс как раз кончил освобождать Пловцов. Он увидел, как выражение лица человека изменилось от скучающего к крайне взволнованному и, схватив бич надсмотрщика, метнул его вверх. Солдат успел заорать, прежде чем бич обвился вокруг его шеи и увлек его вниз, в яму.

Карс вскочил на лестницу.

– Ну, падаль, сброд, слушайте все! - закричал он. - Пришло ваше время!

И все они, как один человек, устремились за ним, издавая яростные животные вопли существ, жаждущих возмездия и крови. Они мчались вверх по лестнице, размахивая цепями, а те, кто еще был прикован к скамьям, с безумной яростью пытались освободиться.

У них было небольшое преимущество во времени, ибо нападение было таким внезапным, что солдаты не успели еще вытащить шпаги. Но такое положение не могло продлиться долго. Карс прекрасно понимал, как ценно для них каждое мгновение.

– Держитесь! Держитесь изо всех сил!

С болтами, с кандалами и просто с кулаками рабы обрушились на солдат.

Карс орудовал кинжалом и шпагой, Джахарт выкрикивал слово "Кхондор" как боевой клич. Сверкали обнаженные тела. Пловцы сновали среди них, как коричневые тени, а раб со сломанными крыльями каким-то образом раздобыл себе шпагу.

На помощь солдатам подоспели матросы, но снизу все продолжали бежать рабы.

Лучники открыли было стрельбу с полубака и мостика, но схватки были такими тесными, что им пришлось прекратить стрельбу из-за страха попасть в своих. Воздух был насыщен солено-сладким запахом крови. И постепенно солдаты, которых было больше, начали одерживать верх. Карс видел, что рабы отброшены назад, и число мертвых растет.

Яростно борясь, он проложил себе путь к каюте. Должно быть, саркам показалось странным, что Иваин и Скайлд не появились, но у них было слишком мало времени на то, чтобы выяснить в чем дело. Карс забарабанил в дверь каюты, выкрикивая имя Богхаза.

Валкисианин отодвинул засов, и Карс влетел в каюту.

– Тащи девку на мостик, - выдавил он, задыхаясь. - Я тебя прикрою.

Он схватил шпагу Рианона и снова выскочил на палубу. Валкисианин, неся на руках Иваин, бежал за ним.

Лестница находилась лишь в двух маленьких шагах от двери. Лучники сражались на палубе, а на мостике не было никого, кроме испуганного моряка-сарка, вцепившегося в румпель. Карс, очистив путь, прикрывал вход на лестницу, пока Богхаз карабкался наверх и ставил Иваин так, чтобы все могли ее видеть.

– Смотрите! - закричал он. - Мы захватили Иваин!

Он мог бы этого и не говорить. Вид ее, связанной, с кляпом во рту, в руках раба, подействовал на солдат как удар грома и оказал магическое действие на восставших. Стон первых смешался с веселым воплем вторых.

Кто-то нашел тело Скайлда и вытащил его на палубу. Оказавшись без обоих лидеров, сарки дрогнули. Исход битвы повернулся в другую сторону, и рабы все больше укрепляли свои позиции.

Шпага Рианона вела их в бой. Она сверкнула на фале, и флаг сарков слетел с топ-мачты. И от ее удара погиб последний солдат-сарк.

Внезапно все стихло, движение прекратилось. Черная галера плыла, гонимая свежим ветром. Солнце клонилось к горизонту. Карс устало поднялся на мостик.

Иваин, все еще в крепких руках Богхаза, следила за ним взглядом, полным адской ненависти.

Карс подошел к краю мостика и, облокотившись на шпагу, посмотрел вниз. Рабы, измученные дракой и опьяненные победой, собрались на палубе внизу, напоминая кольцо тяжело дышащих волков.

Из каюты появился Джахарт. Указав мокрым лезвием на Иваин, он прокричал:

– Хорошенького любовника она прятала у себя в каюте! Отродье Кара-Дху, вонючую змею!

Рабы мгновенно пришли в движение. Они снова были напряжены и ощетинились, испуганные, несмотря даже на численное преимущество. С трудом перекрывая шум их голосов, Карс крикнул:

– Оно мертво. Джахарт… Очисти корабль.

Джахарт помедлил, прежде чем повиноваться.

– Откуда ты знаешь, что он мертво?

Карс ответил:

– Я его убил.

Все воззрились на него, словно он был не человек, а нечто большее.

– Он одолел Змею! - послышался благоговейный шепот.

Джахарт вместе с другим рабом вернулся в каюту и вытащил тело. Никто не произнес ни слова. Люди расступились, давая дорогу к поручням, и по открывшемуся проходу пронесли нечто бесформенное, укутанное в плащ с капюшоном, даже в смерти символ бесконечно дьявольского.

И вновь Карс ощутил холод давнего страха и прилив непонятного гнева.

Он силой заставил себя наблюдать за происходящим.

Всплеск показался пугающе громким среди полной тишины. Искры огня устремились вверх и исчезли.

Среди людей снова поднялся шум. Они выкрикивали имя Иваин, насмехаясь над ней. Кто-то потребовал крови и некоторые уже устремились к лестнице, но Карс угрожающе поднял огромную шпагу.

– Нет! Она - наша заложница и стоит дороже золота.

Он не стал объяснять подробнее. Он знал, что этот довод удовлетворит их на некоторое время. И как бы он не ненавидел Иваин, он почему-то не желал видеть ее разорванной на куски этим сборищем диких зверей.

Он подумал о другом.

– Теперь нам нужно выбрать лидера. Кого вы выберете?

Ответ на этот вопрос был только один. Они выкрикивали его имя с такой яростью, что едва не оглушили его, и Карс испытывал какое-то дикое удовольствие, слыша свое имя. После дней учения хорошо было бы узнать, что он снова человек, хотя и в чужом мире.

Когда они немного успокоились, он сказал:

– Хорошо. Теперь слушайте. Сарки придумают нам страшную казнь за то, что мы сделали, если они нас схватят. Так вот мой план. Мы пойдем к свободным пиратам, к морским королям,

которые правят кхондами!

Все они до последнего человека согласились на это, и слово "кхонд" полетело к вечернему небу.

Те кхонды, что были среди рабов, чуть не сошли с ума от радости. Один из них оторвал от туники мертвого солдата кусок черной материи и прикрепил его на том месте, где раньше находился флаг сарков.

По приказу Карса Джахарт возглавил уборку на корабле, а Богхаз отвел Иваин вниз и запер ее в каюте.

Люди разошлись, полные желания избавиться от своих оков, снять с тел одежду и оружие и добраться до винных бочек. Остались лишь Нерам и Шаллах.

Они сидели и смотрели на Карса.

– Вы не согласны со мной? - спросил он их.

Глаза Шаллах вспыхнули тем глубоким светом, который ему уже приходилось в них наблюдать.

– Ты - чужой, - мягко сказала она. - Чужой для нас, чужой для нашего мира. И я еще раз повторяю, что чувствую в тебе какую-то темную тень, которая пугает меня, ибо ты понесешь ее с собой повсюду.

Она повернулась к Нераму и сказала:

– Теперь мы отправляемся домой.

Мгновение двое пловцов помедлили у края палубы. Теперь они были свободны, свободны от своих цепей, и их тела, наполненные радостью, выпрямились - гордые, уверенные. Потом они исчезли под водой.

Через некоторое время Карс увидел их снова, играющими и прыгающими, как дельфины, обгоняющие друг друга, перекликающиеся мягкими голосами.

Деймос уже стоял высоко. Вечерняя заря рассеялась, и на востоке быстро вынырнул Фобос. Море стало серебряным. Пловцы плыли к западу, оставляя за собой светящийся след. Потом они исчезли.

Черная галера плыла к кхондорам и ее паруса чернели на фоне неба. И Карс остался стоять там, где стоял, держа в руках шпагу Рианона.

Глава 10. МОРСКИЕ КОРОЛИ

Облокотившись о борт, Карс смотрел на море, когда появились люди неба. Время и расстояние оставались за бортом. Карс отдыхал. На нем был чистый кильт, он был вымыт и выбрит, раны его были залечены. Украшения снова вернулись к нему, и над его левым бедром блестело длинное лезвие шпаги.

Рядом с ним стоял Богхаз. Богхаз всегда был рядом с ним и сейчас, указав на западную часть неба, он сказал:

– Смотри туда.

Карс увидел то, что издали принял за стаю птиц. Но птицы быстро увеличивались в размере и, наконец, он понял, что это люди или полулюди, подобные рабу со сломанными крыльями.

Эти не были рабами, и крылья их были широко распростерты и сверкали на солнце. Их тонкие тела, совершенно обнаженные, сверкали как слоновая кость. Невероятно прекрасные, они как стрелы неслись по голубому небу.

Они были сродни Пловцам. Пловцы - великолепные дети моря, а эти были братьями ветру и облакам и чистой необъятности неба. Как будто рука неведомого творца создала их одновременно, но из разных элементов, снабдила силой и грацией, освободив их от тех пут, что связывали человека, наполнив радостью их души.

Джахарт, стоявший у руля, крикнул вниз:

– Посланцы от Кхондора!

Карс поднялся на мостик. Люди собрались на палубе, наблюдая за тем, как четверо людей неба с головокружительной быстротой несутся вниз.

Карс посмотрел в сторону носовой части корабля. Лорн, крылатый раб, все время стоял там один, погруженный в мрачное раздумье, ни с кем не разговаривая. Теперь он стоял гордо выпрямившись и один из четверых направился к нему.

Остальные опустились на мостике, сложив свои яркие крылья с легким шелестом.

Они приветствовали Джахарта, назвав его по имени и теперь с любопытством оглядывали черную галеру и ее разношерстную команду. Но особым их вниманием пользовался Карс. В их изучающих взглядах было нечто такое, что вызвало в землянине тревожное воспоминание о Шаллах.

– Наш командир, - сказал им Джахарт. - Варвар с окраин Марса, но человек действия и, к тому же, не дурак. Пловцы, должно быть, рассказали вам, как он овладел кораблем и Иваин Сарк.

– Айя, - они приветствовали Карса с серьезной торжественностью.

Землянин сказал:

– Джахарт сказал мне, что все, кто борется против сарков, могут получить свободу у Кхондора. Я поверил ему.

– С тобой будет говорить Рольд. Он возглавляет совет морских королей.

Тут кхонды, находящиеся на палубе, стали выкрикивать собственные вопросы, вопросы людей, бывших долго оторванными от дома. Люди неба ответили им ясными нежными голосами и снова взвились в небо. Крылья их трепетали в голубом воздухе, и они уходили все дальше и дальше, пока не исчезли совсем из виду.

Лорн смотрел им вслед до тех пор, пока небо над ним не опустело.

– Скоро будем у Кхондора, - сказал Джахарт и Карс обернулся к нему.

Но какой-то инстинкт заставил его вновь посмотреть в прежнем направлении и он увидел, что Лорн исчез.

В воде не было видно никаких следов падения. Он исчез под водой без звука и, должно быть, утонул сразу, как птица, влекомая на дно тяжестью бесполезных крыльев.

Джахарт проворчал:

– Такова была его воля и так для него будет лучше. - Он выругал сарков и Карс криво усмехнулся.

– Мужайся, - сказал он, - может быть нам еще удастся их победить. Как это Кхондору удалось удержаться, когда пали Джеккера и Валкис?

– Потому что даже таинственное оружие дьявольских союзников сарков, Дхувиан, не может нас там достать. Ты сам поймешь почему, когда увидишь Кхондор.

Еще до полудня они увидели землю, скалистое непривлекательное побережье. Скалы возвышались над морем, а за ними, подобно гигантской стене, громоздились поросшие лесом горы. Узкий фиорд дал прибежище рыболовецкой деревне, а там и сям, среди трав высокогорных пастбищ, что сверкали среди скал как белое пламя, одиноко темнели хижины.

Карс послал Богхаза в каюту за Иваин. Она все время оставалась там под стражей и после мятежа он видел ее только раз.

Это случилось в первую ночь после мятежа. Вместе с Богхазом и Джахартом он изучал странные приспособления, найденные ими в каюте Дхувианина.

– Это - оружие Дхувиан, которое только они умеют

использовать, - объявил Богхаз. - Теперь мы знаем, почему Иваин не нужен был сопровождающий эскорт. На борту галеры находился Дхувианин со своим оружием.

Джахарт посмотрел на предметы с ненавистью и страхом.

– Наука проклятой Змеи! Нам нужно было выкинуть их вслед за телом.

– Нет, - сказал Карс, изучая предметы. - Если бы можно было узнать, как действуют эти приспособления…

Вскоре он понял, что это невозможно без длительного изучения. Да, он прекрасно разбирался в науке. Но то была наука его собственного мира.

Эти приспособления были построены на основе знаний, почти каждая деталь которых отличалась от его собственных. А оружие Дхувиан было лишь малой частью науки Рианона!

Карсу следовало бы узнать гипнотическую машину, которую Дхувианин использовал в темноте. Маленький металлический круг, усеянный кристаллическими звездами, начинающий вращаться при легком нажатии пальца.

А когда он повернул круг, раздался тихий поющий звук, холодной дрожью отозвавшийся в его теле, так что он поспешно отложил прибор.

Остальные приборы Дхувиан были еще более непонятными. Один состоял из больших линз, окруженных странно асимметричными кристаллами. У другого было тяжелое металлическое основание, на котором был укреплен плоский металлический вибратор. Он мог лишь догадываться, что действие этих орудий основывается на законах чуждых и утонченных сонических наук.

– Ни один человек не способен понять науку Дхувиан, - пробормотал Джахарт. - Даже Сарки, состоящие в союзе со Змеей.

Он смотрел на приборы с тем суеверным ужасом, что присущ народу, не имеющему связей с наукой и обходящемуся лишь механическим оружием.

– Но возможно Иваин, дочь короля сарков, все же знает, - предположил Карс. - Стоит попробовать.

С этим намерением он прошел в каюту, в которой под охраной находилась Иваин. Она сидела там, закованная в те самые кандалы, которые были прежде на нем.

Он вошел внезапно и застал ее сидящей с низко склоненной головой и устало опущенными плечами. Но при звуке отворяемой двери она выпрямилась и посмотрела на него. Он увидел, как бледно ее лицо, как глубоко запали ее глаза.

Долгое время он молчал. Он не испытывал к ней жалости. Он просто смотрел на нее, наслаждаясь вкусом победы, наслаждаясь

мыслью о том, что может сделать с ней все, что угодно.

Когда он спросил ее об оружии Дхувиан, Иваин горько усмехнулась.

– Должно быть ты и впрямь невежественный варвар, если думаешь, что Дхувиане стали бы обучать меня своей науке. Один из них поехал со мной, чтобы показать эти предметы правителю Джеккеры, который стал слишком непокорен. Но Ссан не позволял мне даже дотрагиваться до них.

Карс поверил ей. Ее слова подтвердили то, что сказал Джахарт:

Дхувиане ревниво охраняют свое оружие даже от своих союзников, сарков.

– Кроме того, - насмешливо продолжала Иваин, - зачем тебе интересоваться наукой Дхувиан, если у тебя есть ключ от куда более великой науки, спрятанной в гробнице Рианона?

– У меня, действительно, есть ключ от этой тайны, - сказал ей Карс, и ответ этот стер с ее лица выражение насмешливости.

– Что ты собираешься делать с этим? - спросила она.

– Тут мой ответ ясен, - мрачно сказал Карс. - Какую бы силу мне не дала гробница, я использую ее против Сарка и Кара-Дху и, надеюсь, ее будет достаточно, чтобы разрушить твой город до последнего камня!

Иваин кивнула.

– Хороший ответ. А теперь, как насчет меня? Закуешь меня в цепи и привяжешь к веслу? Или убьешь меня здесь?

Он медленно покачал головой, отвечая на ее последний вопрос.

– Если бы я хотел убить тебя, я бы давно позволил своим волкам разорвать тебя на мелкие клочки.

Ее зубы сверкнули в подобии улыбки.

– В этом мало удовольствия и нет удовлетворения, не то что убить собственными руками.

– И это я тоже мог бы сделать. Здесь, в этой самой каюте.

– Ты пытался, но не убил меня. Так что же тогда?

Карс не отвечал. Он подумал о том, что чтобы он с ней не сделал, она все равно до конца будет над ним насмехаться. В этой женщине жила удивительная гордость.

Он глубоко проник в ее мысли. Рана на ее щеке может зажить и зарасти, но полностью она не исчезнет никогда. И она никогда не забудет о нем, сколько бы ни жила. Он был рад, что оставил свой след на ее лице.

– Не отвечаешь? - насмешливо сказала она. - Ты слишком нерешителен для победителя.

Мягкой кошачьей походкой Карс обошел стол. Он все еще не

отвечал. Он не знал, что ответить. Он знал лишь, что ненавидит ее такой ненавистью, какую ему еще никогда не приходилось испытывать. Он наклонился к ней и протянул руки. Лицо его было смертельно бледно.

Быстрым движением она впилась ему в горло. Пальцы ее были крепкими, как сталь, а ногти остры.

Он поймал ее за руки и отвел их. Она была так сильна, что от усилия на его руках вздыбились бугры мускулов. Она билась в молчаливой ярости, потом вдруг замерла и глубоко вздохнула. Губы ее раскрылись, и Карс ощутил поцелуй.

В этом поцелуе не было ни любви, ни нежности. Он был выражением мужского презрения, грубости и ненависти. Это продолжалось одно мгновение, а потом своими острыми зубами она укусила его за губу, и рот наполнился кровью, а она засмеялась.

– Ты, грязный варвар, - прошептала она. - Теперь тебе носить на себе мое клеймо.

Он выпрямился, глядя на нее. Потом он схватил ее за плечо и с грохотом сдернул со стула.

– Давай, давай, - сказала она. - Если тебе это нравится.

Ему захотелось раздавить ее своими руками. Ему захотелось…

Он оттолкнул ее от себя, вышел и с тех пор не подходил к этой двери.

Теперь, поглаживая свежий шрам на губе, он наблюдал за тем, как она идет с Богхазом по палубе. Она держалась очень прямо в своей украшенной драгоценностями тунике, но вокруг ее рта грубо обрисовались морщины, а глаза, несмотря на искрящийся в них горделивый огонек, были мрачными.

Он не пошел за ней. Она шла одна, со своим охранником, и Карс краем глаза посматривал на нее. Легко было догадаться, что у нее на уме. Она думала о том, что значило пленницей стоять на палубе собственного корабля.

Она думала о том, что берег, маячивший вдали - последнее ее пристанище.

Она думала о том, что должна умереть.

Впередсмотрящий крикнул:

– Кхондор!

Вначале Карс увидел лишь огромную отвесную скалу, которая высилась над волнами прибоя, короткий тупой мыс между двумя фиордами. Потом, над этим кажущимся бесплодным и пустынным местом поднялись люди неба и полетели, рассекая воздух взмахами крыльев. Появились и пловцы, подобно маленьким кометам оставляя в воде огненный след. А из глубины

фиорда возникли корабли, меньше чем галера, но быстрые как осы.

Путешествие было окончено. Черная галера, с криками и веселыми возгласами была препровождена в Кхондор.

Карс понял, что имел в виду Джахарт. Природа создала из скал неприступную крепость, окружив ее непроходимыми горами с суши, защитив гладкими утесами с моря, и оставив лишь один узкий проход - извилистый фиорд с северной стороны. А он находился под защитой баллист, которые могут сделать фиорд смертельной ловушкой для вошедшего в него корабля.

Извилистый канал в своем конце расширялся в гавань, напасть на которую не могли даже ветры. Корабли кхондов, рыбачьи лодки и скопления чужеземных судов наполняли гавань, и черная галера сверкала среди них, как королева.

Набережные и головокружительные пролеты лестниц, ведущих к вершине горы, соединяли верхние уровни с галереями-туннелями и были заполнены людьми Кхондора и других кланов, что нашли здесь убежище.

Карсу понравился их здоровый и смелый вид. Скалы и горные пики эхом отвечали их веселым голосам.

Пользуясь общим шумом, Богхаз в сотый раз посоветовал Карсу:

– Поручи мне заключить с ними сделку в обмен на тайну! Я могу заполучить для нас по королевству, даже больше, если захочешь!

И в сотый раз Карс ответил:

– Я не говорил, что обладаю тайной. А если и да, то она моя.

Распаленный Богхаз выругался и обратился к богам, спрашивая, что он сделал такого, что с ним обходятся так безжалостно.

Иваин один раз взглянула на землянина и отвела глаза.

Сверкающие пловцы, люди неба со сложенными крыльями - в первый раз Карс увидел их женщин, таких не правдоподобно прекрасных, что на них было больно смотреть - высокие красивые кхонды и прочий народ, калейдоскоп цветов и сверкание стали. Галера пришвартовалась.

Карс и его команда сошли на берег. Иваин, гордо выпрямившись, шла рядом с ним. Она несла свои кандалы так, словно это были золотые украшения, которые она сама для себя выбрала.

На набережной застыла в ожидании группа людей. Группа свирепого вида мужчин, которые выглядели так, будто в их венах вместо крови текла морская вода, вероятно, ветераны многих битв. У некоторых из них были насупленные темные лица, - У

некоторых - веселые. У одного щека и руки были изрезаны страшными шрамами.

Среди них стоял высокий кхонд в воинских доспехах, с волосами цвета сверкающей меди. Рядом с ним стояла девушка в голубой тунике.

Ее прямые белокурые волосы были отброшены на спину и поддерживались золотым ободком. На открытой груди мерцала таинственно-темным светом черная жемчужина. Левая рука ее покоилась на плече Шаллах.

Подобно остальным, основное внимание девушки было обращено на Иваин.

С некоторой горечью он обнаружил, что вся эта толпа собралась не столько для того, чтобы посмотреть на незнакомого варвара, сколько для того, чтобы увидеть в кандалах дочь Гораха Сарка.

Рыжеволосый кхонд помнил о своих обязанностях. С выражающим миролюбие жестом он сказал:

– Я Рольд из Кхондора. Мы, морские короли, рады тебя принять.

Карс ответил, хотя и видел, что человек почти забыл о нем, охваченный дикой радостью при виде плененного врага.

Им много что было сказать друг другу - Иваин и морским королям.

Карс снова посмотрел на девушку. Он слышал как Джахарт пылко приветствовал ее и знал теперь, что это Эмер, сестра Рольда.

Ему еще никогда не приходилось видеть существа, подобно ей. В ней было нечто от феи, от эльфа, хотя она и жила в человеческом мире.

Глаза ее были серыми и печальными, но рот нежным и созданным для смеха. Тело ее хранило черты той же грации, которую он заметил в халфлингах, и в то же время это было очень человеческое прелестное тело.

Она тоже обладала гордостью, равной гордости Иваин, но они были такими разными; Иваин вся состояла из блеска, огня и страсти - роза с кроваво-красными лепестками. Карс понимал ее. Он мог играть в ее же игру и победить ее.

Но он знал, что никогда не поймет Эмер. Она была частью того, что давно уже осталось за пределами его жизни. Она была потерянной музыкой и забытыми мечтами, жалостью и нежностью, тем миром, в котором он жил когда-то в детстве, но с тех пор никогда.

Внезапно она перевела взгляд и увидела его. Глаза их встретились, взгляды скрестились в ожидании. Он увидел, как

последняя тень краски сбежала с ее лица и оно сделалось подобным снежной маске. Он услышал ее слова:

– Кто ты?

– Госпожа Эмер, я - Карс, варвар.

Он увидел, как ее пальцы зарылись в мех Шаллах, а потом почувствовал на себе взгляд последней. Голос Эмер, едва различимый, ответил ему:

– У тебя нет имени. Ты тот, кем считает тебя Шаллах - чужой.

Что-то в тоне, которым она произнесла последнее слово, заставило его ощутить едва уловимую угрозу. И слова ее были так близки к правде.

Он почувствовал внезапно, что эта девушка обладает той же сверхчувствительной силой, что и халфлинги, но в ее человеческом сознании она получила еще большее развитие.

И все же он заставил себя рассмеяться.

– У вас в Кхондоре теперь, должно быть, бывает много чужих. - Он посмотрел на Пловца. - Шаллах мне не доверяет, не знаю уж почему. Говорила ли она тебе еще и о том, что я повсюду ношу с собой темную тень?

– Ей нет нужды говорить мне это, - прошептала Эмер, - твое лицо - лишь маска, а за ним темнота желаний… И они не принадлежат нашему миру.

Она приблизилась к нему медленными шагами, словно ее влекло к нему помимо ее воли. Он мог видеть капли пота на ее лице, и внезапно задрожал сам. Дрожь шла откуда-то изнутри, не подвластная телу.

– Я вижу… Я почти вижу…

Он не хотел, чтобы она говорила дальше. Он не хотел это слышать.

– Нет! - крикнул он. - Нет!

Внезапно она упала вперед, прямо на него. Он подхватил ее и отнес к серой скале, где она осталась лежать в глубоком обмороке.

Он беспомощно опустился перед ней на колени, но Шаллах спокойно сказала:

– Я о ней позабочусь.

Он встал, и Рольд с морскими королями окружили его, как стая встревоженных орлов.

– Ею овладело видение, - сказала им Шаллах.

– Но раньше оно никогда вот так к ней не приходило, - встревоженно сказал Рольд. - Что случилось? Я думал только об Иваин.

– Случившееся касается только госпожи Эмер и незнакомца, - ответила Шаллах. Сильными руками она подняла девушку и

унесла ее.

Странный внутренний страх все еще холодил грудь Карса. Они называли это "видением". Действительно, видение, не сверхъестественные, не сверхчувствительные возможности, что проникали в глубину его разума.

Во внезапным приступе гнева Карс сказал:

– Прекрасная встреча! Вначале вы все уходите, чтобы посмотреть на Иваин, потом твоя сестра падает в обморок при взгляде на меня!

– Боги! - простонал Рольд. - Прости… мы не хотели тебя обидеть. Что же до моей сестры, то она слишком похожа на халфлингов и временами впадает вот в такое забытье.

Он повысил голос:

– Эй, сюда, железнобородый, вспомним-ка о своих манерах.

Самый высокий из морских королей, седой гигант, чей смех походил на вой северного ветра, вышел вперед и прежде чем Карс осознал его намерения, его схватили за плечи и повели на набережную, откуда каждый мог его видеть.

– Слушайте все! - крикнул Рольд. - Слушайте!

При звуке его голоса толпа умолкла.

– Это Карс, варвар. Он захватил галеру, он взял в плен Иваин, он убил Змею! Как вы станете его приветствовать?

Их приветствие едва не обрушило скалы. Двое огромных людей на руках вознесли Карса по лестнице. Люди Кхондора устремились за ним, обнимая как братьев членов экипажа галеры. Богхаз с расплывшимся в улыбке лицом, обнимал каждой рукой по хихикающей девице.

Иваин шла одна среди солдат морского королевства. Человек, иссеченный шрамами, неотрывно следил за ней. В глазах его застыло мрачное безумие.

Рольд и железнобородый, тяжело дыша, поставили Карса на ноги на вершине.

– И тяжел же ты, мой друг, - улыбаясь выдавил Рольд. - Ну…

Понравились тебе наши почести?

Карс улыбнулся, лицо его было смущенным. Потом он с любопытством принялся рассматривать город Кхондор.

Монолитный город, часть самой скалы. Вершина была раздроблена, очевидно, во время землетрясения, случившегося в отдаленные века. Вдоль всей внутренней поверхности скал находились проемы и отверстия, ведущие в галереи, подняться и спуститься к которым можно было по многочисленным головокружительным лестницам.

Те, которые были слишком стары или не способны спускаться к Гавани, приветствовали их теперь с галерей или узких улиц и

площадей.

Морской ветер был на этой высоте резким и холодным, поэтому улицы Кхондора были наполнены гудением, смешивающимся с гулом голосов и биением моря внизу. С верхних утесов без конца взлетали и садились люди неба, которые, казалось, любили высокие места, хотя на улицах их было много. Их дети носились по ветру, играя в одни им ведомые игры, и смех их походил на смех эльфов.

Карс посмотрел вниз на зеленые поля и пастбища, надежно запертые в крепких объятиях гор. Это место казалось крепостью, неподвластной самому времени.

Они шли по узким улицам, обрамленным скалами и за ними бежали толпы людей, наполняя город-гнездо криками и смехом. Они вышли на широкую площадь с двумя большими входами в галереи, расположенными друг напротив друга. Возле одного из них стоял столб, посвященный богу воды и богу четырех ветров. Перед другим развевалось золотистое знамя с вышитым на нем орлом - символом Кхондора.

На пороге железнобородый хлопнул землянина по плечу.

– Сегодня на Совете будет долгий разговор а потом пир. Но у нас еще достаточно времени для хорошей выпивки. Ты как?

И Карс сказал:

– Пошли!

Глава 11. СМЕРТЕЛЬНОЕ ОБВИНЕНИЕ

Этим вечером факелы озарили банкетный зал дымным светом. Огонь запылал в круглых очагах, расположенных между колоннами, украшенными щитами и флагами многих кораблей. Вся эта большая комната была выдолблена в огромной скале вместе с галереями, смотревшими на море.

Вдоль зала были расставлены столы. Между ними бегали слуги с кувшинами вина и блюдами дымящейся, прямо с очага, дичи. Весь этот день Карс провел с железнобородым и сейчас он с некоторой тревогой отметил, что весь Кхондор празднует здесь под дикую музыку арф и пение скальдов.

Он сидел с морскими королями и предводителями пловцов и людей неба на возвышении в северном конце холла. Иваин тоже была здесь. Ее заставили стоять, и она в продолжении всего времени стояла неподвижно, с высоко поднятой головой, не выказывая никаких признаков слабости. Карс восхищался ею. Ему нравилось в ней то, что она по-прежнему была гордой Иваин.

Резные стены были украшены изображениями кораблей, захваченных в качестве трофеев во время боевых действий, и Карсу казалось, будто он окружен тенями мрачных чудовищ, внезапно оживающих в свете факелов.

Эмер нигде не было видно.

Голова Карса кружилась от вина и болтовни, и он чувствовал в себе все нарастающее волнение. Он нащупал эфес шпаги Рианона, стоявшей между его коленями. Сейчас, сейчас наступит время.

Рольд со звоном поставил кубок.

– А теперь, - сказал он, - перейдем к делу. - У него, как и у всех них, слегка заплетался язык, но он прекрасно владел собой. - А какое же у нас дело? Дело очень приятное. - Он рассмеялся. - То, о котором мы столько раз говорили - смерть Иваин Сарк!

Карс окаменел. Он ждал этого.

– Подождите! Она же моя пленница.

Все они поздравили его с этим обстоятельством и снова выпили за его здоровье, все, кроме Торна из Тарака, человека с бесполезными руками и искривленной щекой. Он весь вечер просидел молча. Он пил много, но не пьянел.

– Конечно, - сказал Рольд. - Значит выбор твой. - Он обернулся и смерил Иваин довольным взглядом. - Как она умрет?

– Умрет? - Карс встал. - Кто говорит о смерти Иваин?

Они все смотрели на него и вид у них был довольно глупый. В первый момент они были настолько удивлены, что отказались

верить своим ушам.

Иваин мрачно улыбнулась.

– Но за чем другим ты стал бы привозить ее сюда? - спросил железнобородый. - Смерть от шпаги слишком легка, иначе ты убил бы ее на галере. Разве не ради мщения ты привез ее к нам?

– Я никому ее не отдам! - выкрикнул Карс. - Я сказал, что она моя, и я говорю, что она не будет убита.

Наступила мертвая тишина. Глаза Иваин встретились взглядом с глазами землянина. В них блестела насмешка. Потом Торн из Тарака произнес одно слово:

– Почему?

Теперь он смотрел своими темными безумными глазами прямо в лицо Карсу, и землянин понял, что на этот вопрос он должен ответить.

– Потому что жизнь ее, как заложницы, слишком ценна. Разве вы - дети, что не можете этого понять? Ведь вы сможете добиться освобождения всех рабов-кхондов… Может быть, даже, сможете диктовать Сарку свои условия.

Они рассмеялись, и этот смех не был приятен.

Предводитель пловцов сказал:

– Мои люди этого не хотят.

– Мои - тоже, - сказал крылатый человек.

– И мои! - Рольд тоже вскочил на ноги. Он весь пылал от гнева. - Ты - чужеземец, Карс. Ты, возможно, не понимаешь нас!

– Нет, - сказал Торн из Тарака. - Верни ее назад. Ее, которая выучилась доброте на коленях Гораха, а мудрости - у своих учителей из Кару-Дху. Освободи ее снова, пусть она ставит свое клеймо на других, как ставила его на мне, когда подожгли мой корабль! - Он посмотрел в упор на землянина своими горящими глазами. - Пусть она живет, потому что варвар любит ее.

Карс тоже смотрел на него. Он смутно сознавал, что морские короли подались вперед, наблюдая за ним - девять военных предводителей с глазами тигров, с руками, уже сжимающими эфесы шпаг. Он знал, что губы Иваин сложились, готовые к усмешке. И он расхохотался.

– Смотрите, вы! - прогремел он, и повернулся к ним спиной, чтобы они смогли увидеть на ней шрамы от бича. - Похожи ли они на любовные письма Иваин? И Дхувианин, когда я его убивал, пел не любовную песню!

Он снова повернулся к ним лицом, разгоряченный вином, опьяненный силой, которую сознавал в себе.

– Пусть кто-нибудь из вас повторит это, и я сниму ему голову с плеч.

Посмотрите на себя. Сколько болтовни и страсти из-за жизни

какой-то девки!

Почему бы лучше вам всем не собраться и не поговорить о том, как низложить Сарка!

Все зашумели, повскакивали с мест, ругая его упрямство, потрясая кулаками.

– И о чем ты только думаешь, песочная голова? - вопил Рольд. - Неужели ты никогда не слышал о Дхувианах и их оружии? А ведь они - союзники Сарка! Как ты думаешь, сколько кхондов умерло за эти годы, пытаясь выстоять против этого оружия?

– Но предположим, - сказал Карс, - у вас появилось бы свое оружие?

В его голосе было нечто такое, что даже Рольд насторожился.

– Если у тебя есть что-то на уме, говори прямо!

– Сарк не смог бы выстоять против вас, - сказал Карс, - если бы вы овладели оружием Рианона.

Железнобородый фыркнул.

– Ох, айя, Проклятого! Найди его гробницу, передай нам его силу, и мы пойдем за тобой на Сарка.

– Значит, вы связали себя обещанием, - сказал Карс и поднял шпагу. - Смотрите сюда! Смотрите как следует! Есть среди вас хоть кто-нибудь настолько знающий, чтобы узнать эту шпагу?

Торн из Тарака протянул неизувеченную руку и взял шпагу, чтобы рассмотреть ее поближе. Потом рука его задрожала. Он посмотрел на остальных и сказал со странным благоговением в голосе:

– Это шпага Рианона.

Комната погрузилась в благоговейную тишину, а потом Карс заговорил:

– Это и есть мое доказательство. Я знаю тайну гробницы.

Тишина. Потом у железнобородого вырвалось сдавленное восклицание и остальные, как по команде, разразились громкими выкриками. Шум разгорался как пламя.

– Он знает тайну!

– Согласились бы вы противостоять оружию Дхувиан, если бы обладали великой силой Рианона? - спросил Карс.

Шум был так силен, что Рольд не сразу смог заговорить. Лицо высокого кхонда выражало сомнение.

– А сможем ли мы использовать оружие Рианона, если получим его? Мы ведь не можем понять, как действует оружие Дхувиан, находящееся в этой галере.

– Дайте мне время на то, чтобы изучить и испытать его, и я узнаю, как использовать орудия власти Рианона, - уверенно ответил Карс.

Он был уверен, что ему это под силу. Ему, конечно,

понадобится время, но он был уверен, что его знаний достаточно, чтобы понять принцип действия хотя бы части приборов, порожденных другой наукой.

Он высоко поднял огромную шпагу, заблестевшую в свете факелов, и возвысил голос.

– И если я справлюсь с этим, согласитесь ли вы улучшить этот мир?

Пойдете ли за мной на Сарк?

Все сомнения были отброшены. Возможность драться с сарками, по крайней мере на равных условиях, решила все.

Ответ морских королей был дружным и единым.

– Пойдем!

И тогда Карс увидел Эмер. Она вошла на помост из какого-то внутреннего прохода, и теперь стояла между двумя гигантскими изображениями кораблей, не сводя с Карса широко раскрытых и полных ужаса глаз.

Даже в такой момент всеобщего возбуждения что-то в ее облике привлекало внимание воинов. Повернувшись к ней, они посмотрели на нее внимательнее. Она вышла на открытое пространство перед столом. На ней было лишь свободное белое одеяние, волосы неубраны. Она выглядела так, как будто только что встала ото сна и пришла сюда в полудреме.

Но дремота эта должна была быть ужасной, тяжесть ее как будто пригибала девушку к полу. Шаги ее были медленны, дыхание тяжело, и даже эти отважные бойцы ощутили в своем сердце их тяжесть.

Эмер заговорила, и каждое ее слово было ясным и весомым.

– Я видела это раньше, когда чужестранец возник передо мною впервые, но силы покинули меня, и я не могла говорить. Теперь я скажу вам. Вы должны уничтожить этого человека. Он - опасность, он - темнота, он - смерть для всех нас!

Иваин насторожилась, глаза ее сузились. Карс почувствовал на себе ее взгляд, полный жгучего интереса. Но все его внимание было приковано к Эмер. Вновь, как тогда на набережной, душа его наполнилась странным ужасом, не имевшим ничего общего с тем, что он испытывал перед необычной сверхчувствительностью этой девушки.

Вмешался Рольд, и Карс овладел собой.

"Дурак, - подумал он, - принимать всерьез женскую болтовню, женское воображение…"

– …тайну гробницы! - говорил между тем Рольд. - Разве ты не слышала? Он может дать нам могущество Рианона!

– Айя, - мрачно сказала Эмер. - Я слышала и верю в это. Он хорошо знает место, где скрыта гробница и знает оружие, которое

там находится.

Она подошла ближе к Карсу, посмотрела на него, стоящего при свете факелов со шпагой в руке. Теперь она обращалась прямо к нему:

– Почему бы не знать об этом тебе, кто так долго просидел там в темноте? Почему бы не знать об этом тебе, кто собственными руками создал эту дьявольскую силу?

Была ли жара и вино причиной того, что каменные стены закружились и холод их ударил ему в грудь. Он попытался заговорить, но слов не получилось - лишь хриплый непонятный звук. Голос Эмер возвысился, безжалостный, уверенный.

– Почему бы не знать об этом тебе - тебе, Проклятому, Рианону!

Каменные стены вернули слово и повторяли его до тех пор, пока зал не наполнился призрачным именем - Рианон! Карсу показалось, что корабли шевельнулись при этом звуке и затрепетали знамена. А девушка стояла неподвижно, ожидая его слов, но во рту у него было сухо и пусто.

Все они смотрели на него, и Иваин, и морские короли - и эта пугающая тишина поглотила собой все, и выпитое вино, и забытое празднество.

Словно он был павшим Люцифером, коронованным всей злобой мира.

Потом Иваин рассмеялась, и в ее смехе слышалась нотка торжества.

– Так вот почему! Теперь я понимаю, почему ты выкрикнул имя Проклятого там, в каюте, когда восстал против власти Кару-Дху, сопротивляться которой не может ни один человек, и убил Ссана.

Голос ее звенел насмешкой.

– Приветствую тебя, господин Рианон!

Он вновь обрел способность говорить.

– Ты лжешь, мегера! Ты тешишь этим свою гордость. Ни один человек не может одолеть Иваин Сарк, но бог - другое дело.

Он закричал на всех них:

– Вы что - дураки или дети, что слушаете это безумие? Ты, Джахарт, ты ведь сидел рядом со мной у весла. Разве не текла моя кровь под ударами бича, как у обыкновенного раба?

Джахарт задумчиво сказал:

– В первую ночь на галере я слышал, как ты выкрикнул имя Рианона.

Карс выругался. Он повернулся к морским королям.

– Вы же воины, а не девки-служанки. Пошевелите мозгами. Разве я похож на разгуливающего мертвеца?

Уголком глаза он увидел, что Богхаз идет к помосту, а там и здесь полупьяные воины с галеры вытаскивают шпаги, вскакивают и устремляются за ним.

Рольд положил руки на плечи Эмер и строго сказал:

– Что заставило тебя сказать это, сестра?

– Я говорю не о теле, - сказала Эмер, - а только о духе. Дух могущественного Проклятого может жить и жить. Он продолжал жить и теперь каким-то образом вошел в этого варвара и спрятался в клетках мозга.

Она вновь повернулась к Карсу.

– Ты и сам чужой и странный, и за одно это я стала бы бояться тебя, ибо не понимаю тебя. Но за одно это я не стала бы желать тебе смерти. Но я говорю, что Рианон смотрит сквозь твои глаза и говорит твоим языком, и в твоих руках его шпага и скипетр. И из-за этого я требую твоей смерти.

Карс хрипло сказал:

– И вы хотите слушать это безумное дитя?

Но он видел облако глубокого сомнения на их лицах. Суеверные дураки!

В этом настоящая опасность.

Карс оглядел своих людей, соображая, есть ли у него шансы на победу, если дело дойдет до драки. Про себя он выругал желтоволосую девку, произносившую эти невероятные, невозможные, безумные слова.

Да, безумные. И все же дрожащее пламя страха в его собственном сердце превратилось в один сильный жаркий луч.

– Если мною овладели, - рявкнул он, - разве я не узнал бы об этом первым?

"Разве не узнал бы?" - эхом отозвался этот вопрос в мозгу Карса. И он вернулся памятью к прошлому кошмару темной гробницы, где ему почудилось присутствие чего-то чужого и жаждущего, снам и полузабытым воспоминаниям, которые не были его собственными.

Нет, не правда. Это не могло быть правдой. Он не позволил бы существовать такой правде.

Богхаз поднялся на помост. Он бросил на Карса лишь один странный и острый взгляд, но когда он обратился к морским королям, речь его была искусной и дипломатичной.

– Нет сомнения в том, что мудрость госпожи Эмер не сравнима с моей, и я не собираюсь вести себя неуважительно по отношению к ней. Но этот варвар - мой друг, и говорю я о том, что знаю сам. Он тот, за кого себя выдает, не больше и не меньше.

При этих словах люди с галеры разразились угрожающими возгласами.

Богхаз продолжал:

– Подумайте, господа мои. Стал бы Рианон убивать Дхувианина и объявлять войну саркам? Стал бы он предлагать победу Кхондору?

– Нет! - сказал железнобородый. - О, боги, конечно не стал бы. Он стоял бы за отродье Змеи.

Эмер заговорила, привлекая их внимание.

– Господа мои, лгала ли я когда-нибудь вам? Давала вам неверные советы?

Они покачали головами, и Рольд сказал:

– Нет. Но сейчас одного твоего слова недостаточно.

– Хорошо, забудьте о моем слове. Есть способ доказать - Рианон он или нет. Пусть пройдет испытание перед Мудрыми.

Рольд, нахмурившись, подвергал себя за бороду. Потом он кивнул.

– Мудро сказано, - согласился он, и остальные присоединились к его словам.

– Айя… Пусть будет доказано.

Рольд посмотрел на Карса:

– Ты подчинишься?

– Нет, - сердито бросил Карс. - Не подчинюсь. К черту всю эту суеверную чушь! Если моего предложения показать вам гробницу недостаточно для того, чтобы вас убедить, что ж, действуйте сами, без меня.

Лицо Рольда напряглось.

– Ничего дурного с тобой не случится. Если ты не Рианон, то бояться тебе нечего. Еще раз спрашиваю: ты подчинишься?

– Нет.

Он начал отступать к столу, к своим людям, которые, по-волчьи ощерившись, уже приготовились к драке. Но Торн из Тарака схватил его за лодыжку, когда он проходил мимо него, и люди Кхондора налетели на людей с галеры и обезоружили их прежде, чем успела пролиться кровь.

Карс дрался с морскими королями, как дикое животное. Его припадок ярости длился до тех пор, пока железнобородый не ударил его, с сожалением, рогом для вина по голове.

Глава 12. ПРОКЛЯТЫЙ

Темнота отступала медленно. Вначале Карс воспринял звуки - шум струящейся поблизости воды, биение прибоя за каменной стеной. Если не считать этих звуков, мир был погружен в тишину.

Потом появился свет, неяркое мягкое свечение. Открыв глаза, он увидел высоко над собой хоровод звезд, а ниже - арковидную скалу, блестевшую кристаллами, которые светились мягким светом.

Он находился в пещере у моря, гроте, получающем свет от бассейна, наполненного молочным пламенем. Когда способность ясно видеть вернулась к нему, он увидел, что на противоположной стороне бассейна имеется возвышение с ведущими к нему ступенями. Морские короли стояли там, а рядом с ними - Иваин в кандалах, Богхаз и предводители пловцов и людей неба. Все наблюдали за ним, не произнося ни слова.

Карс обнаружил, что привязан к тонкому каменному шпилю, одиноко возвышающемуся в этом месте. Перед ним, по пояс в бассейне, стояла Эмер.

Черная жемчужина блестела у нее на груди, капли воды, подобно алмазам, блестели на ее волосах. В руках она держала огромный необработанный драгоценный камень скучно-серого цвета, тусклый, словно спящий.

Увидев, что он открыл глаза, она ясным голосом сказала:

– Придите, о хозяева мои! Время настало.

Шепот сожаления наполнил грот. Поверхность бассейна всколыхнулась, фосфоресцирующая рябь прошла по ней, вода мягко разошлась и три фигуры медленно возникли из глубины рядом с Эмер. Это были головы трех пловцов, убеленных годами.

Глаза их были самым ужасным, что когда-либо приходилось видеть Карсу, ибо они были молоды чужеродной молодостью, молодостью, которой не было в их телах, и в них была мудрость и сила, напугавшие его.

Он выпрямился, насколько это позволяли ему эти узы, все еще не совсем пришедший в себя от удара, нанесенного железнобородым, и услышал над собой шум, как будто огромные птицы вылетели из своего гнезда.

Посмотрев наверх, он увидел на прячущихся в тени выступах три темные фигуры старых-старых существ - людей неба, с устало сложенными крыльями, и на их лицах тоже застыл свет отторгнутой от плоти мудрости.

Он наконец обрел дар речи. Он принялся рваться и бороться, пытаясь освободиться, но огромный спокойный свод поглотил его

голос, а узы были слишком крепки.

В конце концов он понял, что его усилия бесполезны. Усталый и потрясенный, он снова прислонился к стене.

Тогда из-за выступа наверху послышался хриплый шепот.

– Маленькая сестра, подними камень мысли.

Эмер подняла затуманенную драгоценность, которую держала в руке.

Наблюдать за этим было удивительно. Вначале Карс ничего не понял.

Потом он увидел, что по мере того, как глаза Эмер и Мудрых тускнели и застилались туманом, драгоценный камень становился все более ясным и сверкающим.

Казалось, будто вся сила их разумов вливалась в определенную точку кристалла, прорезала его единым сильным лучом. И он почувствовал, как этот общий разум воздействует на его мозг!

Карс смутно ощущал их действия. Мысли сознания являлись электрическими пульсациями, передающиеся нервами. Электрическая пульсация может быть заторможена, нейтрализована более сильным противоимпульсом, подобным тому, который они создавали, фокусируя свои мысли на электрочувствительном кристалле.

Самим им было неведомо научное объяснение их натиска на его сознание!

Эти халфлинги, обладающие сверхчувствительными органами, возможно, уже давно обнаружили, что кристаллы могут собирать их разумы воедино, и использовали это открытие, не зная его научного объяснения.

– Но я смогу отразить их, - прошептал Карс сам себе. - Я смогу всех их отразить!

Его привело в ярость это спокойное, безличное нападение на его сознание. Он сопротивлялся ему изо всех сил, но сил этих было недостаточно.

А потом, как бы раньше, перед тем, как он увидел поющие звезды Дхувианина, какая-то сила в нем, казалось вовсе не принадлежащая ему, пришла на помощь.

Она выстроила барьер против мудрых и держала его, пока Карс не застонал в агонии. Пот градом катился по его лицу, тело его корчилось, и он смутно сознавал, что сейчас умрет, что он не может дальше этого выдержать.

Его разум походил на запертую комнату, дверь в которой распахнулась внезапно, под порывами бешеного ветра, поднявшего тучу воспоминаний и всколыхнувшего подернутые пылью мечты, проникнувшего повсюду, даже в самые темные

уголки сознания.

Во все, исключая один. В одно место, где тень была крепкой и непроницаемой, и не могла быть развеянной.

Драгоценность блестела в руках Эмер. И спокойствие, похожее на молчание, установилось в пространстве между звездами.

Ясно прозвучал голос Эмер:

– Рианон, говори!

Темная тень, которую Карс ощущал в своем сознании, вздрогнула, пошевелилась, но не подала никаких сигналов. Он чувствовал, что она ждет и наблюдает.

Тишина пульсировала. По другую сторону бассейна наблюдатели тревожно зашевелились на выступе.

Послышался дрожащий голос Богхаза:

– Это безумие! Как может этот варвар быть Проклятым, жившим давным-давно?

Но Эмер не обратила на его слова никакого внимания, поднимая драгоценность все выше и выше.

– Мудрые обладают силой, Рианон! Они могут разрушить разум этого человека. Они разрушат его, если ты не заговоришь! - Теперь в голосе ее звучала кровожадная радость.

– Что ты тогда будешь делать? Вползешь в мозг и тело другого человека? Ты не можешь этого, Рианон! Ибо если бы ты мог еще это сделать, то ты бы уже сделал это!

Железнобородый хрипло сказал с той стороны бассейна:

– Мне это не нравится!

Но Эмер была безжалостна, и теперь ее голос заполнил для Карса весь мир - неумолимый и ужасный.

– Разум человека гибнет, Рианон. Еще минута-другая, и единственное твое орудие превратится в беспомощного идиота. Говори, если хочешь спасти его!

Ее голос возвысился, эхом отдаваясь от свода пещеры, и драгоценность в ее руке казалась воплощением пламени и силы.

Карс почувствовал, как задвигалась тень в его сознании - в сомнении, страхе…

А потом эта тень внезапно словно овладела мозгом и телом Карса, завладела каждым его атомом. И он услышал свой голос, чужой по тону и тембру, выкрикивающий:

– Пусть разум человека живет! Я буду говорить!

Громовое эхо этого ужасного крика медленно умерло, а Эмер сделала один нетвердый шаг назад, потом другой, как будто ноги отказались держать ее.

Драгоценность в ее руке внезапно потускнела. Круги пошли по воде от движений Пловцов, ушедших в глубину. Люди Неба

взвились вверх. И в глазах их всех был свет осознания и страха.

У застывших в неподвижности людей, у Рольда и морских королей вырвался единый крик:

– Рианон! Проклятый!

Карсу показалось, что даже Эмер, которая осмелилась вызвать то, что было глубоко скрыто, на открытый поединок, боится теперь того, что разбудила.

Мечты, иллюзии, видения в воспаленном мозгу - вот чему он пытался приписать то странное, что жило в нем. Но не теперь! Не теперь! Он знал правду, и знание это было ужасно.

– Это ничего не доказывает! - взвился Богхаз. - Вы его загипнотизировали, заставили признать невозможное.

– Это Рианон, - прошептала одна из Пловцов. Она высунула из воды покрытый белой шерстью лоб. - Это Рианон в тебе, чужеземец.

А потом резко крикнула:

– Убейте этого человека, прежде чем Проклятый использует его для того, чтобы всех нас уничтожить.

И стены закричали в ответ на все голоса:

– Убить его! Убить!

Карс беспомощный в руках того, что владело им, чувствовал дикое беспокойство этого "нечто". Он услышал звенящий голос, который не был его собственным.

– Подождите! Вы боитесь, потому что я - Рианон. Но я вернулся не для того, чтобы причинить вам зло.

– А для чего же ты тогда вернулся? - прошептала Эмер.

Она смотрела в лицо Карса. И по выражению ее расширившихся глаз Карс понял, что лицо его должно быть странно и страшно.

Губами Карса Рианон ответил:

– Я пришел искупить свой грех.

Белое, полное ужаса лицо Эмер вспыхнуло от ненависти.

– О, король лжецов! Рианон, который принес в наш мир дьявола, дав силу Змее, который был приговорен и наказан за свое преступление - Рианон, Проклятый, превращается в святого.

Она рассмеялась, и этот горький смех, в котором совмещались ненависть и страх, был подхвачен Пловцами и Людьми Неба.

– Ради собственных интересов вы должны мне поверить! - в голосе Рианона зазвучал гнев. - Неужели вы не хотите даже выслушать меня?

Карс почувствовал всю страстность того неведомого, что использовало его столь нечестным образом. Он был один с этим чужим сердцем, наполненным чужой страстью и горечью, но в то

же время таким одиноким, что никто другой не мог понять ужаса этого одиночества.

– Слушать Рианона? - крикнула Эмер. - Разве тогда, давным-давно, Куири слушали его? Они судили его за грех!

– Неужели вы лишите меня возможности искупить свою вину? - голос Проклятого звучал теперь почти умоляюще. - Неужели вы не понимаете, что этот человек Карс, моя единственная возможность исправить то, что я наделал.

Голос его возвышался, сильный, полный страсти.

– Годы и годы я лежал, неподвижный и думающий в том заключении, которое не под силу даже гордому Рианону. Я осознал свой грех. Я желал исправить его, но не мог.

Потом в мою гробницу и тюрьму пришел извне человек, Карс. Я впустил в его мозг нематериальную электрическую паутину своего сознания. Я не мог возобладать над ним, ибо разум его был чужим и иным. Но я мог немного влиять на него, и решил, что смогу действовать через него.

Но его тело не принадлежало этому миру. И чувствуя это, я не осмеливался дать ему понять, что я нахожусь в его мозгу.

Я думал, что через него смогу найти способ уничтожить Змею, которую я, к моей величайшей скорби, поднял из пыли много лет назад.

Страстная исповедь, срывавшаяся с губ Карса, была прервана дрожащим голосом Рольда. Взгляд Рольда был совершенно диким.

– Эмер, пусть Проклятый замолчит! Снимите с человека свои чары!

– Снимите чары! - эхом отозвался железнобородый.

– Да, - прошептала Эмер. - Да.

Снова драгоценный камень был поднят, и теперь Мудрые собрали свою силу, увеличенную тем ужасом, что жил в них. Электрочувствительный кристалл вспыхнул и показался Карсу лучом света, пронизывающим его мозг.

Рианон боролся с ним изо всех сил, боролся в безумном отчаянии.

– Вы должны слушать! Вы должны верить!

– Нет! - сказала Эмер. - Молчи! Освободи человека, или он умрет!

Еще один дикий протест, прерванный яростным нажимом Мудрых. Мгновение колебания… укол боли, слишком глубокий для того, чтобы ее мог понять человек - и барьер исчез.

Чужое присутствие, ощущение захвата плоти исчезло, и сознание Мэтью Карса поглотило тень и скрыло ее. Голос Рианона умолк.

Тело Карса обмякло, как неживое. Кристалл излучал свет. Руки Эмер упали. Голова ее склонилась к груди так, что яркие волосы упали ей на лицо. Мудрые тоже скрыли свои лица и застыли в неподвижности. Морские короли, Иваин, даже Богхаз остались безмолвными, подобно людям, только что избежавшими уничтожения и лишь теперь осознавшими, как близко они находились к смертельной черте.

Карс застонал. В течении долгого времени этот хриплый звук был единственным, нарушавшим общую тишину.

Наконец Эмер сказала:

– Этот человек должен умереть.

Теперь все его существо не выражало ничего, кроме бесконечной усталости и мрачной убежденности. Карс услышал угрюмый ответ Рольда.

– Айя. Другого выхода нет.

Богхаз начал было говорить, но ему не дали.

Карс с трудом произнес:

– Это не правда. Такого не бывает.

Эмер подняла голову и посмотрела на него. Ее отношение к нему теперь изменилось. Она, казалось, не боялась больше Карса, а лишь жалела его.

– Но ты же знаешь, что это правда.

Карс молчал. Он знал.

– Ты ничего дурного не сделал, чужеземец, - сказала она. - В твоем сознании я вижу многое, что кажется мне странным, чего я не могу понять, но дьявола в нем нет. И все же в тебе живет Рианон, а мы не смеем позволить ему жить.

– Но он не может управлять мною! - Карс сделал усилие встать, подняв голову, чтобы всем было слышно, но голос его, как и тело, был лишен силы.

– Вы слышали, как он сам это признал. Он не может возобладать надо мной.

Моя воля - это моя воля.

Иваин медленно проговорила:

– А как насчет Ссана и шпаги? Тогда тобой руководил не разум варвара Карса.

– Он не может руководить тобой, - сказала Эмер, - кроме тех случаев, когда границы твоего собственного сознания ослаблены сильным потрясением.

Огромный страх, может даже беспамятство, вызванное сном или вином, и Проклятый получит эту возможность, и тогда будет уже слишком поздно.

Рольд сказал:

– Мы не можем идти на риск.

– Но я же могу выдать вам тайну гробницы Рианона! - крикнул Карс.

Он видел, что это обещание подействовало на них, и продолжал:

– И вы называете это справедливостью, вы, люди Кхондора, бросившие вызов саркам? И вы приговорите меня, зная, что я не виновен? И вы окажетесь такими трусами, что обречете свой народ на бесконечную жизнь под вечной угрозой из-за какой-то тени из прошлого? Позвольте мне отвести вас к гробнице. Позвольте мне добиться победы. Это докажет вам, что я не имею с Рианоном ничего общего.

Рот Богхаза в ужасе раскрылся:

– Нет, Карс, нет! Не выдавай им ее!

Рольд закричал:

– Молчать!

Железнобородый угрюмо рассмеялся:

– Позволить Проклятому захватить собственное оружие? Это было бы настоящим безумием!

– Хорошо, - сказал Карс. - пусть идет Рольд. Я нарисую для него карту. Держите меня здесь. Это будет достаточно безопасно. Вы сможете быстро убить меня, если мною завладеет Рианон.

На это они пошли. Единственным более сильным чувством, чем ненависть к Проклятому, было горячее желание получить легендарное мощное оружие, с помощью которого можно было добиться победы и свободы для Кхондора.

Они еще медлили в нерешительности. Но их решение было ясно Карсу еще до того, как Рольд обернулся к нему и сказал:

– Мы согласны, Карс. Убить тебя было бы безопаснее, но нам нужно это оружие.

Карс почувствовал, как признак неминуемой смерти отступил.

– Дело будет нелегким. Гробница находится неподалеку от Джеккеры, - предупредил он.

Железнобородый спросил:

– Что будем делать с Иваин?

– Убить и немедленно! - хрипло отозвался Торн из Тарака.

Иваин молчала, глядя на них с холодной отрешенностью.

Но вмешалась Эмер.

– Рольд будет в опасности. Пока он не вернется, Иваин должна оставаться у нас как заложница.

И только тут Карс обратил внимание на то, что Богхаз стоит в стороне, горестно качая головой, и слезы струятся по его толстым щекам.

– Он выдал им тайну, которая стоит королевства! - причитал

Богхаз. - Я ограблен.

Глава 13. КАТАСТРОФА

Дни, последовавшие за описанным выше, были для Карса долгими и странными. Он начертил по памяти план расположения холмов за Джеккерой и указал местонахождение гробницы. Рольд изучал план до тех пор, пока не изучил его, как собственный дом. Потом папирус был сожжен.

Рольд взял один корабль, подобрал команду и ночью покинул Кхондор.

Джахарт отправился с ним. Каждый понимал опасность этого путешествия. Но один быстроходный корабль с пловцами, показывающими путь, мог избежать патрулей сарков. Корабль надлежало затем скрыть в тайной пещере, находящейся западнее Джеккеры - эта пещера была известна Джахарту - остальной же путь предстояло проделать по суше.

– Если при возвращении дела наши сложатся плохо, - мрачно сказал Рольд, - мы немедленно потопим корабль.

После того, как корабль отплыл, всем остальным осталось только ждать.

Карс никогда не оставался один. Ему были предоставлены три маленькие комнатки в отдаленной части дворца, и с ним все время находилась охрана.

Отравляющий душу страх все время присутствовал в его мозгу, как бы он с ним ни боролся. Он ловил себя на том, чтоб без конца прислушивается, не заговорит ли в нем внутренний голос, следит за проявлением знака или жеста, но принадлежащих ему самому. Ужас происшедшего в убежище Мудрых оставил свои следы. Теперь он знал. А зная, он ни на мгновение не мог забыть о том, что знал.

Не страх смерти так тяжко воздействовал на него, хотя он был человеком и не хотел умирать. Ужасно было жить в постоянном ожидании того момента, когда перестанешь быть самим собой, когда сила извне полностью завладеет твоим мозгом и телом. Это сознание присутствия Рианона было страшнее, нежели угроза безумия.

Эмер снова и снова приходила, чтобы беседовать с ним и изучать его.

Он понимал, что она ищет в нем следы присутствия Рианона. Но он также понимал, что пока она улыбается, он в безопасности.

Больше она не пыталась заглянуть в его сознание. Но однажды она заговорила о том, что видела в нем раньше.

– Ты пришел из другого мира, - сказала она со спокойной уверенностью.

– Думаю, я поняла это сразу, как только тебя увидела. Воспоминания о нем жили в твоей памяти - отверженное пустынное место, очень страшное и печальное.

Карс кивнул.

– Да, в нем много горечи. Но есть в нем и своя красота.

– Красота есть даже в смерти, - сказала Эмер, - но я рада, что живу.

– Тогда забудем об этом другом мире. Расскажи мне об этом, таком живом. Рольд сказал, что ты очень похожа на халфлингов.

Она рассмеялась.

– Он иногда упрекает меня, говоря, что я - другая, и вообще не человек.

– Сейчас, когда лицо твое купается в лунном свете и волосы пронизаны им, ты и впрямь похожа на человека, - сказал он ей.

– Иногда я жалею, что эта была правда. Ты никогда не был на "островах людей неба"?

– Нет.

– У них есть нечто вроде замков, выступающих из моря, и эти замки высотой почти такие, как Кхондор. Когда люди неба брали меня туда, я сожалела о том, что у меня нет крыльев, ибо я должна была пользоваться чьей-то помощью или же оставаться на поверхности, тогда как они летали и кружились вокруг меня. Тогда мне подумалось, что умение летать - самое прекрасное, что есть в мире, и я плакала от того, что оно мне недоступно.

Но когда я с пловцами, я чувствую себя более счастливой. Тело мое очень похоже на их тела, хотя и не такое ловкое. И это удивительно, до чего же удивительно - погружаться в сверкающую воду и видеть сады, которые они разводят, со странными морскими цветами, растущими на клумбах, и немногими яркими рыбками, что носятся среди этих цветов, как птицы.

А их города, серебряные шары во впадинах океана. Небеса, пылающие огнем, похожие на расплавленное золото, когда сияет солнце, и серебристые ночью. Там всегда тепло и там есть маленькие бассейны для детей. Дети учатся в них, закаляются для открытого моря.

Я многое узнала от халфлингов, - закончила она.

– Но ведь и Дхувианы - тоже халфлинги? - спросил Карс.

Эмер вздрогнула.

– Дхувианы - самая старшая раса из халфлингов. Их осталось немного, а те, кто остался, все живут в Кару-Дху.

Карс внезапно спросил:

– Ты обладаешь мудростью халфлингов. Скажи мне, есть ли способ избавиться от того чудовищного, что сидит во мне?

Она мрачно ответила:

– Даже Мудрым неведомо так много.

Землянин в ярости ударил сжатыми в кулаки руками по каменной стене.

– Лучше бы вы убили меня там, в пещере!

Эмер накрыла его руку своей мягкой ладонью и сказала:

– Всегда есть время для смерти.

После ее ухода Карс в течении нескольких часов мерил шагами пол, желая найти забвение в вине и не решаясь его выпить, боясь сна. Когда наконец усталость взяла свое, охранники окружили его постель, а один пристально следил за его лицом со шпагой наготове и наблюдал, готовый мгновенно разбудить его, если он уснет достаточно крепко.

И он действительно засыпал. Иногда его сны были ничем иным, как кошмарами, порожденными его состоянием, но иногда темный шепот вползал в его сознание, говоря:

"Не бойся. Позволь мне говорить, ибо я должен рассказать тебе…"

Много раз Карс просыпался от звука собственного крика, и острие шпаги оказывалось у самого его горла.

"Я не собираюсь делать ничего плохого или злобного. Я могу прекратить твои страхи, если ты согласишься слушать!"

Карс думал, к чему он придет раньше: сойдет ли он с ума или бросится с балкона в море.

Богхаз был к нему ближе, чем когда-либо. Его, казалось, очаровывало то, что проникло в Карса. Он тоже испытывал суеверный ужас, но недостаточно сильный, чтобы забыть о том, что гробница будет найдена.

– Я же просил тебя взять меня в долю! - без конца повторял он. - Самый главный источник силы на Марсе, и ты выдал его тайну! Выдал, не добившись от них обещания, что они хотя бы не станут тебя убивать, когда воспользуются тайной.

В безнадежности он взмахнул толстой рукой.

– Я снова повторяю: ты ограбил меня, Карс. Лишил меня королевства.

А Карс впервые радовался жадности валкисианина, потому что благодаря ей не оставался один. Богхаз сидел, выпивая огромное количество вина, кидал время от времени взгляд на Карса и посмеивался.

– Люди всегда говорили, что во мне сидит дьявол. Но в тебе, Карс - вот это дьявол!

"Позволь мне говорить, Карс, и ты непременно поймешь!"

Карс сжимался в комок. Глаза его суживались, руки начинали дрожать.

Потом крылатый человек принес в Кхондор новости.

Карсу о случившимся сообщила Эмер. Да она могла и не говорить. Увидев ее лицо, белое как смерть, он все понял.

– Рольд так и не достиг гробницы, - сказала она. - Патруль Сарка схватил их. Говорят, что Рольд пытался убить себя, чтобы спасти тайну, но ему не дали. Его забрали в Сарк.

– Но сарки ведь не знают о том, что он обладает тайной, - запротестовал Карс, цепляясь за эту надежду, как за соломинку. Но Эмер покачала головой.

– Они не дураки. Они захотят узнать планы Кхондора и причины, по которым он пустился в Джеккеру с одним лишь кораблем. Его будет допрашивать Дхувианин.

Карс сразу понял, что это означает. Гипнотическая наука Дхувиан почти возобладала над его собственным, совершенно чуждым этому миру сознанием.

Секреты Рольда они узнают мгновенно.

– Значит, никакой надежда?

– Никакой, - сказала Эмер. - Ни теперь, ни когда-либо.

Некоторое время они сидели молча. Ветер выл в галерее, а волны с мрачным гулом разбивались о скалы внизу.

Карс спросил:

– Что же теперь будет?

– Морские короли послали сообщение во все свободные побережья и острова. Скоро здесь соберутся все корабли и люди, и железнобородый поведет их на Сарк. Есть еще немного времени. Даже когда Дхувиане узнают тайну, им понадобится время на то, чтобы добраться до гробницы, перевезти оружие и узнать как им пользоваться. Если мы сможем до тех пор сокрушить Сарк…

– Вы сможете победить темных?

Она честно ответила:

– Нет. Дхувианы вмешиваются и даже то оружие, что у них уже есть, будет использоваться против нас. Но мы должны попытаться и умереть, если попытка не удастся, ибо эта смерть будет лучше, чем та, которая ждет нас, если Кхондор сравняют с землей.

Он стоял, глядя на нее, и ему казалось, что в него жизни не было более горькой минуты.

– Морские короли возьмут меня с собой?

Глупый вопрос. Он знал, какой получит ответ раньше, чем она дала его ему.

– Сейчас они считают, что все это придумал Рианон - обмануть Рольда, чтобы секрет достался Кару-Дху. Я говорила им, что это не так, но…

Она устало махнула рукой и отвернулась.

– Железнобородый, думаю, верит мне. Он позаботится о том, чтобы твоя смерть была быстрой и безболезненной.

Через некоторое время Карс спросил:

– А Иваин?

– Этим занимается Торн из Тарака. Ее они возьмут с собой, когда пойдут на Сарк, заковав.

Снова установилась тишина. Карсу показалось, что даже воздух сгустился и давит ему на сердце.

Он обнаружил, что Эмер незаметно ушла. Он повернулся и вышел на галерею, где остановился, глядя на море.

– Рианон, - прошептал он, - я проклинаю тебя. Я проклинаю ту ночь, когда увидел шпагу и я проклинаю тот день, когда пришел в Кхондор с обещанием показать твою гробницу.

Свет померк. Море походило на ванну, полную крови при свете заходящего солнца. Ветер донес до него крики из города и с кораблей, стоящих в фиорде.

Карс беззвучно рассмеялся.

– Ты получил то, что хотел, - сказал он тому, что сидело в нем, - но долго ты этим наслаждаться не будешь.

Но триумф этот был невелик.

Напряжение последних нескольких дней и этот конечный удар были слишком непосильным грузом для любого человека. Карс сел на резную скамью, положил голову на руки и долго сидел так, слишком усталый, чтобы что-то испытывать.

Голос из темноты что-то зашептал в его мозгу, и в первый раз Карс не в силах был ему сопротивляться.

"Я мог бы спасти тебя, если бы ты слушал. Все вы дураки, потому что вы не хотите меня слушать!"

– Очень хорошо… Говори, - прошептал Карс угрюмо. - Зло совершилось, и железнобородый скоро будет здесь. Входи, Рианон. Говори.

И он начал говорить, наполняя сознание Карса голосом мыслей, бушуя и умоляя в отчаянии.

"Если бы ты поверил мне, Карс, я все еще смог бы спасти Кхондор.

Отдай мне свое тело, позволь мне использовать его…"

– Даже и сейчас я не слишком далеко для этого зашел. "Боги милостивые! - мысли Рианона были наполнены гневом. - И времени так мало…"

Карс почувствовал, как он борется со своей яростью, взяв себя в руки ужасным усилием воли.

"В гроте я сказал правду. Ты был в моей гробнице, Карс, как ты думаешь, сколько времени я смог пролежать один в ужасной черноте, вне пространства и времени, прежде чем совершенно

изменился? Я не бог! Как бы вы ни называли нас, Куири никогда не были богами - мы лишь раса людей, пришедшая раньше, чем все другие.

Меня называют дьяволом, Проклятым - но я никогда им не был!

Тщеславным и гордым - да, и еще дураком, но злоба была чужда моим намерениям. Я обучил народ Змеи, потому что он был достаточно умен и обманул меня, а когда он использовал полученные от меня знания на дьявольские цели, я пытался помешать ему и не смог, ибо они уже знали от меня, как защищаться, и даже моя сила не могла их настичь в Кару-Дху.

И все равно мои братья Куири судили меня, они приговорили меня к заключению вне пространства и времени в месте, приготовленном ими, и заключение это должно было длиться до тех пор, пока плоды моего греха будут ощущаться в этом мире. Потом они оставили меня. Мы были последними потомками нашей расы. Их ничто здесь не удерживало, они ничего не могли сделать. Они желали только мира и познания. Поэтому они пошли по дороге, выбранной ими. А я ждал. Знаешь ли ты, чем может стать ожидание?"

– Думаю, ты его заслужил, - хриплым голосом сказал Карс. Внезапно он насторожился. Тень, начало надежды…

Рианон продолжал:

"Да, заслужил. Но если бы ты дал мне возможность искупить свой грех, освободиться и последовать за своими братьями!"

Голос мысли возвысился, и страстность его была сильна, опасно сильна.

"Одолжи мне свое тело, Карс! Одолжи мне свое тело и я все сделаю!"

– Нет! - закричал Карс. - Нет!

Он встрепенулся, сознавая теперь опасность, борясь изо всех сил с настойчивостью просьбы. Он отбросил то, что стучалось в его мозг, закрыл перед ним свой разум.

– Ты не можешь овладеть мною, - прошептал он. - Не можешь!

"Нет, - горько вздохнул Рианон, - не могу!"

И внутренний голос пропал.

Карс прислонился к каменной стене, мокрый и потрясенный, но озаренный последней отчаянной победой и надеждой. Собственно, пока это была лишь искра надежды, но и ее было достаточно, чтобы вдохновить его. Что угодно лучше, чем ждать смерти подобно мыши, попавшей в западню.

Если бы боги удачи дали ему хоть немного времени…

Он услышал скрип отворяемой двери, слова команды, и сердце его заныло. Затаив дыхание, он стоял и слушал, думая, что

сейчас раздастся голос железнобородого.

Глава 14. ОТВАЖНОЕ РЕШЕНИЕ

Но это был не железнобородый. Это был Богхаз. Он пришел один и выглядел измученным и печальным.

– Меня прислала Эмер, - сказал он. - Она сообщила мне трагическую новость, и я пришел попрощаться.

Он взял Карса за руку.

– Морские короли держат свой последний совет перед тем, как идти на Сарк, но он продлится недолго. Друг мой, мы столько пережили вместе. Ты стал мне как родной брат, и это расставание раздирает мое сердце.

Толстый валкисианин казался искренне взволнованным. Когда он посмотрел на Карса, в глазах его блестели слезы.

– Да, как родной брат, - повторил он дрожащим голосом. - Нам, как и братьям приходилось ссориться, но приходилось и вместе проливать кровь.

Такое не забывается.

Он тяжело вздохнул.

– Мне бы хотелось сохранить что-нибудь на память о тебе, друг.

Какой-нибудь пустячок, который напоминал бы мне о тебе. Твой воротник или твой пояс, например. Я бы хранил их до конца своих дней.

Он вытер слезы, а Карс, не слишком осторожно, схватил его за горло.

– Ах ты, хитрый обманщик! - рявкнул он в самое ухо валкисианину. - Пустячок. Ведь тебе, Боги великие, на какое-то время удалось меня одурачить!

– Но, друг мой… - заныл Богхаз.

Карс встряхнул его и выпустил. Торопливым шепотом он сказал:

– У меня нет желания разбивать твое сердце, если бы я только мог что-нибудь сделать. Послушай, Богхаз, хотел бы ты узнать тайну гробницы?

У Богхаза отвалилась челюсть.

– Безумец, - прошептал он. - Бедняга сошел с ума от потрясения.

Карс заглянул в зал. Стража находилась вне пределов слышимости. Их не беспокоило то, что происходило на балконе. Их было трое, в кольчугах, вооруженных. При Богхазе, конечно, не было оружия, и Карс не мог убежать, если бы только у него вдруг не выросли крылья.

Землянин быстро заговорил.

– То, что затевают морские короли, не имеет смысла. Дхувиане будут помогать Сарку, и Кхондор падет. А это означает и твое падение, Богхаз.

Сарки придут сюда, и если ты переживешь их штурм, что вызывает сомнение, тебя возьмут живым и то, что от тебя останется, отдадут Дхувианам.

Богхаз задумался, обдумывая эту возможность и она явно ему не понравилась.

– Но, - заикаясь проговорил он, - вернуть сейчас оружие Рианона невозможно! Даже если бы ты мог убежать отсюда, ни один человек не может пробраться мимо Сарка и из-под носа Гораха утащить это оружие!

– Ни один человек, - сказал Карс, - но я ведь не просто человек, ты это помнишь? И, главное, чьим оружием пользуются они?

Глаза валкисианина засветились пониманием. Его луноподобное лицо озарилось улыбкой. Едва удержавшись от крика, он пришел в себя только тогда, когда Карс накрыл ему рот рукой.

– Я приветствую тебя, Карс! - прошептал он. Сам король лжецов не мог бы действовать лучше. - Он был вне себя от восторга. - Грандиозный план.

Он стоит… Богхаза!

Потом он помрачнел и покачал головой.

– Но ведь это тоже страшное безумие.

Карс взял его за плечо.

– Сейчас, как тогда на галере, терять нечего, можно только выиграть.

Ты остаешься со мной?

Валкисианин прикрыл глаза.

– Меня искушают, - пробормотал он, - как воин, как актер, я бы хотел видеть произведение этого великого обмана.

Он вздрогнул всем телом.

– Шкуру сдерут заживо. И эти Дхувианы. Да, ты, я думаю, прав. Все равно умирать. - его глаза расширились. - Подожди-ка! Рианон может поладить с сарками, а Богхаз ведь выступил против Иваин. О нет! Мне лучше уйти из Кхондора.

– Да подумай же ты! - Карс потряс его за плечо. - Толстый дурак! Я защищу тебя. Как Рианон я могу это сделать. Получив это оружие, мы могли бы стать спасителями Кхондора и тогда нашим возможностям не было бы конца.

Хотел бы ты стать королем Валкиса?

– Ну… - Богхаз вздохнул. - Ты бы смог искусить самого дьявола. А говоря о дьяволе… - сузив глаза, он посмотрел на

Карса. - Сможешь ли ты укротить себя? Страшно, когда в твоем друге сидит демон.

Карс ответил.

– Смогу. Ты же слышал, как сам Рианон говорил об этом. - Тогда, - сказал Богхаз, - нам лучше поскорее отправится, пока идет совет морских королей. - Он хихикнул. - Старина железнобородый нам помогал, хотя и с насмешкой. Сейчас все собираются исполнить приказ и наша команда ждет на борту галеры - и она не очень-то довольна!

Через мгновение охрана в зале услышала дикий вопль Богхаза:

– Помогите! Быстрее… Карс бросился в море!

Они бросились на балкон, где Богхаз стоял, наклонившись над бушующими водами.

Один из охранников хмыкнул.

– Невелика потеря, - сказал он, и тогда Карс выступил из тени у стены и нанес ему удар такой силы, что тот сразу упал, а Богхаз, круто повернувшись, уложил второго часового ударом по спине.

Третьего они уложили на месте, прежде чем он успел выхватить шпагу.

Двое остальных быстро оправились, собираясь вступить в борьбу, но Карс и валкисианин не могли терять времени и знали это. Кулаки их в течении нескольких минут работали безостановочно, с убийственной точностью, пока трое впавших в бессознательное состояние людей не были связаны и им не заткнули рты.

Карс начал снимать с одного из них шпагу, а Богхаз кашлянул с некоторым изумлением.

– Тебе бы лучше вернуть назад свою, - сказал он.

– Где она?

– К счастью, всего лишь там, за дверью, где меня заставили ее оставить.

Карс кивнул. Хорошо было бы снова получить в свое владение шпагу Рианона.

Пройдя по комнате, Карс наклонился над одним из охранников и стал снимать с него плащ. Он искоса посмотрел на Богхаза.

– Как это тебе удалось получить мою шпагу? - спросил он.

– Ну как же, ведь я твой лучший друг и второй по важности, вот я и потребовал ее, - валкисианин нежно улыбнулся. - Ты же собирался умирать, и я знал, что тебе было бы приятно, чтобы я получил ее.

– Богхаз, - сказал Карс, - удивительное это чувство - твоя любовь ко мне.

– Я всегда был сентиментален. - У двери валкисианин отстранил его. - Позволь мне первому.

Он вышел в коридор, потом кивнул Карсу, чтобы он следовал за ним.

Длинная шпага стояла, прислоненная к стене. Карс взял ее и улыбнулся.

– А теперь, - сказал он, - запомни: я - Рианон!

В этой части дворца люди ходили редко. В коридорах было темно, факелы были укреплены на стенах через неравные промежутки. Богхаз усмехнулся.

– Я знаю здесь все пути, - сказал он. - Знаю их даже лучше, чем сами кхонды.

– Хорошо, - сказал Карс. - Тогда веди. Вначале мы должны найти Иваин.

– Иваин? - Богхаз в изумлении уставился на Карса. - Ты что, Карс, сошел с ума? Сейчас не время заводить игры с этой ведьмой.

Карс нахмурился.

– Она должна быть с нами, должна подтвердить в Сарке, что я - Рианон.

В противном случае вся затея рухнет. Так идем?

Он сознавал, что Иваин - краеугольный камень во всей его отчаянной игре. Главный его козырь - то, что она видела, как Рианон овладевал его существом.

– В твоих словах есть правда, - согласился Богхаз и недовольно добавил:

– Но мне это не нравится. Вначале дьявол, потом эта чертова кошка с ядовитыми когтями - путешествие прямо для сумасшедшего!

Иваин была заперта на том же верхнем этаже. Богхаз быстро вел его вперед. Они никого не встретили за углом, где скрещивались два коридора.

Карс увидел зарешеченную дверь, освещенную факелом. В верхней ее половине имелась маленькая дверца. Сонный страж дремал, облокотившись на копье.

Богхаз глубоко вздохнул.

– Иваин сможет убедить сарков, но сможешь ли ты убедить ее?

– Я должен, - мрачно ответил Карс.

– Что ж, тогда желаю удачи!

Согласно плану, составленному ими по пути, Богхаз прошел вперед и заговорил с охранником, который рад был узнать новости о происходящем.

Потом, в середине предложения Богхаз внезапно осекся. С

открытым ртом он смотрел на что-то, находящееся за спиной охранника.

Удивленный человек круто обернулся.

Карс шел по коридору. Он шел так, словно ему принадлежал весь мир. На его плечи был накинут плащ, голова гордо поднята, глаза горели.

Свет факела играл на его драгоценностях, рукоять шпаги Рианона серебром отливала в его руке.

Он заговорил тем звенящим голосом, который запомнился ему по гроту:

– Ложись лицом вниз, ты, подонок из Кхондора, иначе умрешь!

Человек замер в нерешительности. Богхаз за его спиной испуганно прошептал:

– Господи, в него снова вселился дьявол. Это Рианон, вырвавшийся на свободу!

Похожий на бога в тусклом свете факела, Карс поднял шпагу не как оружие, а как символ власти. На лице его возникла улыбка.

– Итак, ты узнал меня. Это хорошо! - Он устремил взгляд на побелевшее лицо охранника. - Может быть, ты сомневаешься? Может быть, тебе доказать?

– Нет! - хрипло ответил охранник. - Нет, господин!

Он упал на колени. Шпага его ударилась о каменный пол. Потом он склонил голову и спрятал лицо в руках.

Богхаз снова прошептал:

– Рианон.

– Свяжи его, - велел Карс, - и отвори дверь.

Сделав так, как ему велели, Богхаз отодвинул три тяжелых запора.

Дверь отворилась внутрь, и Карс вступил за порог.

Она застыла в полутьме в напряженном молчании и ожидании. Воздух был душным и спертым от наполнявшего его запаха соломенного тюфяка, единственной мебели камеры. И на ней все еще были кандалы.

Карс держался твердо. "Интересно, - подумал он, - наблюдает ли за ним Проклятый из глубин его сознания." Ему даже показалось, что до него донеслось эхо мрачного смеха - насмешка над человеком, играющем роль бога.

Иваин спросила:

– Ты действительно - Рианон?!

"Голос должен быть глубоким и гордым, а взгляд должен метать пламя."

– Ты видела меня раньше, - сказал Карс, - что скажешь

теперь?

Он ждал, а она пытливо следила за ним из темноты. Потом она медленно склонила голову - даже в присутствии Рианона она оставалась Иваин Сарк.

– Господин, - сказала она.

Карс коротко рассмеялся и повернулся к согнутому в раболепном поклоне Богхазу.

– Заверни ее в простыню с постели. Ты понесешь ее - и неси осторожно, свинья!

Богхаз поспешил повиноваться. Иваин была явно рассержена, но при данных обстоятельствах сдержались от возражений.

– Так мы убегаем? - спросила она.

– Мы предоставляем Кхондор его судьбе. - Карс покрепче ухватился за эфес шпаги. - Я буду в Сарке, когда морские короли придут туда, и сам уничтожу их моим собственным оружием!

Богхаз скрыл ее лицо под рогожей. Кандалы были сняты с ее ног и рук.

Валкисианин поднял на свои массивные плечи то, что производило впечатление обычного грязного тюка. Обернувшись, он хитро подмигнул Карсу.

Сам Карс не ощущал особой уверенности. В такое время, когда для нее открывалась возможность освобождения, Иваин не должна была быть чересчур разборчивой. Но путь до Сарка был не близок.

Показалось ли ему, что в том, как она наклонила голову, сквозила легкая насмешка?

Глава 15. ПОД ДВУМЯ ЛУНАМИ

Богхаз, благодаря своей деятельной натуре, изучил в Кхондоре каждую дыру. Он вывел их из дворца такими забытыми путями, что на полу там лежал толстый слой пыли, а дверь почти сгнила. Потом, карабкаясь по лестницам и пробираясь по крутым проулкам, похожим больше на обычные трещины в скалах, они пересекли город.

Кхондор бурлил. Ночной ветер разносил эхо шагов и голосов, наверху свистел воздух, рассекаемый крыльями Людей Неба, чьи силуэты казались темными пятнами на фоне звезд.

Паники не было. Но Карс чувствовал злость города и угрюмую напряженность людей, готовую обрушиться на то, что стояло у них на пути.

Издалека, из храма, доносились голоса женщин, возносящих молитву богам.

Те озабоченные люди, которые попадались им навстречу, не обратили на них никакого внимания. Для них они были лишь толстым моряком с узлом на плечах и высоким человеком в плаще, направляющимися в гавань. Разве такое зрелище стоит внимания?

Очень долго они спускались вниз, к гавани, но, хотя на этом пути им встретилось много народу, они и здесь остались незамеченными. Каждый кхонд был слишком занят своими заботами, чтобы обращать внимание на соседа.

И все равно сердце Карса стучало, а в ушах звенело от напряжения, с которым он прислушивался к сигналу тревоги, что неминуемо должен был быть дан, как только железнобородый обнаружит пропажу пленников.

Они достигли набережной. Карс увидел силуэт галеры, выделяющийся на фоне других кораблей и поспешил к ней. Богхаз следовал за ним по пятам.

Здесь пылали сотни факелов. В их свете на борта кораблей поднималось снаряжение. Вооруженные люди сновали туда-сюда. Каменные стены гулом отвечали на всю эту суету. Между причалами сновало маленькое суденышко.

Карс, низко наклонив голову, прокладывал себе путь сквозь толпу. Вода казалась живой - столько в ней было пловцов, а на берегу стояли женщины с застывшими белыми лицами - они пришли прощаться со своими мужьями.

Когда они приблизились к галере, Карс позволил пройти вперед Богхазу.

Он остановился за грудой бочонков, сделав вид, будто

поправляет сандалий, а валкисианин в это время поднялся со своей ношей на борт галеры. Карс слышал, как члены команды, мрачные и нервничающие накинулись на Богхаза с расспросами.

Богхаз избавился от Иваин, внеся ее в каюту, а потом созвал всех за огромную винную бочку на совет.

– Новости? - услышал Карс его слова. - Сообщу я вам новости! С тех пор, как поймали Рольда, настроение в городе переменилось. Вчера мы были их братьями. Сегодня мы - чужие и снова враги. Я слышал их разговоры в винном погребке, и вот что я вам скажу: этого наши жизни не стоят!

Пока члены команды тревожно переговаривались, Карс быстро пробрался на галеру. Прежде, чем скрыться за дверью каюты, он услышал заключительные слова Богхаза.

– Когда я уходил, уже собралась толпа. Если мы хотим сохранить свои жизни, нам лучше отплыть сразу, пока не поздно!

Карс почти не сомневался в том, какова будет реакция команды на это сообщение; не сомневался он и в том, что Богхаз почти не преувеличивал. Он был знаком с нравами толпы и понимал, что его команде, состоящей из приговоренных жителей Сарка, Джеккеры и прочих мест, неминуемо придется попасть в скверный переплет.

Теперь, закрыв и заперев дверь каюты, он прислонился к ней, прислушиваясь. Он слышал звук шлепающих босых ног по палубе, быстрые возгласы приказов, скрип блоков. Швартовые были подняты. Загромыхали весла. Галера была свободна.

– Приказ железнобородого! - крикнул Богхаз кому-то на берегу. - Выполняем поручение Кхондора!

Галера дрогнула и под бой барабана начала набирать скорость, и потом, перекрывая все остальные звуки, послышался тот сигнал, которого Карс все время ждал - отдаленный грохот с вершины скалы, рев тревоги, прокатившийся по всему пути до гавани.

Он застыл в страхе, что остальные, услышав этот звук, сразу же поймут его смысл. Но он быстро потонул в общей суете гавани, а к тому времени, когда гонцы с сообщением появились на берегу, черная галера на полной скорости приближалась к устью фиорда.

Из темноты каюты донесся спокойный голос Иваин:

– Повелитель мой Рианон, можно ли мне дышать?

Он встал на колени, развязал ее путы и она села.

– Спасибо. Что ж, мы избежали опасностей дворца и гавани, но остается еще фиорд. Я слышу крики.

– Айя, - сказал Карс, - и Люди Неба успеют раньше нас. - Он рассмеялся. - посмотрим, смогут ли они остановить Рианона,

кидая камни со скалы!

Потом, приказав ей оставаться там, где она есть, он оставил ее и вышел на палубу.

Теперь они плыли по каналу. Гребцы трудились изо всех сил. Паруса уже начали раздуваться под реющим между скалами ветром. Он напряг память, припоминая расположение защиты у входа в фиорд, и решил, что она расположена так, чтобы держать под контролем входящие корабли, а не выходящие.

– Главное - скорость. Если галера будет плыть достаточно быстро, значит у нас есть шанс.

В слабом свете Деймоса никто его не заметил. Но когда Фобос поднялся над вершинами скал, посылая вниз свой зеленоватый свет, люди увидели его, стоящего с длинной шпагой в руке и в развевающемся на ветру плаще.

У всех вырвался единый странный крик, в котором приветствие к тому Карсу, которого все они знали, смешалось со страхом, вызванным тем, что они слышали о нем в Кхондоре.

Он не дал им времени на размышление. Высоко подняв шпагу, он загремел:

– Скорее же, дураки! Скорее, иначе нас потопят!

Человек или дьявол - они знали, что он говорит правду, и заработали изо всех сил.

Карс поднялся на мостик. Богхаз уже был там. Он с готовностью посторонился, давая Карсу дорогу, но человек у румпеля бросил на него свирепый взгляд. Это был тот человек, что сидел на одном весле с Джахартом в день мятежа.

– Теперь я капитан, - сказал он Карсу, - я не желаю, чтобы ты проклял мой корабль!

Карс ледяным тоном, предельно ясно выговаривая каждое слово, проговорил:

– Я вижу, ты не знаешь меня. Скажи ему, человек из Валкиса!

Но Богхаз мог и не говорить. Наверху послышался свист крыльев, и крылатый человек, кружа над галерой, прокричал:

– Возвращайтесь! Возвращайтесь! На вашем корабле Рианон!

– Айя, - крикнул в ответ Карс. - Рианон в ярости, Рианон в силе!

Он высоко поднял шпагу, и в свете Фобоса драгоценность в рукояти засверкала дьявольским светом.

– Вы выстоите против меня? Вы осмелитесь?

Человек Неба метнулся назад и исчез из виду. Карс повернулся к рулевому.

– А ты, - сказал он, - что ты теперь скажешь?

Он увидел, как тот метнул быстрый взгляд на драгоценность в эфесе, потом перевел взгляд на лицо Карса. Потом в глазах его

появилось выражение ужаса и он опустил их.

– Я не осмеливаюсь выступить против Рианона, - хрипло сказал человек.

– Дай мне место, - сказал Карс, и человек отступил, давая ему место у румпеля. Клеймо казалось живым на его побелевших щеках.

– Скорее, - приказал Карс, - если хотите жить.

И гребцы заработали еще быстрее, так что галера с пугающей скоростью промчалась между скалами - черный корабль-призрак в горящем белым огнем фиорде под холодным зеленым светом Фобоса. Карс увидел впереди открытое море. Все в нем просило: скорей, скорей.

Раздался грохот первого выстрела, и скалы ответили ему воющим эхом.

Перед носом галеры взвился фонтан воды, галера вздрогнула и скакнула вперед.

Согнувшись над румпелем, в развевающемся плаще, объятый чудовищным напряжением, Карс вел корабль к устью фиорда.

Загремел второй выстрел. Огромные камни обрушились в воду, так что им пришлось пробираться среди облака брызг. Но именно на это Карс и надеялся.

Защита, несокрушимая с моря, была слаба, когда речь касалась тыла.

Преграда у входа в канал была очень несовершенной, а их быстро движущийся корабль являлся непривычной и слишком трудной целью. Все это вместе взятое спасло галеру.

Они вышли в открытое море. Последний камень упал далеко в стороне.

Они были свободны. Преследование не заставит себя ждать, Карс это знал. Но пока что они были свободны.

Только теперь Карс начал понимать, до чего же трудно быть богом. Ему хотелось сесть на палубу и осушить кружку с вином, чтобы прийти в себя. Но вместо этого ему пришлось силой заставить себя раскатисто расхохотаться, как будто его забавляла эта история и вид этих людишек, так серьезно относящихся к пустяку.

– Эй ты, тот, кто называл себя капитаном! Возьми руль и веди корабль к Сарку!

– К Сарку? - события этой ночи были явно немилостивы к бедняге. - Господин мой Рианон, будь милостив! В Сарке нас осудили!

– Рианон защитит вас, - сказал Богхаз.

– Молчать! - прогремел Карс. - Кто ты такой, чтобы говорить за Рианона? - Богхаз испуганно съежился, и Карс добавил:

– Приведи ко мне госпожу Иваин, но вначале сними с нее цепи.

Он остановился на палубе в ожидании, спустившись по лестнице. За своей спиной он услышал стон человека с клеймом и его шепот:

– Иваин! Боги милостивые, лучше бы было умереть в Кхондоре!

Карс стоял неподвижно, и люди наблюдали за ним, не осмеливаясь заговорить, желая убить его, но боясь к нему подойти. Боясь неизвестного, дрожа при мысли о том могуществе, которое мог обрушить на них Проклятый.

Иваин подошла к нему, свободная теперь от своих пут, и поклонилась.

Он повернулся к команде и сказал:

– Однажды вы восстали против нее, следуя за варваром. Теперь того варвара, которого вы знали, больше нет, и вы снова будете служить Иваин.

Служите ей хорошо и она забудет о вашем преступлении.

Он увидел, как вспыхнули ее глаза. Она начала было протестовать, но он так посмотрел на нее, что слова застряли у нее в горле.

– Веди их, - приказал он. - На славу Сарка.

Она повиновалась. Но Карсу снова показалось, что она все еще не полностью верит в то, что он - Рианон.

Она прошла за ним в каюту и спросила, чем может быть полезна. Он покачал головой и послал Богхаза за вином. Пока тот ходил, Карс попытался утихомирить учащенное биение сердца, а она наблюдала за ним сквозь опущенные ресницы.

Вино было принесено. После некоторого колебания Богхаз вышел, оставив их одних.

– Сядь, - сказал Карс, - и выпей.

Иваин придвинула низкий табурет и села, подтянув длинные ноги, стройная, как юноша, в своей черной кольчуге. Она пила и молчала.

Карс резко бросил:

– Ты все еще сомневаешься во мне?

Она вздрогнула:

– Нет, господин!

Карс рассмеялся.

– Не вздумай мне лгать. Ты, Иваин, гордая, высокомерная и умная девушка. Прекрасный сын для Сарка, несмотря на твой пол.

Ее рот скривился в горькой усмешке.

– Мой отец Горах сделал меня такой. Слабый человек без

сына - должен же кто-то носить шпагу, пока он забавляется со скипетром.

– Я думаю, - сказал Карс, - что тебе это не так уж и противно.

Она улыбнулась.

– Нет. Меня никогда не тянуло к шелковым подушкам. - Внезапно она сказала:

– Но давай больше не будем говорить о моих сомнениях, господин Рианон. Я видела тебя раньше: один раз в этой каюте, когда ты убил Ссана, а другой - в пещере Мудрых, и я узнала тебя теперь.

– Не важно, сомневаешься ты или нет, Иваин. Даже варвар смог взять над тобою верх и, думаю, Рианону это удастся без труда.

Она сердито вспыхнула. Теперь ее подозрения сделались непреложным фактом - гнев выдал ее.

– Варвар не одержал надо мной победы! Он поцеловал меня, и я позволила ему насладиться поцелуем, чтобы навсегда оставить ему след на лице!

Карс кивнул, улыбаясь ей.

– И мгновение ты тоже наслаждалась им. Ведь ты женщина, Иваин, несмотря на тунику и кольчугу. А женщина всегда узнает того мужчину, который может стать ее властелином.

– Ты так думаешь? - прошептала она.

Теперь она подошла к нему, и ее красные губы были приоткрыты, как когда-то - искушающе, намеренно вызывающе.

– Я знаю, - сказал он.

– Если бы ты был только варваром и никем другим, - прошептала она, - то и могла бы я это узнать.

Ловушка не вызывала сомнений. Карс подождал, пока молчание не сделалось из напряженного тягучим. Тогда он холодно сказал:

– Вполне возможно. Но теперь я не варвар, а Рианон. И тебе пора спать.

С мрачным удовольствием он наблюдал за тем, как она отпрянула, растерянная - впервые в своей жизни.

Он сказал:

– Можешь расположиться во второй комнате.

– Да, господин, - сказала она, и на этот раз в ее голосе не было насмешки.

Она повернулась и медленно пошла к двери в комнату. Открыв ее, она замерла на пороге, и он увидел на ее лице отвращение.

– Почему ты колеблешься? - спросил он.

– Это комната-порченная, там была Змея, - сказала она. - Я бы

предпочла спать на палубе.

– Странные речи, Иваин. Ссан был твоим советником, твоим другом. Я был вынужден убить его, чтобы спасти жизнь варвара, но Иваин Сарк не должна питать неприязни к своему союзнику.

– Не к моему, а к союзнику Гораха. - Она обернулась и посмотрела ему прямо в лицо, и он понял, что гнев овладел ею настолько, что она забыла об осторожности.

– Рианон ты, или не Рианон, - крикнула она, - я все равно выскажу тебе все, что было у меня все эти годы на уме. Я ненавижу твоих учеников из Кару-Дху! Я страшно ненавижу их, они мне омерзительны, а теперь - убивай меня, если хочешь!

И она вышла на палубу, хлопнув дверью.

Карс остался сидеть за столом. От нервного напряжения он дрожал с головы до ног и теперь налил себе вина, чтобы хоть немного успокоиться. С удивлением он обнаружил, что счастлив от сознания того, что Иваин так ненавидит Кару-Дху.

К полуночи ветер упал, и в течении нескольких часов галера плыла, повинуясь лишь усилиям гребцов. Она шла медленнее, чем обычно, ибо ряды гребцов поредели: среди них не было кхондов.

А на рассвете, когда горизонт заискрился крошечными золотистыми искрами, появились силуэты кораблей посланцев кхондов. Погоня приближалась.

Глава 16. ГОЛОС ЗМЕИ

Карс стоял с Богхазом на корме. Была середина утра. Все еще был штиль, и корабли были теперь настолько близко, что их можно было видеть с палубы.

Богхаз сказал:

– Если они будут идти с такой же скоростью, к полудню они нас догонят.

– Да, - Карс был обеспокоен. При том количестве людей, которое было на галере, трудно было надеяться только на весла. А Карсу меньше всего хотелось сражаться против людей Железнобородого. Он знал, что его люди не смогут выстоять.

– Они сделают все, чтобы захватить нас, - сказал он. - И это только начало. Весь флот морских королей должен был ринуться за нами.

Богхаз посмотрел на виднеющиеся вдали корабли.

– Думаешь нам удастся достичь Сарка?

– Если не поднимется ветер, то - нет, - угрюмо ответил Карс. - Да если он даже и поднимется, надежда невелика. Ты знаешь молитвы?

– Меня учили в детстве, - сказал Богхаз с благоговением в голосе.

– Тогда молись!

Но в течении всего долгого очень жаркого дня даже легкий ветерок не трепал паруса галеры. Люди выбивались из сил. Оказавшись между двумя опасностями, они не знали, какая грозит им худшими последствиями, и не испытывали особого подъема сил.

Корабли кхондов приближались медленно, но неуклонно. Вечером, когда лучи заходящего солнца превратили воздух в увеличительное стекло, впередсмотрящий сообщил, что вдалеке видны другие корабли. Много кораблей - армада морских королей.

Карс посмотрел в пустое небо. Сердце его было наполнено горечью.

Начал подниматься ветер. По мере того, как раздувались паруса, гребцы ощущали большую уверенность и действовали энергичнее. Галера набрала скорость, и теперь корабли могли лишь сохранять дистанцию.

Карсу была известна скорость галеры. Она была достаточно быстроходной, и могла уйти от преследования, если будет дуть ветер.

Если будет дуть ветер…

Следующие несколько дней вполне могли свести человека с ума. Карс немилосердно погонял гребцов, и каждый раз, когда те принимались за дело, движения их были все более медленными, ибо силы их были уже на исходе.

Лишь чудом галере удавалось удерживаться впереди. Однажды, когда их, казалось, должны были вот-вот схватить, внезапно налетевшая буря разбросала более легкие корабли, но они собрались снова. И теперь весь горизонт был испещрен точками вражеских парусников.

Число кораблей, шедших близко к галере, увеличилось сначала с четырех до пяти, потом с пяти до семи. Карс вспомнил присказку о том, что настоящая охота всегда бывает долгой, но эта, казалось, должна была уже скоро закончиться.

Потом снова наступило время полного затишья. Гребцы, склонившись над веслами, теряли последние силы. Их удерживал страх, перед кхондами, помогая им кое-как удерживаться в ритме.

Карс стоял у мачты, и лицо его было мрачным и серым от усталости.

Они проигрывали. Передний корабль набирал скорость, собираясь обойти галеру сбоку.

Внезапно раздался громкий крик впередсмотрящего:

– Впереди парус!

Карс круто повернулся, следуя взглядом за указывающей рукой.

– Корабли Сарка!

Он увидел их впереди, три быстро плывущие большие галеры.

Перегнувшись вниз, он закричал гребцам:

– Быстрее, вы, собаки! Приналягте! Помощь близка!

И гребцы налегли на весла в последнем отчаянном порыве. Галера рванулась вперед. К Карсу подошла Иваин.

– Теперь мы близки к Сарку, господин Рианон. Если бы мы могли еще немного продержаться впереди…

Кхонды в ярости, что добыча уходит, рванулись за ними, в последней попытке обойти галеру раньше, чем до нее доплывут Сарки. Но было уже слишком поздно.

Патрульные корабли были уже здесь. Они врезались в ряды кораблей кхондов, и воздух наполнился криками, звоном натягиваемых тетив и ужасным звуком крошащихся весел, когда целый их ряд был смят при столкновении.

Потом началась битва, длившаяся весь остаток дня. Кхонды отчаянно наступали. Корабли Сарка сгрудились вокруг черной галеры, создав защитную стену. Кхонды атаковали снова и снова, и их легкие корабли летели, как стрелы, но каждый раз их отбрасывали. На бортах кораблей Сарка были баллисты, и Карс

видел, как два корабля кхондов получили пробоины и затонули под градом камней.

Задул легкий бриз. Галера набрала скорость. Теперь полетела туча стрел, нацеленных в раздувшиеся паруса. Паруса двух патрульных кораблей безнадежно повисли, но и кхонды тоже пострадали. Лишь три их корабля уцелели, а галера теперь была довольно далеко от них.

Вдали, низкой темной линией, показалось побережье Сарка. И тогда, к величайшему облегчению Карса, навстречу им вышли другие корабли, и три оставшихся корабля кхондов повернули и поспешили прочь.

После этого все сразу сделалось легким. Иваин снова заняла свое прежнее место. С других кораблей на борт галеры сгрузили свежих гребцов, а одно быстроходное судно поспешило вперед с известием о приближении Иваин.

Но дым горящего корабля вдали ел сердце Карса. Он посмотрел на маячившие на горизонте паруса морских королей, и неизбежность грядущей битвы тяжелым комом легла на его грудь. В этот момент ему показалось, что нет никакой надежды.

В гавань Сарка они вошли уже вечером. Широкое устье реки было заполнено кораблями, а по обе стороны ее громоздился безжалостный в своей силе город.

Это был город, чья мрачная внушительность шла к построившим его людям. Карс увидел огромные храмы, великолепный дворец, возвышающийся на самом высоком холме. Здания казались почти уродливыми в своей непререкаемой силе, громоздясь на фоне неба, они сверкали резкими красками.

Теперь вся гавань кипела деятельностью. Пришло сообщение о приближении эскадры морских королей, и все готовились к бою.

Богхаз, стоя рядом с ним, прошептал:

– Мы с ума сошли, что сами полезли волку в пасть. Если ты не сможешь взяться за дело, как Рианон, если сделаешь хоть один неверный шаг…

Карс сказал:

– Это невозможно. Я научился играть в Проклятого.

Но про себя он думал по-другому. Перед лицом мрачного могущества Сарка его игра в бога казалась нелепой и безумной.

Толпа, собравшаяся на набережной, дикими воплями приветствовала сходящую по трапу Иваин. И в некотором замешательстве взирала она на высокого человека, похожего на кхонда, с огромной шпагой в руке.

Солдаты окружили их плотным кольцом и прокладывали им путь сквозь толпу. Веселые возгласы людей сопровождали их на всем пути во дворец.

Залы дворца встретили их прохладой. Карс шагал по гулким комнатам с блестящими полами и массивными портиками, поддерживаемыми золочеными колоннами. Он заметил, что в орнаменте часто повторялось изображение Змеи.

Он жалел, что с ними не было Богхаза. Продолжая игру, он вынужден был на время расстаться с толстяком-вором и сейчас чувствовал себя страшно одиноким.

У серебряных дверей, ведущих в тронный зал, стража остановилась.

Камергер в кольчуге под бархатным одеянием выступил вперед, приветствуя Иваин.

– Твой отец, всемогущий король Горах, полон радости и желает приветствовать тебя. Но он просит тебя подождать: он занят с господином Хишахом, посланцем Кару-Дху…

Губы Иваин скривились.

– Значит, он уже просит помощи у Змеи. - Она презрительно кивнула в сторону закрытой двери. - Скажи королю, что я желаю его видеть немедленно.

Камергер запротестовал:

– Но, ваше высочество…

– Скажи ему, - продолжала Иваин, - или я войду без предупреждения.

Скажи, что со мной тот, кто не потерпит задержек, кого не смеют ослушаться ни Горах, ни Кару-Дху.

Камергер с нескрываемым удивлением и недоумением посмотрел на Карса.

Поколебавшись, он отвесил поклон и исчез за серебряными дверями.

Карс отметил нотку горечи в голосе Иваин, когда она говорила о Змее.

Он спросил, почему это так.

– Нет, господин, - сказала она. - Однажды я уже говорила, и ты слушал. Сейчас не время для повторных слов. А кроме того… - она пожала плечами, - ты же видишь, как отстраняет меня отец, как лишает меня доверия, хотя драться за него должна я.

– Ты не желаешь помощи от Кару-Дху даже сейчас?

Она помолчала и Карс сказал:

– Я велю тебе говорить!

– Что ж, хорошо. Ничего нет странного в том, когда два сильных народа борются за владычество, за каждый кусок побережья одного и того же моря.

Ничего нет странного в том, что человек жаждет власти. Я была бы счастлива ринуться в эту битву, я была бы счастлива одержать победу над Кхондором.

Но…

– Продолжай.

Теперь она говорила, не сдерживая свои чувства.

– Но я хочу, чтобы Сарк стал великим благодаря мощи своего оружия, чтобы человек сражался с человеком, как это было в старые времена, до того как Горах заключил союз с Кару-Дху! А в такой победе славы нет.

– А твои люди? - спросил Карс. - Разделяют ли они твои мысли?

– Да, господин. Но другие поддались искушению легкой власти…

Она замолкла, глядя Карсу прямо в лицо.

– Я и так уже сказала достаточно, чтобы навлечь на себя твой гнев.

Скажу еще только, что Сарк обречен даже в своей победе. Змея дает нам помощь не ради нас самих, а ради своих собственных целей. Мы - лишь орудие, с помощью которого Кару-Дху идет к своей цели. А теперь, когда ты вернулся, чтобы повести Дхувиан…

Она замолчала. В ее словах больше не было надобности… Дверь отворилась, и это спасло Карса от необходимости давать ей ответ.

Камергер извиняющимся тоном сказал:

– Ваше высочество, ваш отец посылает вам ответ, он не понимает ваших слов и вновь просит вас подождать, пока он сможет иметь удовольствие лицезреть вас.

Иваин сердито оттолкнула его в сторону, шагнула к высоким дверям и распахнула их. Отступив, она обратилась к Карсу:

– Не желаешь ли войти, господин?

Глубоко вздохнув, он прошел к двери и твердыми шагами, как подобает богу, прошел в длинный полутемный тронный зал. Иваин следовала за ним.

Казалось, в зале никого не было, кроме Гораха, стоявшего в дальнем конце зала на возвышении. На нем было черное бархатное одеяние, расшитое золотом, и он обладал той же стройностью и красотой черт, что и Иваин. Но в нем не чувствовалось ни ее нескрываемой силы, ни ее гордости, ни ее достоинства. Хотя борода его была седа, очертания его рта были как у капризного ребенка.

Но возле него, полускрытый тенью зала, стоял еще кто-то. Темная фигура, закутанная в плащ со скрытым под капюшоном лицом и скрывающимися в складках плаща руками.

– Что это значит? - сердито спросил Горах. - Дочь ты мне, Иваин, или нет, я не потерплю такой бесцеремонности.

Иваин опустилась на колени.

– Отец мой, - ясным голосом сказала она, - я привела к вам господина Рианона из рода Куири, вернувшегося из мертвых.

Лицо Гораха побледнело, потом приняло пепельный оттенок. Рот его открылся, но он не смог выдавить ни слова. Он посмотрел на Карса, потом на Иваин и, наконец, на закутанного в плащ Дхувианина.

– Это безумие, - промямлил он наконец.

– Но у меня есть доказательство тому, что это правда, - сказала Иваин. - В теле этого варвара живет дух Рианона. Он говорил с мудрыми в Кхондоре, а позже говорил со мной. Перед тобой стоит Рианон.

Снова установилась тишина. Горах переводил взгляд с одного лица на другое и дрожал. Карс стоял, высокий и гордый, храбро презрев все сомнения, ожидая дальнейшего.

Но старый холодный страх жил внутри него. Он понимал, что змеиные глаза наблюдают за ним из-под капюшона; ему казалось даже, что он чувствует, как холод этого взгляда проникает сквозь его тело, как лезвие ножа сквозь бумагу.

Халфлинги умеют читать в сознании других. Они обладают сверхчувствительностью, позволяющей им видеть то, что происходит внутри человека. А Дхувиане, несмотря на свои дьявольские качества, тоже были халфлингами.

В это мгновение Карсу страстно захотелось бросить все и убежать. Но он силой заставил себя играть роль бога, угрожающего и самоуверенного, улыбающегося ужасу Гораха.

Глубоко в мозгу, в том его уголке, который не принадлежал больше ему, он чувствовал странное и полное спокойствие. Ощущение было таким, будто Проклятый исчез.

Карс заставил себя заговорить, возвысив голос так, что стены ответили ему громким эхом.

– Должно быть память детей действительно коротка, если даже любимые ученики не помнят своего учителя.

И он устремил взгляд на Хишаха из Дхувиан.

– И ты тоже сомневаешься во мне, сын Змеи? Должен ли я и тебя проучить, как проучил Ссана?

Он поднял огромную шпагу, и взгляд Гораха устремился на Иваин.

– Господин Рианон убил Ссана на борту галеры.

Горах опустился на колени.

– Господин, - сказал он дрожащим голосом, - какова будет твоя воля?

Карс, не обращая на него внимания, продолжал смотреть на Дхувианина.

И закутанная фигура двинулась вперед странно-скользящим шагом и проговорила мягким ненавистным голосом:

– Господин, и я спрашиваю, какова будет ваша воля?

Черное одеяние колыхнулось, должно быть существо тоже опустилось на колени.

– Флот морских королей скоро пойдет в атаку. Я хочу, чтобы мне было принесено мое древнее оружие, и тогда я смогу сокрушить врагов Сарка и Кару-Дху, которые являются и моими врагами.

В глазах Гораха засветилась надежда. Было очевидно, что его раздирает множество страхов, но сейчас, - подумал Карс, - самый свирепый из них - это страх перед морскими королями. Он перевел взгляд на Хишаха, и сгорбленное существо проговорило:

– Господин, твое оружие было перенесено в Кару-Дху.

Сердце землянина заныло. Потом он вспомнил о Рольде из Кхондора, о том, что с ним должны были сделать, и слепая ярость овладела им. Гнев, прозвучавший в его голосе, не был поддельным, когда он закричал:

– Вы осмелились играть с тем, что принадлежит Рианону? - он шагнул к Дхувианину. - Может быть, ученики надеются превзойти даже своего учителя?

– Нет, господин! - закутанная голова склонилась. - Мы сохраним оружие для тебя.

Карс позволил своим чертам немного разгладиться.

– Тогда хорошо. Вели немедленно вернуть его мне!

Хишах поднялся на ноги.

– Да, господин. Я немедленно отправлюсь в Кару-Дху исполнять твою волю.

Дхувианин скользнул к двери и исчез, позволив Карсу испытать огромное облегчение.

Глава 17. КАРУ-ДХУ

Следующие несколько часов принесли Карсу почти невероятное напряжение воли и разума.

Он потребовал, чтобы ему отвели покои внизу, с тем, чтобы он мог спокойно обдумать свои планы. И там он долго шагал взад и вперед, совсем не похожий на бога.

Казалось, все шло успешно. Дхувианин признал его. "Возможно, - думал он, - они лишены той чувствительности, которая присуща Пловцам и Людям Неба"

Казалось, теперь ему не оставалось ничего другого, как ждать возвращения Дхувианина с оружием, а когда тот прибудет, погрузить оружие на корабль и увезти. Он сможет это сделать, ибо никто не осмелится расспрашивать Рианона о его планах, и время у него будет. Флот морских королей стоит неподалеку, ожидая подхода остальных сил. Раньше рассвета он не нападет, а если ему удастся выполнить задуманное, то битвы вообще не будет. Но какой-то жалкий, не внемлющий голосу разума нерв все время предупреждал его об опасности, заставляя Карса испытывать болезненные уколы страха.

Под предлогом отдачи распоряжений насчет галеры, он послал за Богхазом. Настоящей же причиной этому было то, что он не мог больше выносить одиночества. Услышав новости, толстяк-вор пришел в восхищение.

– Тебе удалось, - восторженно хихикал он, потирая руки. - Я всегда говорил, Карс, что настоящая наглость никогда не подведет. Даже я, Богхаз, не смог бы справиться с делом лучше.

Карс с сомнением в голосе сказал:

– Надеюсь, ты прав.

Богхаз искоса посмотрел на него.

– Карс…

– Да?

– А что сам Проклятый?

– Ничего. Никакого знака. Это беспокоит меня, Богхаз. У меня такое чувство, будто он ждет.

– Когда ты получишь в руки оружие, - сказал Богхаз, - я буду стоять рядом с тобой с палкой наготове.

Мягко шагающий камергер принес известие о том, что Хишах вернулся из Кару-Дху и ждет встречи.

– Хорошо, - сказал Карс и кивнул в сторону Богхаза. - Этот человек пойдет со мной. Он будет нести оружие.

Пухлые щеки валкисианина поменяли несколько оттенков, но он последовал за Карсом.

В тронном зале находились Иваин, Горах и закутанное в черное существо из Кару-Дху. При появлении Карса все поклонились.

– Ну что, - повелительно обратился он к Дхувианину, - ты выполнил мое приказание?

– Господин, - мягко проговорил Хишах, - я посоветовался со старшими, которые вот что просили тебе передать. Если бы они знали, что господин Рианон вернулся, они не посмели бы трогать то, что принадлежит ему. И теперь они боятся касаться этих вещей из страха, что их невежество может стать причиной порчи или разрушения. И поэтому, господин, они просят тебя самого решить это дело. Они не забыли о своей любви к Рианону, чья наука подняла их из пыли. Они желают приветствовать тебя в твоем старом королевстве Кару-Дху, ибо твои дети так долго пробыли во тьме и хотят вновь узреть свет мудрости Рианона и его силу.

Хишах низко поклонился.

– Согласишься ли ты на это, господин?

Карс промолчал, в отчаянии борясь со своим страхом. Он не мог ехать в Кару-Дху. Он не смел этого делать! Как долго он сможет обманывать хитрых детей Змеи?

Если только ему вообще удалось их обмануть. И мягкие слова Хишаха таили в себе ловушку.

Он сказал:

– Я рад выполнить их просьбу.

В знак благодарности Хишах поклонился.

– Все приготовления сделаны. Король Горах и его дочь будут сопровождать тебя и смогут окружить тебя заботой. Твои дети понимают, что нужно торопиться, судно ждет.

– Хорошо, - Карс повернулся на каблуках, бросив при этом на Богхаза твердый взгляд. - Ты тоже будешь сопровождать меня, человек из Валкиса. Ты можешь понадобиться в деле, касающемся оружия.

Богхаз понял, что он имеет в виду. Хотя он и побелел, как смерть, но вслух не сказал ни слова. С видом осужденного он вслед за Карсом двинулся к выходу из тронного зала.

Ночь уже окутала Марс тяжелой густой пеленой, когда они спустились к тому месту, где ждало их черное судно без паруса и без весел. Существа, закутанные в плащи с капюшонами, наподобие Хишаха, опустили в воду длинные багры, и баржа устремилась в устье реки, отходящей от моря.

Горах сжался в комок на груде диванных подушек, совсем не царственная фигура с трясущимися руками и щеками цвета слоновой кости. Было ясно, что он отнюдь не радуется этому

визиту к своим союзникам.

Иваин стояла на дальнем конце баржи, глядя на темный силуэт берега.

Карс подумал, что она выглядит более удрученной, чем тогда, когда была пленницей, закованной в цепи.

Он тоже сидел поодаль, внешне гордый и надменный, внутренне - потрясенный и опустошенный. Богхаз скорчился неподалеку. Глаза его были глазами больного человека.

А Проклятый, настоящий Рианон, был спокоен. Слишком спокоен. В том уголке сознания Карса, в котором он притаился, не ощущалось ни движения, ни волнения. Как будто таинственный Куири затаился и ждет.

Они долго плыли по устью. Вода, рассекаемая баржой, что-то бормотала странным мистическим шепотом. Черные фигуры с баграми то наклонялись, то выпрямлялись. То и дело с болотистого берега доносился крик птицы, и ночной воздух был тяжелым и плотным.

Потом в свете низких лун Карс увидел впереди каменные стены и валы города, возникшего из тумана, древнего, древнего города, окруженного стеной, как замок. Обе боковые части его лежали в руинах, и лишь центральная часть была целой.

Воздух вокруг него светился, прорезаемый мелкими искорками. Карс подумал, что это игра его воображения, обман зрения, причиной которого служит лунный свет, мерцание воды и бледная дымка тумана.

Баржа направилась к полуразрушенной набережной. Она причалила и Хишах вышел на берег, с поклоном ожидая, пока выйдет Рианон.

Карс пошел вдоль набережной. За ним следовал Горах, Иваин и дрожащий Богхаз. Последним, тихим, скользящим шагом двигался Хишах.

Тропинка из черного камня, несущая на себе отпечаток времени, привела их к крепости. Карс шагал твердым уверенным шагом. Теперь он был уверен в том, что видит слабую пульсирующую паутину света вокруг Кару-Дху. Она окутала весь город, мерцая сквозь туман как звезды.

Ему все это не понравилось. И по мере того, как они все дальше шли по тропинке, ведущей к этой паутине, она нравилась ему все меньше и меньше.

Никто не заговорил, никто не попытался его обогнать. Все как будто ожидали от него, что он будет делать впереди, и он не осмеливался выдать свое невежество. Он шагал и шагал, заставляя себя выглядеть сильным и уверенным.

Он был достаточно близок к сияющей паутине, когда

почувствовал, что от нее исходит странное ощущение силы. Еще шаг и он оказался бы совсем рядом с ней. Но тут Хишах прошептал ему в самое ухо:

– Господин! Неужели ты забыл о завесе, прикосновение к которой смертельно?

Карс остановился. Волна страха пробежала по его телу, и в то же время он осознавал, что сыграл плохо.

Он быстро проговорил:

– Конечно, я не забыл!

– Нет, господин, - пробормотал Хишах. - Как ты мог забыть, когда именно ты подарил нам тайну завесы, которая смогла защитить Кару-Дху от любой силы?

Теперь Карс понимал, что сияющая паутина представляет собой защитный энергетический барьер, причем барьер такой силы, что ему удается сохранить полную непроницаемость.

Такое казалось невероятным. Но наука Куири была всеобъемлющей, и Рианон подарил часть ее предкам сегодняшних Дхувиан.

– Да, как ты мог забыть? - повторил Хишах.

В его словах не было и тени насмешки и все же Карс почувствовал ее присутствие.

Дхувианин выступил вперед и поднял прятавшиеся в рукавах руки, подавая сигнал какому-то наблюдателю, находившемуся за воротами. В месте прохода свечение исчезло, открывая путь вперед.

Прежде чем войти, Карс оглянулся и увидел, что Иваин смотрит на него с изумлением и в ее взгляде ясно читается сомнение. Отворились огромные ворота и Господь Рианон из рода Куири вступил в Кару-Дху.

Древние залы были полуосвещены шарами, в которых мерцало нечто вроде огня. Шары укрепленные на треногах стояли на большем расстоянии друг от друга и распространяли холодное зеленоватое свечение. Воздух был теплым и отдавал змеиным запахом, от которого горло Карса сжималось в отвратительной тошноте.

Теперь Хишах шел впереди, и это был плохой знак, ибо Рианон должен был знать путь. Но Хишах сказал, что сочтет за счастье для себя объявить о прибытии господина, и Карсу не оставалось ничего другого, как скрыть свой растущий ужас и следовать за ним.

Они вошли в огромный центральный зал, с высокими стенами из черного камня и куполообразным потолком, теряющимся в темноте наверху. Зал был тускло освещен и по углам лежали длинные тени.

Для человеческого глаза света было слишком мало. Но в таком месте даже это малое количество казалось излишним.

Ибо здесь собрались дети Змеи, чтобы приветствовать своего господина.

И здесь, у себя дома, они не носили тех покровов, без которых не появлялись у людей.

Пловцы принадлежали морю, Люди Неба - воздуху, и они были великолепны и прекрасны, как та среда, частью которой они являлись. Теперь Карс увидел воочию представителей третьей расы Марса, халфлингов - детей укромных мест, чье пугающее обличье великолепно подходило их мрачной среде.

Шок первого впечатления был настолько велик, что до сознания Рианона едва дошел голос Хишаха, произносящего имя Рианона, и мягкое шипящее приветствие, нереальное, как в кошмарном сне.

Они приветствовали его из всех укромных мест огромного зала, с открытой галереи наверху. Их узкие змеиные головы покорно кивали.

Извивающиеся тела, что двигались с удивительной легкостью, казалось, скорее струились, нежели шли. Руки с бескостными пальцами, ноги, шагов которых не было слышно, безгубые рты, казавшиеся постоянно открытыми в молчаливом, бесконечно жестоком смехе. И отовсюду несся сухой шелест, повсюду тускло сверкала кожа, потерявшая прежнюю чешуйчатость, но сохранившая змеиную твердость.

Карс поднял в знак приветствия шпагу Рианона и заставил себя заговорить.

– Рианон приветствует своих детей.

Ему казалось, будто по огромному залу пронеслось, как вздох, легкое шипение. Но он не был уверен в том, слышал ли его в действительности.

Хишах сказал:

– Господин мой, вот твое древнее оружие.

Оно стояло в центре очищенного пространства. Здесь были все те странные приборы, которые он видел в гробнице: огромное плоское кристаллическое колесо, нагромождение металлических колец и остальные приборы, блестящие в тусклом свете.

Сердце Карса заныло, потом бешено заколотилось.

– Хорошо, - сказал он. - Времени мало, грузите его на баржу, чтобы я мог немедленно вернуться в Сарк.

– Конечно, господин, - сказал Хишах. - Но не пожелаешь ли ты вначале проверить его, чтобы удостовериться, что все в порядке. Наши невежественные руки…

Карс подошел к приборам и быстро осмотрел их. Он кивнул.

– Все в порядке. А теперь…

Хишах невежливо, но очень вежливым голосом перебил его:

– Не объясните ли вы нам, прежде чем уйти, устройство этих приборов?

Дети твои изголодались по знаниям.

– На это нет времени, - сердито ответил Карс. - И потом, вы - дети, как и сами это признали. Вы не поймете.

– А возможно ли, господин, - все тем же мягким, вкрадчивым голосом продолжал Хишах, - что ты сам не понимаешь?

Мгновение стояла полная тишина. Холодная уверенность сжала горла Карса. Он увидел, что Дхувианы сомкнулись кругом него, отрезая для него всякую надежду на побег.

В образовавшемся кругу рядом с ним стояли Горах, Иваин и Богхаз. На лице Гораха застыло выражение полного непонимания. Валкисианин вздрагивал от ужаса - он-то понимал все. Одна Иваин не казалось ни изумленной, ни испуганной. Она смотрела на Карса глазами женщины, которая боится, но по-другому. Карсу показалось, что она не хочет, чтобы он умирал.

В последней отчаянной попытке спастись, Карс в ярости крикнул:

– Что значит эта наглость? Вы хотите, чтобы я использовал свое оружие против вас?

– Используй, если можешь, - мягко проговорил Хишах. - Используй же, о фальшивый Рианон, ибо в противном случае тебе никогда не удастся покинуть пределов Кару-Дху!

Глава 18. ГНЕВ РИАНОНА

Карс остался стоять среди приборов, чье назначение было непонятно для него. С ужасающей ясностью он понял, что окончательно проиграл. А шипящий смех слышался теперь со всех сторон - бесконечно жестокий и глумливый.

Горах протянул к Хишаху дрожащую руку.

– Что же, - пробормотал он, заикаясь, - это не Рианон?

– Даже твой человеческий разум уже способен это понять, - с презрением ответил Хишах. Он отбросил с головы капюшон и двигался теперь к Карсу, и его змеиные глаза были полны насмешки. - Одним прикосновением к твоему сознанию я мог узнать правду, но мне не нужно было даже этого, ты, Рианон! Рианон из рода Куири, с миром пришедший приветствовать своих детей из Кару-Дху!

Из горла каждого Дхувианина вырвалось насмешливое дьявольское шипение, а Хишах откинул голову, и кожа на его шее задрожала от смеха.

– Посмотрите на него, Братья! Слава Рианону, ничего не знающему ни о завесе, ни о том, почему она охраняет Кару-Дху.

И они приветствовали его, низко склонив головы.

Карс стоял очень спокойный, на мгновение он даже забыл о своем страхе.

– Ты, глупец, - сказал Хишах. - В конце всего Рианон ненавидел нас. В конце он узнал о том, что одурачен, узнал о том, что его ученики, которым он преподал зачатки знаний, выросли и стали слишком умными. С завесой, тайне которой ты научил нас, мы сделали наш город непроницаемым даже для его могущественного оружия, так что когда он пошел против нас, было уже поздно.

Очень медленно Карс спросил:

– Почему он пошел против вас?

Хишах рассмеялся.

– Он понял, какую пользу мы извлекаем из полученных от него знаний.

Иваин выступила вперед и спросила:

– Какую же?

– Думаю, ты уже знаешь сама, - ответил Хишах. - Поэтому-то вы с Горахом и очутились тут, не только для того, чтобы посмотреть, как с самозванца будет сорвана кожа, но и для того, чтобы раз и навсегда понять свое место в этой игре.

В его мягком голосе ощущался сейчас оттенок высокомерия.

– С тех пор, как Рианон был сокрыт в гробнице, мы завоевали

власть по всему побережью Белого моря. Нас слишком мало для того, чтобы объявить открытую войну. Поэтому мы действуем через людей. Используем их инстинкты, как собственное оружие. Теперь у нас есть оружие Рианона. Вскоре мы научимся им пользоваться и тогда люди-инструменты не будут нам больше нужны. Дети Змеи станут правителями в каждом дворце, а от остальных мы будем требовать полного уважения и послушания. Что думаешь об этом ты, гордая Иваин, всегда ненавидевшая и презиравшая нас?

– Я думаю, - ответила Иваин, - что я скорее паду от собственной шпаги.

Хишах пожал плечами.

– Тогда пади. - Он повернулся к Гораху. - А ты?

Но Горах лишь рухнул на каменный пол в глубоком обмороке.

Хишах снова обратился к Карсу.

– А теперь, - сказал он, - ты увидишь, как мы приветствуем своего повелителя!

Богхаз застонал и закрыл лицо руками. Карс крепко сжал эфес бесполезной шпаги и спросил странным тихим голосом:

– И никто так никогда и не узнал, что Рианон в конце концов пошел против Дхувиан?

Хишах мягко ответил:

– Куири знали, но все равно приговорили Рианона, потому что он слишком поздно прозрел. А кроме них знали только мы. Но зачем нам было оповещать об этом мир, если нас веселила та ненависть, с которой Рианон проклинался как наш друг?

Карс закрыл глаза. Весь мир качнулся под его ногами: в ушах его шумело, в груди бушевал огонь.

Рианон говорил правду в пещере Мудрых. Он говорил правду, когда уверял в своей ненависти к Дхувианам!

Зал наполнился звуками, похожими на шелест сухой листвы, когда Дхувианы, не размыкая рядов, медленно двинулись к Карсу.

С усилием почти нечеловеческим Карс открыл все каналы своего сознания, в отчаянии пытаясь в этот последний момент проникнуть в его тайный, странно тихий угол.

Он громко крикнул:

– Рианон!

Приступ шипящего смеха заставил Дхувиан остановиться. Они просто задыхались от смеха!

Хишах крикнул:

– Айя, зови Рианона! Может быть, он придет из могилы помочь тебе!

И полными насмешки бездонными глазами они смотрели на

мучающегося Карса.

Но Иваин поняла. Она быстро подошла к Карсу, выхватила из ножен кинжал и приготовилась защищать Карса до последней возможности.

Хишах опять рассмеялся.

– Прекрасная пара - принцесса без царства и фальшивый бог!

Карс снова сказал, на этот раз шепотом:

– Рианон!

И Рианон ответил.

Из глубины сознания Карса, где он скрывался, Проклятый поднялся и мгновенно овладел каждой клеткой, каждым атомом мозга землянина, завладев полностью теперь, когда Карс открыл ему путь.

И теперь, как и раньше в пещере Мудрых, сознание Мэтью Карса отступило и наблюдало и слушало со стороны.

Он слышал голос Рианона - настоящий голос бога, который он мог только копировать, и этот голос срывался с его собственных губ, звеня от нечеловеческого гнева.

– Встречайте же своего господина, о вы, ползучие дети Змеи!

Встречайте и умрите!

Издевательский смех утих, уступив место молчанию. Хишах отшатнулся назад, и страх зажегся в его глазах.

А голос Рианона все возвышался, и стены отвечали ему эхом. Сила и ярость Рианона отражались на лице землянина, и теперь его тело как утес возвышалось над Дхувианами, а шпага в руках казалась лучиком света.

– Ну, как насчет чтения в сознании теперь, Хишах? Проникай глубже - туда, куда ты не мог проникнуть раньше, не способный перешагнуть тот психический барьер, который я поставил на твоем пути!

Хишах громко вскрикнул. Он в ужасе бросился назад. Кольцо Дхувиан распалось. Они бросились к своему оружию, в ужасе раскрыв свои беззубые рты.

Рианон расхохотался, и смех его был ужасен, смех того, кто долгие годы ждал мести и наконец дождался ее.

– Бегите! Бегите и прячьтесь, ибо, забывшись в своей великой мудрости, вы провели Рианона сквозь завесу, и смерть вошла в Кару-Дху!

И Дхувиане побежали, хватая оружие, которое не могло им пригодиться.

Зеленый свет мерцал на блестящих трубках и призмах.

Но рука Карса, ведомая теперь твердым знанием Рианона, метнулась к самому большому из древних приборов - ободку колеса, большого, плоского и кристаллического. Он тронул

колесо, и оно начало вращаться.

Должно быть в металлическом шаре был заключен регулятор источника силы, некий скрытый контрольный щиток, которого коснулись его пальцы. Карс так никогда и не узнал в точности, что это было. Он лишь увидел странный темный нимб, возникший в тусклом воздухе, обняв, как оболочкой его, Иваин, дрожащего Богхаза и Гораха, который встал по-собачьи на четвереньки и наблюдал за происходящим глазами, в которых не светилось и искры разума.

Древнее оружие тоже оказалось в кольце темной силы, и кристаллические стержни начали испускать слабый мелодичный звук.

Темное кольцо начало расширяться, отступая наподобие волны.

Оружие Дхувиан было бессильно против него. Блики света, холодное пламя и свечение устремились к нему и вспыхнув, исчезли. Мощный электрический разрядник, кольцом окруживший Рианона, поглотил их.

А темное кольцо Рианона все ширилось и ширилось, и когда оно касалось холодного тела Дхувианина, то тело сворачивалось, сморщивалось и куском кожи падало на камни. Больше Рианон не говорил, поющее колесо вертелось все быстрее и быстрее на своем стержне, и сознание Карса отворачивалось от того, что он читал в сознании Рианона.

Ибо он мог смутно ощущать природу ужасного оружия Проклятого. Оно являлось тем смертельным сгустком ультрафиолетовых солнечных лучей, что могли уничтожить все живое, не прегражда й озон им путь в атмосфере. Но если ультрафиолетовое излучение, известное земной науке Карса, легко поглощалось, то излучение древней и чужой науки Рианона лежало неизмеримо выше 400A° и способно было производить распространяющийся нимб, поглотить который было невозможно. И там, где этот нимб соприкасался с живой плотью, он убивал.

Карс ненавидел Дхувиан, но нигде в мире он не встречался с такой ненавистью, что владела сейчас Рианоном.

Горах заскулил. Скуля, он пополз прочь от горящих глаз человека, что башней возвышался над ним. Полуползком, полубегом, со странным смехом он вырвался из круга.

И как только он оказался вне темного кольца, смерть настигла его и молча накрыла своим покрывалом.

Молчаливая сила распространялась все дальше и дальше. Она проходила через металл, плоть и камень, и проходя, убивала, охотясь за каждым сыном Змеи, что прятались в коридорах Кару-Дху. Никакое оружие не противодействовало ей больше. Не было

руки, способной его поднять.

Наконец оружие разрушило все и дошло до завесы. Карс почувствовал слабый толчок, когда Рианон остановил колесо.

Наступила мертвая тишина. Трое оставшихся в живых стояли неподвижно, почти не дыша.

Наконец раздался голос Рианона.

– Змея мертва. Пусть город и мое оружие, служившее этому дьявольскому миру, уйдет вместе с Дхувианами.

Он отвернулся от кристаллического колеса и взялся за другой инструмент, одно из нагромождений металлических стержней.

Подняв маленький и черный предмет, он нажал тайную пружину, и из главной его трубки вырвались мелкие искры, такие яркие, что на них было невозможно смотреть.

Лишь крошечные искорки света упали на камень. Но они начали разгораться. Казалось, они поедали атомы камня, как пламя поедает дерево.

Они коснулись металлического колеса, и орудие, уничтожившее Змею, тоже разрушилось.

Это была цепная реакция, такая, какую не наблюдал ни один земной ученый-ядерщик. Атомы металла, кристаллов и камня делались под ее влиянием нестабильными, как радиоактивные элементы.

Рианон сказал:

– Идемте.

Они шли по пустым коридорам в молчании, а за их спинами страшный огонь продолжал поедать каменные стены, и огромный центральный зал был уже почти разрушен.

Они вышли из крепости и пошли по полуразрушенной тропе к набережной, где стояла черная баржа.

Там они остановились и стали смотреть на разрушенный город.

Им пришлось прикрыть руками глаза, ибо странное и ужасное свечение напоминало чем-то солнечный пожар. Оно жадно пожирало руины, а центр их превратился в факел, чье пламя уходило вверх, к звездам и бледным низким лунам.

Загорелась тропа.

Рианон снова поднял трубку. Маленький шар тусклого света столкнулся с ближайшим языком пламени.

И пламя, заколебавшись, начало тухнуть, а потом исчезло…

Странная цепная реакция, вызванная Рианоном, была приостановлена неким ограничивающим прибором, чьей природы Карс не мог себе даже вообразить.

Они зашли на баржу и отплыли. Свечение умерло окончательно. снова стало темно. От Кару-Дху не осталось

ничего, кроме столба дыма.

И вновь послышался голос Рианона.

– Свершилось, - сказал он. - Я искупил свой грех.

Землянин ощутил страшную усталость того, кто завладел его мозгом и телом.

И потом он снова стал лишь Мэтью Карсом.

Глава 19, СУД КУИРИ

Весь мир казался притихшим и изумленным, когда на рассвете их баржа плыла к Сарку. Никто из них не заговорил, но столб белого дыма, что продолжал мрачно тянуться к небу, не располагал к разговорам.

Карс чувствовал полное опустошение. Он позволил гневу Рианона овладеть им, и до сих пор не мог полностью избавиться от него. Он чувствовал, что на лице его остались следы пережитого, по тому как двое других избегали его взгляда и по их молчанию.

Огромная толпа, собравшаяся на набережной Сарка, тоже молчала.

Казалось, люди уже очень давно стоят там, глядя на Кару-Дху, но даже теперь, когда следы его полного разрушения бесследно исчезли, лица их были бледными и испуганными.

Карс посмотрел туда, где стояли парусники кхондов, и понял, что благоговейный ужас заставил их ждать.

Черная баржа подошла к дворцовой лестнице. Толпа подалась вперед, когда Иваин вышла на берег, люди приветствовали ее странно-тихими голосами. И Иваин сказала им:

– Кару-Дху и Змея больше не существуют, господин Рианон уничтожил их.

Инстинктивно она обернулась к Карсу. И глаза всех собравшихся тоже устремились на него. Сначала тихо, потом все громче и громче зазвучали слова:

– Рианон! Рианон-избавитель!

Он не был больше Проклятым, по крайней мере, для Сарков. И в первый раз Карс осознал, как велика была ненависть к навязанным им Горахом союзникам.

Он пошел по дворцу с Иваин и Богхазом. Теперь он понимал, что такое быть богом. Они прошли полутемными прохладными переходами. У двери в тронный зал Иваин остановилась, как будто только сейчас вспомнив, что теперь она правительница во дворце Гораха.

– Если морские короли все же нападут… - сказала она, обернувшись к Карсу.

– Они не нападут… Во всяком случае пока не узнают, что же произошло. А теперь мы должны найти Рольда, если он жив.

– Он жив, - сказала Иваин. - После того, как Дхувиане извлекли из него все, мой отец оставил его у себя заложником чтобы обменять на меня.

Наконец, они пришли вниз и нашли правителя Кхондора в

подземелье дворца, закованного в цепи. Он был измучен до предела, и все же у него хватило сил поднять рыжеволосую голову и с презрением посмотреть на Карса и Иваин.

– Дьявол, - сказал он. - Предатель. Что, пришли убить меня?

Карс рассказал ему историю Кару-Дху и Рианона, следя за тем, как выражение лица Рольда медленно изменялось от дикого отчаяния до столь же дикой радости.

– Твой флот, ведомый железнобородым, стоит под Сарком, - закончил он.

– Ты согласен передать услышанное морским королям и привезти их на переговоры?

– Айя, - сказал Рольд. - Видят боги, согласен. - Глядя на Карса, он покачал головой. - Все, что случилось за последние дни, походит на страшный сон. А теперь… И подумать только, что в пещере Мудрых я готов был убить тебя собственными руками!

Все это произошло вскоре после рассвета. К девяти в тронном зале собрался совет. На него прибыли морские короли, Рольд и Эмер, отказавшаяся остаться в Кхондоре.

Все они расселись вокруг длинного стола. Иваин сидела на троне. Карс стоял поодаль. Его суровое измученное лицо все еще хранило в себе нечто странное.

Он твердо сказал:

– Никакой войны быть больше не должно. Змея уничтожена, а без ее поддержки Сарк не станет больше притеснять соседей. Подчиненные ему города, такие как Джеккера и Валкис, получат свободу. Империя Сарка больше не существует!

Железнобородый вскочил на ноги и в ярости крикнул:

– Значит, у нас есть возможность навечно разрушить Сарк!

Другие морские короли тоже повскакали со своих мест. Торн из Тарака кричал громче всех, требуя возмездия. Рука Иваин крепче сжала эфес шпаги.

Карс выступил вперед. Глаза его горели.

– Я же сказал: будет мир! Неужели я снова должен вызвать Рианона, чтобы он подкрепил мои слова делом?

Они успокоились, испуганные этой угрозой, а Рольд велел им сесть и придержать языки.

– Хватит боев и крови, - сурово сказал он им. - А в будущем мы сможем встречаться с Сарком на равных. Я правитель Кхондора, и я говорю: Кхондор заключит мир!

Под натиском угрозы Карса и решения Рольда, морские короли один за другим согласились. Потом заговорила Эмер.

– Все рабы должны получить свободу и люди и халфлинги.

Карс кивнул.

– Это будет сделано.

– И еще одно условие, - сказал Рольд. Его лицо, обращенное к Карсу, выражало безграничную решимость. - Я сказал, что заключу мир с Сарком, но этого не будет, напусти ты на нас хоть пятьдесят Рианонов, пока Сарком правит Иваин!

– Айя, - гремели морские короли, кровожадно глядя на Иваин. - Мы говорим тоже самое.

За их словами последовала тишина. Потом Иваин поднялась с трона. Лицо ее было гордым и мрачным.

– Условие принято, - сказала она. - Я не имею желания править выдрессированным народом и выпотрошенной империей Сарка. Я ненавидела Змею не меньше вашего, но для меня слишком поздно быть королевой рыбацкой деревушки. Люди могут выбрать другого правителя.

Она сошла с помоста, отошла к окну в дальнем конце зала и отвернулась, глядя на гавань.

Карс обратился к морским королям:

– Тогда решено.

И они ответили:

– Решено.

Эмер, не сводившая с Карса светящегося взгляда с самого начала совета, подошла к нему и накрыла его руку своей.

– И каково же во всем этом твое место? - мягко спросила она.

Карс посмотрел на нее. Взгляд его был неуверенным.

– У меня не было времени подумать.

Но теперь это время настало. И он растерялся.

Пока он будет носить с собой тень Рианона, этот мир никогда не примет его как человека. Как бы не прославляли Рианона, благоговейный страх перед Проклятым в течении многих столетий окружил это имя ненавистью.

Рианон искупил свой грех, и все равно, сколько бы не жил Марс, его будут вспоминать как Проклятого. И, как бы в ответ его мыслям, впервые со времени Кару-Дху, тень в его сознании шевельнулась, и голос мысленно прошептал:

"Возвращайся в гробницу, и я оставлю тебя, ибо хочу последовать за моими братьями. После этого ты будешь свободен. Я могу провести тебя по тропе времени назад, в твое время, если ты пожелаешь. Или же ты можешь остаться здесь."

Но Карс по-прежнему не знал.

Ему нравился этот зеленый и смеющийся Марс. Но когда он посмотрел на морских королей, ожидавших его ответа, а потом на видневшееся в окне Белое море и болота, то подумал о том, что это все же не его мир, что он не принадлежит ему по-настоящему.

Наконец он заговорил и едва он это сделал, как Иваин отвернулась от окна, устремив взгляд на Карса.

– Эмер знает и халфлинги тоже, что я не из вашего мира. Я пришел через пространство и время по пути, скрытому в гробнице Рианона.

Он помолчал, давая им возможность придти в себя от услышанного. И они действительно удивились, хотя и не слишком: после того, что случилось, они поверили бы в любое известие о нем, даже такое, понять которое они не могли.

Карс продолжал:

– Человек рождается в своем мире, и он принадлежит этому миру. Я возвращаюсь в свой собственный мир.

Он чувствовал за вежливым протестом королей явное облегчение.

– Да снизойдет на тебя благословение богов, чужеземец, - прошептала Эмер и мягко поцеловала его в губы.

Потом она вышла, а за ней - ликующие морские короли. Богхаз тоже потихоньку выскользнул, и Карс с Иваин остались одни в огромной пустой комнате.

Он подошел к ней и посмотрел ей в глаза, даже теперь не потерявшие прежнего огня.

– А ты куда пойдешь? - спросил он.

Она спокойно ответила:

– Если ты позволишь, я пойду с тобой.

Он положил руки ей на плечи, спрятанные под кольчугой.

– Ты не понимаешь. Я пришел из отдаленного времени… За миллион лет от нынешнего. - Он помолчал, не зная толком, как ей объяснить. - Посмотри туда. Подумай, как все будет, когда Белое море превратится в пустыню шевелящихся песков, когда растительность исчезнет с холмов, белые города рухнут и реки высохнут.

Иваин поняла и вздохнула.

– Старость и смерть приходят, в конце концов, ко всему. И ко мне смерть придет очень быстро, если я здесь останусь. На мне лежит клеймо, и мое имя так же ненавистно, как имя Рианона.

Он знал, что она не боится смерти, а просто использует этот довод, чтобы убедить его.

– Сможешь ли ты быть счастлива, - спросил он ее, - если воспоминания о твоем собственном мире будут подстерегать тебя на каждом шагу?

– Я никогда не была счастлива, - ответила она, - так что терять мне нечего. - Она посмотрела ему прямо в глаза. - Я согласна рискнуть. А ты?

Он крепче сжал ее плечи.

– Да, - хрипло сказал он. - Да, я тоже.

Он взял ее за руку и поцеловал. И когда он, наконец,

выпустил ее, она прошептала с новой для нее застенчивостью:

– Господин Рианон говорил правду, когда говорил со мной о варваре, - она немного помолчала, потом добавила. - Я думаю, что пока мы вместе, нам будет хорошо в любом мире.

Через несколько дней черная галера вошла в гавань Джеккеры: окончилось ее последнее путешествие под командой Иваин из Сарка.

Она и Карс получили странный прием: город собрался посмотреть на чужеземца, который был еще и Проклятым, и на госпожу правительницу из Сарка, которая не была больше правительницей. Толпа держалась на почтительном расстоянии и прославляла разрушение Кару-Дху и смерть Змеи.

Но Иваин она не славила.

Лишь один человек вышел им навстречу. Это был Богхаз, великолепный Богхаз, в бархатном одеянии, украшенный драгоценностями, с золотым обручем на голове.

Он исчез из Сарка в день совета и отправился по каким-то собственным делам. Казалось, он преуспел в них.

Он поклонился Карсу и Иваин с высокопарной вежливостью.

– Я был в Валкисе, - сказал он. - Этот город снова стал свободным. И за неслыханный героизм, проявленный мною при разрушении Кару-Дху, я был избран королем.

Он просиял и добавил с доверчивой улыбкой:

– Я всегда мечтал о королевской сокровищнице!

– Но, - напомнил ему Карс, - ведь сокровища теперь твои!

Богхаз вздохнул.

– Видят боги, да! - внезапно он стал серьезным. - Думаю, мне придется быть очень суровым с ворами из Валкиса. За любое преступление против собственности, особенно королевской, их будет ждать тяжкое наказание!

– И к счастью, - серьезно сказал Карс, - ты знаком со всеми хитрыми воровскими фокусами.

– Верно, - поучительным тоном сказал Богхаз. - Я ведь всегда говорил, что знания - очень ценная вещь. Вот увидите, как мое пристальное и глубокое изучение бесчисленных наук поможет мне сохранить спокойствие моего народа.

Он сопровождал его по Джеккере, пока они не вышли на открытую местность за городом. Тогда он стал прощаться с ними. Сняв с пальца кольцо, он вложил его в руку Карса. Слезы струились по его толстым щекам.

– Носи его, старый друг, и помни Богхаза, который так мудро направлял твои шаги в чужом мире.

Он повернулся и побрел прочь, и Карс смотрел ему вслед до тех пор, пока его массивная фигура не исчезла в путанице улиц

города, в котором они когда-то встретились.

Оставшись одни, Карс и Иваин поднялись на холмы, что возвышались за Джеккерой, и разыскали вход в гробницу. Остановившись на каменном уступе, они посмотрели на лесистые холмы, на сверкающее море, на башни города, белеющие вдали в лучах солнца.

– Ты все еще уверена, - спросил ее Карс, - что хочешь все это оставить?

– Для меня здесь нет больше места, - печально ответила она. - Я должна избавиться от этого мира, как он должен избавиться от меня.

Она повернулась и без колебаний вошла в темный туннель. Гордая Иваин, которую даже боги не могли привести в смятение. Карс пошел следом за ней, держа в руке зажженный фонарь.

Они прошли под наполненным эхом сводом и через двери, на которых было написано проклятие Рианону, вошли во внутреннее помещение, где их встретила чернота - безграничная чернота странного отверстия в пространственно-временную бесконечность Вселенной.

В это последнее мгновение страх отразился на лице Иваин, и она схватила землянина за руку. Крошечные искорки заплясали и заискрили перед ними во мраке самого времени. И когда Карс, держа за руку Иваин, шагнул вперед, в черноту, с ним заговорил голос Рианона.

На этот раз не было ощущения беспомощного барахтанья в темноте.

Мудрость Рианона вела их и ободряла. Факел погас. Карс бросил его. Сердце его колотилось, и он был слеп и глух в беззвучном водовороте времени.

Снова заговорил голос Рианона:

– Смотрите теперь моим сознанием то, что не удавалось видеть еще ни одному человеку!

Пульсирующая темнота как-то странно прояснилась. Ясность ее не имела ничего общего с обычным светом.

Карс увидел Рианона.

Тело его лежало в гробу из темного кристалла и казалось навечно заключенным в его оболочку, как драгоценность - в темную оправу.

Сквозь дымчатое вещество гробницы Карсу видны были очертания обнаженного тела, нечеловечески сильного и прекрасного. В нем было столько мощи и силы, что казалось бесчеловечным держать его здесь, в такой темноте. Лицо тоже было прекрасным. Темное и властное, оно казалось мягким даже сейчас, несмотря на закрытые, как будто в смерти, глаза.

Но смерти в этом месте не ощущалось. Оно лежало вне времени, а вне времени нет разрушения, и Рианон обречен был лежать здесь бесконечно, вспоминая свой грех.

Когда Рианон открыл глаза, Карс понял, что чужое присутствие покинуло его, но сделано это было так нежно и осторожно, что Карс ничего не почувствовал. Сознание его все еще было связано с сознанием Рианона, но чувство собственной раздвоенности исчезло. Проклятый освободил его.

И все же та симпатия, что еще существовала между этими двумя разумами, что так тесно были связаны друг с другом долгое время, позволяла Карсу слышать страстный зов Рианона - внутренний крик, что полетел по тропе сквозь пространство и время.

– Братья мои, Куири! Услышьте меня! Я искупил свое древнее преступление.

И он снова ощутил всю дикую силу его воли. Наступил период молчания, полный пустоты, а потом Карс с облегчением ощутил присутствие чужих разумов, серьезных, мощных и суровых.

Он никогда не сможет узнать, из какого мира они пришли. Давным-давно Куири ушли по этой дороге, проложенной через Вселенную, ушли в космические просторы, недоступные его сознанию. И теперь они вернулись в ответ на зов Рианона.

Карс увидел неясные фигуры богов, возникшие во мраке светлыми силуэтами.

– Позвольте мне уйти с вами, братья! Я уничтожил Змею, и грех мой искуплен!

Казалось, что Куири внимательно изучают Рианона в поисках правды.

Потом, наконец, один выступил вперед и положил руку на гробницу. Свечение внутри нее исчезло.

– Мы решили, что Рианон может быть освобожден.

У Карса закружилась голова. Сцена начала тускнеть перед его глазами.

Он увидел, что Рианон встает и подходит к своим братьям Куири, и тело его по мере того, как он идет, становится все более затененным.

Один раз он обернулся на Карса и теперь глаза его были открыты и светились страстным, непонятным человеку счастьем.

– Держи мою шпагу, землянин, носи ее с гордостью, ибо без нее я никогда бы не уничтожил Кару-Дху.

Карс полубессознательно повиновался последнему приказу. И, пробираясь с Иваин сквозь темный водоворот, с кошмарной скоростью падая во мрак, он услышал последнее звенящее эхо

прощальных слов Рианона.

Глава 20. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Наконец они снова ощутили у себя под ногами твердый камень. Шатаясь, они отошли от водоворота, и лица их были бледными и потрясенными. Они не сказали друг другу ни слова и хотели только одного: побыстрее вырваться из темного склепа.

Карс нашел тоннель. Но дойдя до его конца, он ощутил страшный испуг: вдруг он снова ошибся во времени.

Но боялся он напрасно. Рианон привел их правильно. Карс снова стоял среди холмов своего собственного Марса. Солнце садилось, и огромные впадины мертвого моря были наполнены кровавым светом. Ветер, холодный и сухой, дул из пустыни, поднимая пыль, а в отдалении виднелась Джеккера - его собственная Джеккера Лоу Кэнэл.

Он с беспокойством повернулся к Иваин, следя за тем, какое впечатление произвел на нее этот мир. Он увидел, что губы ее свело, как от глубокой боли.

Потом она распрямила плечи, улыбнулась и убрала свою шпагу в ножны.

– Пойдем, - сказала она и взяла его за руку.

Они долго шли по голому песку и призраки прошлого маячили перед их глазами. Теперь Карс видел ту свежую живую плоть, в которую некогда были облачены кости нынешнего Марса. Они видели великолепные краски, высокие деревья, богатую землю и знали, что никогда этого не забудут.

Он смотрел на мертвое дно моря и знал, что сколько бы ни было ему назначено жить, он всегда будет слышать биение прибоя о берега светящегося океана.

На Марс опустилась темнота. Маленькие низкие луны поднялись в безоблачном небе. Рука Иваин была твердой и сильной в его руке. И Карс ощущал глубокую радость в своем сердце. Шаги его убыстрились.

Они вступили на улицы Джеккеры, извилистые улочки, бегущие по сторонам Лоу Кэнэл. Сухой ветер колыхал пламя фонарей и звуки арф были такими, какими он помнил их, а маленькие темные женщины, проходя, тихо позванивали поясами.

Иваин улыбнулась.

– Это все же Марс, - сказала она.

Они бок о бок шли по извилистым улицам - человек, который все еще носил на лице темную печать бога, и женщина, некогда бывшая королевой.

Люди отступали, давая им путь, и в удивлении смотрели им вслед, и шпага Рианона в руке Карса походила на скипетр.

Р.Мид. ОТРЯД СМЕРТНИКОВ

1

Огромный мраморный дворец в Мармбурге со своими шпилями, башнями, куполами, галереями, массивными колоннами отражал красный свет солнца, заходящего за рекой Джаал, и сверкал, как огромный бриллиант. В большом обеденном зале Сигрит, король Бурна и император Северных Стран, восседал на троне среди своей знати. Дворяне собрались со всех уголков государства на устроенный королем рыцарский турнир и теперь они наслаждались заслуженным отдыхом после дня трудных и не всегда бескровных поединков. Король был огромным мужчиной с густой светлой бородой и с волевым, как бы высеченным из камня лицом, и все же Голт, юный Барон Железных Гор, был по сравнению с ним гигантом. Он на правах победителя нынешнего турнира сидел по правую руку короля. Голт одет в роскошный камзол. Плечи его были широкими, покатыми, грудь выпуклой. Предплечья, на которых выделялись бугры могучих мышц, были толщиной с бедро обыкновенного человека. Сегодня на турнире никто не смог победить его, но сейчас, когда вечер только начался, вино уже сделало то, что не смогли сделать лучшие бойцы империи.

Голт выпил слишком много вина и меда. Капли холодного пота выступили на его лбу, голубые глаза неестественно блестели, речь стала неуверенной, запинающейся. Дважды за последние пятнадцать минут он прикладывался к своему кубку. Когда он потянулся в третий раз, король придержал его руку.

– Тебе не кажется, мой друг, что тебе лучше поесть сейчас, чем пить?

Голт взглянул на монарха, в глазах у него уже начало двоиться.

– Прошу прощения, Ваше Величество!

Сигрит рассмеялся.

– После такого трудного дня, какой был у тебя, слабость поражает даже сильнейших. Вино делает то, что не смогли соперники.

Голт убрал руку. Он действительно был очень утомлен. Но ему было всего двадцать три года, он только что превратился в мужчину и не желает слушать ничьих советов, даже короля.

– Я в порядке, - сказал он. - Я в полном порядке.

– Я в этом сомневаюсь. И если ты будешь продолжать пить, тебе придется покинуть нас очень рано, как ни жаль. Мы так редко видим тебя, так далеко лежат твои владения и ты так занят после смерти твоего отца и нашего доброго друга. Управлять

огромными поместьями, затем ехать через всю страну, драться на турнире, как ты дрался сегодня - это трудная задача для любого, а ты еще совсем молод. Ты устал больше, чем тебе кажется, и если бы ты был мой сын, я приказал бы тебе больше не пить. Вот… - он придвинул к барону свое блюдо, полное всяких яств. - Поешь, а уж потом можешь продолжать пить.

Голт наклонился над едой. Вид ее вызывал в нем отвращение, и все же он понимал, что король прав. Он слишком много пил сегодня. Как сказал Сигрит, ответственность и горе тяжким грузом легли на него. Только в вине он надеялся найти избавление.

Сейчас он собрал все свои силы. Ножом он отрезал огромный кусок жареной оленины, но, поднеся ко рту, покачал головой:

– Я не могу, Ваше Величество.

Сигрит вздохнул так громко, что его было слышно даже в царящем здесь шуме, который производили подвыпившие лорды, рыцари и их дамы.

– Тогда тебе нужна небольшая прогулка по свежему воздуху. - Тон его стал повелительным и не допускал возражений. - Иди прогуляйся по галерее вдоль висячих садов. Пусть ветер с Джаала освежит твое лицо. Это прояснит твой мозг и возбудит аппетит.

Голт вытер пот с лица рукой, покрытой шрамами, полученными во многих боях. Внезапно он ощутил настоятельную необходимость прогулки на свежем воздухе.

– Да, - как всегда, слышал он свое бормотание как бы со стороны. - Как всегда, Его Величество прав. Я выйду из зала и пойду прогуляюсь, пока голова моя не освежится.

– Хорошо, - сказал Сигрит.

Голт встал и обнаружил, что очень нетвердо держится на ногах. Он не без трудности перешагнул через скамью. - Вернусь через несколько минут, - сказал он и начал пробираться через холл между шутами, трубадурами, охотничьими собаками и всеми теми, кто заполнял пространство между столами.

Однако не успел он дойти до выхода, как чья-то рука коснулась его плеча и остановила его.

– Милорд, - сказал женский голос. - Ты уже покидаешь нас?

Голт посмотрел на женщину. Это опять была она: эти темные, огромные, блестящие глаза неотрывно смотрели на него с того самого момента, как он появился во дворце два дня назад. Они настойчиво преследовали его и можно было безошибочно сказать, чего они хотят. Голт отдернул руку. - Да, леди Кирена. Но ненадолго. - Не в силах удержаться, он окинул взглядом ее с головы до ног: ее волосы цвета вороньего крыла под шапочкой из жемчуга, полную грудь под простой белой, почти прозрачной

тканью, соблазнительный изгиб бедра…

Им овладели безумные чувства: желание и страх. Желание, потому, что она была совершенно прекрасна и недвусмысленно предлагала ему себя, обещая неописуемое блаженство. Страх, потому, что она была женой другого человека. - Я выпил чересчур много, и король отправил меня освежиться. Я иду в висячие сады. Как только туман в моей голове рассеется, я вернусь.

– Такой воин, как ты, имеет право на выпивку, - промурлыкала она. - Разве не так, Гюнтер?

Гюнтер Крилинг дважды терпел поражение сегодня от юного барона. Он был немного старше Голта, но значительно ниже ростом, хотя тоже славился, как великолепный боец. Его холодные темные глаза перебегали с жены на Голта.

– Может быть, - натянуто сказал он и вернулся к своему вину.

– Не может быть, а несомненно, - сказала Кирена. - Победителю всегда положен приз. Но ты же не оставишь нас надолго, барон Голт.

– Конечно, - сказал Голт. - Я не задержусь.

Затем он повернулся и пошел к выходу.

Сигрит был прав. Холодный вечерний ветерок с Джаала освежил его голову. Голт ходил взад-вперед по галерее вдоль цветущих и висячих садов, с этой высоты мог видеть почти весь город.

Город никогда не переставал восхищать его. Его собственные поместья и замки в Железных Горах были по-деревенски грубы и не цивилизованны. Здесь перед ним раскинулся большой город с широкими улицами и бульварами, чистыми красивыми домами. Даже небольшие дома были сделаны из мрамора и выглядели дворцами. Здесь царил покой. Здесь он был чужим. Там, на самом краю империи, откуда он приехал, ему постоянно приходилось вести войны с северными варварами, совершавшими набеги на его земли и замки.

Или образование. Сигрит основал здесь центр для распространения знаний, но только самых необходимых. Каждый человек знает, что всеобщее образование несколько сот лет назад привело к страшной катастрофе. Тогда человек возомнил о себе так, что решил занять место среди богов, и боги в гневе ввергли мир во мрак. И только теперь люди начали немного приходить в себя. Во всем были виноваты колдуны и они строго-настрого были запрещены в Бурне и во всех Северных Странах. Но конечно, были и те, кто нарушал запрет Сигрита.

Сейчас, глядя на Мармбург, на последние лучи заходящего за рекой Джаал, и за развалинами старых замков солнца, Голт ощущал необъяснимый страх. Ему казалось, что чья-то рука

коснулась его, чьи-то глаза смотрели в его душу. Он понял, чем было вызвано это ощущение. Оно было вызвано тем, что он был готов преступить закон Сигрита. На простолюдинов этот закон не распространялся, но Сигрит установил, что жены дворян неприкосновенны и Голт своим отуманенным алкоголем мозгом понимал, чего он так боится. Потому что Кирена была рядом с ним с самого момента их первой встречи два дня назад. Конечно, не в прямом смысле слова, но, несомненно, она преследовала его, и Голт не был уверен, что он сможет долго сопротивляться этому настойчивому желанию. Сейчас он думал об этом, расхаживая взад и вперед по галереям и не торопясь возвращаться в зал. Он понимал, что слишком пьян и не может управлять собой.

Им правили сейчас не рассудок, а плотские желания. Быть рядом с леди Киреной в таком состоянии - это значит подвергнуть себя страшным мукам, а может…

И поэтому он ходил и жадными глотками впитывал свежий воздух, чистый и сладкий, как будто мир только что родился. И не торопился возвращаться. Он должен отрезветь настолько, чтобы полностью взять контроль над собой. Как же хорошо Сигрит знает человеческую натуру! Ведь он настоял на том, чтобы барон пошел проветриться.

Завтра, размышлял Голт, он должен просить короля о помощи. Теперь он понимал, что должен иметь жену. Женитьба погасит огонь в крови, безжалостно сжигающий его. А к тому же он теперь Барон Железных Гор, должен позаботиться о наследнике. И он попросит короля подобрать ему подходящую жену, такую же одинокую, как и он сам. Голт редко имел возможность появляться при дворе и общаться с другими дворянами…

Тем временем, размышлял он, радуясь, как проясняется голова, тем временем, он постарается не поддаться искушению. Сегодня он уже выиграл поединок, и пусть совесть останется чиста.

Дойдя до конца галереи, Голт повернулся и остановился.

По галерее навстречу ему шла чья-то женская фигура в белом. В сумеречном свете она казалась привидением. Но затем он услышал свое имя.

– Милорд Голт?

Это был голос Кирены.

Голт глубоко вздохнул.

– Да, - сказал он.

– Я решила, что тебе хочется пить и принесла вина.

Она пошла к нему медленно, покачивая бедрами, и держа в руках большой кубок с вином.

Голт стоял неподвижно.

– Мне кажется, миледи, - услышал он свой голос, - что ты поступаешь неразумно.

Она ласково проворковала:

– Если бы женщина всегда поступала разумно, то люди вымерли бы давным-давно. - Она подошла совсем близко к нему. Он ощутил аромат ее духов и, он выругался про себя, тепло ее тела. Кирена поднесла кубок к его губам:

– Ты выпьешь?

Голт закрыл глаза, глубоко вздохнул. Затем он снова где-то вдалеке услышал свой голос.

– Да, миледи. Я выпью. - И он припал к кубку, сделал большой глоток.

Когда он кончил, Кирена поднесла кубок к своим губам и сделала несколько глотков. Затем она поставила кубок на каменную балюстраду, которая шла вдоль галереи.

– Теперь наши губы имеют одинаковый вкус, - прошептала она, и он почувствовал, как ее руки обвились вокруг его шеи, как ее пальцы запутались в его волосах. Голт со сдавленным хрипом обнял ее и прижал к себе так сильно, что почувствовал каждую линию, каждый изгиб ее податливого тела. Он прижался своими губами к ее жадному ждущему рту.

Он не знал, сколько времени они стояли так, в темноте, мягкой и пахнущей ароматом цветов. Он знал только, как ее губы жадно прижимались к нему. Он знал только, что она зажгла в нем огонь. И было неудивительно, что он не замечал ничего вокруг, пока внезапная жестокая сила не вырвала Кирену из его рук и в горло его не уперлось острие меча.

– Ты, пес! - прорычал Гюнтер. - Ты паршивый пес! - и он сильно нажал меч. Голт инстинктивно отступил назад. В глазах его рассеялся туман и он увидел Кирену, распростертую на полу галереи.

– Ты думаешь, что ты выше Сигрита, потому что победил на турнире? Ты знаешь, что я сейчас убью тебя? Раздавлю без жалости, как червяка! Меч его был остр, как бритва, и Голт почувствовал, как теплая жидкость стекает по его коже. Еще немного давления, и его вена будет перерезана…

Голт бросился в сторону и тут же пригнулся. Первый яростный удар Гюнтера чуть задел плечо Голта. А второй просвистел над его головой. Меч барона с шипением выскользнул из ножен и метнулся вперед, чтобы скреститься с мечом Гюнтера. Раздался резкий металлический звук. Голт думал о том, как бы не убить противника. Он должен только обезоружить его. Голт знал, что может это сделать, как уже сегодня ему удавалось это дважды

во время турнира.

Он применил все свое искусство и силы, чтобы потеснить Гюнтера и освободить себе место для маневра. Разгневанный супруг был опасным противником. Хотя он проигрывал в силе, но не уступал в искусстве и ловкости. И все же не мог он сравниться с Голтом, и барон постепенно теснил его вдоль галереи. Дуэль в темноте была чревата многими неожиданностями, могло случиться всякое, и Голт был очень осторожен при каждом ударе, чтобы тот не привел к смерти. Используя все свое искусство, он понемногу оттеснил противника к свету, где он мог бы выбить у него меч из рук. А потом уже извиниться, покаяться перед королем перед ним, - но сначала он должен спасти свою жизнь, так как Гюнтер вознамерился убить его и не желал слышать никаких извинений…

Затем случилось что-то непонятное. Голт ударил, и Гюнтер обязан был с легкостью отступить назад и отразить удар. Но вместо этого он вдруг издал какой-то звук и упал вперед. Прежде чем Голт успел убрать меч, он почувствовал тяжесть на нем. Острие наткнулось на кость и Гюнтер издал сдавленный крик. Лезвие Гюнтера вывалилось из его рук и со звоном упало на мраморный пол.

Он опустился на колени, увлекая за собой меч Голта, за который он ухватился руками. По лезвию тонкой струйкой стекала кровь. Гюнтер снова издал ужасный крик и затем, когда похолодевший от всего случившегося Голт выдернул меч из раны, он упал на пол лицом вниз.

Из темноты раздался странно возбужденный голос Кирены:

– Милорд, ты убил его!

У Голта перехватило дыхание.

– Клянусь богами, я не хотел этого. Он споткнулся и упал на мой меч… - Голт посмотрел на Кирену, которая поднялась с земли и стояла там, где только что стоял Гюнтер, перед тем как упасть. И Голт бессильно опустил меч. - Или его толкнули, - сказал он угасшим голосом.

– Какая разница? - Кирена подошла к нему, и он ощутил ее ароматное теплое дыхание.

– Он сам напал на тебя, я могу подтвердить. - Ее пальцы гладили бицепсы Голта. - И теперь его нет. У него не было детей, и если мы будем вместе, король несомненно объединит наши владения… но это не важно. Важно то…

Голт стоял неподвижно с окровавленным мечом в руке почти минуту, а она в каком-то безумии терлась об него всем телом. Затем Голт пришел в себя и отшвырнул ее в сторону еще более грубо, чем это сделал ранее Гюнтер. Он с отвращением сказал:

– Пошла прочь от меня, шлюха!

Она сильно ударилась о колонну. В ее звенящем крике прозвучали страх и гнев:

– Голт! Ты идиот! Ты знаешь, на что идешь?

Ярость и отвращение в Голте были настолько сильными, что он не мог даже говорить. Наконец он собрался с силами и с трудом сказал:

– Я отдаю себя на суд короля, - и не оглядываясь пошел в обеденный зал.

Хотя юристы и адвокаты были в Бурне, Сигрит ненавидел их и не позволял им вести важные дела.

– Гиены, - говорил он, - они сосут кровь народа. - Так что и в случае Голта ни один адвокат защищать его не мог. Голт знал это, когда после двухнедельного заключения, он под охраной шел в тронный зал Бурна.

Зал был огромен. Высокий потолок, разрисованный фресками, поддерживали колонны из радужного мрамора. Солнечный свет проникал через большие полукруглые окна, и золотые зайчики отражались от большого трона Бурна в дальнем конце зала, на котором сидел Сигрит, король Бурна и император Северных Стран. Обычно простой, доброжелательный, скромно одетый, сегодня он был одет роскошно, под стать Львиному Трону, на котором он сидел. Он был весь в алом, золотом и белом, на голове золотая корона, вместо скипетра он держал Большой Меч Бурна. Дюжина вооруженных охранников вели Голта по залу, держа мечи наготове. И молодому барону Железных Гор казалось, что это самое длительное путешествие которое он когда-либо совершал. И когда он приблизился к трону, преклонив перед ним колени, поднялся и взглянул на короля, то ему показалось, что он впервые видит этого человека.

Губы Сигрита были плотно сжаты. Голубые глаза как бы заглядывали в душу барона, пальцы унизаны кольцами с драгоценными камнями, соперничая в роскоши с усыпанной бриллиантами рукояткой меча. Голт почувствовал, что он не может сказать ни слова, он был полон трепета.

– Ваше Величество, - сказал Альбрехт Вольфсгейм, родственник короля и камергер. - Здесь убийца, Голт. - Альбрехт стоял рядом с предводителем охраны Вольфсгейма Эро: полуволком. Когтистые руки Эро лежали на рукояти меча, из открытого рта со страшными клыками выглядывал кончик красного языка. Рядом с королем стоял Винчи, капитан дворцовой охраны Мармбурга. Голт хорошо знали любил его.

– Да, - сказал Сигрит.

Альбрехт рванул свиток.

"Он обвиняется в нарушении королевского закона, в том, что он спровоцировал дворянина Гюнтера Крилинга на дуэль в стенах королевского дворца, дуэль была вызвана безнравственным поведением обвиняемого с женой Гюнтера леди Киреной, дело которой уже рассматривается в суде. Во время дуэли в стенах дворца обвиняемый убил Гюнтера, который был дворянином и, следовательно, находился под защитой Королевского Закона. Такая распущенность нравов и убийство дворянина, как сказано в королевском указе, наказывается смертной казнью".

– Ясно, - сказал Сигрит. - А теперь я хочу, чтобы все оставили нас. Милорд, Камергер, Винчи, охрана. - Его глаза остановились с неудовольствием на полуволке Эро. Их сохранилось много с времени великой мировой катастрофы, но к ним доброжелательно относились только в герцогстве Вольфсгейм, где они ценились, как стойкие и мужественные солдаты. - И ты, добрый Эро, - добавил он, чтобы Альбрехт не почувствовал себя обиженным.

– Но, Ваше Величество, - запротестовал Альбрехт. - Ведь перед вами стоит убийца…

Сигрит бросил на него холодный яростный взгляд.

– Он не вооружен. - Король поднял Большой Меч Бурна. - Ты думаешь, что я беззащитен?

– Прошу прощения, - пробормотал Альбрехт и рявкнул приказание охране. Голт неподвижно стоял, пока они уходили. Их кованые сапоги звенели подошвами по мраморному полу. Звуки их шагов эхом раскатились по залу и затихли под сводами потолка. Все вышли и дверь за ними захлопнулась с громоподобным звуком. Сигрит сидел неподвижно, пока все звуки не затихли и не воцарилась тишина. Эта тишина показалась Голту совершенно невыносимой. Глаза короля непрерывно смотрели на Голта.

– Ты не сказал ни слова против леди Кирены, - наконец заговорил король.

– Во всем следует винить только меня, - ответил Голт.

– И понесешь наказание, - холодно ответил Сигрит. - Если бы ты не вел себя по-свински и с ней.

– Ваше Величество правы, - сказал Голт.

– И все же она тоже виновата в том, что произошло. Ее дело уже рассмотрено и она навсегда изгнана из Бурна. Твое преступление гораздо тяжелей. Нарушить королевский указ прямо в стенах дворца, убить дворянина, - ты знаешь, как я неумолим в таких случаях.

– Знаю, сэр.

– И если у тебя нет веских оправданий твоего поступка, ты

поплатишься своей головой.

Голт долго стоял молча. Было, конечно, обидно, постыдно, ужасно умереть такой глупой смертью, и хорошо, что его отец умер и не видит этого позора. И когда Голт обдумал все, что произошло с ним за последние два дня, он почувствовал, что у него нет и желания жить. Сигрит не мог осудить его так же сурово, как Голт осудил себя сам. Кровь Гюнтера была на его руках и жить с нею было бы позорней, чем умереть.

Затем он заговорил:

– Сэр, мне нечего сказать.

Сигрит сидел неподвижно. Затем он вздохнул и яростно выругался.

– Будь ты проклят, горячая голова!

– Сэр…

– Молчи, если тебе не дали разрешения говорить! - гневный голос Сигрита прозвучал, как удар грома. Он взмахнул мечом и вскочил с трона. Сбросив с плеч горностаевую мантию и сняв с головы корону, он соскочил с возвышения и начал расхаживать по залу. Он стискивал в руке Большой Меч.

Голт стоял поджав губы, ему было страшно.

Ни один смертный не мог смотреть на Сигрита без страха, когда он был в гневе.

Затем король остановился, резко повернулся. Глаза его метали голубое пламя, рот был перекошен.

– Твой отец, - сказал он, - был моим другом с самого детства. Бок о бок мы с ним сражались во многих битвах с варварами Темных Стран. Не раз его доблесть и истинное искусство спасали мою жизнь. А ты - по всему было видно, что ты должен был стать великим воином, даже более великим, чем был твой отец, стать моей правой рукой на северных границах империи, ты, на кого я возлагал надежды, кем гордился, как сыном! И ты, со своим пьянством и грязной похотью, оказался в таком положении! - лицо его побагровело, каждая прядь бороды топорщилась, выражая негодование. Он взмахнул мечом, - Теперь мне придется убить тебя!

– Ваше Величество, если вы этого хотите, я готов! - сказал Голт без всякой напускной бравады. Он был удивлен, что голос его прозвучал твердо и уверенно.

– Ах ты, молокосос! - вскричал Сигрит, придя в еще большую ярость. - Ты думаешь, что я палач? Если тебе суждено потерять ту глупую погремушку, которая сидит у тебя на плечах, то это сделает не Большой Меч Бурна. Ты будешь казнен на эшафоте, как обычный преступник.

– Я готов и к этому, - сказал Голт. Сигрит взглянул на него.

– А почему ты не скажешь, что во всем виновата эта паршивая сука Кирена? Ведь из-за нее все произошло и мне приходится подвергать тебя наказанию!

– Милорд, я взрослый человек. Я несу ответственность за свои поступки и не возлагаю вину на женщин.

Сигрит долго смотрел на Голта горящими глазами. Затем он глубоко вздохнул. - Хорошо сказано, - пробормотал он спокойным тоном. - Даже если бы ты возложил свою вину на нее, это тебе не помогло бы… - он провел ладонями по лицу. Это было бы слишком легко и просто.

– Он помолчал, яростно теребя свою бороду. - Я хочу наложить на тебя более суровое наказание. Я потребую от тебя, чтобы ты стал взрослым.

– Ваше Величество? - недоуменно пробормотал Голт. Он решил, что ослышался, или неправильно понял короля.

– Да, да! Стать взрослым! - прогремел Сигрит, снова впадая в ярость. Затем на лице его мелькнула саркастическая улыбка. - Ты, наверное, думаешь, что это легкое наказание? Скоро ты будешь думать иначе. - Затем гнев отхлынул от его лица, глаза стали холодными. - Во-первых, я отбираю твои владения, - сказал он. - На время баронство Железных Гор переходит в собственность короны.

Это прозвучало как удар по лицу. Никакой физический удар не мог бы быть страшнее и обиднее. Голт отшатнулся.

– Ваше Величество…

– На время! - рявкнул Сигрит. - Пока ты не докажешь, что стал взрослым мужчиной. - Губы короля скривились. - Ты ведь считаешь себя великим воином? Я дам тебе возможность сражаться досыта. Идем со мной. - Рука короля схватила Голта за предплечье и толкнула юношу вперед.

Удивленный Голт, подталкиваемый королем, прошел к небольшой двери за троном. Сигрит распахнул ее, ткнул Голта острием меча. - Сюда! - рявкнул он.

Дверь за ними закрылась. Голт в изумлении осмотрелся вокруг. Он даже не подозревал о существовании этой комнаты. Она была отделана мрамором, как и весь дворец. Роскошные ковры украшали ее. Через высокие окна с толстыми матовыми стеклами сюда проникало много света. Но Голта больше всего поразило содержание комнаты. На мраморных стенах были искусно нарисованы карты. Масштаб их был таким, что мельчайшие подробности были на них обозначены. В промежутках между картами у стен стояли огромные шкафы, забитые тяжелыми книгами в кожаных переплетах. Такого количества книг Голт еще никогда не видел. В другом углу

комнаты висела прекрасная лютня. Говорили, что Сигрит очень искусный музыкант и виртуозно владеет этим сложным инструментом. Тут и там по комнате были разбросаны разнообразные безделушки, взятые в качестве трофеев во время постоянных войн с северными варварами. В другом углу стоял письменный стол, заваленный листами пергамента. На столе лежали приготовленные для работы перья и стояла золотая чернильница.

– Слушай внимательно, - рявкнул Сигрит, видя, что Голт стоит с раскрытым ртом. Он прошел к дальней стене, на которой была нарисована карта. Голт сразу узнал, что на ней изображено. Это была империя Серых Стран, раскинувшаяся через весь континент от моря до Великих Гор на востоке. На север от империи были расположены Темные Страны, заселенные дикими варварскими племенами. К югу от Северных Стран располагалась Страна Света, прекрасная страна, где, как говорили, процветали науки и искусства.

Эта страна давно оправилась от той жуткой катастрофы, в которую был ввергнут весь мир. Голт видел, что Серые Страны и Бурн лежат между Темными Странами и Страной Света. Сигрит всей своей военной мощью оберегал пробивающиеся ростки знаний от темных северных Варваров, которые ради наживы и грабежа втоптали бы прекрасную страну в грязь.

Кончик большого меча, который Сигрит использовал, как указку, путешествовал по карте.

– Мармбург, - напряженно сказал он. Кончик меча пошел дальше, пересек границу которая отделяла Северные Страны от Темных Стран варваров. Затем указка прошла вперед, вправо, далеко вправо. Здесь уже была область, где были обозначены только самые большие горы, реки и озера. В основном это было пустое пространство, где фантазия художника поселила драконов и прочих фантастических чудовищ. Это была Терра Инкогнита - неизвестная земля.

– А здесь, - сказал Сигрит, остановив движение меча, - неизвестная земля.

Что-то в голосе короля заставило Голта затаить дыхание.

– Да, - сказал он.

– Ты знаешь рассказы об этой стране? - глаза Сигрита буквально сверлили барона.

– Да, сэр. Неизвестная земля отделена от наших владений и страны Варваров Великими Топями Кушна. Она объявлена ничьей землей. Согласно слухам, она населена чудовищами, химерами, порождениями огня и льда и еще кое-чем похуже.

– Да, возможно. А может быть, там хорошие леса, богатые

пастбища, медь, железо, серебро и золото или другие сокровища, которым нет цены, - король опустил меч. - И я думаю, что там скрываются те, кто бежал от карающего меча нашего закона - преступники всех мастей, колдуны, маги, чье искусство я объявил вне закона в моем государстве. Никто не знает, что там на самом деле. Он опустился в кресло. - Два года назад я решил присоединить эти земли к своей империи. Я тайно послал туда экспедицию под руководством Барта, кузена дюка Вольфсгейма и прекрасного воина. В отряд входили сотня опытных солдат и несколько ученых. Их миссия заключалась в том, чтобы найти путь через Топи, войти в Неизвестную Страну, исследовать ее богатства и объявить ее владением короля Бурны. - Он замолчал и комната погрузилась в тишину на целую минуту. - С тех пор я не получил от них ни единой весточки.

Голт не сказал ни слова. Но надежда пробудилась в нем. Надежда и возбуждение.

– Больше я не желаю рисковать людьми, - сказал Сигрит, тщательно выговаривая каждое слово. - Но в данном случае… - он посмотрел на Голта.

– Но в данном случае моя жизнь ничего не стоит, - быстро сказал Голт. - Она все равно потеряна.

– Да, - сказал Сигрит почти с облегчением. - Так или иначе; твоя жизнь потеряна.

– Когда же мне выходить? - горячо выпалил Голт.

– Подожди, ты еще не знаешь условий. Я сказал, что не хочу больше рисковать людьми, но не можешь же ты идти один. Тебе нужны люди, но я не хочу приносить в жертву своих солдат. Конечно, я обеспечу экспедицию всем самым лучшим, что есть в империи, но люди…

Он замолчал.

– Что люди? - спросил Голт с тревогой.

Сигрит долго молчал, а затем ответил. - Ты убийца. Следовательно, тебе будет не на что жаловаться, если я поставлю тебя во главе армии таких же, как ты. В тюрьмах Бурна мы наверняка найдем сотню человек, осужденных на смерть, которые предпочтут, идти с тобой в Неизвестную Страну, встрече с палачом.

Голт разинул рот:

– Но, Ваше Величество…

Сигрит свирепо ответил:

– Я же сказал, что не хочу жертвовать своими солдатами! Воры, убийцы, насильники! Все отребье королевства! Вот твоя армия, барон Голт! Поход с ними, или тюрьма и топор палача - вот твой выбор! Найди путь через топи, исследуй Неизвестную

Землю, выясни судьбу лорда Барта и его людей! Затем возвращайся назад и ты получишь прощение. И не только прощение, но и возвращение своих владений.

Он встал. - Правда, скорее всего ты сложишь голову где-нибудь там, но решай сам.

Опять в комнате воцарилась тишина. Лицо короля казалось высеченным из мрамора. Глаза Голта были прикованы к карте, к тому месту, где на ней было пустое пространство, заселенное воображением художника различными чудовищами, воображаемыми или реальными, кто знает? Земля, которая лежала от Великих Топей Кушна к северо-востоку. Непроизвольно его рука потянулась к поясу, хотя меча на нем не было.

– Ну, - сказал Сигрит, - Ну?

– Я пойду, - сказал Голт, - И попытаюсь выполнить волю Вашего Величества.

Король отвернулся.

– Это не своей волей я посылаю тебя в такой путь. Это закон.

В его голосе отчетливо слышалось горе. Затем он встал и взял руку Голта. - Но, если ты сможешь сделать это, барон Голт, ты заслужишь больше, чем прощение, больше, чем возвращение своих владений. - Он глубоко вздохнул… - Ты заслужишь мою благодарность и любовь.

– Значит, я буду не напрасно рисковать, - сказал Голт. - Когда Ваше Величество желает, чтобы мы выступили в поход?

2

Эту ночь, находясь под домашним арестом, Голт спал в своей спальне королевского дворца и ему снился дом.

Старкбург! Древняя крепость в Железных Горах. Во сне он снова видел могущественные башни, которые вонзались в темнеющее вечернее строение неба, как гигантские пальцы. Крепость была выстроена высоко в горах, а фундаментом служили огромные камни гор. Это был неприступный бастион холода, каменных глыб, вздыбившихся из глубин самой земли. При дневном свете эти укрепления, башни, большая стена, опоясывающая город, чтобы защитить его от нападения снизу, казались серыми и невыразительными. Но на восходе или закате солнца, когда его лучи освещали крепость под углом ярким светом, горы, в которых было много железной руды, начинали сверкать и весь замок окрашивался в сияющие цвета, которые постепенно переходили в кровавый горящий цвет.

Голт стонал и ворочался. Он видел семейное гнездо и гордился им. Видел широкие плодородные поля в предгорьях, видел темные леса, где с малых лет он охотился на зверей. Видел раскидистые укрепления деревни, где каждый крестьянин был хорошо обученным солдатом, готовым по первому зову трубы выступить на защиту своего гнезда от вторжения варваров или нападения таинственных существ, которых много расплодилось на земле после всемирной катастрофы. Это было самое сильное и мощное укрепление во всем Бурне, оно закалялось в жестоких битвах, которые вели многие поколения предков Голта. И теперь, подумал он пробуждаясь, всего этого он лишился в результате пьяной глупости. Но он должен вернуть все назад во что бы то ни стало.

Он отбросил одеяло, поднялся и в одной сорочке начал расхаживать по комнате. Он выпил холодной воды из графина. Правда он предпочел бы что-нибудь покрепче, чтобы прогнать черную депрессию и отчаяние, стиснувшее его душу. Но под рукой ничего не оказалось, так как король запретил давать ему спиртное. Он выпил еще воды, и, наконец, так как рассвет был уже близок, умылся и оделся в одежду, в которой он мог появиться при дворе. Затем он подошел к огромному окну и распахнул его, глядя на Мармбург, раскинувшийся перед ним и просыпающийся на рассвете. Лучи солнца осветили его мраморные дома и весь город казался россыпью драгоценных камней. Свежий воздух трогал его лицо. Голт пил его большими глотками. Непроизвольно его левая рука поглаживала могучие

мышцы правой руки.

– Хорошо, - подумал он, жребий брошен. Теперь уже не имеет значения, что ему выпадет, орел или решка. Он должен теперь отбросить прочь всю жалость к себе и должен всем сердцем и всеми силами отдаться тому делу, которое ему поручено. Если возвращение Баронства Железных Гор зависит от этой сильной искусной руки, которую сейчас оглаживают его пальцы, то дело не так уж и безнадежно. Сколько бы воли и сил не потребовал этот поход в Неизвестную Страну, он найдет их в себе.

Решение было принято и настроение сразу улучшилось. Принесли завтрак и Голт поел с аппетитом. Затем его вызвали к королю и он шел через лабиринт коридоров широким уверенным шагом. Голова его была гордо поднята, плечи расправлены.

В большом холле не было никого, кроме короля, одетого в охотничий наряд и развалившегося на троне, и старика в красно-золотых цветах армии Бурна. Старик стоял рядом с королем, приземистый, толстый. На голове его были совсем седые волосы. Голт опустился на колени, затем поднялся и посмотрел на своего монарха.

Король махнул рукой.

– Ты, конечно, знаешь моего генерала Вальцхера.

– Да, сэр, - поклонился Голт. - Он был другом моего отца, и они вместе участвовали во многих сражениях.

– Верно, - сказал король, - именно потому я решил, что он должен заменить тебя в баронстве, пока ты будешь отсутствовать. Ты дашь ему письма управляющим и капитанам, что он будет править вместо тебя. Его слово будет таким же законом, как и твое, и ему должны подчиняться, как и тебе - беспрекословно.

– Хорошо, сэр. Я сделаю это. - Голт почувствовал приятное облегчение во всем теле и приступ нежной любви к своему королю. Ведь при дворе много таких дворян, которые были способны на все, чтобы получить в свое владение такое богатое поместье, как баронство Железных Гор. И даже если бы он вернулся с победой из своего похода, пришлось бы приложить немало усилий, чтобы выдворить их оттуда. Но Вальцхер был умен, честен, и ему можно было довериться без опасений.

И как бы в подтверждение этому, генерал заговорил.

– Милорд, ты понимаешь, как неохотно я берусь за это дело. Меня заставляет только необходимость.

Он помолчал, задумчиво приглаживая седые волосы.

– Но я могу тебя заверить, что мое правление будет справедливым, человечным и, насколько я смогу, мудрым.

– Я не сомневаюсь в этом, сэр. Я только прошу иметь в виду, что по традиции, мой народ имеет права и свободы более

широкие. Мы все там, в Железных Горах, пограничники, и нас трудно вставить в обычные рамки. Но они подчиняются дисциплине, конечно в тех пределах, в которых находят ее разумной и необходимой, - он повернулся к королю и продолжал. - Благодарю, сэр, за столь мудрый выбор. Теперь мой разум будет более свободен, а рука сильнее.

– Этого я и хотел, - сказал Сигрит.

– Благодарю, генерал, ты можешь идти. Мне еще нужно поговорить с бароном Голтом.

Вальцхер поклонился и вышел. Развалившись на троне, король ковырял кончиком кинжала в зубах. Он лукаво взглянул на юного барона.

– Ну как? Твое мужество еще сохранилось? Твоя решительность не исчезла?

– Сэр, если бы мой отряд уже был готов, я выехал бы немедленно. Чем скорее начать, тем скорее кончить.

Король улыбнулся довольный:

– Я же сказал, что хочу, чтобы ты выехал как можно скорее. Все приказы уже отданы: лошади, мулы, снаряжение - все уже готово. Ты можешь сам убедиться, что в этом смысле я сделал все, чтобы ты смог добиться успеха. Раз уж я не рискую людьми, то с радостью отдаю деньги. - Он нахмурился. - С тобой здесь при дворе есть свита?

– Да, Ваше Величество. Линднер, капитан рыцарей и с полдюжины оруженосцев, пажей… Я хочу, отослать их в Старкбург вместе с генералом Линднером.

– Они уедут. За исключением… - король залез в карман и достал лист бумаги.

– Что ты думаешь об этом послании? Я опущу все формальности, которые идут вначале, и с которыми оно адресуется к нам. Перейду прямо к содержанию.

Он держал лист далеко от глаз. Ведь лет ему уже много и зрение его было не такое острое, как в молодые годы.

"… и как Ваше Величество знает, я заслужил во многих битвах награды, которые получил из ваших рук. Поэтому я осмеливаюсь обратиться к Вам с просьбой. Это был я, кто по поручению его отца впервые вложил меч в его руки, впервые дал поводья в руки молодого барона. Я обучал его воинскому искусству, которым он неоднократно и успешно служил империи. И за это я прошу вашей милости. Я прошу разрешить не нарушать моей клятвы, данной его отцу. Я поклялся, что никогда не оставлю молодого барона, что всегда буду ехать с ним навстречу любой опасности, оберегая его своим собственным мечом. Поэтому прошу милостивого разрешения Вашего Величества

сопровождать барона Голта в его походе в Неизвестные Страны".

Король опустил бумагу.

– Подпись, - сказал он. - Линднер, капитан Голта, барона Железных Гор.

Голт проглотил слюну. Затем он покачал головой.

– Сэр, я прошу, чтобы вы отказали ему. Вы сказали, что поход очень опасен, и вы не хотите рисковать никем, кроме меня, так как моя жизнь все равно потеряна. Я очень люблю Линднера, который действительно был моим отцом. Я люблю его может всего лишь немногим меньше, чем родного отца, упокой Боже его душу. Из всех людей он единственный, чьей жизнью я не хочу рисковать. Я не хочу брать его с собой, а кроме того, генерал Вальцхер будет нуждаться в нем. Скажите ему, пожалуйста.

– Я не могу, - сказал Сигрит. - Линднер заслужил это право своей службой короне. Но если ты хочешь, ты можешь не брать его. Он ведь на службе у тебя. Если ты не хочешь, чтобы он сопровождал тебя, просто скажи ему.

Голт покачал головой.

– Я не могу сделать этого. Ни лицом к лицу, ни прямо в глаза.

Король засмеялся:

– Он честно служил тебе?

– Не раз он спасал мне жизнь.

– Тогда я думаю, что он должен ехать. Твоя жизнь представляет большую ценность, и этот поход очень важен для империи, а он зависит от твоей воли и жизни. Но все же решение остается в твоих руках. - Он громко хлопнул в ладоши. - Капитан Линднер!

Зашевелилась портьера. Голт повернулся и увидел человека в шлеме, кольчуге и кожаном пальто, из-под которого был виден меч. Лицо Линднера было жесткое, суровое с серыми глазами, которые постоянно были настороже, чтобы опасность не настигла врасплох. Он был таким и в молодые годы, а сейчас ему было больше сорока лет. Он улыбнулся Голту и поклонился ему.

– Так как король согласился с моей просьбой, а ты признал, что не можешь сказать "нет", то я полагаю, что все улажено, и я еду с тобой!

Голт смотрел на него.

– Черт побери, Линднер. Ты вступил в заговор с королем…

– Так я еду? - глаза Линднера встретились с глазами Голта.

Голт расслабился, рассмеялся, хлопнул Линднера по плечу.

– Хорошо, Линднер, едем.

Линднер усмехнулся.

– Отлично.

Послышался голос Сигрита.

– Ну, с этим покончено. Линднер, передай дюку Вольфсгейму чтобы через час все приготовленные к смерти узники были под сильной охраной и в цепях выстроены на площади тюрьмы. Там ты и твой господин подберет себе нужных людей.

Линднер поклонился и вышел, бросив взгляд на Голта.

– Ну а теперь, - сказал король, поднимаясь с трона, - остается еще одно дело уладить. Но это дело секретное. Идем.

Он снова привел Голта в забитую книгами и увешанную картинами комнату. Указав молодому барону на кресло, король уселся на краешек письменного стола, все еще поигрывая кинжалом. Он испытующе посмотрел на Голта, затем кивнул, как бы согласившись со своими размышлениями.

– Я решил рассказать тебе дело чрезвычайной секретности.

В голосе короля было что-то такое, от чего дрожь пробежала по телу Голта.

– Веришь ли ты, или имел когда-нибудь дело с колдунами? Магами? Волшебниками? - Сигрит наклонился к Голту, пристально глядя на него голубыми горящими глазами. - Скажи мне.

Голт помолчал. Затем он покачал головой.

– Сэр, у меня нет никакого опыта в таких делах. Ведь вы запретили им появляться в империи. Я тоже запретил их в своих владениях.

– Конечно, - король поднялся, начал расхаживать по комнате. - Я сделал это потому что не верю… а может потому что верю…

– Но, Ваше Величество, это бессмысленно. Магия и колдовство обманывают все ощущения человека, насмехаются над чувствами, превращают их в ничто! Вера в колдовство открывает большие возможности перед нечестными людьми с обычными способностями играть на суеверии людской массы, обманывать людей. Законы природы человека предсказуемы. Их легко можно установить и на этой основе создать законы справедливости, гуманности, честности. Законы магии, если они и существуют, не знают никаких пределов рациональности, они хаотически и, следовательно, они работают против любого проявления порядка. Поэтому я выпустил закон, согласно которого в Бурне и в Серых Странах магия и колдовство запрещены, и колдуны изгнаны из государства. Это, - рявкнул он, - положило конец анархии, и в моем государстве правит закон и порядок.

– Да, сэр!

– И все же, - король яростно мерил ногами комнату, - и все же… кто знает? Ведь как говорят легенды именно колдуны своими заклинаниями и кабалистическими штучками вызвали мировую катастрофу, которую человечество едва пережило.

Говорят, что в древние времена были великие колдуны, которые могли вызвать всемирный пожар, послать с помощью своих заклинаний несчастных людей на Луну или звезды, которые могли видеть через время и пространство! Обо всем этом говорят старые легенды, и пусть лучше эти опасные знания погибнут, если они конечно когда-либо существовали.

Потрясенный услышанным, Голт смотрел на короля.

– И еще говорят, что существует искусство более древнее, чем то, которым занимаются эти колдуны. Искусство, которым колдуны пренебрегают и над которым насмехаются, хотя почему люди, сделавшие это, чуть не уничтожили мир, могут насмехаться над тем, что более могущественно, чем они сами со всем своим искусством, рассказывают о происхождении самой вселенной. Они здесь, - он показал книги в шкафах. - Здесь я нашел их. Эти книги очень старые, никто не может сказать, когда они написаны. Говорят, что они были написаны на листах металла, спрятанных в каменных глыбах, и только катастрофа - Всемирный Пожар - открыл их миру. В них рассказана история Камня Могущества!

Голт озадаченно заморгал:

– Чего, Ваше Величество?

– Камня Могущества! - Рот Сигрита скривился в улыбке. - Отвратительная, но увлекательная история. Она здесь. - Сигрит вытащил старый том в обложке из буйволовой кожи. - Я много дней и ночей изучал ее. С того самого дня, когда древний старик, хотя он был достаточно молод, чтобы иметь дочь, ребенка, пришел ко мне.

Он замолчал, а Голт боялся прервать его молчание.

– Я был молод, и не так хорошо знал жизнь, как сейчас. Этот старик, который назвался Ганоном, откуда-то появился со своим ребенком и попросил у меня аудиенции. Через некоторое время я встретился с ним, и он заявил, что он занимается древним искусством, как я понял это магия, колдовство, некромания.

– Ясно, - сказал Голт, хотя ему ничего не было ясно.

– Вместе со своей дочерью он принес маленькую шкатулку, оправленную в серебро, так он сказал мне. Он объяснил, что лежит в ней, но в таких выражениях, которые я не мог принять в те дни. Тогда я не верил ни во что, чего не мог попробовать пальцем. - Он глубоко вздохнул. - С тех пор я многое повидал, многое узнал и теперь я не столь ортодоксален, как раньше. Король сел. - Этот старик сказал, что в шкатулке находится талисман. Он похож на кусок камня и назвал его Камнем Могущества. Его происхождение, как сказал он, затеряно где-то в древности, у истоков Вселенной. Но это не обычный земной камень, - сказал он, - и не драгоценный, нечто совсем другое. -

Говорят, - сказал он мне, - что до Вселенного Пожара, до катастрофы, на Земле была жизнь. И тогда камень назывался разными именами - философский камень, Святой Грааль и другими. Этот камень был объектом бесчисленных поисков, но тогда не знали, что искать. Тех, кто знал, как выглядит этот камень, было очень немного, и они были объединены в тайное общество, в котором тайна свято хранилась. Но камень обладал магическим, огромным могуществом.

Голт сел прямо. Слышать о существовании могущественного камня, могущественной магии было очень странно от человека, который запретил ее.

– Тот, кто обладает этим камнем, приобретал и его мощь и неуязвимость в битвах. Он назвал их имена, которые я никогда не слышал, которые затерялись в вихрях истории. Но все они были могущественные воины. Некоторых из них я потом вспомнил. Один из них по имени Александр, с помощью камня, который он получил в дни своей молодости, когда еще у него не выросли усы, завоевал почти весь мир. Другой, по имени Юлиус. Он правил там, где теперь столица Света Страны Неорома. Старик говорил еще об одном, чье имя я теперь забыл, но он начал свою карьеру, как капрал в армии, а кончил тем, что завоевал полмира. А позже камень перешел еще к одному капралу, вернее ефрейтору, который был очень близок к тому, чтобы в результате кровопролитных войн, которые велись с помощью странного ужасного оружия, захватить всю Землю. Вообще, как я понял, талисман все время попадал в руки нечистоплотных людей, и он превращал этих людей в оружие завоеваний. Все эти люди в конце концов терпели поражение, но только в результате того, что хранители камня, члены древней гильдии снова похищали его. Затем камень снова исчезал, и тот, у кого он оказывался, возносился над миром. И история повторялась: хранители камня снова возвращали его себе, а новоявленный завоеватель погибал. Этот старик был последним из гильдии хранителей. Он почувствовал, что конец близок и принес этот камень мне, предложил его мне.

– И, - затаив дыхание, спросил Голт, - вы его не взяли?

– Я не взял его, - снова улыбка перекосила рот короля. - Я смеялся над ним, не верил, несмотря на все его уговоры. Он сказал мне, что из всех правителей на Земле только мне может доверить этот камень. Что, возможно, я единственный могу сопротивляться таинственному излучению, которое вселяет в людей жажду власти, завоеваний и тираний. И что он должен поместить этот талисман в надежные руки до того, как черная рука смерти коснется его, так как не выполнит страшную клятву,

которую дал членам своей гильдии. Так он говорил мне, а я смеялся. Я только что издал против искусства магии закон, запрещавший всех колдунов. И мое неверие в колдунов и магию было максимальным. Но с тех пор… - он снова покосился на шкаф. - Но с тех пор я узнал очень много. Я читал эти древние книги и нашел в них много того, что подтверждало слова старика. Но уже было поздно.

– Было поздно, Сэр?

– Да, - Сигрит вздохнул. - Я издал законы, запрещающие магию в моем государстве, и он исчез. Он, и его дочь, и Камень Могущества. Они исчезли в Неизвестной Стране, как и все остальные колдуны. С тех пор я ничего не слышал о талисмане. - Он прикусил губу. - И это очень досадно. И я, конечно, не верю всему этому. И все же читая эти книги, я понемногу начал сомневаться в справедливости своего неверия. - Он поднял голову, посмотрел на Голта, - Ганон, его дочь и Камень Могущества давно исчезли в Неизвестной Стране. Я послал туда Барта, от которого не имею никаких известий. Теперь я посылаю тебя. Ты должен узнать о судьбе Барта. И… У меня есть еще одно поручение. Я хочу, чтобы ты разузнал все о судьбе этого талисмана, Камня Могущества, философского камня, или как его еще там называют. Если ты найдешь его, и он все еще находится в опечатанной шкатулке, то я прошу тебя - принеси его мне, не распечатывая, шкатулки. Пока он находится внутри, он не может ни на кого воздействовать своей магией. Но когда шкатулка откроется, кто знает, какие силы зла ли, добра он может пробудить в людях.

Голт добросовестно переваривал все услышанное. Король терпеливо ждал. Затем барон заговорил.

– Ваше Величество, верю я или не верю в силу этого талисмана, но, предположим, я его добуду. Что может остановить меня от того, чтобы раскрыть шкатулку и присвоить все его могущество себе? Вы говорите, что он делает людей неуязвимыми. Если у меня будет этот камень, что может остановить меня от того, чтобы напасть на королевство и занять власть, и, мне кажется, что вы слишком много доверяете мне, возлагаете на меня слишком большую ответственность. Ведь я даже не смог удержаться от вина.

– Я думал об этом, - сказал Сигрит. - И…

– Ты молод и горяч, - сказал Сигрит, - но ты честен. И ты слишком много поставил на карту. Не только Баронство Железных Гор, но и свою честь. А честь много значит для тебя, барон Голт.

– Ваше Величество, я готов положить голову, чтобы

восстановить ее.

– Знаю. Следовательно, если ты найдешь Камень в шкатулке, я могу верить, что ты не откроешь ее. Таково мое требование. Вернуть шкатулку нераспечатанной. Вполне возможно, что там, самый обычный камень, моя вера в магию не так уж велика… Но я хочу иметь этот камень и хочу, чтобы он был тщательно упакован в свинец и серебро. Тогда я смогу заняться им и решить, чего он стоит и как распорядиться им. Ты понял меня?

– Да, что бы Вы не возложили на меня, я выполню. - Голт встал. - Но - один вопрос. Когда Вы посылали лорда Барта, Вы тоже рассказали ему про Камень?

– Нет, - глаза Сигрита сверкнули.

– Могу я спросить - почему, сэр?

– Барт - кузен Вольфсгейма. Они оба великолепные солдаты. Но они оба обладают амбицией и рвутся к власти. Эти качества я старался направить в русло, где они были бы полезны империи. Я не могу сказать ничего плохого об этих людях. Но все же мне не хотелось бы, чтобы этот талисман попал в руки Вольфсгеймов. Если он будет у них, то, независимо от того, обладает ли этот камень могуществом или нет, будут большие неприятности. Будь он самым обыкновенным булыжником, а это вполне может быть, они такие люди, что когда камень будет у них, искушение будет слишком сильным и королевство будет ввергнуто в жестокую междоусобную войну. Нет, о Камне я не говорил еще никому, ни Барту, ни Вольфсгейму. И сказал тебе здесь, в Мармбурге, надежно укрытом от всяких посягательств. Если ты найдешь его, ты принесешь его сюда.

Голт молчал.

– Ваше Величество.

– Да.

– Предположим, лорд Барт уже нашел этот камень.

Сигрит подумал.

– Вряд ли. Ведь он ничего о нем не знает. Более того, я думаю, что Барт погиб. Если бы он нашел Камень, то он наверняка объявился бы здесь тем или иным способом. Но…

Сигрит вздохнул. Он бросил кинжал, который воткнулся в письменный стол и торчал там, покачиваясь.

– Если Камень у Барта, ты должен отобрать его. Если Барт ищет его, ты должен найти его первым. Голт, я хочу этот Камень Могущества. Ты должен принести его мне.

Голт кивнул.

– Сэр, если он существует, и если я смогу найти его, он будет здесь.

– Хорошо, - Сигрит сделал паузу. - Может, я дурак. Может,

мне следовало послать целую армию опытных солдат, чтобы найти его, или вести отряд самому. Может, этот Камень ценнее всего на свете. А может, и нет. И моя ставка в этой игре - Барон Голт и отряд изгоев. - Он вырвал кинжал из доски стола и сунул его в ножны. - Сейчас ты пойдешь в тюрьму и наберешь себе людей, - он повернулся к двери. - Я еду на охоту, но мне хотелось бы, чтобы ты выехал завтра на рассвете. Я буду у городских ворот, чтобы увидеть твой отъезд. Все остальное я возлагаю на тебя.

– Сэр, - сказал Голт. - Я выеду завтра.

3

Прозвучали трубы.

Мраморные ворота королевской тюрьмы широко распахнулись, чтобы принять молодого барона на сером жеребце. Затем эти ворота толщиной в пять футов, наверху которых были установлены острия, отравленные ядом, закрылись за ним.

Голт въехал в широкий двор. За ним шли ряды бараков, в которых жили преступники. А за бараками помещались подземные камеры, пещеры, где помещались особо опасные заключенные, приговоренные к смертной казни.

Законы Сигрита были суровы, но справедливы. Как Голт узнал на себе, эти законы были более жестоки к дворянам, чем к простому люду. Ни один человек не приговаривался к смерти, если имелась хоть малейшая надежда перевоспитать его. Ни одна голова не скатилась с плеч, если это не был убийца, насильник, вор, или предатель. Ведь среди людей встречаются настоящие хищники, звери на двух ногах, и с ними Сигрит не церемонился, и не проявлял по отношению к ним никакой жалости.

Он защищал своих подданных от этих зверей с помощью тюрьмы или топора, и это не мешало ему спокойно спать. Но даже эти преступники имели право на обращение в суд. И поэтому они содержались здесь в течение времени, пока разбиралось их дело и пока топор палача не покончит с их земными заботами.

Их было больше трехсот. Немного больше трех сотен человек, которые вскоре должны были взойти на эшафот. Это не так много, учитывая большие размеры государства. Сейчас они стояли во дворе, в цепях и под тщательным надзором лучников.

Комендант тюрьмы, Линднер, Альбрехт дюк Вольфсгейм и королевский камергер, его слуга полуволк Эро въезжали во двор, и Голт присоединился к ним. Барон сидел на своем семилетнем жеребце Ужасе, который верой и правдой служил ему во многих битвах.

– Милорд, - сказал Линднер, увидев своего господина. - Эта подлая толпа ждет тебя.

– Да, - подтвердил статный красивый Альбрехт. - Подонки империи. - Его губы скривились в сардонической улыбке. - Вот твоя армия, армия проклятых.

– Благодарю, - бесстрастно произнес Голт. Он ударом шпор послал жеребца вперед и проехался вдоль рядов заключенных. Линднер и пузатый комендант сопровождали его. Действительно, подонки! Сердце Голта опустилось, когда он увидел этих

заросших бородами, закованных в цепи, одетых в тюремную одежду людей. Они были бледны от долгих недель заточения под землей, тела их похудели от скудной пищи. Они были похожи на зверей, которые были ослаблены долгим пленом, но все еще опасны и полны коварства. Сотня вот таких? И это его отряд?

Но это его наказание, и ему ничего не остается, как выбрать лучшее из того, что есть.

Он остановился, еще раз обвел их взглядом и затем обратился к ним, громко и отчетливо выговаривая слова.

– Слушайте меня, приговоренные к смерти! Меня зовут Голт. Когда-то я был Бароном Железных Гор, а теперь, как и вы, приговорен к смерти на эшафоте!

Шепот удивления прошелестел по рядам. Они подняли головы, проявив некоторый интерес к нему.

– Я сказал, приговорен к смерти на эшафоте! Но король своей милостью дал мне шанс спасти свою жизнь! Этот шанс я хочу дать и сотне человек из вас. Если среди вас найдется сотня человек, которые предпочтут сменить ворота ада на свободу от оков, чтобы заслужить прощение короля, восстановление всех прав, то я готов их взять с собой.

Снова шепот. Внезапно почти под носом у его жеребца чей-то голос произнес:

– Интересно, что они задумали? Ни один дворянин, а тем более король, не даст ничего такому отребью, как мы, без того, чтобы не потребовать больше, чем дал. Какую ловушку они приготовили нам?

Голт посмотрел на говорившего. Этот человек был гигантом, может даже больше, чем сам барон. Тюрьма не ослабила его могучее тело, на котором громоздились чудовищные бугры мышц, и не затуманила свирепый блеск черных глаз. Под спутанной бородой ухмылялся широкий рот. На лице уродливый сломанный нос. Щеки все были покрыты шрамами. Голт заметил, что в отличие от своих собратьев, этот тип имеет дополнительные цепи на кистях и коленях.

– Не обращайте внимание, барон, - быстро сказал комендант. - Его ты все равно не возьмешь. Все его жалобы отклонены судом, и он завтра на восходе будет казнен. По правде говоря, его не следовало приводить сюда. Самый опасный тип во всем этом сброде. Он очень упрям, несговорчив и все время с ним одни неприятности. Для такого один путь - на эшафот.

– Может быть. Но он задал вопрос со смыслом. - Голт поднял голову. - Здесь нет ни ловушки, ни западни. Король Сигрит посылает меня в поход для исследования Неизвестной Земли, которая лежит на северо-востоке. Эта земля, - голос был громкий

и разносился по всему тюремному двору, - эта земля - дьявольское место за Болотами Кушна, и никто не знает, какие опасности, какие ужасы таятся там. Король не хочет рисковать своими солдатами, он не желает их посылать в такой опасный поход. Он решил послать отряд осужденных на смерть. И я - тоже осужденный, поведу этот отряд. Я ничего не обещаю, кроме того, что те, кто согласятся пойти со мной, выполнять мои приказания, будут раскованы, снаряжены и вооружены как солдаты, они будут сражаться и погибать. Может, мы все погибнем. Чудовища, колдуны, преступники, как говорят населяют эту землю. Король уже посылал туда опытных солдат. Отряд не вернулся, возможно, они все погибли. Я предлагаю только это и не больше - возможность поехать со мной в поход, переносить трудности, встречать опасность лицом к лицу, может быть и умереть. Может, все мы сложим свои кости там, в Неизвестной Земле, но те из нас, кто вернется, заслужит полное прощение Сигрита и вернется свободным человеком! - Он взглянул на чернобородого громилу. - Я ответил тебе, приятель?

Человек молчал.

– Отвечай, Гомон, - рявкнул комендант. - Отвечай, когда тебя спрашивает дворянин.

Гомон ухмыльнулся, и глаза его сверкнули.

– Дворянин? Но он же сам признался, что такой же приговоренный к смерти, как и мы. И он хочет положить сотню наших жизней, чтобы спасти свою! - Он грязно выругался, а затем взорвался. - Ты думаешь, мы дураки? Идти за каким-то изнеженным дворцовым щеголем, который использует нас, чтобы спасти свою шею? Боги и дъяволы, я лучше выберу эшафот и умру чистой смертью, вместо того, чтобы снова становиться пешкой в руках труса-дворянина, который слишком слаб, чтобы сражаться самому!

Голт поджал губу.

– Скажи мне, человек, - спросил он. - Что привело тебя сюда? За что ты осужден?

Гомон неприязненно посмотрел на Голта.

– За что осужден? Это один из твоих высокорожденных друзей упек меня сюда. Но теперь ему уже не придется посылать на гибель хороших людей! - Он снова выругался. - Чтобы удовлетворить твое любопытство, я расскажу. Я был сержантом в конном пограничном отряде. Наш капитан был щеголь и трус, второй сын герцога. И он занимал высокое положение не благодаря своим заслугам, а благодаря рождению и связям при дворе. Ничего не понимая в военном деле, разодетый, как петух, и такой же глупый, он вел нас, пренебрегая советами опытных

солдат, прямо в западню врагов. Из-за его глупости хорошие люди гибли, как мухи, без малейшего шанса спастись, а сам хлыщ сбежал, спасая свою шкуру, едва услышал звон мечей. Я спасся единственный из всех, я пробился через ряды варваров. Я вернулся в лагерь и увидел, что он наслаждается в своей палатке среди прихлебателей. Я убил пятерых, прежде чем добрался до него. - Гомон хищно обнажил желтые зубы. Он поднял свои скованные железом руки и медленно сжал пальцы.

– Вот этими руками я убил его, медленно. А он просил пощады. Я не пощадил его тогда, не пощадил бы и сейчас. Я сломал ему шею. Петушиная смерть для петуха. Он умер, стуча ногами, как цыпленок.

Он засмеялся.

– Это значило смерть и для меня тоже, но что смерть для меня? Ведь я многие годы ходил рядом с ней. И затем я стал разбойником на дорогах. Много кошельков я взял. Толстых дворянских кошельков. И много дворян визжало, когда я щекотал их сталью, пока моя несчастливая звезда не привела меня сюда. Меня взяла полиция короля, когда я валялся пьяный. И теперь ты со своими мягкими изнеженными ручками, слабыми, в богатой одежде и со своими щедрыми посулами! Ты предлагаешь мне идти с тобой, довериться тебе, позволить тебе вести меня кончить жизнь в пасти какого-нибудь чудовища, для твоего обогащения? Да пусть с тобой идут демоны! Я лучше положу голову на эшафот, чем позволю обмануть себя снова!

Голт, глядя на этого взбешенного громилу, холодно улыбнулся.

– Значит, ты считаешь что у меня душа цыпленка и мускулы девочки?

Глаза Гомона сверкнули:

– Я никогда не буду служить человеку, который не сможет бросить меня на землю. Я не хочу, чтобы моя сила служила человеку, слабее меня, независимо от рождения!

Улыбка Голта стала широкой.

– Так. - Он подал поводья жеребца Линднеру. - Держи. - И затем он повернулся к коменданту, - сбейте с него цепи.

– Милорд! - запротестовал главный тюремщик.

– Сбейте цепи, я сказал! - выкрикнул Голт.

Испуганный комендант поклонился.

– Хорошо, сэр!

Он выкрикнул приказ. Охранники вывели Гомона из строя, сверля глазами Голта.

– В чем дело?

– Я тебе покажу, - рявкнул Голт. - Пусть они раскуют тебя и

приведут обратно. Если ты очень не ослаб, пока был а тюрьме, я покажу тебе, кто из нас цыпленок, а кто боевой петух.

Из-под бороды показалась медленная торжествующая дьявольская улыбка.

– Милорд, ты хочешь попробовать свою силу на мне?

– Если у тебя хватит мужества…

– Мужества? Ха! - Крикнул Гомон. - Свинья, сними с меня эти железки.

Его увели. Голт отстегнул пояс, протянул его Линднеру. Шлем и кольчуга последовали за поясом. Затем он снял сапоги. Теперь он стоял обнаженный до пояса. На нем остались только кожаные штаны.

Мышцы его тела сверкали на солнце, как смазанные жиром.

– Милорд, - взмолился комендант. - Бороться с этим человеком, значит обречь себя на смерть. Он вовсе не ослаб в тюрьме, он отбирал пищу у других. Цепи, которые он рвал голыми руками, могли бы сдержать льва. Не надо пробовать свои силы на этом звере…

Голт холодно смотрел на него.

– Мне в походе нужны звери, сэр комендант, и чем злее, тем лучше. Мне нужны сильные и горячие люди. Мы с ним испытаем друг друга. Если он убьет меня, то мне нечего идти в этот поход. - Он повернулся к Линднеру. - Что бы ни случилось, держи меч в ножнах.

Линднер улыбнулся. Он не раз видел своего господина в деле.

– Хорошо, милорд.

Послышалось звяканье доспехов. Вернулись охранники. Их луки были наготове. Посреди шагал Гомон, плечи расправлены, руки напряжены, на них четко выделялись громадные мускулы. В глазах горит дьявольский огонек. Губы презрительно улыбаются.

Он встал перед Голтом. Поклон его был очень низким и насмешливым.

– Добрый господин, - сказал он. - Может мы начнем наш танец? - Затем он напружинил могучие руки и встал в позу.

4

Голт широко расставил ноги и пригнулся, чтобы встретить нападение. Гомон шел на него со скоростью, неожиданной для такого громадного человека. Голова его была наклонена вперед и готова была встретиться с любым препятствием, встретить любой встречный удар. Он намеревался обхватить Голта. Барон понял его тактику - Гомон хотел захватить его руки и изо всех сил нанести удар головой в подбородок. Тогда битва бы неминуемо закончилась, не успев начаться. Голт выждал подходящий момент, когда Гомон уже стал считать, что сделано дело, и, резко наклонившись, бросил свое большое сильное тело под руки Гомона, ему в ноги. Удар получился очень сильным, и Гомон упал через спину Голта. Голт подхватил его, резко поднялся и поворотом туловища швырнул бандита. Гомон полетел как камень, пущенный из пращи, и затем приземлился на голову и плечи, сильно ударившись о мраморные плиты.

Такое падение оглушило бы любого обычного человека, но когда Голт повернулся, то увидел, что Гомон легко вскочил на ноги, не хуже акробата, и снова улыбаясь смотрит на барона.

– А ты кое-что умеешь. Да и спина у тебя крепкая. Теперь я буду это знать…

Он снова пошел на Голта, быстрый и легкий, как танцор. Затем он провел какой-то прием, против которого барон не нашел защиты. Голт ощутил внезапно себя перышком. Захваченный за ногу и туловище, он легко вылетел наверх, и затем Гомон швырнул его.

Голт приземлился на мраморный пол с такой силой, что у него перехватило дыхание. Он поднял голову и увидел, что бандит летит на него, намереваясь всей тяжестью обрушиться на беспомощное тело. Но Гомон не рассчитывал, что Голт так быстро оправится от нападения и успеет откатиться в сторону. Гомон упал рядом с бароном, и только одна нога смогла задеть его. Хотя у Голта в голове все звенело от удара, он схватил ногу Гомона и резко рванул ее. Тело бандита описало дугу, перелетело через Голта и ударилось о пол. Однако во время падения Гомона, Голт успел ухватить его за бороду и сильно стукнул его головой о камень. Но Гомон уперся ногой в живот Голта и сильно дернув головой, так что в руке барона остались лишь клочья грязных волос, перебросил его через себя. Голт покатился по полу и вскочил на ноги. Гомон тоже был готов к борьбе. Барон, опустив голову, кинулся на Гомона и сильно ударил его головой в грудь. При ударе он подумал, что от такого столкновения у него лопнет

голова или сломается шея, однако Гомон не выдержал, он ахнул и упал на спину. Однако он при этом успел схватить Голта за руку, потянул его вниз и опять с помощью ноги перебросил его, сильно ударив при этом. Снова барон ракетой взвился в воздухе. На этот раз бандит не повторил своей ошибки и не бросился на упавшего противника, но пока тот поднимался на ноги, ударил его в лицо.

Из носа Голта рекой хлынула кровь. Сзади послышались крики гнева, шум, но Голт повелительным криком успокоил их, приказав сохранять тишину. Он вовремя пригнулся, и следующий удар Гомона только просвистел возле уха. Голт схватил ногу Гомона, дернул, и тот рухнул на пол. Пока он поднимался на ноги, Голт увидел своего жеребца, который рвался из рук Линднера и еще нескольких людей. Жеребец был приучен приходить на помощь хозяину, когда ему приходилось трудно. Если лошадь вырвется, то Гомон вряд ли уйдет живым от его могучих копыт и челюстей.

Это падение оглушило Гомона, а у Голта в глазах было темно после сильнейшего удара по носу. И тот и другой уже достаточно пострадали во время схватки, так что теперь они разошлись подальше и стояли, тяжело дыша. Их могучие груди вздымались и опускались, мышцы, мокрые от пота, блестели на солнце. Голт откинул светлые волосы со лба, вытер кровь тыльной стороной ладони. Теперь они кружились друг возле друга, выискивая удобный момент для нападения. И теперь барон почувствовал возбуждение, которое уничтожило боль и страх. Он любил борьбу, но редко ему встречались достойные противники, с которыми он мог бы справиться один на один. И вот теперь такая встреча состоялась. И он от этого ощущал радость, подъем духа. К нему пришло второе дыхание, мускулы снова стали свежими, мозг ясный и острый, как бритва. Именно теперь пришло время проверить свои силы.

Он бросился на Гомона без всяких ухищрений, стараясь захватить его тело обеими руками. Они схватились, как два быка, обхватив друг друга руками и острый тюремный запах ударил в ноздри барона. Каждый из этих двоих гигантов старался своими могучими руками сокрушить грудную клетку противника, сломать позвоночник, вырвать из груди воздух.

Гомон был ужасно силен. Голт чувствовал, как ребра его трещат и гнутся.

Бандит шепнул в ухо Голту: - Ну, дворянчик, сейчас ты получишь, чего сам хочешь. Я сокрушу твои ребра, как спички.

Голт не тратил драгоценного воздуха на ответ, так как могучие руки все крепче стискивали его. И сам Голт прикладывал все свои силы, чтобы сломать кости соперника. Он дотянулся

своей правой рукой до левой и раз за разом все сужал и сужал кольцо рук. Он слышал, что дыхание Гомона изменилось, но в то же время остатки воздуха покинули его легкие. Он пытался вдохнуть воздух, но внутри у него казалось, все перестало работать. Теперь уже все должно было решиться в ближайшие секунды. Ни один из них не смог бы выдержать и минуты такого напряжения. Зрение у Голта затуманилось, легкие горели, ребра трещали, но он все давил и давил. Но то же самое делал и Гомон. В глазах у Голта было темно от недостатка воздуха и от боли в груди. Через секунду, через полсекунды, его объятия ослабеют, он не сможет сдерживать мощь Гомона и…

Гомон внезапно крикнул, издал какой-то утробный звук. Его хватка начала почти незаметно ослабевать. Голт вдохнул немного воздуха в свою пострадавшую грудь и с новой силой начал сжимать Гомона.

– Боги! - это был крик отчаяния. Затем руки Гомона разжались, упали вниз, колени подогнулись, и он чуть не увлек своим весом Голта. Преступник беспомощно распростерся на полу, голова запрокинулась. Голт с дрожащими коленями и руками стоял над ним. Он почти ослеп и оглох и знал только одно - наконец его противник повержен и лежит у его ног.

– Милорд, оставьте его для палача. - Полдюжины охранников бросились на Гомона, прижали его неподвижное тело к земле.

Тот лежал на полу, как мешок с зерном.

Голт отошел в сторону, грудь его болела, когда он вдыхал жадными глотками воздух, из носа текла кровь, кровь выступила и из царапин, оставленных ногтями Гомона на его спине. Он покачал головой, вытер пот, посмотрел на тело у своих ног. Разум уже возвращался к нему.

– Он мертв? - прохрипел Голт.

Толстый комендант опустился рядом с Гомоном на колени. Он слушал его грудь, затем поднялся на ноги и покачал головой.

– Нет. Любой человек, не выдержал бы такого, а этот громила… Но ничего, завтра топор доделает то, что не сделал ты, барон.

– Нет, нет, он мне нужен. Если… - Голт замолчал. Огромная и потная грудь Гомона начала хрипло работать, как мехи, он постепенно начал дышать. Вскоре глаза его открылись, рот был широко разинут, вгонял воздух в легкие. Медленно, с мучениями, гигант поднялся на колени, бессмысленно помотал головой.

Затем глаза его постепенно просветлели и он взглянул на Голта, стоящего над ним.

Голт отступил назад. Он внезапно ощутил беспокойство и приготовился к новому бою.

– Хочешь еще?

Рот не слушался Гомона, и в конце-концов он смог выдавить:

– Еще! Боги и дьяволы! - он сел. - Но если… я мог бы тренироваться и лучше питаться… а не сидеть взаперти, как рождественский гусь… я уверен… что исход борьбы был бы другим…

Барон взял одежду, принесенную Линднером, вытер пот и кровь с лица.

– Когда мы поедем, ты будешь хорошо питаться. Тогда мы попытаемся побороться еще раз, и ты опять проиграешь… Но тогда тебе ссылаться будет не на что.

В глазах Гомона вспыхнул огонек. Он с трудом поднялся на ноги, и встал, шатаясь и потирая грудь.

– Когда поедем? Это не для таких, как я.

– Ты поедешь, если захочешь подчиняться мне, - Голт встретил его взгляд. - Или ты считаешь, что я из тех щеголей, которым ты служить не можешь? - Рот его искривился, в словах прозвучала ехидная насмешка.

– Милорд, ты боролся хорошо, - поспешно вступил в разговор управляющий. - Но я опять хочу сказать, что ты не должен брать этого человека. Нет пределов его вероломству и коварству. Он принесет экспедиции гораздо больше вреда, чем пользы!

– Об этом должен беспокоиться я, а не ты, - сказал Голт. - Ну, парень? Завтра эшафот, или хорошая лошадь, добрый меч и шанс на свободу, если ты поедешь со мной и будешь выполнять мои приказы.

В глазах Гомона не было ни особой почтительности, ни чувства поражения. Силы возвращались к нему, а с ними гордость, презрение, чувство собственного достоинства. Он долго молчал, глядя на Голта.

Затем он еле заметно улыбнулся, и это вовсе не была приятная улыбка.

– Хорошо, милорд, - сказал он, - Я поеду с тобой и буду выполнять все твои приказы - но до тех пор, пока буду видеть, что ты лучше меня.

– Отлично, - Голт улыбнулся, преодолевая боль в лице. - Теперь мы с тобой связаны этим условием. Я должен доказывать свое превосходство над тобой, и пока я это смогу, твой меч, - мой. - Он повернулся и пошел, слегка прихрамывая.

– Смотри за ним, Линднер. Теперь из этих подонков мне нужно набрать еще девяносто девять.

Действительно подонки - убийцы, разбойники с большой дороги, воры, сутенеры, насильники… Из двух сотен человек, которые изъявили желание поехать с ними, вместо того, чтобы

кончить жизнь под топором палача, Голт выбирал очень тщательно, принимая во внимание силу, возраст, ум, отдавая предпочтение тем, кто хорошо владел оружием. Тем не менее выбор был не так широк, и отобранная сотня привела бы в отчаяние человека, привыкшего командовать опытными, преданными, дисциплинированными солдатами. Даже мужество Линднера поколебалось.

– Милорд, как мы будем командовать этой бандой обезьян? - Голт, уже полностью одетый, горько ответил.

– Я думаю, что нам Гомон поможет ответить. - Он повернулся к укрощенному гиганту, который ходил за ним вдоль рядов, изредка показывая, кого ему следует взять с собой.

– Этого. И этого ублюдка тоже… - Но Голт не всегда следовал его советам. Он вовсе не хотел, чтобы Гомон сколотил группу своих приверженцев. Голт сказал:

– Гомон, ты будешь выполнять все мои приказы, верно?

– Я сказал, милорд.

– Тогда я приказываю, чтобы ты нес полную ответственность за дисциплину этой толпы. Те, кто нарушат ее, будут отвечать перед тобой, и ты можешь поступить с ними по собственному разумению. В свою очередь, ты будешь ответственен передо мной. Понял? Ты в ответе за этих подонков и бог помоги тебе, если будут случаи неподчинения, измены, трусости, отказа идти в бой.

Гомон недоуменно молчал и моргал.

– Ты поручаешь мне командовать ими?

– До той степени, что я сказал.

– Отлично, черти, дьяволы, - Гомон недоверчиво качал головой. Затем он расхохотался, глаза его горели дьявольским огнем. - Хорошо! - Внезапно он повернулся к толпе и встал, уперев руки в бока, расставив свои толстые ноги.

– Вы слышите, грязные подонки? Вы согласились идти в поход, воевать, быть армией! Клянусь всеми демонами ада, я прослежу, чтобы вы выполняли свою клятву! Тот, кто ее нарушит первым, конечно если первым не буду я сам, будет иметь дело со мной, а вы знаете, что я могу сделать! Со мной вам лучше не уклоняться от боя с врагами. Если вы не хотите познакомиться с кулаками и мечом Гомона, то вы будете сами рваться в бой! Вы слышите меня, вонючки? Вы хорошо слышите меня?

В рядах людей пробежал шепот, в котором слышался страх и трепет. Гомон снова засмеялся.

– Они все поняли, милорд. Тебе можно не беспокоится о них. Но только… - Он еле заметно улыбнулся. - Но только тебе придется присматривать за мной. Если ты потеряешь мое уважение или будешь плохим командиром…

– Я постараюсь, чтобы этого не произошло, - сказал Голт и уселся на коня. Он взглянул на Гомона, охранников и коменданта. - Сбейте с них оковы, вымойте и накормите. Отряд солдат отведет их во дворец, где они получат одежду, лошадей, оружие и прочее снаряжение. Не теряйте времени. Мы должны выехать завтра на рассвете. - Едем, Линднер.

И он развернул коня к воротам.

Альбрехт в сопровождении полуволка Эро присоединился к Голту, когда тот проезжал через ворота.

– Ты очень силен, барон, - но его обычная ирония лишила комплимент всякой искренности. - Но мой кузен Барт тоже был очень силен. Он пропал в Неизвестной Земле, той самой, куда ты поведешь это войско оборванцев.

Голт внимательно посмотрел на него.

– Ты думаешь, что твой кузен мертв?

– Мой дорогой кузен, - сказал Альбрехт, - был очень умен и хитер.

– Это относится и ко всей вашей семье.

Альбрехт захохотал, довольный замечанием Голта.

Действительно, - Затем он посерьезнел. - Ты, Голт, учти, Барт был хороший воин, да и отряд его состоял из опытных солдат. Может, он не возвратился не потому, что погиб. Может он сам решил пока не возвращаться.

– В таком случае он отправил бы королю донесение.

– Может быть. А может и нет. Может он там нашел сокровища, или что-нибудь еще, что решил использовать для себя. Я же сказал, что он хитер. Если жив, что наверняка возможно, он не хочет, чтобы об этом узнали. Так что добавь еще одну опасность к тем, что ждут тебя впереди. Если Барт остался в Неизвестной Земле по доброй воле, то он наверняка не позволит тебе доставить вести об этом королю. Если это случиться, то я очень надеюсь, что ты убьешь его, если будет необходимо.

Голт повернулся в седле.

– Странно слышать это. Ведь он твой кузен. - Он нахмурился. - Мне кажется, что ты хочешь, чтобы он был мертв, а если он жив, ты желаешь мне убить его.

– Я скажу только, что там, куда вмешивается Барт - добра не жди. Если он тебе встретится, не доверяй ему. Если он будет угрожать тебе, не давай ему ни малейшего шанса. Он безжалостен, упрям и считается только со своими интересами.

– Я думаю, что говоря все это, ты тоже не забываешь о своих интересах, - намекнул Голт.

– Конечно, - не моргнув глазом сказал Альбрехт. - Пока его смерть не удостоверена, его земли находятся во владении

короны; как и твои. Но когда он будет мертв, и это будет доказано, я унаследую его земли. Однако и я хочу только предупредить тебя, если он жив, не верь ему ни в чем, и при малейшей угрозе бей первым и посильнее, насмерть, - он повернул свою лошадь. - Я покидаю тебя, так как у меня много дел. Увидимся завтра. Идем, Эро, - и он, пришпорив коня, поскакал.

Голт смотрел ему вслед, а затем вместе с Линднером поскакал во дворец.

Размышляя по дороге, он решил, что о предупреждении Альбрехта он ничего королю не скажет, но будет иметь его ввиду. Трубач поднялся на стременах и из его блестящей трубы вырвались золотые звуки. Голт, сидя на своем Ужасе, одетый в сверкающую кольчугу, внимал последние глотки воздуха Мармбурга. Он повернулся и осмотрел колонну всадников и обоз вьючных животных. В рядах его разношерстной армии не было никакого порядка, и Гомон разъезжал вдоль отряда, ругая их, угрожая им адскими муками, проклятиями и страшными наказаниями здесь, на земле, если они не выровняют ряды и не будут держать соответствующие интервалы. Звуки трубы поднялись вверх и стихли, отражаясь угасающим эхом от мраморных башен. Голт, стоя на стременах, поднял руку, резко опустил ее вниз.

– Вперед! - приказал он.

Ужас пустился рысью. За ним по мраморной мостовой зазвенели подковы копыт, звяканье металлических доспехов и оружия, фырканье и ржание лошадей, ругань Гомона. Колонна постепенно набирала скорость, она выехала через ворота дворца и поехала по просторным улицам города под любопытным взглядом зевак, которые встали в такую рань.

Справа от Голта ехал сам король. Его молочно-белый конь казался огромным даже рядом с гигантом Ужасом. Доспехи короля, украшенные золотом и драгоценными камнями, сверкали в лучах восходящего солнца. Они ехали в тишине по прекрасному бело-розовому городу. Изредка эти нежные цвета оживлялись зеленью парков, затем перед ними появилась стена, толстая и массивная, сделанная из сверкающего мрамора. Ворота были открыты. Вход в город был свободен для всех желающих. Они проехали через рукав Джаала, широкой лентой опоясывающий город. И здесь над рекой, Сигрит остановился.

– Ну, Голт, - сказал он. - Отсюда ты едешь один. Ты знаешь, дорогой барон, что все мои добрые пожелания с тобой, - губы короля под светлой бородой искривились в улыбке, когда он посмотрел на остановившуюся колонну. - Подписать сотню

прошений о помиловании и прощении - это большая работа. Но я с радостью проделаю это, если они все вернуться назад живыми. - Глаза его сузились, стали более мягкими и добрыми под золотистыми бровями. - А ты сам, особенно, - добавил он.

– Ваше Величество, я сделаю все, что смогу, не пожалею ни сил, ни жизни, чтобы поход закончился удачей. Больше я ничего обещать не могу, и не буду.

– Ты больше и не должен ничего обещать, - Сигрит хлопнул Голта по плечу. Он пристально посмотрел в глаза Голта, и у того перехватило дыхание. - Возвращайся, мальчик, - хрипло сказал Сигрит. - Возвращайся живым. - Затем он сильно, хотя в этом и не было необходимости, хлестнул своего коня и поскакал обратно через мост.

Голт смотрел ему вслед. Затем он снова дал сигнал, прозвучала труба и колонна изгоев двинулась в путь.

В этот день они проехали сорок миль и сделали лагерь у самых границ Бурна. Еще один такой переход, и они будут у северных границ, где от Великих Болот Кушна их будет отделять только тонкий перешеек Страны Варваров, Темной страны.

Голт вместе с Линднером ужинал в своем шатре. Вместо вина у них была вода. После долгой изнурительной езды, когда тело его все болело от последствий вчерашней борьбы, Голт предпочел бы вино, но в поход по приказу короля вина не взяли. И хотя вино можно было достать в деревне, Голт удержался и не послал никого за ним.

Когда все устроились на ночлег, Голт проехал по лагерю. Линднер сопровождал его. В лагере царило приподнятое настроение. Отовсюду слышались веселые песни. Люди праздновали временное избавление от смерти. О том, что ждет их завтра, они не думали. Самое главное было в том, что они были свободны, животы полны, на руках и ногах не было цепей, и их не ожидал топор палача.

Да, это крепкие люди, - подумал Голт, - и если ему удастся держать их в руках, сделать из них боевой отряд, то с ними можно идти куда угодно. Вдруг он напрягся, рука потянулась к мечу. Невдалеке раздались крики, самая страшная ругань, какую он когда-либо слышал. С земли вскочили два человека. Их силуэты четко выделялись на фоне костра, в руках сверкали мечи. Голт уже приготовился вмешаться, как из темноты появился третий силуэт и раздался громовой голос Гомона. - Ну, вы, ублюдки! Разве я не говорил, чтобы среди нас не было драк? - Оба повернулись к нему, держа в руках мечи, но он бесстрашно прыгнул между ними, так что они не успели сообразить. Его огромные руки схватили двух спорщиков и сжали их. Мечи

вырвались у них из рук. Тогда Гомон схватил их за воротники и сильно ударил головами. Раздался глухой стук и оба в бессознательном состоянии рухнули у костра. Гомон выругался. - В следующий раз я сломаю вам шеи, - сказал он и снова исчез в темноте.

Линднер перевел дыхание.

– Да, этот человек, не теряет времени зря.

– Да, - подтвердил Голт. - Он держит свое обещание.

– Пока новая метла чисто метет.

– И пока она новая, мы можем пойти отдохнуть. Идем в шатер. Завтра долгий путь.

Пришло утро. Они поднялись рано и ехали весь день. Они остановились на ночь у самой границы империи, охраняемой конным отрядом пограничников. На рассвете следующего дня они пересекли границу и въехали в мрачный лес Страны Варваров.

Теперь каждую минуту их подстерегала опасность.

Голт выслал конный разъезд разведчиков. Основной отряд пробирался по старому, густому, дремучему лесу. Еще до того, как они углубились в него, Голту показалось, что за ними следят. А однажды он увидел человека, закутанного в меха и одетого в рогатый серебряный шлем. Человек шагнул в густые непроходимый заросли и исчез из виду. Голт даже не был уверен, действительно ли он видел кого-либо.

Гомон был везде - впереди и сзади отряда, с разведчиками, с конными разъездами. В полдень они выехали из леса на равнину, и тут на них напали. Варвары неслись на остророгих красных быках, размахивая боевыми топорами, с двумя лезвиями, издавая воинственные клики на чужом языке. Бой был долгим, упорным и кровавым. Но варвары в конце концов уступили. Голт потерял троих, но это всего десятая часть того, что потеряли варвары. Один Гомон, как успел заметить Голт, прикончил с полдюжины этих свирепых наездников. Он действовал очень умело и мужественно, как старый опытный солдат, впрочем он и был таким.

Наконец они скрылись под покровом леса. Варвары, получив хороший урок, больше их не беспокоили, и люди, вложив окровавленные мечи в ножны, поехали дальше.

Этой ночью они устроили лагерь без костров, и каждый по очереди, не исключая Голта и Линднера, охраняли лагерь. В промежутках между дежурствами Голт проверял лагерь, но всегда Гомон оказывался раньше его.

Голт встретил Гомона, когда тот распекал задремавшего часового. Когда он навел порядок, Голт пошел за ним.

– Молодец, Гомон. Твое усердие мне нравится.

Он скорее почувствовал, чем увидел в темноте сардоническую улыбку и блеск в глазах, когда гигант посмотрел на него.

– Каждый человек занимается своим делом, милорд. Мое ремесло - война, я солдат, и мастер своего дела. Когда мастер занимается своим делом, то он забывает обо всем, а тем более от этого зависит и моя жизнь. Я всегда уважаю того, кто равен мне по мастерству. Должен сказать, что ты хороший солдат, милорд. Я еще никогда не видел дворянина, который бы отказался от сна, чтобы проверить часовых.

– Значит ты никогда не служил королю, который в этом деле превосходит нас обоих. Или моему отцу, у которого я постигал военную науку.

Гомон хмыкнул.

– Но все же ты первый дворянин, который мне понравился в бою. Но время покажет. - Он повернулся и исчез в ночи.

Голт посмотрел ему вслед и вернулся в свой шатер. Он лег спать, положив меч возле себя, как любовницу.

Снова утро, и снова трудный переход по дремучим зарослям. В десять часов новое нападение варваров. Здесь не было места, чтобы встретиться и отражать нападение, но лошади были быстрей, чем неповоротливые быки, и Голт отдал приказ отряду скакать вперед. А сзади несколько человек отбивали яростные атаки. К полудню отряд во главе с Голтом вырвался из лесного мрака. И барон выругался, когда его жеребец сбился с шага, замедлив скорость. Голова отряда попала прямо в болото, в трясину, которая захватывала ноги лошадей, и люди становились легкой добычей людей в рогатых шлемах, которые ощущали мрачное удовольствие от крови и резни, безжалостно давили их, прижимая к болоту, загоняя в трясину.

Стоял ужасный шум. Лошади жалобно ржали, пытаясь вырваться из топкой грязи. Сзади, в лесу звенела сталь и кричали люди. Странные звери кричали впереди, в болоте и сзади, в лесу. Голт попытался повернуть жеребца назад, к лесу, чтобы помочь обороняющимся людям, но грязь слишком сильно схватила лошадь. Она могла только скакать прямо вперед, утопая по самый живот в грязи. Варвары теснили обороняющихся в болото. Голт кричал и ругался. Поражение казалось неминуемым. А поход еще только начинался. Но он ничего не мог поделать.

Вскоре весь отряд был уже в болоте вокруг него. Варвары выезжали из леса, широкие копыта их быков давали им большое преимущество перед лошадьми в этой трясине, а так как их гораздо больше, чем людей Голта, то битва была совершенно безнадежной. Исход ее был очевиден. Но тут случилось чудо.

Когда варвары выехали из леса, они остановили своих быков. Они стояли на краю болота и в страхе смотрели на раскинувшийся перед ними бескрайний океан жидкой грязи. Кое-где на поверхности лопались пузыри с каким-то зловещим утробным звуком. Варвары что-то говорили на своем гортанном языке. Внезапно они повернули своих неповоротливых быков и исчезли среди переплетенных стволов в лесном мраке.

Это было очень неожиданно и совсем непонятно. Голт вложил меч в ножны, пытаясь сообразить, что же произошло. Затем он понял. Когда лошадь Гомона с хлюпаньем приблизилась к нему и Линднеру, он уже все знал.

Гомон, весь в крови от десятка ран, полученных в битве, ехал на лошади, которая по грудь погружалась в жидкую массу прежде, чем находила опору для ног. Лицо Гомона сияло, глаза возбужденно блестели.

– Милорд, мы отбили этих ублюдков!

Губы Голта изогнулись в горькой улыбке.

– Не ты, Гомон, это… Болота Кушна. Они прикончили бы и тебя и меня, и всех остальных. Но их остановили Болота Кушна.

Возбуждение постепенно угасло на лице Гомона. Он посмотрел вдаль, на унылую бесконечную грязь.

– Это, - сказал он, - и есть Болота Кушна?

– Это только начало. Вероятно, лесные люди не пожелали забраться сюда. Голт плюнул с остервенением. - Должен сказать, что я понимаю их. Но во всяком случае теперь наши тылы в безопасности от них.

Покрытое шрамами лицо Гомона темнело, когда он смотрел на мрачную картину.

– И мы должны все это пройти? И только тогда мы доберемся до Неизвестной Земли?

Голт хрипло расхохотался.

– Гомон, это только край болот. Самое начало. - Глаза его сверкнули. - Помни - стойкость характеризует солдата. Подожди, мы еще доберемся до трудного места. - Затем он взял поводья и тронул жеребца шпорами. - Поехали, - сказал он и подал знак трубачу. Его огромный жеребец, по грудь утопая в грязи, с трудом пошел вперед.

Остаток дня был сплошным кошмаром. Голт ехал во главе и выискивал твердые участки, где могли бы проехать остальные. Но в этом море жидкой грязи это было неимоверно трудно. Его жеребец трудился изо всех сил. Каждый шаг отнимал у него столько сил, сколько он истратил бы в скачке в течение часа по нормальной дороге.

С морды лошади хлопьями слетала кровавая пена, бока

вздымались, как огромные кузнечные меха, под бедрами Голта. Но когда он выдохся и не мог двигаться дальше, встал неподвижно, весь дрожа и опустил голову, впереди перед ним простиралось все такое же безбрежное море серой грязи.

Во время пути они потеряли еще двоих, которые погибли ужасной смертью. Они сошли с пути, который проложил Голт. Их лошади увязли в трясине. Они почти мгновенно утонули. Только жалобное ржание лошадей, да предсмертные крики всадников были погребальной песней на их бездонной могиле. Хотя их товарищи пытались бросить веревки, но было уже поздно. Дюйм за дюймом грязь засасывала эти открытые в крике рты, затем носы, глаза и вскоре грязь сомкнулась над их головами, и ничто уже не напоминало об ужасной трагедии.

Они исчезли и казалось, что их никогда не было. Земля взяла их, поглотила без следа. Зловеще краснеющее небо стало будто снижаться на болото. Ядовитые испарения наполнили воздух. Даже Голт почувствовал безысходное отчаяние. Но вот его жеребец поднял голову, встряхнул гривой, закусил удила и снова пошел вперед.

И когда уже близился вечер, Голт, у которого забилось сердце, увидел далеко впереди зеленую растительность, а за ней кроны деревьев. Значит, близится суша. Он едва сдержал желание пришпорить коня. Он и так делал, что мог. Голт взглянул на небо, которое приняло кровавый цвет, и вздрогнул.

Высоко над ним, почти на пределе видения, зловеще кружили черные точки, как стая ворон. А эти птицы, или может летающие существа, вероятно, были огромных размеров - и их были сотни. Как клочья пепла от сожженной бумаги над огнем, они кружились, парили над ними. Это было что-то новое для него, новое и пугающее.

Наконец жеребец с хлюпаньем выбрался из чавкающей грязи на твердое место. Эти черные создания развернулись и полетели к северу. Вскоре эта громадная стая растаяла в вечернем небе.

Голт вздрогнул и схватился за меч. Жеребец выбрался на высокое место и снова остановился. Он стоял, тяжело дыша, весь облепленный грязью. Вскоре весь отряд собрался возле него и начал разбивать лагерь для ночлега.

5

Он проводил и лучшие ночи.

За ними был океан грязи и топи, впереди - неизвестность. Вокруг них росли странные незнакомые деревья и кустарники. Люди наломали веток, разожгли костры и собрались вокруг них, недовольно бормоча. Однако они замолкали, когда Голт делая обход, проходил мимо них. Но он чувствовал их недовольство. Погибло шесть человек - трое в бою с варварами, один умер от ран, двоих поглотило болото. Они не рассчитывали на такое. Тюрьму и топор палача их разум мог понять. Но что ждало их впереди, если то, через что они прошли, всего только небольшая часть и даже не начало. Их мозг отказывался это воспринимать.

И все же, несмотря ни на что, ночь прошла спокойно, если не считать ужасных пронзительных криков, которыми наполнилась ночь, когда на землю спустилась тьма. Звуки были самыми разнообразными - рев, хрипенье, кваканье, вой - ни один смертный не мог бы назвать тех, кто производил эти леденящие кровь звуки. Но кто бы это ни был, он держался на расстоянии, оставался невидимым. Может быть, огонь удерживал его. И когда пришло утро, все стихло. Люди поднимались встревоженные, напряженные. Завтрак их не развеселил. Они оседлали усталых лошадей и поехали. Только Гомон был шумен и неутомим, как обычно. Он беззаботно ругался, подгонял их, будто бы пастух.

Они перевалили через холм и начали спускаться вниз, по другой стороне, продираясь через первозданный лес, состоящий из неизвестных им деревьев, перевитых лианами, и колючками кустарника… Туман - нет, не туман, а пар, исходящий из самых глубин земли, скапливался у поверхности. Уши лошади Голта были напряжены. Она боялась этой земли, где все было незнакомо, чуждо, враждебно.

Они спустились с холма и увидели деревню.

Деревня была очень бедная, и, казалась, совсем не приспособлена для человеческого жилья. В деревне стояли избушки, сделанные из ивовых прутьев, обмазанных грязью, а крыши покрыты тростником. Ничего более жалкого и несчастного Голт не видел никогда. Однако он не стал въезжать в деревню сразу. Он остановил лошадь и стал осматривать окрестности.

Эти жалкие домишки расположились на топкой грязной равнине. За ней виднелись примитивные причалы, о которые бились лодки. На берегу сушились растянутые рыбацкие сети. За причалами начинались болота. Заросли тростника поднимались из грязной стоячей жижи, и эти заросли простирались далеко-

далеко, насколько можно было видеть глазом. Чайки и цапли кружились над болотами, изредка ныряя вниз за добычей.

Внезапно Голт насторожился. Посреди деревни он увидел небольшую площадь, на которой собрались жители деревни. Они были наполовину обнажены, а вокруг бедер у них были какие-то зеленые повязки, очевидно сделанные из тростника.

Они толпились в самом центре площади вокруг чего-то, чего Голт на таком расстоянии не смог рассмотреть. Что-то большое и зеленое. Голту показалось, что оно привязано к столбу.

Сзади послышался голос Линднера.

– Кажется эти люди вполне безобидны. Рыбаки, а не воины. Время для них остановилось, да и нас гораздо больше.

– Да, - сказал Голт. - Мы идем. - Он поднял руку и подал сигнал. Отряд двинулся дальше.

Когда звук сотен копыт нарушил тишину жалкой грязной деревушки, толпа народа на площади распалась, и все повернулись к пришельцам. Они свободно пропускали отряд, проезжающий мимо с обнаженными мечами. Голт остановился. Он смотрел, как проезжали его люди, с изумлением рассматривавшие жителей деревни. Да, тростник. Их набедренные повязки из тростника. Глаза жителей со страхом и трепетом смотрели на проезжающих. Голт увидел, что они действительно безобидны - маленькие, щуплые, они имели все признаки вырождения, деградации - пустые, ничего не выражающие глаза, полное отсутствие подбородков. Все они были похожи друг на друга, как будто они все были членами одной большой семьи, и в деревне жили только братья, сестры, отцы и матери, двоюродные братья и сестры. И если бы они были овцы или коровы из его стада, он бы без жалости перерезал их всех, чтобы избавиться от последствий такого противоестественного кровосмешения.

Но они были всего лишь затерянное в бескрайних болотах племя жителей. И когда Голт спешился и прошел между ними с обнаженным мечом, они испуганно жались друг к другу, что-то щебеча на странном языке, которого Голт никогда не слышал, хотя сам говорил на трех языках.

Затем, когда толпа расступилась перед ним, он увидел столб на площади и то, что было привязано к нему. Голт остановился, разинув рот от изумления.

После катастрофы, Всемирного Пожара, постигшего Землю, появилось много загадочных существ. До катастрофы, как утверждалось в древних легендах, человек был человеком, а зверь - зверем. Но во время недели пожара в воздухе появился какой-то дьявольский дух или что-то другое, и когда Земля чуть не сгорела

дотла, все на ней изменилось. Катастрофа породила существ, которые не были ни людьми, ни животными, и одним из примеров были полуволки. А это существо, как предположил Голт, тоже было порождением мировой катастрофы, хотя он никогда не видел и не слышал ничего подобного.

Крепко связанное веревками, существо прижималось к столбу, глядя на Голта выпученными глазами, сидящими в обезображенной голове. Оно было такое же высокое, как Голт, с могучими толстыми ногами и слабенькими тонкими руками. Это не был человек, но и не лягушка, а какая-то жуткая смесь их обоих размером с человека. Он был покрыт зеленой кожей и имел огромный рот, способный, как ни странно, выражать эмоции. Огромные глаза светились страхом, нет, смертельным ужасом. Мускулистые зеленые ляжки непрерывно боролись со стягивающими их узлами. белый мешочек кожи под горлом пульсировал в такт дыханию. Бесцветный язык, длиной с предплечье человека, высовывался изо рта.

Голт посмотрел на него, а затем, почувствовал неодолимое отвращение от безобразного вида этого существа, отвернулся.

– Боги и дьяволы! - выдохнул Линднер. - Что это за чудовище? На четверть человек и на три четверти - жаба! Клянусь бородой отца, он еще безобразнее, чем полуволк!

Голт повернулся к шушукающей толпе деревенских жителей.

– Кто здесь вождь? - спросил он. Но люди выразили полное непонимание. Голт повторил вопрос на языке Страны Света, и опять никто не откликнулся. Затем он перешел на гортанный язык, и хотя большинство людей все равно не поняли его, отозвался какой-то старик, у которого почти не было лба и седые волосы смешивались с бородой.

С ужасом глядя на меч Голта, он чуть не упал в обморок от страха.

– Скажи, - сказал Голт на языке варваров. - Кто этот народ? Что они здесь делают, и что это? - он показал на это существо, покрытое слизью, которое было привязано к деревянному столбу.

– Мы жители болот, и наша деревня называется Трах. Мы всегда здесь, сиятельный.

– Ясно, - пробормотал Голт. - А что это? - и он опять показал на привязанное чудовище.

– Это Ранах, сиятельный, - старик съежился. - Он был ранен и полз по берегу. Наши юноши схватили его и притащили сюда для развлечения.

– Развлечения?

– Да, сиятельный. Это большой праздник, когда нам в руки попадает Ранах. Он умирает так медленно.

– Что? - Голт удивленно посмотрел на него сузившимися глазами.

– Сиятельный никогда не убивал лягушек? Сиятельный не знает, что когда ноги лягушки поджаривают, они живут, танцуют на сковороде? Разве сиятельный не знает, что если лягушку разрезать на части, то они будут жить целый день и ползать самым уморительным образом? Таковы все лягушки и таковы Ранахи. И теперь мы поймали Ранаха, мы разрежем его на части и будем развлекаться, глядя, как ползают эти две половинки.

– Ясно, - сказал Голт, стараясь не встречаться взглядом со стариком, в глазах которого сиял восторг. - А эти Ранахи опасны? Они рвут ваши сети, крадут рыбу, убивают людей?

Старик расхохотался.

– Ранахи опасны? Нет, сиятельный. Только очень проворны. Мы редко ловим их, хотя Болота Кушна кишат ими. Но когда нам удается поймать его, у нас большой праздник. Ведь две половинки живут целых двенадцать часов.

– Но почему? - Голт отчетливо выделял слова. - Почему? Ведь они не вредят вам?

Старик посмотрел на него с искренним непониманием. - Почему? Потому, что это забавно. А почему нельзя? Ведь он… - старик почесал голову, подыскивая слова. - Ведь он не человек. Разве этого не достаточно?

– Достаточно. Для таких, как вы, - сказал Голт. - Он повернулся и подошел к столбу. Выпученные глаза были действительно совсем другими, чем у людей. Таких глаз он никогда не видел. И все же в глубине этих глаз жабы Голт уловил чувства, разум. Это были глаза и жабы и в то же время глаза человека. Они смотрели на Голта с отчаянием и все же с надеждой. Они умоляли Голта, и тот отвернулся.

– Старик!

– Да, сиятельный!

– Ты сказал, что это существо пришло из Болот Кушна. Там много, таких как оно?

– Да, сиятельный.

Голт глубоко вздохнул.

– Тогда освободи его.

Старик заморгал.

– Почему, сиятельный?

– Освободи его. Меня послал могущественный король из страны, которая лежит за этими болотами. Я принес с собой меч и закон короля. Ни одно существо без его приказа не может быть подвергнуто такой пытке.

– Пытке? Сиятельный, - это же удовольствие! - Старик

повернулся и что-то прокричал в толпу. Голт увидел удивленные взгляды. - Присоединяйтесь к нашему празднику! Посмотрите, как две половинки Ранаха будут ползать по площади. Это зрелище, которым никогда не надоест наслаждаться.

Голт посмотрел на него и плюнул. Он повернулся.

– Линднер, - сказал он. - Следи за толпой. Я освобожу его. - Затем он острым мечом разрезал веревки, которыми был связан Ранах.

Большое сильное существо сильным прыжком соскочило со столба и присело на корточки, глядя со странным выражением на Голта, возвышающегося над ним, Голт отшатнулся на месте, когда перепончатая лапа - рука, совсем не похожая на человеческую, дотронулась до него чужим, холодным, скользким пальцем. Затем Ранах взял его руку и прижал ее к холодному широкому лбу. Дрожь пробежала по телу Голта.

Крики гнева и разочарования донеслись из толпы жителей.

– Все нормально, - сказал Голт Ранаху, убирая свою руку. Розовый шейный мешочек затрепетал и из широкого рта раздался мурлыкающий звук. Затем он снова сел на корточки, совсем по-лягушачьи.

Голт был удивлен разумным выражением, которым светились глаза гигантской лягушки. И вдруг понял, что ему надо делать. Голт показал рукой, в которой был меч на свой отряд. Затем он показал на болота…

Ранах выпучил глаза, повертел головой. Шейный мешочек непрерывно пульсировал. Затем он подпрыгнул, снова квакнул и внезапно он поднялся во весь рост на своих перепончатых лапах. В этой позе, почти величественной, он был ростом с Голта. Он повернулся, как человек и направился к воде.

– Подожди! - инстинктивно крикнул Голт, но Ранах продолжал идти. Решительно он спустился по склону неуклюжей походкой. Он шел с напряжением, но и гордостью. У края воды он остановился, повернулся и посмотрел на Голта.

Голт взглянул на солнце. Оно было еще высоко. И теперь ему надо было рисковать. Голт задержался на мгновение и взглянул на жителей деревни. Голту показалось, что в огромных глазах человека-лягушки было больше разума, чем в глазах этих идиотов. Они смотрели на него враждебно, ведь он лишил их любимого развлечения. Затем Голт решился. Он сел в седло, махнул мечом и послал жеребца в воду. Ранах все еще шел на задних лапах, как человек, и все углублялся в болото. Сердце Голта сжалось, когда он направил жеребца за Ранахом, и отряд последовал за ним.

Жеребец фыркал и тряс головой, шагая в вонючей болотной

жиже. Голт шпорами подбадривал его, и конь шел, аккуратно нащупывая копытами твердую почву. Голт ехал за зеленой спиной Ранаха, который по пояс высовывался из воды, и подкованные ноги лошади находили опору под слоем ила, устилавшего дно.

Когда весь отряд вошел в болото, на берегу собрались жители. Они вдруг обрели мужество. Они кричали вслед им что-то, кидали грязь, а затем разбежались и попрятались по своим хижинам.

Все это утро Голт ехал вперед, вслед за зеленой головой Ранаха, которая маячила впереди. Это было легко. Тугой тростник рос зеленой стеной по краям узкой тропы в болоте, по которой их вел Ранах. Странные отвратительные змеи шныряли в тростнике. Они смотрели на людей своими злыми немигающими глазами, показывая клыки и высовывая раздвоенные языки. Но они уплывали при приближении людей. Скорее всего они боялись Ранаха.

В этих болотах встречались и другие животные. При их приближении в воздух поднимались птицы, зловеще каркая. Они были больше грифов, и имели загнутые клювы. Головы были красные и без перьев. Но это были не те птицы, подумал Голт, которые кружили высоко в небе, когда они вчера вошли в болото. Те были намного больше. И все же их противное карканье, хлопанье крыльев и щелканье клювов действовало на нервы. Голт ни разу не вытащил меча из ножен, но все время держал его наготове, пока фыркающий жеребец осторожно нащупывал путь, двигаясь по болоту за этим зеленым существом. Позади него ругался Линднер, слышались недовольные возгласы людей, скорее не возгласы, а бормотание. Только голос Гомона звучал как всегда громко, когда он подгонял отстающих:

– Ну, вы, бараны. Держитесь плотнее! Двигайтесь плотнее! Двигайтесь поживее. Если понадобиться, идите прямо в ад, прямо в пропасть или пасть дьявола! Не отставайте! Если вы не можете ехать на лошади, тогда плывите, но не отставайте. Может вы хотите попробовать мой меч на своей спине?! Двигайтесь, двигайтесь! - Они шли в темной вязкой воде. На ветру гнулся тростник. Затем болото стало глубже. Вода уже достигала пояса Голта, и лошади иногда приходилось плыть. Ранах все время шел впереди, иногда замедляя ход и потому, насколько он погружался в воду, можно было судить, какая дальше глубина. Солнце светило сзади сквозь тонкую дымку облаков. Болото издавало невыносимое зловоние. Пахло гнилыми остатками растений и животных.

И вдруг Линднер вскрикнул.

Голт быстро остановил жеребца. Тот поднялся на дыбы,

развернулся, стоя на задних ногах и с брызгами опустился на все четыре ноги, повернувшись лицом к колонне. Голт тут же увидел какое-то ужасное существо, впившееся в бедро Линднера.

Темно-полосатое, покрытое слизью, без глаз, оно болталось в воде, и было длиннее человеческой руки и втрое толще. Рот присосался к ноге Линднера в том месте, где его кожаные штаны были порваны во время боя с варварами.

– Убей его! - кричал Линднер! - Ради бога, Голт, убей эту гадину!

Голт ударил шпорами лошадь, и они ринулись вперед. его меч сверкнул в воздухе и упал вниз. Отрубленное тело гигантской пиявки отвалилось от Линднера и, извиваясь, исчезло в воде. Но присосавшаяся голова крепко держалась на ноге Линднера и продолжала высасывать кровь. Алая жидкость вытекала в темную воду, окрашивая ее в алый цвет.

Ранах повернулся, быстро приблизился к ним, схватил эту голову зелеными перепончатыми лапами и оторвал ее. К ужасу Голта, длинный язык выскользнул из широкого рта Ранаха, обвил голову пиявки и исчез во рту. Человек-лягушка проглотил эту ужасную голову. Но Линднер продолжал всхлипывать в ужасе. Он закалился во многих битвах, но это жуткое нападение очень подействовало на его нервную систему. Кровь продолжала вытекать из раны, сделанной пиявкой, и они ничего не могли с этим поделать. Голт вспомнил, что у пиявок, даже у самых маленьких, в слюне содержится вещество, препятствующее свертыванию крови. А такая огромная, как эта, наверняка впрыснула гигантскую дозу такого вещества в Линднера, когда присосалась к нему.

Голт поддержал Линднера в седле, и капитан постепенно успокоился. Он покачал головой.

– Отпусти меня? - голос его был подозрительно спокоен.

– Линднер, только без паники.

– Нет-нет, я не паникую, - но кровь выходила из раны. - Но… но после всего этого… Идти в такой поход… Как ужасно, Голт, я засыпаю, я…

– Линднер, друг, держись! Держись! - Голт старался завязать рану, но тряпка моментально пропитывалась кровью. - Линднер!

Пальцы капитана судорожно впились в его плечи.

– Голт… сын. Я всегда любил тебя… Спать… Проклятое чудовище… Оно взяло мою жизнь…

Он покачнулся, но Голт удержал его, потерявшего сознание, от падения в воду. Он держал Линднера, прижимая его к груди, как ребенка, и ничем не мог ему помочь. Кровь продолжала хлестать из раны. Слезы текли по щекам Голта, когда на руках его

умирал его старый друг. Эти слезы капали в воду, окрашенную кровью. Голт не бросил тело в болото. Он положил его поперек седла и привязал кожаным шнурком. В это время к нему приблизился Ранах. Он тронул ногу Голта, и тот моментально повернулся, непроизвольно подняв меч. Голт вспомнил, как Ранах проглотил голову пиявки, и его едва не стошнило. Но Голт сдержался, опустил свой меч. Он увидел, что делает Ранах.

У Голта к седлу была привязана сумка, в которой хранились запасы пищи и еще кое-какие мелочи. Рука Ранаха скользнула в сумку и извлекла оттуда стеклянный пузырек. Ранах поднес его к ране Линднера, а затем показал в том направлении, где исчезла пиявка. Голт смотрел на все это, и вдруг он все понял.

– Гомон, - крикнул он.

Бородатый гигант оказался рядом. Его тоже взволновала смерть Линднера. Лицо его было бледно.

– Милорд?

– Соль! - крикнул Голт. - Ты понял? У нас же есть запасы соли в обозе. Пусть каждый наполнит сосуд солью, прежде чем идти дальше, и держит его наготове. Здесь, вероятно много пиявок, но они ведь похожи на садовых улиток и очень боятся соли. Если пиявки прицепятся к кому-нибудь, пусть он посолит ее, и она отвалится, а еще лучше посолить воду перед ней.

Голт посмотрел на Ранаха. Тот как будто понял, кивнул, а когда соль разделили между людьми, он кивнул в знак одобрения.

Отряд пошел дальше и соль работала безотказно. Голт вовремя увидел тень в воде, которая приближалась к его бедру. Он насыпал немного соли в воду возле нее. Он увидел, как пиявка свернулась тугим кольцом и после минутного колебания устремилась прочь. Голт мрачно улыбнулся. Он был доволен, что ему удалось отомстить за друга. Он слышал, что сзади временами слышались испуганные крики, которые затем сменялись восторженными восклицаниями. Очевидно, что люди подвергались нападению пиявок, и успешно отражали их с помощью соли.

И они продолжали идти вперед, и небо уже начало краснеть, и однажды в этом багровом свете Голту показалось, что он опять увидел трех гигантских птиц, если это были птицы. Они снова в зловещем безмолвии кружились высоко в небе.

Это было мучительное путешествие. Они пробирались по отвратительной болотной жиже, конца которой не было видно, и в конце которой плавали отвратительные существа, ожидающие свою жертву. И не было никого, включая самого Голта, чье мужество бы не поколебалось. А что будет, когда наступит ночь?

Не могут же они провести всю ночь в седлах?

И вот, когда последний багровый луч заходящего солнца скользнул по их лицам, Голт вздохнул с облегчением. Впереди показался островок. Темный бугорок в стоячей маслянистой черной воде. На нем росло несколько неизвестных им деревьев странной формы. Дно под ногами лошади стало постепенно подниматься, и, радостно фыркая, она ускорила шаг, следуя за человеком-лягушкой, надеясь, что скоро ее копыта вступят на сравнительно твердую почву.

Здесь они решили устроиться на ночлег, и здесь Голт решил похоронить Линднера. Они вырубили кустарник, чтобы очистить место, зарубили несколько, по-видимому, ядовитых, зловеще раскрашенных змей, устроили небольшой костер и выкопали могилу в топкой земле. Они чересчур устали, чтобы выполнить полный похоронный ритуал. Голт, чье тело дрожало от безмерной усталости и горя, а в глазах стояли слезы, прочел Последнюю Молитву Солдата над могилой и отвернулся. И очутился перед Гомоном.

– Милорд!

Что-то в лице Гомона заставило Голта опустить руку к рукояти меча.

– Что случилось, Гомон?

Гомон показал на кучку людей, сидевших вокруг костров. Он понизил голос.

– Милорд, они говорят о мятеже. Слишком много ужасов. Они на это не рассчитывали. Они хотят вернуться назад. Лучше варвары, лучше преследование короля, лучше даже эшафот, чем все это.

Голт взорвался.

– Так прекрати эти разговоры! Ведь ты теперь, после смерти Линднера, мой помощник. Если требуется, расколи несколько черепов. Мне не нужны…

– Нет, - сказал Гомон. - Разве ты не видишь? Я с ними. - Его голос резко изменился и он повелительно крикнул. - Хватайте его! - и выхватил меч.

В то же мгновение с полдюжины людей схватили сзади руки Голта, скрутили его. Чья-то рука вынула его меч из ножен. Кончик меча Гомона коснулся подбородка Голта.

– Стой спокойно, милорд. Мы не будем убивать тебя, если ты сам к этому не вынудишь. Ты сильный и мужественный человек, и мы все это признаем. Но мы требуем, чтобы ты повернул назад. Закончим этот поход, мы лучше попытаем счастье в Бурне.

– Нет. - твердо сказал Голт. - Я пойду один, если придется, но…

– У тебя нет выбора. - сказал Гомон. - Ни ты, ни мы не можем идти без проводника.

– Ранах…

– Обречен, - сказал Гомон. - Мы схватили его, видишь?

Голт повернул голову и убедился, что это правда. Они каким-то образом захватили врасплох человека-лягушку и накинули на него веревку. И теперь дюжина разбойников подтащила его к дереву и крепко привязали его. Выпученные глаза существа блестели и выражали удивление, шейный мешочек пульсировал.

– Когда он умрет, мы не сможем продолжить путь дальше. Ты проведешь нас назад или умрешь на этом острове.

– Проведу назад? Не будь дураком. Как я смогу провести вас по этому болоту?

– Ты умеешь ориентироваться. Я заметил, что ты внимательно следил за дорогой и изредка делал зарубки. Ты можешь провести нас обратно. Мы убьем Ранаха, а ты убьешь короля и…

– Каких подонков и трусов я выбрал в свой отряд! - Голт яростно плюнул. - Освободи меня, Гомон. Освободи меня и Ранаха и все будет забыто. В противном случае, я предупреждаю тебя, что тебе не поздоровится.

– Может быть, но не так, как Линднеру. Милорд, мы все взяли в свои руки. Привяжите его к дереву, люди!

Они прикрутили его к дереву по соседству с человеком-лягушкой. Голт не мог бороться со всеми ими. Ему ничего не оставалось, как только подчиниться. Они позволил привязать себя. Из груди его вырвались короткие стоны, вызванные яростью и беспомощностью.

Ранах посмотрел на него выпученными глазами, в которых светилось изумление и смятение. Затем он повернулся к Гомону, который подошел к нему с обнаженным мечем.

– Мне не хочется делать это, - пробормотал он, - Не… - и он поднял меч.

Ранах забился в узлах веревки, внезапно его шейный мешочек затрепетал и раздулся до невероятных размеров. Затем из его рта вырвался самый невероятный звук, который когда-либо слышал Голт. Этот звук был на половину Громом, наполовину пронзительным звучанием трубы - кваканье гигантской лягушки. Гомон отшатнулся назад и встал в нерешительности. А этот мешочек раздувался снова, и снова, и снова леденящий кровь звук пронесся по погружающемуся в ночной мрак болоту. Гомон наконец справился с собой и снова шагнул вперед, но остановился, когда на призыв Ранаха пришел ответ.

Казалось, что этот звук пришел со всех сторон, что его

излучало само болото. Этот звук исходил из сотен широких ртов, сотни шейных мешочков трепещут, рождая этот ужасный звук. Это кваканье сотрясало воздух, и вся ночь наполнилась ужасным грохотом и визжанием сотен труб. Голт застыл. Бесчисленные орды Ранахов выползали из окружающего болота на островок! Целая армия их окружила клочок суши, где к дереву был привязан их собрат, молящий о помощи.

Лошади в панике рвались и ржали. Люди сбились в кучу, обнажив свои мечи и в ужасе глядя во тьму за кострами, откуда несся этот леденящий кровь звук, откуда на них надвигались эти сверхъестественные существа, собирающиеся со всего бескрайнего болота.

– Боги и дьяволы! - Гомон застыл с поднятым мечом.

– Освободи его! - крикнул Голт. - Идиот! Освободи его, или его собратья сомнут вас, несмотря на все ваши мечи, скинут в болото и утопят. Обрежь веревки, идиот!

Шум стал таким, что человеческие уши уже не могли его выдержать. Гомон неуверенно двинулся вперед, оглушенный и потрясенный этим, и разрезал веревки. Веревки упали на землю, и в то же мгновенье мешочек перестал трепетать и опал. Звуки прекратились. И тут же внезапно установилась тишина. Эта тишина была такой же оглушительной, как и невероятный шум. Во мраке что-то шуршало, плескалось, и вскоре все успокоилось.

Ранах прыгнул и приземлился у ног Голта. Как бы предупреждая, он квакнул один раз, и тут же тьма откликнулась грозным хором звуков, исходящих из сотен глоток его собратьев. Ранах сделал повелительный жест, в значении которого сомневаться не приходилось.

Гомон колебался, а затем обрезал веревки Голта. Голт выпрямился, глаза его были холодны, как сталь.

– Дай мой меч, - сказал он.

Молча Гомон поднял его с земли, и протянул Голту и поднял свой.

Движение Голта было быстрым, как молния, глаз не смог бы уловить его. Он сделал выпад, парировать который Гомон не мог. Меч сверкнул, как жало змеи. Гомон выругался, когда лезвие Голта выбило меч из его рук, и острие Голта уже уперлось в горло мятежника.

– Ты грязный предатель! - крикнул Голт.

– Боги и дьяволы, какой великолепный боец, - выдохнул Гомон. Затем его глаза встретились с глазами Голта. - Ну что же, милорд. Я нарушил слово. Бей. Лучше умереть так, чем погибать потихоньку в этом грязном болоте.

– Если тебе придется умереть, ты умрешь, - сказал Голт. - Ты

мне дал слово, и, черт бы тебя побрал, ты сдержишь его. Я доказал, что я сильнее тебя и в рукопашной, и в фехтовании, ты будешь служить мне, или я отдам тебя Ранахам, и они будут забавляться тобой всю ночь! Ты слышишь? Отвечай! - сверкая взглядом, он легонько повернул меч. - Ты будешь, - крикнул он, - служить мне?

Гомон стоял в напряжении. Затем он прерывисто вздохнул. Он прямо посмотрел в глаза Голту, и барон увидел в его глазах что-то, чего раньше он не замечал. Голт кивнул. Ни тени страха не было видно на его лице.

– Хорошо, милорд, - спокойно сказал он. - Хорошо. Я буду служить тебе.

Голт еще мгновение держал меч у горла бандита, затем отвел его, наклонился, поднял меч Гомона и бросил его бандиту рукоятью вперед. Гомон ловко поймал эту сверкнувшую в свете костра молнию.

– Тогда покончим с этим, - сказал Голт. - Ничего не случилось. Просто день был очень труден, и у всех разгулялись нервы. Даже сам Сигрит вряд ли бы признал нас виноватыми в минутной слабости. С этим кончено, Гомон.

– Да, милорд. С этим кончено. - Он стоял, глядя с удивлением на свой меч, изредка с уважением поглядывая на Голта. Затем он резко повернулся.

– Вы слышите, подонки? - крикнул он. - Вы слышите, грязные ублюдки? С этим кончено. Этого не было. Голт нас ведет, и мы идем за ним. И все вопросы будете решать со мной, так же, как с ним! Вы все, все поняли?!

Ранах повернулся к Голту. В его глазах был вопрос. Люди пятились назад, испуганные необузданным гневом Гомона. Голт кивнул успокаивающе Ранаху, и тот, казалось понял. Затем, без всякого предупреждения, он присел на землю на задние лапы и совершил чудовищный прыжок во тьму и моментально исчез из виду.

Гомон повернулся.

– Лягушка? - в голосе его послышалось отчаяние. - Ругайте меня. Это он из-за меня ушел, покинул нас!

Голт смотрел во мрак. Там слышалось какое-то перешептывание, всплески, шорох.

– Я не знаю, - сказал он. - Может быть, если нам повезет, он вернется. А сейчас нам ничего не остается делать, кроме как поужинать, ложиться спать, но оставить надежную охрану.

6

Когда пришел день. Ранах уже был здесь. Он сидел весь покрытый слизью, с него стекала вода. Он был готов прыгнуть при первом же угрожающем движении. Когда Голт подошел к нему с дружеским жестом, Ранах вытянулся во весь рост и неуклюже ступая на своих перепончатых лапах, повел его через остров. Люди безмолвно смотрели на них. Гомон шел сзади и когда они подошли к северо-восточному берегу озера, Гомон в изумлении воскликнул:

– Боги и дьяволы! Смотрите! Их сотни!

Это было действительно так. Голт увидел огромные зеленые спины среди тростников, тысячи выпученных глаз смотрели на них. Все болото было полно Ранахами.

– Спокойно, Гомон, - быстро крикнул Голт, так как Ранах, стоящий рядом, делал своей маленькой ладошкой успокаивающий жест. Глаза Ранаха и жест были такими выразительными, что Голт все понял. Вероятно, это чудище оказалось способным понять, почему эти люди прошлой ночью были так враждебны к нему, он смог понять, что эти люди очень устали и были подавлены чужой незнакомой еще землей, и это привело их к взрыву страстей, в эпицентре которого оказался он. Ранах смог понять - и смог простить. Теперь он пытался сказать Голту, что, несмотря ни на что, он держит свое слово, что он выведет их из болота. Но чтобы исключить повторение того, что произошло, он имеет свою охрану.

Люди не смогли воспринять это хладнокровно - сначала. Они волновались, боясь довериться ордам этих водяных чудовищ. Гомон быстро вывел их из этого состояния, презрительно ругая их.

– Тогда оставайтесь тут, трусливые черви. Оставайтесь и погибайте. Барон и я поедем на северо-восток. По крайней мере у нас есть шанс спастись. А те, кто останется здесь или попытается вернуться без проводника - погибнет! - Он резко отвернулся от них и твердой походкой пошел к своей лошади - Едем, милорд, - он вскочил в седло и, дождавшись, когда Голт сядет на лошадь, поехал в воду.

Они проехали всего несколько ярдов, как услышали сзади шум, лязганье оружия и вскоре копыта лошадей сзади уже захлюпали в болотной грязи. Следовательно, люди боялись оставаться и боялись ехать вперед. Они из двух зол выбирали наименьшее.

Через полчаса их стражи полностью рассеялись. Это

путешествие уже отличалось от вчерашнего. Проводник шел впереди, указывая путь, в вдоль отряда все время кружили остальные Ранахи. Они охраняли колонну, создав плотный кордон, через который не могло проникнуть ничто враждебное. Голт еще не раз видел, как длинные языки хватали гигантских пиявок и отправляли в огромные рты. Ранахи глотали их целиком. Огромные невиданные насекомые, страшно кружа и выставив острые длинные жала, которые могли убить человека, пикировали на людей. Ранахи выскакивали из воды, хватали их своим языком и тоже отправляли в рот. Им в пищу годилось все, что попадалось по пути. Змей теперь видно не было, а если лошади спотыкались или увязали в трясине, лягушки подпрыгивали, поддерживали их, вытаскивали из топи. Настроение людей изменилось, теперь они начали смеяться, шутить. Они уже не чувствовали себя одинокими и беспомощными.

К Голту подъехал Гомон и откашлялся.

– Все идет отлично, милорд, относительно прошлой ночи…

– Я же сказал - все забыто.

– Может быть, но не мной. - Гомон выглядел каким-то неуверенным. - Я вчера снова дал слово служить тебе. На этот раз я не ставлю никаких условий. С этого момента я последую за тобой всюду, без колебаний и сомнений, - он печально улыбнулся. - Я никогда бы не подумал, что смогу сказать такое дворянину, но… но это правда, - закончил он.

– Тогда благодарю. - Голос Голта был мягок. - Я сказал, что все забыто и это действительно забыто. Колонна растянулась, - иди, подтяни их!

– Хорошо, милорд. - Гомон поднял руку в знак приветствия и пришпорил коня.

Ближе к полудню Голт почувствовал, что Ранах как-то странно возбужден. Проводник подплыл к Голту, встал на ноги и показал вперед. Голт встал на стременах, заслонил глаза от сверкания солнца и воды. Затем он замер.

Далеко впереди длинная твердая линия отделяла небо от болота. Ранах еще раз возбужденно показал вперед, и Голт кивнул. Затем он повернулся в седле, выхватил меч и завертел им над головой. Он приказал людям: - Вперед!

– Вот она! - прогремел его голос. - Прямо перед нами! Неизвестная земля!

Послышались радостные крики. Его жеребец как будто почувствовал запах земли, раздул ноздри, поднял уши и ускорил шаг. Вода забурлила вокруг него. Дно под ногами стало постепенно подниматься. Теперь они двигались очень быстро, и

земля все приближалась. Сердце Голта билось все быстрее, он напрягал глаза, желая бросить первый взгляд на землю, куда они стремились, на землю, которая будет их судьбой.

Вскоре чернота воды сменилась зеленью. Вода достигала всего лишь колен лошади. Голт снова приподнялся на стременах лошади. Ему показалось, что он видит впереди узкую полоску белого песка, сверкающего на солнце. А за ним виднелись джунгли, деревья невероятной высоты. Вскоре стало совсем мелко и жеребец пустился в галоп. Отряд двигался совсем быстро, и Ранаху приходилось скакать за ними длинными прыжками.

Внезапно к Голту вернулась осторожность. Хотя он был и рад наконец оказаться на суше, нельзя опрометью врываться в неизвестное место, где могут ожидать опасности. Он с трудом остановил коня и просигналил колонне остановиться. Голт снова поднялся на стременах и начал внимательно всматриваться в берег.

Он долго смотрел, замерев, в благоговейном трепете. Он ожидал увидеть заброшенную дикую землю, непроходимые первобытные джунгли, где не ступала нога человека. Но он не был готов к тому, что открылось его глазам. Перед ним был открыт лес необычной красоты, который начинался сразу за узкой полоской песка. Деревья стремились вверх и были такой высоты, что чуть ли не царапали небо своими ветками. Земля под ними была чистая, как будто аккуратно подметенная, и ее украшали причудливые светлые пятна, которые бросали на землю лучи солнца, пробивавшиеся сквозь крону деревьев. Ласковый ветерок, дувший в лицо, приносил аромат - цветов и земли. Этот запах резко контрастировал с запахом стоячей воды и гнили болота. Ветерок приносил и птичье пение, которое вызывало сладостную истому во всем теле. Голт ожидал увидеть ужасы ада, а вместо этого увидел рай.

Гомон остановился возле него.

– Клянусь кинжалом моего отца! - прошептал он. - Посмотри, милорд! - Голт никак не ожидал, что красота может подействовать на огрубевшую душу этого бандита, но Гомон был так же потрясен и очарован, как и сам барон.

Затем Голт покачал головой.

– Да, - сказал он. - Прекрасная земля. Но кто знает, что ждет нас за деревьями, - голос его внезапно стал твердым и деловым. - Мы поедем в колонне по четыре. Мечи обнажены и луки наготове. По флангам разъезды. Ты и я будем регулярно объезжать отряд.

– Да, сэр. - Гомон поскакал отдавать соответствующие указания. Голт въехал на берег. Глаза его обшаривали весь лес, чтобы заметить любую угрозу. Но было трудно сохранить

бдительность: испещренные веселыми солнечными зайчиками тени, птичьи голоса, как прикосновение любовника, - все располагало к наслаждению, хотелось бросить оружие, наполнить душу миром и покоем.

Затем Ранах тронул ногу Голта. Он смотрел на барона, и Голт мог бы поклясться, что чудище улыбается широким ртом. Затем Ранах поднял зеленую перепончатую руку, как бы прощаясь, и прыгнул. Прежде чем Голт мог моргнуть, Ранах исчез, и в то же самое мгновение исчезли и все его собратья, как будто их и не было. Мелкая и прозрачная вода плескалась между копытами лошадей и люди остались одни на пороге Неизвестной Земли.

С Голтом и Гомоном во главе отряд медленно двинулся на берег, пересекая полосу золотого песка, на котором не было ни единого отпечатка ноги. Лошадь Голта фыркала, когда они въехали в лес. Но Голт знал, что это фырканье выражает удовольствие. Ветерок дул им в лицо и Голт немного расслабился. Если впереди будет что-либо угрожающее, то его умный конь почувствует это. Но конь только звенел сбруей и трепет удовольствия пробегал по его телу. Ему было приятно снова очутиться на твердой земле.

Лес сомкнулся за Голтом и Гомоном, когда они углубились в него. Любопытно, что здесь под деревьями не было опавших листьев. На земле была мягкая трава, кое-где высились моховые кочки. В траве тут и там мелькали самой разной окраски цветы. Создавалось впечатление, что кто-то заботливо ухаживает за этими прекрасными лесами. А если так, то эти люди великолепно выполняют свою работу. Немногие парки смогли бы сравниться по красоте с этим лесом.

Пока никакой опасности они не обнаружили и остановились для того, чтобы впервые за много дней поесть в условиях более-менее сносных. Теплый ветерок высушил их одежду, пища восстановила их силы, аромат цветов причудливых форм, игра солнечных зайчиков, мягкий зеленый ковер под ними - все это действовало усыпляюще и Голту стоило немало сил уговорить себя и своих людей снова садиться в седло и продолжать путь.

Лес был чистый, без кустарников и высокой травы. Поэтому разъезды могли быстро обнаружить врага, но было мало вероятно, что их ждет западня. И все же они ехали, у Голта исчезла сонливость, что-то его обеспокоило. Он вертелся в седле вправо и влево, стараясь увидеть то, чего здесь не было. Гомон заметил это и подъехал к нему.

– Ты тоже ощущаешь это?

– Что именно?

Гомон сплюнул.

– С самого полудня. - Он стал осматриваться, его черные глаза сузились. Как будто за нами следят. Но здесь нет никаких следов зверей или людей. И все же я готов поспорить на свою правую руку, что за нами следят.

Голт кивнул:

– Я думал, что мне это только кажется.

– Может и мне только кажется. - Гомон потер подбородок. - И потому, что, как это ни странно, но я не боюсь. Ведь если кто-то следит, а я не вижу его, я должен испугаться.

– Ты прав. У меня тоже нет ощущения опасности. Это действительно странно. Но это не означает, что нам не нужно быть внимательными. Скажи людям, чтобы не теряли бдительности.

Голт тронул поводья, и они поехали дальше. Все то же ощущение слежки и снова никакого предчувствия опасности. И все так же пели птицы, совершенно не обеспокоенные появлением чужаков. С точки зрения Голта пели они невыразимо красиво. Даже несмотря на смутное ощущение беспокойства, ехать по этому чудесному лесу было прекрасно.

Затем впереди стало светлее. Вероятно, они подъехали к концу леса. И чудесно, подумал Голт. Ночь уже близится. Наверное, ее лучше провести на открытом пространстве.

Он пришпорил жеребца, и отряд поехал быстрее. Через десять минут он и Гомон выехали из похожего на парк леса, и Голт резко остановил коня.

Теперь все резко изменилось. Они попали из рая прямо в дикую затерянную страну, какую барон и ожидал увидеть.

– Боги и дьяволы! - ругался Гомон. - Что здесь случилось?

То, что лежало перед ними, когда-то было лесом, и может быть таким, из которого они выехали. А теперь в красном свете заходящего солнца перед ними простиралась пустыня, такая черная, что душа человека содрогнулась при взгляде на нее.

Здесь свирепствовал Всемирный Пожар. Казалось, что все силы ада обрушились сюда и уничтожили поголовно все. Когда жеребец Голта сделал шаг, его копыто подняло облако пыли, черной мельчайшей пыли. Все было сожжено до самой земли. И везде, насколько хватало взгляда, виднелись обгорелые остатки того, что некогда было могучими зелеными деревьями. Теперь эти столбики стояли печальными древними монументами под кроваво-красным закатом неба. Неожиданно над этой черной равниной пронесся ветер, и один из столбов рухнул, подняв облако черной пыли. Теперь в ветре уже не было аромата - только запах горелой земли, запах пепла, запах смерти. И не было слышно пения птиц.

Подавленный необычайной грандиозностью опустошения, Гомон посмотрел на Голта

– Мы поедем дальше?

– Да, - ответил Голт. - По крайней мере еще час, прежде чем мы остановимся на ночлег.

И они поехали по выжженной равнине между мертвыми сожженными стволами деревьев. Лошади фыркали, а люди кашляли. В их рот, нос забивался пепел. Вдруг Гомон крикнул:

– Милорд, осторожно!

Голт уже и сам видел. Прямо перед ним зашатался и упал огромный ствол. Он рухнул в нескольких дюймах от него. Конь рванулся, встал на дыбы и вновь рванулся. Это спасло Голта. Он почувствовал, как ствол просвистел рядом с ним, и затем туча золы скрыла из вида и коня и всадника.

Когда Голт выехал из этого облака, жеребец весь дрожал. Голт вытер запорошенные золой глаза. Где-то впереди рухнул еще один ствол. А затем снова раздался треск. Еще один. Это поднявшийся ветер развлекался в горелом лесу.

– Прикажи людям, чтобы были повнимательнее, - хрипло сказал Голт.

– Эти стволы подгнили у основания и могут рухнуть совершенно неожиданно. А каждый из них может угробить половину отряда. - Затем он тронул шпорами лошадь, и та неохотно поехала дальше.

Путь был очень трудным. Они проехали три-четыре мили по этому черному океану, черному скелету леса, со всех сторон то и дело падали стволы, и невозможно было предсказать, когда и который из них рухнет. Один ствол упал поперек колонны и зазевавшийся всадник вместе с лошадью были убиты. После этого все остальные удвоили бдительность.

Солнце клонилось к горизонту. Небо становилось все краснее. Голт, обеспокоенный тем, что день кончается, нахмурился. Далеко впереди он снова увидел громадную стаю черных существ, которых он видел раньше. Они кружили в небе, еле заметные на фоне красного неба. А если эти существа хищники…

Отряд ехал дальше. Мечи были наготове. Все были подавлены ужасной смертью товарища и ужасной пустыней, по которой они двигались. Эта пустыня ничего хорошего не предвещала им впереди.

Сожженный лес казался бесконечным. Голт начал думать, что совершил ошибку, решив пересечь пустыню в конце дня.

Черные птицы уже скрылись из виду, так, как будто с наступлением темноты они улетают в свои гнезда. И это было

хорошо, остальные и так были встревожены.

– Милорд, - сказал Гомон. - Любопытная картина. - И он показал рукой.

– Да, - ответил Голт. - Я тоже заметил это. Тут и там стояли каким-то чудом сохранившиеся, избежавшие пожара деревья. Их распростертые без листьев ветви и сучья образовывали на фоне красного неба жутковатые картины. Они были так же мертвы, как и остальные их братья. Внизу по окружности стволов этих деревьев топор сделал глубокие канавки, полностью срубив крону.

– Работа лесника. Эта зарубка убивает дерево, - сказал Голт. - Я думал, что этот лес сгорел случайно. Это сделал человек. Те, которые пощадил пожар, были уничтожены топором. Как будто решено не оставлять здесь ничего живого.

– Я тоже так думаю, - сказал Гомон. - Я слышал, что жители деревень, когда лесные звери опустошают поля, выжигают участки леса, или уничтожают деревья, подрубая кору, чтобы в лесу не могли укрыться те, кто вредит их посевам. Иногда охотники делают то же самое, чтобы легче было охотиться.

Голт повернулся в седле.

– Там, в живом лесу, тебе казалось, что за нами следят. У тебя и сейчас такое же ощущение?

Гомон нахмурился.

– Нет милорд. Теперь мне этого не кажется. Да и кто здесь может укрыться?

– Мне тоже показалось, что слежка пропала. Но сейчас, внезапно, я снова ощутил ее. - Лошадь шла вперед, а Голт с беспокойством смотрел вокруг. - Я чувствую.

– Там, - крикнул Гомон, прервав его. Тотчас же он пришпорил коня, вырвался из отряда и понесся по горелому лесу с поднятым мечом. Голт пришпорил коня и поскакал за ним. Затем он тоже увидел: что-то зеленое мелькнуло и скрылось за горелым стволом. Затем кто-то маленький выскочил из-за ствола и побежал по пустыне. Гомон неотступно преследовал его. Погоня была недолгой. Бегущий споткнулся и упал. Гомон соскочил с коня, подняв меч.

– Гомон! - крикнул Голт. - Стой! Оставь его живым, - он пришпорил коня.

Предупреждение пришло как раз вовремя. Одетая в зеленое фигурка выкатилась из под копыт коня Гомона. Гомон наклонился над ним и приставил меч к горлу.

– Это мальчик, - сказал Гомон. Когда подскакал Голт, тоже спрыгнувший с коня Гомон надавил меч, говоря, - Ну парень, что ты скажешь?

Где-то вдали с грохотом рухнуло дерево. Мальчик лежал на спине, глядя на Гомона огромными глазами, которые выделялись на бледном лице. Страх и ненависть отражались в его глазах. Быстро наступала темнота, и все же Голт успел увидеть, что мальчик очень красив, на вид ему лет пятнадцать.

– Отойди, - сказал он Гомону, и отвел меч в сторону. Он наклонился, держа меч наготове, взяв мальчика за руку и поднял его с земли. Он казался карликом по сравнению с двумя великанами, взявшими его в плен.

– Хорошо, - сказал Голт. - Ты шпионил за нами, парень. Кто ты? Кто тебя послал? Скажи нам, или тебе будет плохо.

Лицо мальчика казалось бледным пятном в наступающих сумерках. Он только покачал головой. Губы его были плотно сжаты.

– Дай, я поработаю с ним, милорд, - сказал Гомон. - Он у меня быстро запоет, как птичка.

– Нет, только не пытка, - ответил Голт. - Может, он просто не понимает нашего языка. Позже я попробую с ним другие языки. Уже стало темно. Прикажи устраиваться на ночлег: разбить лагерь и выставить сильную охрану.

Гомон что-то проворчал и неохотно пошел к лошади. Голт подвел мальчика к своему коню.

– Ты видишь эту лошадь? Если ты попытаешься бежать, то она догонит тебя и откусит голову своими зубами. - Мальчик не подал виду, что он понял что-нибудь, но стоял неподвижно, пока Голт доставал из седельной сумки веревку, связывал кисти рук за спиной, обматывая колени и затягивая узлы.

Люди разбили лагерь, собрав дрова, развели костер. Часовые заняли свои посты. Голт подвел связанного мальчика к костру, указал место, где тот мог бы сесть. Затем он сел рядом с ним, пристально глядя в испачканное грязью лицо. Из-за оборванной грязной шапочки выбивались светлые волосы, которые казались чуть ли не белыми на фоне испачканного золой лица.

– Ну, парень, - начал Голт, стараясь казаться как можно более грозным.

– Ты в трудном положении! Тебе лучше рассказать нам, кто ты и откуда. - Он повторил этот вопрос на языке варваров и на языке жителей Страны Света. Но на красивом лице мальчика не дрогнул ни один мускул. Видимо он ничего не понял.

– Милорд, он заговорил?, - это появился Гомон.

– Нет.

– Тогда пойди немного прогуляйся и оставь нас вдвоем.

– Спрячь кинжал, - голос Голта был тверд.

– Милорд, если парень не заговорит, это может стоить нам

жизни! Кто знает, что нас ждет здесь… - он показал во тьму. - В этой чертовой пустыне все возможно. Нам нужно все узнать и как можно быстрее!

– Согласен. Но если он не говорит на нашем языке, а мы не говорим на его, то что даст эта пытка? А кроме того, я не хочу применять пытки к такому юному мальчику - пока не использую все возможное.

– Юный, - презрительно фыркнул Гомон. - Гниды превращаются во вшей. Вероятно, он из тех, кто уничтожил эту землю.

– Может, да, а может и нет. Но мы попробуем другую тактику. Ласка. Тогда он немного отойдет от испуга и будет больше доверять нам.

– Ласка? - Гомон даже подскочил. - Со шпионом - ласка?

Голт укоризненно посмотрел на него.

– Ранах, - сказал он. - Помнишь? Если бы ты поступил с ним жестоко…

Гомон после некоторого замешательства пожал плечами.

– Да, милорд. Пожалуй ты прав.

– Тогда принеси ему еды.

Мальчик с жадностью, но и с некоторой деликатностью ел грубую пищу.

Грязь черными пятнами покрывала все его тело, лицо, кроме огромных голубых глаз, в которых, как заметил Голт, светился живой разум. И пропал страх. После ужина Голт опять попытался говорить с ним на трех языках и призвал тех из отряда, кто знал какие-нибудь диалекты. Но мальчик только качал головой. Свет в глазах потух.

Наконец, Голт сдался. Придет утро и, может, тогда удастся что-нибудь выяснить у мальчика, а сейчас он устал. Смертельно устал. Отходя от мальчика, он подумал о вине. Что бы он дал сейчас за бутылку вина! Он сейчас выпил бы целый галлон, чтобы уменьшить боль в ноющих мышцах, снять напряжение, которое разрывало голову. Но вина не было, и это хорошо. Впереди долгая ночь, и он должен иметь светлую голову и не терять бдительность.

Он и Гомон по очереди проверяли посты. Люди очень устали, и только тревога заставляла их держаться на ногах. Ночь была черной, как смола, как сама смерть и почти такой же тихой. Тишину нарушали только изредка падавшие с треском деревья, но эта тишина была более жуткой, чем загадочные крики Великих Болот.

После двух часов Голт подошел к своему месту, чтобы поспать. Но, отстегивая пояс, он положил меч у седла так, чтобы

его можно было легко достать. Бросив последний взгляд на пленника, который был связан и крепко спал, барон бросился на землю, закутался в плащ и провалился во мрак еще до того, как голова его коснулась седла, которое служило ему подушкой.

И затем, после того, что показалось ему секундами, пришло неожиданное пробуждение.

Сердце бешено билось в груди, руки непроизвольно потянулись к мечу. Он поднялся на ноги. Костры уже догорели, в них светились только угли - значит он спал час, а может и больше. И что-то было здесь. Он не знал что, но что-то было - странные тени двигались во мраке почти беззвучно, но не совсем, шум, который они производили и разбудил его. Он ощущал их присутствие, они были везде, а часовые? Он открыл рот, чтобы поднять тревогу, затем его схватили.

Сильные, жилистые, они навалились на него, эти создания. Дюжина, а может и больше, рук, схватили его правую руку, вырвали меч и отбросили его. Рука обхватила горло, не дала крикнуть. Он наклонился, сбросил с себя нападающих под ноги, но его сбили. Он рухнул на землю и на него бросились все. Его могучие кулаки делали свое дело, но вскоре руки его были схвачены, тяжесть, которую он не мог сбросить, придавила его к земле. В рот его сунули кляп. Сильные руки вертели его, обматывая крепкой веревкой. Сквозь шум своей борьбы он слышал другие шумы. Очевидно, нападение было совершено на всех. Затем он был связан полностью и был беспомощен. Во рту у него торчал кляп. На глаза наложили повязку. Связанный как свинья, которую везут на базар, он лежал и ругался про себя на свою беспомощность, проклинал часовых.

Затем его подняли на ноги. Ноги его не были связаны, и он мог идти. Кто-то толкнул его и потянул. И он понял, что он на веревке, как лошадь. Голт пошел вперед, делать было нечего.

По звукам он понял, что ведут всех его людей. Они все были связаны одной веревкой. Прислушавшись, он понял, что ведут лошадей, и это было странно. Он не слышал ни одного звука, который бы произвел его жеребец Ужас. Тот должен был бы поднять тревогу ржанием при нападении на лагерь, и он должен был отчаянно бороться копытами и зубами, когда его пытались захватить. Так он был приучен.

Мозг Голта распух от многочисленных вопросов, но ответа ему неоткуда было ждать. Нападавшие на них не разговаривали, а его люди были несомненно с кляпами во рту. Они только шли, потому, что их тянули на веревке. Шли они уже несколько часов. Только по звуку под ногами и вкусу пепла на губах понял, что они пересекают пожарище. И вдруг он пошел по какому-то упругому

мягкому грунту. Запах золы и пепла сменился ароматом цветов и трав, под ногами шуршали листья. Они снова были в лесу. И они опять шли часами в полной тишине. Шли по лесу, изредка останавливаясь для того, чтобы отдохнуть. Местность начала меняться. Они шли уже не по равнине, а по холмистой местности. Они шли вероятно весь день, и Голт полностью выдохся. Он даже засыпал на ходу. Но даже во сне он чувствовал, что он все время поднимается по пологому склону. Затем его дернули за веревку, приказывая остановиться.

Кто-то толкнул его вниз, и он уселся на что-то мягкое, вроде подушки, и впервые за все время прозвучали слова.

– Пока путешествие кончилось, - это был женский голос, мягкий, мелодичный и приятный. - Вы можете спать.

Приглашение было излишним. Голт был сломлен усталостью и еще до того, как она закончила фразу, он глубоко заснул на мягкой траве, и ему снилось, может этот сон был навязан легким ароматом ветерка - тенистые леса и залитые солнцем луга, усыпанные цветами.

Затем он проснулся, все еще связанный, с кляпом во рту и повязкой на глазах, но отдохнувшим и освеженным. И ночью он не испытал ни гнева, ни страха. Голт большими глотками вдыхал ароматный воздух, который был немного влажный. Голт решил, что еще вероятно не кончилась ночь, и, следовательно, с момента их пленения прошли сутки. Он немного полежал, затем сделал попытку сесть. Руки схватили его, стали прижимать к земле, но снова раздался ласковый женский голос.

– Нет, все нормально. Отпустите его. Снимите повязку с глаз и вытащите кляп.

Сначала убрали кляп. Голт облизал пересохшие губы, и кто-то смочил ему рот водой. Затем с глаз сняли повязку, и он мог видеть.

7

Это была большая поляна в лесу. Ее так освещала луна, что было видно, как днем. И теперь Голт мог отчетливо рассмотреть, кто взял его в плен. Его окружали люди самые красивые, которых он когда-либо видел. И мужчины, и женщины были великолепно сложены - и почти полностью обнажены. Одеждой им служили венки из цветов и гирлянды свежих листьев. Они стояли вокруг и смотрели на него. На их красивых лицах было написано любопытство. Бледный лунный свет серебрил широкие плечи, хорошо развитые мускулы, узкие бедра и длинные ноги мужчин и мягкие нежные округлые формы женщин. Голт поморгал и потер глаза. Он решил, что это ему снится.

Никто не говорил, никто не двигался и Голт осмотрелся.

Его люди все были здесь, связаны, как и он. Сотни людей, таких же, что окружали его, суетились вокруг них, вытаскивая кляпы, снимая повязки. На краю поляны их верховые и вьючные лошади с аппетитом щипали сочную траву, которая в изобилии росла между громадными деревьями.

Затем снова раздался мелодичный женский голос.

– Добро пожаловать, милорд, в Иннистейл.

Голт резко повернулся.

Появился мальчик, который следил за ними, и которого они взяли в плен. Он стоял, уперев руки в бедра, лицо было отмыто от грязи. Он улыбнулся Голту, и веселье заплясало в его огромных голубых глазах.

– Мы не причиним вам вреда, и вам бояться нечего, конечно, если и вы не будете причинять нам неприятностей, - мальчик снял свою шапочку и роскошные золотые волосы дивным водопадом обрушились на плечи, затянутые в зеленый камзол. Это оказалась женщина. Волосы обрамляли лицо такой красоты, что рядом с ним любая другая красавица казалась бы дурнушкой.

– Ты? - глуповато спросил Голт. - Да, милорд, меня зовут Тайна - королева Неизведанной Страны, - она небрежно сбросила с себя зеленый камзол и целое мгновение стояла перед ним в лунном свете полностью обнаженная.

Она совершенно не смущалась, и Голт был поражен, увидев какие прекрасные совершенные формы скрывались под грязью и одеждой. Слуги принесли ей тунику из какой-то легкой прозрачной ткани, которая переливалась в лунном свете. Туника была совсем короткой, и ее длинные прекрасные ноги оставались обнаженными. Она засмеялась.

– Я знаю, что у тебя голова кипит от вопросов. Когда ты

поешь и выпьешь, я постараюсь тебе на все ответить, - она повернулась, сказала что-то на неизвестном языке, похожем на птичьи трели, которые он слышал в лесу в день их прибытия сюда. Двое слуг тут же принесли вазы с какими-то очень вкусными фруктами и бутылки вина, которое имело аромат роз. Хотя Голт выпил очень много вина, и все мышцы его и нервы расслабились, голова его оставалась абсолютно чистой, незатуманенной винными парами.

По всей поляне его людей обслуживали таким же образом, Голт услышал, как один из них сказал:

– Гомон! Мне кажется, что мы умерли и попали в рай!

Гомон ответил.

– Заткнись! Никто ни на что не отвечает, пока не ответит барон!

С Голта срезали все веревки, стягивающие его. Теперь, когда голод и жажда были утолены, и все его тело наполнилось бодростью и силой, он поднялся, потянулся, размял руки и ноги. Тайна, которая сидела поодаль, показала ему подушку из мягкого мха рядом с собой.

– Иди сюда, барон. Давай поговорим.

Голт опустился рядом с ней на мох. Теперь, сидя совсем близко от нее, он не нашел изъяна в ее красоте, которая была вполне зрелой и совершенной.

– Твой маскарад, - сказал он совершенно искренне, - был великолепен.

– Как и твоя терпеливость. Даже тот черноволосый монстр не смог убедить тебя и склонить к пыткам. Я благодарю тебя за милосердие и хотела отплатить тебе за него гостеприимством. - Она пристально взглянула на него. - Ты из Бурна?

– Да, меня зовут барон Голт. Я пришел сюда по приказу моего короля Сигрита, императора Серых Скал.

Голос ее стал сухим.

– Полагаю, что ты пришел искать человека короля Барта?

Голт застыл.

– Ты знаешь о Барте?

– Конечно, - она казалась не способной на такие чувства, как ненависть, но жгучая ненависть звучала в ее голосе. - Конечно, я его знаю. Ведь это он отнял у меня трон и королевство. Именно поэтому я переоделась и следила за вами. Мне нужно было узнать, такие же вы жестокие люди, как он, или нет. То, как ты обошелся со мной, убедило меня, что нет. Конечно, я многим рисковала, но надеюсь, что моя игра не проиграна.

– Значит, Барт еще жив? - возбужденно воскликнул Голт.

– Да, еще жив, - и правит Неизвестной Страной на моем

месте. Она приняла сосуд с розовой жидкостью, принесенный слугой, отпила немного из него и предложила Голту. - Но, пожалуй, лучше начать сначала.

– Ганон был мой отец. - Это имя показалось Голту знакомым.

– Ганон - этот колдун, которого Сигрит прогнал в Неизвестную Страну с ребенком на руках?

– Да, тот самый Ганон. Он хотел предложить твоему королю дар, ценность которого неисчислима, и взять с него обещание не использовать его силу, или же использовать с большой осторожностью и разумно. Но, к его великому сожалению, он был изгнан из Серых Стран. И, как он рассказывал мне, благодаря своей магии он спасся от рук Варваров и топей Болот Кушна, и добрался сюда, где и обрел безопасность и убежище.

– Камень Могущества…

– Не торопись, сначала одно, а потом другое. Ганон, мой отец, добрался до этих стен. Здесь он встретил этот народ. - И она показала на увешанных цветочными гирляндами жителей долины. - Они себя называют Невинными, и это правда. Это прекрасный безвредный народ, и когда-то они были самыми многочисленными жителями Неизвестной Страны.

Этот народ возник после Всемирного Пожара, как и остальные обитатели этой страны. И думаю, что здесь загадочные лучи во время катастрофы были сильнее, чем в остальном мире. Они изменили людей, смешав их с другими живыми существами. Никто из обитателей, обычных людей не выжил, говорил мой отец, выжили только те, кто не совсем человек и не совсем другое существо.

Голт показал на Невинных.

– Но эти кажутся обычными людьми.

– Да, во многих отношениях это люди. Но… - она опять что-то сказала голосом, похожим на птичье пение. Одна из женщин, гибкая и стройная, поднялась с земли. Она очень грациозно подошла к большому дереву, встала на два огромных корня и обняла дерево обеими руками. И только спустя некоторое время Голт осознал, что трансформация совершилась. Очертания женского тела заколебались, размылись, превратились во что-то зыбкое и слились с корой дерева. В течение секунды она стала частью дерева, и дерево стало частью ее, а затем она стала снова сама собой и, лукаво улыбнувшись, пошла назад, на свое место позади ее госпожи.

– Так она кормится, - сказала Тайна. - Питается соками самого дерева. Вот так они живут. Они являются нитью, связывающей людей и растения. Но разве все живое не связано между собой? Они не едят ни мяса, ни рыбы, ни птицы. Им не

нужно никого убивать, так они сохраняют свою первозданную невинность. Они живут только на зеленых растениях и в основном на лесных деревьях, от которых они, не причиняя вреда, берут пищу.

Голт в изумлении потер подбородок.

– Ты шутишь?

– Нет. Да ты и сам видел это. Это очень мягкие и нежные люди, как лес, в котором ты сидишь, как деревья, как этот мох. Но позволь мне продолжить.

– Да.

– Шло время, и ваш король выселил сюда многих других людей. Колдуны, бандиты, убийцы - отбросы государства. Многие погибли в болотах, некоторые все же добрались сюда. Эти люди вступили в союз с Бирами и Слитами…

– С кем?

– Это хищные существа, которые живут здесь. Сначала их было немного, и пока не пришли люди, они не были объединены. Они охотились друг на друга. Биры - это жуткая помесь человека с летучей мышью, отвратительные существа с острыми клыками, грубой шерстью и кожаными крыльями…

Внезапно Голт вспомнил черные точки, кружащие в небе.

– Мне кажется, я видел их.

– Да. И они тебя тоже отлично видели. Барт использует их для постоянной разведки, конечно, когда они не висят вниз головой в своих пещерах. Слиты совсем другие. Это зеленые существа - смесь человека и змеи. Хладнокровные и невозмутимые. Они имеют и руки, и ноги. Свирепые воины, очень опасные и которых трудно убить. Барт напал на эти два племени, победил их, заставил их быть в мире между собой, чтобы использовать против Невинных… Но я забегаю вперед…

Она снова отпила немного розовой жидкости.

– Пришел мой отец, Ганон. Здесь оставался огромный дворец, почему-то не пострадавший во время Мирового Пожара, но короля не было в этой стране. Ваши люди, изгнанные из королевства, принесли сюда смерть и хаос. А до того, как они появились, здесь царил мир и покой. Мой отец, обладающий некоторым могуществом, покорил их, а также Биров и Слитов, объявил себя королем с единственной целью - восстановить мир и порядок. И мир действительно вернулся. Земля снова превратилась в рай… пока не пришел Барт.

– И что тогда произошло?

– Что-то, чего я не понимаю. Однажды мой отец взял меня на руки.

– Мы должны расстаться, - сказал он мне, - может быть

навсегда. Он говорил в очень темных выражениях, как обычно изъясняются волшебники. Суть сводилась к тому, что все предопределено могущественными силами, которые недоступны нашему пониманию, что ему была поручена какая-то миссия: теперь он все выполнил и его ждут там, куда он должен вернуться. Он получил приказ. Он не знает, откуда он и не знает, куда он пойдет, так что мне следует считать его мертвым, унаследовать его трон и править страной так, как он учил, хранить справедливость и мир в стране. Я стала править, и правила почти год. И потом пришел Барт с солдатами.

– Он разговаривал очень любезно и никаких враждебных намерений не показывал. Я не встречалась с такими людьми, как он и поверила ему на слово. А он предал меня, отобрал трон, ведь у меня нет армии, нет магических сил. Он замучил бы меня до смерти, если бы я не сбежала в лес с этими людьми. И теперь королевством Иннистейл правит этот человек. Он живет в крепости, которая в древности называлась Биркенхольм, и привязал к себе Биров и Слитов обещаниями неограниченного количества жертв для них, - она показала на древесных людей на поляне. - А впоследствии много пищи в других огромных странах. Они, Невинные, остались единственными его противниками, но они не опасны: они ведь не воины. И тем не менее, он старается истребить их, и для этого он опустошил страну, сжигает и умерщвляет деревья, которыми они кормятся. Осталось совсем немного леса, где они еще могут жить и укрываться, но он постепенно уничтожит и их огнем и топором. И тогда Невинные вымрут.

– Но зачем это? Ведь король его сюда прислал не для этого. Это была исследовательская экспедиция. С тех пор как он отправился в поход, прошло много времени. Поэтому и я пришел сюда. Если все, что ты сказала, правда, значит он предал доверие короля Сигрита.

Тайна горько рассмеялась.

– О, специальность Барта - предательство! И судя по тому, что он сделал со мной, он планирует большое предательство против вашего короля. - Слушай, Голт, - сказала она с горячностью. - Эта страна очень богата. Вы, там, во внешнем мире, очень цените золото и серебро. Здесь в шахтах Варны золота столько, что вы не можете себе даже представить его количества. Оно там лежит огромными слитками у самой поверхности. Вероятно во время Мирового Пожара его здесь выбросило на поверхность. Барт нашел его здесь и, вероятно, поэтому решился на предательство. Золота здесь столько, что на него можно купить весь ваш мир. В шахтах работают его рабы. Это те из его солдат, что восстали

против него и его предательства и отказались вступить в союз с Бирами и Слитами. А также люди, изгнанные из королевства, которые были преданны мне. Там богатства столько, что искушение оказалось очень сильным для него. Но еще более ценное сокровище находится в этой стране. Оно спрятано, и Барт неустанно ищет его. Если он найдет его, то он выйдет отсюда с Бирами и Слитами, завоюет страну Варваров и затем пойдет на Сигрита, и он будет непобедим. Самые великие ваши военачальники не устоят против него, если он найдет то, что ищет.

– Камень Могущества, - сказал Голт, поняв о чем идет речь.

– Да. Ты о нем знаешь?

– То, что Сигрит рассказал мне. - Затем он быстро пересказал все ей. - А это правда? - закончил он свой рассказ вопросом. Он не мог скрыть своего возбуждения. - Этот камень действительно существует, и он действительно обладает таким могуществом?

Тайна немного отодвинулась от него.

– Да, он существует. И мой отец говорил о нем именно то, что говорил ты. А мой отец никогда не лжет.

– И ты знаешь, где он?

Она опять отодвинулась.

– Может быть.

– Но почему ты не используешь его против Барта? Если он действительно обладает могуществом, то он не сможет устоять против тебя!

Тайна глубоко вздохнула, и ее роскошная грудь затрепетала под прозрачной тканью.

– Потому, что я женщина. Камень показывает свое могущество только мужчине, но не женщине. Ты думаешь я не пыталась? В моих руках он просто камень, а в руках Барта - кто знает?

– Значит, Барт хочет найти его, напасть и победить Сигрита и завоевать весь мир?

– Да, он этого хочет.

Голт вскочил на ноги, охваченный странным жгучим чувством. Его клятва королю - не прикасаться к камню - была забыта.

– Тайна ты должна дать мне этот камень. У меня маленькие силы, я смогу выступить против Барта, и если камень действительно обладает могуществом…

Тайна тоже поднялась.

– Нет.

Голт удивленно посмотрел на нее.

– Нет? Ты не хочешь свергнуть Барта, ты не хочешь снова

занять свой трон в Иннистейле?

– Я хочу. Но я не покажу тебе Камень Могущества. Ни тебе, ни кому другому. Твоему королю предлагали его, и он отказался. Мой отец наказал хранить тайну вечно. Камень обладает большим могуществом. Даже самые сильные люди не могут сопротивляться его чарам, если они не такие, как мой отец: люди, обладающие большим тайным знанием и мудростью. Никто не получит этот камень, пока не вернется отец и сам решит, можно ли его доверять человеку. Этот камень был причиной смерти многих миллионов людей за всю историю человечества. Сигрит не поверил отцу и отказался от камня. И никто из ныне живущих не может получить этот камень, так как Сигрит величайший из людей нашего времени, раз отец выбрал его.

– А если Барт найдет камень?

– Он его не найдет. Я его спрятала очень надежно. Именно поэтому он хочет поймать меня. Он уверен, что пытки заставят меня открыть потайное место. Я не думаю, что мне не выдержать пыток. Я дочь своего отца и не дорожу своей жизнью, - она замолчала. - Но мне дороги жизни вот их, - добавила она и показала на Невинных. - Они не знают, что такое воевать и убивать. Единственное, что они хотят, чтобы их оставили в покое и чтобы они могли мирно жить в своей зеленой стране. Я не могу видеть, как их уничтожают, и я ничего не могу поделать.

Она отвернулась от Голта.

– Когда ты пришел со своими людьми, - заговорила она, - мой народ следил за вами, когда ты шел через лес. А в сожженной пустыне, где следила за вами я, вы схватили меня. Но это было к лучшему. Я узнала то, что захотела узнать. У тебя есть армия, Голт, и ты любишь своего короля. Ты должен объявить войну Барту, корысть и жадность которого не имеют границ, который предал твоего и своего короля. Поэтому я привела сюда тебя и твоих людей, не причинив вам вреда. Невинные не могут убивать, а я человек. Пока вы лежали связанные, я могла убить вас всех вашими собственными мечами, если бы захотела этого, - она повернулась к Голту. - И вы все еще безоружны. Если я захочу…

– Ты не сможешь сделать этого, - сказал Голт.

– Чтобы спасти их, смогу, - ее губы дрогнули, голубые глаза сверкнули пламенем, которое быстро угасло. - Но я не сделаю этого. Я хочу, чтобы твои цели совпали с моими. Объяви войну Барту, восстанови меня на троне. Если ты сделаешь это, я обещаю тебе - союз с Сигритом. Я отдам эти зеленые земли под его защиту с ежегодной выплатой богатой контрибуции. Он должен только гарантировать нашу безопасность, но наши законы должны остаться такими, какими их установил мой отец. Они

очень мудро приспособлены к особенностям этой местности и ее населения. Сигрит будет получать много нашего золота и серебра. Может, и ты разбогатеешь. Только одно я не обещаю: Камень Могущества. Он останется у меня и не достанется никому.

– Думаю, что Сигрит захочет его.

– Его не получит ни он, ни ты, ни Барт, ни любой другой человек, - она протянула руку и положила ее на руку Голта. - Что скажешь ты, барон Голт?

Голт стоял насупившись. Когда она коснулась его, что-то пробежало между ними, чего он раньше никогда не чувствовал. Это была какая-то магия. Она возбудила ток, протекающий между ними. На какое-то время Голт был оглушен, он лишился всех чувств. Он смотрел в это освещенное луной лицо, которое было так прекрасно, что он не мог не поддаться его очарованию. Может, это была его первая встреча с колдовством. Он знал только то, что он хочет только ее, и если она будет принадлежать ему, он никогда не посмотрит ни на какую другую женщину. В ее прекрасных голубых глазах он прочел то же самое чувство.

Он облизал губы, которые пересохли при ее прикосновении.

– Если все, что ты сказала, правда, - прошептал он, - то у меня есть основания выступить против Барта. Конечно, армия у меня не из лучших - отребье общества, но, я думаю, драться они будут. Я постараюсь сделать все, чтобы восстановить тебя на троне и выполнить приказ короля Сигрита.

Ее пальцы стиснули его руку.

– Без Камня Могущества? - прошептала она.

– Без него. Только с помощью оружия.

Она придвинулась ближе к нему.

– Тогда… тогда закрепим наш договор. - Ее губы были слегка приоткрыты, глаза смотрели в его глаза.

– Да, - сказал Голт. - Я закреплю договор. - Он притянул ее к себе и прижался губами к ее рту.

Поцелуй длился очень долго. Когда он кончился, Голт понял, что независимо от того, погибнет он здесь, или нет, поход в Неизвестную Страну для него прошел не напрасно. - Тайна…

Она задрожала в его объятиях. - Такая магия, - прошептала она. - Я раньше никогда не знала, что такое бывает.

Затем Голт пришел в себя. Он резко отстранился от нее.

– Конечно, магия. Но мы здесь в безопасности? Ведь мы не вооружены, а нам необходимо оружие. Прежде, чем что-либо начинать, нам нужно вооружиться. Это очень важно!

– Вы получите оружие прямо сейчас. Это место тайное - оно священно для людей-растений. Но теперь Биры летают везде, знают все, и ты дал мне слово. Ты получишь свой меч, Голт. Но

поцелуй меня еще раз.

– С удовольствием… - Он потянулся к ней.

В это мгновение вся поляна наполнилась щебетаньем, похожим на птичье, каким-то нестройным шумом. Тайна отскочила, глаза ее расширились, лицо побледнело в лунном свете.

– О, боги! - выдохнула она, - быстрее! Слиты! Слиты идут! Оружие там! - и она показала, где именно.

– Гомон! - завопил Голт. - Мечи! Вооружай людей! - Он бросился через поляну. В этот момент его жеребец фыркнул, заржал, стал бить копытами. Он что-то ощущал во мраке, за поляной. Гомон и остальные солдаты стояли удивленные, парализованные. Они выпили много розового вина, расслабились, многие уже обнимали женщин из племени Невинных.

– Голт! - вскричала Тайна. - Смотри!

Но было уже поздно. Они уже были здесь, окружили поляну плотным кольцом, материализовывались из тьмы, как тени. Мечи были в руках Голт услышал брыканье коня, который отступал назад, на поляну. Голт знал мужество своего коня. Он был уверен, что он ни перед кем не отступит. Но только змеи могут заставить его попятиться.

И его рука уже почти схватила меч, как острие меча у горла заставило его остановиться.

– Не двигайся, человек, - прозвучал шипящий голос. - Если ты не послушаешься, то останешься без головы.

Голт медленно выпрямился, заглянул в холодные змеиные глаза, глубоко посаженные на лице, защищенном сверкающей чешуей. Вместо носа на лице были узкие щелочки ноздрей. Рот был широкий, с твердыми губами, из него все время выскакивал нервный раздвоенный язычок. Слиты были в шлемах, со щитами и были одеты в кожаную одежду. Но настоящие их доспехи были сделаны не из металла. Это была чешуя. Она покрывала каждый дюйм их тела: очень длинную шею, покатые плечи, на которых сидела маленькая голова, руки, ноги, живот - и длинный хвост, который неутомимо, как у всех рептилий, мотался сзади. Голт никогда не видел таких отталкивающих существ, и таких опасных - даже полуволки Альбрехта были симпатичнее.

Вся поляна была наполнена ими. Они, с обнаженными мечами, теснили его лошадей и Невинных, сбивая их в кучу в центре поляны. Вскрикнула Тайна, два Слита поволокли ее, крепко держа за руки. Острие меча сильнее прижалось к шее Голта.

– Не вздумай сопротивляться, - шипел Слит. - Король Барт хочет, чтобы ты был жив, но он приказал убить тебя, если ты

будешь сопротивляться. - Голова необычной формы с непрерывно мелькающим язычком повернулась, - Фрисс, - позвал Слит.

– Да, капитан Насс, - солдат Слит склонил свою голову.

– Схватить всех людей, связать их. Остальных прикончить.

– Есть, капитан. - Тот, кого назвали Фрисс, повернулся, прошептал что-то на языке, которого Голт не мог понять.

Тайна подняла голову, и прежде, чем рука Слита зажала ей рот, она что-то прощебетала по-птичьи. И вся поляна пришла в движение. Невинные, окруженные со всех сторон вооруженными мечами Слитами, бросились бежать. Голт слышал крики, когда кого-нибудь из них поражал меч. Люди-змеи были безжалостны, они не щадили ни мужчин, ни женщин. Но в этой неразберихе многим людям-растениям удалось ускользнуть, и они исчезли в лесу. Голт стоял беспомощный, так как острие меча капитана не покидало его горла. Затем на поляне все стихло. Слышались только стоны раненых, которых люди-змеи безжалостно приканчивали.

Рот Тайны был зажат холодной чешуйчатой ладонью. Каждый из отряда Голта был схвачен покрытыми чешуей воинами. Было странно, что на поляне, несмотря на резню, стоял запах цветов, к которому слегка примешивался запах змей. Вероятно, кровь людей-растений пахла цветами.

Солдаты-змеи связали Голта и Тайну. Голт увидел, что Гомон и остальные его люди тоже связаны.

– Не забудьте лошадей, - скомандовал капитан Насс. - Королю они нужны. - Затем он ткнул Голта мечом. - Иди, - прошипел он. - Иди. Нам нужно в Биркенхольм.

Это был путь, которого Голт никогда не сможет забыть. Путь смерти, таким он представился ему. Им не давали ни пищи, ни воды. Им не позволяли отдохнуть. Слиты, казалось, не знали усталости. И они совершенно не знали жалости. В конце первого дня, когда отряд вышел из леса в выжженную пустыню, некоторые из команды Голта не выдержали усталости и жажды. Но те, кто упал, были убиты на месте.

Насс вел колонну. За ним шел под усиленной охраной Голт, а рядом с Голтом шла Тайна, тоже под охраной. Голт не мог понять, как она все выдерживает. Она качалась от усталости, но не падала. Она шла чисто механически и голову она держала высоко. Ни ей, ни Голту не разрешалось говорить, и тишину нарушали только предсмертные крики тех, кто погибал под ударами меча. Даже Гомон, которого связали особенно тщательно, хранил молчание.

"Любой другой противник, - думал Голт, - встретил бы сильное сопротивление со стороны Ужаса, его жеребца. Но запах

змей напугал его, и он теперь шел кроткий и послушный, как ослик".

Сожженные земли, казалось, никогда не кончатся. Они шли по пеплу весь день и всю ночь. Тут и там из пепла вставали зеленые ростки, но Слиты вырубали их мечами. После того, как они вышли из леса, к ним присоединился другой эскорт: высоко в небе кружили черные точки. Они не спускались низко, и Голт не мог рассмотреть их. Но он теперь знал, что это и есть Биры - люди-летучие мыши. Это именно они, подумал Голт, выследили их с воздуха и послали к ним Слитов, людей-змей.

Только через день, чуть не падая от голода и жажды, они добрались до конца выжженной пустыни. Они поднялись на пустынный, без всякой растительности, холм, и Тайна глубоко и прерывисто вздохнула.

Голт посмотрел вниз с холма. Склон был покрыт травой. А внизу огромные березы вздымались к самому небу, бросая тени на высокие стены замка.

Эти гранитные стены окружали огромный замок, который проник сюда из тьмы веков, пережил всемирную катастрофу, уничтожившую на Земле все, кроме жизни и этого замка. Шпили замковых башен вонзались в вечернее небо, черепичные крыши сверкали в лучах солнца. Это был замок, крепость, дворец. Он был не хуже любого дворца и в Серых Странах. Несмотря на усталость и истощение, Голт был потрясен открывшимся перед ним величественным зрелищем. И затем его снова толкнули, и он пошел вниз по склону холма.

Отряд по перекидному мосту переправился через глубокий ров, на дне которого была уложена металлическая полоса с острыми, как бритва, кольями. И они очутились в огромном дворе, который был выложен огромными изумрудами, аметистами и другими драгоценными камнями, названий которых Голт не знал. Они шли через двор в сам замок. Стены коридора были сделаны из чистейшего прозрачного мрамора с украшениями из золота, а затем через огромные двери, сделанные тоже из мрамора, они прошли в тронный зал. Стены и потолок зала были из золота, и везде стояли прекрасные статуи из того же драгоценного и вечного металла, не подверженного губительному действию времени. И не время было причиной их теперешнего состояния. Головы прекрасных статуй были оторваны и через образовавшиеся отверстия видна была пустота внутри статуи. Да и сами статуи были выворочены со своих пьедесталов. В конце тронного зала, на расстоянии трехсот метров от выхода, на золотом троне сидел человек.

Весь отряд Голта был окружен Слитами и задержан во дворе

дворца. Только сам Голт и Тайна прошли по двору, мощеному драгоценными камнями и предстали перед темной фигурой, которая сидела на троне.

И когда они подошли к нему, то увидели, что за ним стоят воины - солдаты с мечами наголо. А рядом со Слитами стояли люди совсем другого типа - люди, покрытые коричневым бархатным пухом, глаза щелочками, широкие рты украшены сверкающими клыками, кожаные крылья сложены за спиной. У них тоже были руки и ноги, и они были вооружены мечами, пиками и алебардами. Слиты и Биры - почетная гвардия короля.

– Приветствую тебя, барон Голт, - сказал сардонический голос.

Голт посмотрел на человека на троне. Это был Барт. Точная копия Альбрехта за исключением того, что у Барта волосы, усы и борода черные, как смоль. Он был одет в камзол из соболей, отливающий голубым цветом. На голове его была золотая корона, украшенная драгоценными камнями необычайной красоты. Но камни не добавляли мягкости узкому мрачному лицу с высокими скулами, крючковатым носом и ртом похожим на щель.

Голт попытался заговорить, но рот его, запекшийся после долгого перехода без воды, не повиновался ему. И Голт смог издать только хрип.

– Дайте ему пить, - сказал Барт, небрежно махнув рукой. - И ей тоже.

Два слуги-человека принесли кубки с водой. Голт и Тайна жадно выпили воду. Затем, когда кубки унесли, Голт, перекатывая оставшиеся капли во рту, сказал Барту:

– Барт!

Тонкие губы Барта скривились.

– Для тебя - король Барт.

– Предатель Барт для меня, - сказал Голт. - Сигрит сказал, что ты погиб, послал меня выяснить, что ж с тобой случилось, когда он узнает о тебе, твоя голова покатится с плеч.

Черные, как нарисованные, брови Барта выгнулись в изумлении.

– Когда Сигрит узнает обо мне? - внезапно он наклонился вперед. Лицо его стало свирепым. - Сигрит скоро узнает обо мне, когда я приду завоевывать его королевство.

– Завоевывать королевство Сигрита? - Голт плюнул в направлении трона.

Слит ударил его, заломив руки за спину.

– Завоевать его королевство. Завоевать весь мир. У меня теперь хватит могущества.

– Я думаю, что нет, - спокойно сказала Тайна.

Глаза Барта сверкнули в ее направлении.

– А я думаю, да, - сказал он. - Единственное, чего мне не хватает, это Камень Могущества. Ты дашь мне его. Если не добровольно, то боль от пыток заставит тебя сделать это. Или так, или иначе, но ты мне его дашь.

– Нет, даже если ты будешь резать меня на кусочки, - сказала Тайна. Негодование совершенно изменило ее голос.

Барт вздохнул, выпрямился.

– Если ты думаешь, что я тебя пощажу, то ты меня недооцениваешь.

– Ты меня совершенно не интересуешь. Только я знаю тайну Камня Могущества. И я тебе скажу, что ты его не получишь.

Барт снова откинулся на спинку трона.

– Ты очень смелая, моя дорогая. Но сейчас мы не будем обсуждать этот вопрос. - Он снова небрежно махнул рукой. - Отведите ее в мои покои и тщательно охраняйте, пока я не приду. Я не задержусь.

Когда Слиты утащили Тайну, Барт поднялся с трона. Высокий, мускулистый, он легко спустился с возвышенности, и встал перед Голтом. Он был примерно такого же роста, как и барон, но гораздо тоньше и стройнее.

– Ну, - сказал он спокойно. - Значит Сигрит хочет знать мою судьбу. И он послал тебя, барон Железных Гор, найти меня. Ну, что же, вольно или невольно, но он сослужил мне хорошую службу. Люди мрут на шахтах Бурна, как мухи, и мне нужны другие рабочие. Мне кажется, что ты и твои люди поработаете там. Правда, недолго, там не такие условия, чтобы люди смогли там долго прожить. Но с другой стороны… - он подошел близко к Голту. - Но с другой стороны - и сделал широкий жест рукой, - ты видишь все это богатство? Я хозяин всему. Здесь больше богатства, чем во всем остальном мире! Ты хочешь разделить его со мной, Голт? Я знаю, что ты хороший воин. И может, мне лучше обогатить тебя, вместо того, чтобы отправить на смерть в шахту? Я привяжу тебя к себе богатствами, какие даже не снятся в твоей нищей стране, где богатства измеряются мешками или штуками убитых оленей. - Он повернулся, взял в руки золотую голову ангела, оторванную от статуи. - Только здесь, в замке у меня столько золота, чтобы купить всю армию Сигрита! И это только небольшая часть! За все свое золото я могу купить весь Бурн и все Серые Страны вместе с дворянами и простолюдинами.

Губы Голта скривились в презрительной улыбке.

– Не со всеми, - сказал он.

– Со всеми, кроме дураков. А когда у меня будет Камень Могущества, ничто не устоит передо мной. Ты знаешь о Камне

Могущества?

– Может быть, - сказал Голт.

Барт испытывающе посмотрел на него. Затем пожал плечами.

– Впрочем нет, - сказал он совсем другим тоном. - Ты из тех идиотов, что ценят преданность королю превыше всех сокровищ. Ты умрешь за Сигрита, но не предашь его никогда, ни за какие сокровища.

– Сигрит живой, а золото мертво, холодно, тяжело, - услышал Голт свой голос. - Я храню верность Сигриту.

Барт холодно засмеялся.

– Тебе нужно многому учиться. Ты со своими людьми будешь получать образование на шахте Бурна. Через несколько недель, если, конечно, будешь еще жив, ты все увидишь в другом свете. Подумай, Голт… - Он выпрямился во весь рост. - Я правлю здесь. Полностью. Абсолютно. А затем я буду так же править всем миром. И те, кто не за меня - против меня. Среднего пути нет. Те, кто со мной, будут благоденствовать, а враги будут повержены и уничтожены. Подумай об этом на шахте Бурна. Время у тебя будет. - Он махнул капитану Слитов. - Возьмите его и остальной сброд, отведите их на шахту и пусть там работают вместе с остальными.

Человек-змея наклонил свою узкую голову.

– Хорошо, Ваше Величество. - Он повернулся к Голту с обнаженным мечом. - Иди, человек. - прошипел он. - Ты слышал приказ короля Барта. Иди живее, а то я проткну тебя. Путь на шахту долог и труден!

8

Голт, ветеран войн и походов, думал, что привык переносить трудности и испытания. Но он понятия не имел, какие трудности ждут его впереди, на шахте.

Шахта Бурна находилась в двух днях пути от Биркенхольма, среди каменистых холмов, мрачных и пустых. Более жуткое место трудно было себе представить.

Голт и его отряд проделали весь путь пешком в сопровождении батальона Слитов. Над головой кружил на своих огромных кожаных крыльях другой отряд охраны - Биры.

И, находясь под таким надзором, бежать было невозможно. Покрытые шерстью крылатые чудовища с обнаженными мечами кружили совсем низко и находили огромное удовольствие в том, чтобы мучить несчастных людей. Слиты - воины-змеи - уже доказали свою ненависть к теплокровным людям, но они и сейчас доказывали ее, безжалостно убивая истощенных усталых людей, которые падали от изнеможения. К тому времени, когда отряд добрался до шахты, все уже представляли жалкую пародию на людей. Даже могучий Гомон, который мог спокойно выдержать любые лишения, теперь шел с опущенной головой и поникшими плечами. Наконец они подошли к комплексу деревянных зданий, окруженных стеной.

Это были бараки, плавильни, кладовые. И все было окружено стеною огромных каменных глыб, поверх которых шли отравленные острия. На постах часовых находились Биры и Слиты. Новоприбывших привели в кузницу, где под угрозой мечей, на Голта, Гомона и всех остальных повесили тяжелые цепи. Цепи, сковывавшие кисти и колени, были такой длины, чтобы не мешать работе.

Затем им вручили кирки и лопаты, погнали в шахту.

Слиты загоняли их по длинным туннелям, освещенными слабыми лампами, все глубже и глубже в мрачное, лишенное воздуха подземное царство. Наконец они добрались до огромной, освещенной дымными факелами штольни, где было много закованных в цепи людей. Голт даже споткнулся при входе. У него перехватило дыхание. Стены и потолок этой огромной пещеры были полностью из сверкающего металла - неполированного, но такого чистого, что блеск его слепил. Это было золото и серебро. Изможденные, бородатые, исхудавшие люди непрерывно работали кирками, подгоняемые мечами надсмотрщиков Слитов, как только ритм работы замедлялся.

В этих глубинах было на удивление жарко - тела рабочих

выделяли тепло и влагу, и в этом непроветриваемом помещении тело Голта моментально покрылось потом, не успел он еще поднять кирку. Но это тепло, казалось, на Слитов действовало возбуждающе. Они были везде: кричали, подгоняли, угрожали, кололи мечами тех, кто, по их мнению, недостаточно энергично махал киркой.

Слита, которому поручили надзирать за Голтом и Гомоном, звали Рисс.

– Берите инструменты, - прошипел он, с трудом произнося непривычные слова, которые он, по всей вероятности, совсем недавно выучил, - и работайте, пока я не скажу - хватит. Если вы попытаетесь отлынивать, то меч заставит вас работать. Никто не выйдет из шахты, кроме тех, кому здесь нечего делать, кто умер. Ну, приступайте.

Делать было нечего, надо было работать. Голт и Гомон подняли кирки, от всей души желая, чтобы их удары обрушились на Слитов. То же самое чувствовали и все те, кто еще остался от его отряда, и те, кто работал здесь до них. Их было более трехсот человек. Вернее не человек, а жалких теней, истощенных непосильной работой и плохим питанием скелетов.

Голт и Гомон сначала со всеми силами, несмотря на жару и усталость, обрушились на серебряную стену. Голт не знал, что оживило Гомона - разговаривать в шахте было запрещено, а тех, кто нарушал запрет, ждало наказание. Но самого его подбадривали воспоминания о Тайне. Он вспомнил нежность ее губ, ласку ее прикосновения, и эти мысли делали его сумасшедшим и все свое безумие он обрушивал на серебряную стену. Он отбивал от стены огромные куски, но сам не сознавал, что делает.

"Я должен спасти ее, - не переставая думал он, работая киркой, - спасти, хотя бы ценой жизни. Что с ней сделает Барт? Ведь уже прошло три дня! О, боги и дьяволы!"

И он снова изо всех сил вонзал в стену тяжелую кирку.

Рядом с ним работал Гомон. Он не проявлял особого рвения, но махал киркой достаточно равномерно, так что меч Слита не касался острием его тела. С другой стороны работал какой-то превращенный в скелет человек. Он с трудом поднимал тяжелую кирку. Дыхание со свистом вырывалось у него из груди. Спина и бока были покрыты запекшейся кровью от бесконечных уколов меча. Он не смотрел на Голта, но барон чувствовал, что время от времени он искоса поглядывает на него.

В первый день они пятнадцать часов работали в шахте. Куски металла они грузила на тележки, которые другие люди вывозили из шахты, запряженные наподобие лошадей в эти тележки. И за

это время Голт много раз видел, как падали обессиленные люди, у которых подгибались ноги от слабости. Слиты не теряли времени на жалость. Их мечи сверкали, люди вскрикивали, получая смертельный удар, и их тела вывозили наверх вместе с кусками драгоценного металла на тех же тележках.

Наконец работа была закончена. К этому времени Голт был уже близок к безумию. Почему он не убил Барта, когда тот был совсем близко от него? Надо было убить его, пускай даже пришлось бы погибнуть самому под мечом охраны. Он не был зол по натуре, но сейчас ненависть переполняла его, ненависть, которая заставляет дрожать все его тело, которая сушила его горло и которая находила выход только в ударах киркой по серебряной стене.

Тайна. Он любил ее. Голт еще раз ударил по стене и замер. Стоп. Хватит безумия. Надо думать. Думать.

– Хватит, - прошипел Слит. - Оставь кирку и иди наверх.

Рядом с ним крякнул Гомон. Огромное тело его было покрыто потом, но тяжелая работа не сделала его покорным, придавленным. Его глаза встретились с глазами Голта, когда они, наконец, отошли от серебряной стены. Затем их и тех, кто остался в живых, погнали наверх и никогда еще воздух не казался таким холодным, таким чистым, таким свежим, как этот ночной воздух, который Голт с удовольствием вдыхал полной грудью.

Их загнали в бараки, где прямо на полу валялись жесткие грязные подстилки. Закованным в цепи людям было приказано ложиться спать без всякой пищи. Гомон вздохнул, ложась рядом с Голтом. Ноги всех людей тут же были прикованы к цепи, которая тянулась вдоль стены барака.

– Ну вот, снова в цепях, - сказал он тихо. И тут же меч охранника ткнулся ему в горло.

– Молчать! - скомандовал Слит.

Тот изможденный человек, что работал рядом с Голтом, занимая соседний матрац. Все тело его было покрыто незаживающими ранами и кровоточащими царапинами. Но Голт подумал, что это был когда-то очень сильный человек, судя по его телосложению. Таким будет и он, подумал Голт, если ему не удастся вырваться отсюда. И снова ему вспомнилась Тайна.

И хотя он был очень усталым, ему потребовалась немалая сила воли, чтобы не сделать безумную попытку разорвать эти цепи и броситься на охранников с голыми руками.

Он сдержал себя и погрузился в беспокойный сон. Наверное, прошло несколько часов, когда он неожиданно проснулся в темном бараке. Он не понимал, что разбудило его. Затем он ощутил прикосновение. Это толкал его изможденный сосед.

– В чем дело? - прошептал Голт.

– Ш-ш-ш-ш-ш. Говори тихо. Слиты в дальнем конце комнаты, они не должны слышать. - Шепот был еле слышен на фоне стонов и храпа спящих измученных людей. - Ты кто?

– Голт, - он подкатился ближе, насколько мог, насколько позволяли цепи. - Барон Железных Гор.

– Я так и думал. Я видел тебя на турнире. Меня зовут Штурм, полковник королевских всадников. Король послал меня сопровождать Барта. Тебя тоже послал король?

– Да, - с горечью ответил Голт. - Я должен был выяснить судьбу вашей экспедиции. Я нашел вас и ничего хорошего мне это не сулит.

– Ты знаешь, почему Барт предал?

– Да.

– Когда его планы дошли до меня, я воспротивился. И большинство моих людей тоже. Эти проклятые существа схватили нас и загнали в эту шахту. Нас тут уже осталось немного, и все стали тенями, вроде меня. Но ты и твои люди еще свежи, не изголодались, полны жизни.

Он замолчал, так как в проходе послышались шаги. По бараку шел Слит, держа в одной руке меч, а в другой факел. Он осматривал каждого пленника и Голт и Штурм притворились спящими, пока Слит не вернулся к себе и не поставил факел на место.

Снова донесся шепот Штурма.

– Такие, как вы, могут сделать попытку вырваться от сюда, но надо делать это побыстрее, пока вы еще не потеряли силы. Эти шахты быстро разрушают человека. Через неделю будет поздно.

– Вырваться в этих оковах? И я совершенно не знаком с местностью и с порядком охраны.

– Я знаю. Я здесь уже год. Я все хорошо знаю. Нас двое - твоя сила, мои знания - это может привести к успеху. Когда мы пойдем в шахту, посмотри на восход и на вход в туннель, обрати внимание на доски. Пока я больше не скажу ничего… - Он повернулся, как будто слова полностью истощили его силы. Голт долго лежал без сна, пока до него не донесся храп соседа.

Задолго до рассвета их растолкали, вывели на улицу, дали по миске супа, жидкого и отвратительного по вкусу и запаху. Голт заставил себя выпить до капли это гнусное пойло. Он знал, что ему нужно поддерживать силы. Штурм сказал правду - неделя такой работы, такого отдыха и такой еды - и ни у него, ни у Гомона сил не останется совсем. Если они хотят вырваться на свободу, а не умереть здесь потихоньку, они должны попытаться сделать это как можно раньше. Когда их вели по туннелю,

ведущему в штольню, Голт старательно запоминал каждый поворот и все подробности пути, насколько позволял неверный свет факела.

В тех местах, где туннель был вырублен в скалистой породе, там не было никаких креплений. Но при приближении к месту работы характер грунта менялся, он становился более рыхлым. Там были установлены деревянные крепления, чтобы удержать толщу земли, которая могла бы обрушиться и завалить всех. И, несмотря на это, когда проезжали тяжелые тележки, вызывающие вибрацию земли, с потолка сыпался дождь из камней и земли. А при входе в пещеру Голт понял, что имел в виду Штурм.

Последние крепления были установлены не так, как все. Столбы у стен были толстыми - толщиной с туловище человека, но они не прилегали к стене плотно, как другие. У входа в пещеру туннель немного расширялся и в образовавшуюся щель можно было просунуть руку. Но эти столбы такие огромные и тяжелые, да и поперечный брус давит - Голт покачал головой. Если он понял правильно Штурма, полковник обманывается. Он слишком долго был здесь и, вероятно, у него немного помутился разум.

Этот день был еще хуже предыдущего, хотя это трудно было себе представить. Изнуряющая жара и непрерывная работа истощали силы с невероятной скоростью. В этом, по крайней мере, полковник был прав. Еще несколько дней, и Голт полностью ослабеет. Он начал размышлять об этих досках. Это конечно не возможно, но все же… Эти мысли неотвязно преследовали его. Ночью в темноте он сам толкнул Штурма.

– Я видел бревна.

– Да.

– Что ты задумал?

– Ты огромен и обладаешь большой силой. Тот чернобородый тоже не уступит тебе. В пещере нас всего все время триста человек, а Слитов, вооруженных мечами и арбалетами - пятьдесят. Наверху у входа в шахту есть еще охранники, готовые спуститься вниз при малейшей тревоге. Пятьдесят охранников внизу, если учесть слабость и истощение работающих, хватит, но сейчас пришли свежие люди, и Слиты должны были бы увеличить охрану, но они не сделали этого. Если блокировать туннель, подкрепление подойти не сможет, и триста человек с кирками смогут справиться с пятьюдесятью Слитами. Конечно, у нас будет много потерь, но лучше умереть быстро и в борьбе за свободу, чем медленно и в рабстве.

Голт размышлял. В это время снова прошел охранник с факелом. Когда он отошел, барон прошептал:

– Чтобы засыпать туннель, нужно выбить бревна.

– Конечно. Это работа для многих огромных мужчин. Ты и чернобородый смогли бы справиться с этим.

– Вряд ли. Это выше человеческих сил. И мы уже ослабли.

Штурм безнадежно вздохнул.

– Ну что же, тогда все. Другой возможности я не вижу. Я здесь долго, и если бы эта возможность была, я бы ее не пропустил. Тогда нам всем придется умереть в муках. И в оковах. И тогда все рухнет, может даже сам Бурн. Если Барт найдет Камень Могущества…

– Ты знаешь о нем?

– Да. А ты думаешь, почему во Дворце в Биркенхольме все разрушено? Головы у статуй оторваны? Это он искал Камень. И теперь ты говоришь, что Тайна у него в руках.

Голт простонал.

– Он не будет церемониться с ней. Он будет отрывать от нее по кусочку, как поступил с Биркенхольмом, пока не узнает тайну. Но если ты и чернобородый не можете сделать это…

Голт подумал.

– Это единственная возможность?

– Я уже говорил. Мы завалим туннель, покончим с охраной. Тогда у нас будет пятьдесят мечей и арбалетов плюс наши кирки. Остальные охранники будут разбирать завал, и мы по частям расправимся с ними в туннеле, пробьемся наверх, захватим их оружие.

– А они не оставят нас в земле, в завале погибать от голода и без воздуха?

– Маловероятно. Они боятся гнева Барта и будут стараться побыстрее освободить шахту, так как они должны каждый день отправлять в Биркенхольм определенное количество золота и серебра. Это золото добываем мы, и если они нас убьют, им придется работать в шахтах самим. Они не будут раздумывать, а сразу постараются раскопать нас, и наказать. Тут-то и начнется самое главное.

– Ну тогда, - сказал Голт после размышления, - если это действительно так, этот шанс надо использовать.

– Отлично, - у Штурма даже дыхание участилось. - Я сообщу всем. Завтра после окончания работы мы задержимся. Ты и чернобородый пойдете первыми. Как только вы пойдете, мы отвлечем внимание охраны. Тогда вам нужно действовать и действовать быстро. Иначе все провалится.

– Это может провалиться в любом случае, - голос Голта звучал решительно, - но во имя богов, мы попытаемся!

Затем он повернулся к Гомону и разбудил его.

Это был самый длинный день в его жизни. Ему казалось, что

Слиты заподозрили что-то. Может, у них есть свои доносчики? Они были более грубыми, более требовательными к пленникам, чем обычно, и вместо пятидесяти их было целых семьдесят. Они стояли в пещере настороже, каждый из них был вооружен арбалетом и мечом. Надежда на успех была очень слабой, и она все таяла по мере того, как таяли силы Голта, уносимые тяжелой изнурительной работой. И он и Гомон работали, не щадя себя. Чернобородый гигант был готов на все, лишь бы не возбудить подозрение у Слитов, не дать им повода нанести ему рану мечом. Когда Голт ощутил, что конец работы близок, он решил, что он не сможет сделать ничего: руки и ноги совсем онемели, как иссохшие ветки деревьев.

Затем Слиты прошипели приказания. Мгновенно Гомон и Голт были у стойки, где складывались кирки до следующего дня. Другие медленно потянулись за ними.

– Живее, живее, - шипели Слиты, острие меча кололо отстающих.

Голт и Гомон переглянулись, и Гомон еле заметно кивнул. Два Слита шли впереди. Голт и Гомон за ними, двигаясь по пещере ко входу в туннель. Они уже дошли до него, а основная масса все еще возилась возле стойки с инструментами. Шипение Слитов стало громче и яростнее.

– Быстрее! Клади, не задерживайся, а то я отрублю твою голову!

И вот в сводчатой пещере послышался громкий крик:

– Пора!

И пещера наполнилась звоном металла, кирки встречались с мечами. Шедшие впереди Слиты обернулись, схватили арбалеты. Их сверкающие глаза смотрели в толпу, бурлящую в пещере у стойки с инструментами.

– Пора! - громовым голосом крикнул Голт. Он поднял скованные руки и резко крутанул ими. Железные кольца обрушились на одного Слита, и тот рухнул на землю. Гомон моментально прикончил второго. Неуклюжие, так как им мешали цепи, они бросились к столбам.

Голт наклонился и схватился за левый. Цепи на руках были достаточно длинны и позволяли обхватить столб. Голт налег на него всеми силами, всей своей массой - и ничего не произошло.

За ним нарастали звуки битвы, звон оружия, крики людей, шипение Слитов. А впереди, в туннеле, уже слышался топот ног. Подходило подкрепление.

– Что там у вас случилось? - топот ног был все ближе.

Огни и звезды плясали перед глазами Голта, когда он снова налег на столб. И снова столб не пошатнулся.

Охранники были уже близко, они уже показались из-за поворота. Каждый мускул его тела напрягся до последней степени, позвоночник трещал, жилы на висках и на шее, казалось, вот-вот лопнут. Но вес многих тонн земли сверху держал столб на месте, и игра уже казалась проигранной. Ему оставалось всего секунда, может быть две. И он вспомнил о Тайне. Стрела арбалета пролетела над ним и ударилась в столб. Лицо девушки плясало в затуманенном мозгу Голта. И вдруг он почувствовал прилив сил, которые вдруг вырвались из каких-то его резервов, о которых он не подозревал. Гнев, любовь и горе прибавили ему сил. Он выругался и рванул столб на себя еще раз.

И тот двинулся, пошел вниз и освободил столб Гомона. Голт и Гомон отскочили назад, все еще сжимая в объятиях столбы. Земля посыпалась, когда доски крепления потеряли опору. Сначала это была пыль, а затем вся масса рухнула на первые ряды охранников, бегущих к ним. Тонны грязи, камней падали, грохотали, пыль поднялась столбом и ничего не было видно там, где раньше был туннель. В этом грохоте не слышно было шипения Слитов, оказавшихся похороненными под массой обрушившейся земли. А их было много. Теперь туннель был блокирован надежно. Голт и Гомон откатились в сторону и, собрав последние силы, с трудом поднялись на ноги. Один Слит лежал там, где его застал удар Голта. Голт наклонился и взял взведенный арбалет. В центре пещеры звенели мечи и крики. Слиты, которые не были в свалке, не открывали огонь из арбалетов, боясь убить своих товарищей. Голт узнал одного - Рисс, и, прицелившись, пустил стрелу. Стрела вонзилась в спину человека-змеи, и тот упал.

Голт неуклюже начал доставать другую стрелу из колчана упавшего Слита, но тот вдруг начал шевелиться.

Из-за спины Голта выскочил огромный Гомон. Он схватил меч Слита, и когда тот попытался подняться, Гомон отрубил ему голову. Тело рухнуло на землю. Длинный хвост свирепо молотил по земле. Гомон издал боевой клич, похожий на рев сумасшедшего медведя, и высоко подняв меч в закованных руках, устремился в самую гущу боя. Слит повернулся, чтобы встретить его. Гомон двумя руками нанес поперечный удар, и змеиная голова покатилась по земле. И еще одно хвостатое чудовище было разрублено пополам, прежде чем оно успело спустить стрелу. Голт схватил стрелы и начал стрелять. Он искусно владел этим оружием, и хотя его руки были скованы и дрожали от невероятного напряжения, которое он только что испытал, промахивался он очень редко.

Те из узников, у кого не было оружия, схватили факелы со стен и совали их горячие концы в лица врагов. Вскоре факелы

догорели и пещера погрузилась во мрак. Во тьме слышались звуки боя: крики обезумевших людей, шипение Слитов, теперь уже не победоносное, а безнадежное. И затем внезапно наступила тишина.

Голт стоял весь в напряжении, арбалет в его руке был в полной готовности. Он резко повернулся, когда вспыхнул один факел, затем другой. Безголовые Слиты все еще корчились на полу, длинные хвосты извивались в конвульсиях. Они умирали так же трудно, как и змеи. Среди них лежало человек двадцать, а может больше. Одни зарубленные мечами, другие - поражены стрелами арбалетов. Но остальные - странная армия, состоявшая из сильных солдат Голта и истощенных, оборванных людей, которые уже долгое время провели в этом аду - были живы, и теперь они в изумлении смотрели друг на друга. Затем изумление сменилось торжеством.

Внезапно их охватило безумное желание - уничтожать. С мечами и кирками они набросились на тела Слитов. Они топтали, рубили их, рвали на части. Этот бессмысленный акт мести, жестокой мести, на которую они имели право, - угрюмо подумал Голт. Затем раздался повелительный голос, который заглушил все остальные крики.

– Хватит! Хватит! Берегите силы, они еще вам пригодятся!

Из бурлящей толпы с мечом в руке вынырнул полковник Штурм. Его костлявое тело было покрыто многочисленными ранами и кровоточило. Но глаза его сверкали, как полированный металл. Он приблизился к Голту, став теперь выше, сильнее. Он указал на заваленный туннель, на широкий барьер из обломков породы.

– Мы это сделали, - прошептал он. - Мы это сделали…

Голт повернулся. С той стороны завала слышались удары лопат. Слиты уже приступили к расчистке туннеля.

– Да, пока все идет, как ты предсказывал.

Штурм протянул ему меч.

– Возьми это. Твои руки сильнее моих. А мне дай арбалет. Глаза мои так же верны, как раньше. Впереди нас ждет еще очень много, прежде чем мы сможем считать себя свободными людьми. - Он повернулся. Голос его прозвучал приказом. - Вытащите стрелы из каждого трупа. Они нам нужны. Сложите их сюда и, вместо того, чтобы потрошить мертвецов, используйте свою энергию и силу, чтобы сбросить цепи, разбить их кирками. У нас будет много врагов, так что каждому хватит, чтобы утолить свою жажду мести!

9

Она не боролась и не сопротивлялась, когда Слиты тащили ее в покои Барта. Любопытно, но Тайна совсем не думала о той грозной опасности, что ждет ее впереди. Не думала о себе. Но этот молодой человек, барон Голт… она так испугалась за него, что у нее ослабли колени и закружилась голова. Нечто, о чем она думала и мечтала всю свою жизнь, вдруг произошло, появилось. Прикосновение, поцелуй. И вдруг, столь же внезапно все исчезло снова. И после этой короткой встречи этот юноша стал ей дороже собственной жизни. Она была уверена, что сможет выдержать все муки, которые Барт придумает для нее. Ведь она дочь своего отца, а Гомон учил ее быть сильной. Но Голт, в шахте Варны, в этой адской дыре…

Слиты втолкнули ее в помещение, которое некогда было ее собственностью, ее королевскими покоями. За те месяцы, которые Барт занимал их, они изменились до неузнаваемости. Он буквально разгромил всю старую мебель в поисках Камня Могущества. Но, конечно, безрезультатно. Новая же мебель была плохо и безвкусно изготовлена, так как все лучшие мастера были заняты работой на шахте, а среди Биров и Слитов не было искусных ремесленников.

Подталкиваемая мечами Биров и Слитов, окружавших ее, она упала на грубую скамью в передней комнате покоев. Она пристально и с ненавистью смотрела на окружавших ее Биров и Слитов, глядевших на нее немигающими глазами. Она не могла вынести этих звериных взглядов.

– Идите прочь, - крикнула она, показав на дверь. - Охраняйте там. Я не хочу, чтобы вы стояли у меня над душой.

– Его Величество приказал… - прошипел один из Слитов.

– Его Величество! - Тайна вскочила на ноги. Она резко повернулась к ним и величественно, без страха посмотрела прямо на них. - Узурпатор! Я… я ваша королева, королева Тайна страны Иннистейл! Я приказываю вам выйти вон! Я не буду пытаться сбежать, но я приказываю вам оставить меня!

Ее глаза встретились с глазами, и красные, змеиные щелочками глаза не выдержали ее прямого взгляда. Они неохотно попятились назад и вышли из комнаты, оставив ее одну. Чувствуя торжество от этой небольшой победы, Тайна снова села на скамью.

Нет она не подчинится Барту. Она королева и будет ею до конца… Затем она услышала его шаги в коридоре.

Он вошел один, без охраны, одетый в соболий камзол.

Золотая рукоять меча выглядывала из золотых, отделанных драгоценными камнями ножен. Он был приятный красивый мужчина, но вид его вызывал у нее отвращение, и она отвернулась, чтобы скрыть от него выражение своего лица. Он иронически улыбнулся.

– Ну, вот, королева Тайна, люди из Бурна уже на пути в Варну. Я уверен, что работа на шахте быстро сгонит мясо с их костей и сделает их более сговорчивыми. Теперь моя задача сделать более сговорчивой тебя.

– Может тебе стоит и меня послать на шахту? - презрительно сказала она.

– Я могу сделать кое-что и похуже.

– Конечно. Ты способен на все.

Барт кивнул.

– И все же мои способности не пугают тебя. - Затем он воздел руки к небу, беспомощно уронил их и вздохнул. - Ах, Тайна, Тайна. Ты думаешь, что я дурак? Я могу придумать такую пытку, что каждый нерв твой будет кричать от боли, и ты будешь молить меня о смерти. Но ты мне ничего не скажешь. Разве не так?

– Не скажу.

– Я знаю. Я же говорю, что я не дурак. И поэтому ты можешь успокоиться. Физически я не буду тебя пытать. Но… - глаза его блеснули. - Но я должен получить Камень Могущества. И я постараюсь его получить.

– Но не от меня.

– От тебя. Я перевернул этот дворец сверху донизу. Я знаю, что он где-то здесь, но он ускользнул от меня. И я уже устал дожидаться.

Он начал расхаживать по комнате. Черный плащ развевался на поворотах.

– Твое несчастье в том, что ты меня плохо знаешь. Ты считаешь меня чудовищем, а я очень далек от этого. Но всю свою жизнь, - он замолчал, - но это не имеет значения…

– Продолжай, - сказала она, чтобы выиграть время.

– Хорошо. Хорошо, я продолжу… Всю свою жизнь в Бурне я был вторым при моем кузене Альбрехте. Ведь его отец был старше моего. И поэтому Альбрехт унаследовал герцогство Вольфсгейм и получил место вблизи короля. На мою долю остались нищие удаленные от столицы поместья, полуразрушенные замки, пустая казна. Случайность рождения поставила меня на вторые роли, хотя я ни в чем не уступал Альбрехту, а кое в чем и превосходил его. Но поскольку он был ближе к королю, ему легко было держать меня внизу, пресекать любую попытку подняться наверх. Самые прекрасные женщины при дворе падали у его ног, а мне

приходилось довольствоваться тем, что ему было не нужно. Обязанности, которые были возложены на него королем, были легкие и приносили ему почет. А то, что Сигрит требовал от меня, было сопряжено с опасностями и плохо оплачивалось. И эта экспедиция, которую я возглавил, была задумана Альбрехтом. Он надеялся, что я никогда не вернусь, и все мои земли достанутся ему. - Лицо Барта исказилось в гримасе боли. Сейчас он был совсем человечным. - Ты никогда не завидовала, Тайна? Зависть по отношению к своему родственнику - хуже всего. Видеть, что тот, кто ничем не лучше тебя, возвышается, а ты все время падаешь вниз… Нет, ты королева, вернее была ею, а королевы никогда не завидуют… - он вздохнул. - Ну хватит об этом. Эта безнадежная экспедиция, в которой я был должен погибнуть по замыслу Альбрехта, обернулась самым удачным приобретением в моей жизни. И скоро я посмотрю, как они оба, Альбрехт и Сигрит, будут жалеть о том, что третировали меня, - глаза его сверкнули. - Скоро они будут преклоняться передо мной и просить моей милости - и самым большим счастьем для них будет поцеловать своими погаными ртами носок моего сапога.

Он снова начал ходить по комнате.

– Уже сейчас у меня достаточно богатства, чтобы собрать самую могучую армию, которую когда-либо видел мир. И тем не менее, хотя я воин, равный любому из дворян, равный любому из двоих против меня одного: король Сигрит и дюк Вольфсгейм. Поэтому мне нужен Камень Могущества. Я не должен допустить ни единого шанса проиграть и не отомстить. И теперь… - он подошел к Тайне, посмотрел на нее и лицо его немного смягчилось. Рука его коснулась руки девушки, ее щеки. - И теперь, если ты дашь мне его, то ты не пожалеешь. Ты станешь прекрасной императрицей всего мира, а я буду твоим любящим супругом в благодарность за то, что ты для меня сделала, за твою помощь. Я не такой бабник, как Альбрехт. Если ты заслужишь мою любовь, я дам тебе ее, и она всегда будет твоей.

Тайна отвернулась.

– Нет, - сказала она.

– Императрица всего мира, - слова его потекли быстрее, речь стала возбужденной. - Ты будешь править всем, ты будешь самой счастливой и могущественной женщиной в мире! Подумай, Тайна! Подумай, какая жизнь ждет тебя!

– Я сказала, нет! - голос ее был холодный, твердый, металлический. - Ты не получишь Камня Могущества, Барт. Что бы ты ни обещал, что бы ты ни делал, ты его не получишь. И любой другой тоже, я поклялась в этом своему отцу!

Барт вздохнул.

– Ну, хорошо. Я сказал, что не буду пытать тебя. Это бесполезно, да к тому же, возможно, что ты когда-нибудь передумаешь и встанешь на мою сторону. Но мне кажется, что мы можем заключить сделку, Тайна. Я прошу открыть мне тайну, где находится Камень Могущества, и предупреждаю тебя, что если ты откажешься, ты подпишешь смертный приговор всем Невинным.

Холод охватил Тайну при этих словах. Она вскочила на ноги.

– Что ты имеешь в виду?

Барт пожал плечами.

– Много их лесов уже выведены. Они пока укрываются в тех, что находятся близ Болот. Дальше бежать им некуда. Поэтому я пока воздержался от их уничтожения, воздержался от уничтожения тех лесов, чтобы покончить с этим народом. У меня были другие заботы. Но теперь, я полагаю, что пришло время закрыть это дело, если, конечно, ты не убедишь меня поступить иначе. - Он улыбнулся, и эту улыбку нельзя было назвать приятной.

– Ну, так что, Тайна? Ты дашь мне Камень, и я оставлю тебя и твой древесный народ в покое. Пусть они живут без забот и беспокойства в своих лесах. Или ты мне снова откажешь, и тогда я направлю армию Слитов и Биров, чтобы они сожгли все оставшиеся леса и вырезали всех жителей лесов, как овец - мужчин, женщин, детей. Чтобы все их племя навсегда исчезло с лица Земли, если ты не примешь мои условия. Выбор в твоих руках. Скажи мне, где Камень. И тогда они будут жить. Мое слово тебе в этом. А если ты снова откажешь, то к концу недели ни одного из них не останется в живых.

Колени Тайны дрогнули. Барт действительно способен на все! Она тяжело опустилась на скамью.

– Камень я использую против империи Серых Стран. Какое тебе дело до них? Ты никогда не видела жителей Серых Стран, ничего не знаешь о них, так к тому же их король изгнал твоего отца оттуда. Почему их судьба должна тревожить тебя? А Невинные - да, я знаю, как ты их любишь, я знаю, что ты жила среди них. Они твои подданные, королева Тайна, за которых ты отвечаешь. Они, а не те, кто живет в Бурне, за Великими Болотами!

Вне себя от страха и отчаяния, Тайна умоляюще сложила руки. Затем она уронила голову в ладони.

– Я не знаю, что делать. Ты должен дать мне время.

– Времени мало. Я теряю терпение. А кроме того, вполне возможно, что Сигрит направит другую экспедицию, более сильную чем эта. Сейчас счет идет на часы, королева Тайна.

– Нет, я должна… - она не смогла закончить.

– Я даю тебе один день. Двадцать четыре часа. Не больше. И хоть мне очень неприятно причинить тебе боль, но ты будешь думать в полном одиночестве, - он подошел к двери и распахнул ее. Позвав охрану, он отдал распоряжение. Охранники вошли и взяли ее.

Она даже не подозревала, что глубоко под дворцом существует эта камера - маленькая, сырая, темная. Барт, должно быть, обнаружил ее во время своих безнадежных поисков Камня. Она уселась, скорчившись, в углу. Ее бил озноб, так как ее прозрачная воздушная туника не могла служить защитой от сырости и холода. Вскоре она заплакала, но слезы скоро кончились, и она все равно не знала, что же ей делать, как ей поступить.

Воспоминания толпились в ее мозгу. Перед тем, как пришел Барт, эта страна была настоящим раем. Биры и Слиты жили где-то на окраине Земли и охотились друг на друга. Остальная земля, леса, луга принадлежали Невинным, и в стране царил мир и согласие. Тайна, как ребенок, играла с Невинными, как одна из них. Она участвовала в их праздниках, познавала жизнь растений, впитывала любовь ко всему живому, растущему. Внешний мир, о котором ей не раз говорил отец, казался ей ужасным, бессмысленным с его войнами, жестокостью. Она никак не могла понять, почему люди не хотят жить так, как живут Невинные, открыто, дружелюбно: любить, когда хочется, никогда не скучать, проводить целые часы, наблюдая строение какого-нибудь цветка, или узоры, какие рисует вода, протекая между камнями в лесном ручье. Не оплакивать смерть, а радоваться, так как тело возвращается в землю и становится тем, откуда появилось все живое. Да, она действительно любила их всех, и теперь она будет причиной их уничтожения. Или погибнут они, или она отдаст Барту Камень, и тогда погибнет весь остальной мир.

Он прав в одном. Какое ей дело до них, мужчин, женщин и детей Северных Серых стран? Если они все такие, как Барт, то пусть они уничтожают друг друга… Но вдруг она вспомнила о Голте. И что-то внутри ее вздрогнуло, зажглось. Он и Барт, это как день и ночь. Он остановил руку Гомона, ласково говорил с ней. Да и она, в конце концов, не человек-растение, а просто человек, хоть и дочь колдуна. Значит, есть в Бурне люди, как Голт, женщины, как она сама, дети… И всех их Барт хочет убить. И ее отец доверил ей Камень со строгим наказом: что бы ни случилось, чего бы это ни стоило, но пока он не вернется, Камень не должен попасть в руки смертного.

Пока он не вернется… Он ушел навсегда, как он сам сказал. И теперь она должна решать сама.

Часы шли, медленно и неотвратимо. Каждая секунда, каждая минута увеличивала ее страдания. Она не могла решиться. Хотя ей принесли хлеб и воду, она не могла ни есть, ни пить. У нее ужасно кружилась голова, мозг отказывался работать, мрак и тишина были абсолютными, и это еще больше угнетало ее. В этом подземелье она слышала только удары собственного сердца, пульсирование крови во всем теле. И наконец она не знала, что же делать ей. Наконец, полностью измученная холодом и страхом, она забылась в беспокойном сне. Сон ее был полон кошмаров. Она видела много погибших Невинных и знала, что Биры и Слиты пожирали их трупы. И теперь ее сны были полны этими ужасными видениями. Она проснулась с криком. Она села, тяжело дыша и озираясь в полном мраке. Затем она постаралась успокоиться, прислушалась. Но в темноте не было слышно ни звука. Конечно, этого не могло быть, она это знала. Но тем не менее, ей казалось что она здесь не одна. Кто-то был в камере вместе с ней.

Тайна поднялась на ноги. Голос ее дрожал.

– Кто…? Говори! Говори!

Ответа не было. И все же она знала. Знала, что кто-то здесь есть. Он был здесь.

– Отец? - голос ее стал жалобным.

Опять тишина и только стук собственного сердца.

– Ганон, - прошептала она. - Если ты вернулся, скажи. О, отец, говори!

Она затаила дыхание.

И затем она услышала. Она не знала, откуда пришел этот голос: откуда, что это, снаружи или родился в голове? Но она слышала его. Глубокий, медленный, сочный голос.

– Ты знаешь. Я тебе говорил. Он не должен получить Камень.

– Но древесные люди. Если он не получит Камень, он убьет их.

– Я говорил тебе. Он не должен получить Камень.

– Отец, отец, где ты? Позволь мне тебя увидеть. Пожалуйста, позволь!

– Этого нельзя делать. Он не должен получить Камень. Я не смогу объяснить. Верь в мою любовь. Все будет хорошо. Прощай, дочь.

– Отец! - Она горячо выкрикнула это слово, вскинула в мольбе руки. И ей показалось, что в этой сырой и темной камере она ощутила теплое прикосновение. Как будто теплая вода коснулась ее щеки и исчезла. Но чувство встречи осталось.

Тяжело дыша, впав в полное отчаяние, Тайна бросилась на сырой каменный пол. Приснилось ей это? Или было на самом

деле? Она не знала. Так она долго сидела. Наконец, она снова поднялась. Что бы это ни было, у нее нет другого выхода. Она ничего не может поделать. И сразу же она почувствовала уверенность, успокоение. Теперь она знала, что должна делать. И когда в конце дня придут за ней, она даст ответ сразу. Ответ у нее есть. ***

Кандалы были сделаны из какого-то неизвестного металла, гораздо более прочного, чем обычная сталь. Ни сильные удары зубилом не разрушили их, ни чудовищные усилия Гомона, старавшегося развести звенья с помощью кирки, ни к чему не привели. Наконец Гомон плюнул, выругался и все поднялись. Значит, им придется принять бой со Слитами, будучи в оковах.

– Наверху, - сказал Штурм, - есть кузница. Если мы прорвемся наверх, то там мы найдем нужные инструменты, чтобы сбить кандалы. А пока нам нужно получше подготовиться к бою. Слиты уже здорово продвинулись в своей работе.

Это было верно. Уже было хорошо слышно, как стучат лопаты Слитов. Звуки все приближались и приближались. Голт расставил людей. Арбалетчиков он поставил рядом с теми, кто имел мечи, чтобы они защищали друг друга. Люди с кирками были поставлены сзади. Он хотел погасить факелы, но Штурм остановил его.

– Слиты хорошо видят в темноте, а если с ними еще будут Биры, то они видят в темноте еще лучше. Нам нужен свет, иначе они будут иметь преимущество. - Так что факелы были погашены только на время, кроме одного. И когда звуки в туннеле стали совсем близко, стало ясно, что только мгновения отделяют их от начала боя. Голт оставшимся факелом зажег остальные, и пещера осветилась их неверным светом. Сам Голт взял меч и встал рядом со Штурмом, вооруженным арбалетом. Звуки раздавались совсем рядом, и вот проход открылся.

Никто не произнес ни слова. Лопаты торопливо расширяли отверстие. Слышны были шумы катящихся камней. Лопаты застучали быстрее, и вот отверстие совсем открылось.

Вероятно среди Слитов был опытный строитель, так как до последнего момента отверстие перекрывала тоненькая стена земли. И когда она рухнула, проход стал таким же широким, каким был раньше. Из тьмы туннеля стали появляться Слиты. Они шли по двое, стреляя из арбалетов.

Люди вскрикивали, когда стрелы попадали в цель. Но мятежники тоже открыли огонь, и первая пара упала в пещеру, шипя и извиваясь. Но их было трудно убить. Они, даже со стрелами в груди, перезаряжали арбалеты и стреляли в людей. Те, кто шел за ними, перескакивали через их извивающиеся тела.

И затем начался кошмар. Стрелы свистели через пещеру, люди кричали, Слиты шипели в агонии. Голт бросился в самую гущу боя, испустив свой воинственный клич.

– Бей кандалами! Бейте кандалами! - Он разрубил Слита, раздавил его извивающийся хвост и вместе с Гомоном выскочил в туннель. Острая стрела арбалета ударила в плечо Голта, когда меч его пронзил тело другого Слита. Даже умирая, Слит схватил его. Хвост обвился вокруг тела барона, как железное кольцо. Он сжимал его с чудовищной силой и внезапно почувствовал, что дышать ему нечем, как будто внутри у него что-то лопнуло. И затем это ужасное объятие ослабло, когда меч Гомона отрубил хвост. Тот извивался и упал на землю, и сразу мертвое тело Слита свалилось с Глота, все утыканное стрелами. Голт и Гомон бросились вперед и обрушились на отряд Слитов, прежде чем те успели выстрелить. Слиты бросили луки и арбалеты и взялись за мечи.

И туннель превратился в дикое смешание борющихся тел. Голт и Гомон бросились вперед с дикими криками и ревом и принялись обрушивать могучие удары по всему, что было впереди… получая ответные удары. И Слиты понемногу отступали под натиском бешеных гигантов. Они отступали по туннелю, рассредоточивались по боковым отверстиям, где было больше маневра. Солдаты Голта бились, как тигры. Образ жизни, которую они вели, сделала их хорошими воинами, хитрыми, ловкими, сильными и не останавливающимися перед любой жестокостью. Во всех туннелях и коридорах шла свирепая борьба, и Голт, пробиваясь через толпу чешуйчатых людей, увидел за отступающими Слитами круг света. Выход из туннеля! Силы у него удвоились. Он дико вскрикнул и бросился туда.

Теперь Слиты перестроились. Они сформировали ряды, дали место своим лучникам и арбалетчикам, которые ждали, пока люди начнут появляться из шахты, чтобы без промаха разить их стрелами. Голт уже был у выхода, как вдруг что-то рвануло его назад. Это подскочивший полковник Штурм прижал его к стене туннеля.

– Назад! - крикнул он Голту. - Пошли вперед лучников! Победа и Бурн! - испустил он боевой клич и выстрелил.

Слиты ответили залпом. Люди прижались к стенам, когда град стрел ворвался в туннель. Штурму подали сзади заряженный лук, и он выстрелил снова. И прежде, чем стрела попала в цель, он уже пустил другую. Стрелы летели туда и сюда, и полковник Штурм наполнил весь воздух смертельными снарядами. Слиты пригибались и, наконец, не выдержав такого обстрела, разрушили строй и побежали.

– Пора! - крикнул Голт и выскочил из туннеля.

Люди вырвались во двор, щурясь от яркого солнечного света. Некоторые падали под стрелами Слитов. Голт увидел одного, схватившегося в смертельной схватке с человеком-змеей. Могучий хвост, обвив кольцами человека, задушил его. Помогать времени не было, надо было убивать, и Голт с бешеной яростью рвался вперед, сокрушая все на пути. Остальные не отставали от него, и земля, обожженная солнцем, камни покрылись зеленоватой кровью Слитов.

Внезапно Голт остановился. Он обнаружил, что его мечу нечего делать. Гомон подскочил к нему. Грудь его высоко вздымалась, лицо и глаза светились возбуждением, зубы сверкали из-под черной бороды.

– Клянусь богами, милорд. Мы победили, мы завоевали свободу! - луч солнца упал на его лицо, и тут же черная тень закрыла солнце.

Голт глянул вверх.

– Пока еще нет! - сказал он.

Сверху на них пикировали огромные существа с кожаными крыльями. Они держали наготове арбалеты.

– Прячьтесь! - крикнул барон и сильным толчком послал Гомона под крышу. Остальные тоже увидели их, и те, кто имел арбалеты, выпустили стрелы в эту стаю. Биры тихонько вскрикивали, переворачивались в воздухе и падали на землю. Но тех, кто оставался наверху, было намного больше. Их было столько, что они закрывали солнце, и, стреляя сверху, они были практически неуязвимы. Люди падали. Оставшиеся в живых бежали под защиту крыш. Голт, Гомон и дюжина других оказались под каким-то навесом. Там на возвышении стояла наковальня, у стен молоты разных размеров, а в печи краснели угли. Это была кузня.

Голт внимательно осмотрелся.

Старик, который стоял у наковальни, был одет в грубую мешковину, перевязанную по поясу веревкой. Борода его достигала пупка, космы седых волос обрамляли худое лицо. Глаза, смотревшие на Голта, не были ни голубыми, ни серыми, ни белыми. Они были цвета льда, уже подтаявшего под солнечными лучами, и сверкавшего маленькими кристаллами и сверхестественными огоньками. Щеки были дряблыми, впалыми, вокруг широкого рта пролегали глубокие морщины. Человек был тощий, изможденный, измученный тяжелой работой. Он заговорил глубоким сочным голосом, когда Голт поднял меч.

– Приветствую тебя, барон Голт. Ты хорошо дрался. Ты тоже, Гомон. И ты, полковник Штурм. Поздравляю. Вы хорошо дрались.

Голт опустил меч. Эти кристальные глаза притягивали его. Но Штурм, не захваченный его чарами, двинулся вперед, слегка поклонился.

– Ты кто, старик? Где кузнец? Бородатый старик медленно повернулся к нему.

– Я кузнец.

– Нет, нет. Кузнец был одним из моих людей. Он мастер по металлу, и его заставили работать здесь. Кто ты?

– Я новый кузнец, - сказал старик.

– Нет, ты не кузнец. Нам нужно сбить кандалы, а у тебя не хватит сил для этого.

– Полковник Штурм, - сказал старик, - Я уверяю, что я кузнец, который вам нужен. Если ты сомневаешься, клади свои наручники на наковальню.

Штурм, зачарованный этими словами, опустил свой лук.

– Хорошо, - пробормотал он. Подошел к наковальне и опустил руки на железную поверхность.

Над головой в небе слышалось хлопанье крыльев и крики Биров. Очевидно они не рисковали опуститься, но они осыпали дождем стрел крыши с неослабевающей энергией. Старик под этот непрерывный стук взял зубило и небольшой молоток.

– Первый, - сказал он и ударил по первому железному кольцу. Оно со звоном покатилось по полу. - И второе, - еще звон, и правая рука стала свободной.

Штурм отошел в сторону, изумленно глядя на свои свободные руки, как бы не веря случившемуся.

– Теперь ты, барон Голт. Сейчас все будет нормально.

– Да. - Голт медленно положил руки на наковальню. Два удара освободили их.

Было очень странно видеть руки свободными. Голт погладил кисти, глядя в эти ледяные глаза, в которых, тем не менее, чувствовалась теплота.

– Ты не просто кузнец.

– Да, ты прав, Гомон!

Когда кандалы чернобородого гиганта были сбиты, Голт продолжал:

– Твое зубило рубит сталь, как масло. Это колдовство.

Седые брови полезли вверх.

– А если так, то что?

– Тогда я уверен, что ты Ганон. Ты когда-то был здесь королем, а потом ушел.

Лицо седобородого затуманилось.

– Об этом мы поговорим позже. Пока мне нужно поработать.

И он начал сбивать кандалы с людей в кузнице. Когда все

были освобождены, Штурм повернулся, поднял лук.

– Теперь, когда мы свободны, надо приниматься за работу. Нам нужно прикрыть людей, чтобы они могли пробраться сюда и тоже освободиться от железа.

– Не торопись Штурм. Я думаю, что нужно подождать.

Штурм резко повернулся к нему. Настоящий живой скелет, но тем не менее полный ярости.

– Кто ты такой, что говоришь так?

– Только кузнец. Но я имею чувство погоды. Подождите, приближается шторм.

И как бы в подтверждение его слова послышался удар грома.

– Биры боятся шторма, - сказал старик, - особенно с молниями. Сегодня было жарко, и я думаю, что молний будет много. И сильный ветер, который разметает, раскидает их, так что им придется улететь отсюда, только немного подождите.

Раскаты грома послышались ближе. На лице старика появилась улыбка. На улице вдруг стало темно. На фоне почерневшего неба Биры уже были не видны. И затем прямо над головой раздался оглушительный грохот, как будто раскололись небеса. Налетел сильнейший ветер. Крупные капли забарабанили по крыше. Засверкали молнии, воздух заполнился озоном. Откуда-то сверху рухнули на землю два сожженных Бира. Шерсть на них дымилась, несмотря на сильный дождь.

Шторм продолжался очень долго, и в воздухе не было слышно криков Биров. Только раскаты, раскаты громов сотрясали воздух. Затем ветер стал стихать.

– Думаю, - сказал старик, - что теперь уже остальные могут без опаски приходить сюда. Иди, Гомон, дай команду.

Чернобородый гигант колебался, но затем выскочил на дождь. Старик положил молоток на наковальню и повернулся к Голту.

– Ты тут кое-что сказал, насчет моего имени…

– Ганон, - сказал Голт. В его голосе был трепет.

– Когда-то меня так звали. И возможно, это снова будет мое имя. Я думаю, ты снова увидишься с Тайной. Ты должен будешь кое-что объяснить ей. Я пытался это сделать перед уходом, но она не все поняла. Теперь она стала старше, умнее, и все поймет, если ты ей скажешь.

– Если ты хочешь, чтобы я ей что-то передал, скажи мне, я сделаю.

Ганон с опущенной головой взялся за молоток. - Первое, что ты ей передашь, что я люблю ее.

– Хорошо.

– И второе. Скажешь, что я с неохотой покидаю ее. Но когда

твое бессмертие находится в твоих руках, то тебе самому же надо выбирать. Нас немного таких, которые умеют продлевать свои жизни. Мы хотя и умираем, но всегда возвращаемся на землю. Мы можем возобновить себя снова и снова, но всегда наши жизни посвящены определенной цели и проходят циклами. Каждый цикл в образе другого человека. Каждый новый цикл начинается после смерти в старом цикле.

Он улыбнулся тепло и нежно.

– Я вижу, что и ты не понимаешь. Неудивительно, что и она не поняла. Знай, что я сейчас живу восемнадцатую жизнь. Как и все предыдущие, она состоит из юности, средних лет и старости. Во время каждого цикла мы выполняем определенную задачу. И после того, как мы состаримся и одряхлеем, мы должны выбирать снова. Мы можем умереть, как и любой человек, а можем снова обновить себя. Но только в том случае, если согласны взять на себя другую задачу, взвалить на себя другую ношу. Мой цикл кончился, и мне нужно было умереть, либо оставить дочь и идти куда-то для выполнения другой миссии. Я должен был выбирать. Но я не мог оставаться с ней. Я мог либо умереть, либо уйти. Меня ждала очень важная работа, и я ушел. Я возобновился и приступил к новой работе. Но я сделал ошибку: я оставил здесь работу неоконченной. И мне пришлось ненадолго вернуться обратно, чтобы закончить все. У меня осталось несколько дней от прежнего цикла, и я имею право их использовать. Когда они пройдут, я уйду навсегда. Мне казалось, что я все уладил с Камнем Могущества. Но оказалось, что нет. Мое время здесь ограничено, и я должен сделать что возможно. Теперь слушай, что я скажу.

– Слушаю, - сказал Голт, чувствуя себя замороженным этими ледяными глазами.

– Биров еще много. Эта буря будет сопровождать вас до Биркенхольма. Я могу предоставить вам только такую защиту от Биров. И еще я должен сказать тебе, что пока вы были в Бурне, Барт ушел из замка. Он взял свою армию и выступил против лесного народа. Он хочет сжечь леса и таким образом, заставить Тайну отдать ему Камень Могущества. В Биркенхольме все же осталась сильная охрана под командованием капитана Насса. Охрана сильная, но победить ее можно. Если ты и твои люди смелы и решительны, то вы займете замок, освободите Тайну из подземной камеры. Я не могу гарантировать вам успех, он целиком зависит от вас. Но я защищу вас от Биров с помощью шторма, пока вы будете осаждать крепость. Остальное зависит от вас. Барт с остальными силами Биров и Слитов может узнать обо всем, и тогда он вернется. Победить его не просто. Он хороший

солдат и отчаянный воин. И все же, если ваша решительность не поколеблется, у вас есть шанс.

– Мне нужен только шанс, - сказал Голт.

– Отлично сказано, - ледяной блеск в глазах старика растаял. - Приз, который ты получишь за победу, нельзя назвать незначительным. Моя дочь…

– Да, - вырвалось у Голта. - Я полюбил ее с первой встречи, хотя она была очень короткой.

– Ну, об этом говорить еще рано. А может быть и нет. Но нечто более важное, чем любовь, находится на кончике твоего меча - будущее человечества. У меня нет времени говорить тебе больше. Дойди до всего сам. Все заключено в Камне, - он повернулся навстречу вымокшим людям, входившим в кузницу.

– Сейчас мне нужно работать.

10

Из трехсот две трети остались живы. Но некоторые были какими-то жалкими развалинами, не способными не то чтобы бороться, но просто идти. И все же снятые кандалы, казалось, прибавили им сил.

Странный кузнец работал, не жалея сил. Когда, наконец, упало последнее кольцо, последний человек был свободен, дождь еще лил, гром гремел, сверкали молнии. Он повернулся к Голту.

– Я уже сбил замок со склада оружия, там всем твоим людям хватит мечей. Склад продовольствия тоже открыт, многое из того, что там есть, вам не нужно, но есть хороший хлеб. Пусть твои люди поедят. Им нужно восстановить свои силы. И затем, не теряя времени, вперед. Слиты не ездят верхом, поэтому здесь нет лошадей, Вам придется идти до Биркенхольма пешком и ты должен торопиться, - он положил свой молоток. - Ты понял все, что я говорил тебе?

– Думаю, что да, мастер.

– Тогда выйди со мной на минуту.

Голт повиновался. Он и Ганон вышли во двор, где хлестал сильнейший дождь. Сверкающие молнии играли в небе, призрачным светом озаряя морщинистое лицо старика.

Ганон подошел поближе к Голту.

– Я мог бы быть колдуном, - сказал он, - и возможно, если бы мне снова пришлось выбирать, я стал бы им и сделал бы для тебя что-нибудь еще. Я потом умер бы, как обычный человек. Но знание накладывает ответственность… Ладно, дело не в этом. Я хочу тебе сказать вот что. Я прожил восемнадцать циклов, и остальные дети, которые у меня были, все давно превратились в прах. Осталась только Тайна, самая ярчайшая драгоценность из всех. Я знаю все о жизни и смерти, о любви и горе. Моя любовь к Тайне лежит за пределами твоего воображения. Я прошу тебя, барон Голт, люби ее по-настоящему. Если ты будешь любить ее, ты будешь вознагражден, если, конечно, останешься жив, бесценным сокровищем. Не предавай ее никогда.

– Я не предам. Моя жизнь принадлежит ей, а ее жизнь - мне, если мы оба останемся живы.

– И даже если нет, я думаю - это правда, - старик посмотрел ему в глаза проникновенным взором. - Дай мне твою руку.

Голт протянул руку. Старик взял ее в свои сухие холодные руки. Он держал ее несколько мгновений, затем выпустил,

– Боги наблюдают за тобой, - сказал он, повернулся и пошел через дождь.

Дождь лил огромными потоками. Фигура старика еле угадывалась за ним. Голт стоял, как завороженный. Ганон все уменьшался, скрывался за вуалью дождя и затем он исчез.

Голт вздохнул, повернулся и вошел в кузню полную людей.

– Нам нужно вооружиться и поесть, - сказал он. - Затем под покровом дождя мы двинемся на Биркенхольм. Мы уничтожим Барта, Слитов и Биров. Если здесь есть тот, кто не жаждет мести и не хочет рисковать своей жизнью ради нее, пусть скажет.

Люди молчали.

– Значит так, - сказал Голт. В нем шевельнулось какое-то теплое чувство к этим измученным, но смелым людям. - У меня есть новость для вас, но сначала луки, мечи и пища… ***

Штормовые облака неслись низко над пустынной равниной. Яркие молнии пронизывали их, перескакивали от одного облака к другому, вонзаясь в землю. Голт, Гомон и полковник Штурм вели людей без остановки на отдых. Оживление, ярость людей сделали их мужественными. Люди шли без жалоб и даже с радостью. Двести человек, двести тюремных и подземных крыс, полуобнаженные, заросшие волосами, изможденные непосильной работой, но все вооруженные, решительные, воодушевленные словами Голта, что гарнизон Биркенхольма ослаблен.

Буря сделала свое дело. На горизонте не появлялся ни один Бир. Она шла впереди них, расчищая им путь. Им понадобилось два дня, чтобы дойти от Биркенхольма до шахты. На обратный путь они затратили полтора. Однако измотанные люди падали по дороге, и их товарищи поднимали их и помогали идти.

Сам Штурм, хоть был истощен не меньше других, совершенно не знал усталости. Он излучал мужество, и весь был как капля ртути. Он помогал ослабевшим, и те обожали его. Голту пришлось поучиться у него человеческому отношению к людям. Голт вспомнил, что король приказал ему повзрослеть. Он подумал о том, что ему уже пришлось перенести: отчаяние, спасение, любовь, наконец, которой он не знал раньше. Голт решил, что он выполнил приказ короля: он чувствовал себя повзрослевшим на десять лет после начала похода.

Все, что ему хотелось больше всего, это Барт, встреча с ним лицом к лицу.

Они пересекали пустыню, в которую превратил Барт некогда цветущую землю. Голт думал о Тайне, думал и о Невинных, этом мягком, нежном народе, который был полностью слит с природой. И, конечно, Барт вполне способен уничтожить их. В нем любой мог почувствовать то же, что и в его кузене Альбрехте. Некоторые люди вовсе не люди, а по природе или по воспитанию звери, и когда приходит время, они начинают действовать в

соответствии со своими звериными инстинктами. Сигрит был так же грозен и тверд, как Барт и Альбрехт, а в битвах он был гораздо опаснее их, и много жизней забрал его меч в те времена, когда Сигрит участвовал в войнах. Разница была в том, что Сигрит никогда не убивал ради собственной выгоды. Каждый, кого он убивал, угрожал процветанию его народа. Голт любил войну, но сейчас он думал о ней не как об увлекательном спорте, где можно помериться силами с противником, поставив на карту свою жизнь. Нет, это не спорт. Успешное окончание нынешней войны сделает много добра: даст свободу закованным в цепи, защитит слабых от сильных и алчных. Да, сказал Голт себе, я вырос.

Было еще много того, что следовало обдумать. Биркенхольм - это большая крепость, сильная, как его родной Старкбург. И хотя Барт с большей частью своего гарнизона оставил замок, все же там оставались Биры и Слиты в количестве, превышавшем его армию. Нелегкая задача нападать на такую крепость, особенно без военных машин. Из слов Ганона Голт понял, что на помощь магии ему надеяться не приходится.

Он обдумывал план нападения. Голт автоматически отмечал особенности крепости, когда его вели туда и уводили в шахту. Эти толстые и укрепленные стены необходимо как-то преодолеть. Для этого бы пригодились лестницы, но их нет, а делать - нет времени.

"Буря защищает тебя от Биров, пока ты будешь вне крепости", - вспомнились ему слова Ганона. Старик не сказал "внутри". Значит, кроме Слитов будут и Биры. Это усложняет и без того трудную задачу. Но если он любит Тайну и хочет спасти ее, он должен взять эту крепость.

И вот на склоне холма, под дождем, решение пришло к нему. Засовывая в рот кусок черствого хлеба, он едва не расхохотался. Барт пошел жечь не те леса.

Они поднялись после небольшого отдыха и пошли дальше.

И затем под защитой бури они наконец увидели Биркенхольм.

Голт смотрел на него с каменистого хребта. Гигантская крепость, защищенная толстыми стенами и глубокими рвами, она далеко простиралась во всех направлениях. Грозовые облака окутали ее, извергая дождь и молнии. Но под облаками Голт увидел черные точки, это были дозоры Биров.

Он увидел также рощу огромных берез, которая окружала весь замок. Повернувшись к Гомону и Штурму, он улыбнулся им.

– Много ли у нас топоров?

– На всех не хватило мечей, поэтому человек тридцать вооружилось топорами. А что?

Таков был Штурм. Он все должен был знать. Голт широко улыбнулся.

– Нужно собрать тридцать человек с топорами. Гомон и я пойдем с ними. Свои луки и мечи отдадим тем, кто послабее.

Штурм нахмурился.

– Я не пойму.

– Ты что не видишь эти стены? Нам нужно преодолеть их и взять крепость. Времени делать лестницы у нас нет. Но тридцать сильных людей с топорами, если им повезет, могут свалить пятнадцать высоких деревьев, которые упадут через ров прямо на стены. Мы будем забираться по ним. Ветки будут служить нам некоторой защитой от Биров, если буря нам изменит. Во всяком случае это наш единственный шанс. Гомон - получи консультацию от тех, кто когда-либо работал на валке леса, и найди лучшего из них. Он пойдет с нами. Мне нужен лучший дровосек.

Темное лицо Гомона прояснилось. Он все понял.

– Хорошо, милорд. - Гомон соскочил с холма и побежал к отряду.

Часом позже, когда дождь и ветер еще бесновались над крепостью, Голт и Гомон вели отряд, вооруженный топорами. Остальные согласно приказу, провожали их молчанием. Буря загнала всех дозорных в помещения. Кроме нескольких несчастных, вынужденных стоять на стенах. Двести человек, приближающиеся к крепости, были не видны, пока они шли под покровом дождя, под защитой холмов и лесов. Голт вел свой отряд, которому предстояло выполнить очень опасную работу. На краю леса они имели мало шансов выполнить свою работу, так как они были очень легкой мишенью для лучников и арбалетчиков со стен крепости. С лихорадочной поспешностью Голт расположил людей по двое на одно дерево, и под покровом бушующей бури они начали свою работу.

Почти сразу же их присутствие было обнаружено. Голт услышал крик со стены, когда они с Гомоном изо всех сил вонзали топор в могучее дерево. Щепки летели во все стороны. И вдруг что-то воткнулось в ствол березы. Стрела арбалета. И тут же рядом воткнулась другая стрела. Это плохо - значит Барт научил Слитов искусству стрелять из дальнобойных луков. И когда обрушился град стрел, Голт и Гомон были вынуждены бросить топоры и укрыться за дерево, в которое втыкались стрела за стрелой.

Это же пришлось сделать и другим людям. Они были прижаты к деревьям. С высоты стен, укрываясь за их зубцами, Слиты вели непрерывные огонь. Да, выскочить из-за дерева

значило неминуемо погибнуть. Голт был в отчаянии. Его люди тоже стреляли в Слитов, но урона они не могли нанести, так как те были надежно укрыты.

Он выругался. После всего и такая нелепость. Голт бросился на мох. Его холодная влажность раздражала Голта. Чем может помочь им дождь и буря против стрел Слитов? Но вдруг дожди усилился, и появились кусочки льда. Пошел град. Гром гремел с новой силой и внезапно весь мир осветился яркой вспышкой. Это было хуже, чем стрелы Слитов. Стрелы молний пронизывали все вокруг, все вокруг свистело и грохотало.

– Боги и дьяволы! - прокричал Гомон, бросаясь на землю рядом с Голтом и закрывая лицо руками.

Ветер достиг угрожающей силы. И вдруг Гомона и Голта подбросило высоко вверх, и град забарабанил по ним с новой яростью, дерево, за которым они скрывались, вдруг застонало, задрожало, раздался страшный треск, и затем оно медленно и величественно начало падать вперед, как убитое божество.

Голт с изумлением смотрел, как огромная береза всей своей кроной улеглась на стену, перекинувшись через ров. В это же время молнии начали валить другие деревья. Раскаты грома и треск стволов леденил кровь в жилах. Странные призрачные огоньки плясали на кроне рухнувших деревьев и на стенах замка.

Схватив топор как боевое оружие, а они действительно были грозным оружием, Голт вскочил и не обращая внимания на огненный дождь молний, бросился вверх. Он крикнул, но его голос потерялся в раскатах грома, шуме дождя, свисте ветра.

– Вперед! - кричал он. Он схватил Гомона, рывком поставил его на ноги, и чернобородый гигант побежал за ним по стволу.

Вокруг все сверкало, грохотало, взрывалось. Березы падали одна за другой прямо на стены замка. Десять деревьев, пятнадцать, двадцать. Все они создавали надежные мосты на стену. Голт пробирался по стволу. Он увидел, что по ближайшему стволу вверх устремился полковник Штурм, и за ним несколько солдат. Вскоре весь отряд лез наверх. Стрелы свистели в обоих направлениях. Но стрелы сверху теперь были менее опасны, так как нападавшие были частично защищены, укрыты густой кроной деревьев. Лучники, стрелявшие с земли, напротив, легче находили себе цели.

Голт по обнаженному стволу уже добрался до кроны. Почти сразу он почувствовал, что дождь и град уже не так сильно избивают его тело, что грохот и сверкание молний значительно уменьшилось. Он посмотрел вверх, сквозь зеленые листья. Там, как будто бы завершив свою миссию, буря двигалась на юго-запад, обрушивая свою ярость на пустынные выжженные равнины.

Буря оставила их, казалось, что у нее есть другие дела.

"Хорошо! - подумал Голт. - Спасибо тебе Ганон. Теперь мое дело!"

Он вскочил на ноги, побежал среди сучьев, листьев со сверкающим топором. За ним бежал Гомон, а сзади еще несколько человек. Голт добрался до вершины березы и спрыгнул на парапет стены. Перед ним возник Слит. Смертоносное лезвие топора раскроило его от головы до пят. Голт освободил застрявшее лезвие одним движением и боковым ударом уничтожил еще одного Слита. бросившегося на него. Тот упал со стены во дворик. Обезглавленное тело бешено извивалось в воздухе.

Меч одного из Слитов валялся на полу. Голт схватил его и убедился, что он ему как раз по руке. Голт вовремя схватил меч, так как, когда он отскочил в сторону, чтобы дать место для Гомона и остальных, на него набросился Слит с поднятым мечом. Голт парировал удар, пригнулся, и когда удар просвистел над его головой, пронзил своим мечом чешую Слита. Тот зашипел и упал со стены.

Теперь Голт сражался с оружием в обеих руках. Слиты боялись подступиться к нему. Небо над головой было уже совсем чистым. Голт услышал вверху какие-то звуки, и, улучив момент, взглянул вверх. На стену, сложив крылья, пикировали Биры, стреляя из арбалетов во время стремительного спуска. У некоторых были мечи. Один из Биров нырнул вниз и обхватил своими крыльями Голта. Он крепко держал его, обдавая отвратительным запахом пещер.

Острие меча Бира было направлено на Голта. Тот увернулся от удара и сразу же ударил сбоку топором. Удар пришелся в грудную клетку чудища и пробил ее насквозь. Кожаные крылья ослабли, опустились и уже не пришли в движение, когда Бир, кувыркаясь в воздухе, полетел со стены.

Но Биров было много и требовалось быстро укрыться от нападения с воздуха. Чудища метались в воздухе, стреляли, пораженные стрелами. Голт побежал по стене, отбиваясь от ударов мечей Биров. И он чуть не упал со стены, увертываясь от очередного удара, но успел зацепиться за зубец, а бежавший сзади Гомон обезглавил ударом топора Бира, хотевшего прикончить Голта. Бир, теряя пух и кровь, полетел на камни двора.

Наконец Голт добрался до лестницы. Он побежал вниз и остановился на полпути, чтобы отдышаться. Навстречу ему спешил отряд Слитов со сверкающими мечами. Голт бросился на них. Он вступил в бой сразу с тремя. Меч его описывал в воздухе нескончаемый звенящий круг. Никто не рисковал приблизиться к

нему. Голт резким движением выбил меч у одного из Слитов и тут же обманным ударом пронзил другого. Слит зашипел, и Голт ударом топора добил его. Теперь он занялся третьим, который подскочил к первому, протягивая ему утерянный меч. Голт поднял топор и одним ударом прикончил обоих. Извивающееся, покрытое чешуей, тело покатилось вниз.

Уже многие нападавшие пробились во двор. На фоне воинственных криков прорезался боевой клич Гомона. Ему отозвался пронзительный голос полковника Штурма. Слышался звон мечей, стрелы луков и арбалетов пронзали людей и чешуйчатые тела Слитов. Дождь уже полностью прекратился, выглянуло солнце, в воздухе метались Биры изредка обрушиваясь вниз, увидев подходящую мишень для нападения, или сами становились мишенью и падали вниз, пронзенные чьей-нибудь стрелой. Голт и Гомон пробивались через двор к главным воротам дворца.

Где-то там была Тайна. Голт думал только об этом, в то время, как его меч и топор делали свою ужасную работу.

Но прежде чем они успели добраться до дверей, двери стали закрываться. Очевидно Слиты хотели забаррикадироваться внутри. Голт сунул ручку топора в щель и двери не смогли полностью закрыться.

– Гомон! - закричал Голт и бросился всей своей тяжестью на левую створку. Гомон уже был здесь и налег на правую.

Слиты изо всех сил старались удержать тяжелые дубовые двери. Ручка топора трещала, ломалась. Но Голт и Гомон держали дверь, не давая ей закрыться. Подоспели их товарищи и тоже налегли на двери. Слиты держались недолго. Вскоре двери распахнулись, не выдержав сильного давления воодушевленных близкой победой людей, Слиты пустились в бегство. Их хвосты издавали шипящий звуки, волочась по полу за ними.

Голт, Гомон и остальные с оружием в руках вступили в замок. Здесь было две лестницы. Одна вела наверх, а другая - вниз. Здесь силы Голта разделились. Сам он устремился вниз, и вскоре его встретил отряд Слитов, охранявших лестничную площадку.

Его меч мелькал с такой же быстротой, как раздвоенные язычки людей-змей, теснил их назад и вниз. В такой ситуации длинные хвосты только мешали Слитам. Они цеплялись друг за друга, сковывая движения. Одни из них сорвался в пролет лестницы и вскоре снизу донесся звук его падения. Голт обезоружил следующего, пронзил его мечом, и тот покатился на своих товарищей, сбивая их со ступеней. Голт дрался и выигрывал каждый дюйм. Слиты сбились в клубок змей и угрожающе шипели на него. Но его меч рубил их, вонзался в

клубок, пронзая их чешую, и те, кто не скатывался со ступеней, падали вниз в пролет. Гомон был сзади. Он был почти без работы, он старался улучить возможность и ударить из-за плеча Голта. И вдруг они увидели, что лестница перед ними чиста, они увидели, что путь открыт. Голт понесся вниз и оказался в пустом гулком коридоре.

– Тайна! - кричал он - Тайна! Где ты?

Ответа не было. Он побежал дальше. Коридор разветвлялся. Голт не знал, куда повернуть, какую ветвь выбрать. Затем из того коридора, который спускался полого вниз, донеслось шипение и какие-то шипуче-шепчущие звуки. Он бросился туда. Там царила полная тишина. Десяток шагов, и его ноздри уловили острый запах Слитов. Они блокировали коридор перед ним, однако они вовсе не желали принимать бой, как их собратья наверху. Когда он атаковал Слитов, они бежали. Голт слышал только звяканье их мечей по сырому каменному полу, когда они бежали. Голт бросился за ними и свирепо расправился с одним, который не успел, как остальные скрыться в секретный проход.

Голт остановился тяжело дыша и опустив меч.

Тайна! - крикнул он. - Тайна, где ты?

В коридоре было тихо. Голт слушал, отчаяние заполнило его сердце. Замок был огромный. Требовались недели, чтобы обшарить его подземные лабиринты.

– Тайна-а-а-а-а-а! - крик отозвался эхом в многочисленных пустых коридорах, отражаясь от стен. Он склонил голову, весь превратился в слух. Но услышал только запоздавшее эхо своего крика, как бы насмехавшееся над ним.

Затем ему показалось, что он что-то слышал. Откуда-то издалека, из темноты.

– Здесь! - прозвучало в воздухе. Это была всего лишь еле заметная вибрация воздуха.

Голт побежал по коридору.

– Тайна-а-а-а-а-а! - крикнул он, спускаясь по ступеням.

Теперь ответ прозвучал более отчетливо. - "Вниз… "

Голт повернулся, побежал вниз по лестнице, ступени которой были скользкими от наросшего мха и капель воды. Она была очень длинной, эта лестница, но он наконец добрался до дна. Здесь было совсем темно, как в могиле. Дальше он пошел, ощупывая стены. Затем он услышал впереди дребезжащий звук, шипение в кромешном мраке.

– Барон Голт…?

– Кто здесь? - Голт поднял меч.

– Капитан Насс. Стой. Я вижу тебя, а ты меня не можешь видеть! - и Голт услышал свист стали.

Лезвие меча прошло между его рукой и туловищем, оцарапав и то и другое.

И это позволило Голту определить, где же его противник. Вслепую, повинуясь инстинкту, он ударил мечом, зажав лезвие рукой, замедлив его движение обратно, хотя это стоило ему много крови. Меч наткнулся на что-то твердое, металлическое - чешую Насса. Лезвие проткнуло чешую, но наткнулось на кость. И тут весь коридор заполнился шипящими звуками. Длинный хвост обхватил Голта, стал клонить к земле, выдавливая воздух из грудной клетки.

Голт схватил рукоять меча и обеими руками нанес сильнейший удар. Опять он пришелся во что-то твердое. Голт ударил еще раз, и в этот раз меч встретил меньшее сопротивление. Могучее объятие ослабело, человек-змея обмяк и соскользнул на пол, бешено извиваясь. Но Насс был уже безопасен, и Голт перешагнул через него.

– Тайна! - снова позвал он.

– Здесь! - голос прозвучал совсем близко.

Голт, ощупывая стены, нашел покрытую мхом дубовую дверь.

– Тайна?

– Здесь!

Да она была здесь. Голт поднял меч, но остановился. После раздумья он бросился к поверженному Нассу и ощупал его тело.

Капитан не сопротивлялся. Голт нашел связку ключей.

– Это Голт! - крикнул он. - Не бойся, сейчас я выпущу тебя!

Третий ключ подошел к замку, и старая дверь со скрипом открылась.

Голт ничего не видел во мраке. Но он слышал ее легкие шаги по полу. Он раскинул руки, и она пошла прямо в его объятия.

– Голт, о, Голт! Любовь моя! Он прижал девушку к себе. Тело ее дрожало.

– Все в порядке, - сказал он, - все в порядке. Ты в безопасности. Мы взяли замок. Теперь Барту не войти сюда. Не дрожи так, любимая. Все в порядке. Ты в безопасности. - Затем, несмотря на темноту, он нашел ее губы.

Весь следующий час по всему Биркенхольму раздавались звуки боя. Люди Голта, оставшиеся в живых после приступа, отыскивали Слитов во всех углах огромного замка и приканчивали их. На стенах Голт приказал выставить часовых. Тайна сказала, что Слиты, оставшиеся в замке, всего лишь небольшая часть армии, которая отправилась с Бартом на уничтожение Невинных.

Голт улыбнулся, когда вспомнил о той буре с дождем и градом, которая направилась на юго-запад.

– Я думаю, что им не удастся сжечь леса. Туда направился сильный дождь, который не позволит этого. А что касается Барта, то я полагаю, он уже получил донесение о падении замка от Биров.

– Как я понял из его слов, его дни здесь кончились, - сказал Голт и посмотрел на Тайну. - Ты теперь понимаешь, что он имел в виду?

– Да, - сказала она. Она улыбнулась, но губы ее задрожали. - Да, теперь я понимаю. Но я спокойна. Где бы он не был, он любит меня, а это очень важно.

Голт коснулся ее лица, ее волос.

– Это самое важное.

Она повернула голову и поцеловала его руку.

– Да, Голт, это одна из самых важных вещей.

Гомон издал звук нетерпения.

– Ну, хватит, - он поднялся, бряцая боевыми доспехами, налил себе огромный кубок вина и осушил его одним глотком. - Я знаю, что любовь это могущественное чувство, но смерть не менее могущественна. И если мы не подготовимся сейчас к обороне, то когда вернется Барт со своей армией, мы все погибнем. Ему даже не нужен штурм, чтобы взять дворец. Он окружит его и будет ждать когда, мы сдадимся. Карты в его руках. Сто пятьдесят человек против тысячи - и половина этой тысячи летающие существа, которые без всякого риска для себя могут перебить всех, если конечно не будет еще одной бури, чтобы отогнать их. Но для этого нужно, чтобы кто-нибудь свершил чудо. Барту не понадобится много времени, чтобы прибыть сюда.

Голт медленно вдохнул и выдохнул.

– Боюсь, что чудес больше не предвидится. - Он повернул голову к Тайне. - А эти лесные люди не могут воевать? Не могут убивать? Было бы неплохо, чтобы они собрали армию и ударили Барта с тыла…

– Это безнадежно, - сказала Тайна. - Эти люди могут бороться, но не мечами и луками, они не знают и не хотят знать оружия. Они могут только бороться голыми руками, как они захватили тебя и твоих людей, но убивать они не могут.

– Значит, от них ждать помощи нечего. В такой борьбе их просто перебьют. Нам нужно рассчитывать на то, что у нас есть. А что касается времени, то если считать наш путь от шахты, взятие крепости и то время, которое нужно Бирам, чтобы сообщить о случившемся Барту… Значит он вот-вот будет здесь. - Голт потер подбородок, скрывая отчаяние. Он очень устал. И все его люди тоже. И придется снова сражаться, буквально через несколько часов, совершенно без отдыха…

Он заставил свой мозг обдумывать положение.

– Ну ладно. Если бы я был Бартом, я воздержался бы от нападения, пока не выясню силы противника. Я бы послал Биров, чтобы они атаковали с воздуха, и придержал бы Слитов, пока Биры не сделают все, что возможно, чтобы нас ослабить. Так что нам нужно приготовится к нападению с воздуха, - он встал. - Каждый арбалет и дальнобойный лук со стрелами должен быть использован. Особенно луки. Пока мы отбиваемся сверху, необходимо готовиться к нападению с земли. Нужно кипятить смолу, плавить свинец…

– Здесь этого нет, - сказала Тайна.

Голт с удивлением посмотрел на нее.

– Нет смолы и свинца? Каждая крепость…

– Но не эта. Когда мой отец правил здесь, он обходился своей магией. Ему не нужны были такие ужасные средства обороны. Да и я, когда стала королевой, не готовилась к осаде. А когда Барт сверг меня, он сжег все деревья, из которых можно было получить смолу, а свинца в Иннистейле нет совсем.

– Тогда, - начал Штурм, - наши возможности к обороне уменьшаются вдвое. И я не вижу, каким образом… - он замолчал. На стене прозвучала труба. Это был сигнал тревоги, и все трое вскочили.

В то же мгновение в комнату вбежал солдат - тощий и исхудавший, очевидно из тех, что пришли сюда со Штурмом. Он вытянулся, готовый выполнить приказ.

– Милорды, - рявкнул он. - Они здесь. Барт пришел с такой армией, какую вы еще никогда не видели!…

Они мрачно посмотрели друг на друга. Затем Голт повернулся к Тайне.

– Будь здесь, - сказал он. - Запри все двери и оставайся здесь. Не пускай сюда никого, кроме меня, Штурма и Гомона, что бы ни случилось. А случиться может самое худшее. - Он отстегнул кинжал с пояса и протянул ей. - Если все будет плохо, это может тебе пригодиться.

Она приняла кинжал твердой рукой. Глаза их встретились.

– Хорошо, - прошептала она, и спрятала кинжал в складках своей королевской мантии. Затем, держа за руку Голта, она подошла к окну.

Эта башня была самая высокая из всех башен дворца. С балкона башни они могли смотреть на юг и на запад. Штурм выругался, Гомон издал вздох изумления, а Голт сжал зубы.

Вдали двигалась армия Барта. Слиты шли шеренга за шеренгой, нескончаемыми волнами. А впереди, на черном коне, покрытом золотой попоной, ехал Барт. Он был одет в сверкающие

доспехи, солнце отражалось в его украшенном перьями шлеме.

А небо над ними было черно от сотен парящих Биров.

– Да, - прошептал Штурм. - Мы действительно пропали. Единственное, что нам остается, это как можно скорее готовиться к бою. Если не победить, то как можно дороже продать свои жизни, умереть истинно свободными людьми.

И они молча смотрели на неисчислимые орды людей-змей. Они смотрели минуту, а может две. Вдруг ногти Тайны впились в ладонь Голта.

– Подожди здесь, - сказала она решительным, твердым голосом. - Людьми могут заняться Гомон и Штурм. Ты жди моего возвращения.

Она выпустила его руку. Голт резко повернулся и взглянул ей в лицо. Глаза их встретились. Она была бледна.

– Может быть, - прошептала она, - чудо может свершиться, жди меня… - затем, приподняв свои юбки, она выбежала из комнаты.

Голт смотрел ей вслед. Затем он повернулся к Штурму.

– Собери все луки, которые у нас есть. Подготовь лучников к атаке Биров. Быстрее, времени у нас всего несколько минут. Биры уже перестраиваются для атаки. Штурм посмотрел на него, кивнул. Он отдал салют.

– Хорошо, милорд, - и выбежал из комнаты.

Голт повернулся к Гомону. - Ты нашел наших лошадей?

– Да, милорд. Всех наших и еще лошадей Барта.

– Мой конь Ужас, там?

Гомон кивнул головой.

– Пусть его седлают. Других тоже. Может мы сделаем вылазку.

Гомон удивленно заморгал.

– Вылазку против армии?

– Слиты не могут ездить верхом. Значит, у нас будет превосходство. Всадники всегда имеют преимущество перед пехотой.

Глаза гиганта зажглись пониманием.

– Да, но нас так мало против такой армии.

– Я не говорю, что мы победим. Мы просто нанесем урон. Проследи за лошадьми.

– Хорошо, милорд. - Гомон поклонился, затем схватил руку Голта. - Боги и дьяволы. С тобой приятно воевать! - он улыбнулся и вышел из комнаты.

Голт нетерпеливо заходил по комнате. Они перебьют много Биров и Слитов прежде чем погибнут сами. Но если боги войны будут милостивы, может, они дадут ему возможность встретиться

с Бартом лицом к лицу. А по крайней мере, если он умрет, то он полностью искупит свою вину перед королем. В битве он заслужит себе прощение. Но если бы у них была смола и свинец…

Затем он услышал легкие шаги в коридоре.

Дверь распахнулась. Вошла Тайна, медленно и величественно. Каждый дюйм ее тела говорил, что она королева. Глаза Голта заметили небольшую серебряную шкатулку, которая вероятно была очень тяжела. Шкатулку Тайна держала в руках.

Лицо ее было суровым. Их глаза встретились.

– Милорд, - сказала она. - Милорд Голт, возможно, это можно будет использовать.

– Камень Могущества! - возбужденно воскликнул он. Голт двумя прыжками пересек комнату и остановился. Он ведь дал клятву Сигриту не прикасаться к нему. Но жизнь Тайны зависела от того, нарушит ли он клятву. Он протянул руку к шкатулке.

Тайна отвела шкатулку назад. Лицо ее было торжественным.

– Да, - сказала она. - Камень Могущества. Я решилась. Он будет твоим, но только при одном условии.

– Женщина, нам нельзя тратить времени. Дай его мне. От него зависит наше спасение.

– Я знаю. И все же я назову условие. И если ты согласишься, если ты не поклянешься, если ты не пообещаешь мне выполнить эти условия, не поклянешься своей любовью, независимо от того, умрем мы или нет.

Голт посмотрел на нее, прочитал решимость на ее лице.

– Я могу отнять его у тебя.

– Если ты так сделаешь, без моего согласия, я убью себя твоим же кинжалом.

– О, Тайна, не говори так! - его кулаки сжались и он воскликнул. - Какое условие? Я приму его без всяких раздумий и исключений!

– Ты используешь этот камень только в этой опасной битве. Если магия работает, ты выиграешь сражение, он немедленно вернется ко мне, и я спрячу его снова в тайном месте, известном только мне. И ты никогда не будешь просить его у меня, если, конечно, я сама не дам его тебе, - она долго смотрела на него. - Таково мое условие.

– Я сказал, что принимаю его.

– Тогда клянись. Клянись своей любовью ко мне.

Голт колебался.

– Я клянусь своей любовью к тебе.

– Хорошо, - она протянула шкатулку. Голт взял, удивляясь ее тяжести.

– Там наверное свинец.

– Но не из этой Страны. Из внешнего Мира.

– Я не ощущаю ничего.

– И не ощутишь, пока не откроешь шкатулку и не возьмешь камень. Она не заперта. Открывай.

Голт положил шкатулку на стол. Медленно приподнял крышку. Затем у него вырвался вздох разочарования. Он ожидал увидеть необыкновенное сокровище. А вместо этого он увидел на бархате камень, самый обыкновенный камень, величиной с гусиное яйцо. Он не светился, не сверкал. Разве, что цвет его был необычаен. Вернее цвет его был непонятен. Он изменялся в зависимости от того, как смотреть на камень. Вот он черный, теперь коричневый, серый. Казалось, что собственного цвета у него нет.

Голт медленно взял камень в руки. Сжал его в ладонях.

Он стоял так почти полминуты, прежде чем начал чувствовать его.

Ощущение возникало где-то внизу живота. Оно начало медленно неотвратимо распространяться по всему телу. Когда оно охватило его нервы и мышцы, усталость покинула их, он начал чувствовать себя свежим и сильным. Более того, камень возбуждал в нем воинственность, жажду боя. Это было самое сильное чувство, какое он когда либо испытывал. Магия камня проникала в его мозг, он стал чистым и ясным. Все тревоги, волнения покинули его. Он отчетливо увидел все поле будущего боя: замок, долину и рощу, движущуюся армию и расположение защитников крепости. Он знал, в каком месте последует атака, где нужно расположить сильнейший свой отряд, как отражать атаку. Глаза его сверкнули. Он поднял голову и посмотрел на Тайну.

– Он действует! Клянусь богами, я никогда не чувствовал ничего подобного!

Она не улыбнулась. Лицо ее было тронуто страхом.

– Да, я вижу, как он действует.

Голт стиснул камень в руке, обнял ее другой рукой, притянул к себе с каким-то новым чувством, с какой-то неистовостью.

– Не бойся, Тайна. Этот день не принадлежит Барту! Он мой! - он горячо поцеловал ее и оставил в комнате одну.

– Помни свою клятву, - прошептала она вслед.

– Помню, - нетерпеливо ответил он, - но сейчас время битвы. Ничего не бойся, моя любовь. Мы увидимся к вечеру, не сомневайся! - и он выбежал из комнаты.

Он нашел Штурма и Гомона на стенах, распределяющих по местам лучников. Теперь все огромные силы Барта были видны, и армады Биров кружили в небе, ожидая сигнала атаки. Голос Голта

был резким и повелительным.

– Штурм, когда вы пришли сюда из Бурна, вы были в доспехах?

– Да, в легких кольчугах, барон.

– Мы тоже, Барт все снял с нас. Они должны быть где-то здесь. Пошли людей отыскать их и одеть лучников для защиты от стрел Биров. Гомон, поставь котлы в самые ключевые точки.

– Котлы? А зачем? Нет ни смолы, ни свинца…

Голт нетерпеливо махнул рукой.

– Золото, золото! В замке полным-полно его. Расплавить его и этого хватит, чтобы утопить всю армию Барта. Собери все емкости, какие найдешь, наполни их золотом, расплавь его - мы подготовим Барту небольшой сюрприз. Он ведь уверен, что у нас нет ничего такого!

Сначала удивление, а потом оживленная радость показались на лице Гомона. Внезапно он расхохотался.

– О, боги, конечно! - и он убежал выполнять приказ. Штурм смотрел на Голта.

– Ты, что на меня так уставился, полковник?

– Мне кажется, что я вижу тебя впервые, - и он тоже отправился по своим делам.

Голт посмотрел ему вслед и засмеялся, ощущая в глубине груди нетерпение боя, радость от предстоящей битвы. Теперь он чувствовал себя сильным, готовым ко всему. Да это будет прекрасный день. Он чувствовал себя непобедимым. Рука его ласкала талисман. С этим маленьким камнем человек мог пройти через весь мир, как коса по лугу, скашивая всех своих врагов, как траву!

Он вышел на стену. Меч на поясе, в руке лук, за спиной полный колчан, поданный ему одним из солдат. Внизу послышался цокот копыт: это по двору вели оседланных лошадей, чтобы укрыть их под навесом от нападения Биров. Ужас, почуяв своего хозяина, задрал вверх свою голову и, раздувая ноздри, приветливо заржал.

– Для тебя будет сегодня работа, - улыбнулся Голт. Он посмотрел на равнину.

Барт оставался, далеко за пределом досягаемости стрел. Голт видел, как тот руководит расстановкой сил. Он был спокоен, уверен в своих силах и совершенно не торопился. Так как и Слиты, и Биры хорошо видели в темноте, он вероятно решил дождаться ночи и тогда предпринять главный штурм. Вероятно, ему и в голову не приходило, что Тайна могла дать Голту Камень Могущества. Или он был уверен, что даже имея Камень, невозможно с такими силами надеяться на победу над могучей

армией. "Это потому, что Барт даже не мог представить, какими возможностями обладает этот Камень, - подумал Голт. - Никогда бы не мог представить, пока сам не взял бы его в руки".

Он рассмеялся, расхаживая по стене. Люди уже надевали доспехи, принесенные людьми Штурма.

– Не бойтесь, солдаты! Магия уже один раз помогла нам, теперь на нашей стороне есть кое-что! Все будет хорошо! - Голт заметил, что его слова оказали заметное действие на солдат.

С помощью солдат Голт натянул свои доспехи и блестящий шлем, который принес ему Штурм. Было приятно снова надеть их. Он увидел Гомона, который во всю силу своих легких раздувал огонь в каменном углублении за парапетом. Везде, где в стене были щели, предназначенные для выливания на осаждающих расплавленный металл, стояли металлические сосуды, в которых плавилось золото.

Барт уже расставлял Слитов так, что они окружали весь замок. Из рощи слышался стук топоров, они делали тараны. Биры уже кружились с большой скоростью, строясь в ряды. Голт достал стрелу. Он решил, что скоро все начнется.

11

А на равнине Барт поднялся на стременах. Длинное лезвие меча сверкнуло в лучах заходящего солнца, когда он рубанул воздух, подавая сигнал к началу атаки. Странные, пронзительные, мяукающие крики доносились с высоты, где кружили орды Биров. И затем они стремительно понеслись к крепости.

Хлопая огромными крыльями, они набрали необычайную скорость, и их было так много, что они закрыли все небо. Голт повелительно крикнул:

– Стоять! Не стрелять без моего приказа!

Он смотрел, как они летят. Сотни чудовищных созданий. Они начали полет с большой высоты, футов триста. Но приближаясь к крепости, они быстро снижались, чтобы эффективнее использовать свои арбалеты.

"Теперь", - подумал Голт, полный странной уверенности и угрюмой радости, - "Камень Могущества, должен пройти проверку!"

Дальнобойные луки защитников крепости превосходили по дальности стрельбы арбалеты Биров. Биры уже были близко. Он видел их кожаные, костистые, пронизанные венами крылья, покрытые шерстью тела, сверкающие клыки, глаза-щелочки. И как летучие мыши, они летели зигзагами, совершая быстрые маневры в воздухе, и попасть в них могли только искусные стрелки. Их арбалеты были наготове, и ярдов через пятьдесят они уже смогут использовать их.

Голт позволил им подлететь еще на двадцать пять ярдов, чтобы его люди могли, как можно полнее, использовать свое преимущество. Так, теперь пора. Голос его взвился над рядами защитников.

– Бей их! - и он сам выстрелил и тут же схватил другую стрелу.

Воздух внезапно наполнился летящими стрелами. Опытные лучники могли прицеливаться и выпускать одну стрелу за другой. А большинство из них были опытными. Деревянные стрелы, длинные, острые, смертельные, летели навстречу Бирам. Даже Голт был потрясен.

Он не видел, чтобы кто-нибудь промахнулся. Все стрелы попадали в цель, несмотря на зигзагообразный полет Биров. Все стрелы устремились к ним, как будто их тела были магнитами, притягивающими стальные наконечники.

Летящие батальоны как будто наткнулись на невидимую стену, и это столкновение было ужасным. Внезапно небо

разразилось дождем этих летающих существ, пронзенных стрелами. Многие падали, как камни, другие пытались спуститься мягко, но тоже не удерживались в воздухе. И вся земля была усеяна их трупами.

Но они все еще стремились вперед, несмотря на ураганный смертельный огонь. И лучники все стреляли и стреляли. Нескольким Бирам удалось прорваться через это заграждение, и они успели даже выстрелить из арбалетов. Но арбалетчики из крепости тут же ответили им. И тоже никто не промахнулся. Каждая стрела находила цель. Биры с криками погибали и падали вниз.

"Это интересней, чем охота", - думал Голт возбужденно. Он рассмеялся, выпуская еще одну стрелу, убивая еще одного Бира.

И затем все кончилось. Биры, которые летели в задних рядах, увидели избиение своих собратьев, повернули и полетели обратно к Барту. Теперь было совсем немного времени, чтобы расслабиться и передохнуть. Биры составляли теперь уже маленькую часть того, что летело на замок. Вся земля под стенами дворца была усыпана черными телами, шерстью и кожей. Раздались радостные крики защитников крепости. Люди как бы заразились от Голта могуществом Камня, они чувствовали себя непобедимыми!

Прибежал Гомон, хохоча, как сумасшедший.

– О, милорд! Это было чудо, совершеннейшее чудо! Такого я еще никогда не видел.

Голт повернулся к нему.

– Мы много потеряли людей?

– Насколько я знаю, ни одного! Биры не смогли приблизиться на дистанцию для выстрела.

– Тогда иди на свой пост. Я думаю, что Барт изменит свои планы. Теперь он увидел, кто перед ним. Слиты пойдут со всех сторон. Проверь, чтобы все было готово.

– Хорошо, милорд. - Гомон побежал на свое место, все еще хохоча, хлопая на бегу людей по плечам. Голт посмотрел на равнину.

Барт был весь в действии. Он ездил вдоль линии выстроившихся Слитов, как сумасшедший, размахивая мечом. Его черный жеребец вставал на дыбы при резких поворотах Барта. Посыльные Слиты разбегались по всем подразделениям, разнося приказания.

Подошел Штурм.

– Милорд, они готовятся?

– Да, наши лучники готовы?

– Готовы. Но не хватает стрел. У арбалетчиков стрел много,

но для луков мы почти все израсходовали на Биров.

– Тогда арбалеты должны сделать большую часть работы. Проследи, чтобы арбалет был у каждого.

– Все уже сделано, милорд.

– Отлично. Передай, чтобы дальнобойные луки использовались только для отражения атаки Биров, если они прилетят снова. И пусть все будут готовы.

– Хорошо, - Штурм отправился к людям.

"Да, - подумал Голт, - Барт хочет побыстрее начать новую атаку Слитами, пока они не осознали разгром Биров и пока их боевой дух не подорван. Они пойдут прямо сейчас. Со всех сторон. И Биры их будут поддерживать с воздуха".

Он подошел к щели, возле которой в котле плавилось золото.

– Все готово? - спросил он у наблюдавшего за огнем солдата.

– Да, милорд, - засмеялся тот. - Мы все подготовили для Барта. Это принадлежит ему, и мы вернем ему все золото, которое он награбил.

На момент, казалось, весь мир замер. Барт остановил лошадь и сидел неподвижно. Могучие батальоны Слитов были готовы и стояли ровными рядами. Несколько Биров кружило в воздухе.

И затем, где-то вдалеке послышались странные, непривычные человеческому уху звуки труб. Слиты пошли.

Если они не были раньше солдатами, то Барт сделал из них солдат. Они шли ровно, соблюдая полный порядок. Впереди шли лучники. Несмотря на разгром Биров, они чувствовали себя уверенно и шли вперед с сознанием своей силы.

Да, подумал Голт, даже с Камнем Могущества, этот бой будет трудным.

Лучники Барта будут обстреливать крепость с расстояния, уничтожая ее защитников. А затем, они будут прикрывать своим огнем арбалетчиков и людей с таранами и осадными лестницами. Защитники крепости будут прижаты к земле градом стрел, и осаждающие могут забраться на стены и вступить врукопашную.

Голт смотрел на Слитов. Сердце отчаянно билось в его груди. Он стиснул Камень Могущества в руке, а затем опустил его в карман на груди под кольчугой. Он не ощущал страха, он только ждал.

Лучники Слитов остановились, натянули тетивы, и воздух зазвенел от огромного количества стрел

Голт укрылся от смертельных стрел за парапетом. Стрелы вонзились в дерево, отскакивали со звоном от камня. Он думал, что сейчас раздадутся крики раненых, но не услышал ничего. И не видел никого, кто упал бы на стене. Это было странно: такой плотный град стрел и ни одной жертвы. Стрелы не переставая

пролетали над ним, и ударяясь о камни, ломались. Воздух был полон их свистом. Но ни одна не коснулась ни его, ни тех из его людей, кого он мог видеть со своего места.

Он осторожно выглянул в смотровую щель. Под прикрытием стрел нападающие уже устремились к крепости. Вероятно, то же самое происходило и на других участках. Ведь нападение ведется со всех сторон. Сейчас Барт, вероятно, думает, что обстрел крепости нанес огромный урон ее защитникам. Ведь по всем правилам так и должно было случиться. В крепости должна была остаться жалкая кучка людей.

Слиты смело шли вперед. Несомненно, они горели желанием отомстить за смерть своих собратьев на шахте и в крепости, Голт с холодным любопытством наблюдал, как они приближаются к стенам, устанавливали ударные тараны и лестницы. За ними рассыпались арбалетчики и тоже стали обстреливать крепость.

Под этим градом стрел было глупо высовываться и вести ответный огонь. И все же… он не мог просто так довериться Камню Могущества.

Голт встал в полный рост, несмотря на град стрел. Воздух вокруг него наполнился визжанием стрел, но ни одна не коснулась его, пока он прицеливался и стрелял. Затем он подал сигнал.

Люди, видя, что он невредим, тоже поднялись и стали стрелять. С отчаянной смелостью, а может свято веря в могущество магии, они стояли и стреляли без остановки. Точность попаданий, как и раньше, была сверхъестественной. Ни один выстрел не пропал даром. Слиты на равнине и на краю рва падали десятками, корчась в предсмертных судорогах.

И все же они шли вперед. Они перебрасывали лестницы через рвы и перебирались по ним над водой. Десятками они падали замертво, заполняя ров своими телами, но их было очень много, и не хватало людей, чтобы всех их перестрелять. Многие из них пробрались к стенам и укрылись под ними. Другие, вооруженные таранами, начали атаковать ворота.

Люди Голта производили ужасающее опустошение в их рядах.

– Пора! - крикнул он людям у котла. Они начали поднимать тяжелый стальной сосуд, чтобы перевернуть его содержимое на головы нападающих. Он был очень тяжел. Голту пришлось придти к ним на помощь. Расплавленное золото колыхалось в котле и, когда его перевернули, желтый сверкающий поток хлынул через щель в стене. Отвратительный запах жженого мяса ударил в ноздри Голта. Снизу донеслось шипение, но это была не речь Слитов. Это был отчаянный крик боли. Голт посмотрел вниз и увидел кошмарное месиво из золота и тел Слитов. Слиты были

захвачены врасплох. Они не предполагали, что со стен крепости может обрушиться такое, собрались большой группой и были жестоко наказаны за непредусмотрительность. И этот первый поток послужил сигналом. Из каждой щели стен Биркенхольма хлынули золотые ручьи, уничтожая одну группу за другой. Слиты, которые погибли от стрел, могли считать, что им повезло.

А затем Слиты дрогнули. Как и Биры, которые рискнули предпринять новую атаку и погибли под стрелами, Слиты прекратили нападение. В панике, всей своей массой они повернули и побежали. Так как лестниц уже не хватало, - многие из них были сожжены золотом - Слиты бросались прямо в ров.

Они были хорошими пловцами, но немногим из них удалось добраться до другого берега. Люди Голта расстреливали их весьма хладнокровно. Слиты, выжившие в этом кошмаре, передали свой ужас лучникам, прикрывавшим атаку. Их ряды расстроились, и Слиты представляли собой теперь только обезумевшую толпу, беспорядочно бегущую по равнине неизвестно куда.

Барт сидел неподвижно на коне и смотрел на все это в изумлении, будучи не в силах поверить, что такое могло произойти. Затем он очнулся, ударил шпорами коня и ринулся вперед. Голт видел, что Барт мечется между Слитами, крича и размахивая мечом, стараясь прекратить панику и понял, что пришло время.

– Гомон! - крикнул он. - Штурм, сажайте людей на коней!

Пятьдесят человек сформировали конный отряд. Теперь они скакали вперед, смеясь и перешучиваясь, как дети на прогулке. Никогда они еще не участвовали в таких битвах, ни одного убитого, ни одного раненого! Ужас слегка присел, когда Голт вскочил на него. Огромный конь плясал под всадником от возбуждения, и Готл направил его к главным воротам. Он приказал поднять решетку, открыть ворота и опустить мост.

Огромная машина пришла в движение. Стальная решетка заскрипела, ворота распахнулись, тяжелый мост со вздохом опустился, и Голт скомандовал:

– Вперед!

Копыта лошадей загремели по мосту. Голт во главе пятидесяти всадников помчался через равнину. Чуть сзади него летели Гомон и Штурм.

Вскоре всадники нагнали толпу бегущих Слитов. Некоторые из людей-змей оборачивались, чтобы сражаться, другие продолжали бежать, потеряв голову. Однако ни те, ни другие не имели ни малейшего шанса устоять против всадников и спастись. Мечи поднимались и опускались, рубили и кололи яростно,

безжалостно. И равнина покрылась, извивавшимися в предсмертных судорогах, телами. Сам Голт прорубил дорогу среди целого батальона Слитов. И ни один удар меча, ни одна пущенная с близкого расстояния стрела арбалета не коснулись его, и его коня. А конь его стоил десятка солдат. Это было дело, к которому он был приучен. И делал он его хорошо. Огромные стальные копыта сеяли смерть с сокрушающей силой, страшные челюсти щелкали, пена, стекающая с них, смешивалась с зеленоватой кровью Слитов. Голт смеялся, когда его меч встречал удар вражеского меча и с легкостью отбив его, сокрушал противника. Он испытывал какое-то безумие, сила его казалась беспредельной и, даже в самом пылу боя, он совершенно отчетливо видел картину его, во всех деталях. И тактика, и стратегия его были в его руках, и он мог управлять битвой. Он знал, что это Камень Могущества. И это ощущение было гораздо приятнее, чем от любого вина, ликера. Никогда еще он не чувствовал себя таким могущественным, уверенным в своих силах, способным на все. Ему хотелось убивать и завоевывать и делать это все время, всегда. Ничто другое его не интересовало и не привлекало. Действительно, мир был на кончике его меча. Ему казалось, что вся вселенная покорно ляжет перед ним, как жертва.

И вскоре он увидел, что врага нет. Он остановился, рассмеялся, окинул взглядом равнину, ища врага, а особенно Барта. Ему был нужен Барт. У него было важное дело к Барту.

Его глаза осматривали, равнину погружающуюся в сумерки. Равнина была покрыта распростертыми на земле трупами. И вот он увидел Барта. Черный жеребец встал на дыбы. Кто бы ни был Барт, но трусом он никогда не был. Даже при поражении, он сохранил мужество. И не бежал с поля боя. До него было примерно ярдов пятьдесят. Он развернул коня, меч сверкнул в красном свете. Барт опустил забрало шлема. Затем он пришпорил коня и понесся к Голту.

Барон тронул Ужаса шпорами и тот полетел, как стрела. Копыта дробно стучали по твердому грунту. Плохо, подумал Голт, что у нас нет копий. Было бы так приятно чувствовать, как копье входит в тело врага. Но, увы, им придется биться мечами. Ну, ладно, разница небольшая. Он ведь непобедим.

Черный жеребец несся навстречу ему. Меч Барта был наготове. Голт приготовился к столкновению. Расстояние все уменьшалось: двадцать ярдов, десять, пять. Затем Барт резко остановил коня. Хорошо тренированный жеребец Барта отскочил в сторону. Голт проскочил мимо, и Ужас, не дожидаясь сигнала, развернулся. Но Голт заставил его остановиться.

Барт тоже стоял на месте. Его конь дрожал, пена стекала с его

морды, и Барт потрепал его по шее, чтобы успокоить.

С расстояния десяти ярдов они смотрели друг на друга.

Барт поднял забрало.

– У тебя Камень Могущества? - крикнул он. - Она дала тебе его?

– Да, - сказал Голт. - Он у меня. И ты теперь умрешь.

– Скорее всего, да, - сказал Барт. - Я видел, что он может. Он сделал тебя непобедимым. У меня нет шансов убить тебя, пока он у тебя. - Он рассмеялся. - Так что умру я, Голт. Но это не ты убьешь меня. Это не принесет тебе славы. Камень даст тебе победу. Но если бы у тебя было мужество встретиться со мной без защиты, это было бы совсем другое дело. - Он презрительно плюнул. - Но у тебя его нет. Ты спрятался за своей магией и теперь убьешь меня, как мясник убивает овцу, и заслужишь славу. Такую же, какую заслуживает мясник на бойне скота.

Голт посмотрел на него. Весь переполненный гордостью и силой, Он рассмеялся.

– Ты думаешь, что я не смогу побить тебя без Камня?

– Я думаю, что у тебя не хватит смелости даже попытаться.

Голт был захвачен жаждой битвы и уверен в своей непобедимости. Ему показались абсурдными слова Барта.

– Подожди, - сказал он. - Посмотрим.

Сам Камень заставил его это сделать. Гордость, возбуждение, самоуверенность переполняли его. И он был уверен, что Камень ему больше не нужен. Барт напряженно следил за Голтом, который снял перчатку, сунул руку под кольчугу. Он нашел Камень и крепко сжимая его, поднял над головой.

– Ты его видишь, Барт? Если ты заслуживаешь этот Камень, ты еще сможешь получить его. - Голт бросил его, и маленький камень упал в пыль как раз между ними.

– Вперед! - крикнул Голт и пришпорил лошадь. И тут же он понял, что совершил глупость.

Камень упал в пыль и подпрыгнул, ударившись о землю. В тот же момент вдали раздался крик одного из людей Голта, когда стрела арбалета пронзила его грудь. Голт поднял меч, но рука его как будто налилась свинцом. Выбросив Камень, он будто лишился сил. Время проведенное на шахте в непосильном труде, изнуряющие переходы, ужасные битвы, сверхчеловеческие усилия - все обрушилось на него. Имея Камень он был сильным и могущественным, а без него он оказался обычным человеком. к тому же смертельно усталым.

И теперь в эти доли секунды, когда он мчался навстречу врагу, Голт понял тайну Камня. Он вводил обладателя Камня в мир богов, одаряя его не только страшными силами, но и роковой

самоуверенностью. Каждый, кто имел этот Камень, начинал думать, что он сам бог и, следовательно, Камень ему вовсе не нужен. И у каждого в конце концов появлялось искушение выбросить Камень и проверить свои силы, свое божество - а это всегда приводило к поражению. Так самоуверенная гордость приводила в безжалостную смертельную ловушку. Все это пронеслось у него в мозгу, но обдумывать времени не было, так как Барт, свежий, полный сил и уверенности, летел ему навстречу. И Голт своей слабеющей рукой, чувствовал; как быстро тают его силы, готовился противостоять ему.

Их мечи сошлись с ужасающим звоном, и в этом столкновении Голт почувствовал огромную силу Барта. Его руку просто отшвырнуло в сторону, и он едва успел вернуть ее в положение, необходимое для парирования следующего удара. Они остановили лошадей и встретились лицом к лицу. Теперь уже Голт полностью осознал свое поражение и собрал все свои силы, напряг каждый нерв и мускул, каждую каплю своей воли и мужества, чтобы встретить уверенную, искусную атаку Барта.

Снова мечи сошлись в ударе и уперлись друг в друга рукоятями. Теперь лица противников были совсем близко. Они сверлили друг друга сквозь отверстия в забралах шлемов. В глазах Барта плясали торжествующие искорки.

– Теперь ты мой. И затем мой Камень и Тайна.

Тайна! При звуке этого имени Голт почувствовал страшный гнев. Барт предал ее, обокрал ее, и может сделать еще хуже, если у него будет Камень. Внезапно Голт забыл о своей слабости. Его руки снова стали могучими, и он резко рванул, разорвал замок, в котором были их мечи. Затем он нанес сильнейший удар. Барт с трудом отбил его, но потерял равновесие, и когда его конь поднялся на дыбы, Барт соскочил с седла, чтобы не упасть. Как только оказался на земле, он вместо того, чтобы продолжать бой, бросился к Камню.

Голт тоже спрыгнул с коня и преградил ему дорогу.

– Еще рано! - крикнул он и бросился на Барта. Барт отбил удар, и лезвия мечей зазвенели, нанося и отбивая удары, которые с огромной силой и скоростью сыпались со всех сторон. Человек в черных доспехах был искусный фехтовальщик, и Голт, силы которого были подорваны тяжелыми испытаниями, не могли пробить его защиту. Медленно и неотвратимо Барт теснил Голта. Барон уступал ему дюйм за дюймом, шаг за шагом. Постоянное напряжение двух недель тяжелым грузом висело на каждой его мышце. Кожа его покрылась потом, дыхание стало хриплым и прерывистым. Он из последних сил отбивал удары и выпады Барта. Понемногу отступая, он уже оказался над Камнем. Он

стоял широко расставив ноги. Барт отчаянно наступал, и хотя Голт с трудом сдерживал его атаки, он не мог уступить больше ни дюйма. Если он отступит, то Барт будет рядом с Камнем, и если он схватит его, то… Нет, Голт должен защищать Камень, не щадя жизни.

Он взял меч двумя руками. Барт, принимая удар Голта, тоже изменил хватку. Глаза его, которые Голт, видел за забралом, светились уверенностью в скорой победе. Голт знал, что Барт по хриплому дыханию понял, что его противник выдохся и что мир уже у его ног. Для Барта этого было достаточно, чтобы начать атаки с новой удвоенной яростью, а Голт твердо решил - выстоять или умереть.

Собрав все свои силы, он отскочил назад, и Камень был теперь на виду. Он лежал в пыли и взять его было просто. Барт долю секунды смотрел на него, затем бросился вперед. Но не для того, чтобы ударить Голта. Защищаясь мечом, он наклонился и протянул руку за Камнем. Пальцы его почти коснулись талисмана.

И в эту секунду он немного приоткрылся, Барон Железных Гор рванулся вперед и вложил все силы в этот удар. Парирующий удар Барта был слабым и запоздалым. Удар пришелся по шлему. По равнине разнеслись звуки удара, как звон большого колокола. Сила этого удара отозвалась в руках Голта, потрясла все его тело - а Барт рухнул на спину. Камень остался лежать на земле в пыли.

И Голт сейчас мог спокойно овладеть Камнем, времени, чтобы схватить его, было вполне достаточно. Но он перепрыгнул через него и устремился к Барту с поднятым мечом. Глаза Барта с ужасом смотрели на него, и Голт без жалости ударил мечом в эти глаза сквозь забрало шлема.

И все было кончено.

Когда тело, затянутое в доспехи, содрогнулось в последний раз. Голт выпустил из рук ручку застрявшего меча. Полностью выдохшийся, он побрел назад. В голове его звенела пустота. Он забыл о Камне, забыл обо всем, кроме того, что он смертельно устал.

И затем он услышал крик человека, погибающего от удара Слита. Этот звук, громкий, молящий о помощи, привел Голта в чувство. Он резко повернулся. Камень лежал там, где его бросили. Голт подошел к нему и поднял с земли. И он снова стал непобедимыми бессмертным.

Вся слабость исчезла. Полный восхитительной, пьянящей кровь радости, он оставил свой меч там, где он был, схватил меч Барта и бросился в самую гущу схватки. Конь его побежал за ним и тоже принял участие в борьбе, раскидывая смертельными

копытами врагов.

Теперь время потеряло всякий смысл. Солнце уже скрылось за горизонтом. Перед ним лежала равнина, погруженная во мрак. А он все сражался, рубил, колол. Наконец чья-то рука коснулась его, повернула. Перед ним стояли Штурм и Гомон. Пот струился по их лицам. Шлемы уже были сняты с голов.

– Милорд, - сказал Штурм с благоговейным трепетом глядя на Голта. - Милорд, день кончился. Мы победили. Ты сейчас уже режешь мертвецов. Драться больше не с кем.

Так оно и было. Голт почувствовал сожаление, что битва уже кончилась. Но врагов уже не было. Вся долина была покрыта трупами врагов, а те, кто мог, сбежал. Голт глубоко вздохнул и неохотно вложил меч в ножны.

– Хорошо, - сказал он, дрожа от нетерпения, жажды боя. - Значит нам ничего не остается, как возвращаться в Биркенхольм. По крайней мере, пока.

Он сел на коня и повел всех своих людей, кроме двоих погибших, через долину, через мост, через большие ворота в крепость. И когда он слез с коня, Тайна уже поджидала его. Он притянул ее к себе, и она покорно пришла в его объятия.

И вскоре они были одни в королевских покоях. Во дворе горели костры. Люди отдыхали, пили вино, пели песни, радовались, празднуя свою победу и освобождение от рабства. Шум праздника и смех поднимался со двора и проникал в окна комнаты.

Тайна налила вино, но Голт не пил его.

– Мне не нужно вина. Я никогда не чувствовал себя лучше, - он потянулся к ней. - Иди сюда…

Но девушка увернулась от его рук.

– Нет, - сказала она.

Голт удивленно моргнул.

– Нет?

– Пока нет.

– Но, женщина, после такой победы… - Ее губы вздрогнули в улыбке.

– Да. Великая победа. Но наше дело еще не закончено, - она показала на пустую шкатулку, которая стояла на столе. - Ты должен вернуть мне Камень.

Голт взглянул на шкатулку. Затем поднялся на ноги, притронулся к талисману, который лежал в кармане.

– Но сейчас, моя дорогая, у нас с этим Камнем есть еще дела.

Тайна отступила на шаг, поджав губы.

– Я думаю, что у тебя больше нет дел.

– Есть. Битвы не выиграны, страны не покорены…

– И не все женщины побывали в твоей постели, - резко сказала Тайна.

– Не все… что ты имеешь в виду? - Голт недоумевающе посмотрел на нее.

– Я хочу Камень, - сказала Тайна. - Я тебе дала его под твое слово, и когда битва закончена, ты должен вернуть его мне. Тебе он больше не нужен. - слезы блеснули в ее глазах. - Голт, ты должен.

– Я ничего не должен. С этим Камнем я никому не должен отчитываться. Я могу захватить весь мир, если захочу.

– Но не сможешь удержать. Это еще никому не удавалось. А если ты на это пойдешь… то пойдешь один.

Голт посмотрел на нее и расхохотался.

– Ты можешь быть Царицей Мира. Я не думаю, что ты отвергнешь такую возможность.

Грудь ее высоко вздымалась под прозрачной туникой.

– Я ее уже отвергла, когда Барт предложил ее мне. Я и сейчас отвергну. Я хочу Камень. Я хочу, чтобы ты держал свое слово, я хочу твою любовь, но получишь ли ты мою, зависит от того, отдашь ли ты Камень.

– Ты вероятно шутишь.

– Я не шучу, - и вдруг в ее руке сверкнул кинжал. Голт замер, - Голт, я не могу убить тебя кинжалом, пока Камень Могущества у тебя. Но зато я могу убить себя. - Выбирай: Камень или я. Я не шучу, Голт.

– Тайна… - он попытался схватить ее, но она отскочила в сторону и приставила острие кинжала к телу чуть ниже левой груди.

– Ну, - сказала она. - Ты должен решить. Любовь или Могущество. Но я хочу, чтобы ты вернул Камень, - она улыбнулась.

– Это же ты дал мне кинжал, дорогой. Неужели ты убьешь меня?

Некоторое время стояла тишина. Голт, все еще во власти талисмана, смотрел на женщину.

– Выбирай, - сказала она. - Правь миром или имей меня, - лицо Тайны побледнело, напряглось, глаза расширились.

Голт смотрел в эти глаза. Что-то пробуждалось внутри его, что-то такое же могущественное, как чары Камня. Он мог завоевать весь мир, да, но без нее этот мир будет пустой… и все же… отдать Камень - это все равно, что отдать свою жизнь.

– Выбирай, барон Голт, - хриплым шепотом сказала она.

Острие кинжала пронзило ткань, и на белом теле появилась кровь.

– Подожди, - сказал Голт, - нет, подожди! - Потому, что он все понял для себя.

– У тебя всего две секунды, - сказала она.

– Мне не нужно времени, - как безумный, он рванул карман и достал Камень.

– Вот, - он отбросил Камень от себя. Тот ударился о стену, покатился по полу и остался лежать там. И в то же мгновение силы оставили барона Голта.

Он покачнулся, рухнул в кресло, слабость его была непреодолима.

С улицы доносилось пение.

Голт с трудом дышал.

– Ты нужна мне, - прошептал он, - я должен иметь тебя рядом, - он покачал головой, - возьми Камень. Возьми и закопай его так, чтобы он никогда больше не попадал в мои руки.

– Я сделаю это, - сказала Тайна, поднимая Камень с пола. - Убежище для него подготовил мой отец. И ни один человек не сможет отыскать Камень, если я сама не открою секрет.

Она побежала к шкатулке, взяла ее и положила в нее Камень Могущества и закрыла крышку. Затем Голт почувствовал ее губы в своих.

– О! - прошептала она. - Спасибо, спасибо, любимый!

Затем она повернулась и выбежала.

Голт остался сидеть. Голова бешено кружилась, дух покинул его тело. Весь мир расплывался перед глазами. Он чувствовал себя полностью разбитым, умирающим. Его грызло разочарование. Камень потерян, душа его погружалась во мрак безнадежности. Без этого талисмана мир черен, мрачен.

И затем снова открылась дверь комнаты. Тайна была уже здесь. Она посмотрела на Голта. Грудь под туникой ходила ходуном. Она запыхалась от быстрого бега.

– Ну, вот и все, - сказала она. - Камень спрятан, найти его невозможно.

И когда она подошла к нему, мир снова изменился для него. И Дух вновь наполнил его тело, когда он прочел то, что было в ее глазах. И дело тут было не в Камне. Камень был совершенно ни при чем.

Он подошел к ней…

12

Победная процессия была длинная и шумная. Весь их путь по улицам Мармбурга был усеян цветами. Однако сейчас весь шум утих, и в окне большого холла во дворце Сигрита был слышен только смех и обычные возгласы горожан, немного подгулявших по случаю праздника. Сигрит поднял Большой Меч Бурна.

– Поднимись, сэр Гомон, - сказал он.

Чернобородый гигант легко поднялся на ноги. Сигрит улыбнулся.

– Наше желание, чтобы ты взял во владения земли и угодья Барта. И твои потомки будут наследовать их. Иди, живи и будь покорен мне и нашей короне.

С неожиданной для него самого покорностью Гомон поклонился.

– Благодарю, Ваше Величество. Я буду верен вам.

– Хорошо, - король повернулся к Штурму. - А ты, генерал. Кроме повышения в чине, ты примешь что-нибудь еще?

– Ваше Величество, - сказал Штурм, уже отъевшись, с мощной мускулатурой, прямой и стройный. - Я служил в ваших войсках всю жизнь и мне ничего не нужно, кроме того, чтобы вернуться в армию и занять свой пост.

– Пусть будет так. А ты, Голт и миледи Тайна. - Король вложил в ножны Большой Меч Бурна, бросил взгляд на Альбрехта, стоящего возле трона и перевел взгляд на Голта и девушку возле него.

Король Сигрит оценивающе смотрел на них. Голт гордо стоял в своих золотых доспехах, а Тайна была в королевской горностаевой мантии, отороченной соболями. Лицо ее сияло, светилось радостью. - С вами я хочу поговорить наедине, если вы окажете мне честь и пойдете со мной.

– Хорошо, сэр, - сказал Голт. - Мы пойдем.

Они снова пришли в ту же комнату, заполненную книгами и картами. Сигрит закрыл дверь за ними и запер ее. Затем он повернулся к ним и пристально посмотрел на них.

– Голт.

– Ваше Величество.

Сигрит взял его руки в свои руки.

– Ты заслужил мое прощение и мою благодарность. Я восстанавливаю тебя во всех правах. Но…

– Но что, Ваше Величество?

– Нужно уладить вопрос о Неизвестной Земле.

– Не Неизвестная Земля, - сказала Тайна, - Иннистейл. Таково

ее настоящее имя.

– Пусть Иннистейл. Богатая, плодородная, удобно расположенная страна. Много золота и серебра. Это пополнит нашу казну, - король чуть потер подбородок: - И, конечно, Камень Могущества…

Голт глубоко вздохнул.

– Камня Могущества не существует, Ваше Величество.

Сигрит заговорил более строго.

– Не говори так, барон Голт. Я получил другие сведения.

– Я снова повторяю. Нет никакого Камня Могущества. - Голт улыбнулся. - Это заблуждение, увы. Камень Могущества - миф.

– Я не верю этому. Как император Бурна, а теперь и правитель Не… Иннистейла, я думаю, что Камень Могущества мой. Ты получил мое прощение и любовь, но позволь тебе сказать, Голт, что я хочу этот Камень.

– А я говорю, что это химера, сказка. И ничего больше. Королю, такому могущественному, как вы, нет нужды думать о нем.

– Я думаю, это мое дело судить об этом.

– Я думаю иначе.

Голт подтянул пояс, шагнул вперед. Его глаза встретились с глазами Сигрита.

– Сэр, - сказал он. - Камень хранит моя жена. Она сказала, что ни вы, ни любой другой смертный не будет держать его в руках. И, насколько я могу судить, она права.

– Ты не знаешь состояния дел в государстве, - губы Сигрита вытянулись в тонкую линию, в глазах засверкал гнев. - Камень помог бы мне сохранить мир в государстве. Я приказываю…

– Нет, сэр, - ответил Голт.

В глазах Сигрита теперь бушевало пламя.

– Ты осмеливаешься перечить мне? - он вскинул голову. - Я король Бурна.

– А Тайна королева Иннистейла, и я ее муж. И если вы выступите против нас, возможно Камень не будет лежать в тайном убежище. - взгляд Голта был тверд.

Взгляд Сигрита тоже. Прошла длинная томительная минута. Затем медленно губы Сигрита под золотистой бородой изогнулись в улыбку.

– Ты стал совсем другим, барон Голт. Ты совсем не тот, кого я посылал в поход. Старше, сильнее.

– Да, Ваше Величество, Вы правы.

– И хорошо, что мы с тобой поспорили. - Сигрит отвернулся. - Я думаю, что мы не станем врагами. Но все же… Камень. Если он не будет у меня, то какие гарантии того, что его не найдет кто-

нибудь и использует против меня?

– Он в таком месте, король Сигрит, - твердо сказала Тайна, - что ни один человек не сможет его найти - даже мой муж - разве что я сама дам его в случае крайней нужды. Как это было в Иннистейле, когда потребовалось восстановить справедливость. Вы в свое время не захотели взять его, и теперь он не будет принадлежать никому. Таковы инструкции моего отца. Это я гарантирую вам. Камень находится вне пределов досягаемости любого смертного.

Сигрит, все еще отвернувшись, молчал. Затем он сказал:

– Ясно, - он повернулся. - Хорошо. Я не буду требовать Камень. Если я буду упорствовать, это может стоить мне тонн золота и серебра, действием которых я могу заменить действие Камня, чтобы уравновесить напряжение в государстве, сохранить мир, оставить Страну Света в составе моей империи. Там уже настолько развились науки, что может сформироваться новое государство, независимо от меня. Хорошо, забудем Камень.

– Благодарю, Ваше Величество, - проникновенно сказал Голт.

– Но еще остаются и другие вопросы, - сказал Сигрит. - Иннистейл. Он должен стать провинцией Серых Стран. И еще, королева Тайна, ты говоришь, что можешь отказаться от правления?

– Да, сэр. Если вы назначите регента ласкового и доброго, который вырастит зелень, пробивающуюся сейчас из пепла сожженных лесов, который позволит Невинным людям быть свободными в их лесах, который будет милосерден к тем нескольким Слитам и Бирам, бежавшим после разгрома в свои дальние убежища, если он будет по-человечески эксплуатировать шахты и восстанавливать леса, если он будет добр к Ранахам Великих Болот, которые охраняли нас на пути сюда, если у него есть человек, чья мудрость и опыт равны вашим…

– Тогда ты откажешься от королевских прав?

– Да, сэр, я откажусь - сказала Тайна, сжав руку Голта, - чтобы стать госпожой Железных Гор.

Снова рука короля потянулась в задумчивости к бороде.

– Мне кажется, у меня есть такой человек. Голт, как ты думаешь, Вальцхер справится с правлением в той стране за Болотами?

– Самым лучшим образом, Ваше Величество.

– Тогда я пошлю его в Иннистейл, мою новую провинцию. - Сигрит взглянул на Тайну. - А вдруг он найдет Камень? Он стар, но если Камень Могущества попадет в его руки…

Тайна улыбнулась. - Не беспокойтесь, милорд. Убежище абсолютно надежно. Ни Вальцхер, ни вы, ни Голт, ни все дьяволы

ада не смогут найти его до тех пор, пока мой отец Ганон, в своем следующем воплощении, не решит достать его сам. Камень исчез. Теперь судьбы мира в обычных человеческих руках.

– Достаточно, - сказал Сигрит. - Хорошо. Вальцхер в Иннистейл. Голт со своей супругой в Железные Горы. - Он улыбнулся и все обиды, сдержанность, хитрость исчезли. Ни ему, никому другому. И, значит, он самый сильнейший в мире. Он подошел к Голту и пожал ему руку.

– Побольше детей, - сказал он, - процветания, мира.

– Благодарю, Ваше Величество.

Король поцеловал Тайну.

– Мы надеемся часто видеть вас при дворе.

– Железные Горы далеко, - сказала Тайна. - Но мы будем охотно приезжать.

В комнате воцарилась тишина. Казалось, что уже все сказали все. Затем Сигрит произнес почти застенчиво, неуверенно:

– Голт, ты молодец.

Голт засмеялся.

– Благодарю, Ваше Величество.

Этого было достаточно. Он схватил Тайну за руку и они пошли вместе к двери. Когда дверь закрылась за ними, их шаги по взаимному согласию ускорились. Перед ними лежал долгий путь в Железные Горы и им не терпелось начать его.

Э.Гамильтон. МОЛОТ ВАЛЬКАРОВ

Глава 1

Вы - обычный человек, нормальный индивидуум. Вы живете обычной жизнью в обычном мире. И вдруг за один день, за несколько часов одного дня, все вокруг вас рушится, расползается, как промокашка под дождем, и вы открываете, что шагнули прямо ОТСЮДА в бездонные черные глубины космоса, не имеющего ни начала, ни конца, ни одной знакомой истины-соломинки, за которую можно было бы зацепиться.

Именно это и случилось с Нейлом Бэннингом. Ему исполнился тридцать один год, он работал коммивояжером нью-йоркского издателя, был здоров, хорошо сложен и доволен своей работой. Он ел три раза в день, был недоволен налогами и временами подумывал о женитьбе. Но все это было до его поездки в Гринвилль.

Все получилось совершенно случайно. Деловая поездка по западному побережью, осознание того факта, что поезд всего в сотне миль от места, где прошло его детство, и внезапное сентиментальное решение. Три часа спустя ярким весенним днем Нейл Бэннинг вышел из вагона в маленьком городке штата Небраска.

Он взглянул на голубую равнину неба с пятнышками облаков на ней, перевел взгляд на широкую, сонную главную улицу и улыбнулся. Ничего не изменилось. Такие городки, как Гринвилль, неподвластны времени.

Возле вокзала стояло одинокое такси. Водитель, скуластый молодой человек, с неописуемой кепкой на затылке, положил багаж Бэннинга в машину и спросил:

– В отель "Эксельсиор", мистер? Это лучший.

– Отвезите туда багаж. Я пройдусь пешком, - ответил Бэннинг.

Молодой человек посмотрел на него.

– В любом случае платите пятьдесят центов. Прогулка у вас выйдет длинная.

Бэннинг заплатил водителю.

– И все-таки я пойду пешком.

– Деньги ваши, мистер, - пожал плечами водитель, и машина отъехала.

Бэннинг зашагал по улице, а свежий ветер прерии трепал полы его пальто.

Бакалейная лавка, дом лесозаготовительной компании, железоскобяные изделия старого Хортона, парикмахерская Дела Паркера. Тяжеловесный параллелепипед мэрии. На молочной

закусочной появилась новая реклама - колоссальное изображение конусообразного стаканчика мороженного, а Хивэй-гараж стал больше, добавился участок, заполненный сельскохозяйственной техникой.

Бэннинг шел медленно, растягивая время. Встречные смотрели на него с открытым, дружелюбным любопытством жителей Среднего Запада, и он сам вглядывался в их лица, но ни одно не казалось знакомым. Да, десять лет отсутствия - это много. Однако должен же встретиться хоть один знакомый, должен же хоть кто-то поприветствовать его в родном городе! Десять лет - все-таки НЕ ТАК УЖ МНОГО.

Он повернул направо у здания старого банка и пошел вниз по Холлинз-стрит. Два больших, редко застроенных квартала. Дом-то, во всяком случае, должен стоять по-прежнему.

Дома не было.

Бэннинг остановился, огляделся по сторонам. Все верно. То же самое место и дома по обеим сторонам улицы точно такие, какими он запомнил их, но там, где должен был бы стоять дом его дяди, не было ничего, кроме заросшего сорняками пустыря.

"Сгорел, - подумал он. - Или перенесли на другое место."

Но сам с беспокойством чувствовал, что здесь что-то не так. Дом не так-то просто стереть с лица земли. Всегда что-нибудь остается - груда булыжника в том месте, где засыпан подвал, контуры фундамента, следы старых дорожек, деревья и цветочные клумбы.

Здесь же ничего похожего - лишь заросший сорняками пустырь. Казалось, здесь никогда и не бывало ничего другого. Бэннинг огорчился - дом, в котором ты вырос, становится частью тебя самого, это центр вселенной твоего детства. Слишком много воспоминаний связано с ним, чтобы можно было легко смириться с потерей. Но кроме огорчения он чувствовал и недоумение, смешанное со странным беспокойством.

"Трегги должны знать, - подумал он, направляясь к соседнему дому и поднимаясь по ступенькам крыльца. - Если только они все еще живут здесь."

На стук из-за угла, с заднего дворика, вышел незнакомый старик - розовощекий веселый маленький гном, держащий в руках садовую мотыгу. Он был не прочь поговорить, но, похоже, совершенно не понимал вопросов Бэннинга. Продолжая покачивать головой, он наконец сказал:

– Ты ошибся улицей, парень. Здесь поблизости никогда не жил никакой Джесс Бэннинг.

– Это было десять лет назад, - объяснил Бэннинг. - Наверное, до вашего приезда сюда…

Старик перестал улыбаться.

– Послушай, я - Мартин Уоллес. Я живу в этом доме сорок два года - спроси кого угодно. И я слыхом не слыхивал о каком-то Бэннинге. К тому же на этом пустыре НИКОГДА НЕ БЫЛО дома. Я-то уж знаю. Этот участок - мой.

Холодок неподдельного страха коснулся Бэннинга.

– Но я жил в доме, который там стоял! Я провел в нем все свои мальчишеские годы, он принадлежал моему дяде. Вас тогда здесь не было, а тут жили Грегги, у них была дочь с двумя соломенного цвета "поросячьими хвостиками" на голове, и мальчик, по имени Сэм. Я играл…

– Слушай, - прервал старик. Вся его дружелюбность исчезла, теперь он выглядел наполовину рассерженным, наполовину встревоженным. - Если это шутка, то она не смешная. А если ты не шутишь, значит ты или пьяный, или сумасшедший. Убирайся!

Бэннинг глядел на старика и не двигался.

– Как же так, сказал он, - вот и яблоня, на краю вашего участка - я упал с нее, когда мне было восемь лет, и сломал запястье, такие вещи не забываются.

Старик выронил мотыгу и попятился в дом.

– Если ты не уберешься отсюда через две секунды, я вызову полицию. - С этими словами он захлопнул дверь и запер ее изнутри.

Бэннинг свирепо смотрел на дверь, злясь на себя из-за того, что холодные иглы страха стали острее и вонзались в него все глубже.

– Этот старый маразматик просто свихнулся, - пробормотал он, и снова посмотрел на пустырь, а потом на большой кирпичный дом напротив и направился к нему. Он помнил, что дом был очень хорошим, под стать людям, жившим в нем. Там жили Льюисы, и у них тоже была дочь, с которой он ходил на танцы, ездил на пикники, работал на сенокосе. Если они по-прежнему живут здесь, то должны знать, что же случилось.

– Льюисы? - переспросила крупная краснолицая женщина, отворившая дверь на звонок. - Нет, Льюисы здесь не живут.

– Десять лет назад! - с отчаянием произнес Бэннинг. - Здесь тогда жили они, а там, где теперь пустырь - Бэннинги.

Женщина удивленно посмотрела на него.

– Я сама живу тут шестнадцать лет, а до того жила в том сером доме - вон, третий отсюда. Я в нем родилась. И здесь никогда не жили ни Льюисы, ни Бэннинги. А на пустыре НИКОГДА НЕ БЫЛО дома.

Она больше ничего не сказала. Молчал и Бэннинг. Тогда она пожала плечами и закрыла дверь. Бэннинг еще некоторое время

смотрел на закрытую дверь, готовый грохнуть в нее кулаками, разнести в щепки, схватить краснолицую женщину и потребовать объяснений, что это значит - ложь, безумие или еще что-то. Потом он подумал, что нелепо выходить из себя.

Должно же быть объяснение, должна же быть причина всему этому! Может, дело в дядином участке, может, они боятся, что я имею на него какие-то права.

Возможно, поэтому мне и лгали, пытаясь убедить в том, что я ошибся.

Но есть место, где он сможет все точно выяснить. Там не соврут.

Бэннинг быстро пошел обратно - к главной улице, и по ней - к мэрии.

Там он объяснил девушке-служащей, чего хочет, и стал ждать, пока она просмотрит записи. Девушка не слишком торопилась и Бэннинг нервно закурил.

Его лоб был в испарине, а руки слегка дрожали.

Девушка вернулась с узкой полоской бумаги. Казалось, она раздражена.

– Дома рядом с номером триста тридцать четвертым по Холлинз-Стрит никогда не было, сказала она. - Вот выписка о владении…

Бэннинг выхватил из ее рук бумажную полоску. Там говорилось, что в 1912 году Мартин У. Уоллес приобрел дом и участок N 346 по Холлинз-стрит вместе с прилегающим пустырем у Уолтера Бергстрандера, сделка тогда же и была юридически оформлена. Пустырь так никогда и не застраивался.

Бэннинг перестал потеть. Теперь его бил озноб.

– Послушайте, - обратился он к девушке, - посмотрите, пожалуйста, эти имена в архиве. - Он нацарапал на бумажке имена. - В списке умерших. Джесс Бэннинг и Илэй Робертс Бэннинг. - Рядом с каждым именем он указал год рождения и год смерти.

Девушка взяла листок и, резко повернувшись, вышла. Она долго отсутствовала, а когда вернулась, то уже не казалась раздраженной. Она казалась очень рассерженной.

– Вы что, смеетесь? - спросила она. - Только время отнимаете! Ни об одном из этих людей нет сведений.

Девушка швырнула листок перед Бэннингом и отвернулась.

Дверца в барьере была тут же. Бэннинг толкнул ее и прошел внутрь.

– Посмотрите снова, - сказал он. - Пожалуйста… Они должны быть там.

– Вам сюда нельзя, - пятясь от него, сказала девушка. - Что вы

делаете? Я же вам сказала, что там нет…

Бэннинг схватил ее за руку.

– Тогда покажите мне книги. Я буду искать сам.

Девушка с криком вырвалась. Бэннинг не пытался удержать ее, и она выбежала в холл, вопя:

– Мистер Харкнесс! Мистер Харкнесс!

Бэннинг, стоявший в архиве, беспомощно глядел на высокие стеллажи, забитые тяжелыми книгами. Не понимая значения маркировки на них, он решил свалить все книги с полок и искать в них доказательства, которые должны быть там, доказательства, что он не безумец и не лжец. Но с чего начать?

Начать он не успел. Послышались тяжелые шаги, на его плечо легла рука. Рука принадлежала невозмутимому крупному мужчине, сжимавшему в зубах сигару. Вынув сигару изо рта, мужчина сказал:

– Эй, парень, ты что здесь вытворяешь?

Бэннинг сердито начал:

– Слушайте, кто бы вы не были…

– Харкнесс, - прервал его невозмутимый мужчина. - Меня зовут Рой Харкнесс и я шериф округа. Вам лучше пройти со мной.

Несколько часов спустя Бэннинг сидел в офисе шерифа и заканчивал рассказывать свою историю третий раз.

– Это заговор, - устало сказал он. - Не понимаю, почему, но вы все в нем участвуете.

Ни шериф, ни его помощник, ни репортер-фотограф из городской газеты не засмеялись открыто, но Бэннинг увидел, усмешки, которые они не слишком скрывали.

– Вы обвиняете, - сказал шериф, - всех жителей Гринвилля в том, что они собрались и умышленно фальсифицировали записи в архиве. Это серьезное обвинение. И какая же у нас была для этого причина?

Бэннинг вдруг почувствовал тошноту. Он знал, что находится в здравом рассудке, но тем не менее мир внезапно показался ему бессмысленным кошмаром.

– Не представляю причины. Почему? Почему вы все хотите лишить меня прошлого? - Он потряс головой. - Не знаю. Но я знаю, что этот старый мистер Уоллес лгал. Может быть, за всем стоит именно он.

– Тут есть одна заковыка, - произнес шериф. - Дело в том, что я знаю старика всю свою жизнь. И я могу совершенно определенно сказать, что он владеет этим пустырем вот уже сорок два года, и что там никогда ни было сооружения крупнее куриной клетки.

– Выходит, вру я? Но зачем мне это?

Шериф пожал плечами.

– Может, вы разработали какой-то план для вымогательства. Может, вам зачем-то нужна известность. А может быть, вы просто тронутый.

Кипевший от ярости Бэннинг вскочил на ноги.

– Значит так - подтасовать все факты и объявить меня сумасшедшим! Ну что, посмотрим! - и он кинулся к двери.

Шериф подал знак, и фотограф получил прекрасную возможность запечатлеть, как помощник шерифа схватил Бэннинга и сноровисто затащил его сначала в тюремную пристройку, примыкавшую к офису, а потом в камеру.

– Псих, - сказал репортер, глядя на Бэннинга через прутья решетки. - Ты и сам-то не смог придумать ничего правдоподобного, верно?

В каком-то оцепенении Бэннинг смотрел на людей по ту сторону решетки, не в состоянии поверить в случившееся.

– Обман, - хрипло сказал он.

– Никакого обмана, сынок, - отозвался шериф. - Вы явились сюда и наделали шума, вы обвинили многих людей в заговоре против вас - хорошо, тогда вам придется остаться здесь, пока мы не проверим, кто вы такой. - Он повернулся к помощнику. - Телеграфируйте этому нью-йоркскому издателю, у которого, по его словам, он работает. Дайте общее описание - рост шесть футов, волосы черные, ну, и так далее, как всегда в таких случаях.

Он вышел, а за ним и остальные. Бэннинг остался один, в камере.

Он сел и сжал голову руками. Яркий солнечный свет лился сквозь зарешеченное окно, но Бэннингу все вокруг казалось мрачнее, чем в самую темную полночь.

Если бы только у него не появилась мысль посетить родной город…

Но она появилась. И вот перед ним стоит вопрос: "Кто же лжет, кто же сошел с ума?". И он не может ответить.

Когда стемнело, ему принесли ужин. Бэннинг спросил, нет ли возможности освободиться под залог, но не получил определенного ответа.

Шериф не приходил. Бэннинг спросил об адвокате, и ему ответили, чтобы он не беспокоился. Он снова сел и продолжал ждать. И беспокоиться.

Не имея других занятий, он перебирал в памяти годы своей жизни, начиная с самых первых воспоминаний. Они никуда не делись. Конечно, были и провалы, и смутные, неопределенные воспоминания - но они есть у каждого.

Кто запомнит все будничные дни своей жизни, в которые

ничего не случалось!

Его зовут Нейл Бэннинг, и он провел большую часть жизни в Гринвилле, в доме, о котором теперь говорят, что он никогда не существовал.

Утром появился Харкнесс.

– Я получил ответ из Нью-Йорка, - сказал он, - здесь с вами все ясно.

Он внимательно рассматривал Бэннинга через решетку.

– Знаете, вы выглядите вполне приличным молодым человеком. Почему бы вам не рассказать, что все-таки это значит?

– Если бы я сам знал… - хмуро отозвался Бэннинг.

Харкнесс вздохнул. - Правда Пита, вы не можете придумать ничего правдоподобного. Боюсь, что нам придется задержать вас до психиатрической экспертизы.

– ДО ЧЕГО?

– Послушайте, я перерыл весь город и весь городской архив. Здесь никогда не жили никакие Бэннинги. Не было и Греггов. А единственные Льюисы, которых я смог найти, живут на ферме в двадцати милях от города и никогда не слыхали о вас. - Шериф развел руками. - Что же я должен думать?

Бэннинг повернулся к нему спиной.

– Вы лжете, - сказал он. - Убирайтесь.

– О'кей, - Харкнесс сунул что-то сквозь прутья. - В любом случае это должно заинтересовать вас. - И он вышел в коридор.

Прошло некоторое время, прежде чем Бэннинг решился поднять брошенное Харкнессом. Это была местная газета за вчерашний день, вечерний выпуск.

Там видное место занимал веселенький рассказ о чокнутом нью-йоркце, обвиняющем маленький небрасский городок в краже его прошлого. История была так забавна, что Бэннинг начал думать, что скоро ему действительно понадобится психиатр, а может быть, и смирительная рубашка.

Перед самым заходом солнца к камере подошел шериф и сказал:

– К вам посетитель.

Бэннинг вскочил на ноги. Кто-то его вспомнил, и докажет, что все, им рассказанное - правда!

Но человека, вошедшего в коридор, он не знал.

Это был смуглый мужчина средних лет. Одежда плохо сидела на нем и казалось, что он чувствует себя в ней неловко. Мужчина шагнул через порог коридора, двигаясь удивительно легко для владельца такого большого тела.

Его очень темные глаза напряженно всматривались в Бэннинга.

Хмурое, почти прямоугольное лицо мужчины не меняло своего выражения, но тем не менее что-то неуловимое менялось во всей его массивной фигуре по мере того, как он изучал Бэннинга. У него был вид угрюмого человека, ожидавшего чего-то долгие годы, а теперь, наконец, увидевшего то, что он так долго ждал.

– Валькар, - тихо сказал он, скорее не Бэннингу, а себе. Его голос звучал резко, словно медная труба. - Кайл Валькар. Минуло много времени, но я нашел тебя.

Бэннинг удивленно смотрел на незнакомца.

– Как вы назвали меня? И кто вы? Я никогда раньше не встречал ВАС.

– Не встречал меня? Но ты меня знаешь. Я - Рольф. А ты - Валькар. И горькие годы миновали.

Совершенно неожиданно он протянул руку через решетку и, взяв правую ладонь Бэннинга, положил ее на свой склоненный лоб жестом глубокого почтения.

Глава 2

Несколько секунд Бэннинг, слишком изумленный, чтобы двигаться, смотрел на незнакомца. Потом он вырвал руку.

– Что вы делаете? - спросил он, отскочив от решетки. - В чем дело? Я не знаю вас. И я не этот - как там вы меня назвали? Меня зовут Нейл Бэннинг.

Незнакомец улыбнулся. На его смуглом мрачном лице, словно высеченном из камня, появилось выражение, испугавшее Бэннинга больше, чем если бы это было выражение явной враждебности. Его лицо выражало любовь, такую, какую мог бы испытывать отец к сыну, или старший брат к младшему. Глубокую любовь, странно смешанную с почтением.

– Нейл Бэннинг, - сказал человек, назвавший себя Рольфом. - Да.

Рассказ о Нейле Бэннинге и привел меня сюда. Ты сейчас маленькая сенсация - человек, у которого отняли прошлое. - Он тихо засмеялся. Жаль, что они не знают правды.

У Бэннинга появилась дикая надежда.

– А ВЫ знаете правду? Скажите мне - скажите ИМ - зачем это сделано?

– Я могу сказать ТЕБЕ, - Рольф подчеркнул местоимение. - Но не здесь и не теперь. Потерпи несколько часов. Я вызволю тебя сегодня вечером.

– Если вы сможете добиться моего освобождения под залог, я буду благодарен. Но я не понимаю, почему вы делаете это. - Бэннинг испытующе посмотрел на Рольфа. - Может быть, я смогу вспомнить вас. Вы знали меня ребенком?

– Да, - ответил Рольф, - я знал тебя ребенком - и взрослым мужчиной.

Но ты не сможешь вспомнить меня. - Лицо Рольфа исказил мрачный гнев и он с дикой яростью воскликнул:

– Твари! Из всех зол, что они могли причинить тебе, это - лишение памяти… - Он прервал себя. - Нет. Они могли сделать и худшее. Они могли убить тебя.

Бэннинг от изумления раскрыл рот. Лица людей вихрем закружились в его мыслях - старый Уоллес, Харкнесс, краснолицая женщина…

– КТО мог убить меня?!

Рольф произнес два имени, очень тихо. То были очень странные имена:

– Терения, Джоммо. - Рольф внимательно наблюдал за Бэннингом.

Внезапно Бэннинг понял, и отскочил от двери.

– Вы, - сказал он, радуясь тому, что их разделяет решетка, безумны, как Шляпник.

Рольф усмехнулся.

– Естественно, что ты думаешь так - так же думает о тебе наш добрый шериф. Не слишком на него обижайся, Кайл - он не виноват. Видишь ли, он совершенно прав - Нейл Бэннинг не существует. - Он склонил голову в удивительно гордом поклоне и повернулся. - Ты будешь свободен сегодня вечером. Верь мне, даже если не понимаешь.

Он вышел прежде, чем Бэннинг успел подумать о том, что надо бы позвать на помощь.

После ухода незнакомца Бэннинг, совершенно подавленный, опустился на скамью. Несколько минут у него была надежда, несколько минут он был уверен, что этот смуглый гигант знает правду и сможет помочь ему. Тем больнее было убедиться в своей ошибке.

"Пожалуй, - саркастически подумал он, - теперь все лунатики страны будут набиваться мне в братья".

Вечером ничего не было слышно о том, чтобы кто-нибудь собирался внести за него залог. Впрочем, Бэннинг на это и не рассчитывал.

После ужина, к которому он едва притронулся, Бэннинг вытянулся на койке. Он устал, настроение было ужасно. Теперь он мрачно размышлял обо всей этой дьявольской подтасовке и о том, с каким удовольствием он возбудит дело против виновных в его аресте. Наконец Бэннинг забылся беспокойным сном.

Его разбудило металлическое лязгание открывающейся двери камеры. Уже наступила ночь и только коридор был освещен. На пороге, улыбаясь, стоял темнолицый гигант.

– Идем, - сказал он. - Путь свободен.

– Как вы попали сюда? И где взяли ключи? - спросил Бэннинг, и посмотрел через плечо мужчины в конец коридора. Помощник шерифа лежал, навалившись на свой стол и уткнувшись головой в стопку бумаг. Одна рука безжизненно свисала вниз.

Охваченный внезапным ужасом, Бэннинг закричал:

– Боже, что вы делаете?! Зачем я вам нужен?! - Он бросился к двери, пытаясь вытолкать незнакомца и закрыть ее снова. - Убирайтесь, я не хочу связываться с вами! - Бэннинг начал звать на помощь.

С явным сожалением Рольф разжал левую руку, открывая маленький яйцеобразный предмет с линзой на конце.

– Прости меня, Кайл, - сказал он, - но на объяснения нет времени.

Линза засветилась тусклым мерцающим светом. Бэннинг не ощутил боли, лишь легкий толчок и начал растворяться во мраке и покое, подобном смерти.

Он даже не почувствовал, как Рольф подхватил его, удерживая от падения.

Очнулся Бэннинг в автомобиле. Он полулежал на сиденье, а рядом сидел Рольф и смотрел на него. Машина мчалась по степной дороге и все еще была ночь. Фигура водителя едва виднелась в тусклом свете приборного щитка, а снаружи была лишь безграничная тьма, которую не только не рассеивал, а наоборот, казалось, еще более сгущал свет далеких звезд.

На заднем сиденье тоже было темно, и Бэннинг лежал, не шевелясь. Он подумал, что, возможно, Рольф не заметил, как он очнулся. Бэннинг решил, что если он нападет внезапно, то сумеет справиться с этим гигантом.

Он готовился, стараясь не изменять даже ритма своего дыхания.

– Я не хотел бы снова делать это, Кайл, - сказал вдруг Рольф. - Не вынуждай меня.

Бэннинг заколебался. Со своего места ему было видно, что Рольф держит в руке какой-то предмет. Вспомнив металлическое яйцо, он решил подождать, пока появится другой шанс. Бэннинг чувствовал разочарование - с каким удовольствием он стиснул бы руки на горле Рольфа.

– Вы убили помощника шерифа, а, может быть, и других, - сказал он. - Вы не только безумец, но и убийца.

С раздражающим терпением Рольф спросил:

– Ты ведь не умер?

– Да, но…

– Никто из тех людей не умер. Они не имеют отношения к нашим делам и было бы бесчестно убивать их. - Рольф усмехнулся. - Терения удивилась бы, услышав от меня такое. Она считает меня бездушным.

Бэннинг сел прямо.

– Кто такая эта Терения? Что это за дела, в которые вы меня впутываете? Куда вы меня везете - и вообще, черт возьми, что все это значит? - Он почти кричал, дрожа от страха и ярости.

Бэннинг не больше обычного боялся физической боли и смерти, но на нем сказывалось нервное напряжение последних дней. Трудно оставаться невозмутимым, когда тебя везут с бешеной скоростью по ночной прерии похититель-лунатик и его сообщник.

– Пожалуй, - сказал Рольф, - ты не поверишь, если я скажу, что я твой друг, твой самый давний и лучший друг, и что тебе

нечего бояться.

– Нет, не поверю.

– Так я и думал, - вздохнул Рольф. - и боюсь, что ответы на твои вопросы едва ли помогут. Проклятый Джоммо поработал над тобой слишком хорошо - он сделал даже больше, чем я считал возможным.

Бэннинг вцепился в край сиденья, пытаясь контролировать себя.

– А кто такой Джоммо?

– Правая рука Терении. А Терения - верховная и единственная правительница Новой Империи… А ты - Кайл Валькар, а я - Рольф, который вытирал тебе нос, когда ты был… - Рольф прервал себя и выругался на языке, совершенно незнакомом Бэннингу.

– Что толку?

– Новая Империя, - повторил Бэннинг. - Ясно. Мания величия. Вы еще не сказали, что это за приспособление у вас.

– Цереброшокер, - произнес Рольф так, как ребенку говорят "погремушка". Не сводя глаз с Бэннинг, он заговорил с водителем на этом непонятном иностранном языке. Скоро вновь воцарилось молчание.

Дорога стала хуже. Автомобиль замедлил ход, но недостаточно для планов Бэннинга. Прошло некоторое время, прежде чем он понял, что теперь дороги не было вовсе. Он снова прикинул расстояние между собой и Рольфом.

Бэннинг сомневался в действенности металлического яйца. "Цереброшокер", как же. Скорее всего в камере его чем-то ударили сзади, чем-нибудь вроде ружейного приклада или кастета. Было темно, а дверь в камеру открыта.

Сообщник - водитель - легко мог войти внутрь и встать за спиной Бэннинга, готовый оглушить его по знаку Рольфа.

Впереди, примерно в миле от них, мелькнула яркая вспышка света, машину качнул сильный порыв ветра.

Водитель что-то сказал, Рольф ответил. В его голосе звучало облегчение.

Бэннинг чутко улавливал движение машины и, когда она помчалась по прямой, резко бросился на смуглого великана.

Он ошибался насчет яйца. Оно действовало.

На этот раз Бэннинг не полностью потерял сознание. Очевидно, степень шока можно было контролировать, и Рольф не хотел, чтобы Бэннинг совсем лишился чувств. Бэннинг по-прежнему мог видеть, слышать и двигаться, хотя и не как обычно. Все, что он видел и слышал, было словно бы кадрами из кинофильма, никак не связанного с ним.

Он видел, как пустынная и черная под звездным небом прерия убегает под колесами автомобиля, потом почувствовал, что они едут все медленнее и медленнее. Наконец машина остановилась и он услыхал голос Рольфа, мягко уговаривающий его выйти. Бэннинг ухватился за руку Рольфа, словно ребенок за руку отца и позволил вести себя. Его тело двигалось, но сейчас оно не было его собственностью.

Снаружи дул порывистый холодный ветер. Внезапно вспыхнул свет, настолько яркий, что в нем растворился блеск звезд. В этом свете стал виден автомобиль и трава прерии. Стали видны водитель, Рольф, он сам и длинные черные тени, отбрасываемые их фигурами. Стала видна металлическая стена, блестевшая, как зеркало. Она тянулась футов на сто по горизонтали и выпукло поднималась вверх.

В стене были отверстия. Окна, иллюминаторы, двери, люки - кто знал верное название? Это была не стена. Это была наружная обшивка корабля.

Из корабля вышли люди, одетые в странные одежды и говорившие на странном языке. Они шли вперед, а Рольф, водитель и Нейл Бэннинг двинулись им навстречу. Вскоре они встретились и остановились на ярко освещенном участке. Странные люди говорили с Рольфом, и он отвечал им, а потом Бэннинг смутно понял, что все смотрят на него, и что на их лицах написано почти суеверное благоговение.

Он слышал, как они повторяют одно слово: "Валькар"! Как ни были притуплены его чувства, все же легкая дрожь прошла по телу Бэннинга при звуке голосов, повторяющих это слово тоном, в котором дико смешались почтение и ярость, отчаяние и надежда.

Рольф подвел его к открытому люку.

Он тихо сказал:

– Ты спрашивал, куда я тебя везу. Поднимись на борт, Кайл - я везу тебя домой.

Глава 3

Комната, в которой оказался Нейл Бэннинг была больше и намного роскошнее вчерашней тюремной камеры, но тем не менее это тоже была тюрьма.

Он обнаружил это, как только полностью очнулся - кажется, он снова на некоторое время терял сознание, но не был вполне уверен в этом. Так или иначе, он поднялся и принялся обследовать двери. Одна вела в довольно странно оборудованную ванную, другая была заперта. И крепко. Окон не было вовсе. Металлическая стена была цельной и гладкой. Комната освещалась сверху, каким-то невидимым источником света.

Несколько минут Бэннинг беспокойно расхаживал по комнате, разглядывая обстановку и пытаясь думать. Он вспомнил загадочный кошмар - свет в прерии и огромный серебряный корабль. Кошмар, конечно. Какая-то гипнотическая иллюзия, внушенная темнолицым человеком, который называет себя Рольфом.

Черт возьми, кто же такой этот Рольф, и почему именно он, Бэннинг, стал жертвой его мании?

Корабль посреди прерии. Люди в странных одеждах, приветствующие его как - что за имя там было? - да, как Валькара. Наверняка сон. Правда яркий, но всего лишь сон.

Или все-таки это было наяву?

Нет окон. Нет ощущения движения. Нет звуков - впрочем, если прислушаться, один можно различить. Скорее это была едва заметная вибрация, словно где-то билось огромное сердце. Незнакомые запахи в комнате.

Внезапно все чувства Бэннинга ненормально обострились и он понял, что все в комнате ему незнакомо. Краски, ткани, формы, все - начиная с водопровода и кончая постелью, которую он только что оставил.

Даже собственное тело казалось незнакомым - его вес изменился.

Бэннинг начал колотить в дверь и кричать.

Рольф появился почти сразу. С ним был водитель, и оба они держали в руках металлические яйцеобразные предметы. Экс-водитель поклонился Бэннингу и остался стоять в нескольких шагах позади Рольфа, так что Бэннинг не мог напасть на обоих сразу, или обойти их. Теперь на них были такие же одежды, что и на людях из кошмара - нечто вроде туники, а на ногах облегающие гамаши. Одежда выглядела удобной, функциональной, если угодно, - и совершенно нереальной.

Рольф вошел в комнату, оставив другого снаружи. Бэннинг успел увидеть узкий коридор с такими же металлическими стенами, как и в комнате, прежде чем Рольф закрыл за собой дверь. Сухо щелкнул замок.

– Где мы? - спросил Бэннинг.

– К настоящему моменту, - ответил Рольф, - мы преодолели довольно значительную часть пути от Солнца к Антаресу. Не думаю, что точные координаты имеют для тебя большое значение.

– Не верю, - сказал Бэннинг. Он и в самом деле не верил. Но в то же самое время он подсознательно понимал, что Рольф не лжет. Сознание этого было ужасно, и мысли его метались, словно кролик в ловушке.

Рольф подошел к стене напротив двери.

– Кайл, - сказал он, - ты должен поверить мне. И моя, и твоя жизни зависят от этого.

Он нажал на скрытую кнопку и часть стены скользнула в сторону, открывая иллюминатор.

– Это окно не настоящее, - продолжал Рольф, - это видеоэкран, на который очень сложное и умное электронное устройство репродуцирует истинную картину, которую невооруженный глаз не в состоянии воспринять.

Бэннинг посмотрел в иллюминатор. За ним открывалась ошеломляющая смесь мрака и света. Мрак был бездонной пустотой, в которую с воплем падал его корчившийся мозг, затерявшийся в равнодушной бесконечной бездне. Но свет…

Миллионы миллионов солнц. Исчезли контуры созвездий, их очертания потерялись в сияющем океане звезд. Свет грохотал в голове Бэннинга.

Громовым раскатом он падал и падал в глубины блеска и тьмы, он…

Бэннинг зажал ладонями уши и отвернулся. Он упал на постель и остался лежать там, содрогаясь всем телом. Рольф закрыл иллюминатор.

– Теперь ты мне веришь?

Бэннинг что-то простонал.

– Хорошо. Ты поверил в звездный корабль. Тогда чисто логически ты должен поверить и в существование цивилизации, способной строить такие корабли, и в культуру, для которой звездные корабли и обычны, и необходимы.

Бэннинг, чувствующий себя больным и разбитым сел на постели, цепляясь за ее успокаивающе неподвижную поверхность. Он понимал, что это бесполезно, но все же выдвинул свой последний аргумент:

– Мы не движемся. Если бы мы двигались быстрее света - а это само по себе невозможно, уж настолько-то я разбираюсь в физике! - то было бы ощущение ускорения.

– Это не механическое движение, - ответил Рольф становясь так, чтобы ему было видно лицо Бэннинга. - Тут нечто вроде силового поля и, являясь частью этого поля, мы, собственно, остаемся в покое. Поэтому и нет ощущения движения. А что до невозможности… - Он усмехнулся. - Пока я искал тебя на Земле, я забавлялся, замечая первые трещины в теории, провозглашавшую скорость света предельной величиной. В своих исследованиях физики замечали частицы, движущееся быстрее света, и их объяснения-отговорки, что, мол, это только фотоны, не имеющие массы - лишь попытки уйти в сторону от существа вопроса.

Бэннинг недоверчиво воскликнул:

– Но звездная цивилизация, чьи корабли посещают Землю, и тем не менее никто на Земле не знает об этом - такое невозможно!

– Просто, - сухо сказал Рольф, - в тебе говорит земной эгоизм. Земля - окраинный мир, отсталый во многих отношениях. С политической точки зрения - сплошной кавардак. Сотни враждующих народов, норовящих перерезать друг другу глотки. Новая Империя избегает открытого контакта с такими мирами - слишком много хлопот, а толку почти никакого.

– Ладно, - сказал Бэннинг, поднимая руки, - сдаюсь. Я признаю, что существуют звездные корабли, межзвездная цивилизация, целая - как вы сказали? - Новая Империя. Но я-то тут причем?!

– Ты - часть всего этого. Очень важная - я бы даже сказал - самая важная.

– Вы ошибаетесь, - устало произнес Бэннинг. - Говорю вам: меня зовут Нейл Бэннинг, я родился в Гринвилле, штат Небраска…

Он умолк, услыхав смех Рольфа.

– Ты провел веселенькие два дня, пытаясь доказать это. Нет, тебя зовут Кайл Валькар, и родился ты в Катууне, древнем Городе Королей, на четвертой планете Антареса.

– Но мои воспоминания - вся моя жизнь на Земле!

– Ложная память, - ответил Рольф. - Ученые Новой Империи - искусные психотехники, а Джоммо лучший из них. Когда Землю выбрали в качестве места твоей ссылки и тебя, пленного, привезли туда уже со стертой памятью, Джоммо составил историю твоей жизни, синтезировав ее из воспоминаний туземцев. Потом он тщательно имплантировал синтезированную память в твой мозг, и когда тебя отпустили, у тебя уже было

новое имя, новый язык, новая жизнь! Кайл Валькар исчез навсегда, остался землянин Нейл Бэннинг, не представляющий угрозы для кого бы то ни было.

– Угрозы? - протянул Бэннинг.

– О да, - глаза Рольфа внезапно сверкнули диким огнем. - Ты - Валькар, последний из Валькаров. А Валькары всегда были угрозой для узурпаторов Новой Империи. - Он начал нервно ходить, словно не в силах сдержать охватившее его возбуждение. Бэннинг безразлично наблюдал за ним.

Он пережил слишком много потрясений одно за другим и теперь его ничто уже не удивляло.

– НОВОЙ Империи, - повторил Рольф. Он произнес прилагательное так, как произносят ругательство. - В ней правит эта кошка Терения, и искусство Джоммо держит ее наверху. Да, последний Валькар - угроза для них.

– Но почему?

Рольф загремел:

– Потому что Валькары были повелителями СТАРОЙ Империи - звездной империи, правившей половиной Галактики девяносто тысяч лет назад. Потому что не все звездные миры забыли своих законных повелителей.

Бэннинг изумленно взглянул на Рольфа и начал тихо смеяться. Сон стал слишком нелепым, слишком безумным. Нельзя такое воспринимать серьезно и дальше.

– Итак, я не земной Нейл Бэннинг, а звездный Кайл Валькар?

– Да.

– И я - император?

– Нет, Кайл. Еще нет. Но в прошлый раз ты едва не стал им. Если нам будет сопутствовать удача, ты будешь императором.

Бэннинг решительно сказал:

– Я - Бэннинг. Я это ЗНАЮ. Возможно, я похож на вашего Кайла Валькар.

Потому, наверное, вы меня и захватили. Дайте мне увидеть остальных.

Глаза Рольфа сузились:

– Зачем?

– Я собираюсь рассказать, какой обман вы затеяли.

– Ничего ты не расскажешь, - смуглый гигант говорил сквозь зубы. - Они считают, что ты Кайл Валькар. Ну, в этом они правы. Но они так же считают, что память к тебе вернулась - и в этом они ошибаются.

– Значит вы признаете, что обманываете их?

– Только в этом, Кайл, они не отважились бы на такое предприятие, знай, что к тебе все еще не вернулась память! Они

не знают, что ты не можешь привести их к Молоту!

– К Молоту?

– Я расскажу тебе об этом позже. А сейчас вбей себе в голову - если они узнают, что ты НЕ ПОМНИШЬ, они выйдут из игры. Ты снова попадешь к Джоммо. На этот раз тебя не отправят в изгнание, тебя убьют.

Все услышанное от Рольфа было слишком серьезно. Бэннинг попытался осмыслить это, а потом сказал:

– Я не могу говорить на вашем языке.

– Да, Джоммо проделал над тобой дьявольски чистую работу.

– Так как я смогу выдавать себя за этого Валькара?

– Ты в плохой форме, Кайл, - уклончиво ответил Рольф. - Возвращение памяти привело тебя в шоковое состояние. Ты нуждаешься в покое и некоторое время тебе нельзя выходить из каюты. Но здесь с тобой буду и я.

Несколько мгновений Бэннинг не мог понять, потом уловил суть:

– Вы имеете в виде, что я узнаю язык от вас?

– ВСПОМНИШЬ язык. Да.

– Хорошо, - после секундного раздумья сказал Бэннинг. - Если это все, что я должен сделать…

Говоря эти слова, он поворачивался и, внезапно прыгнув, оказался на широкой спине Рольфа, стискивая руками шею великана.

– Извини, Кайл, - чуть задыхаясь сказал Рольф. И тогда его массивные мускулы взорвались, подобно мгновенно распрямляющимся тугим пружинам, а Бэннинг обнаружил, что летит в сторону стены. От удара у него перехватило дыхание и он рухнул на пол.

Рольф открыл дверь. Перед тем, как выйти, он обернулся и сурово сказал:

– За это в древнем Городе Королей с меня бы заживо содрали кожу. Но ты меня вынудил. А теперь остынь. - И он вышел.

Оставшись один, Бэннинг сел у металлической стены и долго сидел так, уставившись прямо перед собой. Он чувствовал, что его рассудок мутится, пытаясь вырваться из тисков окружающей действительности.

"Я - Нейл Бэннинг, и я сплю, а все, что я вижу - только сон…"

Он с размаху ударил кулаком по стене. Боль в костяшках была достаточно убедительной, и на них показалась кровь. Нет, это не помогало.

"Ладно, пусть этот корабль реален. Звездный корабль, идущий к Антаресу. Реален Рольф, реальна и эта Новая Империя, о существовании которой Земля и не подозревает. Но ВСЕ-ТАКИ я

- Нейл Бэннинг!"

Не Кайл Валькар - о, нет! Если он только позволит себе поверить в то, что он был совершенно другим человеком, человеком со звезд, с прошлым, которого он не может вспомнить, тогда его собственное "я" заколеблется и исчезнет как дым, и он станет никем…

Существует Империя. Существуют звездные корабли. Земля не знает о звездной империи, но о Земле знают, знают земные обычаи… языки, изученные во время тайных посещений. Появление корабля Рольфа - именно такое тайное посещение. Они прилетели, захватили Нейла Бэннинга, а теперь летят обратно. Все это делается с какой-то определенной целью…

Для какой-то грандиозной звездной интриги понадобился человек, которого можно выдать за Кайла Валькара, потомка древних звездных королей.

И он, Нейл Бэннинга, благодаря своему внешнему сходству с Кайлом Валькаром подошел на эту роль. Он стал пешкой в этой игре, а для того, чтобы эта пешка была как можно лучше, Рольф и пытался доказать, что он и ЕСТЬ Кайл Валькар!

Бэннинг отчаянно пытался придумать какой-нибудь план. Это было трудно, голова все еще кружилась от столкновения со вновь открытой Вселенной, от понимания того, что он и в самом деле находится в космическом корабле. Но он должен даже и в этом невероятном положении драться за себя.

"Сначала - как можно больше узнать, - подумал он. - Прежде, чем что-либо предпринимать, надо узнать, куда они доставят меня, что собираются со мной делать. Мне нужно знание…"

Вернулся Рольф. Он принес новую одежду, подобную его собственной, диковинную, но удобную.

Белая туника была изготовлена из великолепной материи; на груди драгоценные камни образовывали стилизованный рисунок - ярко пылающее солнце. Бэннинг переоделся без возражений. Его мысли сосредоточились на одном - надо узнать как можно больше и как можно скорее.

– Теперь ты похож на Валькара, - довольно проворчал Рольф. - Ты должен и говорить, как он. Ну, время пока еще есть.

Рольф начал обучение, называя каждый предмет в каюте на своем языке.

Потом Бэннинг выучил слова, означавшие "звезда", "король", "Империя".

– Рольф.

– Да?

– Эта самая Старая Империя, которой правили Валькары… Вы говорили, что это было девяносто ТЫСЯЧ лет тому назад?

– Да. Прошло много времени. Но Старую Империю помнят во всех звездных мирах, за исключением нескольких, впавших в совершенную дикость, как, например, Земля.

Бэннинг вздрогнул.

– Земля? Она была частью Старой Империи?

– Да, как и половина Галактики, - хмуро ответил Рольф. - Когда произошла катастрофа, когда пала Старая Империя, контакты с отдаленными окраинными мирами совершенно прекратились. Не удивительно, что потомки колонистов скоро превратились в настоящих дикарей, чуть ли не в обезьян.

Так было и на Земле.

Отрывочные факты, рассказанные Рольфом в этот и в следующие визиты, начали складываться для Бэннинга в туманную картину, в невообразимую космическую историю.

Старая Империя, Империя Валькаров! Они правили из Катууна на Антаресе, их звездные корабли бороздили просторы Галактики и мириады миров платили им дань. Но в Старой Империи роптали против власти этих галактических господ и не однажды захлебывались неудачные восстания. И, наконец, сами Валькары ускорили кризис.

Прошел слух, что в дальней, недоступной части Галактики Валькары готовят таинственное ужасное средство, которое в будущем повергнет в трепет всех бунтарей. Никто не знал ни его силы, ни как оно действует. Но молва утверждала, что с его помощью Валькары, если того пожелают, могут уничтожить все народы в Галактике.

Эти слухи послужили детонатором космической революции. Народы звездных миров не могли допустить, чтобы Валькары получили такую власть над их жизнью и смертью. Разгорелось восстание, а потом гражданская война, которая разрушила межзвездную цивилизацию и уничтожила Старую Империю.

Множество далеких систем и миров, в которые больше не приходили звездные корабли, скатились в долгую ночь варварства.

Однако несколько звездных миров сохранили свою цивилизацию и технику.

У них оставалось несколько исправных звездных кораблей. И эти несколько миров, центром которых была система Ригеля, стремились собрать вновь все больше и больше миров в единую цивилизацию. Это и было началом Новой Империи, которая провозгласила отказ от помпезности и гордости воинственной Старой Империи и наступление новой эры сотрудничества всех планет.

Рольф яростно сплюнул.

– Эта ханжеская болтовня о дружелюбии и мире! Она покорила многих. Но кое-кто все же помнит древних королей - Валькаров, подставками для ног которым служили звезды!

– А эта вещь, из-за которой началось восстание, - спросил Бэннинг, - то, что вы назвали Молотом Валькаров? Что с ним случилось?

Рольф серьезно посмотрел на него.

– Он был потерян, все эти долгие века. Только Валькары знают, где Молот, и что это такое. Тайна передавалась от отца к сыну даже после того, как пала Старая Империя. Ты - единственный, кто ее знает.

Бэннинг изумленно взглянул на Рольфа:

– Так вот почему Кайл Валькар такая важная фигура!

– Именно так, - сурово ответил Рольф. - Ты рассказал мне - только мне - что Молот находится на одной из планет, затерянных в скоплении Лебедя.

Ты сказал, что имея карты девяностотысячелетней давности, ты сможешь найти эту планету. - Переведя дыхание, гигант угрюмо продолжал:

– Ты почти добился успеха, Кайл. Ты нашел нужные звездные карты в архивах на Ригеле и отправился в скопление Лебедя. Но Терения и Джоммо догнали тебя, схватили, стерли память и изгнали на далекую Землю. И теперь НИКТО не знает тайны - где спрятан Молот.

Для Бэннинга все это звучало дико и не правдоподобно. Он так и сказал, и добавил:

– Почему же они, для пущей надежности, не убили человека, знающего такой секрет?

– Джоммо так бы и сделал, и с радостью, - сардонически ответил Рольф, - но Терения не решилась. Женщина - даже такая, как Терения - не может править Империей.

– И ТЫ пытаешься ниспровергнуть Новую Империю? - решил прозондировать почву Бэннинг. - С той горсткой людей, что на этом корабле?

– Будут и другие, Кайл. Им отправлено послание и они соберутся у Катууна. Немного - но достаточно, чтобы сокрушить Империю, если у нас будет Молот.

– Но его у вас нет! А Я НЕ ЗНАЮ, как его найти!

– Да, Кайл. Но, возможно, скоро будешь знать.

Когда Бэннинг попытался выведать побольше, Рольф проворчал:

– Позже. А пока, прежде всего, ты должен выучить язык. Я рассказал, что я вернул тебе память перед тем, как мы покинули Землю, и что ты заболел от такого шока.

– Человек, который вел автомобиль, знает другое, - напомнил Бэннинг.

– Ивайр? Он не опасен, это мой человек. Но другие не знают. Они мечтают увидеть тебя. Ты скоро должен показаться перед ними как Кайл Валькар.

Язык давался Бэннингу легко. СЛИШКОМ легко. Потому что язык был страшно сложен, выдавая каждым словом свой огромный возраст. Тем не менее Бэннинг схватывал его на лету. Он в совершенстве воспроизводил произношение Рольфа. Создавалось впечатление, что его язык и губы сами находят нужное положение для произнесения звука, словно знания уже были в его мозгу, дремлющие и лишь ожидающие пробуждения.

Бэннинг старался гнать такие мысли. Это могло означать, что Рольф прав, что люди в Гринвилле говорили правду, что Нейл Бэннинг никогда не существовал. Он не мог, он не должен верить в это! Как может человек потерять свое "я"? Нет, здесь какой-то трюк, Рольф как-то сумел загипнотизировать людей в городке - только умный заговор, вот и все.

На корабле для Бэннинга не существовало ни дня, ни ночи. Он ел, спал, обучался, и наконец Рольф сказал:

– Они ждут.

– Кто?

– Мои люди. ТВОИ люди, Кайл. Теперь ты можешь говорить достаточно хорошо. Выходи отсюда, я сказал им, что ты выздоровел.

Бэннинг почувствовал озноб. Он страшился этой минуты. Пока он оставался в этой маленькой каюте, он мог не думать о своем положении. А сейчас он должен стать Валькаром.

– Вперед! - сказал он себе. - Выясни, что кроется за всей ложью Рольфа до того, как что-либо предпринимать.

Дверь открылась. Рольф встал в стороне, пропуская его вперед. Бэннинг вышел в коридор.

– Сюда, - прозвучал в его ушах неприятный шепот Рольфа. - Направо.

Подними голову. Веди себя как подобает сыну королей.

Коридор вел в офицерскую кают-компанию. Полдюжины мужчин поднялись на ноги, когда Рольф громко объявил:

– Валькар!

Они глядели на Бэннинга голодными, отчаявшимися глазами. Он знал, что должен сказать им, но прежде, чем успел произнести хоть слово, человек с лицом, напоминавшем волчью морду, шагнул вперед. Он медленно проговорил, обращаясь к Бэннингу:

– Ты не Валькар.

Глава 4

Тишина, последовавшая за этими словами длилась, казалось, вечно. И в этой тишине Бэннинг, смотревший в смуглое волчье лицо, чувствовал, как его сердце сжимают ледяные тиски свершившегося… Ну, вот и все. Его раскусили. Что же теперь? Бэннинг вспомнил предостережения Рольфа - плен, Джоммо, смерть…

В отчаянии он подумал, что если сумеет наболтать что-нибудь высокопарное, то, может удастся выкрутится, но язык отказывался повиноваться. Он еще не смог заставить себя выдавить хоть какой-то звук, как волколицый поднял бокал с вином и крикнул:

– Но ты будешь им! Мы сражались за тебя прежде, мы будем сражаться за тебя снова! - и на этот раз мы увидим тебя на троне, принадлежащем тебе по праву. Слава Валькару!

– Слава Валькару!

Приветственные крики гремели в металлических стенах. Напряжение покинуло Бэннинга, но зоркие, сильные офицеры ошибочно истолковали появившееся на его лице выражение и вновь разразились восторженными приветствиями. Из потайных уголков сознания Бэннинга неожиданно поднялось чувство гордости. Казалось, что не может и быть иначе, что эти люди по праву и чести приветствуют его как своего вождя. Бэннинг выпрямился. Он обвел взглядом офицеров и сказал:

– Валькары никогда не испытывали недостатка в верных людях. Я… - он запнулся. Прошло несколько секунд и он увидел, как на лице Рольфа выражение удовлетворения быстро сменяется тревогой. Неожиданно Бэннинг улыбнулся. Рольф втянул его в эту авантюру, так пусть помучится, пусть попотеет, пусть преданно и верно послужит Валькару. - Дайте вина. Я дам ответ на тост моих офицеров.

Глаза Рольфа сузились, но он вложил в руку Бэннинга бокал.

– Господа! Я дам вам в ответ Старую Империю и свободу звездам!

Гром новых приветственных кликов едва не оглушил его. Бэннинг повернулся к Рольфу и шепнул по-английски:

– Коротко - но эффектно, не правда ли? - и осушил бокал.

Рольф рассмеялся. Он смеялся искренне, и Бэннинг почувствовал, что вместо того, чтобы досадить Рольфу, он сделал для него нечто приятное.

Обращаясь к офицерам, Рольф сказал:

– Все старания Джоммо оказались напрасны. Несмотря ни на

что Валькар остался Валькаром. Я знаю. Я давал ему первые уроки. Он по-прежнему Валькар.

Одного за другим Рольф представлял Бэннингу офицеров. Скранн, Ландольф, Кирст, Фелдер, Бурри, Тавн. Они производили впечатление твердых, преданных, целеустремленных людей. Бэннинг подумал, что ему недолго удалось бы прожить, узнай они, что он не Валькар, а всего лишь Нейл Бэннинг из штата Небраска. Он боялся их, и страх обострил его ум, помогая находить нужные слова и властно держаться. Бэннинга изумило, как легко ему удавалось быть гордым и властным.

Он начал подумывать о том, что пора бы и удалиться, но тут в кают-компанию вошел молодой ординарец. Он так вытянулся, что Бэннингу почудилось, что он слышит, как в теле юноши от напряжения лопаются жилы.

– Капитан Бехрент шлет свои приветствия, - сказал ординарец, - и спрашивает, не окажет ли Валькар ему честь, посетив рубку? Мы сейчас будем входить в Облако…

Резкий свист, вырвавшийся из вмонтированного высоко в стене громкоговорителя заглушил последние слова. Голос, раздавшийся после свистка, приказал всем офицерам занять свои места.

Офицеры начали расходиться, смеясь и говоря:

– Такое путешествие всегда рискованно, но на этот раз через Облако пройдем легко, раз у руля будет Валькар.

– …будем входить в Облако, - повторил ординарец, - и капитан уступает…

Свистки из репродуктора, монотонно повторяющиеся приказы, толкотня спешащих к выходу офицеров вновь не дали ему договорить. Наконец он махнул рукой и, с обожанием глядя на Бэннинга, сказал просто:

– Сэр, мы все будем чувствовать себя увереннее в своей безопасности, если сейчас ВЫ будете нашим пилотом.

"О Господи", подумал Бэннинг и в отчаянии взглянул на Рольфа. Тот улыбнулся, и когда ординарец шагнул назад, сказал:

– О да, ты один из величайших космических пилотов. Для того, чтобы быть королем звезд, ты должен быть хозяином космоса и тебя обучали этому, как и всех Валькаров, с раннего детства.

– Но я не могу… - пробормотал Бэннинг.

Ординарец придерживал открытую дверь и времени на разговоры не оставалось. Бэннинг вышел вслед за Рольфом. Он чувствовал себя беспомощным, пойманным в ловушку.

Они вошли в рубку.

Здесь впервые цельная и обыденная подлинность

космического корабля, подавляя, навалилась на него. Раньше, в каюте, был всего лишь беглый взгляд в это невероятное окно и принятие рассудком того, что отвергал весь его прежний опыт. Сейчас это стало ужасающей реальностью, в которой люди жили и работали.

Невысокое больше помещение было буквально забито приборами, за показаниями которых напряженно наблюдали корабельные техники. В центре помещения сидел офицер, склонившийся к большому экрану, по которому непрерывным потоком бежал ручеек цифр и символов. Перед офицером стоял предмет, похожий на клавиатуру органа, и Бэннинг догадался, что это и есть сердце и мозг корабля. Бэннинг надеялся, что этот мужчина хорошо умеет "играть" на "органе". Он очень на это надеялся, потому что вид межзвездного пространства, открывающийся на огромном изогнутом видеоэкране, который шел по двум боковым и передней стенам рубки, внушал тревогу даже такому совершенно зеленому новичку, как он.

К ним подошел мужчина с бульдожьим лицом, коротко подстриженными седыми волосами и отдал честь Бэннингу. На нем была темная туника со знаками ранга на груди, и, судя по его виду, навряд ли он привык доверять кому бы то ни было управление своим кораблем. Тем не менее в его голосе не было ни следа иронии или недовольства, когда он сказал Бэннингу:

– Сэр, рубка в вашем распоряжении.

Бэннинг покачал головой. Он по-прежнему смотрел на видеоэкран.

Корабль мчался под острым углом к облаку, протянувшемуся через все пространство. Оно темнело, застилая звезды, но все же сквозь него просвечивали мерцающие точки света, танцующие огненные искры, и Бэннинг понял, что это, должно быть, одно из тех облаков космической пыли, о которых он читал в популярных статьях о астрономии, а блестящие точки - обломки планет, отражающие свет всех звезд небосвода. И тут его осенило - они направляются туда!

Капитан глядел на него. Офицер за пультом и техники у приборных панелей тоже бросали на него быстрые взгляды. Бэннинга же начинало подташнивать и он очень боялся.

Слова пришли сами. Почти весело он обратился к Бехренту:

– Мужчине его корабль так же близок, как и собственная жена. Я не хочу оспаривать у вас кого бы то ни было из них. - Бэннинг сделал вид, что изучает показания приборов, цифры на экране, пульт - словно ему все давно знакомо. - И пусть даже я сяду за пульт, - продолжал он, - все равно я не сделаю больше, чем вы уже делаете. - Он шагнул назад, делая неопределенный

снисходительный жест, который можно было истолковать как угодно. Бэннинг надеялся, что дрожание его рук не слишком заметно.

– Вне сомнения, - сказал он, - капитан Бехрент не нуждается в моих наставлениях.

Краска гордости залила лицо Бехрента. Его глаза ярко сверкнули.

– По крайней мере, - сказал он, - окажите мне честь - останьтесь.

– Только как зритель. Благодарю вас. - Он сел на узкий диван, идущий вдоль стены под видеоэкраном, а Рольф встал рядом. Бэннинг заметил кривую усмешку на губах Рольфа и возненавидел его еще больше. Потом он перевел взгляд на видеоэкран и ему отчаянно захотелось спрятаться в своей каюте, где можно закрыть иллюминатор. Но потом он подумал - нет, лучше уж остаться здесь, где по крайней мере можно увидеть, как все происходит.

Они приближались к темному Облаку, в котором виднелись лишь блестевшие отраженным светом обломки миров.

Рольф тихо сказал ему по-английски:

– Это единственный способ ускользнуть из сети имперских радаров. Они наблюдают за космическими путями довольно тщательно, а нам не слишком хочется объяснять свои дела.

Черная волна Облака, казавшегося твердой стеной мрака, нависла над ними. Бэннинг крепко стиснул челюсти, сдерживая вопль.

Они врезались в стену.

Удара не последовало. Естественно. Ведь то была всего лишь пыль, с рассеянными в ней обломками скал. Очень разреженная пыль, вовсе не похожая на пыль, поднятую в воздух ураганом.

Потемнело. Небо, до того сверкавшее звездными россыпями, словно задернули шторой. Бэннинг, напряженно всматривающийся в видеоэкран, внезапно увидел слабое мерцание - скала размерами с большой дом, кувыркаясь, неслась на них. Он вскрикнул, но на пульте шевельнулась рука офицера и обломок пролетел мимо - точнее корабль пролетел мимо обломка. Ни малейшего признака инерции - ее погасило силовое поле.

– Ты знаешь, - спокойно сказал Рольф, - тот мальчик говорил правду - ты здесь лучший пилот.

– О нет, - прошептал Бэннинг, - только не я.

Он вцепился в подлокотники потными руками. Казалось, что в течении долгих часов он наблюдал, как корабль, уклоняясь от обломков и петляя, чуть ли не ощупью шел сквозь Облако,

проносясь мимо одинаково смертельных при столкновении - были ли они меньше пули или больше Луны - обломков. Но ни один из них не столкнулся с кораблем и страх Бэннинга сменился благоговейным трепетом. Если капитан Бехрент может вести здесь корабль, и тем не менее преклоняется перед Валькаром-пилотом, то, должно быть, Валькар действительно мог совершать нечто необыкновенное.

Наконец, они вышли из Облака на "тропу" - чистую полосу между двумя протянувшимися щупальцами космического мусора. Подошел Бехрент и остановился перед Бэннингом. Улыбаясь, он сказал:

– Мы прошли, сэр.

– Хорошо сделано, - ответил Бэннинг. Эти слова слабо отражали то, что он думал. Он был готов пасть ниц перед этим невероятным звездным капитаном и обнять его колени.

– Пожалуй, нам следует отдохнуть, - сказал Рольф.

Когда они вернулись в каюту, Рольф взглянул на Бэннинга и коротко кивнул.

– Ты совершишь это. Я боялся, что Джоммо вместе с памятью уничтожил и твой дух, но теперь вижу, что ему это не удалось.

– Ты ужасно рисковал, - сказал Бэннинг, - тебе следовало хоть немного подготовить меня…

– Я не в состоянии подготовить тебя ко всему, Кайл. Нет, я должен был выяснить, остались ли у тебя прежние выдержка и ум. Ты доказал это.

Собираясь выйти, он повернулся к двери с полупечальной улыбкой.

– Теперь тебе надо выспаться, Кайл. Мы подойдем к Антаресу через тринадцать часов, а тебе следует быть там отдохнувшим.

– Почему? - спросил Бэннинг с внезапным предчувствием опасности.

Голос Рольфа звучал напряженно.

– Одно испытание, Кайл. Я собираюсь доказать тебе самому и всем остальным, что ТЫ Валькар.

Он ушел, а Бэннинг забылся тревожным сном.

***

Через несколько часов Бэннинг вновь стоял рядом с Рольфом в рубке, наблюдая за своей первой посадкой, полный страха перед ожидавшей его неизвестностью. Вид Антареса подавлял -

огромное красное солнце, рядом с которым совершенно терялся его спутник - звездный карлик. В этом угрюмом зловещем сиянии, заполнившим четверть неба казалось, что корабль плывет в море крови. Лица и руки людей в рубке были словно вымазаны кровью и Бэннинг внутренне содрогнулся. Он мечтал побыстрее приземлиться в Катууне.

Бэннинг захотел этого еще больше, когда наконец увидел планету, летящую к ним через мрачный свет - тусклый призрачный мир, выглядевший так, словно люди оставили его давным-давно.

– Когда-то это был могущественный мир, - как будто прочитав его мысли тихо сказал Рольф. - Сердце и мозг Старой Империи, которая правила половиной Галактики - тронный мир Валькаров. Он может стать таким снова.

Бэннинг взглянул на Рольфа.

– Если вы найдете Молот и используете его против Новой Империи, не так ли?

– Так, Кайл. Это то, что ты должен сделать.

– Я?! - воскликнул Бэннинг. - Ты безумец! Я не ваш Валькар! Даже если бы я и был им, как я, лишенный памяти, найду Молот?

– Тебя лишил памяти Джоммо, - свирепо сказал Рольф, - он сможет и вернуть ее.

Ошеломленный Бэннинг умолк. Только сейчас он начал понимать размах и смелость планов Рольфа.

Корабль мчался к планете. Он коснулся атмосферы и погрузился в кровавый, все более густой и плотный туман. Бэннинг почувствовал удушье.

Начали появляться детали планеты: горные хребты, темные леса, сплошь покрывавшие континенты, угрюмые океаны, цепочки озер. Рольф говорил, что сейчас Катуун почти полностью пустынен, но человеку с Земли трудно представить картину целого мира, совершенно лишенного городов, звуков, людей. Глядя вниз, пока корабль опускался по длинной спирали, он нашел этот мир невыразимо суровым и печальным. Это ощущение возросло еще больше, когда он увидел руины, белые кости городов по берегам морей, озер и океанов, обширные проплешины в лесах, где деревьям мешали мостовые или могильники поваленных камней. Одно такое огромное бесплодное пятно - он знал это инстинктивно - когда-то было космическим портом, полным кораблей с бесчисленных звезд.

Впереди выросла горная цепь, вздымающая к небу острые пики. Корабль снижался, теряя скорость, и наконец безо всякого толчка или сотрясения замер на плато, тянувшемся у подножия гор и служившего естественной посадочной площадкой.

Казалось, все ждали от Бэннинга, что он первым выйдет наружу, в свой мир. Он, сопровождаемый Рольфом, так и сделал. Бэннинг шел медленно, и снова ему все казалось сном. Небо, прохладный свежий ветер, несущий странные запахи, почва под ногами - все кричало о том, что он здесь чужой, и он не мог избавиться от этого ощущения.

Офицеры вышли вслед за ними и капитан Бехрент нетерпеливо посмотрел на небо.

– Других еще нет, - сказал он.

– Скоро будут, - отозвался Рольф. - Им надо найти свои тайные пути.

На это требуется время. - Он повернулся к Бэннингу. - Отсюда, - сказал он по-английски, - мы с тобой пойдем одни.

Бэннинг посмотрел вниз. Широкая, разрушенная временем дорога вела в долину. Там было озеро, а на его берегу - город. Лес вырос вновь где только возможно - чащи чужих деревьев, увитых неземными лианами, заросли кустарника. Но он все же не мог спрятать огромный город. По-прежнему возвышались колонны ворот, а за ними виднелись проспекты и площади, дворцы с провалившимися крышами, мощные арки и стены - все безмолвное в красном свете на берегу спокойного, печального озера.

***

Они молча шли по дороге. Когда они спустились с возвышенности, ветер стих и только звук их шагов нарушал тишину. Антарес тяжело нависал над горизонтом, "на западе", как определил для себя Бэннинг. Ему, привыкшему к маленькому яркому солнцу, Антарес казался огромным тусклым шаром, лишь загромождающим небо.

В долине было теплее. Он ощущал запахи леса, но в них не было и признака чего-либо, сделанного человеком. Город теперь был гораздо ближе.

В нем не было заметно ни малейшего движения, не доносилось ни звука.

– Судя по твоим словам, - сказал Бэннинг, - я считал, что КТО-ТО по-прежнему здесь живет.

– Идем к воротам, - только и ответил Рольф.

Бэннинг повернулся и посмотрел на него.

– Ты чего-то боишься?

– Возможно.

– Чего? Почему мы идем одни? - Он внезапно протянул руку и схватил Рольфа за воротник туники, едва не задушив. - Зачем ты ведешь меня туда?

Лицо Рольфа стало совершено белым. Он не поднял руку, не напряг мускулы, чтобы освободиться от хватки Бэннинга. Он только сказал голосом чуть громче шепота:

– Ты подписываешь мой смертный приговор. Ради Бога, дай мне идти, пока еще…

Он не договорил. Его взгляд уперся во что-то за спиной Бэннинга.

– Будь осторожен, Кайл, - прошептал он. - Будь осторожен во всем, что станешь делать, иначе мы оба пропали.

Глава 5

Искренняя убежденность, прозвучавшая в голосе Рольфа, заставила Бэннинга поверить, что это не трюк. Он ослабил хватку, чувствуя, как по спине бегут мурашки от сознания того, что сзади кто-то есть.

Очень медленно он повернул голову.

Рольф сказал:

– Стой спокойно. Прошло десять лет с тех пор, как они тебя видели последний раз. Дай им время и не в коем случае не беги.

Бэннинг и не думал бежать. Оцепеневший, он недвижимо стоял и смотрел на существа, выходящие из городских ворот. Существа двигались очень тихо, пока он занимался с Рольфом, и теперь за их спинами полукругом стояла целая толпа, делая бесполезной любую попытку к бегству. Это были не люди.

Однако это были и не животные. Они не походили ни на что, что Бэннингу приходилось видеть в кошмарах или наяву. Но они выглядели быстрыми и сильными. Похоже, убить человека они смогли бы без особых усилий.

– Они твои телохранители и слуги, верные псы Валькаров, - прошептал Рольф. - Заговори с ними.

Бэннинг во все глаза смотрел на них. Существа были ростом со взрослого человека, но форма тела не была человеческой. Узловатые, горбатые тела, несколько ног. Больше всего они походили на гигантских быстрых пауков. Они были безволосы, только на гладкой сероватой коже ярким цветом выделялся прихотливый узор - не то естественный, не то татуировка.

Пожалуй, это было даже красиво. Почти во всем можно найти красоту, стоит только ее поискать. Почти во всем…

– Что мне сказать?

– Напомни, что они твои!

Маленькие круглые головы и лица - детские лица с круглыми подбородками, небольшими глазами… Что было во взглядах этих устремленных на него глаз?

Существа зашевелились и подняли свои тонкие руки. Бэннинг мельком заметил, что руки заканчиваются безжалостными когтями. Один из них, стоявший впереди, как предводитель, внезапно заговорил неожиданно мелодичным свистящим голосом:

– Только Валькар может войти в эти ворота. Вы умрете.

И Бэннинг ответил:

– Смотри внимательно! Или твоя память так коротка?

Что было в этих взглядах? Мудрость? Жестокость? Мысли

иных существ, которые человек не в состоянии понять?

Молчание. Огромные белые монолиты - остатки ворот - вздымали вверх свои разрушенные верхушки. На монолитах местами сохранилась резьба, изображающая таких же стражей-пауков, что окружали их теперь.

Они с сухим клацанием зашевелились, множество рук потянулись к Бэннингу. Он понимал, что когти на этих руках могут разорвать его на конфетти с невероятной быстротой. Сопротивление или бегство было бессмысленно. Оставалось одно - продолжить эту отчаянно опасную игру.

Бэннинг заставил себя приветственно раскрыть объятия.

– Мои верные паучата, - сказал он.

Тот, кто заговорил с ним, их вождь, пронзительно вскрикнул. Остальные подхватили этот клич, он эхом отразился от каменных стен города, лежавшего за их спинами, и сейчас Бэннинг совершенно ясно увидел, что за чувство было в этих устремленных на него взглядах круглых детских глаз. Любовь. И их вид вдруг перестал казаться таким отвратительно чуждым. Вождь схватил руку Бэннинга и прижал ее к своему прохладному лбу, и прикосновение к гладкой серой коже не вызвало в Бэннинге никакой брезгливости. Но, с другой стороны, именно это испугало его.

– Кто он такой? - спросил он Рольфа по-английски. Рольф облегченно рассмеялся.

– Сохмсей качал твою колыбель и катал маленького Кайла на спине.

Почему ты боишься его?

– Нет, - упрямо сказал Бэннинг, - нет, я не верю. Я не могу поверить в это.

Рольф недоверчиво посмотрел на него.

– Ты хочешь сказать, что даже сейчас можешь сомневаться - но ведь они узнали тебя! Слушай, Кайл, - десятки тысяч лет назад Валькары переселили сюда Арраки с далеких окраин галактики, из мира умирающей звезды. С тех пор они верой и правдой служат Валькарам, и только им. То, что в эту минуту ты все еще жив, доказывает, кто ты есть на самом деле.

Сохмсей бросил на Рольфа косой взгляд и шепнул Бэннингу:

– Я знаю этого, называемого Рольфом. Будет ли твоя воля на то, чтобы он жил, господин?

– На то будет моя воля, - ответил Бэннинг.

Глубокое сомнение проникло в его душу. Эти существа, легкость, с которой он усвоил язык, инстинктивное знание, как вести себя, приходившее временами из подсознания, загадка Гринвилля - так, может, все правда?

Может, он настоящий Валькар, повелитель этого города, повелитель павшей империи, которая некогда правила мириадами звезд?

Нет, нет! Человек должен верить в подлинность своего "я", иначе он погиб. Настоящим был Нейл Бэннинг, настоящей была его жизнь. Пусть Арраки не-люди, но их так же, как и людей могло одурачить внешнее сходство.

Просто Рольф удачно выбрал двойника, вот и все.

Он высказал эти соображения по-английски и Рольф покачал головой.

– Упрямство всегда было твоим главным недостатком, - сказал он. - Спроси хоть у Сохмсея. - Перейдя на свой язык, он продолжил:

– Они проводят тебя домой, Кайл. Я возвращаюсь. Остальные скоро прибудут, и я должен встретить их на плато. Когда соберутся все, я приведу сюда капитанов.

Он отсалютовал Арраки и пошел обратно по разрушенной дороге. Бэннинг недолго смотрел ему вслед и, отвернувшись, тут же забыл о Рольфе. Все его страхи исчезли и он страстно хотел осмотреть город.

– Ты пойдешь сейчас домой, господин? - негромко спросил Сохмсей.

– Да, - ответил Бэннинг. - Я пойду домой.

Он прошел через ворота, сопровождаемый Сохмсеем, который шел по его правую руку. Их окружала шумящая, обожающая толпа и Бэннинг почти физически ощущал это обожание. Он подумал, что древние Валькары хорошо выбрали себе телохранителей - верных и преданных. Насколько - это он выяснит позже.

Этот звездный Вавилон был огромен. Во времена его расцвета здесь, должно быть, голова шла кругом от сверкающих красок, шума, блеска сокровищ бесчисленных миров. Перед мысленным взором Бэннинга проплывали воображаемые картины посольств, идущих вниз по этой, теперь разрушенной дороге, принцев Цефея, королей Бетельгейзе, вождей наполовину варварских племен с диких миров созвездия Геркулеса, спешащих преклонить колени в Городе Королей, городе Валькаров. А сейчас только тишина и красные сумерки наполняли улицы и развалины дворцов.

– Город снова оживет, - прошептал Сохмсей, - теперь ты дома.

И Бэннинг коротко ответил "Да".

От ворот в центр города тянулся широкий проспект. Бэннинг шел вперед, ступая по вдавленным плитам, а ноги его свиты клацали и шаркали по камням.

В конце проспекта, у самого озера, возвышался дворец из белого мрамора, возвышался над всем городом, подавляя своими

размерами и мощью. Бэннинг шел к нему. Проспект расширился и превратился в огромную площадь, по границам которой когда-то стояли статуи гигантских размеров. Грустная улыбка тронула губы Бэннинга. Многие статуи рухнули на плиты площади, да и оставшиеся стоять изувечила жестокая рука Времени. Но когда они все стояли здесь - целые и невредимые, мощные фигуры, устремленные к звездам, держащие солнца в своих могучих руках - их вид должен был внушать трепет, доказывать посольствам их ничтожество перед непреодолимой мощью Империи, так что тронного зала посольства достигали, подготовленные должным образом.

Теперь руки статуй сломались и звезды выпали из них, а глаза, обращенные к идущим, были запорошены пылью веков и слепы.

– Господин, - обратился Сохмсей к Бэннингу, поднимавшемуся по дворцовой лестнице, - за время твоего отсутствия внутренняя галерея обрушилась. Мы пойдем тут.

Он повел Бэннинга к меньшей боковой двери. За ней оказались развалины и обломки. Большие каменные блоки попадали, обрушился и главный свод, и над головой теперь было открытое небо. Но внутренние арки по-прежнему стояли, сохранились кое-где и стены галерей, украшенные удивительной резьбой. Главный зал, подумал Бэннинг, мог бы вместить не меньше десяти тысяч человек.

В дальнем конце зала, в тусклом кровавом свете он разглядел трон. И изумился, ощутив, как от вида этого запустения в нем поднимался горячий гнев.

Сохмсей быстро шел впереди, и Бэннинг следовал за ним, пробираясь между каменными завалами. Они прошли разрушенную галерею и оказались в низкой пристройке, выходящем на озеро. Бэннинг догадался, что здесь располагались личные апартаменты Валькаров. Эта пристройка довольно хорошо сохранилась, как если бы долгие усилия поддерживали ее в пригодном для обитания состоянии. Когда он вошел внутрь, то увидел, что всюду чисто, все заботливо прибрано, обстановка на месте, металлические орнаменты и детали сверкали.

– Мы хранили все наготове, - сказал Сохмсей, - мы знали, что придет день - и ты вернешься.

Бэннинг медленно брел через пустынные комнаты. Здесь сильнее, чем где-либо еще в городе, он ощутил груз столетий непрерывного правления, гордости и традиций, неизгладимый отпечаток человеческих индивидуальностей мужчин и женщин, создавших все это. Ощущение усилилось при виде безделушек, портретов, антикварных вещиц и всевозможных коллекций,

собранных на других мирах. Их вид, заброшенных и забытых всеми, за исключением охраняющих их Арраки, наводил грусть…

Из высокого окна одной из комнат открывался вид на озеро. Обстановка, теперь слегка запущенная, была богатой, но без излишеств: книги, карты - обычные и звездные, модели кораблей и многое другое. Массивный стол и рядом с ним старое кресло. Бэннинг опустился в кресло и изношенная обивка приняла его тело со знакомым удобством. Через дверь в правой стене он увидел в другой комнате высокое ложе; на пурпурном пологе был изображен символ солнца. На левой стене между книжными полками висел портрет человека в полный рост - его портрет.

Ужас охватил Бэннинга. Он почувствовал, как Нейл Бэннинг начинает исчезать, словно снимают маску, скрывающую другое лицо. Он вскочил и отвернулся от портрета, от слишком удобного для него кресла, от ложа с королевским пологом. С трудом удерживая Нейла Бэннинга, он вышел на террасу за окном, где смог дышать свободнее и думать яснее.

Сохмсей последовал за ним. Бэннинг смотрел на темнеющее в красных сумерках озеро, и Сохмсей заговорил:

– Ты пришел домой, как когда-то пришел твой отец. И Стражи возликовали, ибо многие поколения наших повелителей не было с нами и мы были так одиноки.

"Одиноки?" Странные пафос этих слов тронул сердце Бэннинга. Эти полулюди-полупауки, пронесшие преданность своим повелителям - Валькарам через все мертвые тысячелетия, миновавшие со дня падения империи, ждавшие в своем разрушенном мире - ждавшие и надеявшиеся. И наконец Валькар возвращается. Рольф рассказал ему, как отец Кайла вернулся в древний тронный мир, который другие в страхе избегали, чтобы его сын вырос, помня о былом величии Валькаров.

– Господин, - продолжал своим свистящим шепотом Сохмсей, - в ночь твоего рождения твой отец положил младенца в мои руки и сказал: "Поручаю его тебе, Сохмсей. Будь его тенью, его правой рукой, его щитом."

– Так оно и было, Сохмсей.

– Да. После смерти твоих родителей я заботился о тебе. Я ненавидел даже Рольфа, потому что он мог учить тебя человеческим искусствам, а я нет. Но сейчас, господин, ты другой.

Бэннинг взглянул на него.

– Другой?

– Да, господин. Твое тело то же самое. Но разум не тот же самый.

Бэннинг смотрел в странные темные глаза, нечеловечески

мудрые, любящие глаза, и дрожь пробежала по его телу. Но тут сверху донесся звук.

Он взглянул в небо и увидел сверкающую искорку, пересекающую огромный диск Антареса и снижающуюся к западу. Искорка, растущая на глазах, превратилась в корабль и скрылась за дворцом. Бэннинг знал, что корабль опустится на плато.

Ему стало холодно, очень холодно, словно сумрачное озеро дышало морозом.

– Сохмсей, ты не должен говорить другим, что мой разум изменился, - прошептал он. - Если это узнают, меня ждет смерть.

Еще один корабль промчался к плато. И еще один. Быстро темнело.

– Они не узнают, - сказал Сохмсей.

Бэннингу по-прежнему было холодно. Эти Арраки, не обладают ли они какими-то парапсихическими особенностями? И, может, благодаря им, Сохмсей ощущает, что он - не Валькар?

Вскоре в темнеющую комнату быстрыми шелестящими шагами вошел еще один Арраки. Он был меньше и светлее Сохмсея, с более тусклым узором на коже.

– Это Киш, мой сын, - сказал Сохмсей. - Он молод, но подает надежды.

После моей смерти он будет служить Валькарам.

– Господин, - сказал Киш и склонил голову, - Человек по имени Рольф и другие идут сюда. Должны ли Стражи позволить им войти?

– Пусть войдут, - ответил Бэннинг. - Веди их сюда.

– Не СЮДА, - возразил Сохмсей. - Здесь неподобающее место. Валькар принимает слуг, сидя на своем троне.

Киш умчался прочь. Сохмсей провел Бэннинга через темные комнаты и развалины. Бэннинг радовался, что у него есть проводники, иначе бы он непрестанно спотыкался о рухнувшие каменные глыбы. Когда они подошли к главному залу, туда уже входили Арраки с факелами.

Неровный багровый свет факелов почти не освещал мрачные руины, но через большой пролом в потолке две желтые луны лили слабый призрачный свет. В этом обманчивом свете Бэннинг проследовал за Сохмсеем к черному каменному трону. На нем совершенно не было резьбы - и это отсутствие украшающего орнамента говорило о гордости, слишком большой, чтобы ее подчеркивать. Бэннинг уселся на трон и среди Арраки раздался свистящий восторженный шепот.

Пожалуй, подумал Бэннинг, легко, сидя здесь на троен, вообразить себя королем. Он смотрел через разрушенный вход вдоль широкого проспекта колоссов и видел факелы других

Арраки, освещавших дорогу Рольфу, ведущему капитанов. Легко было вообразить, что это идут великие принцы далеких звезд, аристократы и купцы могущественной галактической империи древних времен, несущие дань из дальних миров своему повелителю…

Повелителю? Повелителю теней этого мертвого города в разрушенном, затерянном мире. Его подданные - лишь Арраки, псы Валькаров, оставшиеся преданными, хотя за это время родились и умерли звезды. Его величие - только жалкое притворство, такой же фантом, как и давно умершая Старая Империя…

Руки Бэннинга стиснули каменные подлокотники. Он слишком долго думал так, как, по его мнению, думал бы Валькар.

"ТЫ-ТО не король из рода королей, - свирепо сказал он себе. - Ты - просто человечишко в лапах Рольфа, которого он собирается использовать в своих интересах - если ты ему это позволишь".

В огромный зал вошли Рольф и по крайне мере еще двадцать человек, сопровождаемые факелоносцами. Вошедшие искоса поглядывали на Арраки. Страх перед Стражами по-прежнему был жив, и нетрудно было догадаться, почему этот древний королевский мир так редко посещается.

Сейчас Бэннинг мог разглядеть лица вошедших. За исключением капитана Бехрента и нескольких офицеров с его корабля, все остальные были незнакомы ему и представляли довольно пеструю компанию. Некоторые выглядели честными вояками, солдатами, служившими делу, в которое верили. Другие имели вид отъявленных негодяев, готовых ради выгоды предать кого угодно и что угодно. Все они остановились шагах в десяти и устремили взгляды вверх, на черный трон, где сидел Бэннинг, а рядом с ним укрылся в тени Сохмсей.

– Привет Валькару! - воскликнул Бехрент, и остальные нестройно подхватили приветствие.

Рольф шагнул к трону. Он тихо сказал по-английски:

– Позволь мне руководить ими. Думаю, мне удастся добиться их согласия.

– Согласия на что? - спросил Бэннинг сердитым шепотом.

– На рейд к Ригелю, - спокойно ответил Рольф. - Нам это необходимо, Кайл. Там Джоммо, и только он может вернуть тебе память. А когда ты все вспомнишь, мы получим Молот.

Бэннинга ошеломила невероятная дерзость задуманного Рольфом. С горсткой людей совершить налет на Ригель, столицу Новой Империи - да это же совершенное безумие!

А потом в его мозгу вспыхнула новая мысль - раз Рольф предложил такой план, значит он все-таки… Впрочем, возможно,

что Рольф ведет более тонкую игру, чем он думал…

Рольф церемониально поклонился Бэннингу и повернулся, чтобы представить капитанов.

– Берегись! - внезапно прошептал Сохмсей. - Среди них предательство - и смерть!

Бэннинг вздрогнул. Он вспомнил странные парапсихические особенности Арраки, и почувствовал, как по его напрягшемуся телу прошел холодок.

Рольф выпрямился и его голос загремел в огромном зале:

– Я рассказал им о твоем замысле, Кайл! И уверен, что каждый присутствующий здесь капитан последует за тобой!

Глава 6

Слова Рольфа вызвали рев одобрения и один из этих странных капитанов, высокий смуглый мужчина, шагнул вперед и преклонил колено перед троном с улыбкой на лице, настолько явно выдававшем порочность его владельца, что это прямо-таки очаровало Бэннинга.

Он воскликнул:

– Я последую за любым, кто поведет меня похитить Императрицу! И Джоммо сам по себе - немалая задача, но Терения! Если ты справишься с этим, Валькар, ты сможешь легко сесть на трон!

Лишь благодаря настороженности, разбуженной в нем шепотом Сохмсея, Бэннингу удалось скрыть свое изумление. Одно дело - совершить налет на столицу, захватить Джоммо и заставить его что-то сделать. Но совсем другое - поднять руку на суверена. А из темных уголков подсознания выплыла другая мысль: "Терения - вот ответ! Получить ее - значит получить звезды!"

Бэннинг решил, что какие бы не были у Рольфа недостатки, в недостатке смелости его упрекнуть нельзя.

Смуглый человек у подножья трона поднялся.

– Я - Хорик, и я командую легким крейсером "Звездный поток", команда - сто человек. Дай мне руку, Валькар.

Бэннинг взглянул на Сохмсея:

– Этот?

Арраки покачал головой. Взгляд его странных блестящих глаз был устремлен на капитанов.

Бэннинг наклонился и сказал Хорику:

– Положим, я захватил власть в Империи - что ты потребуешь за свою помощь?

Хорик расхохотался.

– Во всяком случае - не благодарность. Я следую за тобой не по зову сердца, но по зову золота. Это понятно?

– Достаточно честно, - ответил Бэннинг, и пожал протянутую руку.

Хорик отступил обратно, и Бэннинг обратился к Рольфу:

– Ты не говорил им о деталях плана?

Рольф отрицательно покачал головой.

– Это отложено до окончательного совета, который состоится после того, как они свяжут себя обязательством.

– Мудро, - цинично сказал Бэннинг.

Рольф взглянул на него.

– Я мудр, Кайл. И не много времени понадобится, чтобы ты убедился, насколько я мудр.

Подошел другой капитан, и Рольф спокойно продолжал:

– Ты должен помнить капитана Вартиса, который и прежде сражался за тебя.

– Конечно, я его помню, - солгал Бэннинг. - Добро пожаловать, Вартис.

– И он подал руку.

Вартис был одним из выглядевших честными капитанов, старых солдат, верных до последнего дыхания. Бэннинг вспомнил о Красавце Принце Чарли «одно из прозвищ принца Карла Стюарда (1720-1788), неудачно пытавшегося захватить шотландский трон» и понадеялся, что его собственная авантюра будет иметь лучший исход. Потому что сейчас это была его авантюра, нравилась ему она, или нет. И победа - единственный способ выкарабкаться из нее живым. Так что он обязан победить, если это в человеческих или сверхчеловеческих силах. Совесть не слишком мучила его. Терения, Джоммо, Новая Империя - в конце концов, для Бэннинга это были всего лишь слова.

Ему начинало нравится это восседание на троне. Капитаны подходили один за другим и пожимали его руку. Некоторые выглядели негодяями, другие честными людьми, и каждый раз Бэннинг бросал взгляд на Сохмсея, который наблюдал за подходившими и как будто к чему-то прислушивался. Наконец осталось только четверо. Бэннинг вглядывался в их лица - трое, судя по виду могли продать собственную мать и Бэннинг решили, что предатель один из них. Четвертый, рассудительный на вид человек с открытым лицом, в опрятной форменной тунике, уже преклонил колено и Рольф говорил:

– Зурдис прикрывал твое отступление у…

Внезапно Сохмсей прыгнул вперед с пронзительным криком, от которого кровь стыла в жилах, и его когтистые пальцы сомкнулись на горле Зурдиса.

В зале раздались восклицания ужаса и люди подались к трону. Арраки, в темных нишах, тоже зашевелились и двинулись вперед. Бэннинг встал.

– Спокойно! И вы, мои верные Стражи - стойте!

Воцарилось напряженная, как тетива натянутого лука, тишина. Бэннинг слышал за спиной тяжелое дыхание Рольфа, а внизу, у подножия трона застыл коленопреклоненный Зурдис. Сохмсей улыбнулся.

– Господин, вот он!

– Пусть он встанет, - приказал Бэннинг.

Сохмсей неохотно убрал руки. Там, где когти прокололи кожу

на толстой загорелой шее капитана, выступили капельки крови.

– Так, - сказал Бэннинг, - значит, один из моих людей, моих честных капитанов предал меня.

Зурдис не ответил. Он посмотрел на Сохмсея, на далекую дверь и снова на Бэннинга.

– Рассказывай, - приказал Бэннинг, - рассказывай, и побыстрее, Зурдис.

– Это клевета! - воскликнул тот. - Пусть эта тварь уберется! Какое у нее право…

– Сохмсей, - мягко сказал Бэннинг.

Арраки протянул руки, и Зурдис с воплем скорчился. Он снова упал на колени.

– Ладно, - быстро заговорил он. - Ладно, я вам все расскажу. Да, я продал тебя, почему бы и нет? Чего я могу достичь здесь, кроме ран и изгнания? Когда я получил от Рольфа известие о этой встрече, я обо все сообщил Джоммо. И теперь над Катууном летает крейсер, ожидающий моего сигнала! Я должен был разузнать твои планы, твои силы, кто с тобой - и кроме того, в самом ли деле вернулся истинный Валькар, или ты самозванец, марионетка, нитки от которой в руках Рольфа.

– И что же? - спросил Бэннинг. Его сердце внезапно забилось быстрее.

Лицо Зурдиса, совершенно бескровное и свирепое, исказилось пародией на улыбку.

– Ты Валькар, все верно. И, полагаю, ты доставишь своим грязным Арраки удовольствие поиграть со мной живым. Но это мало что даст тебе. На крейсере хотели бы, конечно, услышать мой доклад, но если его не будет, они все равно спустятся сюда. Это тяжелый крейсер класса "А". Не думаю, что вам удастся сильно ему повредить.

Среди капитанов раздались возгласы, в которых изумление смешивалось со страхом. Бэннинг услышал, как Рольф ругается сквозь зубы. Один из капитанов крикнул:

– Надо попытаться по-тихому убраться отсюда, пока на крейсере ждут его рапорт!

Началось общее движение к двери. Бэннинг понимал, что если они уйдут, за его жизнь нельзя будет дать и ломанного гроша. Ради спасения своей шкуры он должен в совершенстве играть роль Валькара. Он закричал, останавливая капитанов:

– Погодите! Вы что, хотите, чтобы за нами охотились по всему космосу?

! Слушайте - у меня есть идея получше! - Он повернулся к Рольфу. - Забудь старый план, у меня есть другой. Слушайте внимательно вы, идиоты, называющие себя капитанами: мы

хотим добраться до самого трона и стащить с него императрицу. Что может быть лучше, нежели проделать все это на их собственном корабле?

Понемногу они начали понимать идею Бэннинга. Чем больше они ее обдумывали, тем больше им нравились ее неожиданность и смелость. Зурдис недоверчиво посмотрел на Бэннинга и внезапно в его глазах появилась надежда.

– Они ждут донесение, - продолжал Бэннинг. - и они его получат! - Он спустился вниз и, проходя мимо Зурдиса, указал на него:

– Тащи его, Сохмсей! Живого! Ты - и другие Арраки - следуйте за мной, и я объясню, как вы можете услужить Валькару. - Он повернул голову и вызывающе ухмыльнулся в лицо Рольфу, все еще стоявшему на ступенях трона. - Ты идешь?

Из груди Рольфа вырвался ликующий смех.

– Я, - сказал он, - последую за тобой как тень, господин! - Впервые он назвал Бэннинга так.

Хорик, смуглолицый капитан "Звездного потока", пронзительно заорал:

– Мы - твой охотничьи псы, Валькар! Веди нас, если тебе угодно затравить крейсер!

Остальные одобрительными криками поддержали Хорика и, следуя за Бэннингом, вышли на ночные улицы, сопровождаемый факельщиками - Арраки. И у Бэннинга, глядевшего на руины и поваленные колоссы, залитые тусклым светом бледных лун, слышавшего шаги и возгласы, готовящегося к предстоящей схватке, невольно мелькнула мысль: "Это безумный сон, и когда-нибудь я обязательно проснусь. Но пока…"

Он повернулся к Рольфу и спросил по-английски:

– У тебя был план?

– О да! Тщательно разработанный и умный, который возможно и удался бы - но мы бы потеряли много кораблей.

– Рольф.

– Да?

– Что ты им рассказал, что бы втянуть в такое?

– Полуправду. Я сказал, что у Джоммо ключ к секрету Молота, который он украл у тебя, и нам необходимо вернуть этот ключ. Думаю, нет нужды объяснять им, что ключ - твоя память, уже вернувшаяся к тебе - по их мнению.

– Гмм. Рольф.

– Что еще?

– Больше не отдавай распоряжений за меня.

– Теперь не буду, - спокойно сказал Рольф. - Пожалуй, я могу довериться твоим способностям.

А пока, подумал Бэннинг, самозванец, или нет, я должен играть роль Валькара - если хочу спасти от смерти Нейла Бэннинга.

Они прошли главные ворота города. За воротами Бэннинг остановился и оглянулся. В дальнем конце проспекта, освещенного светом многих факелов, вырисовывался силуэт огромного дворца, и пламя факелов казалось мрачным издевательским напоминанием о жизни в этом мертвом заброшенном мире.

Бэннинг кивнул и заговорил, отдавая приказы Арраки и капитанам. Один за другим люди и не-люди исчезали в джунглях. Наконец рядом с Бэннингом остались лишь Рольф, Бехрент и двое Арраки - Сохмсей и Киш, державшие Зурдиса.

Они пошли вверх на плато по разрушенной дороге. Пока они поднимались, Бэннинг инструктировал Зурдиса, который внимательно его слушал.

– Возможно, люди Зурдиса попытаются отбить его, - сказал Рольф, и Бэннинг кивнул.

– Бехрент и Хорик справятся с этим, за ними будут и все другие команды. Немногим нравятся предатели, - сказал он.

– Я действовал один, - угрюмо произнес Зурдис. - К чему делить добычу? Все мои люди верны Валькару.

– Хорошо, - сказал Бэннинг и повернулся к Бехренту, - но ты это проверь!

На плато Бэннинг, сопровождаемый Рольфом, Зурдисом и двумя Арраки, прошел прямо в радиорубку своего корабля. Дремавший дежурный радист испуганно вскочил и начал бешено работать. Бэннинг посадил Зурдиса за микрофон. За спиной капитана встал Сохмсей и прижал когти к его горлу.

– Сохмсей услышит твои мысли до того, как ты произнесешь их вслух, - сказал Бэннинг. - Если ты задумаешь измену, то умрешь, не успев сказать ни слова. - Он сделал повелительный жест. - Начинай.

Голос уже подтвердил получение вызова. Медленно, очень ровным голосом, Зурдис заговорил в микрофон:

– Здесь Зурдис. Слушайте - Рольф привез НЕ Валькара и половина капитанов поняли это. Сейчас они спорят в тронном зале дворца. Они дезорганизованы и охрана не выставлена. Арраки там тоже нет, и если вы сядете сейчас в джунглях у городских ворот, то сможете без труда захватить всех.

– Хорошо, - ответил голос. - Ты уверен, что этот человек - не Валькар?

– Уверен.

– Я немедленно сообщу Джоммо - это успокоит его. Но,

пожалуй, мне слегка досадно - для меня было бы большей честью захватить настоящего Валькара. Ладно, Рольф и все заговорщики - тоже неплохо. Мы сядем через двадцать минут. Ты держись в стороне.

В приемнике раздался щелчок. Зурдис посмотрел на Бэннинга, тот обратился к Сохмсею:

– Что в его мыслях?

– Господин, - ответил Арраки, - он думает, как бы ему ускользнуть и предупредить команду крейсера. Он думает о многом, чего не может скрыть, и нет среди этих мыслей хороших.

– Убрать его! - резко приказал Бэннинг.

Арраки утащили Зурдиса, а Бэннинг круто повернулся к Рольфу:

– Я не желаю убийств без необходимости, когда появится крейсер!

Запомни это!

Когда они вышли из рубки, Рольф вручил ему оружие. Цереброшокеры не годились для такого горячего дела - у них был слишком ограниченный радиус действия. Оружие, взятое у Рольфа, напоминало кургузый пистолет и стреляло разрывными пулями. Бэннинг не был вполне уверен, что сможет стрелять из "пистолета", хотя Рольф и объяснил, как это делается.

Когда они вышли из корабля, люди уже построились и ждали. Киш и Сохмсей заняли свои места за спиной Бэннинга. Они вернулись одни.

– Прекрасно, - сказал Бэннинг. - Быстро сделано.

Отряд в призрачном лунном свете углублялся в темную чащу долины.

Вдруг Бэннинг крикнул:

– Скройтесь! Они спускаются!

Не успели люди укрыться в черных зарослях, как над головами пронесся быстро снижающийся огромный черный призрак. На миг Бэннинг охватила паника - ему показалось, что огромная масса опускается прямо на них, грозя раздавить и его самого, и всех его людей. Потом он понял, что это только оптическая иллюзия - крейсер, ломая деревья, опустился в зарослях несколькими сотнями ярдов дальше - как Бэннинг и планировал, как раз между двумя его отрядами. Порыв ветра обрушился на лес, хлестнул ветви над головами и перед их лицами закружились листья и ветки. Потом воцарилась тишина и Бэннинг во главе отряда двинулся дальше.

Люди из крейсера в полном вооружении уже вышли наружу и построились, но, не ожидая здесь ничего опасного, больше были озабочены тем, как в темноте через завалы добраться до цели. И

когда внезапно появившиеся отряды Бэннинга ударили на них, они оказались словно между молотом и наковальней. Из крейсера выскакивали новые люди, началась стрельба, пули взрывались, как маленькие звезды и многие остались лежать мертвыми среди деревьев. Вспыхнули прожектора крейсера, превратив ландшафт в путаный узор ослепительного света и черных теней. Осветилась фантасмагорическая картина смешавшихся в дикой схватке людей и Арраки. Сохмсей издал долгий завывающий вопль, и все больше Арраки появлялось на этот зов. Они мчались, как дети, которых позвали играть и их странные глаза ярко сверкали.

С Бэннингом во главе они ворвались в открытый люк крейсера, в шлюзовую камеру и дальше в коридоры, гоня перед собой перепуганных людей, топча их своими быстрыми ногами, выметая их как метлой. Нескольких Арраки убили, нескольких ранили. Но теперь Бэннинг знал, что его предположения оказались правильными, что его слуги - полулюди-полупауки - оказались сильнейшим оружием против людей, которые слышали о них только в легендах и старых бабьих сказках. Внезапное появление из мрака народа Сохмсея, их вид и вопли - этого оказалось вполне достаточно, чтобы деморализовать всех, кроме самых храбрых, но и храбрейшие не устояли перед непреодолимым натиском. Арраки, повинуясь приказу Бэннинга, избегали убивать, если в этом не было необходимости, но вымели корабль они чисто и Сохмсей с Кишем ворвались в радиорубку, прежде, чем радист понял, что происходит.

Бэннинг вернулся к люку. Он тяжело дышал, легкая рана слегка кровоточила, а голова кружилась от такого дикого возбуждения, о котором он и не подозревал в старые дни на Земле. Подошел Рольф, тоже с трудом переводящий дыхание и Бэннинг сказал:

– Здесь все сделано.

Рольф, вытиравший кровь, сочившуюся из уголка рта, усмехнулся:

– И здесь тоже. Мы как раз заканчиваем.

Бэннинг засмеялся. Он протянул руку, Рольф свою и, смеясь, они обменялись рукопожатием.

Арраки начали выгонять людей из крейсера, присоединяя их к тем, которых люди и другие Арраки захватили среди деревьев. Пленники выглядели сбитыми с толку и возмущенными, как будто они до сих пор не поняли, что же произошло.

– И что теперь? - спросил Бэннинг.

– Теперь, - ответил Рольф, - перед нами Ригель и Джоммо. И ты снова станешь Кайлом Валькаром, и в твоей руке будет Молот.

Бэннинг поднял взгляд к небу, где далекая, ничего не

подозревающая планета - сердце Империи - шла извечным путем вокруг своего светила.

Глава 7

Тяжелый крейсер "Солнечное пламя" через звездные бездны мчался к Ригелю.

Внешне он оставался тем же, чем был всегда - одним из самых быстрых и мощных космических кораблей, со знаками Империи, блестевшими на борту, с полной командой, одетой в имперскую униформу и вооруженной имперским оружием. Но самом деле все это было лишь уловкой.

– Вот руководство, - сказал Рольф. - Сигналы, коды и прочее. Немного везения, и…

Тщательно составив послание, Бэннинг отправил его по почти мгновенной гиперпространственной связи.

ВОЗВРАЩАЮСЬ С ЗАГОВОРЩИКАМИ, ПОЧТИТЕЛЬНО ПРОШУ ПОЛНОЙ СЕКРЕТНОСТИ. ЖДУ ИНСТРУКЦИИ Он подписался именем капитана "Солнечного Пламени", который остался на Катууне под охраной Арраки. Ответ пришел быстро.

СЛЕДУЙТЕ ПРЯМО К ЗИМНЕМУ ДВОРЦУ.

И подпись - ТЕРЕНИЯ.

Рольф зло усмехнулся:

– Зимний Дворец - лучше и не придумаешь! Это там они, по их мнению, уничтожили Валькара, а теперь - они увидят! Дворец в отдаленном, тихом месте и имеет собственную посадочную площадку.

– И очень прочные темницы, - заметил Хорик. - Не забывай и об этом.

– Тебе лучше остаться на корабле, - сказал Бэннинг. - Если увидят твое честнейшее лицо, то мы все окажемся под замком. - И он рассмеялся.

Его возбуждение росло с каждой пройденной звездной лигой. Сама авантюра была достаточно дикой, чтобы привести в возбуждение любого человека, но было и что-то еще - предчувствие и имя - Терения. Бэннинг не знал, почему оно так действовало на него, но так было. Ему вдруг захотелось увидеть ее, услышать ее голос, узнать, как она выглядит и двигается.

– Дерзость побеждает, - тихо проговорил Рольф. - Она будет там, ничего не подозревающая, горящая желанием воочию убедиться, настоящий ли ты Валькар. И с ней будет Джоммо. Даже если бы ему, как главе Совета, это не было бы обязательно, он все равно бы пришел. У него есть свои причины.

Он страстно хочет убедиться в том, что Зурдис сказал правду. - Рука Рольфа сделала хватательное движение. - И у нас будут оба.

Напоминание о Джоммо заставило Бэннинга вздрогнуть. Он не хотел встречи с ним. Джоммо мог вынести окончательный приговор - реален или нет Нейл Бэннинг, а Бэннинг этого не хотел. Он яростно убеждал себя, что нечего бояться, потому что он - настоящий Нейл Бэннинг, и никто не сумеет отнять его "я". Но страх оставался.

Хорик улыбнулся, как человек, подумавший о чем-то приятном.

– Когда они будут у нас, - сказал он, - у нас будет секрет Молота. А с Молотом и Валькаром, который знает, как владеть им… - и жестом он показал, что тогда можно овладеть всей Вселенной.

Молот? Бэннинг тоже думал о нем. Он осмотрел орудия крейсера, орудия, стреляющие атомными снарядами, мчащимися гораздо быстрее света и наводимые гиперпространственными радарами. Даже это обычное оружие имперского крейсера казалось ему ужасным. Так насколько же ужаснее был таинственный Молот, которого страшилась целая галактика!

Крейсер мчался вперед, приближаясь к сверкающей звезде. На корабле росло напряжение. Бехрент, который когда-то служил в Имперском Флоте, тратил все свое время на обучение офицеров и команды управлению оружием корабля, зло ругая их за ошибки и свирепо напоминая, что их жизни зависят от их умения. Бэннинг мало спал, просиживая бесконечные часы с Рольфом, Хориком или другими капитанами. Часто бывал он и в рубке. И всегда за его спиной были Сохмсей и Киш.

Арраки отказались остаться в Катууне.

– Господин, - сказал Сохмсей, - однажды ты ушел без меня и годы ожидания тянулись так долго.

Крейсер вошел во внешний пояс патрулей, охранявших столицу Новой Империи. Снова и снова их вызывали, следуя обычному порядку, но каждый такой вызов мог оказаться гибельным, возбуди подозрения мельчайшая деталь.

Но всякий раз после того, как они называли себя, корабль получал разрешение на проход. Уже сиял голубоватым светом Ригель и корабль, сбрасывая скорость с таким расчетом, чтобы попасть к Зимнему Дворцу вечером, мчался к третьей планете системы.

– Нам нужна темнота, - заметил Рольф. - Это даст нам определенные преимущества.

После того, как они прошли внутреннее кольцо патрулей, Бэннинг отправил сообщение:

"СОЛНЕЧНОЕ ПЛАМЯ" СЛЕДУЕТ К МЕСТУ НАЗНАЧЕНИЯ, СИГНАЛ ОДИН!

Ответ на заставил ждать:

ПРОХОДИТЕ, "СОЛНЕЧНОЕ ПЛАМЯ", ВСЕМ ДРУГИМ КОРАбЛЯМ ОЖИДАТЬ КОНТРОЛЯ.

Крейсер вошел в тень громадной планеты и Ригель исчез из виду.

Нервное возбуждение Бэннинга достигло предела и исчезло, оставив его странно холодным и спокойным. Нейл Бэннинг или Кайл Валькар - он должен пройти через все и выяснить, кто же он на самом деле!

Голоса офицеров звучали приглушенно. Внизу люди, все при оружии, были наготове.

– Дежурные офицеры и команда остаются на борту, - сказал Бэннинг, - готовые к немедленному взлету. Повторяю: к НЕМЕДЛЕННОМУ, в любую не минуту, но секунду. - Он обернулся к Рольфу, Хорику, другим "заговорщикам" и Ландольфу с Тавном, игравшим роль офицеров охраны. - Я дал вам все необходимые распоряжения. Остается выполнить их, когда мы выйдем. Да сопутствует нам удача!

– Приготовиться к посадке, - сказал металлический голос из громкоговорителя.

Бэннинг посмотрел в иллюминатор. Они быстро снижались. Внизу тянулся огромный город, сверкавший разноцветными огнями и занимавший, казалось, половину континента. В стороне от города среди окружающей тьмы виднелось еще одно пятно света.

– Зимний Дворец, - сказал Рольф и сердце Бэннинга бешено застучало.

ТЕРЕНИЯ! Он негромко сказал:

– Мы должны быть наготове. Всем проверить оружие и хорошенько его спрятать. Пользуйтесь шокерами, старайтесь не убивать без нужды. И помните: Терения и Джоммо нужны нам живые и невредимые!

Обращаясь к Арраки, он продолжил:

– Вас не должны заметить сразу - оставайтесь в тени, пока я не позову.

Тавн и Ландольф вызвали охрану - сильную охрану, необходимую для таких важных пленников. Бэннинг накинул на голову капюшон и ждал. Его сердце билось учащенно, дыхание было затруднено.

Корабль коснулся поверхности.

Быстро, под звуки четких команд и ритмичный топот ног, охрана вышла из корабля и выстроилась в виде квадрата, в центре которого находились "пленники". К ним присоединился отряд дворцовой охраны и все двинулись через открытое посадочное

поле, которое, очевидно, освободили для их большого крейсера. Так что явных препятствий для бегства не было.

Их двойной эскорт быстро проследовал через открытый участок, прямо к белому портику, где был вход во Дворец - великолепное здание, окруженное деревьями и фонтанами. Бэннинг оглядывался по сторонам, чувствуя нервное возбуждение. Здесь десять лет назад пленного Валькара дьявольская наука Джоммо лишила памяти. Сейчас, через десять лет, сюда пришел другой человек, Нейл Бэннинг с далекой планеты Земля. Он не мог быть тем Валькаром, но все же…

Хоть ночь и была теплой, дрожь пробежала по его телу.

– Лаборатория Джоммо, - наклонившись к Бэннингу шепнул Рольф, - в западном крыле - вон там.

– Прекратить болтовню! - приказал Ландольф и Хорик грубо выругался.

Они вошли в широкий белый портик. Перед тем как войти, Бэннинг бросил взгляд через плечо и ему показалось, что он заметил две тени, скользящие среди деревьев.

За портиком находился большой зал, строгую красоту которого подчеркивала облицовка из светлого камня и пол из полированного мрамора, черного, словно горное озеро зимой и казавшегося таким же глубоким. Через равные промежутки в дверях виднелись высокие двери, а у одной из стен безупречным изгибом взвивалась вверх роскошная лестница. В зале их ожидал мужчина, а на середине лестницы стояла женщина, смотревшая вниз на пленников и охрану.

Бэннинг увидел сначала мужчину и в нем внезапно вспыхнула острая ненависть. Лицо Бэннинга по-прежнему наполовину закрывал капюшон, и Бэннинг смотрел из-под него на Джоммо, удивляясь, что тот так молод и вовсе не похож на бородатого, согбенного годами и знаниями ученого. Этот человек был рослым и мускулистым, с высокоскулым лицом. Ему больше подошел бы меч, чем пробирка.

Только глаза Джоммо говорили, что он на самом деле и государственный муж и ученый. Глядя в эти серые, пристально смотревшие сверкающие глаза, Бэннинг понял, что столкнулся с мощным интеллектом - вполне возможно, далеко превосходящим его собственный.

Эта мысль была как вызов, и что-то внутри Бэннинга шепнуло:

"Посмотрим!"

Охрана отсалютовала, клацая оружием и грохоча ботинками по мраморному полу. Бэннинг перевел взгляд на лестницу и увидел женщину. Он забыл обо всем, кроме Терении.

Бэннинг рванулся вперед так внезапно, что едва не прорвал цепь дворцовой охраны, прежде чем они удержали его. Бэннинг сбросил капюшон, скрывавший его лицо и услышал короткий вскрик Джоммо. Терения шагнула вниз по лестнице и назвала имя.

Она была прекрасна. Она вся горела от гнева и ненависти. Казалось, внутри ее пылал костер, свет которого окрасил румянцем ее белую кожу и заставил глаза метать искры. И все же Бэннинг почувствовал, что кроме ненависти было что-то еще…

Терения спустилась вниз и пошла по залу именно так, как и представлял себе Бэннинг - свободно и грациозно. Он двинулся было вперед - встретить ее - но охрана не пустила и он сам тоже почувствовал гнев и ненависть.

Впрочем, ненависть его была смешана с совершенно другим чувством.

НО ВЕДЬ ОН - НЕЙЛ БЭННИНГ, И ЧТО МОЖЕТ ЗНАЧИТЬ ДЛЯ НЕГО ТЕРЕНИЯ СО ЗВЕЗД?

– Глупец, - сказал она. - Я подарила тебе жизнь. Почему ты не захотел довольствоваться этим?

Бэннинг мягко спросил:

– Найдется ли человек, который смог бы в моем положении довольствоваться этим?

Она смотрела на него, и Бэннинг подумал, что если бы у нее в руках был кинжал, она немедля заколола бы его.

– На этот раз, - сказала она, - я не могу спасти тебя. И на этот раз я не хочу спасать тебя, даже если бы и могла.

Подошел Джоммо, встал рядом с Терением, и вдруг Бэннинг вспомнил рассказ Рольфа - достаточно, чтобы представить, как обстояли дела с ними, всеми тремя - не в деталях, но в общих чертах, общую ситуацию. И он рассмеялся.

– Но в тот раз ты меня спасла, маленькая императрица, хоть и не должна была. И ты ждала меня все эти годы, не так ли, Джоммо? Несмотря на твои уговоры - взять тебя в супруги, за все эти долгие десять лет ты так и не смог наложить свои лапы на нее, или на ее трон?

Даже не глядя в полные холодной ярости глаза Джоммо, он понял, что удар попал в цель. Но все же не совсем точно - что-то было в этом человеке, поражающее и неизбежное. И Бэннинг понял, что. Это была честность. Джоммо был искренен. Не троном он хотел овладеть, но Терением.

Бэннинг бросился вперед и вцепился в горло Джоммо. Он сделал это так быстро и с такой яростью, что охрана не успела помешать ему - и люди Бэннинга тоже набросились на охрану. Бэннинг закричал и дикий крик, подхваченный его "охраной"

отразился от сводов зала "Валькар! Валькар!"

Дворцовая охрана, "пленники" и люди с крейсера смешались в яростной схватке. Бэннинг увидел на лице Джоммо выражение изумления, впрочем, тут же исчезнувшего. Он закричал:

– Беги, Терения! Им нужна ты - мы задержим их - зови подмогу!

Бэннинг сдавил горло и Джоммо больше ничего не успел сказать.

Терения повернулась и, словно лань, помчалась к лестнице. Ее лицо стало белым и дрожало, но она не боялась. Она бежала вверх по ступеням, громко призывая охрану. В нишах стены, расположенных через равные интервалы вдоль ступеней, стояли небольшие тяжелые каменные вазы. Терения на бегу сбросила вниз одну из них, потом другую. Бэннинг расхохотался. Ее волосы цвета пламени выбились из-под удерживающей их тонкой сетки и теперь метались по ее плечам. Бэннинг хотел ее. Он хотел поймать ее сам, поскорее, до того, как она успеет скрыться в верхних коридорах и собрать охрану. А пока он должен покончить с Джоммо.

Но Джоммо был силен. У него не было оружия, и он понимал, что ему нельзя допустить, чтобы Бэннинг воспользовался своим. Сейчас они боролись за шокер, который Бэннинг пытался вытащить из-под туники, и боролись на равных, особенно после того, как Бэннинг выронил шокер. Вокруг них кипела битва, дробясь на отдельные группы сражающихся, и Бэннинг увидел, что эти группы отрезают его от лестницы. Снаружи донесся шквал криков и выстрелов, означавший, что главные силы Бэннинга с крейсера захватили площадку и ворвались во Дворец. Все шло хорошо, лучше, чем он даже мог надеяться, но им необходимо заполучить Терению. Без нее рушился весь план, а она могла скрыться в любую минуту. Слишком много времени потребовалось бы, чтобы обыскать весь Дворец, и кто знает, сколько здесь потайных ходов, ведущих наружу? Обычно монархи заботятся о том, чтобы всегда была возможность ускользнуть.

Но сильные руки Джоммо держали его и Джоммо свирепо рычал прямо в его ухо "Ты безумец, Валькар! Тебе не догнать ее!"

Бэннинг внезапно резко выгнул спину и ему удалось освободить одну руку. Он сильно ударил Джоммо. У того из уголка рта показалась кровь и ноги его подкосились, но все же Джоммо устоял. Терения уже достигла верхней площадки.

– Ты проиграл! - выдохнул Джоммо.

Взбешенный Бэннинг снова ударил его. На этот раз Джоммо зашатался и упал. Но он потянул за собой и Бэннинга, а упав, вцепился в его горло. Они покатились по полу под ногами

сражавшихся. Слепая ярость охватила Бэннинга, наружу вырвалось что-то настолько древнее и примитивное, чего он в себе никогда и не подозревал. Его руки сомкнулись на жилистой шее Джоммо и они боролись насмерть на мраморном полу пока Рольфу и Хорику не удалось их растащить.

Сейчас зал был полон людьми Бэннинга. Дворцовая охрана сложила оружие. Бэннинг вздохнул, и вздох болезненно отозвался в его груди. Он посмотрел на лестницу - Терения исчезла.

– Нам необходимо найти ее, - сказал Рольф. - И быстро.

– Арраки помогут, - отозвался Бэннинг и хрипло позвал. Снова обернувшись к Рольфу, он продолжал:

– Собери несколько человек и возьми Джоммо. Он может там понадобиться. - И Бэннинг побежал вверх по лестнице.

Там его догнали Арраки. - Ищите ее! - приказал он. - Ищите! - И они, как две большие гончие, бросились вперед по следу императрицы.

В верхних коридорах было тихо. Слишком тихо. Здесь должны были бы находиться стражники, слуги и вообще бесчисленные, безымянные люди, всегда обитающие во дворцах. Бэннинг бежал, напряженно вслушиваясь в эту тишину, а Киш и Сохмсей, бегущие гораздо быстрее его, многоногими тенями метались во все ответвляющиеся проходы.

– Не здесь, - резко бросал Сохмсей на бегу. - Не здесь. Не здесь.

Не… Да! Здесь!

Дверь. Закрытая, как и все остальные. Бэннинг рванулся к ней, и Киш едва успел схватить его.

– Они ждут, - сказал он. - Внутри.

Бэннинг вынул пистолет, от души надеясь, что им не придется воспользоваться. В ближнем конце коридора он заметил окно и выглянул из него наружу. Сейчас внизу все было спокойно, крейсер мирно лежал на посадочной площадке. Футах в двадцати от Бэннинга в стене было другое окно. Он подумал, что окно может вести в ту комнату, и указал на него Сохмсею:

– Сможешь добраться до туда?

Арраки засмеялся своим удивительным мягким смехом.

– Сосчитай трижды до десяти, господин, прежде чем ломать дверь. Киш!

Оба Арраки, темные паукообразные фигуры, скользнули во мрак по широкому карнизу. Бэннинг слышал доносившееся снаружи сухое дробное клацание когтей по камню. Он начал считать. Как раз подбежали Рольф и Хорик, держащие Джоммо, и с ними еще шесть-семь человек. Бэннинг встал перед дверью.

– Здесь у нас Джоммо! - крикнул он. - Вы, там, не вздумайте

стрелять, если не хотите его смерти!

– Нет, - завопил Джоммо. - Стреляйте!

Рольф ударил его в зубы. Бэннинг наклонился ближе к двери.

– Вы слышали? В ваших руках его жизнь, так же, как и наши. - Ему показалось, что он услыхал голос Терении, отдающий какой-то приказ.

Тридцать. СЕЙЧАС.

Он пнул дверь, попав пяткой прямо по замку, и невольно сжался, ожидая ураганного огня. Но не последовало ни одного выстрела. Зато он услышал пронзительный визг сначала одной женщины, потом нескольких других. Перед дверью в шеренгу стояло с полдюжины дворцовых стражников, вооруженных, но держащих оружие опущенным, за ними - слуги и женщины. А теперь Киш и Сохмсей ворвались с тыла через окно и охрана была ошеломлена воплями мужчин и визгом женщин, пытавшихся скрыться от Арраки. Терении среди них не было.

За группой перемещавшихся слуг и стражников была дверь, ведущая во внутренние покои. Бэннинг ударами и пинками расчищал к ней дорогу, но Арраки были ближе и достигли ее первыми. Они широко распахнули высокие белые створки и стало видно внутреннее убранство комнаты: широкое белое ложе, занавешенное пологом желтого шелка, толстые ковры на полу и удобная мебель. Стены были белыми, с высокими панелями, отделанными желтой парчой под цвет полога. Одна из панелей еще двигалась - он только что была открыта, а теперь закрывалась.

Ни один человек не успел бы достичь этой сужающейся щели до того, как она закроется, но Арраки не были людьми. К тому времени, когда Бэннинг с трудом пробился в комнату, они вновь открыли панель и исчезли в проходе, открывшемся за ней. Бэннинг слышал, как они бежали, а потом раздался крик ужаса, сдавленный и приглушенный узкими стенами коридора.

Сохмсей вернулся в комнату, держа в руках обмякшее тело Терении. Он выглядел огорченными.

– Прошу прощения, господин, - сказал он, - Мы не причинили ей вреда.

Но с вашими женщинами такое случается часто.

Бэннинг улыбнулся.

– Она скоро придет в себя, - сказал он и протянул руки. - Прекрасная работа, Сохмсей. Где Киш?

– Пошел разведать потайной ход, - ответил Сохмсей, осторожно передавая Терению Бэннингу. - Он почувствует, если там есть что-нибудь опасное.

Бэннинг кивнул.

В его руках лежала Терения. Он ощущал тепло ее тела, слышал биение сердца. Ее шея была белоснежной и сильной, огненные волосы тяжелой массой свисали с рук Бэннинга, темнели густые ресницы опущенных век. Он не хотел никуда идти. Он хотел только одного - стоять так, держа в руках Терению.

Суровый голос Рольфа раздался за его спиной.

– Идем, Кайл, нам еще многое надо сделать.

Вернулся тяжело дышавший Киш.

– Ничего, - сказал он. - Там все спокойно, господин.

– Нам понадобятся Арраки, Кайл, - сказал Рольф.

Бэннинг вздрогнул и холодок пробежал по его спине. Пришло время - время, прихода которого он так боялся.

Глава 8

Лаборатория, в которой они находились, не походила ни на одну из виденных Бэннингом прежде. Машины и оборудование были упрятаны под щиты и кожухи и можно было только догадываться о их назначении и сложности. В этой длинной высокой комнате было тихо и чисто.

Бэннинг понял, что только выдающийся ученый мог занять такое высокое положение в этой огромной звездной империи. Сейчас Рольф быстро и резко говорил что-то этому человеку, Джоммо слушал с каменным лицом. Рольф отослал Хорика проверить, как обстоят дела с пленниками, но оба Арраки стояли здесь. Они, держась настороженно, внимательно смотрели по сторонам.

Терения уже очнулась. Она сидела в кресле и на ее совершенно белом лице горели раскаленными сапфирами глаза, смотревшие на Бэннинга. Она смотрела только на него, не обращая внимания на остальных.

Рольф умолк, и Джоммо медленно произнес:

– Так вот оно что. Мне следовало бы догадаться.

– Нет, - сказала Терения и с силой добавила:

– О нет! Мы не вернем вашему Валькару его память - он может уничтожить Империю!

– Ваш выбор ограничен, - зловеще проговорил Рольф.

Горящий взор Терении не отрывался от лица Бэннинга. Она с горечью заговорила, обращаясь к нему:

– Однажды ты едва не добился успеха, верно? Ты явился сюда со всеми ключами, оставленными тебе отцом, обманом добился от меня позволения порыться в древних архивах, нашел там путь к Молоту и ушел, насмехаясь над нами, надо мной.

– Я?

– Ты, и ты использовал самую древнюю и дешевую уловку, какую мужчина может применить к женщине.

– Терения… - начал Джоммо, но она продолжала, не взглянув на него:

– Ты просто чуть-чуть промедлил. И это чуть-чуть спасло Империю! Мы схватили тебя и Джоммо стер твою память. Нам следовало стереть ТЕБЯ.

– Но вы этого не сделали, - сказал Бэннинг.

– Да, не сделали. Мы ненавидим убийство - этого не понять сыну Старой Империи. Мы оказались настолько глупы, что дали тебе ложную память, отправили на окраинную планету - Землю - и решили, что ты убран с пути и безопасен. Я оказалась настолько

глупа.

Рольф сердито сказал:

– Вы настолько удачно убрали его с пути, что для того, чтобы найти Валькара, мне понадобились долгие годы секретных поисков на Земле.

Терения медленно перевела взгляд на мрачного гиганта.

– А теперь, когда у тебя есть Валькар, ты хочешь заполучить и его память, а потом и Молот?

– Да, - отрезал Рольф, словно волк клацнул клыками. - Слушай, Джоммо, - повернулся он к ученому. - Ты можешь восстановить его память. И ты сделаешь это. Ты сделаешь это потому, что не захочешь увидеть Терению мертвой.

– Я знал, что ты скажешь это, - ответил Джоммо.

– Так как?

Джоммо посмотрел на Терению. Через несколько секунд его плечи опустились и он склонил голову.

– Ты сам сказал - мой выбор ограничен.

Бэннинг похолодел, а сердце его бешено застучало. Он хрипло спросил:

– Сколько времени это займет?

Секунды, часы, столетия - сколько времени понадобится, чтобы изменить "я" человека? Предположим, что весь этот невероятный сон - правда, и Нейл Бэннинг - всего лишь имя, фикция, воплощенная ложь. Что останется от него?

Сохранится ли память человека, в действительности не существовавшего?

Джоммо медленно выпрямился. Бесцветным голосом, с неподвижным лицом он ответил:

– Час, возможно и меньше.

Терения недоуменно смотрела на него. Казалось она не верила своим ушам. Потом она яростно закричала:

– Нет! Я запрещаю тебе, Джоммо - слышишь? Я запрещаю! Пусть они…

Сохмсей легонько положил когтистую руку на ее плечо, и она замолчала, задыхаясь от отвращения. А Арраки сказал:

– Господин, пока ее рот кричит гневные слова, мысли ее говорят о надежде. Здесь притворство, между ними двумя.

Рольф с неприятным циканьем втянул воздух между зубами.

– Я так и думал - Джоммо слишком легко согласился. - Он поочередно посмотрел на них. - Прекрасно, все равно все выйдет наружу. С Арраки ложь бесполезна.

Терения отпрянула от Сохмсея, но промолчала. Джоммо пожал плечами, его лицо по-прежнему ничего не выражало. Бэннинг восхищался его выдержкой.

– Арраки, - сказал Джоммо, - вне сомнения, хорошие слуги, но уж слишком они усердствуют. - Он посмотрел на Бэннинга. - Ты хочешь вернуть память. Я согласен. Я не могу сделать большего.

– Час, - сказал Бэннинг, - возможно и меньше. - Он шагнул к Терении.

– Что может случиться в течение следующего часа, чего вы ждете?

Открытый взгляд горящих глаз был устремлен прямо на него.

– Не понимаю, о чем ты говоришь. И прошу прикажи СУЩЕСТВУ больше не дотрагиваться до меня.

– Что-то должно появиться, - задумчиво сказал Бэннинг. - Что-то достаточно сильное, чтобы помочь.

Сохмсей тихо произнес:

– Мысли ее скачут. Язык ее не говорит правды.

Совершенно иррациональная, но объяснимая ярость охватила Бэннинга. Он тряхнул Терению за плечи:

– ЧТО должно появиться?!

– Подожди и увидишь!

– Терения! - предостерег Джоммо, и Сохмсей усмехнулся:

– Они думают о корабле.

Рольф выругался.

– Конечно, они же должны были послать за другими членами Совета Империи, чтобы совместно решить нашу судьбу. И если только обычаи не изменились, это означает тяжелый крейсер класса "А" под командованием адмирала. - Он повернулся к Джоммо. - Скоро?

– Пять минут, час - я не могу ответить точно.

– Но вы по-прежнему остаетесь заложниками, - свирепо сказал Рольф.

Джоммо кивнул. - Это должно сделать ситуацию забавной.

– Но не благоприятной, - откликнулся Бэннинг. - Рольф, нам надо убираться отсюда.

Рольф удивленно посмотрел на него. - Только после того, как Джоммо вернет тебе память!

– Джоммо, - решительно произнес Бэннинг, - сможет сделать это и на нашем корабле, не так ли? Мы уходим! - Он повернулся. - Киш, передай приказ Хорику и остальным готовиться к отлету. И приведи сюда несколько человек, поскорее. Они понесут оборудование. Джоммо! Ты покажешь, какие аппараты необходимы. Постарайся ничего не забыть! - если тебя волнует судьба твоей императрицы.

Складка вокруг рта Джоммо стала глубже, и в первый раз за все время он ослабил свой железный самоконтроль. Он посмотрел

сначала на Сохмсея, который наблюдал за ним с пристальным интересом, потом на Рольфа и Бэннинга взглядом, горящим такой искренней ненавистью, что Бэннинг чуть не вздрогнул, и наконец - на Терению.

– Не берите с собой хоть ее, - сказал он. - Умоляю вас.

– Она будет в такой же безопасности, как и мы, - ответил Бэннинг и добавил, обращаясь к Терении:

– Поверьте, я сожалею. В план это не входило.

Терения прошептала:

– Не думаю, чтобы я отказалась, если бы мне предложили сначала посмотреть на твою смерть, а потом умереть самой. - Похоже, она говорила то, что думала.

Внезапное сомнение и чувство вины охватили Бэннинга. Он позволил себе идти к цели напролом, не слишком задумываясь об этике. Для него, землянина, звездные императоры и императрицы, Валькар и Молот, все эти интриги чуть ли не стотысячелетней давности в конце концов казались не более чем словами, не более чем невероятным сном, а человек не слишком-то задумывается о своем поведении в сновидении. Но теперь слова перестали быть словами. Слова превратились в людей, живых, реальных людей. Это были и Терения, и Джоммо, и он сам стал реальной силой - Валькаром, если даже он лишь его тень. Его действия могли повлечь невообразимые последствия, способные повлиять на жизнь миллиардов людей, обитающих на мирах, о которых он и слыхом не слыхивал.

Бэннинга испугала гигантская тяжесть легшей на него ответственности.

И теперь, в эту последнюю минуту он понял, что такая ноша ему не по силам.

– Рольф, - начал он, - я…

В распахнувшуюся дверь ворвался Киш.

– Сообщение, господин - радар "Солнечного пламени" засек приближающийся корабль и Бехрент просит, чтобы мы поторопились вернуться на борт!

Бэннинг беспомощно взглянул на Терению. У него не было выбора.

Терения необходима для выкупа его собственной жизни и жизни его людей, для обеспечения свободного прохода через космические патрули. Позже, может быть, у него появится время подумать об этике.

– Ладно, - резко бросил Бэннинг. - Передай капитанам и веди сюда людей.

– Они уже здесь, господин.

– Хорошо. - Он повернулся к Джоммо. - Поторопись, и не

пытайся умничать. Сохмсей будет наблюдать.

Бэннинг снял свою накидку с капюшоном и набросил ее на плечи Терении.

– Сейчас я отведу тебя на корабль.

Теперь она уже не смотрела на него и ничего не сказала.

Когда Бэннинг взял ее за руку и повел вперед, Терения пошла рядом, прямая и гордая, уделяя ему не больше внимания, чем если бы его здесь вовсе не было - правда, Бэннинг чувствовал, как она вздрагивала, когда он касался ее почти обжигающего тела.

В нижних залах дворца и снаружи царила напряженная, но не суетливая спешка. Люди Бэннинга длинными колонами бегом возвращались на корабль а разоруженная и беспомощная дворцовая охрана угрюмо толпилась в стороне.

Они зашевелились, несмотря на угрожающее им оружие, когда увидели Терению, но Хорик окружил ее и Бэннинга сильной охраной и они без помех прошли мимо.

Свежий ночной воздух охладил щеки Бэннинга. В темном небе ничего не было видно, но он знал, что там, вдали, к ним, опережая свет, мчится опасность. Он поторопил Терению. Деревья и фонтаны остались позади и они вышли на посадочную площадку, где лежал крейсер, через открытые люки которого лился яркий свет. Бэннинг, крепко державший Терению, тревожно думал, начал ли Рольф, найдут ли все нужное оборудование, далеко ли вражеский корабль и сколько минут у них осталось.

В воздушном шлюзе дежурил Скранн. Он руководил спешащими людьми, не допуская затора в небольшом помещении. Увидав Бэннинга, он сказал:

– Капитан будет рад видеть вас в рубке, сэр.

Его голос звучал напряженно, а сам он выглядел встревоженным. Бэннинг грубо затащил Терению внутрь, не утруждая себя извинениями. Заметив свободную каюту, он бесцеремонно толкнул ее туда, запер дверь и поставил охрану. Потом он поспешил в рубку.

Бехрент, шагавший взад и вперед по рубке, выглядел свирепее, чем когда-либо раньше. То и дело вбегали и выбегали ординарцы. Техники беспокойно ерзали у контрольных панелей.

– Какова ситуация? - спросил Бэннинг.

Бехрент поднял вверх одну руку и рубанул ей по ладони другой.

– Уже сейчас, - сказал он, - нам придется взлетать прямо под их орудиями. - Он посмотрел через иллюминатор на людей, бегающих внизу. - Что они там делают? - прорычал он. - В игрушки, что ли, играют? Клянусь, я захлопну люки и оставлю их…

Розовощекий ординарец, у которого глаза выпрыгивали от нервного возбуждения, влетел в рубку и выпалил, обращаясь к Бэннингу:

– Рольф только что поднялся на борт и велел передать вам, что все в порядке, и что он присмотрит за пленными.

– Хорошо, - сказал Бэннинг. Он тоже посмотрел в иллюминатор. - Отправляйся вниз и скажи, чтобы поторопились с погрузкой. Взлет в два…

Появился другой ординарец и принес сообщение с радара. Записку взял Бехрент и краска сошла с его лица, внезапно ставшего бесконечно уставшим.

Он протянул записку Бэннингу.

– Если сейчас вы посмотрите на небо, то увидите крейсер, летящий сюда.

– Пусть прилетает! - дико рявкнул Бэннинг.

Бехрент взглянул на него.

– Но через две минуты после приземления они узнают о нас все, и тогда…

– Две минуты, - прервал Бэннинг, - время вполне достаточное, если мы будет двигаться быстро.

Лицо Бехрента озарилось мрачным светом:

– Вы по-прежнему Валькар! Это должно сработать, но патрули будут предупреждены раньше, чем мы выйдем в открытый космос.

– Будем думать о патрулях, когда дойдем до них, - ответил Бэннинг.

Бехрент заорал в микрофон систем оповещения:

– Расчеты световых орудий - по местам!

ВЫ ПО-ПРЕЖНЕМУ ВАЛЬКАР! Какая ирония, подумал Бэннинг. Он по-прежнему Нейл Бэннинг. Он отсрочил последнее испытание истинности своего "я", но это была всего лишь отсрочка.

В рубку, нахмурив свое крупное лицо, втиснулся Рольф.

– Так мы собираемся драться?

– Мы собираемся ускользнуть от крейсера, а не драться, - ответил Бэннинг. - По крайней мере, мы попытаемся. Как Джоммо?

– Я запер его вместе с Терением и оставил охрану, - сказал гигант. - Аппаратура в другом месте, тоже под охраной.

– Это правильная машина, господин, - добавил Сохмсей, проскользнувший в рубку вслед за Рольфом. - Я читал его мысли.

– Надеюсь, что мы проживем достаточно долго, чтобы успеть испытать ее, - сквозь зубы произнес Бэннинг. Он смотрел вверх через видеоэкран на усеянное звездами небо.

Бехрент тоже смотрел вверх. Сейчас все на корабле стихло.

Каждый человек занял свое место по стартовому расписанию. Не слышалось ни звука, кроме глубокого, еле уловимого жужжания механизмов, создающих поле.

Высоко в небе появилось темное пятно, закрывшее звезды. Оно росло с ужасающей быстротой, стремительно превращаясь в огромную черную массу, несущуюся вниз, создавая впечатление, что это сам небосвод рушится на них.

"Солнечное пламя" слегка качнулось, когда тяжелый крейсер в сотне ярдов от них, сбрасывая скорость для посадки, завис над самой площадкой.

– Старт! - рявкнул Бехрент.

Они взлетели в тот миг, когда другой крейсер коснулся площадки.

Бэннинг смотрел на картины, проносящиеся через большой изогнутый экран так, словно пытался разглядеть среди них свою будущую жизнь или смерть. Он смотрел на дворец, на удаляющуюся планету, когда услыхал резкую команду Бехрента: "Огонь!"

Дворец, посадочное поле, резко очерченные формы только что опустившегося крейсера - все озарилось ярчайшим светом. Фокус этой слепящей вспышки пришелся на хвостовую часть крейсера, потом свет ослаб и исчез. Их собственный корабль мчал их прочь так быстро, что в краткий миг эта сцена внизу съежилась и пропала из виду.

– Сделано! - ликующе воскликнул Рольф. - Команда невредима, но они не могут гнаться за нами!

Теперь "Солнечное пламя" летело через теневой конус планеты и Бэннинг слышал из радиорубки вопли оператора: "Очистить проход восемнадцать - чрезвычайный случай, чинуша! Очистить проход восемнадцать - проход восемнадцать…"

Они вырвались из тени в ослепительное сияние Ригеля. Огромное бело-голубое солнце осталось за их спинами и они мчались в открытый космос, а мимо проплывали шары-лампы внешних планет.

– Вырваться, с самой Терением на борту! - заорал Рольф и с силой хлопнул Бэннинга по плечу. - Мы им покажем, что Старая Империя оживет!

– У капитана, - шепнул Сохмсей, - в мыслях нет радости.

Перед этим Бехрент ушел в радиорубку и теперь возвращался, с невеселой усмешкой на изборожденным морщинами лице.

– Я не собираюсь, - угрюмо сказал он, - праздновать сейчас что бы то ни было. Внешние патрули уже предупреждены и держат нас на радаре, перекрывая путь.

– Проклятье! - взревел Рольф. - Тогда режь прямо сквозь заслон - там ведь только легкие крейсеры!

– Погоди, - прервал его Бэннинг. - Радиус действия наших орудий больше, чем у них, верно? И если мы поставим перед собой огневой барьер, то они не смогут ответить и будут вынуждены убраться, не так ли?

– Все зависит… - начал Бехрент, но тут же замолчал, а через секунду продолжил:

– Стоит попытаться. Им не сообщили, ПОЧЕМУ нас приказано задержать, иначе они могли бы отважиться. Но не зная… - не закончив, он подошел к микрофону внутренней связи, вызвал пост управления огнем и принялся отдавать приказы.

"Солнечное пламя" прошло не больше, чем в миллионе миль от скованной льдом внешней планеты. Скорость крейсера была такой, что она показалась грязно-белым кегельным шаром, прокатившимся по звездному небу.

Заговорили орудия. Лишь слабая дрожь отметила их залп - снаряды не выбрасывались взрывчатыми веществами, а приводились в движение собственными двигателями. Но Бэннинг увидел яркие вспышки, разорвавшие пустоту впереди и по сторонам, танцующие искры на фоне бесконечных бесчисленных звезд. По мере того, как корабль мчался вперед, огненные искры, несущие смерть, двигались вместе с ним.

– Патрули убрались! Все чисто на два парсека! - доложили с радара, и Бехрент резко бросил в микрофон: "Полный ход!"

– Они струсили! - воскликнул Рольф. - Я знал, что у них кишка тонка сунуться в пекло!

– …Но тяжелые суда, линейные крейсеры и вспомогательные средства изменили свои курсы и приближаются к нам со ста четырнадцати направлений, - закончил доклад радарщик.

Наступила мертвая тишина. Бехрент повернулся к Бэннингу, на его лице агонизировала улыбка:

– Имперские силы получили приказ. И они получат НАС. Они не уступают нам ни в скорости, ни в радиусе действия орудий.

Глава 9

В пустоте, в бездне, для которой миллионы миллионов звезд значат не больше, чем серебристая рябь на поверхности для глубокого черного озера, мчались с невероятной скоростью бесконечно крохотные металлические зерна, отмечая свой путь периодическими всплесками энергии, выбрасываемой для преодоления искривлений континуума. Вскоре многие из этих металлических зерен настигнут одно, убегающее от них, и тогда - смерть сделает прыжок, и межзвездный мрак на миг озарится яркой вспышкой. Если только…

Бэннинг сказал:

– Терения - единственный козырь, который есть у нас.

Рольф кивнул. - Если мы сможем убедить их, что она у нас. Сохмсей, приведи ее и Джоммо.

– Нет, подожди, - остановил Бэннинг Арраки. - Тебе и Кишу лучше держаться в стороне - она приходит в ужас от вашего вида и это может осложнить дело. Я приведу ее сам.

Он прошел к корме, в коридор, где перед закрытой дверью стояла охрана и жестом приказал открыть. Потом, памятуя жгучую ненависть, горевшую в глазах и Джоммо и Терении, Бэннинг вытащил из-за пояса тяжелый пистолет.

Вышла Терения, и сразу следом за ней - Джоммо. Терения выглядела усталой, вокруг рта легли горькие складки, но ни грана гордости не оставило ее. Взглянул на оружие Бэннинга, она улыбнулась, вложив в улыбку максимум презрения.

– О да, - сказал Бэннинг, - я осторожен. Я очень осторожен. А теперь идите впереди меня.

– Куда?

– Узнаете. Пока просто вперед.

С монархами таким тоном не разговаривают, и Бэннинг почувствовал легкое удовлетворение, увидев изумленный гнев на ее лице.

Пока они шли к рубке, Бэннинг восхищался, глядя на грациозную походку Терении, на ее стройное тело.

Джоммо первым шагнул в дверь командной рубки, Терения последовала за ним, но споткнулась о порог и опрокинулась назад, прямо на Бэннинга. То, что это не случайность, Бэннинг понял на долю секунды позже, чем следовало бы, уже когда Терения схватила его за предплечья и закричала:

– Пистолет, Джоммо! Хватай пистолет!

Все случилось так быстро, что люди в рубке не сразу поняли, что происходит - а Арраки, следуя приказу Бэннинга, оставили

рубку. Но Джоммо среагировал мгновенно и круто повернулся. Лицо его исказилось от внезапно появившейся надежды.

Бэннинг рывком поднялся на ноги. Резко вздернув как можно выше руки, он поднял легкую Терению, качнул ее в воздухе и швырнул прямо на Джоммо.

Он надеялся, что Джоммо не даст Терении упасть, даже рискуя упустить момент, и оказался прав. Джоммо поймал ее и они оба снова очутились под прицелом пистолета Бэннинга.

– Хорошо придумано, - сказал он. - Я восхищен твоей храбростью. Но я бы на вашем месте больше не пытался сделать что-нибудь в этом роде.

Они смотрели на Бэннинга ненавидящими взглядами, как два василиска и он не мог осуждать их за это. Хотел бы он мочь! Тогда все было бы намного проще.

Сейчас к месту схватки начали сбегаться и сюда быстро шел Рольф, с лицом, черным от гнева.

– Так значит, ты не хотел пугать ее видом Сохмсея? - саркастически спросил он у Бэннинга.

Бэннинг покачал головой.

– Похоже, без них не обойтись.

Он позвал Арраки и сказал Терении:

– Они не причинят тебе вреда, если только ты сама не вынудишь их.

Бехрент, все время находившийся у главного экрана, теперь подошел к ним. Его лицо оставалось спокойным, но заговорил он довольно хриплым голосом:

– Вам следует поторопиться. Мы почти в пределах достигаемости огня батарей полной эскадры линейных крейсеров. Из радиорубки докладывают, что они требуют остановиться.

Бэннинг увидел, как глаза Терении сверкнули и решил быть твердым.

– Так вот, Терения, - сказал он. - Сейчас ты пройдешь в радиорубку и прикажешь этим крейсерам уйти.

– Нет!

Бэннинг посмотрел на Джоммо. - Тебе лучше уговорить ее, и быстро. От этого зависит ее жизнь.

– Ты не сможешь убить ее, - ответил Джоммо.

– Не смогу? Возможно, ты и прав. Ну, а что ты думаешь о других?

– Обо мне, например? - сквозь зубы спросил Рольф.

Джоммо заколебался и Терения воскликнула:

– Ты не сделаешь этого, Джоммо!

На лице Джоммо застыло выражение молчаливого упорства. Задние видеоэкраны внезапно осветились ослепительным

взрывом пламени, бушующее сияние которого заставило потускнеть звезды. Казалось, будто в небесах позади их корабля выросла и разрушилась огненная стена.

– Они начала пристрелку, - сказал Бехрент. - Мы можем попытаться драться - но при таком их преимуществе долго не выдержим.

– Терения остановит их, - сдержанно произнес Бэннинг. - Я пойду в радиорубку подготовить все для передачи. Ждите. - Он быстро прошел в радиорубку. Через несколько секунд Бэннинг вернулся и взял Терению за руку. - Сейчас, Терения, ты пойдешь и прикажешь этим кораблям прекратить огонь, иначе погибнешь вместе с нами.

Терения рассмеялась. Она выглядела почти счастливой.

– Ты не погибнешь - не таким способом, - сказал она. - Тебе придется сдаться.

– Джоммо, уговори ее - и постарайся поскорее, - сказал Бэннинг.

Снова видеоэкраны озарились этим ужасным пламенем, на этот раз ближе, так близко, что огненная стена закрыла все небо.

– Терения… - начал Джоммо.

– Разве ты не видишь, - воскликнула она, - что они уже побеждены и не могут заставить меня повиноваться!

Бехрент отходил к экранам, но сейчас снова вернулся. Он недоуменно произнес:

– Только что эскадра уменьшила скорость! Она по-прежнему следует за нами, но на большем расстоянии и батареи прекратили огонь.

– Этого не может быть! - закричала Терения. - Ты лжешь!

Бэннинг довольно улыбнулся.

– Они были достаточно близко и это сработало. Они больше не будут стрелять, раз теперь они знают, что их императрица у нас на борту.

– Но узнали они об этом только сейчас, не так ли? - спросил Рольф.

Бэннинг кивнул. - Я приказал, в радиорубке, чтобы они подключили внутреннюю связь к передающей станции. На каждом корабле должны были слышать голоса Терении и Джоммо.

Джоммо вскрикнул голосом, хриплым от ярости. Во взгляде Терении смешались удивление и ненависть, но она ничего не сказала.

Бэннинг поднял пистолет. - Теперь мы пойдем обратно. И не пытайтесь придумать уловку похитрее прежней.

– Я пойду с тобой, - проворчал Рольф.

Женщина молчала всю дорогу, не сказала она ни слова и когда ее запирали в каюте, принадлежавшей раньше Ландольфу. Но Джоммо, которого поместили в соседнюю каюту, заговорил прежде, чем Бэннинг и Рольф вышли.

– Мы можем заключить сделку, - сказал он, обращаясь к Бэннингу. - Освободи Терению, отправь ее в спасательной шлюпке - и я верну тебе память.

Бэннинг расхохотался. Он подумал, что теперь понял этого человека.

– Нет, Джоммо.

– Рольф может подтвердить, что я никогда не нарушал слова, - голос Джоммо звучал ровно.

– Я не сомневаюсь в этом. Но также я не сомневаюсь и в том, что на этот раз ты слова не сдержишь - ради того, чтобы мы не добрались до Молота. Что скажешь на это?

Джоммо промолчал, но брошенный им взгляд сам по себе был достаточным ответом.

– Пока еще у тебя есть время, - сказал Рольф. - но скоро ты сделаешь то, что мы хотим. И с радостью.

– Я?

– Да, ты. Потому что мы идем в определенное место. Скопление Лебедя.

Мы идем к нему - и в него.

Насколько мало сказанное Рольфом значило для Бэннинга, настолько много - и это было совершенно очевидно - оно значило для Джоммо. Его волевое лицо внезапно побледнело.

– Так значит, Молот там?

– Да, там. На одной из планет самого опасного скопления в галактике.

На какой именно - я не знаю, и тем более я не знаю, как безопасно до нее добраться. Я погублю корабль, если попытаюсь войти в скопление. Но кое-кто знает все.

Джоммо перевел взгляд на Бэннинга.

– Все знает Валькар. Так?

Рольф кивнул. - Да, Валькар знает. Конечно, сейчас он лишен памяти и, безусловно, погубит нас там - но когда он вспомнит, то мы все будет в достаточной безопасности. Ты. Я. Терения.

Секунду Джоммо молчал, а потом прошептал: "Проклятье!", прошептал так горько, что это потрясло Бэннинг. Они с Рольфом вышли и заперли дверь.

– Пусть попотеет, - сказал Рольф и внимательно посмотрел на Бэннинга.

– Я думаю, Кайл, что сейчас для тебя самое лучшее - пойти в свою каюту и выспаться. Ты, похоже, нуждаешься в отдыхе.

– Спать? - воскликнул Бэннинг. - Ты полагаешь, что я смогу заснуть, зная о преследующих нас крейсерах, о Скоплении впереди, о…

– Пока ничего не произойдет, - грубо прервал его Рольф. - Эти корабли для проверки свяжутся с Ригелем, убедятся, что Терения и в самом деле у нас, и будут только сопровождать "Солнечное пламя". А до Скопления Лебедя все еще долгий путь. - Он помолчал и значительно добавил:

– И впереди тебя ждет нелегкое испытание.

Снова ледяное дыхание смерти коснулось Бэннинга. В глубине души он сознавал, что не хочет согласия Джоммо, не хочет, чтобы он вмешивался в мозг Нейла Бэннинга.

– Входи. - Рольф отворил перед Бэннингом дверь каюты. - Я приготовлю выпить - вино поможет тебе расслабиться.

Бэннинг взял протянутый Рольфом бокал и выпил, думая о другом - о Терении, о себе и о грозном Скоплении Лебедя. Откинувшись на подушки постели он еще немного поговорил с Рольфом и незаметно заснул.

И увидел сон.

Во сне он был двумя разными людьми. Он был собой и он же был Валькаром, чья неясная зловещая фигура с жестокими глазами, одетая в диковинные одежды, росла все больше и больше, а сам Нейл Бэннинг одновременно сокращался в гномика, в тварь не больше мыши. И тот - Валькар - гнал прочь Бэннинга, неслышно кричавшего в окутывающий его огромной тьме.

Сон пугал, и Бэннинг обрадовался, когда проснулся.

Рядом с постелью его пробуждения ожидал Сохмсей, терпеливый, как статуя. На вопрос Бэннинга он ответил:

– Ты спал долго, господин, очень долго. Рольф сделал так с помощью порошка, который он положил в твое питье.

– Выходит, он дал мне наркотик? - сердито сказал Бэннинг. - Он не имел права…

– Так было правильно, господин. Тебе необходимо было отдохнуть, потому что теперь отдыха не будет, пока все не будет закончено.

Что-то в тоне Арраки заставило Бэннинга вздрогнуть.

– Сохмсей, - спросил он, - ты обладаешь способностями, в которых отказано людям. Нет ли среди них способности предсказывать будущее?

Сохмсей покачал головой.

– Господин, не больше тебя или Рольфа могу я видеть сквозь стену времени. Но иногда, через трещины в стене… - Он прервал себя. - Мы как и люди, видим сны. Возможно, и это не более чем

сон.

– Нет, расскажи мне! Расскажи, что ты видел через трещины!

– Господин, я видел небо в огне.

Бэннинг поднялся с постели.

– Что это должно значить?

– Я не знаю. Но, несомненно, мы все это узнаем. - Сохмсей подошел к двери и отворил ее. - А сейчас иди, господин. - Валькара ждут в командной рубке.

Бэннинг отправился туда далеко не в радужном расположении духа. В рубке у переднего видеоэкрана стояли Рольф и Бехрент, выглядевшие так, словно они, мучимые бессонницей, безуспешно пытались заснуть, не прибегая к снотворному. Они кивками головы поприветствовали Бэннинга, а когда он присоединился к ним, Рольф, положив одну руку ему на плечо, указал другой на экран.

И там Бэннинг увидел ясно очерченное и уже сейчас огромное, но тем не менее все еще увеличивающееся по мере того, как он наблюдал, сверкающее звездное облако, ошеломляющее невообразимое великолепие солнц - алых, золотых, изумрудно-зеленых, жемчужно-белых, голубых - раскинувшиеся в бесконечности как мантия самого Бога. В некоторых местах звезды были так близко друг от друга, что образовывали мягко светившиеся пятна, и каждое такое пятно окружало черное облако, поглощавшее свет - казалось, что мрак пытается пожрать звезды.

– На Земле, - тихо сказал Рольф, - это скопление, надо полагать, называют "Америка" - из-за его формы. И как странно звучит сейчас это название!

– Хотел бы я снова оказаться там, - совершенно искренне ответил Бэннинг.

Бехрент, не отрываясь, смотрел на сияющее облако. Для него оно не было ни удивительным, ни прекрасным - для него оно было вызовом, на который - и он знал это - он не может ответить.

– Буря звезд, - сказал он. - Ревущий вихрь несущихся звезд, пыли, обломков, которые сталкиваются и разрываются гравитационными потоками.

Самое бешеное скопление в галактике. - Он обернулся к ним. - И Молот - там?

– Да, - ответил Рольф. В его голосе сейчас звенел металл. - Молот - там.

Что до Бэннинга, то при виде этого ужасающего места он почувствовал благоговейный страх перед таинственным оружием древних Валькаров, которое было приготовлено и спрятано здесь. Чем он мог быть, этот странно названный Молот, о котором в

галактике боязливо шептались девяносто тысяч лет?

Мысли его вернулись к словам Сохмсея: "ГОСПОДИН, Я ВИДЕЛ НЕБО В ОГНЕ", и такие кошмарные видения предстали перед ним, что Бэннингу едва удалось избавиться от наваждения.

– Молот там, - свирепо повторил Рольф, - и мы идем туда. Валькар проведет нас.

Бэннинг, чувствующий себя слабым и разбитым, повернулся к нему:

– Пожалуй, нам следует еще раз поговорить с Джоммо.

Но даже шагая по коридорам позади Рольфа, он знал, что все бесполезно. ЕМУ - Нейлу Бэннингу ли, Валькару ли, или обоим им вместе - провести крейсер через звездные джунгли? Невозможно!

Джоммо поднял взгляд, когда они вошли в каюту. Его ненависть и гнев не уменьшились ни на волос, и все же Бэннинг ощутил, что что-то в Джоммо изменилось. Железо начало гнуться.

Рольф подошел к стене и нажал кнопку. На открывшемся видеоэкране, хоть он и был направлен не прямо по курсу, все-таки хорошо виднелась картина звездного шторма впереди.

– Не будь со мной столь утонченным, Рольф, - с легким презрением сказал Джоммо. - Я уже видел.

– Во мне нет утонченности, - возразил Рольф. Никогда прежде его лицо не выглядело таким застывшим и мрачным. - Я просто иду вперед и делаю, что могу. Ты знаешь это. Ты знаешь - если я сказал, что мы собираемся идти в Скопление, мы пойдем туда. В своем уравнении ты можешь принять это за константу.

Джоммо внимательно посмотрел на Бэннинга.

– Если я сделаю то, что ты требуешь, сразу ли получим свободу мы с Терением?

– О нет, - насмешливо ответил Рольф, - не сразу… Проклятые крейсера все еще тащатся позади, и мы сразу окажемся в их власти. Нет - пока мы не выберемся обратно из Скопления.

– Он не хочет этого. Он боится, - внезапно сказал Джоммо, не отрывавший взгляда от Бэннинга.

Бэннинг знал, что это правда, и почувствовал ненависть к Джоммо.

– Я не боюсь, - солгал он. - И должен заметить, что, учитывая нашу скорость, у тебя мало времени.

Снова молчание. Наконец Джоммо решительно махнул рукой.

– Я не могу допустить гибель Терении и все сделаю. - Обращаясь к Рольфу, он добавил:

– Но не принимай близко к сердцу, если выйдет не так, как ты рассчитываешь.

Лицо Рольфа помрачнело еще больше, хоть это и казалось

невозможным.

– Слушай, Джоммо! Всем известно, что ты можешь играть с разумом человека как ребенок с игрушкой. Но сейчас не умничай! Если память не вернутся к Валькару полностью, если его разум не будет здоровым и мощным, без изъянов и слабостей - и Терения, и ты долго не проживете!

– Обещаю, - сказал Джоммо, - что все будет по твоим словам. И все же - я знаю о разуме больше, чем ты. И думаю, что ты не ведаешь, что творишь.

Он встал и внезапно превратился в ученого - спокойного, педантичного, уверенного. Он сказал, какое оборудование необходимо, и какая энергия понадобится. Выслушав его, Рольф кивнул и вышел. Бэннинг остался, его сердце бешено колотилось. Ему не нравилась скрытая угроза, прозвучавшая в словах Джоммо, и ему вообще все это не нравилось.

Машина, принесенная Рольфом, выглядела совсем просто. Тысячи человеческих жизней и мыслей, тысячи лет развития психологии и работы в далеких звездных мирах воплотились в эту вещь, но Бэннинг в своем невежестве видел только кубический ящик с ручками и странными круглыми шкалами на лицевой стороне, и предмет, похожий на массивный раздутый металлический шлем. Джоммо подвесил шлем к потолку и указал Бэннингу на кресло. Бэннинг молча уселся, и Джоммо опустил огромный шлем ему на голову.

Бэннингу вдруг в голову пришла мысль, что, должно быть, сейчас он здорово смахивает на женщину, сушащую волосы под громадным колпаком фена в земном салоне красоты, и он едва не закатился истерическим смехом. И тут на него обрушилось ЭТО.

ЧТО ИМЕННО на него обрушилось, он не знал - возможно, электромагнитные волны вида, неизвестного науке Земли, успел подумать Бэннинг. Чем бы оно ни было, оно вторгнулось в его мозг с неслышным грохотом, заставило сознание мчаться по сумасшедшей кривой не-евклидовой геометрии и кружиться волчком над невероятной бездной. Боли не было. Было хуже, чем боль - безумие скорости, света, полета, мрака, свистящий водоворот, который вращался в его черепе, но был достаточно велик, чтобы засосать в себя всю вселенную. По кругу, по кругу, все быстрее и быстрее, скользя и проваливаясь, беспомощно погружаясь в мучение освобождения памяти по мере того, как барьеры сгорали один за другим и нейроны отдавали запертые в них знания.

Руки Сохмсея, обнимающие его, лицо Сохмсея - очень большое - над ним, и он сам - очень маленький и плачущий, потому что порезал колено.

Женщина. Терения? Нет, нет, не Терения, волосы женщины золотые, а лицо ласковое. Мама. Давно…

Сломанное запястье - но сломано оно не при падении с яблони в Гринвилле, что было одним из фальшивых воспоминаний, рушившихся и исчезавших под напором настоящих. Запястье сломано во время неудачной посадки на одну из планет Алголя.

Руины. Багровый Антарес в небе, он сам полуобнаженный подросток, бегающий наперегонки с Арраки среди поверженных статуй Катууна, играющий со звездами, выпавшими из их рук.

Ночи и дни, холод и жара, еда, сон, болезни и выздоровления, похвалы, наказания, учеба. ТЫ ВАЛЬКАР - ЗАПОМНИ ЭТО! И ТЫ БУДЕШЬ ПРАВИТЬ СНОВА.

Воспоминания за двадцать лет. Двадцать миллионов деталей, слов, взглядов, поступков, мыслей.

Терения. Девочка Терения, моложе его - прекрасная, остроязыкая, ненавистная. Терения в дворцовом саду - но это не Зимний Дворец, а громадное суровое здание в столице - обрывающая лепестки пурпурного цветка и насмехающаяся над ним, потому что он - Валькар, и никогда не сядет на трон.

Прекрасная Терения. Терения в его объятьях, смеющаяся, пока он губами щекотал ее губы, и переставшая смеяться, когда он поцеловал ее. Терения, не подозревавшая, как он ее ненавидел, как глубоко ее детские насмешки ранили его чувствительную гордость, не подозревавшая, как неистово он хотел сокрушить ее.

Терения, верившая в то, что он говорил и делал, верившая в его любовь - это было легко, потому что кто мог не любить Терению, не быть ее добровольным рабом? - допустившая его в закрытые подвалы, где хранились древние архивы, и в них - потерянный, забытый, спрятанный ключ к тайнам Валькаров.

Воспоминания: о звуках и цветках, о прикосновениях к шелку и к женскому телу, к коже и металлу, к неразрушимому пластику страниц древних, древних книг.

Развалины тронного зала, открытые небу. Задумчивое озеро, звезды, ночь, и Отец. Скорее полубог, чем человек, далекий и могущественный, бородатый, с глазами сокола. В ту ночь Отец рядом с ним, указывающий на звезды.

– Сын мой, Молот Валькаров…

ВОСПОМИНАНИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ - РЕВУЩИЕ, ГРОХОЧУЩИЕ - СЛОВА И ЗНАНИЯ!

Слова и поступки, факты - все аккуратно упаковано, а потом - пустота, провал. Словно завеса опустилась в лаборатории Джоммо. Одна жизнь кончилась и началась другая. Валькар умер, родился Нейл Бэннинг.

Теперь, через десять долгих лет Валькар вновь родился. Но не исчезли ни Нейл Бэннинг, ни те десять лет, когда он один был реален. Эти десять лет теперь принадлежали им обоим.

Валькар и Бэннинг закричали вместе, как один человек:

– Я вспомнил! Я вспомнил - о Боже, я знаю, что такое Молот!

Глава 10

Он очнулся.

Теперь он знал, кто же он. Он - Кайл Валькар. НО ОН ТАКЖЕ ПО-ПРЕЖНЕМУ И НЕЙЛ БЭННИНГ! Воспоминания Бэннинга, настоящие воспоминания последних десяти лет по-прежнему оставались у него, гораздо более сильные и живые, чем воспоминания Валькара о двадцати предшествующих годах.

Невозможно в один миг отбросить свое "я" последних десяти лет. Он продолжал ДУМАТЬ о себе, как о Нейле Бэннинге.

– Кайл! - Голос Рольфа, хриплый от волнения. - Кайл?

Бэннинг открыл глаза. Шлема на голове уже не было и он увидел склонившееся над ним встревоженное лицо Рольфа. Чуть поодаль стоял пристально глядевший на него Джоммо. На его лице невозможно было прочитать что-либо.

– Кайл, ты вспомнил - о Молоте?! - Рольф кричал. - Где он - как добраться - ЧТО это?

Бэннинг почувствовал, как его охватывает ужас. Да, он вспомнил, вспомнил слишком хорошо! Он вспомнил своего отца, Валькара давних лет, обучающего его по звездной карте, висящей на стене разрушенного дворца.

"…желтое солнце по-соседству с тройной звездой, что сразу за дальней границей Мрака - только приближайся с зенита, иначе пыль изрешетит твой корабль…"

Да, он вспомнил это. И не только это. Он вспомнил то, о чем предпочел бы забыть - тайну Молота, о которой во всей галактике знал только он.

Часть его, оставшаяся Нейлом Бэннингом, в ужасе отшатнулась от того, что помнил Кайл Валькар. Нет, человек не мог задумать и создать такое, предназначенное для разрушения основ галактики, для разрушения…

Не следует думать об этом, ему НЕЛЬЗЯ думать сейчас об этом, иначе его и так перегруженный мозг не выдержит. Да это и не могло быть правдой!

Даже Валькары древности, шагавшие по галактике, как полубоги, не могли отважиться на попытку овладеть такой мощью!

Рольф встряхнул его за плечи.

– Кайл, вернись! Мы подходим к Скоплению, остались минуты и все зависит от тебя - ТЫ ВСПОМНИЛ?

Бэннинг заставил себя говорить, с трудом шевеля неповинующимися губами:

– Да… Я вспомнил… Достаточно, чтобы провести корабль

через Скопление… я так думаю…

Рольф поднял его на ноги.

– Тогда идем! Ты необходим в рубке!

Бэннинг, все еще не полностью оправившийся, ковылял за Рольфом, но когда они вошли в рубку, вид на переднем экране потряс его. Он понял всю опасность их положения и необходимость немедленных действий.

Пока его разум был затерян во тьме водоворота времени, "Солнечное пламя" мчалось на предельной скорости к Скоплению Лебедя, и теперь они уже вошли в его дальние окраины. Миллионы солнц поглотили корабль и он затерялся среди них, как пылинка теряется в огромном пчелином рое.

К счастью, Мрак был в этом квадранте. Мрак, за которым - тройная звезда, а рядом с ней - желтое солнце, а на одной из планет желтого солнца - Вещь, настолько ужасная, что…

Нет. Сейчас для этого нет времени, нет времени дрожать в тисках страха. Позже, если ты останешься жив. Позже ты сможешь взглянуть в лицо немыслимому.

НО СМОЖЕШЬ ЛИ? И ЧТО ТЫ БУДЕШЬ ДЕЛАТЬ, КОГДА НЕЛЬЗЯ СТАНЕТ И ДАЛЬШЕ УКЛОНЯТЬСЯ И ОТКЛАДЫВАТЬ, КОГДА ТЕБЕ ПРИДЕТСЯ ВЗЯТЬ В РУКУ МОЛОТ И…

Бехрент смотрел на него. На него смотрел и Рольф, и техники, и их лица странно блестели в сиянии Скопления.

– Корабль ваш, - тихо сказал Бехрент.

Бэннинг кивнул. На миг его часть, бывшая Нейлом Бэннингом, отпрянула в ужасе и неведении, но Валькар - вновь разбуженная часть - сначала бросил взгляд на окружавшее корабль множество звезд, а потом на экран в рубке, на который выводились данные о полете. Мужчина, сидевший за пультом, смотрел на Бэннинга, по его лбу текли крупные капли ледяного пота.

– Встань, - приказал ему Бэннинг, и занял место мужчины.

Под его руками теперь были клавиши пульта. И память вернула его в прошлое, оживила умершие навыки и позабытые знания, и ожили пальцы и ощутили каждую клавишу, пульс и дрожь корабля.

Он знал, что делать. Он снова был Валькаром. Он снова был молод и швырял бешено мчавшийся корабль между дикими солнцами Геркулеса, несся через туманность Ориона, обучался мгновенно и хладнокровно вычислять и принимать единственно верное решение - обучался всему, что когда-нибудь поможет ему пройти через Скопление Лебедя к…

Нет! Не думай об этом. Управляй кораблем. Веди его вперед. Теперь на тебе долг, и тебе нельзя умереть. Твоя смерть

обеспечит настоящее, но не будущее. Это создали Валькары, и теперь на тебе долг.

И, кроме того, здесь Терения. Ты ведешь корабль, на котором находится и она, и отвечаешь так же и за ее жизнь.

Управляй кораблем! Веди его вперед!

"Солнечное пламя" летело вперед, крошечная пылинка устремилась в горнило Скопления. Там, снаружи, за звездами, окаймляющими Скопление, корабли имперских сил замедлили ход и недвижимо повисли в пустоте. В сотне командных рубок сотня капитанов бессильно смотрели, как маленькая блестка уходит с экранов их радаров, теряясь в звездном урагане.

Внутри "Солнечного пламени" царило молчание. Тысяча мужчин и одна женщина затаились внутри металлической скорлупки, и ждали - жизнь ли им уготована, или аннигиляция и смерть.

Под руками Бэннинга - под руками Валькара - напряжение силового поля, несшего крейсер, то возрастало, то уменьшалось, непрерывно компенсируя ужасное тяготение звезд - чудовищ, горящих зеленым, красным, золотым пламенем - мчавшихся в диком танце за иллюминаторами. Тишину нарушала лишь пульсация генераторов и биение человеческих сердец, а тем временем корабль плыл в гравитационных потоках, как плывет листок в стремнине между огромными зловещими скалами, грозящими размолоть его в пыль.

Понемногу толчея звезд уходила в сторону и перед ними открылся Мрак - черное облако, глубоко врезавшееся в тело Скопления.

Валькар вспоминал. Трехмерные координаты, с поправкой в четвертом измерении на миновавшие девяносто тысячелетий. Повороты, спирали, возвращения назад - сложная ткань окольного пути в Скоплении, каждый компонент которого неизгладимо отпечатался в его мозгу.

Он слышал, как Рольф сказал:

– Неудивительно, что до сих пор никто не проник сюда! Даже просто войти в Скопление - самоубийство, а дальше такой танец…

Корабль вышел к дальней границе Мрака, и появился новый ряд звезд. И среди них - тройная звезда, красный гигант с двумя спутниками, изумрудно-зеленым и сапфирово-синим. А там, за тройной звездой - желтое солнце.

– "…только приближайся с зенита, иначе пыль изрешетит твой корабль…"

Звезда типа G при нормальных условиях должна иметь по крайней мере одну планету земного типа. И такая планета

вращалась вокруг желтого солнца. Бэннинг направил к ней корабль, думая о жестокой иронии совпадения - эта звезда, затерянная в глубинах дикого скопления, так сильно напоминала Солнце, а зеленая планета, плывущая вокруг своего светила, была так похожа на Землю…

Корабль погружался в атмосферу, как камень в воду, и под ним проплывало западное полушарие планеты, ощетинившееся горными пиками.

Горной гряды прежде не было, но сразу за ней половину полушария занимало плато очень древней формации, настолько стабильное, насколько вообще что-либо может быть стабильным в этой изменчивой вселенной. Плато было ровным и пустынным, а в центре его стояло сооружение.

Бэннинг посадил "Солнечное пламя" рядом с сооружением. Он чувствовал себя старым, как время, и таким же усталым. Искра всеобщего возбуждения пробежала по кораблю, раздались слегка истеричные голоса людей, радующихся избавлению от гибели. Бехрент, Рольф, техники, другие люди столпились вокруг Бэннинга. Он поднялся, встряхнул головой и отстранил собравшихся.

Рольф начал было выкрикивать какие-то слова триумфа, но Бэннинг посмотрел на него и Рольф умолк.

– Возьми Джоммо и Терению, - сказал ему Бэннинг. - Они имеют право увидеть конец. Они проделали долгий путь, чтобы увидеть это.

Бэннинг повернулся и пошел один вниз по коридору к воздушному шлюзу - один, не считая своей двойной тени - обоих Арраки. Он приказал открыть люк и шагнул наружу в свежий аромат девственного воздуха мира, которым никогда не пользовался человек.

За исключением одного раза.

Бэннинг пошел по бесплодной равнине. Солнце висело высоко в чистом голубом небе, на котором кое-где виднелись пятнышки небольших облаков - ИМЕННО ТАКОЕ НЕБО подумал он, БЫЛО В ТОТ ДЕНЬ НА ЗЕМЛЕ НАД ГРИНВИЛЛЕМ. Он содрогнулся, воздух вдруг показался холодным. А перед ним, под плывущими облаками, возвышалось мрачное и могучее сооружение, тысячелетия назад созданное человеком.

– Конечно, человеком, - негромко сказал Сохмсей, эхом отзываясь на мысли Бэннинга. - Какое еще существо способно додуматься до такого?

Бэннинг повернулся к нему.

– Теперь я знаю, что значит увиденное тобой небо в огне. - Лицо Бэннинга было совершенно белым, и на его плечах лежала

тяжесть миров - миров, звезд, жизней людей, полулюдей - всех живых существ в галактике.

Сохмсей склонил голову. - Ты знаешь, что делаешь.

Из корабля в сопровождении Джоммо и Терении вышел Рольф. Они направились к Бэннингу. Свежий ветер развевал их волосы и трепал одежды.

Лицо Бэннинга исказилось, словно в агонии. Он снова двинулся к Молоту.

Тот вздымался ввысь, стоя высоко на платформе величиной с Манхэттен - по крайней мере такой она показалась ошеломленному Бэннингу. Чем-то Молот походил на орудие, чем-то на… Нет, он ни на что не походил. Только на себя. Он был первым и единственным Молотом, началом, экспериментом, вынесенном в затерянное секретное место, где было достаточно материала для создания Молота, и откуда он мог достичь…

Бэннинг поднялся на платформу по лестнице, изготовленной каким-то колдуном из сплава металла с керамикой и способной просуществовать дольше, чем плато, на котором она стояла.

Платформа тоже была сделана из материала, на который не повлияли ни выветривание, ни коррозия. Внутрь Молота вела дверь из металлокерамического сплава, и за ней были пульты управления и могучие механизмы, черпавшие энергию из магнитного поля самой планеты.

Повернувшись к Сохмсею, Бэннинг резко приказал:

– Не впускай их сюда!

Арраки посмотрел на него. Что - любовь и вера, или отвращение и ужас светились в его странных глазах? У самого Бэннинга в мыслях не было определенности. Горло его болезненно сжималось, руки тряслись, как у старого паралитика.

Сейчас, теперь! Быть Старой Империи и трону Валькаров под сенью знамен с изображением пылающего солнца? Или отдать на милость Джоммо и Терении не только себя, но и Рольфа, и Бехрента, и всех остальных?

Бэннинг положил руку на грудь и нащупал на тунике сверкавший драгоценными камнями символ - пылающее солнце. И внезапно рванулся в тишину комнаты прямо к рычагам вечных машин, удерживающих в своих недрах мощь Молота.

Он помнил все знания, тысячелетия передававшиеся от отца к сыну, и все записи древних книг из архивов. Они горели в его мозгу, глубоко вытравленные жгучей кислотой честолюбия и алчности. Он помнил все и руки его работали быстро.

Вскоре он вышел из комнаты и спустился по лестнице вниз, где его ждали Джоммо, Терения, Рольф и оба Арраки - пятеро свидетелей конца мира.

Рольф начал задавать вопросы, но Бэннинг сказал: "Подожди". Он смотрел вверх.

С колоссального указательного пальца Молота сорвалась длинная молния угрюмого темно-красного цвета. Гигантская молния метнулась к ярко сиявшему в небесах желтому солнцу - и исчезла.

И больше - ничего.

Бэннинг почувствовал, что ноги его становятся ватными. Он понял ужас свершения великого святотатства. Он сделал то, чего никогда не делал ни один человек - и ужаснулся.

К нему повернулся Рольф, его лицо выражало дикое нетерпение. Терения и Джоммо выглядели расстроенными и недоумевающими.

– Что - он не работает?! - спросил Рольф. - Молот - он…

Бэннинг заставил себя говорить. Он не смотрел на Рольфа, он смотрел на растущее солнечное пятно, появившееся на желтом диске и особенно подчеркнувшее яркость солнечного пламени. В нем рос ужас от своего поступка.

– Он работает, Рольф. О Боже, он работает…

– Но как?! Что…

– Молот, - хрипло сказал Бэннинг. - ЭТОТ МОЛОТ РАЗБИВАЕТ ЗВЕЗДЫ.

Они не смогли сразу вместить знание в свой мозг - так дико и страшно оно было. Да и как могли это сделать они, если его собственный разум отшатывался от него все эти жуткие часы?

Он должен заставить их поверить. Жизнь или смерть - зависит теперь от этого.

– Звезды, - трудно начал он, - практически любая звезда потенциально нестабильна. Ее ядро служит топкой, где в ядерных реакциях горит главным образом водород. Ядро окружает массивная оболочка из гораздо более холодной материи, с высоким содержанием водорода. Рвущаяся наружу энергия центральной топки удерживает холодную оболочку от коллапса.

Они слушали, но их лица ничего не выражали, они не понимали, а он ДОЛЖЕН заставить их понять - или погибнуть.

Бэннинг закричал:

– Молот выбрасывает открывающий луч - почти ничто в сравнении с массой звезды, но этого укола достаточно, чтобы открыть путь энергии ядра на поверхность. А без давления, создаваемого этой энергией, и удерживающего оболочку…

Выражение понимания, смешанного с благоговейным ужасом, появилось на лице Джоммо.

– Оболочка обрушится внутрь, - прошептал он.

– Да. Да - и ты знаешь, что будет потом.

Губы Джоммо двигались с видимым усилием.

– Холодная оболочка, обрушивающаяся в сверхгорячее ядро - причина появления Новой…

– НОВОЙ?! - Рольф наконец понял, и по его глазам было видно, как это ошеломило его. - Так Молот может сделать любую звезду НОВОЙ?!

– Да.

Несколько секунд ужасающая дерзость такой мысли не позволяла Рольфу думать о чем-либо еще.

– Господи, Молот Валькаров - он может уничтожить звезду и все ее планеты…

Но Джоммо уже оправился от первой реакции и вернулся к реальности.

Он смотрел на Бэннинга. - Ты использовал его для ЭТОЙ звезды? И ЭТА звезда станет Новой?

– Да. Коллапс, должно быть, уже начался. У нас в запасе несколько часов - не больше. К тому времени нам надо быть как можно дальше от этой системы.

Теперь Рольф понял все. Он смотрел на Бэннинга так, словно увидел его впервые.

– Кайл… Молот - мы не сможем взять его, он слишком огромен…

Значит он погибнет, когда погибнет планета?

– Да, Рольф.

– Ты… уничтожил Молот?

– Да. Когда этот мир погибнет - через несколько часов - вместе с ним погибнет и Молот.

Бэннинг ожидал от Рольфа крика, отчаянных упреков, удара - даже смерти. Ведь то, что он уничтожил, было жизнью Рольфа, жизнью, проведенной в служении Валькарам, жизнью, стержнем которой была надежда достигнуть Молота, который поможет вложить власть в руки древней династии. И все пошло прахом - все горькие годы адского труда, поисков и борьбы.

Широкие плечи Рольфа понуро опустились. На его массивном, сразу постаревшем лице появилось выражение печали. Голос звучал безжизненно и тускло, когда он произнес:

– Ты должен был сделать так, Кайл.

Сердце Бэннинга подпрыгнуло.

– Рольф, ты понял?

Рольф кивнул, медленно и тяжело.

– Древние Валькары зашли слишком далеко. Боже, неудивительно, что галактика восстала против Старой Империи! Убивать звезды - слишком ужасно, слишком НЕ ПРАВИЛЬНО… - После секундного молчания он с трудом добавил:

– Но это нелегко - отказаться от мечты…

Терения смотрела на них широко открытыми изумленными глазами, и сейчас краска волнения вспыхнула не ее подвижном лице. Она шагнула вперед и схватила руку Бэннинга.

– Кайл Валькар, - нерешительно сказал Джоммо, - не отказался бы от такой мечты. Но ты сейчас так же и другой человек - землянин. Вот единственное, на что я надеялся, восстанавливая твою память.

За это время, такое краткое, но показавшееся таким долгим, вокруг потемнело. Бэннинг посмотрел вверх.

Вид желтого солнца становился угрожающим. Оно потускнело, как будто на него набросили вуаль: так облачко служит предвестником бури. Лица людей посерели в меркнущем свете. Сохмсей и Киш, уродливые и спокойные, молча ждали. Очертания зловещей громады безжалостного Молота теряли свою четкость.

– У нас мало времени, - принудил себя говорить Бэннинг. - Его может оказаться меньше, чем я рассчитывал - нам лучше улететь поскорее.

Они поспешили к "Солнечному пламени". И вдруг страх охватил Бэннинга - страх, которого никогда не приходилось испытывать человеку. Звезда вот-вот взорвется и тогда планета, по которой они сейчас идут, сгорит в расширяющейся оболочке умирающего светила как бабочка сгорает в пламени камина. К кораблю они уже подбегали.

Бэннинг, едва сев за пульт, рванул крейсер вверх с сумасшедшей скоростью. Усилием воли он унял дрожание рук - теперь от них снова зависели жизни всех людей на корабле. Он вел корабль все дальше и дальше, а желтое солнце все сильнее туманилось, тускнело, и…

– НЕ СМОТРЕТЬ! - крикнул Джоммо. - Светофильтры на экраны!

Светофильтры - быстро!

Гигантская волна неистовой энергии хлестнула по силовому полю и корабль вышел из повиновения. Бэннинг, яростно нажимающий на клавиши, мельком увидел звезды, в безумном хороводе мчавшиеся через теперь затемненные экраны. И по мере того, как корабль вращался, в поле зрения попадала оставленная ими желтая звезда.

Она росла - космический огненный цветок, разворачивающий свои смертоносные лепестки с невообразимой скоростью. Она заставила поблекнуть сияние Скопления, а Мрак дико вспыхнул отраженным светом. Казалось, вся галактика, содрогаясь, отшатнулась от нестерпимого блеска взрывающейся звезды.

Звезды, которую убил он…

Корабль продолжал крутить, швырять, трясти, как лодку в бурю, и страшное зрелище исчезло из виду.

Тройка звезд - зеленая, красная, голубая - возникла в грозной близости и крейсер несло на них. Бэннинг ударил по клавишам и рванул корабль вверх, но крейсер сорвался обратно, и снова Бэннинг дрался за освобождение, и снова, и снова…

Ему казалось, что он обречен вечно сражаться с клавишами, с обезумевшими и бесполезными символами на экране, с мощью разрушенной звезды, которая как будто стремилась догнать и уничтожить человека, взорвавшего ее, как она уже уничтожила свои планеты и Молот.

Только медленно, медленно сознание Бэннинга начало воспринимать что-то помимо клавиш под его пальцами; медленно, медленно он понял, что сильнейшие волны энергии прошли, что "Солнечное пламя" практически обрело устойчивость и удаляется от внушающего трепет пожара, охватившего небо позади них.

Рольф заговорил с ним, но он не услышал ни слова. Рольф схватил его за плечи, закричал прямо в ухо, и по-прежнему Бэннинг его не слышал. С ним заговорила женщина, но и для нее он оставался слеп и глух.

Но наконец Бэннинг все же услыхал голос - голос из древних, древних времен, всего лишь шепот, но этот шепот проник сквозь броню, которую не смогли пробить крики других.

– Все свершилось, господин. И корабль в безопасности.

Бэннинг медленно повернулся и увидел мудрые и любящие глаза Сохмсея.

Он перевел взгляд на видеоэкран. Крейсер мчался через окраины Скопления и впереди открывались широкие просторы свободного космоса.

За его спиной встревоженно суетился Бехрент, готовый принять управление. Бэннинг понял - они боялись, что он слегка помешался.

Он поднялся и за пульт сел Бехрент. Бэннинг обвел взглядом белые лица вокруг него и посмотрел на задний видеоэкран. Там, позади, теперь далеко позади, он увидел за дальней границей Мрака великолепный погребальный костер.

– Кайл, - хрипло сказал Рольф. - Кайл, послушай…

Бэннинг не слушал. Он убил звезду, теперь на нем бремя космической вины и ему было невыносимо видеть их лица и слышать их слова. Он прошел мимо них, проковылял по коридору в каюту и закрыл иллюминатор, чтобы не видеть там, позади, дело своих рук.

Он сидел, ни о чем не думая и не пытаясь думать. Крейсер мчался вперед. Казалось, прошли долгие годы, прежде, чем открылась дверь и вошла Терения.

– Кайл. КАЙЛ!

Он поднял взгляд. Ее лицо было бледным и странным, вся ненависть, весь гнев куда-то исчезли. Он вспомнил, что должен поговорить с ней.

– Терения - Рольф, и Хорик, и все остальные…

– Да, Кайл?

– Они шли за мной. А я обманул их ожидания, уничтожил их единственную надежду.

– Они должны понять, что ты не мог поступить иначе! Ты сделал это для всей галактики!

– Знаю - но я был их вождем. Я хочу сделать тебе предложение. Ты и Джоммо перейдете на корабль вашего флота, который ждет нас там. Я пойду с вами. Но всем остальным - полное прощение.

– Пусть будет так, Кайл.

– Терения, скажи об этом Рольфу сама.

Она вышла из каюты. Когда она вернулась, с ней были Рольф, Джоммо и Сохмсей. Рольф быстро глянул на Бэннинга и вздохнул.

– Так значит, он пришел в себя. Ну, неудивительно, что…

Терения заговорила с ним, и брови Рольфа сердито сдвинулись.

– Пощада нам и смерть Валькару?! Нет!

– В своих мыслях она не желает смерти Валькару, - шепнул Сохмсей.

– Нет, - сказала Терения. - О, нет!

Бэннинг посмотрел на нее. Он в первый раз за это время разглядел ее лицо и увидел в нем то, что показалось ему невероятным.

– Могут ли минувшие годы, может ли человек из прошлого вернуться обратно, Терения?

В ее глазах появились слезы, но голос оставался твердым.

– Не человек из прошлого, не только Кайл Валькар. Его я не смогла бы полюбить снова, но…

Джоммо вздохнул.

– Ну что ж… - Он отвернулся с опечаленным лицом. Потом повернулся обратно и протянул руку. - Я ненавидел Валькара. Но я сделал его другим человеком и думаю, что с этим человеком я мог бы сотрудничать.

Рольф изумленно смотрел на них - на Бэннинга и Терению.

– Но я думал, что в лучшем случае вы отправите его обратно

на Землю!

– Оставим пока Землю, - сказала Терения. - Когда-нибудь и не так уж долго осталось ждать - Империя придет туда с дружбой. Но не сейчас. И не Валькар. Он человек звезд - как и все вы. Добро пожаловать, если пожелаете, к себе домой, в Империю. Не в Старую Империю, не в Новую Империю - но в просто Империю.

– Клянусь небесами! - воскликнул Рольф. - Так значит, Валькар все же может сесть на трон?

Старая имперская гордость вспыхнула в глазах Терении.

– Не на трон, нет! - Но на ее лице, обращенном к Бэннингу, было написано волнение.

Он взял Терению за руку. Они не были влюбленными; пока они были лишь незнакомцами, раз он теперь не тот человек, которого она когда-то любила.

Но, может быть, новый человек, Бэннинг-Валькар, сможет завоевать то, что завоевал и отбросил Валькар.

Какой далекой казалась теперь Земля и годы, проведенные там! Эти годы изменили его и, как он думал - не в худшую сторону. Но здесь, в сияющих межзвездных просторах, была его родина, его будущее, его дом.